Ант СКАЛАНДИС

БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

Думать — не развлечение, а обязанность...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самые знаменитые в литературе братья-соавторы — Аркадий и Борис Стругацкие — не просто фантасты, не просто писатели, даже не просто кумиры миллионов. Кем они были для нас и останутся навсегда? Частью жизни.

Стругацкие — это наше представление о будущем, о мире, о человеке, о том, что правильно и что неправильно, о смысле бытия и бессмысленности смерти. Они — наш камертон, наш путеводитель, наше оружие и наш факел в мрачном лабиринте истории — прошлой и будущей.

Стругацкие — это наши вывернутые наизнанку души. И наша совесть.

Старший, Аркадий Натанович, ушел от нас в 1991 году, младшему исполнилось ныне 75 лет, и он продолжает работать.

Первую большую и подробную биографическую книгу о братьях Стругацких написал известный фантаст и публицист Ант Скаландис.

- Ант СКАЛАНДИС
- Благодарности
- Предуведомление автора
- Пролог
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая

- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Заключение
- Фотографии
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -

- Хронология жизни и творчества Аркадия и Бориса Стругацких
- Краткая библиография
- Фильмография (практически полная)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Ант СКАЛАНДИС

БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Ант СКАЛАНДИС
БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ

В книге использованы фотоработы Михаила Лемхина

Оформление С. Е. Власова

Компьютерный дизайн Ю. А. Хаджи

Благодарности

Автор выражает благодарность всем, без чьей помощи эта книга просто не могла бы появиться.

В первую очередь, самому Борису Натановичу Стругацкому — за предоставленные уникальные материалы, за ответы, замечания, комментарии и за проявленное в общении с автором долготерпение.

Во-вторых, особую благодарность хочется высказать:

Марии Аркадьевне Стругацкой

Юрию Иосифовичу Чернякову

Мариану Николаевичу Ткачёву

его жене

Инне Ивановне Ткачёвой

Беле Григорьевне Клюевой

Андрею Николаевичу Спицыну

Владимиру Дмитриевичу Ольшанскому

А также:

Людмиле Владимировне Абрамовой, Станиславу Аркадьевичу Агрэ, Аркадию Михайловичу Арканову, Валерию Бакаевичу Ахадову, Виталию Бабенко, Ариадне Павловне Бажовой, Людмиле Дмитриевне Басовой, Сергею Беркову, Игорю Васильевичу Бестужеву-Ладе, Маю Михайловичу Богачихину, Владимиру Георгиевичу Брагину, Елене Гавриловне Вансловой, Борису Вишневскому, Евгению Львовичу Войскунскому, Егору Тимуровичу Гайдару, Алексею Георгиевичу Герману, Теодору Кирилловичу Гладкову, Александру Моисеевичу Городницкому, Георгию Михайловичу Гречко, Михаилу Абрамовичу Гуревичу, Евгению Александровичу Евтушенко, Владимиру Жовноруку, Владимиру Евгеньевичу Захарову, Андрею Измайлову, Михаилу Михайловичу Ильинскому, Римме Фёдоровне Казаковой, Михаилу Ковальчуку, Алану Кубатиеву, Михаилу Лемхину, Надежде Дмитриевне Липанс, Константину Лопушанскому, Владимиру Петровичу Лукину, Евгению Маевскому, Юрию Ивановичу Манину, Люси Мелконян, Варваре Мирер, Владимиру Дмитриевичу Михайлову, Оксане Викторовне Михайловой, Рафаилу Нудельману, Борису Александровичу Петрову, Геннадию Прашкевичу, Татьяне Юрьевне Притуле, Юрию Ревичу, Тамаре Прокофьевне Редько, Николаю Романецкому, Вячеславу Рыбакову, Георгию Михайловичу Садовникову, Мире Салганик, Виктору Соломоновичу Сановичу, Бенедикту Михайловичу Сарнову,

Людмиле Синицыной, Александру Николаевичу Сокурову, Юрию Зиновьевичу Соминскому, Кире Алексеевне Сошинской, Сергею Сухинову, Эдуарду Николаевичу Успенскому, Наталии Дмитриевне Фошко, Михаилу Рувимовичу Хейфецу, Евгению Цымбалу, Марианне Чугуновой, Инне Сергеевне Шершовой, Тамаре Ивановне Шилейко, Елене Шилейко, Виктору Ивановичу Юрлову.

Всей группе «Людены» и персонально Светлане Бондаренко и Алле Кузнецовой — за информационную поддержку и консультации.

И отдельная благодарность:

Владимиру Гопману — за неоценимую помощь в непосредственной работе над текстом;

и Дмитрию Быкову — за саму идею этой книги.

Предуведомление автора

Меня зовут Ант Скаландис. Мне сорок семь лет.

Когда-то давным-давно я прочитал повесть Стругацких, которая начиналась таким вот манером. Помнится, я и не думал тогда, что в будущем мне придётся писать о них книгу, и начинать её именно так. А как ещё? Впрочем, предлагаемый текст следовало бы начать с одного письма, которое я получил примерно год назад.

> Дорогой Ант,
>
> Я не хотел бы (совсем!) предавать какой-либо огласке ЛИЧНЫЕ материалы — АНа или БНа — безразлично. (Это, кстати, касается и людоенов также.) Вам придётся писать книжку как ТВОРЧЕСКУЮ биографию АБС, почти начисто лишённую лично-интимной окраски. Оправданием мне служит (обратите внимание!) то обстоятельство, что творчество АБС лишь в ничтожной степени зависело от лично-бытовых мотивов из жизни обоих авторов. Социально-политическая обстановка — вот фактор, определявший нашу творческую судьбу на 95 или даже 99 %. Настоятельно рекомендую Вам исходить именно из этой посылки, по возможности совсем не вдаваясь в наши личные обстоятельства. Не ошибётесь!
>
> *Удачи! Ваш БНС*
>
> *27 августа 2006 года, Санкт-Петербург*

А теперь представьте, что эта инструкция (не следовать которой нельзя — просто нельзя и всё! — по определению) выдана автору будущей БИОГРАФИЧЕСКОЙ книги, и мысленным подзаголовком её должно стать и станет: «Стругацкие в жизни». Представьте, что пишется книга об авторе по имени Братья Стругацкие, которого нет с нами уже без малого пятнадцать лет (на момент получения письма), хотя Борис Натанович, слава богу, жив и готов отвечать на вопросы, но не на все (смотри выше), а некоторые ответы он даёт задолго до того, как у меня возникнет вопрос. А вопросы возникают непрерывно и непроизвольно, потому что я веду очень серьёзное расследование, и число

фигурантов в деле множится день ото дня, и ведут себя эти персонажи более чем странно — все, абсолютно все, но особенно главный фигурант, и я довольно быстро понимаю, что имею дело с ТАЙНОЙ ЛИЧНОСТИ писателя по имени Братья Стругацкие. И фигуранты практически ничего не говорят о творчестве — они рассказывают мне исключительно подробности из жизни то одного, то другого из братьев, и как тут не сойти с ума, одни только боги знают, но боги не спешат отвечать, богам спешить некуда — у них впереди вечность… А я всё-таки просто человек, и у меня при такой работе год за два идёт (или за три — не знаю), а если учесть, что я и прежде частенько ухитрялся попадать в похожие переплёты, то вот и считайте, что мне сегодня ничуть не меньше, чем Максиму Каммереру, когда он начинал писать свой знаменитый мемуар. Ему тогда было восемьдесят девять лет.

В ноябре 2005 года я взялся за эту работу, в декабре публично объявил о ней, пообещал выполнить, легкомысленно назвав совершенно нереальный срок, о котором теперь даже не хочется вспоминать. Я поклялся написать биографическую книгу о Стругацких, не задумавшись даже на секунду, что помогать мне в этом будут всего несколько человек, ну, несколько десятков, а мешать — ВСЕ И ВСЁ. Я не верил в это. Я никогда не верил ни в какую мистику, воспитанный на советском материализме и на книгах Стругацких. Но обстоятельства непреодолимой силы, пресловутый форс-мажор, известный каждому как абстрактный юридический термин, — эти обстоятельства наступают, не спрашивая, веришь ты в них или нет, и, в отличие от Гомеостатического Мироздания из повести «За миллиард лет до конца света» ОНИ не торгуются, ОНИ не предоставляют выбора, ОНИ ничего не предлагают в обмен на отказ от работы. ОНИ давят — и всё. ОНИ просто стреляют на поражение.

И я вдруг понимаю, что именно так и было в жизни у АБС. И от понимания этого бросает в жар и в холод одновременно, охватывает леденяще-обжигающее чувство ответственности, сопричастности к великому, и приходит неистовая, лютая решимость: не сдаваться! Не отступать ни на шаг, сделать задуманное и рассказать всем. Успеть рассказать. Пока жив.

Едва я взялся за эту книгу, на меня просто посыпались со всех сторон выгодные предложения — коммерческие, творческие, всякие, но в любом случае исключающие одновременную работу над книгой. Потом начали регулярно и серьёзно болеть родственники, друзья и даже домашние животные. Про всякие прочие бытовые неурядицы с детьми, внуками, компьютером, автомобилем, сантехникой и электрикой не стоит даже и говорить — это уже мелочи. Ну и, разумеется, на этом фоне

начались проблемы с собственным здоровьем. Останавливаться подробнее на последних было бы как-то уж совсем неприлично, если бы не одно обстоятельство. Здоровье сделалось не то чтобы хуже или лучше — здоровье стало ДРУГИМ. То есть я начал замечать, будто мутирую куда-то в сторону человека Полудня, а для начала — в сторону мокреца, «очкарика». Я разучился получать удовольствия от никотина и алкоголя, меня почти перестала интересовать вкусная еда, спортивный азарт, красивые женщины и многое другое из простых земных радостей. Фактически меня теперь увлекают только две вещи: полезная (для книги) информация и сам процесс творчества.

Чем всё это могло закончиться? И чем закончилось в жизни?

Если вы держите в руках мою книгу, значит, я всё-таки победил. Не умер (на момент сдачи рукописи в издательство), не ушёл с Земли, не стал люденом… Хотя как раз люденом я стал. Потому что людены (которых упоминает в своём письме БН) — это не только новая галактическая раса из мира будущего, созданного воображением Стругацких, но это ещё и самоназвание группы фанатически преданных читателей, с 1990 года занятых глубоким, систематическим исследованием творчества и самого феномена АБС (строго говоря, они называют себя не люденами, а группой «Людены», и тонкая, но весьма существенная смысловая разница понятна любому, кто читал повесть «Волны гасят ветер»).

Вот уже во второй раз я употребил это сокращение — АБС. Должен предупредить читателей, что оно является общепринятым в кругах «струговедов» и «стругофилов» со стажем — кодируем помаленьку, как говаривал старикашка Эдельвейс из «Сказки о Тройке». При этом А.Н. Стругацкого принято обозначать двумя буквами АН или тремя АНС и, соответственно, Б. Н. Стругацкого — БН или БНС, изменяя эти аббревиатуры по падежам, как существительные второго склонения, а вслух произнося побуквенно, то есть: Аэн, Бээн. Бытует и целый ряд других сокращений, касающихся в первую очередь заглавий часто упоминаемых произведений. Так делали и сами писатели в своих дневниках, письмах, черновиках. Посему полагаю, что употребление таких сокращений (далеко не во всех случаях) будет весьма органичным и в этой книге.

Ещё хочется предупредить, что помимо прямого цитирования АБС целыми абзацами, фразами и крылатыми словосочетаниями, в тексте со всей неизбежностью будет присутствовать и скрытое цитирование, своего рода стилизация, попытка вживания в образ одного из авторов или кого-то из их персонажей. Примером такого стилистического приёма является само начало книги, начало данного предисловия. Бессмысленно и неправильно

закавычивать подобный текст, тем более давать сноски и отсылки к оригиналу с указанием года выхода и номеров страниц. Примите это, читатель, как некую литературную игру: для одних понятную с полуслова, для других — увлекательную шараду, для третьих — не нужную вовсе, да простят меня эти третьи.

Далее, значительную часть текста составляют главы-реконструкции. Эти главы написаны мною, лично, и на самом деле представляют собой реконструкцию сцен и событий, свидетелем которых я не был. Реконструирование производилось на основании рассказов, фонозаписей и позднейших воспоминаний людей, в этих сценах и событиях участвовавших. Перечислять этих людей поименно здесь и сейчас я не стану. Значительная их часть упомянута в списке «Благодарности», иные мелькают в тексте, а есть и такие, кто не пожелал быть упомянутым. И пожелания их — что поделать! — достойны уважения.

Наконец, я позволил себе слегка разбавить текст собственными реминисценциями и рассуждениями самого общего плана, несущими информацию не столько о событиях в жизни АБС, сколько о моём собственном тогдашнем и сегодняшнем понимании вышеупомянутых событий. Смею надеяться, что и эти страницы не лишены для читателя известного интереса…

Ну и в завершение своего предисловия попробую объяснить, почему именно я взялся писать эту книгу.

Я поздно познакомился с творчеством Стругацких. Обычно фантастикой увлекаются с детства. Ещё в начальных классах школы читали Стругацких все мои ровесники и даже те, кто постарше лет на десять — пятнадцать. Те, кто старше лет на двадцать и больше, уже не имели такой возможности. Так вот я был не во втором, а уже в десятом классе, когда мне впервые попала в руки книга этих авторов — «Полдень, XXII век» и «Малыш» под одной обложкой, одна из трех книжек, вышедших в глухие семидесятые, в тяжкое десятилетие гонений и запретов. «Обитаемый остров» вышел в 1971-м, «Парень из преисподней» вместе с переизданным «Понедельником» — в 1979-м, и эта моя любимая книга с прекрасными иллюстрациями Льва Рубинштейна — строго посередине безвременья, в 1975-м. Почему именно она пришла ко мне первой? Почему так поздно? Нет ответов. Но значит, именно так и было нужно.

«Полдень», ещё не дочитанный до конца, стал для меня сразу, безоговорочно и бесповоротно своим, абсолютно понятным, родным и словно бы давно знакомым. Он стал образом того мира, в котором не просто хотелось жить, а в котором я должен был жить, потому что родился в нем когда-то и прожил немало лет,

просто потом потерял туда дорогу — ну, точно, ну, конечно же, так всё и было! — я просто потерял этот мир, и вот теперь Стругацкие вернули мне его, точнее память о нем. Ощущение было примерно таким, и сохранилось оно на всю жизнь. Мне до сих пор не важно, называется этот мир марксистским термином «коммунизм» или древним именем «эдем», наивной научно-фантастической утопией или просто Миром Полдня; не важно, развенчивают его современные политики, молодые фантасты новой эпохи, сами Стругацкие или сама жизнь — Полдень (с большой буквы и без кавычек) так и останется для меня (а теперь-то я знаю, что не только для меня, но и для миллионов — без преувеличения — людей!) идеальной конструкцией мироустройства.

А ещё там был «Малыш» — повесть потрясающе красивая, поэтичная, завораживающе таинственная и совершенная во всём. О, как чувствовалось, что по сравнению с Полднем написана она рукою уже не мальчика, но мужа! В «Малыша» я влюбился раз и навсегда. Тремя годами позже, не в силах расстаться с этой повестью, я решил выучить её наизусть, уезжая на лето в стройотряд. Времени и сил хватило на первые три главы, но думаю, что и сегодня, я могу, что называется, с похмелья и спросонья выдать наизусть начало этой книги — страницы две как минимум.

Так начиналась любовь с первого взгляда. Как она продолжалась — рассказывать не время и не место, об отдельных повестях речь впереди, и не вот так эмоционально по-читательски, а основательно, подробно, с позиций биографа. В целом же бурный роман со Стругацкими развивался как у всех: охота за всеми вещами любимых авторов, и жадное многократное чтение, и выписывание цитат, и составление библиографий, и перепечатка на машинке, и снятие фотокопий, и ксерокс, и покупка книг на чёрном рынке на Кузнецком мосту и на Пролетарке за сумасшедшие деньги… В Менделеевском институте сформировался по существу неофициальный клуб поклонников Стругацких, также как и я, сходивших с ума по всему написанному ими. Жизнь заставляла нас объединяться. Да, мы были не слишком оригинальны, но мы же ничего не знали тогда об уже зарождавшихся фэн-клубах и будущих конвентах, мы почему-то не догадывались, что при известной степени фанатизма можно писать письма своим кумирам, а при определённой настойчивости реально добиться и встречи с ними, скажем, на семинаре БНа в Ленинграде или на какой-нибудь комиссии по фантастике в Центральном доме литераторов в Москве. Мы как-то не думали об этом. Мы просто читали

Стругацких.

И медленно, но верно становились другими людьми.

Лично меня Стругацкие перевернули трижды. Врать не буду, стать писателем я решил намного раньше — чуть ли не до школы ещё. Да и фантастику начал читать и писать задолго до знакомства с ними. Но только когда в мою жизнь вошел Полдень, я осознал окончательно, для чего нужна фантастика, для чего вообще нужно писать и ради чего — по большому счёту, — стоит жить.

Второй раз — это был «Пикник на обочине», который так внезапно, так неправдоподобно просто, одной незатейливой фразой поставил с ног на голову всё моё пижонское, диалектически-парадоксальное, почти манихейское тогда мировоззрение и заставил враз поверить в счастье для всех и даром.

Ещё одним потрясением стал «Жук в муравейнике» — первая книга, которая читалась тёпленькой, только из-под пера, читалась кусками, перемежавшимися нетерпеливым ожиданием от месяца к месяцу — до следующего номера «Знания — силы», — и с каждой главой увлекала всё сильнее, и было уже немыслимо думать о чём-то, кроме этой страшной, неразрешимой проблемы, кроме этого метафизического ужаса, пустившего свои ядовитые корни в таком сверкающем и ласковом, в таком родном и уютном мире… И надежда тлела до последнего, но чудовищный финал обрушился как сама неизбежность, поверг в тоску и отчаяние, а следом пришёл катарсис — очищение через страдание в классическом, эллинском смысле, и это было как отрезвляющая, свежая и отвратительная, отвратительно-свежая струя нашатыря, которая ударила в мозг и разлилась где-то за глазами… С небес на землю? Ну, да. И это тоже очень по-стругацки. Это — «Гадкие лебеди». Ещё одна, быть может, не этапная, но тоже самая любимая вещь. О ней отдельный разговор.

Первый раз я прочел эту повесть в 1980 году, уже знакомый к тому моменту со всеми вышедшими вещами Стругацких. «Лебеди» были самой запрещенной, самой трудно доставаемой, самой скандальной книгой. (О «Граде обреченном» в то время знал вообще лишь очень узкий круг ближайших друзей АБС.) О «ГЛ» знали многие, и ходило огромное количество всяких, зачастую нелепых слухов. О публикации в ташкентской «Звезде Востока» (которую часто путали с тбилисской «Зарей Востока») с помощью хитроумного перечисления гонорара пострадавшим от страшного землетрясения 1966 года; об изъятом тираже этого журнала, о несогласованной с авторами переправке рукописи через границу и бесчисленных изданиях во всех «Посевах», «Чехов

паблишерз» и едва ли не «Плейбоях»; о том, как Аркадия Натановича вызывали на Лубянку (а Бориса Натановича — в Большой дом) и задавали один и тот же сакраментальный вопрос: «Ну, и как там ваши птички?» А на чёрном рынке зарубежное издание «Гадких лебедей» на русском языке — и это уже не слух, это правда — стоило 250 (!) советских рублей. Перевести в современные цены — это минимум тысяча долларов, стоимость какого-нибудь антикварного или эксклюзивного подарочного издания.

В общем, когда в перерыве между лекциями я сел в скверике на Миусской площади и открыл наконец-то попавших мне в руки «Лебедей», ожидания были велики. И это оказался тот случай, когда книга не обманула ожиданий. Мне быстро стало понятно, почему её не захотели брать нив одном издательстве (сколь изощрённым был мой взгляд в 1980 году!). Но главное, это была Литература. С большой буквы. Столь же далёкая от обычной, аккуратно причёсанной советской фантастики, как «Улитка на склоне», как «Второе нашествие марсиан», как «За миллиард лет до конца света»… Ни на какие лекции я уж, конечно, не попал, потому что просто не смог подняться со скамейки, не перелистнув последней страницы. А страница была большая. Бумага — почти папиросная. Пятый экземпляр на машинке, перепечатанный хорошо если не в десятый раз. Можно себе представить, сколько там было опечаток, ошибок и даже пропусков.

А позднее — это было уже в 1982-м, — мне дали на неделю какой-то четвёртый ксероксе парижского, как уверяли, издания (титульный лист отсутствовал, но, скорее всего, это был всё-таки франкфуртский «Посев»). Многие места читались по этому тексту с трудом, но всё же это было издание, вычитанное профессиональным редактором и корректором. Короче, я взялся править свой экземпляр. О, это была долгая, трудная и удивительно приятная работа. Я воссоздавал любимую книгу, как реставратор. Я открывал для себя новые, ранее не читанные слова, фразы, а иногда целые абзацы и даже страницы. А в некоторых местах провалы ксерокса трагически совпадали с пропусками перепечатки, и тогда мне что-то приходилось додумывать, достраивать, дописывать самому. К концу работы мне уже начало казаться, что именно я и написал эту книгу — вот такая мания величия!

И конечно, сколько раз я не перечитывал эту повесть, мне всегда её не хватало: хотелось ещё, хотелось дальше, дальше, дальше… Кто бы продолжил? Самому, что ли, написать? Смешно…

Мог ли я подумать, что тринадцать лет спустя действительно буду сочинять сиквел к «Гадким лебедям» и не просто сочинять, а работать по заказу для публикации в своей стране?! Невероятно!

В предисловии к тому изданию в первом сборнике «Время учеников» я признавался, как легко мне было работать над этой вещью. Давно уже не секрет, что творчество целого поколения фантастов выросло на Стругацких, и, конечно, я с самого начала профессиональной литературной деятельности старательно, последовательно и не без труда (ох, не без труда!) давил в себе естественное стремление подражать их стилю. И как же приятно было расслабиться в тот раз!

Что ещё связывало меня с братьями Стругацкими? В творчестве — всё. А в жизни… Ну, тут уже надо рассматривать двух человек по отдельности.

С младшим братом я познакомился лично в 1990 году на последнем Всесоюзном семинаре молодых фантастов в Дубулты, где имел честь быть «всесоюзным старостой», а БН познакомился с моим первым романом «Катализ», доставленным питерскими друзьями к нему на семинар чуть раньше. Вскоре он уже написал предисловие к этому роману. Позднее мы встречались много раз в Петербурге и под Петербургом на всевозможных сборищах фантастов, на семинаре и у него дома.

Со старшим Стругацким, живя в Москве, я виделся парадоксальным образом всего один раз — в ЦДЛ в 1987 году. Я поздно пришел в московский семинар — только в 1984-м, — и не присутствовал на знаменитых встречах семинаристов с классиком, ну а о том, чтобы попасть к нему домой, и мечтать в то время не приходилось. Но в силу очень близкого круга интересов, а также благодаря работе в издательстве «Текст», где готовилось тогда первое полное собрание сочинений АБС, я хорошо знал очень многих друзей и знакомых АНа: Александра Мирера, Кира Булычёва, Георгия Гуревича, Дмитрия Биленкина, Романа Подольного, Евгения Войскунского, Нину Беркову, Геннадия Прашкевича, Виталия Бабенко, Владимира Гопмана и многих других.

Конечно, любой из них мог бы написать эту книгу, и, возможно, лучше меня. Но… одних уже нет на этом свете, другие по тем или иным причинам до сих пор не взялись за подобное дело или никогда не возьмутся. Взялся я. Я дерзнул. Я не побоялся.

Может быть, простой логики недостаточно для того, чтобы объяснить всё это, и я рискну под занавес привести несколько аргументов вполне мистических, если не сказать безумных, а извиняет меня, пожалуй, лишь то, что АН был всю жизнь не чужд

подобных вещей — любил подмечать всевозможные странные совпадения и даже настаивал порою на признании собственных экстрасенсорных способностей.

Итак, немного мистики.

Родился я, как и АН, в четыре часа утра под знаком Девы, только на 35 лет и 4 дня позже.

Антоном был назван в честь Чехова до написания «Попытки к бегству» и «Трудно быть богом», но всё же это одно из любимых имён АБС.

Мама моя работала в школе учительницей русского языка и литературы — совсем как Александра Ивановна Стругацкая.

Мой второй рассказ (заметьте, не первый, а именно второй, как у АБС) был напечатан в журнале «Знание — сила» с подачи того же Романа Григорьевича Подольного.

Летом 1965 года я гостил с родителями в доме М. М. Пришвина в Дунине, у его вдовы, в двух шагах от дачи, которую снимали Стругацкие, и там же был в это время АН.

Моей первой «внутрисоюзной заграницей» была Эстония, к которой оба Стругацких весьма неравнодушны, и был я там впервые в 1977-м, в год начала съёмок «Сталкера», а в 1978-м снова попал туда, когда съёмки всё ещё продолжались.

Моей первой настоящей заграницей была Польша — в точности как у БНа.

В Ленинград я попал впервые ещё позже, чем в миры АБС — в 1980-м, но влюбился в него с первого взгляда и в последующие годы приезжал туда раз пятьдесят.

Я побывал в большей части городов, в каких бывали АН и БН. В этом наборе никакой особой экзотики нет, если не считать, что в 1949-м АН попал в весьма заштатный городок Канск, а я попал туда ровно 30 лет спустя и жил там хоть и не два года, но всё-таки два месяца. Бродя по заброшенной стройке на девятом километре Тассевского тракта, я всё время вспоминал «Пикник на обочине» — это была Зона в чистом виде с массой непонятных жутких предметов и странной растительностью. Я там выкопал на память очень необычную камнеломку, названную мною «канской колючкой», и посадил её у себя на балконе в ящик. Камнеломка жива до сих пор и раз в несколько лет даже цветёт. Она у меня проходит по разряду «Стругацких» артефактов наряду с найденным в лесу «черепом тахорга» (на самом деле лося, но на нём есть соответствующий специально изготовленный шильдик с указанием планеты Пандоры и её номера по классификатору), а также украденным где-то на заводе шариком из литой меди диаметром сантиметра четыре. «Золотой шар. Уменьшенная копия, действующая модель», — написано на сделанной мною

табличке. Некоторые мои желания он действительно исполнял…

Наконец, в 1965 году курортный город Гагра стал поворотным пунктом в биографии АБС — там они начали работать над «Улиткой». А в 1984 году этот самый город стал поворотным пунктом в моей собственной биографии — личной и творческой. Что характерно, именно в тот же год там вновь побывал АН, уже без соавтора — просто отдыхал в Пицунде. Мы разминулись совсем чуть-чуть.

Вот и всё, пожалуй. Но для взаимовлияния судеб вполне достаточно.

Остальное ищите в тексте книги.

Пролог
СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ. ДАРОМ

Он сидел на берегу и смотрел в темноту южной ночи — душную, жаркую, сладкую. Тяжёлые, очень непрозрачные, ленивомаслянистые волны шлёпались о камни и напоминали о тысячах тонн горючего, уплывавших из России через этот фантастический имперский «порто-франко» и вдохнувших новую жизнь в древний восточный город. Вода была чёрной, как нефть, вот только пахло вокруг совсем не мазутом, а солёными брызгами и мохнатыми пальмами, нежными магнолиями и терпким эвкалиптом, и доносился откуда-то аромат свежей выпечки, жжёного сахара, пряностей; а ещё пахло тёплым ветром и мокрыми звёздами, упавшими в море. И разноцветные огоньки чужих кораблей там, далеко, в гавани были похожи на цукаты в тёмном шоколадном тесте.

Он попал сюда, в общем-то, случайно, но за неполный год уже влюбился в этот ни на что не похожий город, принадлежащий всему миру, всей планете. Он был вполне северным человеком, с некоторых пор считал себя петербуржцем и не боялся самых жестоких морозов, вообще не страдал от холода, но юг и тепло всё-таки любил больше. Что это было? Может быть, зов предков?

Море, жара, неутолимая жажда… Откуда пришли евреи? И куда идут? Впрочем, он не считал себя евреем, просто потому что не был верующим. Он говорил на идиш, но на древнееврейском мог только читать (да и кто тогда на нём говорил?), а вот назваться гражданином вселенной — это было его, это было понятно, современно, правильно. Именно сейчас, на восьмом году Великой Революции, именно здесь, у южных ворот Советской России, откуда весь мир казался как на ладони — огромный, тёплый, родной, доверчивый мир, распахнутый в ночь. Этот мир уже принадлежал ему. Он уже был правильным, общим, нашим, и в нём было счастье. Счастье для всех. Даром. И было ясно, абсолютно ясно, что никто не уйдёт обиженным, потому что утром поднимется солнце, и настанет Полдень, Вечный Полдень…

Конечно, он понимал, что этот мир — светлый, прекрасный мир будущего, — пока лишь крошечная яркая звёздочка, манящая вдаль. Этот мир Полудня ещё надо построить. Собственно, он и строит его, и уже немало успел сделать, и наверняка ещё сделает многое, но по-настоящему владеть новым прекрасным миром будут его дети. Сыновья. Сколько их будет? Трое, четверо? Двое

— как минимум. Двое — обязательно. А пока — один. Первенец.

Почему-то он знал наверняка, что завтра, нет, уже сегодня, у него родится сын. Наверно, он просто очень любил своего Санька, Санечку, любимую жинку, которая лежит сейчас в Первой Советской больнице и совсем скоро должна родить, а когда по-настоящему любишь, очень многое, почти всё знаешь наверняка. Даже своё будущее, ближайшее и отдалённое…

Душной влажной субтропической ночью он сидел на берегу живописной бухты батумского порта и наконец-то понимал, что не зря — ой не зря! — и вовсе не случайно попал он в это райское место.

Работать-то здесь было совсем не легко. Лишь четыре года назад Аджарию присоединили к Грузии. Ещё через год Грузия стала советской. Но Батум, древний, пёстрый, разноголосый и разноцветный, советским был до сих пор весьма условно. Конечно, некоторые товарищи очень старались этот процесс ускорить. Меркулов, например, Всеволод Николаевич, зампред здешнего ГПУ, начальник секретно-оперативного управления. «Товарищ Всеволод, — говорил он ему, бывало, когда встречались на совещаниях в обкоме, — прежде чем мы воспитаем нашу новую советскую интеллигенцию, мы должны переманить, перетащить на свою сторону интеллигенцию старой России. Другого пути нет». «А-а! — махал рукою Меркулов. — Не надо их никуда тащить. Гнать их надо всех в шею! Или расстреливать. Потому что враги они. Чёрного кобеля не отмоешь добела. Был тут в Закавказье один врачишка, писателем надумал стать. Аккурат перед приходом наших в Батум собирался бежать за границу. С последним пароходом в Константинополь. Так нет, передумал, в Москве теперь зацепился. Пьески пописывает, фельетончики, рассказики… Да только вражеская это всё литература, не доведёт она до добра, товарищ Нота, попомните моё слово!». А Нота покивал грустно и промолчал, он понял, о каком врачишке идёт речь. Он был начитанным человеком, следил за свежими публикациями в столицах, и ему нравились рассказики этого на беду не уехавшего врага.

А Меркулова Нота не любил. Понимал, что делают они общее дело, а всё равно не любил. Уж слишком во многом расходились их взгляды. И методы работы. Нет, конечно, рано или поздно, и даже очень скоро, они тут наведут порядок, и советский Батум станет таким же, как вся Грузия, а Грузия будет цветущей республикой великого Советского Союза, да что там — весь мир станет огромным цветущим садом! Но сегодня… Для кого он редактирует и выпускает свою любимую газету «Трудовой Аджаристан» — не совсем понятно. Кроме большевиков, здесь

мало кто читает по-русски. Мало кто вообще читает. Прежняя знать разъехалась, разбежалась, а те, кто остались, говорят на арабском и фарси, на греческом и немецком, на грузинском и армянском, но больше всего — на турецком. Турецкий город Батум, восточный, мусульманский…

Да бог с ней, в конце концов, с газетой, всё ещё будет: и журналы, и книги, и кино, и радио, а пока главное разобраться с вагонами — с зерном, и с нефтью, и с оружием, — а ещё с вражеской агентурой. Собственно, для этого партия и прислала его сюда. И не надо спрашивать, почему именно сюда, почему именно его — надо просто работать, выполнять свой долг и радоваться. Он это умел, на самом деле умел. И всё-таки ужасно хотелось спросить иногда у товарища Всеволода и у тех, кто повыше: «Но почему? Почему всё именно так?!» Хотелось понять, разобраться, докопаться до сути бытия…

А Санечке так не нравилось здесь поначалу: и летняя духота, и зимняя промозглость, и неспокойное море, и чужой говор, и непривычные запахи… А потом стало так здорово! Они были по-настоящему счастливы. Они ходили теперь к себе по извилистой дорожке, поднимавшейся в гору меж сосен и эвкалиптов, мимо турецких домиков с плоскими крышами и маленького греческого кафе, мимо подставок, где уже сушились коричневые табачные листья, мимо ароматных жаровен с первыми каштанами, и он держал её под руку и всё умолял не торопиться. «Санек! — говорил он ей. — Тихонечко, не оступись». «А правда, мы самые счастливые на свете, Нотанька?» — спрашивала она. «Конечно, правда, — отвечал он, — ведь у нас будет маленький».

Они уже придумали, как назовут его — Аркадий, Арик, Арок…

Аркадия, если верить старому неаполитанцу Саннадзаро — это такая волшебная страна, где всегда полдень и все счастливы.

У них обязательно родится сын. И это случится сегодня.

Он сидел на прибрежном камне и ждал, когда начнет светать.

Его звали Натан Залманович Стругацкий.

Было 28 августа 1925 года. Час ночи. Санечка, Александра Ивановна родила в четыре часа утра. И сыну, как и планировали, дали имя Аркадий в честь погибшего на Гражданской дяди Арона.

Спустя семь лет, семь месяцев и восемнадцать дней уже в Ленинграде у Натана Залмановича и Александры Ивановны родился второй сын, которому дали имя Борис.

А «врачишку», подавшегося в писатели, звали Михаил Афанасьевич Булгаков. В 1921-м именно там, в Батуме, он и родился как писатель, потому что в свои тридцать лет принял решение остаться на родине и работать в литературе. Великая

ирония его «хромой» судьбы заключается в том, что Батум стал и началом, и концом его литературного пути. Пьеса под таким названием — «Батум», — написанная Булгаковым о молодых годах Сталина, не смогла примирить писателя с властью. Отец народов почувствовал фальшь и неискренность в тексте. В 1939 году торжественная поездка коллектива МХАТа во главе с Булгаковым в Батум, по местам боевой славы вождя, была отменена, едва начавшись — телеграмму из Кремля доставили в поезд уже в Серпухове. И это стало началом медленной, но неизбежной гибели Булгакова. Батум создал его как писателя, Батум и погубил.

А в 1925-м, в год написания «Собачьего сердца», изданного лишь через много лет после смерти Михаила Афанасьевича, тот же Батум подарил миру ещё одного выдающегося писателя. Аркадий Стругацкий, вошедший в литературу в соавторстве с братом Борисом, по праву может быть назван продолжателем и преемником традиций Булгакова, отнюдь не чуждого фантастике.

Остаётся добавить, что товарищ Всеволод Меркулов, один из самых зловещих сталинских душегубов, прошедший за пару безумных революционных лет стремительный путь от учителя в тифлисской школе слепых (как звучит сегодня, а!) до одного из руководителей грузинской ЧК, позднее дослужился до начальника Главного управления госбезопасности СССР, первого зама Берии, и был расстрелян вместе с ним. Это случилось в декабре 1953-го. Аркадий Стругацкий в это время служил переводчиком в разведотделе штаба дивизии на Камчатке и уже весьма скептически относился к существующей системе. Борис учился на четвёртом курсе матмеха ЛГУ и был вполне правоверным сталинистом. Оставалось чуть больше года до начала их совместной серьёзной работы.

Наверно, и впрямь бессмысленно спрашивать: «Почему? Почему всё вышло именно так?»

Но в конечном-то счёте, как раз вот такое причудливое, необъяснимое, потрясающее переплетение людских судеб и порождает в итоге великую литературу.

Глава первая
ПРЕДЫСТОРИЯ

«Восьмиклассник Борис Стругацкий писал сочинение на тему „Моральный облик советского молодого человека“, избрав в качестве примера своего отца».

Из заметки в комсомольской газете «Смена», 29 декабря 1947 г.

Натан Залманович Стругацкий родился в мае 1892 года в Глуховском уезде Черниговской губернии, входившей в то время в черту оседлости. Немаленькое — около трёх тысяч жителей, — село Дубовичи на реке Дубовке было, разумеется, местечком, то есть территорией компактного проживания евреев. Помимо непременной базарной площади в центре, хедера и синагоги славилось оно ещё свеклосахарным заводиком да окрестными каменоломнями, откуда везли камень для мельничных жерновов.

Глухое место. Глуховатое. Можно сказать, глухомань. И тогда и сегодня, когда это уже не Черниговская губерния, а район Сумской области Украины на границе с Россией. Набираешь в «Яндексе» «город Глухов», и первой новостью вылетает: «Тридцать килограммов наркотиков было найдено в школе…» Потом читаешь про вспышку вирусного гепатита и, наконец, узнаёшь, что это родина нынешнего президента Украины Виктора Ющенко… Достаточно. Глуховато. Невольно вспоминается персонаж из повести «За миллиард лет до конца света» — Глухов Владлен Семёнович. Эх, не было у Стругацких случайных имён и фамилий!

Отец Натана был профессиональным адвокатом родом из Херсона. Высшее образование давало ему право выезда за черту оседлости вплоть до работы и жизни в столицах. Для думающего человека это был самый простой и понятный путь к нормальному положению в обществе. Такую же юридическую карьеру прочил Залман Стругацкий и сыновьям.

Младший, Арон, успел стать юристом, но вряд ли эти знания пригодились ему в должности командира кавалерийского отряда большевиков. Погиб он в 1920-м, по разным сведениям, то ли под

Севском, то ли под Ростовом (а это не близко), однако говорили, что в Севске была одно время улица его имени. В семейном архиве Стругацких уцелела фотография: дядя Арон в окружении людей с саблями, винтовками и пулемётами, рослый красавец со смоляным чубом и с наганом на поясе. Лет через тридцать племянник Аркадий в офицерской парадной форме будет очень похож на него.

А старшего брата — дядю Сашу — с детства тянуло к технике. Александр Стругацкий двигался не только по комсомольской линии на Херсонщине, он стал настоящим инженером-изобретателем, дорос до директора завода ветряных двигателей и был расстрелян в 1937 году. В этих ветряных двигателях, особенно в сочетании с трагедией сталинских репрессий, угадывается что-то донкихотовское и одновременно платоновское, романтически-сюрреалистическое. Но главное, дядя Саша был едва ли не единственным родственником, от которого братья Стругацкие могли унаследовать свою любовь к науке и технике.

Ну а нашего главного героя — среднего брата, — учиться отдали в Севск. Сначала в реальное училище, а затем всё-таки в гимназию, потому как мальчик Нота тяготел к наукам гуманитарным, да и вообще больше не к наукам, а к искусствам. Отец его понимал хорошо, но искусствоведение серьёзным делом считать не мог. В общем, уже совсем взрослым человеком в тяжёлом, военном 1915 году сумел Натан поступить в Петербургский университет на юрфак. Велик был шанс пойти дальше отца, сделаться столичным жителем и преуспевающим адвокатом; велики были надежды на другую, новую жизнь. Вот только какой она будет? Уж больно непредсказуемо всё менялось вокруг. И довольно скоро пришли ответы на главные вопросы.

Два неполных студенческих года совпали со смутными временами в России. День ото дня всё больше и больше жизнь Натана оказывалась связана с политикой. Он дружил с революционной молодежью, читал запрещённую литературу, увлекался программами разных политических партий, но всё сильнее тяготел к большевикам. И когда случился Февраль, никаких сомнений уже не было. Стругацкого не устраивала эта половинчатая революция. В марте он стал членом партии большевиков, весьма активным, и революцию октябрьскую встретил в Петрограде уже не просто участником, но функционером. Должности его в ту пору, как и у многих, впрочем, менялись с небывалой, головокружительной быстротой. И какая из них почётнее была, какая важнее, с расстояния прошедших лет уже и не разобрать: сотрудник информационно-

справочного бюро Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда или сотрудник мандатной комиссии того же Совета? Управляющий делами Наркомата агитации и печати Петрограда или комиссар народного образования Псковского ревкома? А после вот таких ответственных назначений вдруг просто стрелок Продагитотряда, а чуть позже — политком того же отряда. Но ведь это уже Гражданская бушевала вовсю, и должности были военные, и стрелять приходилось по-настоящему.

А какая потрясающая география в анкете! Станция Торошино Псковской губернии, Малмыж Вятской губернии, Бузулук Самарской губернии, Мелитополь Таврический, потом — загадочно и общо, — Врангелевский фронт, ну, не было там конкретного адреса! Затем — Кубань, Ставрополь, Нахичевань, Ростов, Батум… И война уже закончилась, но эпоха была такая, что бои продолжались повсюду: в западносибирском Прокопьевске и средневолжском Фроловске шла битва за урожай в зерносовхозах, в Аджарии и в Ленинграде шла битва за газету и печать в целом, в Сталинграде шла битва вообще за культуру и искусство… И вечный бой! Покой в то время никому даже и не снился.

А теперь повнимательнее посмотрим на должности и профессии Стругацкого-старшего, сменявшиеся в течение весьма непродолжительного периода: управделами, стрелок, замредактора, военный следователь, инструктор, ответсек, главный редактор, зав. отделом печати, слушатель, аспирант, научный сотрудник, начальник политотдела, командир истребительного отряда. Названы не все ипостаси, но хронология соблюдена. И что же напоминает вам этот шизоидный список? Смелее, читатель! Ну, конечно, смену профессий согласно правилам Эксперимента в «Граде обреченном». Ничего не надо было придумывать братьям Стругацким — достаточно только вспомнить жизнь своих родителей, да и своё прошлое невредно поворошить. Однако об этом позже.

Пока мы говорим об отце.

Война для него закончилась только в 1923-м, если не в 1924-м. Война была долгой, очень долгой. В 1918-м воевал без потерь на внутренних фронтах, образовательном и продовольственном; в 1919-м под Мелитополем не убили и даже не ранили махновцы; в 1920-м не зацепили лихие казаки генерала Улагая под Никополем, а в 1921-м был страшный прорыв белого десанта генерала Сычёва под Моздоком, но и тут повезло, а потом, как назвали бы это сегодня, участвовал товарищ Натан в зачистках в Нахичевани, Грузии, Аджарии… В Батуме было лучше всего, там — главным редактором главной республиканской газеты, — он

уже привыкал к мирной жизни.

За два года до этого, в 1923-м, отправившись в отпуск в родные края, на Черниговщину, Натан встретил девушку по имени Александра Литвинчёва — Саня, Санек из Середины-Буды. Он сразу понял, что именно её искал всю жизнь, а может быть, просто знал её всегда, думал о ней, во сне видел, да только всё некогда было доехать, взять Санька за руку и увезти с собой. А тут вот отпуск выдался. И он увез её. Хотя родители были против. Отец работал прасолом — мелким торговцем, скупавшим оптом в деревнях рыбу или мясо для розничной продажи и производившим их засол (отсюда и слово пошло). Семья была большая — одиннадцать душ детей, две девочки, остальные парни. Родители, люди простые, но зажиточные, местечковых евреев, как и все в малороссийской глубинке, не жаловали, а большевиков тем паче. Однако молодые любили друг друга и уехали, никого не спросясь, И Санька гордилась мужем своим. Деревенская простушка и хохотушка не за простого еврея вышла, а за начальника агитпропа 5-й кавалерийской дивизии Северо-Кавказского военного округа — не хухры-мухры! Ах, девочка-красавица из Середины-Буды! Повезло тебе, повезло… И были сказочные два года на Кавказе в горах и у моря. Лихая молодость. Привкус соли и отчаянной радости на губах. Любовь. Безоглядная вера в завтра. Рождение сына. Бессмертие. Звёзды. Счастье.

Вот письмо Александры Ивановны брату в Москву, написанное на обороте фотографии маленького Аркаши:

> «г. Батум, 1926, 19/111
> Дорогие Женя и Санек,
> Вот вам наш Арок.
> Просим любить да жаловать
> И непременно к нам пожаловать.
> Ему здесь 6 месяцев, 8 дней, весит он больше 25 фунтов. Избалован, чертёныш, до крайности, сидит, но ленится. Беспрестанно лепечет дли-дя-дя, для, ля-ля, дай (приблизительно в этом роде). Ест каши, кисели, пьёт с блюдца чай, за всем и ко всему тянется. Всё тащит в рот. Слюняй ужасный (в результате зуб). Клички домашние: „зык“, „карапет“, „бузя“. Много и хорошо смеется, Меня узнаёт и хнычет. Отца любит. Саня».

И приписка сбоку: «От дедушки и бабушки почти не уходит».

А вообще такие же и куда более подробные записи молодая

мама регулярно заносит в тетрадку, начатую 25 октября 1925 года и озаглавленную «Как рос и развивался мой мальчик». Даты в этой тетради довольно странные: 0, 5, 1 или 1, 3, 12 и так далее. Женщины, наверно, поняли бы сразу, а я лишь на третьей-четвертой записи догадался, что это год, месяц и день, но не от Рождества Христова, а от рождения Аркадия. На пожелтевших страницах масса трогательных подробностей, иногда смешных, иногда не очень, о первых месяцах и годах жизни АНа. Делать оттуда выборку — нет смысла. По-моему, этот дневник заслуживает отдельной публикации.

О взрослых проблемах, особенно в начале тетради — почти ничего, но можно почувствовать, как хочется молодой маме Саньку уехать из Батума домой, в тихую украинскую деревню. А Натану — ещё сильнее, — хочется назад в Питер, уже любимый, уже родной.

И мечта сбудется. Кто наворожил — через толщу лет и не разглядеть. Вряд ли это был Меркулов; скорее уж Стругацкий бежал от Меркулова, а в Питер помогли вернуться его тогда ещё живые друзья революционных лет. Как видному уже газетчику поручили Залманычу ответственный участок работы — ленинградский Главлит, цензуру. И почти шесть лет Стругацкие жили полноценной мирной жизнью. Нота изрядно отбарабанил на серьёзной партийной службе: завотделом печати в райкоме, потом даже в обкоме. Потом выклянчил у начальства долгий учебный отпуск и поступил на высшие государственные курсы искусствоведов. Получил две комнаты в хорошем дореволюционном доме на Выборгской стороне, в самом начале проспекта Карла Маркса, бывшего (и будущего) Сампсоньевского, напротив парка Военно-медицинской академии (ВМА). Жизнь налаживалась.

Начиная с 1927 года, с переезда в Питер, Александра Ивановна с Арком проводят практически каждое лето у бабушки с дедушкой в Буде. И Натан туда приезжает иногда в отпуск — после рождения внука родители Сани мало-помалу смирились с фактом существования зятя. Для здоровья ребёнка очень важно было на летние месяцы уезжать из города, да и в материальном плане это было хорошим подспорьем. Ведь, несмотря на все ответственные должности Натана, жили супруги и их сынишка скорее небогато, скромно, зато в ладу и согласии. Вот почему родился у них и второй сын Борис — в отличие от старшего, уже пошедшего в школу, ребёнок мирного времени, ребёнок, зачатый и выношенный в родном городе.

Но не бывает всё так складно и гладко в нашем безумном мире. Точно в день рождения маленького Бори, точнее, даже в

ночь 15 апреля 1933 года партия вновь призвала Натана Стругацкого — выдернули на совещание в Смольный и среди прочих коммунистов-«десятитысячников», брошенных в тот год на сельское хозяйство, направили боевого комиссара спасать гибнущий хлеб в далёкую Сибирь, в Прокопьевский зерносовхоз «Гигант» (ныне это Кемеровская область).

Так начался, по существу, второй почти военный и в чем-то ещё более тяжёлый период в жизни Стругацкого-старшего. Его перебрасывали с места на место, из города в город, и в итоге поставили всерьёз и надолго начальником краевого управления искусств в Сталинграде. Вроде именно та работа, о которой мечталось всю жизнь, хоть жену с сыновьями вызывай к себе. Да вот не получилось надолго. Видно, искусство он всё-таки любил сильнее, чем партию, а главное, любил бескорыстно и слишком уж по-своему. К творчеству относился по-партийному — в лучшем, идеалистическом смысле слова, — без прагматизма и казённщины (что само по себе многих настораживало). Ну а того, что он и к партийной работе относился творчески, уж точно простить ему не могли. Требовать от всех коммунистов, особенно от высшего руководства, скромности и отказа от привилегий — это было слишком! И, конечно, нашли к чему прицепиться. Обвинили в раболепном преклонении перед устаревшей классикой, в неуважении к современному советскому искусству. Для начала исключили из партии «за притупление политической бдительности», а потом…

Случайно ли именно в это время Меркулов становится депутатом Верховного Совета СССР и его переводят из Тифлиса в Москву, в центральный аппарат НКВД?

Однажды вечером в октябре 1937-го Натан возвращался домой с работы. Вышел на проспект, и резкий порыв ветра с высокого волжского берега словно попытался остановить его. Там, за высокими новыми красавцами-домами было тихо и как бы ещё по-летнему тепло, а здесь, на открытом месте у подножия кургана, он вдруг почувствовал себя крайне незащищённым, будто боялся попасть под перекрёстный огонь. На удивление холодный осенний ветер равнодушно мёл по асфальту жёлтую листву. Стало вдруг очень тревожно. А уже у ворот дома дворник возьми да и предупреди его: «Приходили за тобой, Залманыч». «Кто?» — не понял Стругацкий. «Кто, кто? — передразнил дворник, — конь в пальто. Они ведь снова придут. Не надо бы тебе домой заходить. Вообще не надо. Много у тебя там ценностей осталось?» «Да какие там ценности!» — махнул рукою Стругацкий. «Тогда сразу дуй на вокзал, не задерживайся. Есть куда уехать-то?» «Но ведь я же ни в чём не виноват», — начал

было он. Дворник прищурил один глаз: «А это имеет какое-то значение?» После такой фразы мудрого пролетария главный специалист края по культуре размышлял ровно четырнадцать секунд, перебирая в памяти все предыдущие места своей работы. Совет дворника был абсолютно безумным, именно поэтому ему стоило следовать неукоснительно. Натану повезло с прямым поездом до Ленинграда, который уходил буквально через полчаса…

Тупая машина репрессий не покатила следом за ним.

«Репрессии часто имели облавный характер, — говорил по этому поводу АН в одном из интервью, — брали списками, по целым предприятиям, сферам деятельности, райкомам; и если кто-то успевал уйти из данной сферы, в соответствующем списке на расстреляние его вычёркивали и вносили кого-то другого. В облаве часто важны были не фамилии, а количество. Известная нам всем старуха работала тогда не косой, а косилкой…»

Так бывало часто, очень часто, хотя не все об этом догадывались. Мешали слепая вера и отсутствие должного интеллекта. Но вот уж на что не жаловался Натан Залманович, так это на недостаток интеллекта, потому и верой слепою никогда не страдал.

«Думать — не развлечение, а обязанность» — так напишут братья Стругацкие четверть века спустя. Потому что именно этому учил их отец. Воспитать по-настоящему не успел, воспитывала мать, но главному научил.

А в Ленинграде его ждала нормальная, можно сказать счастливая, уже по-настоящему мирная жизнь. Жаль, отпущено её было всего-то четыре года без малого. Зато каких!

С 17 октября 1937 года Натан работал в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, сначала просто библиотекарем, а с марта 1938-го — начальником отдела эстампов. Тихая, приятная работа: изучал фонды, составлял каталоги, писал статьи и книги, организовывал выставки. Например, одну весьма крупную в 1938 году: «20 лет РККА и Военно-Морского Флота в политическом плакате и массовой картине», для которой написал путеводитель со вступительной статьёй. А вот наиболее известные его искусствоведческие работы: «М.И. Глинка в рисунках И.Е. Репина» (1938); «Указатель портретов М.Е. Салтыкова-Щедрина и иллюстраций к его произведениям» (1939); «Советский плакат эпохи гражданской войны», выпуск 1 «Фронтовой плакат» (1941). И, конечно, книга «Александр Самохвалов» (Л.-М.: Искусство, 1933).

С Александром Николаевичем Самохваловым они были большие друзья, дружили семьями. Между прочим, этот довольно

известный советский художник был очень неплохим живописцем, и многие нынешние знатоки высоко ценят его работы как раз того, раннего периода, когда он ещё не ударился в безудержный социалистический реализм.

Итак, Ленинград. Конец тридцатых. Иллюзия стабильности и благополучия. Жить стало лучше, жить стало веселее. Но дети за отцов не отвечают. Дети, которым стало лучше, не отвечают за отцов, которых вообще не стало и без которых жить веселее. Дядю Сашу расстреляли. Он был хороший человек. Расстреляли по приказу Сталина. Сталин — тоже хороший человек. Двоемыслие. *Double think*. Джордж Оруэлл введёт в литературный обиход этот термин через десять лет. Стругацкие прочтут Оруэлла много позже: Борис — лет через тридцать, когда начнёт увлекаться самиздатом; Аркадий — пораньше, потому что будет читать на английском. Но что такое двоемыслие, они оба поймут и прочувствуют ещё при Сталине.

А жизнь в конце тридцатых и впрямь была спокойной, приятной и даже радостной. Саня ещё за десять лет до этого начала работать учительницей начальных классов. Она всегда имела призвание к педагогике, а благодаря Нотаньке стала девушкой начитанной, широко образованной. Времена были смутные, и дипломов при приеме на работу особо никто не требовал. Но во второй половине 1930-х всё переменилось. Жизнь делалась более стабильной, основательной и, чтобы расти по службе, пришлось учиться. В 1939-м она окончила вечерние курсы при Педагогическом институте имени Герцена и получила официальное звание учителя средней школы, с правом преподавать русский язык и литературу в младших и средних классах. Чем и занималась, кстати, до конца дней своих. Получила звание «Заслуженный учитель РСФСР» и даже орден «Знак Почёта». Выйдя на пенсию, занималась репетиторством и в узких кругах была весьма знаменита: из всех окрестных школ учителя именно к ней направляли своих двоечников, и она без промаха ставила их на ноги в течение одной четверти.

Александра Ивановна всегда любила свою работу, а тогда, перед войной, всё было ещё в новинку и потому как-то особенно приятно. Мальчики росли, играли, учились, Арк взрослел на глазах, Боб готовился к школе. Каждое лето проводили за городом в Бернгардовке. Лишь однажды отдыхали всей семьёй на Юге. Не то чтобы это было не по карману, а просто не было в семье такой традиции. Под Ленинградом, на ближней даче и без всякого моря были чудесные места: лес, песчаные теплые дороги, прозрачнейший широкий ручей, в котором можно было купаться, а на берегу начиналась увлекательная охота за бронзовками…

Счастливое детство.

> «Отец служил на разных должностях, всегда начальником, но не очень большим, — вспоминает БНС. — Когда он ещё работал в Главлите, ему полагался регулярный книжный паёк, любая выходившая тогда в Питере худлитература — бесплатно. Так что с книгами в доме было всё ОК (два шкафа), что же касается прочего, то ни в чём, помнится, нужды у нас особой не ощущалось, но и шиковать не приходилось. В воскресенье Арк получал деньги на кино плюс двугривенный на мороженое (одно на нас двоих). Плохо было с одеждой — вечно мама что-то перешивала, и мы друг за другом донашивали отцовские военные причиндалы. Что же касается коммуналки, то рассказывали, что в те времена отдельная квартира была в Питере только у первого секретаря обкома. Это, конечно, миф, но — характерный. У нас же были две (или даже три?) большие комнаты в коммуналке — это настоящая роскошь! А потом мама выхлопотала разрешение, сделала ремонт и вообще отделилась от коммуналки, так что несколько лет мы успели пожить даже в отдельной квартире. Как сам персек».

В марте 1941-го, словно предчувствуя что-то, Натан Залманович вдруг решил завести тетрадь под названием «Семейная хроника» и успел сделать в ней две записи в мирное время:

> «8/III — Были с Саней в Доме Художника (бывш. Общество Поощрения, что на Морской) на концерте с участием Дав. Ойстраха и Льва Оборина. В программе: Моцарт, Шуман, Паганини, Рахманинов. Мастера европейского класса.
>
> Бэби прихварывает: вялый и бледный, усталый. Арк получил по естеств. двойку, удручён.
>
> 9/III — Были с Саней в Ц.Д.И. (Дом театр. работн.) на концерте Д. Шостаковича с участием квартета имени Бетховена и автора. Исполнялись: 4-й концерт и знаменитый „квинтет“, нашумевший в последнюю декаду сов. музыки. Некоторые места в квинтете, особенно скерцо несут на себе печать несомненной

гениальности. Шостакович юн и ещё удивит свет. На концерте присутствовал Д. Ойстрах».

Любопытно, что 34-летний Шостакович к этому времени уже профессор Ленинградской консерватории, автор шести симфоний и оперы «Леди Макбет Мценского уезда», однако официальной критикой нелюбим. Так что в оценке Стругацкого есть не только прозорливость, но и некоторое вольнодумство. А вообще, невольно приходит в голову: если бы не блокада, если б пожить Натану Залмановичу подольше, наверняка сыновья его иначе относились бы к музыке.

Ну а следующая запись в этой тетради — уже о войне.

«22/VI — Самый трагический день в истории страны и, следовательно, в жизни нашей семьи. Война! В тяжёлом предчувствии грядущих бед слушал с Арком в Ц.П.К.О. речь Молотова. Потом поездка на дачу к Сане и Боре в Бернгардовку. Спешный отъезд, и всё завертелось…»

(Явная цитата из Аверченко, но слово дописано до конца, потому что шутить в такой день невозможно.)

До середины января он будет вести этот дневник, потом тетрадь обнаружит Александра Ивановна и продолжит своими записями.

Наверняка в то время не однажды начинал дневники и Аркадий. Он вообще рано начал писать. Первым опытом можно считать ныне утраченный, к сожалению, текст «Находка майора Ковалева», написанный в школьной тетради классе в восьмом, то есть в 1939 или 1940 году. Все подобного рода истории он сначала рассказывал младшему брату устно, запоминались отдельные отрывки, а потом вместе с другом и соседом по лестничной клетке Игорем Ашмариным они собирались вдвоём, а иногда и младшему разрешали присутствовать во время своих бесед, и фантазировали, обсуждали, планировали что-то. Много было всяких историй. Некоторые Аркадий потом переносил на бумагу.

«На самом деле именно отец приобщил меня к литературе и к фантастике, — вспоминал АН. — В детстве рассказывал мне бесконечный роман, созданный

им самим по сюжетам книг Майна Рида, Жюля Верна, Фенимора Купера… Это дало сильный толчок развитию моего воображения».

Точно так же много лет спустя Аркадий будет пересказывать любимые книги классиков с несколько измененными поворотами сюжета своим дочерям — на прогулках по лесу или у постели, коротая долгие простудные часы.

«Каким я был в шестнадцать лет? Ленинград. Канун войны. У меня строгие родители. То есть нет: хорошие и строгие. Я сильно увлечён астрономией и математикой. Старательно отрабатываю наблюдения Солнца обсерватории Дома учёных за пять лет. Определяю так называемое число Вольфа по солнечным пятнам. Пожалуй, всё. Хотя нет, не всё. В шестнадцать лет я влюблён…»

Запомним это очень характерное дополнение, сделанное уже 50-летним Аркадием Стругацким. Мы вернёмся к этой теме в отдельной главе.

А потом грянула война.

В июле весь город участвует в строительстве оборонительных сооружений. Натан Залманович копает противотанковые рвы под Кингисеппом, Александра Ивановна — под Гатчиной. Затем Аркадий вместе с отцом оказываются на Московском шоссе в районе Пулковских высот. И это уже не просто строительство, это — линия фронта. Неожиданно? Разведка недоглядела? Возможно. А возможно и другое: командование просто решило вот такими ополченцами заткнуть дыру в обороне. Бывало такое, и не раз. Всем рабочим выдали старые английские винтовки. Почему английские? Ну, других не нашлось. И 16-летнему Аркадию сунули в руки ствол с прикладом, отполированным сухими ладонями предыдущих стрелков, и показали, как передёрнуть затвор и как давить на спусковую скобу. И он впервые в жизни целился, стрелял и, возможно, убил человека. Фашиста. Но всё-таки человека.

АН не однажды вспоминал и пересказывал этот эпизод — разным людям, в разные годы и всякий раз по-разному. Были и совпадающие детали. Танки. Жара. Немцы, идущие раздетыми по пояс. И пулевое отверстие на голой коже.

«Бронетранспортер завертелся на одной гусенице, прыгая на кучах битого кирпича, и наружу сейчас же выскочили двое фашистов в распахнутых камуфляжных рубашках… Роберт в упор срезал их пулемётной очередью». («Хищные вещи века»)

«…И ходил на „рейнметаллы“ в конном строю… А почему, собственно, они должны уважать меня за всё это? Что я ходил на танки с саблей наголо? Так ведь надо быть идиотом, чтобы иметь правительство, которое довело армию до подобного положения…» («Гадкие лебеди»)

«Он не остановился, он всё шёл на господина ротмистра, протянув руку за оружием, и из дырки на плече вдруг толчком выплеснулась кровь. А господин ротмистр, издавши странный скрипящий звук, попятился и очень быстро выстрелил три раза подряд прямо в широкую коричневую грудь». («Обитаемый остров»)

И, наконец:

«В десятых числах июля Ф. Сорокин вернулся со строительства аэродрома под Кингисеппом, возмужалый, уже убивший первого своего человека, врага, фашиста, и очень этим гордый». («Хромая судьба»)

Теперь уже никто и никогда не узнает, было ли это убийством, и было ли это вообще лично с ним. Если только в реальной жизни не будет изобретён придуманный Стругацкими Великий КРИ — Коллектор рассеянной информации, который позволит каждому при желании увидеть любой эпизод в любой точке пространства в любой заданный момент времени…

19 сентября 1941 года Натан Залманович Стругацкий был зачислен в рабочий истребительный отряд. Это уже не ополчение, это уже намного серьёзнее — всё-таки он обладал солидным боевым опытом. Он не мог не пойти на фронт, и партия не могла не вспомнить о нем в трудную для страны минуту. Партия вспомнила. 27 октября 1941 он уже принят кандидатом в члены РКП(б) как лучший командир истребительного отряда, то есть, по существу, восстановлен в партии.

Двумя днями раньше, 25 октября 1941 года, Натана Залмановича увольняют из Публичной библиотеки в связи с мобилизацией в 212-й истребительный батальон НКВД

Куйбышевского района Ленинграда. На каком незримом фронте воевал Натан Стругацкий в последние два месяца своей военной карьеры? Неизвестно. Информация об этом, конечно, хранилась в архивах Ленинградского УКГБ да вряд ли уцелела до наших дней. Известно лишь, что 19 декабря того же 1941 года был он комиссован из воинской части по возрасту и состоянию здоровья — порок сердца, — и восстановлен в должности главного библиотекаря. С чего бы это? Ему 49 лет. Понятно, нагрузки бешеные, так ведь они всю жизнь такими были. Комиссары Гражданской — это стальной закалки люди. Блокада? Ну да, голод. Жуткий голод. Правда, у офицеров НКВД пайки всегда были нормальные. Наверное, отдавал жене и детям. Но, мнится, не только в этом дело, было и что-то ещё…

Страшноватый термин — «истребительный отряд», а «истребительный батальон НКВД» звучит ещё страшнее. И почему-то сразу вспоминаются страницы из «Обитаемого острова», где так зримо описаны ленинградские дворы и подъезды, и вместе с доблестными гвардейцами кандидат Сим (Натан Стругацкий?) врывается в квартиры «выродков», чтобы стрелять на поражение… Так это было? Не совсем так? А может быть, совсем не так? О, Великий КРИ, где ты?

А старший сын его всё это время работает в мастерских, где с утра до вечера, отчаянно, исступлённо, до упаду собирает ручные гранаты, вкладывая в каждую из них всю свою ненависть к врагам. А есть уже почти нечего. Или совсем нечего, и морозы дикие. И порою хочется умереть…

Не только Стругацкие — большинство ленинградцев, переживших блокаду, почти никогда и ничего не рассказывают о ней. Как об этом рассказывать? Кому-то стыдно, кому-то страшно, кому-то просто тяжело, немыслимо до нелепости. Да и зачем? Не пережившему всё равно не понять. Мысль изреченная есть ложь. Нельзя об этом рассказывать. Не можно.

Должно было пройти много-много лет, чтобы они решились. В 1970-х, в «Граде обреченном», делая его «в стол» без всякой надежды на публикацию, и наверно, именно поэтому — они впервые расскажут о блокаде. Совсем немного — страничку с небольшим.

> «…В Ленинграде… был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледенелых подъездах — всё тише и тише, долго, по многу часов… Он засыпал, слушая, как кто-то кричит, просыпался всё под этот же безнадёжный крик, и нельзя сказать, что это было

страшно, скорее тошно, и когда утром, закутанный до глаз, он спускался за водой по лестнице, залитой замерзшим дерьмом, держа за руку мать, которая волочила санки с привязанным ведром, этот, который кричал, лежал внизу возле клетки лифта, наверное, там же, где упал вчера, наверняка там же — сам он встать не мог, ползти тоже, а выйти к нему так никто и не вышел… Мы выжили только потому, что мать имела обыкновение покупать дрова не летом, а ранней весной. Дрова нас спасли. И кошки. Двенадцать взрослых кошек и маленький котёнок, который был так голоден, что, когда я хотел его погладить, он бросился на мою руку и жадно грыз и кусал пальцы…»

И только уже в начале 1990-х Борис Натанович, оставшийся без брата и подавленный этой потерей, почувствует, что должен вспомнить и записать, как бы это ни было тяжело, и в «Поиске предназначения» напишет о блокаде так, как ни один писатель до него.

Цитировать оттуда отдельные фразы? Нет. Вот это точно надо читать целиком.

А в качестве дополнения ко всему сказанному, пожалуй, стоит привести без купюр чудом сохранившуюся страничку из блокадного дневника школьника. Комментировать эти записи тяжело, да и не надо, наверное, хотя к концу они становятся похожими на бред. Но так уж получается, что именно эти строки, написанные Аркадием Стругацким, — самые первые из дошедших до нас.

«25/XII — 1941 г.

Решил всё же вести дневник. Сегодня прибавили хлеба. Дают 200 г. С Нового года ожидается прибавка ещё 100 г, но я рад и тому, что получил сегодня. Такой кусок хлеба! Впрочем, я на радостях съел его ещё до вечернего чая с половиной повидлы. В уничтожении повидлы принимала участие вся семья (кроме бабки), т. к. ни у кого нет сахара.

С 28-го думаю начать работать по-настоящему. Занятия: математика (как подготовка к теоретической астрономии), сферическая астрономия (по Полаку) и переменные звёзды (по Бруггеннате). Математику буду изучать по Филипсу. Прекрасный учебник! У меня будут четыре „Дела“: 1-е: „Вспомогательные предметы“

(математика и сферическая астрономия); 2-е: „Теоретическая астрономия“; 3-е: „Переменные звёзды“; 4-е: „Наблюдения“. Это будет хорошо. Ничто не путается под ногами.

Кроме того, нелегальное 5-е дело: „Кулинария“. Ему я буду ежедневно уделять часок времени. Пока читаю „Дочь снегов“ *(Джека Лондона. — А.С.)*.

В школе делают гроб для Фридмана. Было три урока.

26/XII — 1941 г.

27/XII — 1941 г. в 6 ч. Умер мой товарищ Александр Евгеньевич Пашковский (голод и туберкулез).

Нет, нормальные занятия начну с 1/I — 1942 г.

Вчера бабка купила вместо конфет мастику. Вечер был испорчен. Как я хотел бы, чтобы бабки здесь не было!

29/XII — 1941 г.

Сегодня плохо с надеждами (и с хлебом). Сашина труба. Орудия били, но сейчас же перестали. Одна надежда — на январь. Отец и суп в духовке».

Есть ещё записи в дневнике отца. Жуткие в своей лаконичности и будничности, сделанные буквально в те же дни. Мы приведём три: одну до Аркашиных заметок и две — после.

«22/XII — Муки голода: 125 г хлеба, без жиров, без круп, мучительные заботы о сохранении жизни детей. Саня проявляет поистине героизм, добывая на стороне то хлеба, то дуранды *(то же, что жмых, подсолнечные семена, из которых выжали масло. — А.С.),* то горсть картошки, то кошек (съели 7 штук). Истощены. Опухоли лица и ног. Трупы на улицах, умертвия в ГПБ: Добрин, Слонимский, Драганов… <…>

2/I — Неприятность: Арк утащил из шкафа припрятанные для Бори печенье, сухарь и конфетку — гадость, презрение! Стыдится и испуган.

3/I — Утром умерла мама. Убрали труп в холодную комнату, выдохнули с облегчением. Нужно беречь детей. <…> Есть надежда на дуранду и дрова (часть уже привезены вручную на санках). Пока ещё в комнатах (кухне и Аркашиной) тепло. Нет света. Редко идёт вода, до сегодня свирепые морозы. Замер весь городской транспорт — всюду пешком, а сил нет!..»

В конце января 1942 года Натан Залманович получил возможность эвакуироваться из города вместе с последней партией сотрудников библиотеки в город Мелекесс (ныне Димитровград Ульяновской области). Уезжать должны были по Дороге жизни. На семейном совете было принято решение: Арку ехать с отцом, Борьке — оставаться с матерью. Сегодня бессмысленно спрашивать почему. Ещё бессмысленнее осуждать кого-то за ошибки. Из нынешнего далека не понять тогдашней логики. Да и подробности давно забыты даже участниками событий. Так случилось, так повернулась судьба. Значит, так было надо.

> «Мне кажется, я запомнил минуту расставания, — вспоминает БНС, — большой отец, в гимнастёрке и с чёрной бородой, за спиной его, смутной тенью, Аркадий, и последние слова: „Передай маме, что ждать мы не могли…“ Или что-то в этом роде. Они уехали 28 января 1942 года, оставив нам свои продовольственные карточки на февраль (400 граммов хлеба, 150 „граммов жиров“ да 200 „граммов сахара и кондитерских изделий“). Эти граммы, без всякого сомнения, спасли нам с мамой жизнь, потому что февраль 1942-го был самым страшным, самым смертоносным месяцем блокады. Они уехали и исчезли, как нам казалось, — навсегда. В ответ на отчаянные письма и запросы, которые мама слала в Мелекесс, в апреле 42-го пришла одна-единственная телеграмма, беспощадная как война: „НАТАН СТРУГАЦКИЙ МЕЛЕКЕСС НЕ ПРИБЫЛ“. Это означало смерть. Я помню маму у окна с этой телеграммой в руке — сухие глаза её, страшные и словно слепые».

Самое подробное свидетельство всего произошедшего дальше мы находим в письме Аркадия от 21 июля 1942 года, адресованном другу-однокласснику Игорю Ашмарину из квартиры напротив и переписанному 1 августа матерью в свой дневник. Эти строки заслуживают того, чтобы быть приведёнными здесь полностью.

> «Здравствуй, дорогой друг мой! Как видишь, я жив, хотя прошёл, или, вернее, прополз через такой ад, о

котором не имел ни малейшего представления в дни жесточайшего голода и холода. Но об этом потом. Как часто я раскаивался в том, что не встретился с тобой перед своим отъездом. Я был так одинок и мне было временами так тоскливо, что я грыз собственные пальцы, чтобы не заплакать. Я хочу рассказать здесь тебе, как происходила наша (с отцом), а потом моя эвакуация. Как ты, может быть, знаешь, мы выехали морозным утром 28 января. Нам предстояло проехать от Ленинграда до Борисовой Гривы — последней станции на западном берегу Ладожского озера. Путь этот в мирное время проходился в два часа, мы же, голодные и замерзшие до невозможности, приехали туда только через полтора суток. Когда поезд остановился и надо было вылезать, я почувствовал, что совершенно окоченел. Однако мы выгрузились. Была ночь. Кое-как погрузились в грузовик, который должен был отвезти нас на другую сторону озера (причем шофёр ужасно матерился и угрожал ссадить нас). Машина тронулась. Шофёр, очевидно, был новичок, и не прошло и часа, как он сбился с дороги и машина провалилась в полынью. Мы от испуга выскочили из кузова и очутились по пояс в воде (а мороз был градусов 30). Чтобы облегчить машину, шофёр велел выбрасывать вещи, что пассажиры выполнили с плачем и ругательствами (у нас с отцом были только заплечные мешки). Наконец машина снова тронулась, и мы, в хрустящих от льда одеждах, снова влезли в кузов. Часа через полтора нас доставили на ст. Жихарево — первая заозерная станция. Почти без сил мы вылезли и поместились в бараке. Здесь, вероятно, в течение всей эвакуации начальник эвакопункта совершал огромное преступление — выдавал каждому эвакуированному по буханке хлеба и по котелку каши. Все накинулись на еду, и когда в тот же день отправлялся эшелон на Вологду, никто не смог подняться. Началась дизентерия. Снег вокруг бараков и нужников за одну ночь стал красным. Уже тогда отец мог едва передвигаться. Однако мы погрузились. В нашей теплушке или, вернее, холодушке было человек 30. Хотя печка была, но не было дров. Мы окончательно замерзли в своих мокрых одеждах. Я чувствовал, как у меня отнимаются ноги. Поезд шел до Вологды 8 дней. Эти дни, как кошмар. Мы с отцом примерзли спинами к стенке. Еды не выдавали по 3–4 дня. Через три дня обнаружилось, что из населения в

вагоне осталось в живых человек пятнадцать. Кое-как, собрав последние силы, мы сдвинули всех мертвецов в один угол, как дрова. До Вологды в нашем вагоне доехало только одиннадцать человек. Приехали в Вологду часа в 4 утра. Не то 7-го, не то 8-го февраля. Наш эшелон завезли куда-то в тупик, откуда до вокзала было около километра по путям, загромождённым длиннейшими составами. Страшный мороз, голод и ни одного человека кругом. Только чернеют непрерывные ряды составов. Мы с отцом решили добраться до вокзала самостоятельно. Спотыкаясь и падая, добрались до середины дороги и остановились перед новым составом, обойти который не было возможности. Тут отец упал и сказал, что дальше не сделает ни шагу. Я умолял, плакал — напрасно. Тогда я озверел. Я выругал его последними матерными словами и пригрозил, что тут же задушу его. Это подействовало. Он поднялся, и, поддерживая друг друга, мы добрались до вокзала. Здесь мы и свалились. Больше я ничего не помню. Очнулся в госпитале, когда меня раздевали. Как-то смутно и без боли видел, как с меня стащили носки, а вместе с носками кожу и ногти на ногах. Затем заснул. На другой день мне сообщили о смерти отца. Весть эту я принял глубоко равнодушно и только через неделю впервые заплакал, кусая подушку…»

Такова вкратце биография Стругацкого Н. З. Из его инициалов получается любопытная аббревиатура. Конечно, как человек военный Натан Залманович не мог не заметить забавного совпадения и наверняка шутил на эту тему. Уверен, что и старшего лейтенанта Стругацкого А. Н. забавляло это НЗ. Неприкосновенный запас.

Неприкосновенный запас нашей культуры — юрист, искусствовед и красный комиссар Стругацкий, — в условиях военного времени был, конечно, использован не с максимальной эффективностью, но вполне обоснованно и, главное, вовремя. Он успел дать миру, вырастить, поставить на ноги двух сыновей, прославивших его фамилию на весь мир.

Глава вторая
ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

«…одуряющий энтузиазм тех времён, бело-красные повязки, жестяные копилки „в фонд Легиона“, бешеные кровавые драки <…> Такие юные, такие серые, такие одинаковые… И глупые <…> И ещё стыдные детские вожделения, и томительный страх перед девчонкой, о которой ты уже столько нахвастался, что теперь просто невозможно отступить, а на другой день — оглушительный гнев отца и пылающие уши, и всё это называется счастливой порой: серость, вожделение, энтузиазм…»

(«Гадкие лебеди»)

«…Кое-что мы, конечно, можем, но вообще-то работы ещё на миллионы веков хватит. Вот, говорит, давеча испортился у нас случайно один ребенок. Воспитывали мы его, воспитывали, да так и отступились. Развели руками и отправили его тушить галактики — есть, говорит, в соседней метасистеме десяток лишних…»

(«Полдень, XXII век»)

Все мы родом из детства, сказал один из уважаемых Стругацкими писателей Антуан де Сент-Экзюпери. Это правда. Но, если — строго по Фрейду — находить истоки творчества в этом периоде жизни, категорически не получится рассматривать детство АБС как нечто общее. С разницей в восемь лет общего детства не бывает, а тем более в ту эпоху, искалеченную 1937-м и переломанную надвое 1941-м.

Ранние годы Аркадия были тем самым счастливым детством,

за которое тогда было принято говорить «спасибо» товарищу Сталину. Без всякой иронии и без всяких «но» в данном случае: мирная, спокойная жизнь в хорошей семье, среди добрых друзей, в замечательном городе, в любимой стране, которой искренне гордились и взрослые, и дети. Ну да, немного портили картину четырехлетнее отсутствие отца, острая нехватка мужского воспитания со второго по пятый класс — годы важные, во многом определяющие будущий характер, но… Ведь всё обошлось тогда. Отец вернулся, трагедии не случилось, и жизнь катилась дальше — яркая, пёстрая, интересная…

А счастливое детство младшего брата было грубо прервано в восемь с небольшим лет ясным воскресным утром 22 июня. Началось страшное. Крах всех надежд и планов. Ожидание самого худшего. Потом — бомбёжки, артобстрелы, ежедневная стрельба на слишком близкой линии фронта. И, наконец, ледяной кошмар свалившейся на город блокады. Собственно, это была сама смерть, из цепких лап которой вырваться удалось немногим, и те, кто вырвался, начинали верить в чудо.

Вот только чудесное спасение это вело не в райский сад, а в тоскливый неуют ташлинского эвакуационного быта, а потом в ещё больший неуют быта московского и ленинградского со всеми тяготами военной и послевоенной жизни, с необходимостью привыкать к безвозвратному отсутствию отца и неопределённо долгому отсутствию брата…

Такое детство наложило свой незримый, но и неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Известно свойство человеческой памяти отбирать из прошлого только лучшее. Потребность, умение, привычка отсеивать страшное, тяжёлое, дурное — это прямое следствие инстинкта самосохранения. Для человека молодого, для человека растущего, развивающегося характерен оптимизм. Стругацкие — оба — не были исключением. Изломанные войною и утратами души срослись, зарубцевались, всё пережитое не столько угнетало, сколько давало силы для новых свершений и побед. Они старались не вспоминать, они не говорили и тем более не писали о плохом. Не было в советской литературе начала 1960-х более солнечного, более радостного мира, чем мир Полудня, созданный воображением Стругацких. Невероятно прекрасный, откровенно фантастический и в то же время абсолютно реальный, осязаемый мир, брызжущий светом, здоровьем и счастьем.

Но ничто не проходит бесследно. Ничто не даётся задарма. И с годами всё явственнее, всё тревожнее и жёстче будет проступать надлом, и мы, наконец, прочтём в их книгах и о блокаде, и о войне, прочтём о голоде и смерти, о подлости человеческой, о

мировой скорби, о вселенской тоске и безысходности… Свершился круг времён? Да нет, всё гораздо сложнее. Жизнь — не проклятая замкнутая петля Никиты Воронцова, возвращающегося в своём кошмаре каждый раз в одну и ту же точку, жизнь — это всё-таки спираль, и на новом уровне новые люди с новыми силами находят в ней новые поводы для оптимизма.

Вернёмся к детству. И с удивлением обнаружим, как мало написано о нём в книгах АБС. Не только биографически точных воспоминаний о собственном детстве авторов не хватает читателю — вообще у большинства героев детства нет. И персонажей-детей — наперечёт. Даже в самых светлых и радужных книгах. Точнее, в самых светлых и радужных их особенно мало. Или нет совсем.

Ну да, Аньюдинская школа — пожалуй, самые запоминающиеся, самые симпатичные детские образы. Так ведь тут авторы (в этом они сами признавались) учились у Киплинга писать о детях, откровенно копируя манеру его малоизвестной на русском языке повести «Сталки и компания» (включена в собрание сочинений под названием «Шальная компания», Л.; М.: Новелла, 1925, перевод Пушешникова Н. А). Кстати, АН не знал об этом издании и с удовольствием перевёл книгу сам. К сожалению, его рукопись до сих пор не найдена целиком и пока не опубликована.

Ну, и конечно, славные дети из яркого и прекрасного пролога к «Трудно быть богом» — жёлтого на голубом и зелёном с красными точками земляники. Пролога, написанного в виде отдельного рассказа и прилепленного к роману по просьбе издательства, а сегодня уже хрестоматийного.

Но, возможно, самый выразительный, самый живой детский образ — всё-таки ещё более поздний, а именно Лэн из «Хищных вещей века». И уж точно он самый значительный герой-ребенок по количеству произнесённого текста.

Ну а кроме этого?

Декларативная любовь к детям и торжественное спасение оных в «Далёкой Радуге». Да, хорошо. Но детей там не видно, их там практически нет, по имени назван лишь один бесцветный мальчик Алеша — сын директора Матвея Вязаницына и неистовой мамочки Жени. Все остальные — как абстрактная идея, как фигура речи. Мы даже так и не узнаем, сколько их было — этих юных носителей эстафеты гуманизма (хотя в планах и разработках у авторов цифры приводились точные).

Плоть и кровь обретут детишки только уже в «Гадких лебедях». Но это, простите, будут уже не вполне обычные дети, это будут вообще не совсем дети…

Блестящий детский образ — Малыш, Пьер Семёнов, но он-то и вовсе человек лишь наполовину.

Эпизодический персонаж — милый мальчик Кир из «Волн…», потенциальный люден, то есть тоже не до конца человек.

Наконец, чудовищная Мартышка-мутант из «Пикника», не менее чудовищный сыночек Захара Губаря из «Миллиарда», жутковатый маленький Иуда из «Отягощенных злом», страшненький Лёва Абалкин из «Жука»… Ничего так себе галерея детских образов! А вот ведь, собственно, и всё — ставьте точку. Или добавьте мальчика Уно из «Трудно быть богом», уже почти взрослого, эпизодического принца оттуда же, ну и Федю Скворцова из ранней новеллы «Томление духа».

Этот несколько торопливый перечень не претендует на полноту серьёзного исследования темы, это не более чем иллюстрация отношения авторов к детям и детству.

Какой можно сделать вывод?

Думается, очень простой: не таким уж счастливым было их детство, во всяком случае, всё, что случилось позже, крепко перечеркнуло, заслонило, задавило и сплющило милые сердцу хрупкие воспоминания. Это — первое объяснение.

Есть и знаменитый толстовский аргумент: все счастливые семьи счастливы одинаково, уверял нас классик. И, стало быть, просто неинтересно описывать детские годы в благополучных семьях. Мы не найдем на страницах книг АБС картинок безоблачной радости из их личного детского опыта.

И, наконец, третье объяснение. Напомним, возвращаясь к началу: у них не было общего детства. А трудно, безумно трудно писать вдвоём о том, что не было общим, о глубоко личном, интимном, в чём самому себе нелегко бывает: признаться, а не то что брату… или читателю.

Забегая вперёд, скажем, что примерно такая же картина наблюдается в творчестве АБС с женскими образами — их незаслуженно мало, а те, что есть, зачастую до обидного неглубоки, даже схематичны.

БН не однажды объяснял, что не было у них с братом принято не то что писать об этих щекотливых материях, но даже обсуждать отношения с конкретными женщинами — так уж они были воспитаны. И это по-человечески очень понятно. Однако эта тема — тема секса, эротики, межполовых отношений — разумеется, куда чаще, чем тема детская, всплывала и в критических статьях (особенно последних лет), и в интервью. Мнения посторонних людей оставим на их совести, а вот дежурный ответ АНа на вопрос о женщинах процитируем:

> «Женщины для нас как были, так и остаются самыми таинственными существами в мире. Они знают что-то такое, чего не знаем мы, люди. Лев Толстой сказал: всё можно выдумать, кроме психологии. А психологию женщины мы можем только выдумывать, потому что мы её не знаем».

Что характерно, формулировка эта (включая шутку) была действительно дежурной, повторенной десятки раз в разных аудиториях и тет-а-тет с журналистами, формулировка однажды заготовленная и буквально выученная наизусть (разночтения минимальны). Что говорит, безусловно, лишь об одном: это не ложь, но это и не вся правда. Мы с вами действительно ещё вернёмся к этой теме, а цитату я привожу здесь вот к чему: если заменить слово «женщины» на слово «дети», правда получится полной, без оговорок.

Именно дети — это не совсем люди для АБС, прекрасные, удивительные, но совершенно непонятные существа.

Кстати, подтверждает это и БН в одном из своих ответов на сайте:

> «Бредбери считал детей особой гуманоидной расой. АБС, ***соглашаясь с ним*** *(подчёркнуто мною. — А.С.)*, в особую расу склонны были выделить и женщин тоже».

Возвращаясь к объяснению относительной «бездетности» книг АБС через отсутствие общего детства, отметим: лучшие страницы об этом периоде жизни, вне всяких сомнений, написаны братьями поодиночке. Есть и любопытные ответы в интервью, тоже дававшихся не дуэтом.

Вот что отвечает БН на вопрос, кем он хотел стать, когда был маленьким:

> «Настоящего детства — не помню. Если и было что-то, то вполне детское: стать силачом, замечательным гимнастом, хотя бы научиться делать связку рандат-фляк-сальто… Надо сказать, впрочем, я был всегда мечтателем-реалистом и выше второго разряда в мечтах никогда не возвышался (нацепить на лацкан значок с синей ленточкой и пройтись перед девчонками!). Потом появилась мечта стать учёным. Не мечта даже, а некая

робкая надежда. Очень уж мне нравилось возиться с формулами и выкладками. А лет в двадцать впервые сформулировалось желание напечататься — хоть бы рассказик, хоть бы страничек на десять!..»

Заметьте, как быстро и ненавязчиво он переходит от детства к юности.

А страшное блокадное прошлое, мелькнув первый раз в «Граде обреченном», выльется затем в целую большую часть потрясающего и ужасно мрачного исповедального романа «Поиск предназначения», написанного уже одним БНом, без соавтора. Две с половиной главы посвятит он трагическим впечатлениям тех зимних дней, и вообще добрая половина первой части — «Счастливый мальчик» — о детстве. Там даже есть Ташла, эвакуация — с жутким гигантским зелёным пауком, от одного вида которого теряешь сознание и можно утонуть. Явный прообраз будущего ракопаука с Пандоры. В миниатюре. Но я специально уточнял — эпизод имел место в жизни, паука видели все, вот только никому потом не удалось найти хоть капельку похожего ни в одном справочнике, ни в одном определителе…

Запоминаются яркие эпизоды, переломные моменты, остальное — как в тумане, и больше БН об этом периоде почти не рассказывает. Даже отвечая на прямые вопросы.

То же и со старшим братом. Он практически никогда и ни с кем не делился воспоминаниями об этом куске своей жизни — конце детства и ранней, доинститутской юности. Ни с кем. Даже с Борисом. И не писал об этом в совместных с братом книгах.

Есть только одно маленькое исключение — последняя глава «Хромой судьбы», повести на девяносто процентов автобиографической для АНа, но там изрядный фрагмент текста посвящен исключительно девушкам, а мы уже договорились, что это — отдельный вопрос.

И есть одно большое исключение — его последняя сольная вещь «Дьявол среди людей».

Но для начала — письма. Их было пять, дошло только два. Первое из них оказалось в руках у матери 2 июля 1942 года:

«15/VI — 42 г.

Дорогая мама. Пишу тебе третье письмо, не получив ответа на первые два, и не знаю, живы ли вы или нет.

Думаю, что первые мои письма не дошли, и поэтому расскажу о моих злоключениях снова. Выехали мы из Ленинграда, как ты помнишь, 28/I и на другое утро были

уже на другой стороне Ладожского озера, на станции Жихарево. Здесь нас впервые покормили, и мы наелись так, что не могли подняться с места. Через день нас погрузили в эшелон и отправили на Вологду. В день отправки отец заболел. Приехали в Вологду мы 7/II. Отец к этому времени был уже в ужасном состоянии, да и я не лучше. Нас сняли с эшелона и отправили в больницу.

Через два дня я узнал, что отец умер.

Ты не можешь представить себе моего отчаяния, милая мама, в эти дни. Я не знал, что мне делать, куда обратиться. Тогда я послал тебе первое письмо.

У меня происходило что-то нехорошее с желудком и лёгкими, и мне пришлось пролежать в больнице до двадцатого апреля. За это время я послал тебе ещё одно письмо, но ответа ни на первое, ни на второе не получил.

В Вологде я оставаться не хотел и решил ехать всё равно куда. 12/V сел в первый попавшийся эшелон и поехал. Эвакосправка мне была выдана до Чкалова. В Чкалов прибыл 5/VI. Там меня направили работать в Калининский совхоз, где я сейчас и нахожусь. Пишу и не знаю, живы вы или нет. Или уехали из Ленинграда. Я так тоскую по тебе и Борьке! Немедленно, как только получишь письмо, отвечай. Постарайся выехать из Ленинграда и приезжай ко мне. Здесь жизнь в продовольственном отношении великолепна. Мой адрес: Ташла. Чкаловская область, мясо-совхоз им. Калинина, до востребования Стругацкому. Тысячу раз целую вас мои дорогие (если вы живы).

Ваш Аркадий».

Именно из этого письма Александра Ивановна узнает точно, что её муж погиб, и ужасом этого сообщения омрачена великая радость: сын нашёлся, Аркашка жив!

Письма и телеграммы (сразу несколько) она отправляет в тот же день (не дойдёт ничего!). Но, только получив 11 июля ещё одно письмо, мама примет решение — ехать к сыну. В общем, было с чего: две фразы в этом пятом (или втором — по счёту дошедших) письме подчеркнуты именно матерью — Арк не стал бы делать таких подчеркиваний. Да ещё красным карандашом.

«12/VII — 42 г.

Дорогая мамочка и Боря!

Пишу вам, горячо надеясь, что мои предыдущие четыре письма дошли до вас. Сейчас я работаю начальником сепараторного пункта в Ташле. Я очень и очень скучаю по вас и жду постоянно от вас писем. Мама, если возможно, приезжай сюда. На случай, если ты соберёшься эвакуироваться, даю тебе такие советы: ни в коем случае не останавливайся в Вологде больше, чем на один день, захвати все деньги и не трать их по возможности в дороге, здесь они пригодятся. Если в силах — захвати побольше одежды — я здесь совсем раздет. Когда приедешь в Чкалов, сейчас же иди в Дом Советов в отдел по эвакуации, там спросишь, как добраться до Ташлы. Мой адрес: Чкаловская обл., Ташла, Советская улица, дом 111 (сто одиннадцать). Живу я в доме Клавдии Соловьёвой. Это очень добрая женщина, кормит меня и даже немножко одевает.

Как я скучаю по вас. Иногда от тоски плачу. Жду тебя, дорогая мамочка, как можно скорее. Целую вас крепко-крепко, тебя и Бобку.

Бедный отец, если бы хоть он был со мною.

Целую, твой сын и Борин брат Аркадий.

P.S. Пиши как можно скорее и чаще, с каждой станции».

Уехать из Ленинграда им удалось только 3 августа. До Ладоги ехали поездом. Оттуда — на пароходе. Дорога эта довольно подробно описана матерью. А БНу на всю жизнь запомнилась невероятно заблёванная палуба — ослабевшим, голодным людям качка давалась особенно тяжело. Однако сама по себе эвакуация, пусть и с изрядным риском попасть под обстрел или бомбёжку, не была таким уж подвигом. Ленинградские власти охотно и торопливо разгружали город в ожидании новой блокадной зимы.

Поезд до Чкалова тащился недели две, если не три. Только к концу августа семья воссоединилась. Тут всё понятно.

И вот теперь мы видим, что не описанным никем и никак остаётся довольно короткий период в жизни АНа — с 20 апреля по 15 мая в Вологде, плюс двадцать дней дороги до Чкалова. Что там было в эти тяжкие дни? Где он жил в городе? Как ехал? Чем питался? Какие ужасы повидал? А этот ад, через который прополз, описан ли в письме Игорю Ашмарину, или так и остался

за кадром? Нет ответа. Вот почему столь важно внимательно перечитать несколько страниц из повести «Дьявол среди людей», задуманной братьями вдвоём, однако написанной целиком в одиночку и опубликованной под псевдонимом «С. Ярославцев»:

> «Вот в это время и появился в нашем Ташлинске <…> замурзанный и обтрёпанный, с трудом владеющий человеческой речью мальчик Ким. Как появился? Да просто волею смертельно уставшей чиновницы, торопливо заполнявшей бесконечные ведомости. Уже в студенческие времена довелось мне услышать анонимную песню под гитару:
>
> *Из краев освобождённых,*
> *С чёрной, выжженной земли*
> *К нам пригнали эшелоны*
> *И детишек привезли…*[1]
>
> Эшелоны не эшелоны, а десяток детишек по какому-то распределению доставили в Ташлинск. Ещё в первую военную зиму к нам пригнали целый детский дом из Западной Украины. <…> И там его, конечно, как завзятого кацапа принялись было нещадно бить. Походя оскорблять, мочиться в его постель, отнимать еду. Дело известное. Мальчишки и звери — одна потеря. Но тут не на таковского напали. Ну-с, когда его в очередной раз жестоко отлупили, отобрали у него добротные армейские ботинки и отняли за ужином миску голодной каши вместе с голодной хлебной пайкой, он среди ночи тихонько встал, подкрался к своему главному обидчику, сыто и сладко спавшему под тремя одеялами, и со всего размаху треснул его по голове табуреткой.
>
> Ирония судьбы. Этого долдона через месяц должны были призвать в армию. Но после табуреточного сотрясения он почти пять месяцев проволынил в больнице и тем, по существу, спасся. <…> Табуреточное дело в детдоме, конечно, замяли. Там и не такие дела заминали. Трёх заведующих, пятерых завхозов, неучтённое число поварих и нянек отдали под суд, шайки осатаневших от голода воспитанников грабили погреба, лавки и хаты, хозяйки отбивались вилами и топорами, трупы мальчишек и девчонок тайком где-то закапывали, изувеченных увозили

неизвестно куда… Это общеизвестное. А что касается Кима, то приставать к нему перестали, но и дружбы ничьей в родном детдоме он не сыскал. Все числились на Голгофе. И Ким подружился со мной.

Во-первых, в классе оказались мы за одной партой. Это само по себе сближает. Но главное — моя мама. Чем-то очень ей понравился Ким. И когда приходил он к нам делать уроки, ему всегда выставлялось угощенье: мятая варёная картошка, круто посоленная и с нарезанным лучком, залитая обратом. И мы всласть лопали. Боже мой, как мы лопали, вспомнить страшно! Только хлеба, конечно, было маловато — так, по маленькой горбушке на нос. <…>

А родом он был откуда-то с юга, то ли из Батайска, то ли из Ростова. Отец сразу же ушёл на войну и сгинул, во всяком случае, у Кима о нем не осталось никаких воспоминаний. Когда немцы подошли к городу, мать подхватила сынка и перебралась к родителям. Надо полагать, куда-то неподалёку. Уже через несколько дней немцы без боя ворвались в это местечко и помчались дальше. На восток, на восток! Нах Шталинград!

Об оккупации у Кима особых воспоминаний не сохранилось. Кажется даже, что это было самое сладкое время в его маленькой жизни. Дед Старый и баба Вера души в нем не чаяли, картошки со сметаной, яиц и морковки было предостаточно, обширный двор и садик были в его полном распоряжении, вот только мать чахла день ото дня… Потом наступила та страшная зима, когда война взялась за него по-настоящему.

Вероятно, местечко это имело важное стратегическое значение, иначе чего бы две самые могучие армии в мире топтались на нём несколько дней (часов? недель?), гремели, бабахали, лязгали над головами двух стариков, молодой женщины и ребёнка, в ужасе зарывшихся в кучу картошки на дне погреба? Метались по земляным стенам охваченные паникой крысы, изобильно сыпалось с потолка, и всё тряслось в кромешной тьме… Выдалась тихая минутка, и дед Старый ползком вскарабкался по земляным ступеням и осторожно выглянул наружу, и сейчас же снова скатился вниз и сообщил, что хату разнесло до завалинки, а на месте сортира навалены грудой то ли мешки какие-то, то ли тела. Затем загремело, забахало, залязгало опять, да ещё и сильнее. Мать легла на Кима, прикрыв его своим немощным

телом, баба Вера громко читала молитвы, дед Старый кряхтел и ворочался во тьме, всё старался зарыть любимых людей поглубже в картошку, а маленький Ким лежал, притиснутый телом матери, задыхался и ходил под себя… И тут снаружи вышибли дверь погреба и вбросили гранату.

Немец? Наш? Какая разница! Треснула взломанная дверь, погреб озарился серым светом, затем со стуком упало рядом, покатилось и грянуло. Целую вечность Ким лежал под трупами тех, кто мог им интересоваться. Потом ещё одну вечность он выбирался из-под этих трупов. Он выбрался, залитый кровью и испражнениями, сполз на земляной пол и завыл.

Он выл и никак не мог остановиться. Он не помнит, как пришли, как вытащили его наружу, смутно припоминается ему, как кто-то плачет над ним, кто-то матерится люто, потом его мыли и оттирали, и кто-то голый, стриженный ступеньками, лил на него нестерпимо горячую воду и надирал жесткой мочалкой. И вот он оказался чистенький, в подшитой, но всё равно непомерной солдатской форме, с брезентовым ремнём и погонами, в громадных ботинках, набитых ветошью, в настоящих обмотках, толсто намотанных на его тощие ноги, и он был под опекой славного санитара-кашевара дяди Сережи и мчался со всей армией на запад, на запад, на Берлин!

До Берлина он не домчался, а оказался вдруг в эшелоне, в телятнике, набитом такими же возгрявыми бедолагами, котелок замечательно вкусной пшёнки с говядиной (на двоих в сутки), буханка хлеба, тоже замечательно вкусного (на пятерых в сутки), Новоизотовск, распределитель, Ташлинск. Всё».

Придумать такое можно? Можно. Но зачем? Если всё это было. Да, не всё именно с ним. Тем более даты, география, имена, родственные связи… Это же беллетристика, а не дневник. Но по сути АН за полгода до смерти заполнил, как сумел, это белое… да нет, чёрное пятно в своей биографии.

Грозила ему судьба Кима Волошина? Безусловно. Но он не сделался «дьяволом между людьми» (кстати, в авторском варианте это название звучало именно так, подчёркнуто архаически). Он не озверел. Не принял «причастия буйвола», как он любил говорить, цитируя Генриха Бёлля. Не превратился ни в

фюрера, ни в быдло. Он просто остался Человеком. Человеком с большой буквы.

В 1966-м братья Стругацкие напишут от имени Виктора Банева (а Банев из ГЛ — это ещё один герой, процентов на девяносто состоящий из АНа):

> «Всё дело в том, что вы, по-видимому, не понимаете, как небритый, истеричный, вечно пьяный мужчина может быть замечательным человеком, которого нельзя не любить, перед которым преклоняешься, полагаешь за честь пожать его руку, потому что он прошёл через такой ад, что и подумать страшно, а человеком всё-таки остался».

Да, Банев говорил не совсем о себе, он не был истеричным, да и брился относительно регулярно, правда, и пил не менее регулярно, но всё, что во второй части предложения, после слов «быть замечательным человеком» — это, безусловно, о нём, о Баневе. И об Аркадии Стругацком.

Вся эта жуть существования среди недобитых, толпами эвакуируемых и группками разбегающихся подростков, весь ужас их превращения в хладнокровных малолетних бандитов закончились для Аркадия именно в Ташле, где его как человека грамотного (целых девять классов!), поставили начальником «маслопрома», и нашлась добрая женщина, приютившая его, а через месяц и мама с братом приехали.

Там они прожили вместе около полугода. В начале 1943-го (приказ от 28 января) Аркадия призывают в армию, и 9 февраля он вновь покидает семью, уехав учиться во 2-е Бердичевское пехотное училище, дислоцированное в тот год в городе Актюбинске. И братья вновь расстаются надолго.

Сохранилось замечательное письмо из Актюбинска в Ташлу от 20 мая 1943 года (Борису — десять, Аркадию — без малого восемнадцать, и до самого крутого поворота в его жизни остаются считаные дни):

> «Я жив и здоров, всё у меня в порядке, как ты знаешь из моих обычных писем, так что о себе я писать тебе особенно не буду. Мне очень хочется увидеться с тобой, **мы бы вместе писали повесть о ваших похождениях в Ленинграде. Напиши мне подробнее, как у тебя идёт работа над повестью и по какому плану**. *(Выделено*

мною. — А.С.)

Ещё вот что. Мама написала мне, что ты получил „хорошо“ по поведению. Говорю тебе как брату и другу: чтобы этого больше не было. Если бы это касалось только тебя, то наплевать, я знаю, как хочется болтать и бузить такому шпендрику, как ты. Но ведь ты огорчаешь маму, а мама у нас самое дорогое, что есть на свете, её нужно беречь. Я тебе маму доверил и думаю, ты сохранишь её мне. Помогай ей всеми силами. Ну ладно. Напиши мне, с кем ты дружишь, с кем дерешься, как учишься. Смотри, в четвёртый класс ты должен перейти на круглых пятерках, иначе и быть не может».

БН сегодня уже не помнит, что они там собирались вместе писать; конечно, это ещё не могло быть никаким соавторством. Со стороны Бориса — просто подражание старшему, со стороны Аркадия — чисто педагогический ход. Но как красиво смотрится в свете всего, что ждёт их впереди!

Меж тем с этой второй разлукой детство старшего брата стремительно кончается, начинается совсем иной, сугубо взрослый период, грозящий ему полноценным участием в боевых действиях на фронте. Конкретно — на Курской дуге.

Но это уже совсем другая история.

Закончим с детством БН. Оставшись вновь без старшего сына, мама не видит смысла жить в Ташле и мечтает вернуться домой, только это почти невозможно на тот момент. Ленинград закрыт абсолютно, да и в Москву, где полно родственников, всё равно не пустят — разве что по медицинской справке о тяжёлом заболевании. И ближе к концу октября 1943 года мама такую справку раздобывает, заплатив за неё доброй половиной копченого хряка по имени Илюша, которого она растила и выкармливала целый год — деревенское детство и юность не прошли даром. И вот эта «контр-эвакуация» действительно была подвигом! Александра Ивановна думала о своих сыновьях, об их будущем, ребята должны нормально учиться, и для них надо было сохранить ленинградскую квартиру. Ах, как много трагедий разыгралось в послевоенном, послеблокадном Ленинграде, когда люди, вернувшиеся через годы, не могли получить назад своё жильё, уже занятое кем-то!.. Стругацкие вернулись в свой дом, но не сразу. Сначала была Москва.

Борис отлично запомнил свой первый приезд в столицу. Оба они в валенках, в тулупах, валенки промокли насквозь, потому что кругом — обычная для ноября слякоть, лужи, даже среди

ночи, и тьма кромешная, и они маются со своими мешками и узлами на вокзале, и вдруг — грохот, пушки, фейерверк разноцветных огней, миллионы ракет, свист, шипение… Что это?! Налёт? Артобстрел? Ложиться? Прятаться? Оказалось: салют, один из многих военных салютов, уже привычных для москвичей, но удивительных для приезжего — по поводу освобождения какого-то из советских городов. Их устраивали тогда практически каждую неделю, а то и чаще — попробуй, вспомни сегодня, какой именно был день и в какой из городов вошла доблестная Красная армия.

Поселились они в Москве у Киевского вокзала в квартире сестры Григория Тимофеевича Теселько — мужа тёти Мани. Тётя Маня, Мария Ивановна — самая старшая из рода Литвинчёвых, единственная и горячо любимая мамина сестра, — помогла младшей, Александре, поступить на работу в расположенную по соседству школу № 591 на Украинском бульваре. И туда же ходил четвероклассник Боря почти до конца учебного года. Жили без прописки. Всё время собирались уехать, но как-то не складывалось. Голодно было и холодно. Чтобы топить буржуйку в квартире, приходилось из школы таскать по целому бревну на плече, а дома пилить и накалывать чурки. Для школы дрова завозили и учителям разрешали брать с собой.

Удивительно, что от той Москвы у БНа остались самые отрывочные и туманные воспоминания. Словно и не было ни Аркадия с друзьями, ни тёти Мани, ни Бородинского моста через Москву-реку, ни просторных, как дворцы, вестибюлей метро, ни кремлёвских башен — ничего… Ещё удивительнее, что через девятнадцать лет, в 1962-м в эту самую школу пойдёт в первый класс младшая дочь АНа Маша Стругацкая, потому что 591-я окажется ближайшей школой к дому на Бережковской набережной. Но никто в семье ни разу не вспомнит, не совместит одно с другим, и только автор этих строк, работая над книгой, обнаружит столь невероятное совпадение!

В конце мая 1944-го вернутся они в родной город. И будет вокруг замечательно пустой солнечный Ленинград, страшноватый — в руинах, тревожных надписях и чёрных пятнах пожарищ, такой непривычный, неузнаваемый и всё-таки свой, любимый; и родители знакомой девчонки будут так странно смотреть на мальчика Борю, который по сложившейся деревенской привычке бегает по двору и даже по улицам босиком…

За неделю до школы придёт письмо от старшего брата:

«Пишу коротко: мне не нравится твоё поведение. Ты

много читаешь и мало живёшь. Я пишу тебе в надежде, что ты ещё не совсем отбился от рук. Прежде всего, я приказываю тебе выполнять режим дня, который будет установлен для тебя мамой, выполнять всё, касающееся питания, сна и гуляния. Не будешь выполнять — покараю по законам военного времени, выполнишь — дарю тебе свою подзорную трубу, ту, медную. И не думай, что если я получил тройку *(по основам марксизма-ленинизма. — А.С.),* то это означает моё падение. Ничего это не означает, и ты в этом убедишься. И ещё, пиши мне, иначе буду обижаться, вот сейчас сядь и пиши. Ну, всего.

Целую, твой Аркадий».

А с сентября началась учёба — обычные, скучные занятия сначала в 94-й, а через год всё в той же 107-й школе на Выборгской, куда через пару лет пришла и мама преподавать русский язык и литературу — до того она работала учительницей в 105-й, женской школе.

Борис всегда был прилежным учеником, как правило, отличником, при том, что занятия не любил, воспринимал их скорее как повинность. Зато всерьёз увлёкся спортом; была даже сломанная рука во время соревнований по бегу с препятствиями на стадионе завода «Красная заря», здесь же, рядом, на Лесном проспекте. А позже — не только бег, прыжки и метания, не только нормы БГТО, но и дополнительные занятия гимнастикой, волейболом, мечты о победах и разрядах. И ещё — увлечение наукой и первые литературные опыты.

В девятом классе им задали на дом сочинение на свободную тему. Вот тогда он и придумал свой первый фантастический рассказ — «Виско». Это не от «виски», конечно, а от английского *viscosity* — вязкость. Виско — это было такое человекообразное чудовище, искусственно созданное, вылепленное в секретной лаборатории в джунглях Амазонки. Деталей автор уже не помнит, но, в конце концов, измученное экспериментами существо убивало своего создателя и разрушало лабораторию. Аналогии очевидны — Голем, Франкенштейн, но сильнее было влияние «Острова доктора Моро» любимого Уэллса. Текст рассказа, написанного тушью и проиллюстрированного, не сохранился: примерно в начале 1950-х БН сжёг его в печке в пароксизме законного самоуничижения. Жаль, конечно, но понять можно. А за сочинение, кстати, поставили пятёрку, учительница литературы была приятно удивлена.

Снова приходили письма от старшего брата, из разных мест, но всё чаще, всё подробнее. Были и встречи. Аркадий приезжает в отпуска, и разговоры двух братьев становятся серьёзными. По-настоящему серьёзными для их общего будущего.

В августе 1949-го Борис перед последним классом школы в очередной раз встречает Аркадия — уже закончившего институт, но ещё не получившего распределения. Тот приезжает в Ленинград с молодой женой Инной, знакомит её со своим младшим братом, которого не было на свадьбе, и вот именно в эту встречу они обсуждают всякие замыслы и приходят ко вполне продуманному решению — писать вместе. Через год Борису предстоит оканчивать школу и выбирать будущую профессию. Собственно, он уже и так всё выбрал, он хочет быть учёным, а конкретно — физиком, это становится самым актуальным. Однако Аркадий считает своим долгом напомнить: «Ты же знаешь, я сам хотел стать учёным — математиком, астрономом, я очень хотел, но у меня не вышло — из-за войны, из-за всего прочего, значит, теперь на тебя вся надежда, ты должен стать физиком. И только так мы сможем вместе писать наши книги». Его точные слова никем тогда не были записаны, но они запомнились Инне. О чём шла речь? О каких книгах? Сегодня уже не приходится сомневаться. Да и тогда, я думаю, оба они прекрасно понимали: речь идёт, конечно, о научной фантастике.

О, это были уже совсем не детские разговоры, это звучали речи не мальчиков, но мужей! И в то же время, именно летом 1949-го, когда 24-летний (!) Арк — лейтенант — приезжает в отпуск в Ленинград, они вместе с 16-летним Бобом — старшеклассником, — продолжают резвиться, как дети, и часами играют в свою любимую настольную, точнее напольную игру на глазах у скучающей и негодующей молодой жены, которая чуть не плача всё канючит: «Ну когда мы пойдем гулять на какой-то там остров? Вы мне обещали! Ну когда вы мне город покажете?»

А они ложились на пол по диагонали, раскатывали скреплённые листы ватмана с нарисованной на них другой планетой, как уверяла Инна: перевалы, долины, моря, неведомые населённые пункты. У каждого были свои солдаты. Скажем, синие и жёлтые. Только не красные и белые — это точно. А у Аркадия на плече красовались погоны с буквами «МР». Инна спросила: «Что это?» — *«Military Police»*. - «Ага, — поняла она, — военная полиция».

Собственно, это был самодельный аналог продававшегося тогда в детских магазинах «Боя полков». Братья усложнили примитивную игру, укрупнили и облагородили. Рисованная карта размером почти с мамину комнату, примерно три на четыре

метра, расстилалась на полу, при этом стол отодвигался в сторону, и начиналось движение цветных картонных квадратиков, изображавших пехотные части, танковые соединения, артиллерийские бригады… Каждая единица двигалась по своим правилам через реки и леса, поля и горы, вела огонь сама и гибла, попав под огонь противника. Учитывалось всё, что можно было учесть для вящего реализма: относительная огневая мощь, прицельная дальность, маскировка и прочее, и прочее…

> «Нечто аналогичное, — комментирует БН сегодня, — хотя, конечно, более мощное и эффектное представляет компьютерная игра „Панцер Дженерал“, которую я очень любил и которую всё мечтал показать АНу, да так и не успел…»

Так в каком же году закончилось их детство?

И под занавес ещё немного на близкую тему. Одним из самых заметных изобретений АБС на ниве социальной фантастики — наряду с Вертикальным прогрессом и люденами, наряду с Институтом экспериментальной истории и самой идеей профессорства, наряду с концепцией гомеостатического мироздания, — является, вне всяких сомнений, Высокая теория воспитания, вокруг которой немало сломано копий. Всепланетная система, при которой дети воспитываются вне семей профессионалами высочайшего класса, оказывается, по мнению АБС, единственно правильным путём в гармоническое счастливое будущее человечества. А поскольку будущее это описано у них с невероятной, просто недоступной иным писателям достоверностью и привлекательностью, то и теорию эту никто всерьёз опровергнуть не смог. А знаете почему? По очень простой причине: теория эта никогда не была разработана. АБС — не педагоги, даже не социологи, и подобная вещь им просто не по плечу. Их теория воспитания была лишь названа, как некая эффектная и якобы благородная идея. И все кто хотел — поверили, что так действительно лучше. А кто не хотел верить, сочли за лучшее промолчать. Я не располагаю письменными свидетельствами, но почему-то уверен, что Александра Ивановна Стругацкая — педагог с сорокалетним стажем, воспитавшая двух замечательных детей именно в семье, — не разделяла взглядов своих сыновей на придуманную ими теорию.

А вообще-то в этой самой ВТВ ничего сильно нового не было. После 1917 года в пику традиционному «буржуазному»

воспитанию именно большевики пропагандировали повсеместный тотальный коллективизм и сделали его по существу государственной политикой в сфере образования. Если же брать более древние аналоги, то вспоминаются страшные и красивые легенды о спартанцах или ещё более страшные, но уже совсем некрасивые истории воспитания янычаров.

Характерен спор, который однажды вел 23-летний Аркадий с отцом своей будущей первой жены профессором МЭИ Сергеем Фёдоровичем Шершовым в коммуналке на Волочаевской улице.

— Вообще-то, воспитание ребёнка в семье — процесс недопустимо случайный, ведь семья может оказаться какой угодной: и образцовой, и преступной, — заявлял он и ставил оппонентов в тупик своими рассуждениями. — Как направить человека по верному пути? Как выявить его главные склонности? Надо лет с пяти забирать детей от родителей, помещать в закрытые интернаты в прекрасных климатических условиях, например, в Крыму, и там замечательные педагоги пусть распределяют их на гуманитариев и технарей.

— А если не те и не другие? — вклинился Сергей Фёдорович.

— А это — рабочие, — не задумываясь, ответил Аркадий и, видно, уже перелетев в мыслях из Крыма в Элладу, добавил небрежно: — Если угодно, рабы.

Папа-коммунист от такой формулировки лишился дара речи. Аркадий же завершил победно:

— И в итоге формируется интеллектуальная элита нации.

И тогда мама Инны — Мария Фёдоровна, второй секретарь Бауманского райкома партии, настоящий красный комиссар, ездившая по Москве на мотоцикле в чёрной кожанке и с револьвером на поясе, произнесла растерянно:

— Ну что ты, Аркаша, как же это можно — отнимать детей у родителей?!

С того далёкого 1948-го и до 1984-го, когда закончена была последняя повесть АБС о будущем, их теория воспитания обрела изящество и убедительность художественного образа, стала серьёзным фактом литературы, но как теория не продвинулась ни на йоту, только ещё больше запуталась сама в себе. Например, юный Аркадий чётко называл пятилетний возраст, явно позаимствовав его из японской традиции, где именно с пяти лет детей перестают баловать, позволяя им практически всё, и начинают муштровать по жёсткой самурайской системе. В книгах АБС нигде чётко не обозначен возраст начала коллективного воспитания; конкретные персонажи, как правило, оказываются ровесниками дочерей АНа или сына БНа на момент написания, что характерно для большинства писателей, не разрабатывающих

специально детскую тему; и наконец, БН уже в новейшие времена, общаясь на сайте, вдруг заявляет, что детей в придуманном ими мире забирали у родителей в возрасте одного (!) года.

Короче: есть мир Полудня, есть его удивительные дети и ещё более удивительные Учителя — прекрасная мечта о счастье человечества. Не надо разрушать этот образ, препарируя его с помощью наукообразных теорий. Не надо поверять алгеброй гармонию.

А вот как комментирует БН эту тему сегодня:

> «Основную Аксиому Высокой теории воспитания мы сформулировали давно (хотя самого термина ВТВ ещё не было): КАЖДЫЙ человек является носителем Главного таланта — способности или умения делать нечто лучше подавляющего большинства остальных.
>
> Обнаружить и развить этот Главный талант и есть основная задача ВТВ. При такой постановке дела проблема элиты и рабов существенно смягчается. Элитой становится подавляющее большинство, а в подавляемое меньшинство попадают лишь бедолаги с „нестандартными“ талантами — гениальные обтёсыватели каменных наконечников для копий, потрясающие умельцы-палачи и пыточных дел мастера, а также непостижимо-превосходные наладчики суперульмотронных нанодиглеров (которые человечеству предстоит открыть и запустить только в следующих веках). Проблемы этого меньшинства серьёзны и потребуют специальных педагогических усилий, но это уже проблемы МЕНЬШИНСТВА. И всё это было нам ясно уже в 60-х».

Да, у обоих Стругацких выросли и продолжают расти замечательные дети, внуки, а теперь уже и правнуки. У них было хорошее детство, и сложились благополучные судьбы. Но воспитывали их не по Высокой теории, а вполне традиционно, и, конечно, с переменным успехом, не без ошибок. Потому что ни Аркадий, ни Борис особым педагогическим талантом никогда похвастаться не могли.

И ещё совсем чуть-чуть об отношении к детям. Однажды один из любимых учеников БНа — замечательный петербургский писатель Андрей Измайлов, — завёл с учителем беседу о давней повести АБС «Далёкая Радуга» и задал очень прямой вопрос. Мол, те герои и те авторы — АБС образца 1962 года, — в момент

катастрофы сделали выбор в пользу детей, а не учёных. А лично БН, сегодняшний, без идеологического давления и с поправкой на опыт последних сорока лет, считает ли по-прежнему, что абстрактные дети, из которых ещё неизвестно что вырастет (то ли полковник Буданов, то ли террорист Радуев), представляют для общества большую ценность, чем истинный цвет нации — Сахаров, Высоцкий, Тарковский?.. Дискуссию эту крайне любопытно прочесть целиком, но в контексте данной главы для нас важно, что в итоге БН, исчерпав последние общепринятые аргументы, признаётся устало, что для него-то самого, конечно, взрослые друзья и соратники дороже абстрактных детишек.

«Ах, как это идеологически неверно! Ах, как непедагогично!» — воскликнет кто-то. Но давайте лучше прислушаемся к мнению Эдуарда Успенского — нашего самого знаменитого детского писателя:

> *«Стругацкие не писали детских книг, но ни одна их повесть не научит ребёнка ничему плохому, а все их любимые герои — это прекрасные примеры для подражания».*

Да, Стругацкие практически ничего не написали специально для детей, и «Детгиз» издавал их по чисто жанровому признаку. Но на книгах АБС воспиталось уже не одно поколение детей — результат безусловный и положительный. Наверно, это и есть главное.

Глава третья
КРУТОЙ ПОВОРОТ

«Видно, тот, кому надлежало ведать моей судьбой, был тогда ещё полон энтузиазма по моему поводу, и ему хотелось посмотреть, что из меня может получиться. И получилось, что всю свою молодость я провёл в армии…»

А. и Б. Стругацкие. «Хромая судьба»

Поздней весной 1943 года в Актюбинске установилась отличная погода, деньки стояли тёплые, солнечные, тихие, словно и нет никакой войны где-то там за тысячу вёрст. И непонятно было вчерашним мальчишкам, курсантам 2-го Бердичевского, для чего обучают их всякой чепухе — вроде способа превратить сапёрную лопату в миномёт. А это не шутка. Действительно, какой-то народный умелец в чине старшего офицера предложил совместить трубу миномёта с черенком лопаты. Другой народный умелец в штатском сделал чертежи, устройство запустили в серию, и несчастных солдатиков обучали копать тяжеленной лопатой и стрелять из наскоро воткнутого в сухую землю под весьма случайным углом миномёта. Мины из него вылетали, конечно, но попадали, как говорится, не куда надо, а куда ветер подует…

И вдруг…

Перед самым выпуском в конце мая является в училище высокая комиссия из Москвы во главе аж с генералом и всем курсантам велят написать диктант. Ну, тут, конечно, выясняется, что некоторые даже буквы помнят не все, потому как грамоте учить их начали пару месяцев назад. Однако десятка полтора смельчаков отчаянно бросаются в бой с русским языком. Аркадий Стругацкий — среди них. Сданная им работа произвела неизгладимое впечатление на высокую комиссию. Три страницы текста написаны были без единой грамматической ошибки.

— Хочешь учиться в институте на переводчика? — спросил генерал.

— Хочу! — мгновенно ответил юноша, вытягиваясь в струнку.

— А японским языком готов заняться?

— А по мне, хоть китайским, — ответил он лихо.

Генерал улыбнулся с хитринкой и переспросил:

— Так какой же из них сложнее?

— Китайский, конечно, — сказал Аркадий уверенно, чем окончательно сразил генерала.

Кто это был? По одной из легенд, сам генерал-майор Николай Николаевич Биязи — создатель и начальник Военного института иностранных языков Красной армии (ВИИЯ КА), потомок старинного итальянского рода, интеллектуал, эстет, полиглот (14 языков), выдающийся спортсмен (мастер спорта сразу по нескольким видам), красный командир и дипломат. Учитывая столь феноменальный набор достоинств, рискнём предположить, что эту экстравагантную личность посередь войны нелёгкая занесла в актюбинское захолустье. Известно, что он действительно в первые годы лично набирал курсантов в только что организованный вуз, однако конкретных упоминаний о поездке в Северный Казахстан в биографии Биязи не обнаружено.

Существует иная, более правдоподобная легенда — юного Стругацкого заманил в Москву Игорь Дмитриевич Серебряков, будущий известный индолог и действительно один из первых преподавателей ВИИЯ. Но и эта версия не находит однозначного подтверждения. Да и откуда оно будет однозначным? Живых свидетелей того разговора не осталось, а всевозможным пересказам — грош цена. И потому очень соблазнительно предположить, что спасать будущего писателя АБС от верной гибели на Курской дуге явился, конечно же, герой «Полдня», отдаленный потомок Петр Петрович под видом Биязи либо Серебрякова — это уж кому как нравится. Или — более поздний персонаж, Прудков Агасфер Лукич, агент Госстраха и ученик пророка Мухаммеда. Но только в этом случае именно Петр Петрович (он же Агасфер Лукич) собственноручно же ловил Аркашу, отброшенного взрывной волной, и мягко переносил через острые прутья ограды во время бомбежки в Ленинграде осенью 1941-го (читайте «Хромую судьбу») и он же вел грузовик по льду Ладожского озера, а потом нёс замёрзшего, потерявшего сознание юношу с товарной станции на окраине Вологды в теплую санчасть; и уж конечно, Агасфер Лукич (он же Петр Петрович) провёл его неведомыми путями от Вологды до Ташлы. А ещё раньше — намного раньше! — под именем доктора Фролова в Батуме он делал операцию двухнедельному новорожденному Аркадию, которого в условиях дикой антисанитарии послереволюционного южного города заразили чем-то в роддоме, малыш весь покрылся гнойниками и, по

мнению других врачей, выпихнувших его вместе с мамочкой из больницы, был уже не жилец… И сколько ещё надо этих доказательств «27-й теоремы этики»? Их можно десятками вспоминать! БН написал «Поиск предназначения» о себе, однако не менее яркие истории из жизни АНа разбросаны по всем их совместным книгам, просто не собраны воедино. Вряд ли стоит их собирать. Читателю рекомендую проделать забавный эксперимент — поднять из памяти случаи «волшебного» спасения собственной жизни. Уверяю вас, каждый насчитает их минимум пяток — сразу, навскидку!

Итак, в июне 1943 года судьба АНа совершает крутой и, вне всяких сомнений, счастливый поворот. Уже в середине месяца он оказывается в Ставрополе-на-Волге (ныне Тольятти), куда с октября 1941-го перевели военфак Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ). Именно там, в эвакуации, он был переименован, и к нему присоединился военфак института востоковедения. Так состоялось формальное рождение ВИИЯ — приказом НКО СССР от 12 апреля 1942 года.

А почти весь выпуск 2-го Бердичевского был отправлен тем же летом на Курскую дугу. Там была мясорубка, и оттуда никто из них не вернулся живым.

У Аркадия началась новая жизнь. Новые начальники, новые друзья, абсолютно новый распорядок. Было интересно, даже весело. И было голодно. «Кормят нас на убой, — шутили курсанты, — пока сами не подохнем». «Чего у нас много? Вшей. А чего у нас мало? Еды». Почему-то подобные пассажи казались остроумными. В свободное время Аркадий и его новый друг Андрей Спицын — интеллигентный москвич, прибывший по той же схеме из эвакуации, из алма-атинского пехотного училища, — промышляли вдвоём. Ходили по окрестным дворам и трудились на одиноких женщин. Причем Аркадий со своим недюжинным здоровьем, как правило, таскал воду, колол или пилил дрова, а хитрый Спицын торговал интеллектуальной собственностью — показывал карточные фокусы, иногда с разоблачением оных, учил раскладывать пасьянсы и самым положительным образом гадал на картах же. Деньгами им не платили — где пару яиц дадут, где молока, где картошки, а где и целую утку.

Так незаметно пролетели три с половиной месяца, и началось обратное перебазирование ВИИЯ в столицу. Приказ об этом вышел ещё на излете Сталинградской битвы, 31 января 1943 года, а теперь уж и Курская миновала, и промелькнул вслед залетом дождливый сентябрь с заморозками по ночам, и облетела листва

в городском саду, и потянулась по великой реке на маленьком буксире старая, ржавая, пропахшая рыбой и солярой черная баржа, на которую погружены были и сами курсанты, и весь их немногочисленный скарб, и вся библиотека института — изрядное количество грубо сколоченных ящиков с книгами и папками.

Плыли долго. Уже и снежок порою начинал падать. А осень выдалась ветреной, сырой и холодной, так что в Москве было даже здорово, когда их заставили идти пешком от Южного порта до Таганки — шесть, а то и восемь километров. И согрелись, и столицу увидели от окраины до центра. Вот она какая: необъятная, с высоченными домами, с широкими проспектами, с мостами!.. Мосты короче и словно бы массивнее ленинградских, и река Москва более узкая, чем Нева, но закованная в гранит не менее монументальный. А этот совершенно фантастический, сказочный Кремль, сего башенками, укутанными в камуфляж!..

Москвичи особенно радовались возвращению в родной город. Ведь теперь им разрешат жить дома. Андрею Спицыну — у родителей на Серпуховке, ездить вполне удобно на трамвае, Борьке Петрову (призван из Ташкентского пехотного) — у мамы в самом центре, в Большом Черкасском. Оттуда вообще пешком можно ходить на Таганку.

А место, где занимались поначалу и куда поселили всех иногородних — это было довольно новое здание школы в 5-м Котельническом переулке, в двух шагах от Таганской площади, на высоком берегу реки. В такой невероятной близости от Кремля, что поначалу просто не верилось. По утрам во время зарядки они сбегали вниз по щербатому булыжнику крутого склона и дальше по асфальту набережной, всё ближе и ближе к самому сердцу Родины, но только до Зарядья — потом поворачивали назад, потому что и при въезде на Красную площадь, и под мостом на Кремлевской набережной стояли специальные патрули, и всякий раз ему казалось, что вот сейчас оттуда появится ЗИС с эскортом мотоциклистов, торжественно приостановится, откроется дверца и прямо им навстречу выйдет товарищ Сталин. Или всё это вообще только снилось ему?

Мелькали дни, и первое очарование Москвой проходило. Аркадий по-прежнему любил сидеть над недавно ещё травянистым, а теперь уже заснеженным склоном и смотреть на ослепительно розовую в закатном свете корочку льда, хотя совсем недавно провожал глазами унылые катера, проплывающие по серой глади меж бакенами. Ближе к Кремлю его уже не тянуло. Они полюбили Швивую горку, где местные сорванцы катались на санках, на фанерках, на обрывках картона — на чем попало, и

можно было легкомысленно присоединяться к ним, вызывая восторги девчонок и возмущение мамочек. А ещё они полюбили бульвары: Яузский, Покровский, Чистопрудный, и дальше — какой там ещё? По бульварам гуляли девушки, иногда поодиночке, иногда группками, даже зимой, а уж весной…

Аркадий сочинил песенку, которую они распевали хором и называли гимном московского гарнизона:

По московским паркам и бульварам
Мы идём зелёною чумой
И с весёлой девочкой на пару
Залетаем прямо к ней домой.
Эй, приятель, живей,
Рюмку водки налей!
Ё-хо-хо,
Веселись как чёрт!

Ну, понятно, это из «Острова сокровищ». Вот, сравните с оригиналом:

Нас родила тьма,
Мы бродим, как чума,
Близится час,
Слушай приказ,
Дьявол за нас!
Приятель, смелей разворачивай парус.
Ё-хо-хо, веселись, как чёрт!
Одни убиты пулями, других убила старость.
Ё-хо-хо, всё равно за борт!

Фильм Владимира Вайнштока вышел в самом начале 1938 года, и Аркадий наверняка смотрел его, и не раз, а «Песню пиратов» Никиты Богословского на стихи Василия Лебедева-Кумача распевала тогда вся страна, тем более что именно её запретили к тиражированию и к исполнению по радио. Популярность была бешеная, и эти строчки переделывали все, кому не лень.

Стругацкий тогда вообще много сочинял всякого. Например, смотрел вокруг себя и перефразировал Пушкина:

Зима. Ликующий водитель
Заводит снегоочиститель.

Или когда получил после долгих мытарств вожделенные сапоги (а обуви в войну всегда не хватало), он нёс их на указке, перекинутой через плечо, положив в невесть откуда взятую корзинку, и распевал в коридорах института такой текст:

Не страшны мне, молодцу,
ни стужа, ни мороз.
Я свои ботиночки
на палочке в корзиночке
к любимому сапожнику,
е… мать, понёс!

О, как изящно через девятнадцать лет в книге изданной стотысячным тиражом в «Детгизе», вышеуказанная мать будет заменена нейтральным эвфемизмом «тирьям-пам-пам»!

Но судя по всему, и этот куплет является переделкой бессмертного творения другого неизвестного автора. Иначе как объяснить воспоминания БНа, что стишок был сочинён его однокурсниками на матмехе Витей Хавиным и Петей Тревогиным лет через десять?

Да в общем-то Аркадий не очень и претендовал на звание поэта — больше тяготел к прозе. Однажды на скучной лекции он сообщил соседу свистящим шепотом:

— Придумал отличное название для фантастического романа: «Человек без жопы».

Шутка зашелестела по рядам. Кто-то самый дотошный поинтересовался:

— Слушай, как же он будет?.. Ну… понимаешь.

— А этого, — сказал Стругацкий, — никто не знает. Главное — название хорошее.

И все очень весело ржали. Только один Юра почему-то совсем не смеялся. Аркадий его спросил потом, и он рассказал:

— Мне когда задницу оторвало под Ельней, я полгода по госпиталям мотался. Это же жуткая вещь, браток, когда ягодицу оторвет. Там, понимаешь, в ягодице, все главные сосуды сплетаются. А мне по касательной как шваркнет болванкой!.. Ребята, спрашиваю, что же это такое, где же задница-то? А мне, веришь, штаны содрало начисто по самые голенища, как не было штанов… в голенищах ещё что-то осталось, а сверху — ну, ничего!..

А ещё был у них на курсе парень по имени Костя — верный сталинец, отличник, зубрила, но от природы несколько туповат. Всё, что выходило за рамки учебных курсов, запоминал он неважно. И ему Аркадий посвятил следующие строки:

Не мог он Фрейда от Фореля,
Как мы ни бились, отличить.

Кем стал впоследствии этот Костя, история умалчивает, да и не это важно. Интересна сама тематика этой эпиграммки. Очевидно, что в восемнадцать-девятнадцать лет все юноши интересуются сексом. Но учтите, какой год на дворе. Это ж надо было где-то доставать дореволюционные издания Зигмунда Фрейда и Августа Фореля! Имя Фрейда в комментариях не нуждается, а вот Форель, который у сегодняшнего читателя ассоциируется, скорее всего, с деликатесной рыбой, был на самом деле выдающимся швейцарским психиатром XIX–XX веков, и его знаменитый двухтомник «Половой вопрос» на русском языке с предисловием академика В.М. Бехтерева выдержал не менее десятка переизданий. Курсанты ВИИЯ были по преимуществу из интеллигентных семей или тяготевшие к интеллигенции, своего рода разночинцы. Так что в родительских библиотеках книги у них могли быть всякие. Но характерно, что именно Стругацкий укоряет Костю за плохое знание сексологии. Сам он в этом юном возрасте был уже весьма подкованным товарищем. Об этом впереди разговор особый.

Здесь же отметим лишь, что в тот московский период жизни недостатка в подругах у Аркадия не было. Знакомства сколь угодно близкие могли продолжаться месяцами, а могли быть и однодневными. Всё зависело от обстоятельств, характера девушки, общего настроения. Девчонки сами вели на него атаку, он пользовался колоссальным успехом. Его любили самозабвенно. И что удивительно, обходилось без крупных скандалов, без обид, без сцен ревности. У него был талант не только обольщения — у него был талант общения. В любой девице — будь то хоть мимолётный «бульварный» роман на одну ночь, — он видел человека, родственную душу, интересного собеседника. Девушки восхищались им при встрече и благодарили при расставании. И даже соперники не могли не признать его уникальную порядочность.

Откроем «Град обреченный»:

> «…Представляете себе — красавец, в плечах косая сажень, кавалер трех орденов Славы, а полный бант этих орденов, надо вам сказать, давали не всякому, таких было меньше даже, чем Героев Советского Союза. Ну, прекрасный товарищ, учился отлично и всё такое. И была у него, надо вам сказать, одна странность. Бывало,

придет он на вечеринку на хате у сынка какого-нибудь генерала или маршала, но чуть все разбредутся шерочка с машерочкой, он потихоньку в прихожую, фуражечку набекрень и — привет. Думали сначала, что есть у него какая-то постоянная любовь. Так нет — то и дело встречали его ребята в публичных местах — ну, в парке Горького, в клубах там разных — с какими-то отъявленными лахудрами, да всё с разными! Я вот тоже однажды повстречал. Смотрю — ну и выбрал! — ни кожи ни рожи, чулки вокруг тощих конечностей винтом, размалевана — сказать страшно… а тогда, между прочим, нынешней косметики ведь не было — чуть ли не ваксой сапожной девки брови подводили… В общем, как говорится, явный мезальянс. А он — ничего. Ведёт её нежно под ручку и что-то ей там вкручивает, как полагается. А уж она-то — прямо тает, и гордится, и стыдится — полные штаны удовольствия… И вот однажды в холостой компании мы и пристали к нему: давай выкладывай, что у тебя за извращённые вкусы, как тебе с этими б…ми ходить не тошно, когда по тебе сохнут лучшие красавицы… А надо вам сказать, что был у нас в академии педагогический факультет, привилегированная такая штучка, туда только из самых высоких семей девиц набирали… Ну, он сначала отшучивался, а потом сдался и рассказал нам такую удивительную вещь. Я, говорит, товарищи, знаю, что во мне, так сказать, все угодья: и красив, и ордена, и хвост колом. И сам, говорит, о себе это знаю, и записочек много на этот счёт получал. Но был тут у меня, говорит, один случай. Увидел я вдруг несчастье женщин. Всю войну они никакого просвета не видели, жили впроголодь, вкалывали на самой мужской работе — бедные, некрасивые, понятия даже не имеющие, что это такое — быть красивой и желанной. И я, говорит, положил себе дать хоть немногим из них такое яркое впечатление, чтобы на всю жизнь им было о чем вспоминать. Я, говорит, знакомлюсь с такой вот вагоновожатой, или с работницей с „Серпа и молота“, или с несчастненькой учительницей, которой и без войны-то на особое счастье рассчитывать не приходилось, а теперь, когда столько мужиков перебили, и вообще ничего в волнах не видно. Провожу я с ними два-три вечера, говорит, а потом исчезаю, прощаюсь, конечно, вру, что еду в длительную командировку или

ещё что-нибудь такое правдоподобное, и остаются они с этим светлым воспоминанием… Хоть какая-то, говорит, светлая искорка в их жизни. Не знаю, говорит, как это получается с точки зрения высокой морали, но есть у меня ощущение, что я таким образом хоть как-то частичку нашего общего мужского долга выполняю…»

О ком это они? Когда я читал впервые, был просто уверен: о себе. Ну, то есть младший брат Борис, на девяносто процентов прототип Андрея Воронина, вспоминает своего старшего брата Аркадия — прототипа Сергея. Биография, ясное дело, изменена, но сам образ, сама жизненная позиция… Разве такое придумаешь! Оказалось, речь идёт всё-таки о другом человеке. Некоторые узнали в нем Михаила Анчарова, тоже будущего известного писателя, поступившего в ВИИЯ раньше и учившегося параллельно со Стругацким чуть больше года. Спицын называет другое имя. Но и с этим, другим, и с Анчаровым у Аркадия были, мягко говоря, натянутые отношения. Почему? Конкуренция — очевидно, не раз и не два друг у дружки девчонок перебивали. Стругацкий и сам был почти таким же. Ну да, не было в нём этой последовательной жертвенности, но не только чопорные красавицы-недотроги, но и серенькие несчастные лахудры с завода Михельсона, что на Серпуховке, не были обделены его вниманием. А, кстати, возвращаясь к роману, «Серп и Молот» — это же на Яузе, в двух шагах от «альма-матер».

Вообще-то, в самом ВИИЯ девушек было очень мало. Военный всё-таки институт. На весь поток — девять представительниц прекрасного пола. А в группе вообще одна — Томка Захарова. Через год появилась ещё Юлька Осиновская. Так что понятно, что у девчонок тоже отбою от кавалеров не было, и замуж они выходили довольно быстро. Аркаша в условиях столь жёсткой конкуренции в соревнование, как правило, не вступал, и внутри института серьёзных романов у него не было. Хотя заметен он был. Очень заметен.

«Я его сразу выделила из всех, — вспоминает Тамара Захарова, вышедшая замуж на третьем курсе за парня из индийской группы Илью Редько и ставшая впоследствии известной переводчицей и заведующей восточной редакцией издательства „Художественная литература“, — его нельзя было не выделить: высокий, большой, красивый, с орлиным носом, с умными, весёлыми глазами, вечно расстёгнутая и какая-то незаправленная гимнастёрка, и старые, до дыр затёртые кирзачи — он весь был такой изящно-небрежный, в нём сразу ощущалась

личность, и эти солдатские сапоги выглядели не смешно, а эпатажно! Ведь все стремились раздобыть офицерские, шикарные, из мягкой кожи… Ему было наплевать на одежду. И ещё было в нем что-то птичье — могучее и одновременно лёгкое, крылатое — такая большая птица… в кирзовых сапогах».

Двенадцать лет армейской службы так и не переделали его. Менять подворотнички, гладить хэбэ, чистить сапоги и ботинки, застёгиваться на все пуговицы его, конечно, приучили (хотя и не вполне — при любом удобном случае норовил не выполнять предписаний), но полюбить всё это он так и не сумел. Не смогли заставить. Природа взяла своё. Он только легко вздохнул, уходя на дембель и радостно возвращаясь к мягким брюкам без стрелки, свитерам, ковбойкам и разношенным ботинкам. На гражданке он почти никогда не носил костюма (долгое время костюма просто не было) и вообще никогда не надевал галстуков. АН в галстуке — такого зрелища не помнит никто (хотя несколько фотографий сохранилось).

Дисциплинарные замечания и взыскания — вот главный бич всей его послужной истории. Соблюдение пунктов воинского устава претило ему от принятия присяги и до последнего дня в армии. Спасало обаяние, спасал интеллект, спасало везение, но не всегда. Сколько раз он попадал на губу, сосчитать невозможно. Случаев было много, самых разных, связанных и с женщинами, и с выпивкой, и с прямым хулиганством, но в первые студенческие годы главными нарушениями были рассеянное нежелание приветствовать всякого дурака, оказавшегося вдруг старшим по званию, и всевозможные несоответствия в форме одежды.

А всякий раз, приведя себя в условный порядок где-нибудь перед зеркалом, он придирчиво оглядывал вздувшуюся пузырём гимнастерку, смятое голенище или завернувшийся рукав и вопрошал: «Ну как? Похож я на лорда?», чем приводил в полный восторг сослуживцев.

Аркадий был всеобщим любимцем. Не только у девчонок. У ребят — тоже. Не лидером, нет — просто авторитетом. Лидером он не мог быть. На одном курсе с ним учились те, кто постарше, а главное — прошедшие фронт, привыкшие командовать, имевшие уже офицерские звания. В лидеры выбивались из их числа, а Аркадия просто уважали за талант и за интеллект, за остроумие и за обаяние. И ещё — за смелость и силу. К спорту он не тяготел совсем, но физически был одарён от природы. Народ в ВИИЯ, в принципе, был не драчливый, другие аргументы считались более весомыми, но молодость есть молодость, и некоторые конфликты — зависть, соперничество, дурацкие обиды, — могли доходить до стадии рукоприкладства. В таких ситуациях Аркадий

демонстрировал не только превосходство в весовой категории, но и впечатляющие навыки уличного бойца, и настоящую жёсткость рукопашной схватки. Мальчишка, рано научившийся драться, не забывает этого искусства никогда. В общем, с ним предпочитали не связываться, а сам он не был задирой.

Заводилой — да, был. Вечно всех подбивал на самые безумные авантюры и безобразия. Ну и, конечно, развлекал: шутками, анекдотами, рассказами.

Самое первое прозаическое произведение АНа, по сути, так и осталось в устной форме. Однако запомнилось многим. Называлось оно «7 дней, которые потрясли мир» и было изложено по частям, с продолжением, товарищам по несчастью, заступавшим в суточные наряды. Патрулирование улиц — это ещё туда-сюда, даже иногда весело, но в караулке торчать — увольте! — тоска смертная. И вот в шесть или восемь приёмов (а, возможно, именно в семь — по дню на каждое дежурство) Аркадий потчевал сокурсников своим первым фантастическим романом. Чувствуете, когда зарождался жанр отечественного сериала! А сюжет был таков.

Вдруг появились откуда-то надёжные сведения: то ли немецкая разведка донесла, то ли американская, то ли наша, но сведения точные, проверены были не раз: мол, приближается к Земле чудовищная комета. Слухи поползли, народ начал бунтовать. И надо же такому случиться, чтобы она, сволочь, летела именно на Москву, мало того, непосредственно сюда, в Лефортово, а если до конца честно, то, по расчётам, прямо-таки в караульное помещение! И хотя в итоге всё равно погибнуть должна была вся планета, но как-то уж очень обидно, что именно их наряду суждено принять этот удар первыми, и уж точно деваться будет некуда. Ну, информация доходит до всех президентов и правительств. Лично выступает по радио товарищ Сталин. И на войне, в действующей армии солдаты и офицеры решают: на кой черт нам воевать, лучше пойдем грабить рестораны, магазины, снабженцев раскулачивать… «Кому живётся весело, вольготно в РККА? Начпроду толстопузому, ответили солдатики…» А тем временем в мировых столицах собирают конгрессы, консилиумы и конференции. Совещаются, согласовывают, прикидывают, примеривают, перепроверяют в сотый раз все расчёты. И вроде сходится у них. Вот так и катятся по планете эти треклятые семь дней, наполненные событиями ужасными и весёлыми. Но главное, что в повести Стругацкого героями были все курсанты группы японского языка, все общие знакомые из других групп и с других факультетов, все любимые преподаватели и начальники, все девчонки с окрестных улиц, а

также виднейшие партийные и советские руководители. И каждый вёл себя по-своему. И было это абсолютно непредсказуемо и смешно до колик. В итоге, понятное дело, оказалось, что учёные ошиблись. Не там запятую поставили, или ноль не с той стороны приписали — в общем, все остались живы-здоровы.

Повесть эта условно датируется весной сорок четвёртого года. Благодарные слушатели и тогда, и потом не раз говорили ему: «Аркаша, запиши „Семь дней“, война кончится — книгу издашь!» Но он, конечно, только отмахивался. Через много лет, когда вышел «Пепел Бикини», Андрей Спицын честно признался ему: «Барахло твоя книжка! „Семь дней“ куда лучше были».

Почему-то АН не стал говорить другу, что совсем незадолго до работы над «Пеплом» он вернулся к давнему сюжету и пытался сделать из него пьесу. Возможно, уже тогда он полностью перечеркнул наивный замысел, а возможно, наоборот, ещё лелеял надежду завершить неоконченное произведение и просто боялся сглазить. К этой пьесе мы ещё обратимся подробнее в соответствующей главе. А пока заметим, что Аркадий был одарён весьма разносторонне. Например, на скучных занятиях он любил рисовать карикатуры и щедро раздаривал их налево и направо. В рисунках этих было всё хорошо и с юмором, и с точностью линий, даже портретное сходство персонажей угадывалось.

Рисунков той поры сохранилось немного. Более поздние, как иллюстрации к собственным произведениям (причем Борис тоже рисовал) опубликованы в томах «Неизвестных Стругацких». В нашей книге читатель может лицезреть графическую композицию в технике карандаша под названием «Проект памятника герою двух войн Спицыну А.Н., составленный его другом Стругацким А.Н.». Год, эдак, сорок восьмой, когда Андрей уже вернулся в Москву с кучей медалей, но продолжать обучение в ВИИЯ по состоянию здоровья не мог и собирался поступать в геологоразведочный, как советовали врачи и отец — учёный-геохимик.

Чтобы понять картину во всей её глубине, понадобились комментарии самого Спицына. Вот, например, кто этот врач? Доктор Фрадкин Абрам Соломонович (или Соломон Абрамович — он точно не помнит). Фрадкин, главный врач медчасти ВИИЯ, пользовался всеобщей любовью, он был из старых земских врачей, очень знающий, служил ещё с Первой мировой и был весьма либерален. Всегда заботливо спрашивал, где что болит, и легко раздавал отгулы по два-три дня. Если говорил, что надо дергать зуб — значит надо. Но если, скажем, профилонить требовалось, ну, не пойти зимой улицы чистить, это он тоже прекрасно

понимал и мог написать: насморк (или кашель).

Замечательная получилась картина у Стругацкого! Особенно эта смерть с косой хороша, которую Спицын победил.

Некоторые прочили Аркаше карьеру художника. Но не менее яркие были у него и актёрские способности, здорово выручавшие его во всяких напряженных ситуациях с начальством и даже на экзаменах. Он мог изобразить полнейшего идиота, если это требовалось. И мог сыграть стопроцентную уверенность при полном отсутствии знаний. Опять же гримасничал, как заправский комик. Однажды это сыграло с ним плохую шутку. В наряде на похоронах какого-то генерала он исключительно хохмы ради изобразил на лице вселенскую скорбь. Лицедейство было высоко отмечено. Сам военный комиссар института Пётр Николаевич Бабкин распорядился направлять курсанта Стругацкого на все помпезные похороны, а похорон в то время случалось много — война всё-таки. Не из-за этого ли с годами он вовсе перестанет ходить на похороны, даже к лучшим друзьям? И ещё одна догадка: уж не тому ли Бабкину (или он Машкин на самом деле?) досталось лет двадцать спустя в искромётной и ядовитой «Сказке о Тройке»?.. Хотя, конечно, в данном случае не обошлось и без намека на Тимофея Бабкина — одного из двух доблестных исследователей из совершенно несъедобной пятитомной эпопеи В. Немцова.

А вообще странная жизнь началась у Аркашки Стругацкого. С учёбой было по-настоящему трудно, иногда просто тяжело, с воинской дисциплиной — отвратительно, однако друзья и девушки — замечательные, Москва — прекрасный и удивительный город даже в войну, и вообще молодость — это счастье.

Здоровья удивительным образом хватало на всё: на занятия, на девчонок, на пьянки с друзьями, на книги и кино, на сочинительство, на письма в Ленинград, на московских родственников, которых он не забывал. Родственников в Москве было много, он их разыскал по одному из адресов, оставленному мамой на всякий случай, и теперь частенько наведывался подхарчиться то к одному, то к другому, а иногда и заночевать, если пускали.

Случалось, что на какие-то юбилеи братья и сестры собирались все вместе. Какая это была голосистая и красивая компания! Как они пели по-русски и особенно по-украински! Аркадий, да и Борис тоже очень любили эти спевки.

Вообще ситуация была такая: никто не обязывал курсанта жить в казарме. Но и не было принципиальной разницы между

углом в тесной коммуналке и койкой на втором ярусе в школьном спортзале. Хотелось иметь хоть крошечную, но свою конурку, и он искал такой вариант, выкраивал на него деньги. Например, вместе с другими торговал излишками своего пайка на рынке у только что открытой станции метро Бауманской. ВИИЯКА был местом блатным, и курсантский паек там сильно превышал норму, выдаваемую по рабочей карточке. В день выдачи пайков народ ехал в Лефортово с чемоданами, и потом эти же чемоданы раскладывали на рынке для торговли.

Это было весной, когда они уже переехали в новые корпуса на Волочаевской улице, где институт после каникул и получил постоянную прописку. И тогда же, примерно в марте, он нашел свою первую съёмную комнатушку. Но и у родственников случалось задерживаться. У тети Мани, например — главы рода, старейшей, добрейшей и лучшей среди всех.

А на Киевской, как мы знаем, с ноября 1943-го и до мая 1944-го жили мама с Борей, задержавшиеся по дороге в Ленинград, и Аркадий часто, как правило, по воскресеньям, бывал у них, и даже не один, но там было вовсе негде спать. А Борька был совсем пацан и на старших парней в форме смотрел как на героев войны, на цырлах перед ними ходил. Брата своего Арка слушался беспрекословно, больше, чем маму.

Итак, где ещё мог ночевать Аркадий? Если не случалось за вечер новых перспективных знакомств, всегда оставался в резерве инженер дядя Коля, у которого можно было прикорнуть в прихожей на сундуке. И с ним хорошо было поговорить обо всяких умных вещах, о науке и технике, пофилософствовать о будущем.

А дядю Гриню Аркадий слушал и вовсе, затаив дыхание — моряк с торгового судна, он ходил в океаны, бывал в таких невероятных местах, что его рассказы могли соперничать с книгами Лондона и Киплинга, Купера и Мелвилла…

Не оставался без внимания племянника и строитель дядя Кузя с хлебосольной его супругой тетей Любой. Но особая статья — это дядя Саня. Старшина гильдии мясников, он был самым обеспеченным из всех, Аркашку жаловал и кормил всякий раз до неприличия сытно. Двумя годами позже случилась смешная история — дядя Саня попытался его женить на дочери своего коллеги-мясника. Устроены были смотрины по высшему разряду: в пижонском ресторане «Славянский базар» на улице 25 Октября, человек сто гостей, и столы ломились от позабытой и вовсе никогда не виданной закуски. А там, за стенами была угрюмая, плохо освещенная Москва сорок шестого года, разруха, патрули, голод… Но прекрасный грузинский коньяк «Греми» тут пили

стаканами, и ненужные грустные мысли быстро улетучивались. Красавец Аркадий в парадном своём мундире с новенькими офицерскими погонами, был в ударе, шутил бесперечь, пил стоя и с локтя — аж мясники обзавидовались, а девицы визжали от восторга, включая будущую невесту, и наверно, склеилось бы у них, девушка-то была славная, но… вердикт «приёмной комиссии» оказался суров: всем хорош парень, но — еврей. До начала борьбы с космополитизмом оставалось ещё почти три года, но то ли мудрые бизнесмены сороковых нутром чуяли грядущую тенденцию, то ли просто воспитаны были в соответствующем духе.

Пили тогда вообще регулярно. Нет, в учебное время нечасто. Зато уж если пили, то помногу. А в отпусках и увольнениях — немного, зато часто. Не пить вовсе было трудно. По военному времени — просто немыслимо. Да и зачем он нужен — трезвый образ жизни? Так могли вести себя только сильно верующие или вконец больные люди. Здоровый молодой курсант, тем более офицер, обязан был уметь пить водку. А пить много и не пьянеть было особой доблестью. И в этом виде спорта Аркадий быстро завоевал титул чемпиона курса. А может, и всего факультета. Согревать алкоголем не только тело, но и душу, он научился ещё по пути из Вологды в Ташлу, когда однажды в поезде офицеры угостили, а все последующие годы лишь совершенствовал и оттачивал этот свой талант.

С девчонками он много не пил, только для настроения, а вот на всевозможных мальчишниках принято было идти на рекорд. Славная, например, получилась пьянка в июле 1945-го, на квартире у Спицына на Серпуховке, когда провожали его в Харбин. Отъезд был намечен на начало недели, а вечер был субботний, плавно переходящий в воскресную ночь, и никто не спешил расходиться. Но тут раздался внезапный звонок в дверь, и запыхавшаяся симпатичная девочка-посыльная принесла повестку, согласно которой Андрею предписывалось явиться в институт не во вторник, а прямо в воскресенье, в шесть утра, машина к воротам — и в аэропорт! В общем, на сон времени уже не оставалось. Грустили не долго, решили всё допить и даже девочке-посыльной, кажется, налили и выпить заставили. Так и полетел Андрей в далёкую Маньчжурию, толком не протрезвев.

(Кто б ещё знал, что вернётся он оттуда до срока, по весне, с тяжелейшим ранением. Как потом отшучивался Андрей: «Наверно, когда поднимался в атаку, слишком громко кричал „ура“, стараясь перекрыть японское „банзай“». Пуля влетела ему в рот и вылетела из-под левого уха. Хорошо, что вылетела, потому и жив остался. По сей день. И даст Бог, Андрей Николаевич ещё

прочтёт эту мою книгу, все шансы у него есть.)

А меж тем мы не закончили с 44-м годом. Вот Аркадий пишет в письме братишке 6 октября:

> «Прости, что не ответил на твоё письмо сразу. Замотался здесь с квартирой, девушки пишут, совсем обалдел. А тут ещё начался учебный год. Осторожно, исподволь вступаю в бой с этой страшной гарпией — японским языком».

Порядок упоминания событий характерен: поиски очередной квартиры, девушки и лишь потом учеба. Дальше — тоже очень интересно и важно. Потому что книги — это ещё одна огромная и можно сказать определяющая страсть его жизни. В книгах он находил отраду большую, чем в водке. Водка иной раз лишь усугубляла тоску. Книги всегда лечили, успокаивали. И он читал их всюду: на лекциях, дома, в трамвае, на ходу, в очередях, на пляже, на губе…

> «Читаю сейчас хорошую книгу „Дорога на Океан“. Тебе её всю читать рано, но отдельные главы, где описываются будущие войны, ты можешь прочесть. Эти главы — я, впрочем, помню одну: „Мы проходим через войну“ и ещё другая, раньше этой — описывают последние сражения Советских Республик с мировым капиталом…»

Любовь к этому роману Леонида Леонова он пронесёт через всю жизнь.

В сентябре 1944-го в институт поступила Лена Ошанина. Все знали, кто её папа — знаменитый китаист Илья Михайлович Ошанин, так что смотрели на девушку с особым пристрастием. А девушка ничем таким не выделялась. Тихая, скромная, одевалась, как все: форма — она и есть форма. Причесывалась очень простенько, а краситься даже и не пыталась, это было, в общем-то, запрещено, по крайней мере, не приветствовалось. Правда, все девчонки нарушали, как умели, а вот ей и не хотелось. В общем, история умалчивает, что подумал о ней при первой встрече всеобщий любимец и ловелас Аркашка. Может быть, просто не

заметил. А она-то влюбилась с первого взгляда и сохла по нему не один месяц. Потом между ними что-то было. Лена пыталась спровоцировать ревность Аркаши, призывая на помощь разных парней, как из ВИИЯ, так и пришлых. Безрезультатно. Версий у этой истории много, достоверных свидетельств — нет. Единственным бесспорным фактом является то, что замуж она вышла раньше многих — за Диму Воскресенского, к которому была в меру равнодушна. Зато он любил её по-настоящему и готов был на всё. Опять же учился прекрасно, старательно, всегда был отличником боевой и политической подготовки, и у тестя своего Ильи Михайловича, как раз тогда ставшего доктором и профессором, ходил в любимых учениках, а у блистательного Аркадия Стругацкого — в друзьях, потому что Аркашка не только не ревновал, но даже, наверное, благодарен был другу за счастливое избавление от сложной проблемы. Жениться он совершенно не собирался и продолжал радостно летать от одной партнерши к другой. Без потерь.

А теперь, чтобы не осталось впечатления, что Стругацкий все студенческие годы лишь гулял по девочкам и водку пил, пора рассказать немного и о самой учёбе. Да, он называл японский язык «страшной гарпией», да, он роптал на тяготы учёбы и воспринимал каждую сессию как личную катастрофу. Но на самом-то деле учиться ему было намного легче, чем многим другим. Начнём с того, что ещё в Ставрополе многих быстро отсеяли с японского отделения: люди оказались физически неспособны рисовать иероглифы, а их надо именно рисовать, а не писать. Позднее тоже был изрядный отсев — далеко не каждый способен уместить в своей голове такой объём чужеродной информации. Стругацкому всё это было дано от природы. У него был талант к языкам и жгучий интерес ко всему необычному, странному, новому. У него вообще была масса талантов. Не особо усердствуя, он учился лучше многих, почти лучше всех. Одни, как говорится, задом брали, такие, как Спицын (он этого не скрывал), Аркадий же — исключительно головой. Нет, не то чтобы уж совсем легко ему всё давалось. Так не бывает. Элементарная добросовестность требовалась. И зубрежка была необходима, но в том-то и вся штука, что он запоминал и соображал быстрее и лучше. Ну да, часто попадал на губу. Это было вообще не оригинально. Все сидели, но он чаще. И пока остальные там курили да ковыряли в носу, он времени зря не терял. Допустим, дали двое суток, докладываешь старшине. И тот говорит: «На, получи „лапшу“ на двое суток». Это были такие узкие бумажные ленты с иероглифами. И «японцы» их повсюду таскали с собой. Ну, не в кино, конечно, но, например, в трамвае запросто могли

достать и учить. Это жестоко было — у них и у «китайцев».

Преподаватели чувствовали в Аркадии недюжинный талант. И поражались: как можно при таких способностях так плохо учиться?! Отличники, глядя на него, дулись — им казалось, что это у них самые блестящие способности. Но профессора выделяли Стругацкого. Ещё бы не выделить! После очередной разгульной ночи, не выспавшись, без подготовки, экспромтом он начинал отвечать на любой вопрос и всё — всё! — говорил правильно.

И литературный талант, способность к художественному переводу проявилась в нем очень рано. Они переводили на занятиях Акутагаву, которого в то время ещё никто не знал, и когда Стругацкий зачитывал свой вариант, Томка Захарова (будущая известная переводчица Тамара Прокофьевна Редько) просто подпрыгивала до потолка от восхищения: «Как это просто и как это великолепно сказано по-русски!» А их преподаватель Ирина Львовна Иоффе говорила: «Ребята, вот так и надо переводить, а не дословно». И они старались изо всех сил, но всякий раз убеждались, что ТАК не могут. Они видели, они чувствовали эту кухню. Но понять до конца не могли. А он и сам не умел объяснить. Только виновато разводил руками: «Ну а как иначе-то? Вот только так и можно…»

И мало кто думал, что он действительно станет писателем. Просто потому, что он с равным успехом мог выбрать любую другую творческую профессию. Но сам-то Аркадий уже определился. Он даже спланировал, что именно собирается писать. И потому любил пошутить с истинно пушкинской уверенностью гения: «Вы все ещё будете ходить под лучами моей славы».

Так и случилось.

А вот что вспоминал сам АН о своей студенческой юности:

> «Каким студентом я был? Безобразным… У нас были блестящие преподаватели. Например, академик Конрад, тогда ещё „будущий“, другие крупные светила… Нам всем очень не хватало культуры, хоть из нас и готовили штабных офицеров со знанием языка. А это неизбежно подразумевает какую-то культурную подготовку. Всему этому пришлось набираться после окончания института в самостоятельном порядке.
>
> Мне, молодому идиоту — страшно вспомнить! — было тогда непонятно, зачем нам преподают историю мировой литературы, историю японской культуры, те области языка, которые связаны с архаическим его

использованием.

Сейчас, когда старость глядит в глаза, понимаю, что как раз это и было самым важным и интересным. А тогда…»

Стругацкий проучился в ВИИЯ шесть лет, по окончании войны готовили специалистов основательно. Но поначалу даже установленный для института трехгодичный срок обучения, как правило, не соблюдался. Подготовка велась по сокращённым программам, направленным на быстрейшее практическое овладение иностранным языком. Немалую помощь в этом деле оказывали преподавателям адъюнкты и остававшиеся слушатели старших курсов. Всё для фронта, всё для победы! И затри года выдали на поля сражений две с половиной тысячи военных переводчиков. Перед войной ещё сам Биязи шутил: «С переводчиками, товарищи, у нас не плохо, а средне — между плохо и очень плохо». И ведь наладил процесс, как надо!

Кроме шуток: за два года человека выучивали японскому или даже китайскому языку. Я не поверил, спрашивал специалистов. Те, кто помоложе, выражали некоторый скепсис: халтура, мол, разговорный уровень, а научиться читать за такой срок невозможно в принципе. Исключено. Но старики подтверждали: «Да, вот такие у нас были учителя, и потом, мы же люди советские: партия приказала — выполняй!»

Когда я впрямую поинтересовался у Спицына:

— И что, уже летом 45-го вы могли понимать и говорить по-японски?!

Он ответил очень просто:

— Ну, если б я не говорил, меня бы, наверно, расстреляли там. Тогда это просто было. А вообще, я делал первый перевод допроса. Довольно примитивная задача. Мне не надо было вдаваться в подробности. Узнать, генерал он там или кто. А если вдруг в Кремле или на Лубянке заинтересуются, тогда запись спешно отправляли наверх или самого японца увозили…

Деление на отличников, хорошистов и слабых студентов формально считалось главным фактором при распределении на языковую практику в 1945–1946 годах. Но фактически этот ответственный политический вопрос решал сам генпрокурор Вышинский. Конкретно в ВИИЯ его представителем являлся А.А. Пашковский — в последующие годы большая величина в японистике. Отличники Лева Лобачев (лучший в группе) и Боря Петров были его любимыми учениками, да и по службе ничем себя не запятнали. Вот их двоих и отправили в Японию,

переводчиками на Токийский процесс. Безумие это было — отправлять мальчишек-недоучек допрашивать премьер-министра и всех высших чинов! Но серьёзные переводчики из старых харбинских ребят работали на процессе в Хабаровске, где судили командование Квантунской армии. Там многих повесили, да и переводчиков некоторых расстреляли. Не доверяли им. А мальчишкам из ВИИЯ доверяли. Их ещё в Москве направили на работу в НКГБ и обоим выдали знаменитые лубянские корочки.

Была забавная история. Когда их провожали в Японию, водки, по обыкновению, не хватило. Все были уже пьяные, Аркадий же, как всегда, держался лучше других. Ну, Боря ему и говорит: «Сам понимаешь, водка в сороковом гастрономе есть, но там же очереди жуткие. Ты возьми мой пропуск и лезь без очереди». «А ты считаешь, что мы с тобой братья-близнецы?» «Брось! Ты посмотри, что в пропуске написано: „Главное управление контрразведки СМЕРШ“. Кто тут будет на фотографию смотреть?» И не посмотрели. Правда, не обошлось, я думаю, и без природного обаяния Аркадия — продавщица была женщиной молодой…

Итак, Спицына ещё полугодом раньше, как не самого успевающего, по заявке Генштаба командировали в Маньчжурию. Остальных на практику отправляли семестром позже — в начале 1946-го. Томку, теперь уже Редько — в спецзону для военнопленных в Потьме, в печально знаменитые мордовские лагеря для политзаключенных. Аркадия, как далеко не худшего, но разгильдяя — в Казань, в такую же спецзону.

Почему не в Японию? Признаем честно, Япония ему не светила по многим вполне понятным причинам, но бойцам невидимого фронта ещё и повод достойный требовался. И тут, думается, не последнюю роль сыграла скандальная история с его отчеством. Доподлинно известно, что на момент явки в Ташлинский райвоенкомат в 1942 году в паспорте у него было записано: Стругацкий Аркадий Николаевич. Паспорт той поры не сохранился, конечно, но сохранилась учетно-послужная карточка в военном архиве, а в таких документах разночтений не бывает. Дальше можно фантазировать. Конечно, от Ленинграда до Вологды, а потом от Вологды до Ташлы любые документы можно было потерять двадцать раз, а, получая новые, назвать такое отчество, какое больше нравилось. Но есть и другая гипотеза.

Инна Сергеевна Шершова вспоминает, как Александра Ивановна Стругацкая сама рассказывала ей, что договорилась об отчестве с милицией при оформлении паспорта сыну осенью сорок первого, потому что страшно было, блокада уже началась. Фашисты почти на окраинах города, они реально могли

оккупировать Ленинград. Подобный поступок представляется мне вполне естественным и оправданным для Александры Ивановны, вот только знал ли обо всём Натан Залманович, а если знал — ох как это на него непохоже!

БН комментирует: «Ничего не знаю про первый паспорт АН. По-моему, это миф. Вот про себя помню. Я стал (по собственному почину) писать на тетрадях (это сделалось в классе модным): „Тетрадь по арифметике ученика 5-а класса Стругацкого Бориса Николаевича“. Очень хотелось быть как все. Мама эти записи обнаружила и поговорила со мной: какой отец был замечательный человек и какое красивое и редкое имя — Натан (не то что самый обыкновенный Николай). Я, помнится, прекрасно чувствовал некую педагогическую надтреснутость этих поучений, но что-то во мне, видимо, щёлкнуло, и отступничество своё я прекратил».

Так вот, в начале сорок шестого — практика-то любая проходила по линии МГБ, — лубянские буквоеды и докопались до истины. Аркадий получил комсомольский выговор за то, что переделал отчество. Заставили оформить новый паспорт. И уж какая там Япония! В Татарию, дорогой товарищ!

А в Татарии было страшно. Там АН впервые своими глазами увидел настоящий концентрационный лагерь. Военнопленных за людей не считали. Это была планета Саула из будущей «Попытки к бегству». И зловонные бараки, и джутовые мешки на голое тело по морозу, и котлован с копошащимися человеческими существами, и этот жуткий кашель, передаваемый по цепочке, — такое нельзя придумать. И невозможно забыть. Вернувшись из разных лагерей, они не рассказывали подробностей даже друг другу. Некоторые молчат до сих пор. Или не имеют сил говорить, потому что им становится плохо от воспоминаний.

Но эмоции эмоциями, а это была работа и действительно очень полезная практика. Нужно было чётко следовать инструкциям, например, такой: «При допросе пленных не исключается возможность ложных показаний с целью дезинформации нашего командования. В связи с этим от допрашивающего офицера и военного переводчика требуется повышенная бдительность и тщательная перепроверка показаний пленного».

Это было интересно, это был настоящий детектив! Молодость перемалывала всё и во всём находила хорошее.

Через много лет АБС используют в своём романе реальную биографию реального японца, допрошенного юным Аркадием, и даже не изменят его фамилии:

«…Полковник Маки. Бывший полковник бывшей императорской армии. Сначала он был адъютантом господина Осимы *(Осима Хироси (1886–1975) — генерал, военный разведчик, японский посол в Германии. — А.С.)* и два года просидел в Берлине. Потом его назначили исполняющим обязанности нашего военного атташе в Чехословакии, и он присутствовал при вступлении немцев в Прагу… <…> Потом он немного повоевал в Китае, по-моему, где-то на юге, на Кантонском направлении. Потом командовал дивизией, высадившейся на Филиппинах, и был одним из организаторов знаменитого „марша смерти“ пяти тысяч американских военнопленных. <…> Потом его направили в Маньчжурию и назначили начальником Сахалянского укрепрайона, где он, между прочим, в целях сохранения секретности загнал в шахту и взорвал восемь тысяч китайских рабочих… <…> Потом он попал к русским в плен, и они, вместо того чтобы повесить его или, что то же самое, передать его Китаю, всего-навсего упрятали его на десяток лет в концлагерь… <…> Теперь он уже старый человек. <…> И он утверждает, что самые лучшие женщины, каких он когда-либо знал, это русские женщины. Эмигрантки в Харбине» («Град обреченный»).

И ещё известно, что именно в Казани Аркадий напишет свой первый законченный фантастический рассказ «Как погиб Канг», предельно далёкий от всей окружающей действительности. Рассказ весьма наивный, ученический, но уже вполне сделанный, грамотный, легко читаемый, и что особенно важно, заявивший, быть может, пока интуитивно серьёзную и любимую тему на долгие годы вперёд — тему отчаянного рывка к свободе, к свету, за пределы опостылевшего, замкнутого мира.

Рукопись датирована: «Казань 29.5.46»

А единственное сохранившееся письмо оттуда брату написано на месяц раньше — 27 апреля:

«Каждый день жду твоего письма, но пока напрасно. Обязательно пиши. В Казани началась весенняя жизнь — орут птицы, начинает пробиваться зелень. Позавчера ходил я в центральную библиотеку, читал „Вокруг света“, первый номер после начала войны. Там есть один неплохой фантастический рассказ „Взрыв“ о гипотезе

падения Тунгусского метеорита. Если достанешь — прочитай, по-моему, написано остроумно и достаточно гладко. Автор — Казанцев, тот самый, кто написал „Пылающий остров“. Решил, используя минутки свободного времени, катануть что-нибудь подобное. Не знаю, выйдет ли».

Заметьте, какая сдержанная оценка: неплохой рассказ, достаточно гладко, автор «Пылающего острова» и больше никаких эпитетов. Ох уж этот автор Казанцев, читанный в Казани! Сколько кровушки попьет он у братьев Стругацких! Но мог ли об этом думать двадцатилетний скромняга, сомневающийся, выйдет ли у него, как у Казанцева? Смех и грех…

В конце лета Аркадий возвращается в Москву. Куда именно? Это мы знаем точно. Вторым его близким другом после Спицына был Боря Петров. И за два года учёбы Аркадий очень сблизился духовно с его матерью — Анной Александровной. Талантливый музыкант, настоящий русский интеллигент, редкой души женщина, она жила одна, муж её, Борин отец, был посажен и расстрелян ещё до войны. Аркадий любил с ней общаться, приходил, бывало, и один, без Бориса, так что, отбывая в Японию, Петров предложил ему пожить с мамой, и Аркадий с радостью согласился. Правда, он и сам почти сразу уехал в Казань, но после возвращения ещё два года — с лета 1946-го до осени 1948-го, — жил там, в Большом Черкасском на Лубянке. Дом 13 — это уже ближе к Ильинке. С улицы во двор вела громадная арка, как у новых домов на Петроградской стороне, но только этот дом был старинный, построенный ещё при царе. По шикарной лестнице с широкими пролетами (мечта самоубийцы!) надо было подняться на последний, седьмой этаж. И там была комнатка в красивой квартире с высокими лепными потолками, только плохо приспособленной для жилья — на этаже не было даже туалета, за этим милым делом требовалось спускаться на шестой, к соседям. Сейчас этот дом сильно перестроен и входит в комплекс зданий Конституционного суда РФ.

И вот каждый день, идя к метро, Аркадий проходил по Малому Черкасскому мимо «Детгиза». Он тогда и не догадывался, что именно здесь начнут издавать его первые книги.

Вот письмо из сорок седьмого года:

«Борису Стругацкому, ученику 7-го класса средней школы, от младшего лейтенанта Аркадия Стругацкого, слушателя Военного Института — салют! *(Аркадий*

пишет с избыточной красивостью, он явно в преотличнейшем настроении. — А.С.) В Москве началась весна, и жаркие дни перемежаются с сырыми и холодными, как в аду, днями. *(Надо очень не любить холод, чтобы написать такое! — А.С.)* И люди ходят, то распаренные, как курицы в кастрюле, то зябнущие, как крысы на тонущем корабле. Мы готовимся к Первомайскому Параду и изо всех сил опускаем ногу с высоты тридцати сантиметров на пыльный асфальт московских набережных, мы щеголяем в поношенных мундирах с выцветшими позументами, мы устаем, как черти, и, придя домой, валимся в кровати и сразу же засыпаем».

А время-то было поганое. Совсем скоро начнутся антисемитские процессы. И карточки ещё не отменили. Об этом вместе с денежной реформой объявят только 13 декабря. И холодная война набирает обороты. И не остывшая ещё от Второй мировой страна на полном серьёзе готовится к новым войнам. А великому и ничтожному тирану ещё даже нет семидесяти, и правление этого чудовища представляется на тот момент вечным, но молодые не ощущают ужаса, они полны здоровья, бодрости и самых лучших ожиданий…

Ещё через полтора года:

«Moscow, 17.11.48 *(он всегда пишет слово „Москва“, как и другие города впоследствии, по-английски. —* А.С).

Здравствуй, дорогая мамочка!

Пишу на последнем уроке. Чернила в вечной ручке кончились, так что прости за карандаш. Я, разумеется, жив и здоров, и трудно предположить что-либо в природе, что меня бы свалило, понеже сработан я на совесть, и если бы ни некоторые переживания нежной и беспокойной души моей, я бы чувствовал себя совсем превосходно. Очень сочувствую тебе. Я знаю, что такое зубная боль. Но бог даст — всё пройдёт. Я зубы рву и сверлю без жалости. Ма, очень радостно думать, что через полтора месяца каких-то увижу тебя. Ты смотри, не передумай. На деньги не смотри — что-нибудь сообразим. Хорошо было бы, если б и Борька приехал, но этот бродяга, вероятно, не захочет. Во всяком случае приезжай. Все здесь тебя ждут с нетерпением, а Люба, Кузина жена, даже слышать не хочет, чтобы ты

остановилась где-нибудь, а не у неё. Это и действительно лучше всего. У тети Мани очень тесно.

Борису сейчас писать не буду, нет времени. Передай ему мою благодарность и поздравления (благодарность — он знает за что, а поздравляю я его как спортсмена). Кстати, пусть он напишет, как это человек, которому он передал записку, узнал, что он мой брат. Мамочка, обо мне не беспокойся. Сейчас я немного отдохнул, начинают даже мерещиться какие-то выходы из дрянного предэкзаменационного положения.

Но увидимся, обо всём поговорим.

Крепко тебя целую, моя родненькая ма.

Твой Арк».

Встречались они настолько часто, насколько могли. Аркадий на каникулах бывал дома, в Ленинграде; например, день рождения свой в 1948-м он отмечал там, на берегах Невы. А у мамы, работавшей в школе, каникулы были одновременно с Борей, и они вместе приезжали в Москву.

Весьма примечательны строчки о зубах. Блокадная зима и последующие скитания повлияли на эту часть организма не лучшим образом — зубов становилось всё меньше, и годам к сорока пяти Аркадий потеряет их практически полностью.

Но разве в этом счастье? Счастье в том, что ты молод, и у тебя колоссальная энергия и всё-всё ещё впереди!

Глава четвертая
ГАРНИЗОННОЕ СЧАСТЬЕ

«Неделю назад обнаружил, что ствол моего пистолета (я теперь хожу при оружии) сильно заржавел. Пришлось долго сидеть, чистить щелочью и запрещенным зубным порошком. Спросишь, зачем я написал это? А я и сам не знаю — просто небольшая черточка моего быта».

А. Стругацкий, из письма со службы

Офицеры прошли по узкой улочке, мощенной разнокалиберным камнем, меж чахлых палисадников, покосившихся серых заборов, высоких поленниц за ними и вышли на маленькую асфальтированную площадь перед магазином. Замечательный это был магазинчик. Вверху, под скатом крыши шла стандартная выцветшая надпись — «Продовольственные товары». А прямо за витринным стеклом красовалась большая табличка, сделанная плакатным пером по ватману, приколотому на фанерку — для тех, кто не понял: «Хлеб. Водка». Кроме хлеба и водки внутри и впрямь ничего, как правило, не было. Ну, там соль, спички, сода, махорка в пачках, папиросы местной фабрики и сигареты «Друг». Яркие красные коробочки с собачьей мордой вносили мажорную ноту во всеобщее уныние, и поэтому их, как правило, расставляли по всем полкам. Иногда завозили макароны, перловку и маргагуселин в пачках. Когда появлялось что-то сладкое или свежая гастрономия, сразу выстраивалась очередь. Сейчас было пусто и перед входом, и внутри. У порога спал, привалившись к стенке, безногий Яшка весь в орденах, а чуть в стороне стояла, опершись на палку, незнакомая мрачная старуха.

С реки налетел сухой жаркий, ничуть не свежий ветер и поднял маленькие смерчики над трещинами в асфальте.

— Сиеста, — проворчал Аркадий, сплёвывая под ноги.

— Ужасно пыльный город, — откликнулся Дмитрий. — И весь засиженный мухами.

— Пыль, видишь, красная — значит, с кирпичного завода. А

мухи — это со скотобойни, — пояснил Аркадий. Он всегда и всё пояснял.

Они вышли к реке. Здесь, почти в центре города, Кан был широким и мелким, а берега его глинисто-каменистые поросли редкой, жухлой, колючей травой. Совершенно не пляжный вид. Справа реку пересекали ажурные стальные конструкции железнодорожного моста, слева — дома, деревья и дальние холмы — всё расплывалось в знойном мареве.

— Прошвырнёмся по здешнему *променаду,* — предложил Дмитрий. — Или заглянем в *бистро?*

— В бар, — поправил Аркадий, и стало уже ясно, какой вариант он выбирает.

На странноватом заведении сарайного типа, прилепившемся к двухэтажному кирпичному домику с облупившейся штукатуркой действительно красовалась вывеска «БАР». Названия не было, но офицеры и все местные называли его «Под мостом».

В баре было на удивление прохладно и тоже пусто. Они заняли один из трех столиков, поближе к пыльному окну, и Аркадий пошёл делать заказ. Водки в такую жару не хотелось. Пива бы сейчас! Но о подобной роскоши и мечтать не приходилось. Нашлась бутылка ситро, охлаждённая в ведре с колодезной водой, и, по счастью, был в наличии азербайджанский портвейн «Карабах». Он был дешевый и продавался в розлив, но они взяли целую бутылку, а на закуску упаковку галет красноярской фабрики.

Лихо надета набок папаха.
Эхо разносит топот коня,
Мальчик весёлый из Карабаха,
— Так называют люди меня, —

пропел Дмитрий, подражая голосу Рашида Бейбутова. Аркадий изобразил нечто вроде лезгинки.

— Азербайджанцы не танцуют лезгинку, — заметил Дмитрий критически.

— Знаю, — кивнул Аркадий. — А тебе нужно яллу или джингу? Может быть, ты ещё сумеешь отличить одно от другого?

— А ты спляши сначала!

— Ага. Только после двух бутылок «Карабаха».

Настроение было просто отличное. А немудрящие канские деликатесы казались сказочно вкусными. Галеты можно было макать в вино или сначала похрустеть ими, а потом залить терпким глотком уже во рту, под очередной легкомысленный тост ни о чём, и стаканчики были маленькие, граненые, очень

симпатичные, из них так славно пилось, так легко они опустошались, и жизнь была совсем не такой уж тошной, и даже в школе военных переводчиков вполне можно было служить. Год-другой перекантоваться между жарой и морозом, обучить треклятым иероглифам десятка три-четыре охламонов, а кстати, среди них и толковые ребята попадаются, толковых даже больше, вот только казарма… Да, казарма осточертела, но и это можно пережить, особенно когда рядом Лена, Ленок, беленькая, пушистенькая моя… То есть рядом с кем? С Димой, конечно. Или всё-таки рядом со мной?.. Фу, черт, остановись! Вот же он сидит, напротив, Димка. Остановись!.. А у тебя в Москве — красавица Инуся. Жена, любимая… Только не пишет совсем, зараза, двадцать шесть писем без ответа… И всё равно, остановись!.. Остановись, мгновенье, ты прекрасно!..

— Инка моя в сентябре приедет, — сообщил Аркадий.

— С чего это вдруг? И почему в сентябре? Учебный год же начнётся.

— У них там какая-то «картошка», а она отмазалась, вроде специальное разрешение ей дают на встречу с мужем.

— Ну, ты рад?

— Не знаю, — честно признался Аркадий, которого очень тревожил будущий разговор с женой. Их последняя зимняя встреча в Москве и Ленинграде была не такой уж радостной.

— Давай за неё выпьем, за Инку, — предложил Дмитрий. — Она у тебя славная.

— Давай, — рассеянно кивнул Аркадий.

Выпили. Помолчали.

— За что теперь? — спросил Дмитрий, обнаружив, что разливает по последней.

— За то, чтобы умотать отсюда поскорее.

— Согласен. А куда?

Аркадий прислушался.

— Чу! Поезд пошёл. По мосту.

— Пассажирский?

— Нет, — сказал Аркадий уверенно. — Товарняк.

— Откуда знаешь? — Дмитрий смотрел недоверчиво.

— Слышу. Замажем на вторую бутылку, что товарняк?

— Не буду я на это спорить. Отгадай лучше, в какую сторону он едет.

— Запросто, — согласился Аркадий.

— Ты в окошко, что ль, видишь? — ещё подозрительнее посмотрел Дмитрий.

— Отсюда нельзя видеть, — улыбнулся Аркадий. — Давай так: куда поезд едет, туда и мы с тобой на дембель. Ну?

А про себя подумал: «Кто угадает, тому и Ленка достанется в итоге».

— Значит, в Москву, — не задумываясь, выбрал Дмитрий.

— А я говорю — в Хабаровск! — крикнул Аркадий весело.

— И что нам делать в Хабаровске? — пожимал плечами Дмитрий.

— А там и к Японии ближе, и к Китаю!

Они уже выскочили на улицу и нетерпеливо смотрели в сторону моста. Последние грязные, закопчённые вагоны, покачиваясь и грохоча, уходили на восток, может быть, только до Иркутска. А может, и правда, до Хабаровска или до Владика.

Но Аркадий выиграл. Как всегда.

Вторая бутылка пошла уже как-то не так весело, но всё равно хорошо. Просто друзей охватила вдруг этакая грустная философичность или философическая грусть. Они много курили и подолгу молчали, глядя сквозь пыльные стёкла на мутноватые воды Кана, неспешно катящие на запад, в сторону великого Енисея.

И всё сбылось по-загаданному. Лена выбрала Аркадия. Она ведь давно, очень давно его выбрала, ещё в Москве, с первого взгляда… А он?

Раньше он только читал в романах о таком, а теперь понял, что это и по правде случается. Пять лет знаком с человеком. Даже больше. Встречались, общались, всякое было, но эмоций — ноль! Ну, никаких чувств она не вызывала, кроме дружеской симпатии — и то не сразу. А тут приехала на побывку, увидел он её, и бросило в жар, и поплыло перед глазами, и даже боль — как укол в сердце, и чуть не упал прямо посреди плаца… Что это могло быть? Как это называется? И ведь за целый год до сегодняшнего разговора в баре! И с Инкой вроде всё ещё нормально было… Ну, то есть с Инкой никогда нормально не было. И это её томительное молчание (десять писем туда — одно обратно, двадцать писем туда — одно обратно). Впрочем, посылки она ему присылала хорошие: и тёплый свитер собственной вязки, и обязательно сахар, и что-нибудь сладкое — чтобы голова лучше варила. Однажды было смешно. Получил от Инки две дефицитных банки со сгущёнкой, глянул, а они Филимоновской фабрики. Филимоново — это в тридцати километрах от Канска. Посылки — да, но писем тёплых очень мало. И этот её придуманный (или непридуманный?) выкидыш!.. Ну, как она могла скрыть от него беременность, если залетела ещё за два месяца до его отъезда? Или всё-таки позже? И вообще не от него? Фи, гусар! Ведь ты же любил её и до сих пор любишь!.. Ведь ты же

сам написал ту наивную новогоднюю сказку…

«Жил да был один офицер по имени Аркаша, располагал он всеми добродетелями, какими сказка наделяет героев: рост 182[2] сантиметра, весил 74 килограмма, имел длинные и жесткие волосы, которые прихотливо вились после бани), великолепный пятисантиметровый нос и божественную кривозубую улыбку. Кроме того, иногда (когда девушки не видели) носил он внушительные очки. Познакомился он грешным зимним вечером с прекрасной девушкой. Цветущей, как юность, своевольной, как весна, умной, как покойный царь Соломон. И сразу своими коварными чарами привлек он её к себе. Скоро сказка сказывается. Да не скоро дело делается. Всякое у них было, и на лестнице холодной до утра сидели, и в подъезде целовались, даже Аркаша однажды до того расщедрился, что где-то денег занял и повез её на танцы. И решили они пожениться. Ан, не тут-то было! Прослышали об этом родители и не дают им свою жизнь по-своему построить. Но очень уж упорная это была пара, своего добились, поженились и даже экзамены сдали довольно благополучно.

Вскоре пришлось молодоженам расстаться. Уехал казак на чужбину далёко и, знать, не вернется в родимый он дом. Напрасно казачка его молодая и утром, и ночью глядит на восток. А там за горами (Уральскими) метелица-вьюга, зимою и летом морозы трещат… Одним словом, похоже, что загнулся казак. Однако письма посылает регулярно. Сидит, бывало, в своей мазанке, лампа мигает, за окном вьюга воет, пьяные валяются, кто-то орет благим матом, видно, грабят сердешного, — и письма пишет. Сначала жена молодая отвечала, а потом вдруг перестала писать.

Ждет-пождет казак — нет писем. Разгорелось казацкое сердце. Зашёл к приятелю, стукнули с ним по банке, по другой, и приятель ему говорит: „Что, де, ты, Аркаша, пригорюнился? Что ты, волчья сыть, мешок с вареной картошкой, закручинился? Нешто не знаешь, что все жены на один лад — погорюют малость и забудут? Тем паче в Москве столько развлечений и удовольствий, молодой женщине против них нипочем не устоять!“ Аркаша разозлился, ударил кулаком по столу (аж бутылку опрокинул): „Не верю, — говорит, — коварным

наветам. Врёшь ты всё, друг мой. Не может быть, чтобы моя жена меня забыла. Она не из таких“. Приятель отвечает: „Весьма возможно. Был бы очень рад за тебя. Что же, это можно проверить. Вот, — говорит, — порошок, насыпь его в стакан с водкой и окажешься там, где захочешь. И будешь там ровно пятнадцать минут, но учти, ни секунды больше. Так что придётся тебе поторопиться“. Взял тут Аркадий порошок, высыпал в водку. „Ну, — говорит, — будем здоровы. Желаю быть в Москве, на улице Казакова, дом 29 (МЭИ), квартира 19“. И выпил. Бах! Оглянуться не успел — видит, сидит он на знакомой кушетке в большой комнате. Повернулся, вскочил, чуть трюмо не опрокинул. Глядит — в комнате нет никого. „Экая досада, — думает, — неужели я её дома не застану?“ А в квартире действительно никого нет. Тогда решил он пересмотреть бумаги на столе у жены, может, там что-нибудь есть, что послужит доказательством её измены. Только взялся за бумаги, стыдно ему стало — всё равно что у лучшего друга обыск делать. „Фу-ты, — думает, — грязь какая, как это я такого дурака мог свалять, ума не приложу“. И тут слышит он, дверь открылась, и входит его жена. Лицо её печальное-грустное, бросился он к ней, всего его жалостью, нежностью и любовью так и охватило. „Инка!“ — крикнул… И — бах! — опять сидит с приятелем за столом. Посидели несколько минут молча, поглядели друг на друга, тут приятель вдруг стал таять, таять, обратился в дым от папироски и по комнатке разошёлся. Пошёл тогда Аркаша спать. Наутро хватился — очков нет. Искал, искал — нет нигде. „Так и есть, — думает, — оставил я их у жены своей в комнате“.

Вот отсюда сказка и начинается.

Инуся, посмотри, не завалялись ли где под трюмо мои очки? Не те, что ты мне прислала, а другие, я в них по улице обычно хожу. Крепко целую тебя, любимая.

Твой Арк

Канск 28.12.50 № 36».

Они действительно познакомились зимой, в декабре 1948-го. Встречались, наверно, и раньше, потому что Инна ходила часто мимо ВИИЯ, у института был адрес: дом 3/4 по Волочаевской, а она жила на той же улице, только в доме 17А.

Но их взаимное чувство вспыхнуло ярко и неожиданно на новогоднем вечере в пединституте имени Ленина на Пироговке, куда на праздники обязательно приглашали курсантов из военных училищ и офицеров из академий. Своих мальчиков у них было крайне мало, и все — типичные «очкарики» и маменькины сынки, ужасно скучные, а Инна принадлежала к особой компании продвинутых девушек, следивших за модой, понимавших толк в косметике, интересовавшихся джазом и даже куривших. Ещё они выпускали стенгазету с некоторыми вольностями, например, там могли подниматься не только социально-политические, но и личные проблемы. Всё это было в то время настоящей пощечиной общественному вкусу и не могло не привлечь внимания. О внешних данных Инны и говорить не приходится; она не могла спокойно пройти по улице, с ней пытались познакомиться даже те, кто никогда этого не делал и не умел. А если в группу или в лекционную аудиторию заглядывал незнакомый молодой человек, кто-нибудь из девчонок тут же кричал: «Шершова, это к тебе!»

Стругацкий же — стройный, крепкий, широкоплечий, — был очень похож на Жерара Филипа, только ростом выше: о, эти его миндалевидные глаза, эти непослушные тёмные локоны, зачёсанные назад, этот античный нос чуть с горбинкой!

Боря Петров, ставший потом вторым мужем Инны, когда вернулся из Японии и увидел их вдвоём у своей мамы, ощутил какой-то необычный восторг. Аркадий привёл Инну знакомиться с Анной Александровной, потому что доверял её мнению, как никакому другому. Мудрая женщина одобрила его выбор, но… жизнь так непредсказуема! Борис Александрович Петров признаётся сегодня, что никогда после не видел более красивой пары. Нет, он совершенно не собирался тогда отбивать невесту у друга, и даже в итоге нельзя сказать, что увёл её, но об этом чуть позже.

Инна увлеклась Аркадием сразу, что было неоригинально, и тут же ощутила, как тянется за ним длинный шлейф прежних романов. Приходили какие-то письма, передавались записочки, кто-то подмигивал на улице, кто-то даже слал телеграммы. Особенно запомнилась одна: «Ты растоптал мои чувства тчк». И подпись: «Ассоль», а в скобках — «Надя». То есть литература, можно сказать, фантастика присутствовала и в его отношениях с другими, а с Инной — тем более.

Их роман был скорым и бурным. В новом 1949-м они встречались уже практически каждый день, гуляли часами, и на лестнице сидели, и в подъезде целовались, и покорял он её своей невероятной эрудицией, рассказами о космосе и мечтами о

будущем. А она, не жалея времени, считая, что у него учеба куда серьёзнее — последний курс уже! — бегала, как говорится, босиком по морозу, носила ему в институт горячие обеды из дома, чтобы любимый Арк порадовался, чтобы сыт был и максимально работоспособен. Насчёт того, что родители были против, в сказке некоторое преувеличение. Если они и были против, то лишь вначале, пока не познакомились поближе с Арком. А потом он им даже очень понравился, как и они ему. Уже упомянутая мама Мария Фёдоровна, ответственный партработник, была по духу таким же отчаянным романтиком, таким же истовым красным комиссаром, как и Натан Залманович Стругацкий; а папа Сергей Фёдорович, один из ведущих профессоров Московского энергетического института, умнейший человек, интеллигент, настоящий учёный — был для Аркадия большим авторитетом и интересным собеседником. Любопытный штрих к портрету эпохи: в 1950 году отдельную квартиру в отличном дореволюционном доме на улице Казакова Шершовы получили от МЭИ, а не от Бауманского райкома. Но там Аркадий пожить не успел, только кратковременно, в отпусках, а переехал он к невесте в коммуналку на Волочаевской. И переехал задолго до свадьбы, ещё весной — это к вопросу об отношении родителей.

В квартире было четыре комнаты, две из которых принадлежали Шершовым. Одна очень маленькая — там жили папа с мамой, — а другую, чуть побольше, освободившуюся от какого-то партработника, им дали как семье, где росли двое детей — Инна и её сестра Саня, на шесть лет младше. Здесь же стояло и пианино, а девочки спали вдвоём на довольно узкой постели. Теперь младшая блаженствовала в одиночестве, как принцесса, а молодым стелили на пол большой матрас, который днём убирали. Это было их супружеское ложе. Санька, по счастью, спала довольно крепко.

Часто по ночам они распахивали окно, если было не слишком холодно, садились на подоконник, и он ей показывал звёздное небо. Созвездия из окна городской квартиры наблюдать не слишком удобно, хотя и намного лучше, чем в наши дни (город-то практически не освещался по ночам, и воздух был прозрачным), а вот планеты сияли ярко, ну, и конечно, луна. К свадьбе Инна подарила суженому трофейный немецкий бинокль, купленный в комиссионке. Она и не представляла себе, как это здорово — смотреть на увеличенный, приближенный спутник Земли! Особенно в полнолуние. С помощью простого артиллерийского десятикратного, кажется, бинокля можно было видеть горы, ущелья, кратеры — невероятное, завораживающее зрелище!

В общем, луна и звёзды значили в их жизни гораздо больше, чем количество комнат и наличие мебели. Аркадий был воспитан в скромности, а Инна и вовсе в пуританском духе. «Мама, — иногда, не выдержав, говорила молодая невеста, — у нас совершенно развалились стулья!» «Какая разница! — отвечала Мария Фёдоровна. — О чём ты думаешь? Ну, будем сидеть на табуретках. Жила бы страна родная, и нету других забот…» (Песню эту напишут много лет спустя, но смысл слов Марии Фёдоровны был именно таким.)

Отец тоже был по-советски очень правильным, но однажды у него с дочерью произошёл такой разговор: «Зачем ты берёшь фамилию Стругацкая?» Инна молчала. А он не хотел впрямую говорить об антисемитизме, поэтому добавил: «У меня нет сына. Пусть сохранится наша фамилия». Он мялся, Инна ещё помолчала, потом сказала: «Пап, ты что-то не то говоришь». «Эта фамилия принесёт тебе много трудностей в жизни». И тут она выпалила: «Я хочу испытать всё, что суждено моему мужу, вместе с ним!»

Красиво. Но не получилось. «Всё» так и закончилось этой маленькой словесной победой и большими проблемами потом. А, по сути, победил отец, запретивший ей уехать вместе с мужем.

Свадьбу сыграли в августе, дождавшись успешной сдачи госэкзаменов и довольно длинного отпуска перед распределением. В дипломе у него, как уверяет Инна, по всем предметам стояло «отлично», кроме научного коммунизма — тут его специально резали, придирались к чему-то. Но в целом всё было здорово — за молодых и за окончание института пили параллельно. Гостей собирали на райкомовской госдаче возле станции Удельной по Казанке, между знаменитой Малаховкой и аэропортом Быково. Всё прошло без особого размаха, не как у мясников, но достойно, душевно, по-семейному. Было много московских родственников Аркадия, и мама его, конечно, из Ленинграда приехала. Но без Борьки — тот, очевидно, отдыхал где-то с друзьями перед последним классом школы.

Вопрос с распределением молодого офицера-переводчика решился быстро — к 5 сентября. Но уехал он не сразу. Успели молодые и в Ленинград съездить, и в Москве немножко пожить как законные супруги. Примерно за месяц до отъезда он надписал ей одну из любимых своих книг — «Звезду» Казакевича, изданную «Детгизом» в картонной обложечке:

> «Инке; на память о твоих слезах, пролитых по отважным героям войны, воспетым гением писателя.

Аркадий, Moscow, 15.10.49»

Некоторые считают, что в сибирское захолустье, в Канскую школу военных переводчиков восточных языков (ШВП) он был как бы сослан за все грехи свои, начиная с пятого пункта (с этой точки зрения период был и впрямь серьёзный: антисемитская шумиха прочно поселилась на газетных полосах). И всё же Канск не был ссылкой. Достаточно сказать, что туда же направили годом позже и Воскресенского — образцово-показательного коммуниста-ленинца, и супруга приезжала к нему на побывку. Городишко в трёхстах километрах от Красноярска был, конечно, типичной дырой, но секретному объекту ШВП придавалась особое значение, а в МГБ совсем не собирались поручать абы кому подготовку нелегалов для стран Дальневосточного региона. По некоторым данным, готовили там и специалистов для легендарного ГРУ. В общем, работа в Канске считалась более чем серьёзной — другое дело, что жизнь там, особенно у аборигенов, была не просто тоскливой, а по-горьковски, по-достоевски беспросветной — со всеми свинцовыми мерзостями и мармеладовщиной советского розлива, когда уже некуда больше идти.

Объект в/ч 74393 представлял собой изрядную территорию вдоль реки Кан, обнесённую скромным дощатым забором, легко преодолимым, если надо было сбегать за водкой. Со стороны берега забор был и вовсе никаким, и в погожие летние дни на реку запросто ходили купаться. Казармы курсантов и дома офицерского состава, построенные ещё после Гражданской пленными чехословаками, двухэтажные кирпичные со стенами толщиной в пять кирпичей (морозы-то случались и ниже пятидесяти). Отопление — печи-голландки. Для учебных классов было отдельное здание, одноэтажное. А ещё столовая и клуб. Слева от школы переводчиков находилась танкоремонтная мастерская — с более серьёзным забором, а справа и вовсе возвышалась глухая бревенчатая стена едва не в десять метров высотою и по углам вышки с вертухаями — это был лагерь, вроде бы для политических, и ходили слухи, что однажды там случилось восстание и всех восставших постреляли. Теперь оттуда никогда не доносилась ни звука. Местные, как водится, про все секретные объекты знали, но частенько путали, где что расположено, и вообще предпочитали обходить эти места стороною: уныло тут, зябко, нехорошо.

Аркадий ещё не видел ничего этого, но он уехал туда один — догадывался, что не стоит сразу тащить за собой совсем юную

девчонку. Мол, осмотрюсь, обживусь, тогда…

А Сергей Фёдорович новоявленной Инне Стругацкой сказал жёстко:

— Хочу, чтобы ты закончила образование. Это даст тебе работу, независимость. А если сейчас уедешь, переведёшься на заочный, всё будет кое-как. Появится ребёнок — вообще бросишь учёбу. Предлагаю такой план: у тебя большой летний отпуск, проводи его там, Аркадий пусть приезжает сюда зимой. Хватит вам общения.

Не хватило. Много чего не хватило. Терпения. Взаимоуважения. Любви. И осуждать некого и не за что.

Она забеременела тайком. От всех скрывала. Сколько могла. Зимой в гололёд упала на улице едва не под машину. Случился выкидыш. Лежала в жуткой больнице, насмотрелась такого, что на всю жизнь вперёд хватило. Её подозревали в преднамеренном аборте. Зачем-то она пыталась всё скрывать от мужа — девчачья глупость. Потом, очевидно, проболталась в каком-то письме. Но уже поздно. Он ничего не понял, да и не хотел понимать. И только огромная обида, накопившаяся за её долгое молчание, сквозила в каждой строчке:

> «Люблю тебя по-прежнему, даже, кажется, больше, ибо лучше понял тебя теперь. Много есть у тебя в характере так называемых „несчастливых“ черт, это правда, но ведь без них ты и не была бы Инкой, женщиной моей жизни, смелой, честной, неуступчивой и немножко взбалмошной. Инуська, как я тебя люблю, об этом ты не имеешь и никогда не будешь иметь представления, трудно об этом рассказать и дать тебе это почувствовать я не могу — характер такой. Только ты постарайся меня понять, девочка. Писем я писать не могу, как следует. Не люблю этого. Пишу, потому что это мой долг перед тобой, в письмах у меня не получается с тобой душевного разговора. А говорю я с тобой каждый день, мысленно, конечно. Отвечаешь же ты мне своими письмами. А писем нет! Плохо это, чорт знает, как плохо. Какие только мысли не лезут в голову. Ведь смотри, переписывались, переписывались, в неделю по два-три письма писали друг другу, и вдруг твоё последнее холодноватое такое письмо, не такое, как прежние, и — молчок на три недели. Да и только ли на три? Вот я уже перестаю надеяться на твой ответ. Пишу и не знаю, ответишь ли, не ответишь. Какая тоска!» *(середина шюня*

1950 г.)

Что здесь особенно важно? Пожалуй, вот это заявление АН, что писем он писать не умеет и не любит. Правда ли это? Как ни странно — да. Он пишет письма десятками в оба адреса, но, во-первых, они довольно короткие, во-вторых, совершенно невычитанные, с ошибками, точнее с описками, ведь у него была уникальная природная грамотность; а в-третьих, для начинающего работать писателя эти письма фантастически корявые по стилю (а всё-таки уже не пятнадцать — двадцать пять лет и больше!). Надо очень не любить эпистолярный жанр, чтобы вот так относиться к текстам, отправляемым по почте в будущее и уже не подконтрольным тебе в веках.

А в отношении «Инуськи» ключевое слово — «взбалмошная». Он искренне считал её такой, она искренне на это обижалась, а вот писали они друг другу, мягко говоря, не всегда искренне. Уже и перед первым отпуском в июле 1950-го это чувствуется. А дальше — больше.

При встрече в Москве Аркадий не поверил её рассказам о беременности. Во всяком случае, усомнился в полной искренности. И это была уже вторая трещина в их отношениях. Первая наметилась раньше — от того, что едет он к ней, а не она к нему, как обещала. Причины на тот момент были совсем невнятными — просто якобы болезни какие-то… Они опять поехали в Ленинград, и там было, в общем, совсем не плохо, но не так как в первый раз. Ведь тогда, в 1949-м, у них был настоящий медовый месяц. Жаль, не удалось найти фотографию: Инка вдвоём с Бориком идут по парку ВМА, он в шароварах сатиновых, в каких-то сандалиях, в пиджачишке, у него короткая прическа и торчат уши, он очень смешной, а она вся из себя такая страшная модница — платье темно-красное, шелковое, облегающее, это была первая волна «миди», и вот на фоне этих шаровар она, как королева, держит его под ручку.

В 1949-м было здорово, в 1950-м — так себе, в 1951-м стало совсем плохо. В его последний зимний приезд они опять были в Ленинграде, но приехали туда уже порознь — так вышло. А в поезде Инна познакомилась с человеком, который потом встречался с ней в городе, чуть ли не в квартиру Стругацких приходил, водил девушку по Ленинграду, даже катался с ней на коньках на стадионе. Аркадий не любил кататься на коньках, и вообще у него были какие-то свои дела. Согласитесь, довольно странно для людей, которые меньше двух лет в браке и за долгую разлуку (по идее) безумно соскучились друг без друга.

В общем, всё катилось к разрыву. Инна уверяла, что у Аркадия в Канске есть женщинами, может быть, не одна; что он стал совсем другим — грубым, чужим, незнакомым. Аркадий уверял, что у Инны всегда был миллион кавалеров, а теперь уж наверняка не хватает сил от них от всех отбиваться. И кто бы его в этом разубедил?

Взаимные подозрения множились. Он слал ей пачками нежные и встревоженные письма, которые нумеровал внутри периода, начиная с каждой новой разлуки, а она — насквозь, рисуя красным карандашом цифры на полученных конвертах. Всего писем было больше двухсот, но уцелело из них только семь. Почему именно эти — неизвестно. Но и они дают весьма яркую картину того периода. Инна отвечала на письма редко и скупо, зато порою очень эмоционально, страстно. Он ничего не понимал, страдал, мучился, она тоже не понимала, злилась на отца, на себя, на Аркашку, злилась на всех и в итоге осенью 1951-го, в начале сентября, отправилась в эту Тмутаракань. Боже, ей казалось, что она ехала туда целую жизнь!..

Приехала. С трудом прорвалась, насилу объяснила кто она, почему, по какому праву, проникла в эту секретную тюрьму, а он оказался и впрямь в тюрьме — досиживал очередной срок на гауптвахте с какой-то любимой книгой. Ждать надо было не слишком долго. Она провела день и ночь в ДОСе (дом офицерского состава), у Воскресенских, которые любезно пригласили её к себе. Тут и познакомилась с Леной, ещё ни о чем не догадываясь. Да и возможно ли было догадаться? Поразило Инну другое: мыслимо ли в эту глушь и неустроенный быт уехать из Москвы от трехмесячной девочки? Чего ради? И как Дмитрий позволил? Потом ей показали и комнату Арка. Если можно это было назвать комнатой — какая-то пристройка со скошенной крышей, скорее собачья будка.

Сюда она попала уже перед самым свиданием и, пока в одиночестве ждала мужа, рассеянно перебирала его книги: четыре томика «Тарзана» на английском, «Машина времени» и сборник рассказов Уэллса из приложения ко «Всемирному следопыту» с иллюстрациями Фитингофа; переплетённый комплект «Вокруг света» за 1927 год, японские словари… И вдруг из какой-то книги выпал конверт, а оттуда посыпались на пол фотографии женщин в неглиже, совсем некрасивых, в одних лифчиках и трусах, в чулках с резинками и в развратных позах… По тем временам это была для неё полнейшая порнография. Ничего подобного раньше видеть не приходилось. Увидев тут же, в пачке, фотографии Арка с друзьями, пейзажи, архитектурные снимки, сделанные явно тем же аппаратом, на той же бумаге, она с ужасом догадалось, что это

её муж сам выставлял перед камерой страшенных местных девок с кривыми улыбками и высунутыми язычками. Ей даже показалось, что она узнала фон на одной из фотографий — ну да, стену вот этой самой каморки…

И тут вошёл он.

— Привет! А-а-а… Ну, всё понятно. Пошли на сеновал, тут есть замечательный сарай, а в комнатёнке и не поговоришь толком…

И вдруг, словно проснувшись:

— Инуська, я люблю тебя, безумно люблю, только тебя, почему ты так долго ехала, сумасшедшая, как можно так надолго бросать меня, Инуська, я правда люблю тебя, ну, иди ко мне…

Дмитрий зашёл через полчаса и обо многом догадался сразу, например, о том, что теперь эта парочка на сеновале, и не пошёл следом.

Но очень многое было всё-таки непонятно и уж, во всяком случае, никак не увязывалось с хаосом в комнате и с образом Арка — лихого офицера, несколько одичавшего в Сибири. Зачем они разбросали эти фотокарточки? На одной из них Дмитрий обнаружил превосходно сделанный портрет Инны, и его поразило выражение то ли растерянности, то ли недоумения, очень умело схваченное на улыбающемся и, в общем-то, веселом лице. Потом внимание его привлекла голубая тряпочка, валявшаяся на полу. Он подобрал её. Это был измятый и изодранный женский носовой платок. Конечно, он сразу же вспомнил рассказ Акутагавы (в пересказе своего друга), и ему представилось, как Инна сидела вот на этой самой койке перед Аркадием, смотрела на него, слушала его, и на лице её блуждала улыбка, за которой лишь слабой тенью проступало выражение то ли растерянности, то ли недоумения, а руки её за спиною безжалостно терзали и рвали носовой платок…

Он отчётливо видел Инну, но никак не мог представить себе, что же такое видела и слышала она. Всё дело было в этих фотографиях. Если бы не они, он бы легко увидел перед собою на этой развороченной кушетке обыкновенного советского офицера, только что с гауптвахты и вкушающего радость заслуженной встречи. Но фотографии были, и что-то очень важное, очень сложное и очень тёмное скрывалось за ними…

Солнце давно село, и супруги едва различали лица друг друга. Все слова были сказаны. Неужели не будет пути назад?

— Не разводись со мной официально, — попросил он и зашелестел в темноте свежим сеном, устраиваясь поудобнее. — Скоро начнётся война, и я знаю, что меня убьют.

— А если не убьют? — спросила она и тут же сама удивилась дурацкому вопросу.

Скорее всего, она хотела спросить: «А если не начнётся?» В стране бушевала настоящая истерия холодной войны. Инна вспомнила, как сама говорила кому-то: «Наверно, с третьего курса уйду на фронт».

— Тем более, Инуся. Тогда — тем более. Мы ещё обязательно помиримся. Я буду верить тебе. Я буду верить в тебя! Просто сейчас вообще неподходящее время для разводов…

Но уговоры не подействовали. Она уехала через пару дней, придя в ещё большее уныние от общения с друзьями Аркадия, которые с невиданным упорством предлагали ей выпить водки, то и дело по привычке матерились, потом нарочито галантно извинялись и громко ржали. Не помогла и прогулка по лесу, и его вымученные шутки, и отчаянные нежности, и натужные обещания… Наверно, выгорело уже всё в душе, и даже вымерзло, и выветрилось. Честно это? Может быть. Но всё равно жестоко — по отношению к человеку, тоскующему «во глубине сибирских руд». Можно было простить ему все эти мелочи — ведь он-то прощал, а это дорогого стоит… Но примирения не произошло, они договорились, что больше не считают друг друга мужем и женой. А формальностями займутся позже, в Москве.

Всё вышло немножко по-другому. Инна оформила развод осенью 1952 года в городе Уфалее на Урале, где проходила практику. Там объявление в местной газете, без которого было никак нельзя, стоило всего десять рублей — против московских сорока. Аркадий же получил официальный ответ суда летом 1953-го в Елизове на Камчатке. Окончательная бумага о разводе с печатями и подписями, сохранившаяся у Инны, вообще датирована 27 августа 1954-го.

История умалчивает о подробностях, но Инна Сергеевна уверяет, что после тех нескольких дней в Канске они с Аркадием не виделись больше ни разу. Но это не потому, что он стал неинтересен ей. Наоборот — после она ещё не раз и не два пожалеет о своём решении и будет следить за его литературными успехами. В 1960-м на книжной выставке подруга шепнёт ей: «Он здесь». Но Инна не станет подходить. Решит так и остаться для него «взбалмошной девчонкой». А на самом деле просто не захочет ворошить прошлое и бередить душу. Ещё через много лет, увидев Аркадия по телевизору, она ревниво отметит, как плохо одевает его жена: рубашка какая-то домашняя, свитер… Ей будет невдомёк, что Лена здесь совершенно ни при чём — просто это его обычный, раз и навсегда выбранный стиль.

Следующим мужем Инны стал их общий приятель Боря

Петров. Не сразу, года через четыре, то есть уже после официального развода. Впрочем, какое это имеет значение? В 1959-м у них родилась дочка, в начале 1960-х они уже развелись. А лет через пять умерла мама Петрова — Анна Александровна. Перебирая старые книги, Борис обнаружил среди них довольно раритетную — о Японии, её точно покупал Аркашка. И это был хороший повод для встречи. Они теперь нечасто виделись. Как правило, на эти ностальгические пьянки подбивал Спицын. Но порою случалось всё-таки повидаться вдвоём, и тогда один из них (кто первый вспомнит) обязательно спрашивал по уже сложившейся традиции: «Ну, как там наша жена?»

Завершая об этом, скажем, что до 1966-го у Инны было всё не очень складно в личной жизни, но потом она вышла замуж за Германа Лукьянова — советского джазового саксофониста с мировым именем (кто не знал в те годы этого звёздного трио: Герман Лукьянов, Леонид Чижик и Владимир Васильков?) и счастливо живёт с ним до сих пор — уже больше сорока лет. А когда кто-то (в официальных организациях) начинает у неё допытываться, откуда столько разных фамилий у одного человека, Инна Сергеевна отвечает с гордостью: «Что вы понимаете? Моими мужьями были и остаются лучшие люди страны!»

АН прибыл в Канск в середине ноября 1949 года и прожил там безвыездно около восьми месяцев. К сожалению, дневников этого периода не сохранилось, а писем обнаружилось совсем мало. Хотя известно, сколько он написал их одной только Инне и уж наверняка за полгода не меньше десятка в Ленинград.

Вот то немногое, что стоит процитировать из посланий брату:

> «Ты сейчас на каникулах, мерзавец, отдыхаешь, а я дохожу на 50° морозе (не преувеличиваю) и очень много работаю. Всё-таки я рад, что попал в это заведение. Если есть работа — пусть даже не очень любимая, но интересная — жить можно» *(январь 1950 г.)*.
>
> «…вчера по оказии выборов был изрядно надрамшись и не то что писать — говорить по-человечески был не в состоянии. А сейчас выпил чайник кипятку, и ничего — пишется! <…> Как тебе понравился доклад Маленкова? Хотя ты, по своему легкомысленному отношению к политике, не читал его. Обязательно прочти» *(март 1950 г.)*.

Легко представить себе, что этот период был далеко не лучшим в его жизни. Арк не без труда привыкал к новому месту, к почти спартанским условиям существования, к утомительно долгим морозам, к жуткой гарнизонной скучище, к новому положению своему, не учащегося отныне, а офицера, маленького начальника, а позднее — учителя; к новому коллективу — здешние военные пили втрое больше и чаще, чем московские; к большим проблемам (поначалу) с женщинами — на всю ШВП несколько офицерских жен, да и те на виду. Про одних известно, что никогда и ни с кем, кроме мужа, про других наоборот — с кем угодно. Но не хотелось ни к тем, ни к другим. Да и пить первое время не очень хотелось — работать надо было много. Спасала библиотека. Великолепная библиотека последнего китайского императора Пу И, вывезенная после войны из Маньчжурии, с книгами на самых разных языках, а главное, на японском и английском. Ещё спасала фотография. Он немножко занимался ею и раньше, в Ленинграде. А тут увлёкся всерьёз. У него был отличный казённый ФЭД — настоящая советская «лейка» со сменной оптикой и хорошая лаборатория при типографии, где он работал и куда зав. фотослужбой полка пускал по знакомству в любое время. И вот Аркадий на «халявской» бумаге и химикатах делал все фотографии, которые снимал не только в Канске, но и в отпусках, и регулярно отправлял эти снимки родственникам в письмах. Плёнку, как правило, приходилось покупать, но иногда и её удавалось выписывать даром.

Конечно, в первые же полгода он изучил и с фотоаппаратом, и без него все местные достопримечательности. Благо их было совсем немного. Что такое крошечный сибирский городок Канск? Центральная площадь Коростелева, бывшая Соборная с сохранившейся церковью девятнадцатого, кажется, века. Тут же рядом Гадаловские торговые ряды, строили их, понятное дело, купцы. Красивый дом Коновалова, где теперь был горком комсомола. Старинная аптека Цитовича на Краснопартизанской. Драмтеатр, что даже удивительно (выступали гастрольные коллективы). Ну и конечно, главный культурный объект — кинотеатр «Кайтым», в прошлом иллюзион «Фурор» купчихи Агриппины Яковлевой на триста мест, построенный аж в 1911 году. Откуда такие подробности? Так ведь Аркадий познакомился с симпатичной женщиной Валей, заместителем директора местного краеведческого музея. Она же поведала ему и о легендарной Тасеевской партизанской республике, 30-летие которой отмечали как раз в год приезда Стругацкого в Канск. Рассказала и о многих великих, проезжавших через их город. Здесь побывали в разные годы: Радищев, Гончаров, Чехов, сам

Николай II в бытность свою наследником престола, ну и, конечно, жены декабристов. Аркадий примерил на себя все эти образы и поразил Валю, процитировав по памяти:

Ты хочешь знать, кто я, что я, куда я еду?
Я тот же, что и был, и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек.
В острог Илимский еду…

Валя подтвердила, что эти строки Радищев вполне мог написать именно здесь полтора столетия назад.

А как интересно было узнать, что в 1920–1921 годах в Канске трудился Вивиан Итин, автор самой первой советской научно-фантастической повести «Страна Гонгури». У партийного культработнка, тогда в начале двадцатых, не было в городе даже комнаты, он жил прямо в кинотеатре «Кайтым» и, собственно, в нём и писал свою знаменитую книжку. Первое издание состоялось именно в Канске в 1922 году на странной обёрточной бумаге для сахарных голов. И Валя тайком показывала Аркадию это издание — настоящую библиографическую редкость. Это была запрещённая литература, не потому, что в ней содержалось что-то такое антисоветское, а по самой простой и понятной причине: Итина арестовали и расстреляли в Новосибирске в конце 1938 года.

И уж совсем ошеломительной новостью для Аркадия стало известие о том, что в Канске не просто был проездом, но жил и увёз отсюда свою вторую жену Шурочку Львову автор «Похождений бравого солдата Швейка» Ярослав Гашек. Великий чех даже шутил в своих воспоминаниях, что прошёл всю Россию от Львова до Львова, имея в виду своего тестя Гаврилу Игнатьевича Львова.

Валя показала Аркадию дом на перекрестке улиц Халтурина и Калинина, где жил Гашек. Потом они шли по улице Эйдемана, и она рассказывала ему про ещё одного писателя-сибиряка Зазубрина, а он ей — о фантастике, обо всей, какую знал, и о той, которую ещё обязательно напишет…

Есть косвенные свидетельства, что именно у этой Вали АН снимал комнату и жил довольно долгое время в городе, где-то на Эйдемана.

А в остальном жизнь была унылой и безрадостной:

«В субботу после занятий меня вызвали в числе других шести офицеров в горсовет „для содействия

мероприятиям по благоустройству города“. На сей раз „мероприятия“ ограничились тем, что нужно было, чтобы миряне „взяв в руки лопаты, шли в топь“, сиречь своими силами отрыли бы вдоль одной из главных улиц канавы для стока грязи и дождевой воды. Содействие же по идее должно было выразиться в посильной агитации и, где эта мера воздействия не помогает, в легоньком принуждении. Делалось это примерно так. Мы входим во двор и пулей выскакиваем назад, атакованные огромными „медецинскими“ кобелями *(здесь АН цитирует любимого им Алексея Толстого, который имеет в виду меделянских, т. е. миланских догов, способных в одиночку справиться с медведем. — А.С.)*. Первый входивший и последний выскакивавший, как ты сам понимаешь, занимают самое невыгодное тактическое положение. Впрочем, ущерб в таких случаях выражался обглоданной шинелью или обслюнявленным сапогом. На большее кобели не решаются. Далее мы сердито и требовательно стучим в окна. Хозяин выходит и тупо рассматривает нас из-под ладони, поставленной козырьком. Мы объясняем ему, в чем дело. Он чешется, мнется, затем выдавливает из себя: „Оно отчего ж и не покопать, только пущай соседи сперва покопают, а тогда уж и я посмотрю“. Мы повышаем голоса. Хозяин смотрит на кобеля, рвущегося с цепи. Тогда один из нас вкрадчивым голосом спрашивает, не привлекался ли хозяин к уголовной ответственности в своё время, и вообще, что это за манера уклоняться от постановлений Советской власти. Так как в подавляющем большинстве население правобережного Кана уже имело в своё время знакомство с нашими карательными органами, и так как насчёт Советской власти у всех у них рыльце в пушку — уголовники, дерьмо, ссыльные кулаки — то хозяин поспешно заявляет, что так вопрос ставить не стоит и что раза два взмахнуть лопатой для него ничего не составит.

Сволочье! Воспитывай таких вот мерзавцев. Пришел домой поздно, грязный (дождь превратил город в болото, подземные газы вспучили и разжидили грязь), поел картошки с луком и со сметаной, выпил молока и лег спать. <…>

А лето наступило даже в Канске. Вчера даже было немного жарко. Девки и бабы мелькают грязными голыми коленками из-под коротких крайне широких юбок образца Broadway 1924» *(июнь 1950 г.)*.

Не хотелось сильно сокращать текст этого письма. Во-первых, какая чудесная лирическая концовка! Во-вторых, какая несгибаемая сталинская твердость в отношении к асоциальным элементам! А в-третьих, сравните с описанием Пугачёвки, где случилась «собачья бойня» в Ташлинске («Дьявол среди людей»):

> «Надобно разъяснить, что Пугачёвка у нас улица старинная, бывшая некогда слободкой. Облика своего не меняла со столыпинских времен: прочно вросшие в землю избы с небольшими окошечками, которые на ночь закрываются крепкими ставнями, плетни и заборы, ветхие скамеечки у калиток, а сама улица довольно широкая, хотя, конечно, немощеная, и не в редкость ныне видеть возле некоторых домов грузовики, пригнанные шоферами, либо отроду здесь живущими, либо снимающими углы. И, конечно же, за заборами и плетнями и просто на обочинах — несметное число собак, беспородных, ублюдковатых, часто беспризорных, постоянно озабоченных поисками продовольствия и развлечений».

Чисто описательно улица эта куда больше соответствует сибирскому городку, и думается мне, что эпизод навеян именно Канском.

В конце июня 1950-го он уезжает в свой первый отпуск — в Москву и в Ленинград к маме и брату. Отпуск полноценный — тридцать дней, а добрую неделю, уходящую на дорогу в поездах, как и положено, дают дополнительно. Но время всё равно пролетает незаметно: вроде только уехал оттуда, а уже обратно пора… И снова осень, и снова этот холод ненормальный.

> «Я живу неплохо, работаю по-прежнему в типографии — чорт бы её забрал, — но с началом учебного года приступаю к своей основной деятельности. Занялся сейчас опять проблемами познания. Страшная неразбериха царит в этой области, особенно в отношении терминологии, когда смешивают и валят в одну кучу понятия „сознание“, „мышление“, „мысль“, „духовное“ и пр. Стараюсь разобраться в этих авгиевых конюшнях. У Сталина об этом сказано очень мало, а других авторитетов я здесь не признаю, ну их к чорту.

(Трудно не вздрогнуть от такого пиетета, хотя оговорочка „здесь“ и этот „чорт“ по правилам старой орфографии придают всей фразе слегка иронический оттенок. Но только для нас и сегодня — Аркадию и тогда, поверьте, было не до иронии. — А.С.) <…> … передай маме, чтобы она не говорила глупостей насчёт денег. Мне просто нужно расплатиться с кассой взаимопомощи, а затем (с ноября) всё пойдёт по-старому. <…> Почаще пишите, а то пока ваших писем дождёшься, сдохнуть можно» *(сентябрь 1950 г.)*.

И в последний раз он приезжал в отпуск из Канска в январе 1951-го. Конечно, был в Ленинграде. Обратно — вместе с Инной в Москву, и уж оттуда в Сибирь, ещё не догадываясь, как надолго расстаётся с родными и вообще со столицами. Летом 51-го уже не получилось вырваться, а следующей зимой — тем более. Про 1952 год — разговор отдельный. Но пишет он теперь всё чаще и чаще. Многие письма брату — по-английски. АНу явно доставляет удовольствие свободное владение иностранным языком, ну а Борька пусть совмещает приятное с полезным, пусть учится понимать с листа или хотя бы переводить по словарю. Впрочем, он почти всякий раз комментирует, мол, если надоели тебе эти экзерсисы, немедленно прекращу, только скажи. Упрямый Боб не ропщет и покорно принимает письмо за письмом на английском:

«…Ещё в Москве я проявил нашу пленку. Привидения получились неплохо, повешенный не вышел совсем — такая зверская недодержка, совершенно прозрачная плёнка. Это твоя работа, *ma fratere**. То, что ты снимал без меня, частью удалось. Я сверился с твоими расчётами. Мог бы написать, но ведь это очень непоказательно. Кроме того, за истекший срок я успел испортить две плёнки (5000 и 2100) и проявить одну (2100) *(Имеется в виду чувствительность пленки в старой системе измерения. — А.С.)*. Есть очень неплохие этюды: канская улица, мой дом, я и мой друг около кучи навоза и т. д. Я уже совсем наловчился и прекрасно освоился с аппаратом. Мне подарили великолепную железную треногу, устойчивую, как Троицкий мост. Автоспуск работает прекрасно.

Как тебе нравится матч на первенство мира? Ай да Бронштейн! Молодчина, у меня на него перед началом матча были поставлены две бутылки шампанского. У нас

среди офицеров ведется предварительный матч на первенство по школе. Кроме того, появилась новая болезнь — китайские шахматы. Я сел играть впервые и выиграл у довольно опытного игрока. Посмотрим. Очень оригинальные шахматы. Кто-то из наших переводит руководство по японским шахматам».

Скорее всего, имеется в виду ныне достаточно известная у нас игра «сёги». Китайские шахматы называются иначе — «сянци», но стоит ли углубляться в эту тему? Никогда после АН не увлекался шахматами. Даже самыми обыкновенными. Единственный отголосок в прозе — пресловутые четырехмерные шахматы из рассказа «Почти такие же», но это, вероятнее всего, выдумка БНа. А что до сибирских увлечений, так ведь и от фотографии АН отошел довольно быстро. На Дальнем Востоке снимал уже меньше, а в Москве и вовсе изредка. Хотя фотоаппарат приобрел, и даже увеличитель устанавливался в ванной на старой квартире, на Бережковской.

А вот конец письма — милый такой постскриптум:

«Да, прошу всегда сообщать, когда получаете от меня деньги, а то здесь, возможно, плутуют»[4] *(март 1951)*.

Примерно в это же время, чуть позже, он пишет жене (ниже приведено письмо целиком):

«Здравствуй,

Посылаю образцы моей продукции. К сожалению, Санька оказалась немного не в фокусе, а то бы была прекрасная карточка.

У меня всё хорошо, чего и тебе желаю.

Будут ещё снимки — пришлю. Пока всё. Целую.

Твой Арк.

P.S. Прошу, пиши, не играй с огнём, ты губишь меня. Больше ничего сказать не могу».

Предельно коротко и всего две темы: фотографии, сделанные зимой в Москве, и тревожная грусть предчувствий, переходящая в мольбу о помощи. А обращение — по-японски: два иероглифа, обозначающие имя «Инна», она уже научилась узнавать их.

Интерес же к литературе и особенно к фантастике становится в этот период у обоих братьев весьма серьёзным, можно сказать, жгучим:

«Насчёт письма Ефремову — идейка неплоха. Стоит попробовать — причём пройтись по адресу авторов, пишущих такие произведения-перлы научной фантастики, как „Семь цветов радуги“. *(Автор — Владимир Немцов. В 60-е годы, страдая от собственной бездарности и перейдя на публицистику, он станет люто завидовать Стругацким и включать в свои статьи рецензии-доносы на их книги. — А.С.)* Да, вышла в свет новая книга: „Королевство кривых зеркал“. Найди и напиши, что это за штука. Название заманчивое. Меня почему-то всегда тянуло к фантазированию в области пространственно-временных построений, неэвклидовых геометрий и пр. и т. п. Может быть, эта новая фантастическая повесть имеет что-нибудь общее с такими идейками. *(Это оказалась детская сказка, по сюжету которой в 1963 году маститый режиссёр-сказочник Александр Роу снимет неплохой и очень популярный фильм. А сам автор „Королевства…“ Виталий Губарев знаменит в том числе как один из создателей героического образа приснопамятного Павлика Морозова. — А.С.)* Теперь вот что: хочешь писать — брось большие масштабы. Берись за рассказики, новеллы — это труднее, но менее противно (в чернильном смысле). Я написал один рассказик — возился долго с предварительной подготовкой — как оформить сюжет и пр… — но писать было легко. *(Рассказик, к сожалению, не сохранился, во всяком случае, до сих пор не найден. — А.С.)* А легче и интереснее всего, пожалуй, писать пьесы. Конечно, здесь свои, особенные трудности, но мне они как-то легче даются, хотя должен тебе признаться, что ни одной пьесы я довести до конца ещё не сумел.

Прочитал Драйзера „Дженни Герхардт“ — очень

понравилось. Хорошо чувствовал душу мужчины товарищ. Больше, кажется, ничего нового не читал — лень и тошно, голова жиром заросла, снаружи и изнутри, жир вытесняет мозг и вытекает через глаза, уши, нос и прочие дырки (хотя, кажется, это всё).

В Канске страшный холод, терпежу нет. Прямо не знаю, что за город. Все ходят, чихают, сморкаются и жалуются — жалуются на холод, дороговизну, слякоть, на соседей, на начальство, на подчиненных, на детей и жен. Только на себя никто вслух не жалуется. Боятся, бродяги. *(Заметьте, только что, в июле, был разгар лета, жара, на берегах обмелевшего Кана царила „сиеста“, и вдруг сразу холод, почти зима. Уж такой резко континентальный климат в Сибири! — А.С.)*

Вот, пожалуй, всё пока. Как видишь, ничего определённого я тебе не написал. Роман писать не буду — дешёвка, всё равно не справимся. *(О, какая характерная фраза! А ведь не больше года остаётся до принятия прямо противоположного решения. — А.С.)* Письмо Ефремову — согласен, Подай проект на утверждение. Я дополню и перешлю тебе. Тогда пошлёшь.

Плёнку нужно. Скучно. <…> Жду письма с нетерпением и с прискуливанием от скучишшш» (4 *августа 1951 года).*

А Лена уже примерно месяц как приехала к Дмитрию, оставив в Москве грудную Наташеньку. И всё бы конечно, ничего, да уж больно ребенок маленький. И офицерские жены судачат, шипят в сторонке — бабы есть бабы: «Вот сумасшедшая! И куда припёрлась, зачем?» «А Димке-то это надо?» «Да я тебе скажу, ради кого она припёрлась…» «Да ладно, да брось ты!» «Ой, перестаньте, девочки! Не бывает такого». «Ещё как бывает…» И до Аркадия какие-то слухи докатывались, и щекотали ему нервы, но было как-то не до того, или не хотелось, или боялся он чего-то, или просто думал всё время об Инне. А ещё через месяц, в сентябре (встреча датирована со слов самой И.С. Шершовой), Инна приехала, и стало уже совсем не до «скучишшш». Особенно когда она уехала, почти не задержавшись. Совсем не скучно стало. Только очень грустно. Даже больно.

Есть особая версия о пребывании Инны в Канске. Сохранился дневник Александры Ивановны Стругацкой, который она вела, мягко говоря, не регулярно. Собственно это тетрадь с записями о

здоровье маленького Арка, где вдруг спустя двадцать один год 10 августа 1951-го делается запись об Аркадии, об Инне, об их отношениях. Мама сетует на то, что Аркаша плохо выглядит, когда приезжает в отпуск, на то, что он редко пишет, и недоумевает, как это муж с женою два года живут порознь. Заканчивается запись словами:

> «Это лето Инна уехала к нему на месяц, а могла бы и на два. Многого я не понимаю в их отношениях. Как-то они там?»

В другой тетради 14 августа записано:

> «Сегодня Аркаша с Инной в Канске, Боря в Алма-Ата, а я одна. Грустно».

И 16 августа:

> «Думаю пойти на „Евгению Гранде“, хотя денег всего 15 рублей. Никто не пишет. Боря где-то застрял в дороге. Аркаша утонул в семейной идиллии. Забыл обо мне. Ну, пусть, только бы они были счастливы».

Вот так. Семейной идиллии там не было, это мы знаем наверняка. Но вот на какой срок и с какой целью ездила в Канск Инна? Кого обманывала: мужа, свекровь или автора этих строк? Уточнять не хочется. Столько лет прошло! А к тому же была и ещё одна версия, автор её — Елена Ильинична (мамины рассказы запомнила Маша Стругацкая). Мол, Инна действительно жила в Канске добрый месяц и за этот месяц успела увлечь собою Диму, так что это он сначала изменил. А уж потом она — в отместку. Но нет никаких письменных свидетельств, до самого ноября.

Вот что поведает АН в очередном письме брату, написанном по-английски (сокращать не хочется — любопытно каждое слово!):

> «Мой дорогой Б!
> Извини моё такое долгое молчание, но ситуация

здесь в Канске (я имею в виду мои личные дела, так же как и содержание моей службы) не даёт мне чертовой щелки времени или настроения писать кому-нибудь, а особенно тебе, потому что я знаю, что ты, как и я, не любишь сантименты, а если бы я написал тебе именно в это время, то моё письмо было бы переполнено всеми видами жалоб, сожалений и так далее и тому подобное. Кроме того, не было ничего существенного, о чем писать: всё в нашей бедной и жалкой жизни течет тупо и нескончаемо, меняется немногое, и мало что нравится.

Положение вещей здесь никогда не менялось с того времени, но моё сознание не может выносить твои безмолвные и, тем не менее, горячие упреки (забыл слово), и я решил написать тебе пару строк. Сначала о моей личной жизни.

Я хорошо накормлен, сплю крепко, пью мало. Работаю много, читаю много — а что за ерунду я читаю? Прежде всего — „Устройство Вселенной“ некоего Гурвича — блестящий обзор истории развития человеческих взглядов на Вселенную. Эта книга мне очень нравится. Думаю, ты уже её читал. Затем перечитал „Пьесы“ Островского — прекрасно, „Ещё одна победа“ американца — Уивера, если я не ошибаюсь — о событиях в США, имевших место в 1932, когда Макартур вышвырнул ветеранов, которые пришли в Вашингтон просить заработанные ими деньги. Что ещё? По-японски — „Дон Жуан в аду“ Кикутикана, „До и после смерти“ Арисимы Такео. По-английски: перечитал „Войну миров“ Уэллса, „Пиквикский клуб“ Диккенса и так далее. Это всё, полагаю.

Второе — моя служба. Здесь очень мало можно сказать — служба есть служба. Очень много работы, конечно. Сейчас я бушую над головами моих бедных учеников и давлю из них последнюю каплю масла. Они становятся худее и худее прямо на глазах, но даже не могут жаловаться — они слишком напуганы, чтобы поднять палец против меня. Я убиваю каждое пятнышко протеста в зародыше.

Так вот, здесь я заканчиваю. *(Выделено мною. — А.С.)* Ты пиши чаще, чем раньше, мне крайне нужны письма от мамы и тебя, потому что по некоторым причинам, которые тебе сейчас не надо знать, я теперь слишком одинок. Поэтому не забывай своего бедного брата.

Я, возможно, приеду в Ленинград около 24 января 1952, и тогда мы будем на некоторое время веселы и счастливы.

Здесь конец. *(Выделено мною. — А.С.)*

Целую тебя и маму.

Твой Арк.

Канск, 1.11.51».

«…Сплю крепко, пью мало» — это неправда. Сразу после отъезда жены спать он стал паршиво, а пить — регулярно. О чём и писал потом неоднократно. А в процитированном выше письме брату неслучайно повторяется как рефрен: «Здесь заканчиваю… здесь конец». К последним числам октября он приходит в такое состояние, когда ощущение конца — конца всему, — наваливается и нависает над ним неизбывно. Нет, речь вовсе не идёт о суициде — от этого он был гарантирован полностью. Возможно, на чисто генетическом уровне. Речь о конце целого этапа жизни, о готовности расстаться с прошлым, смеясь и негодуя, расстаться безжалостно и беспощадно, не озираясь ни на какие последствия.

Трудно сказать, раньше или позже пишет он первое после расставания в Канске письмо Инне. Письмо не датировано и ради мысленного эксперимента мы можем допустить, не слишком погрешив против истины, что пишется оно в один день с письмом Борису. Читать целиком утомительно. Вот характерная выдержка:

«Для меня нет других женщин, кроме тебя, у меня нет другой нежности, кроме нежности к тебе, и мне кажется, так будет до конца. Я стал равнодушен ко всему, кроме того, что связано с тобой, механически ем, пью, сплю, работаю, и только оставшись наедине с собой (теперь я понял, что значит это выражение), я начинаю жить, то есть думать о тебе. Правда, у меня нет вспышек буйного пьянства, чего я, признаться, опасался, когда ты уезжала, но теперь мне думается, что это может быть, было бы лучше того тихого и покорного отчаяния, которым наполнена моя жизнь. С каждым днём мне всё труднее чувствовать себя человеком. Огромную всепоглощающую любовь внушила ты мне, и я всегда буду тебе благодарен за это, но как приходится расплачиваться!»

Ну и письмишко! Фальшиво, безвкусно, пошло. Ни одной литературной находки. А главное — почти ни слова правды. Например, о «вспышках буйного пьянства». Видно, в ходе одной из них и пишутся эти строки. Борису — после стакана и потому ещё с остатками самоиронии, Инке — после трех и уже с избыточным пафосом.

Инна Сергеевна не помнит сегодня, как восприняла она этот текст тогда, помнит лишь наверняка, что не ответила. Дней через двадцать (тут уже есть точная дата — 22 ноября 1951 года) АН не выдерживает и пишет снова — не так выспренно, но всё так же нечестно — в чем-то каясь, что-то объясняя, а, по сути, просто жалобно скуля:

> «…Жить мне очень плохо, перспектив никаких, как дальше жить — не знаю, ведь все мои планы в жизни были связаны с тобой, моя любимая…»

Конечно, она опять не ответила. Он терпел ещё недели две и написал «уже в последнем градусе отчаяния», без всякой надежды, после чего откровенно сорвался. Сразу по всем направлениям. Как он теперь бушевал над головами своих несчастных учеников, достоверных воспоминаний нет, но то, что форменным образом не просыхал целый месяц, а то и больше — это факт. Разум стал слегка затуманиваться. Моральные критерии отошли не на второй, а на двадцать второй план…

Лена Воскресенская сама приходила к нему. Она была очень настойчива, просто фантастически активна.

Она ему нравилась. В общем-то, всегда нравилась. И была интересна, он ценил её интеллект, эрудицию, воспитание — он во всех девушках ценил это. Он понимал умом, что Лена подходит ему как партнёр, как подруга жизни, тем более что он видел и чувствовал её безоглядную влюбленность, готовность на любые жертвы, но… Любви не было! Было какое-то очень сильное, острое, греховное влечение, Страсть была. А любви — не было. С Инкой была любовь во всём объёме: и страсть, и романтика, и тоска, и ужас потери. А тут не было любви. И от этого странным образом хотелось владеть ею ещё сильнее. Ещё острее. Но… ведь был Димка! Друг. И доверчивый, любящий муж. По Ленкиным словам, изменявший ей, но Арк считал, был уверен, что это неправда. И ему было просто стыдно наставлять Диме рога. И ещё там был ребёнок…

Так это всё и тянулось. Невыносимо долго. В пьяной голове

клубились и клокотали страсти, в трезвой — муки совести под управлением чувства долга. Но голова всё реже и реже делалась трезвой. Тяжело трезветь, ни к чему, не надо…

Сколько это могло продолжаться? Долго. Но не бесконечно. И вот в один прекрасный (да-да, именно прекрасный!) день… Точнее, это был не день, а ночь. Трудно было не запомнить, какая именно — это была новогодняя ночь. Выпало ему суточное дежурство в части. Или сам попросил? Наверно, сам… Какой дурак, кроме него, вызвался бы в праздник? И была по-настоящему волшебная ночь. А потом этот распустяй с английского факультета, капитан… капитан… ну, как его фамилия?.. Ах, да, капитан Деев! Часы он, видите ли, забыл в дежурке! Отличные командирские часы. «*Where is my watch?*» Вот с этими словами он и вошёл среди ночи: «Где мои часы?»

«Where is my watch! Where is my watch! Stick it in your… You know where!» (Засунь их себе… знаешь куда?) — ответил ему Аркадий тоже по-английски. Но всё уже случилось, и не было дороги назад. *Здесь — конец…*

Ещё полгода слушатели ШВП подкалывали своего преподавателя по английскому, при каждом удобном случае вворачивая в ответы фразу *«Where is my watch?»* Капитан Деев делал вид, что не замечает, но потом, наконец, взмолился: «Может быть, хватит?»

Он не был подлым доносчиком, этот капитан, там всё получилось гораздо сложнее: были некоторые проблемы со здоровьем, вызывали фельдшера. Истопницу разбудили, ещё кого-то… В общем, как любят говорить немцы, что знают двое, то знает и свинья. А тут куда больше свидетелей получилось. И оказались нарушены все мыслимые пункты Устава караульной и гарнизонной службы, и сразу несколько заповедей каких угодно религий, и конечно, не один и даже не два принципа из морального кодекса строителя коммунизма, который, впрочем, будет сочинен только через десять лет…

17 января 1952 года состоялся офицерский суд чести. Или, говоря по-советски, заседание партийного комитета школы. Решением парткома младшего преподавателя цикла японского языка, исполняющего обязанности секретаря комсомольской организации школы старшего лейтенанта Стругацкого исключили из рядов ВЛКСМ за морально-бытовое разложение. Легко отделался (любили его) — ведь горячие головы предлагали разжаловать в рядовые.

И всё равно никогда, никогда после он не пожалеет об этой ночи, определившей всю его дальнейшую судьбу.

С годами история обрастёт легендами. Каждый будет

рассказывать по-своему. Лена, уехавшая в Москву с первым поездом, придумала утешительно-спокойную версию для папы с мамой, более скандальную со встречной изменой — для подруг, — и придерживалась то одной, то другой до конца своей жизни. Аркадий — даром что писатель — сочинил много версий, одна остроумнее другой, на все случаи жизни (для Инны, для брата, для мамы, для Андрея Спицына, для новых друзей…). Капитан *Where-is-my-watch* с пролетарской прямотой рассказывал всё, как было.

И уж совсем невероятные вещи рассказывала истопница, отвечавшая за голландские печи в учебном корпусе. Якобы это она первая увидела их там, в дежурке. Вдвоём. Или втроём — с нечистою силой. Или являли они собою некое одно существо… В общем, присутствовала в этом рассказе и левитация, и волки-оборотни, и вся вампирская романтика с осиновым дрекольем вместо винтовки. И, разумеется, именно эта версия облетела все гарнизоны от Калининграда до Находки.

Ну, чистой воды Акутагава! (Читайте рассказ «В чаще» в переводе Натальи Исаевны Фельдман, не Стругацкого, к сожалению, но всё равно хорошо.)

И только Дима, муж Лены и замполит школы, главный потерпевший в этой истории никогда, ничего и никому о случившемся не рассказывал. И если вы спросите его сегодня, через пятьдесят с лишним лет: «Что вы можете рассказать об Аркадии Стругацком?», он вам ответит: «Ничего». «Но вы же хорошо его знали?» «Да, — согласится Дмитрий Николаевич, которому уже за восемьдесят, — да, я СЛИШКОМ хорошо его знал».

А вот самое последнее письмо брату из Канска — 19 мая 1952 года и тоже перевод с английского:

> «Мой дорогой Боб!
>
> Извини меня за моё такое долгое молчание некоторое время. Но вы — я имею в виду лично тебя и мамочку — были равно внимательны ко мне, а с вашей стороны это много хуже, чем с моей, потому что вас двое, а я один. Вам следует писать чаще, иначе до моего следующего отпуска вы меня забудете. Поэтому я надеюсь, что вы — ты и мамочка — отзоветесь на мои жалобы и будете достаточно добры, чтобы посылать мне, по крайней мере, одно письмо в неделю.
>
> Что до моей жизни, то она, как обычно, жалкая и бедная, как любит говорить один из моих лучших

друзей. Я очень устал и измучился и не имею времени отдохнуть. Я говорю „не имею времени отдохнуть“, но это не означает, что я перерабатываю. Действительно, я работаю много, но в неком нормальном положении (в смысле моих семейных отношений, квартиры) я был бы способен наслаждаться всеми удовольствиями свободного времени. До сих пор нормальные жизненные условия для меня не существуют, и я, чтобы избавиться от одиночества, мыслей и так далее, вынужден покидать свой дом и идти к друзьям и подругам, проводить время самым глупым образом.

Мои жалобы не доходят до вас ещё и потому, что всё это перемешано с более серьёзными делами. Например, я продолжаю писать книгу, придумал новую тему, прочёл превосходную вещь — „Рождение миров“. Теперь я знаю все существующие космогонические теории. Кстати, я не могу уразуметь, почему Фесенков получил лауреата Сталинской премии, если его теория неверна, а теория Шмидта признана единственно правильной? Вы, астрономы, весьма нелогичны, я бы сказал.

После всего я могу настаивать на утверждении, что я живу хорошо. Но я слишком одинок, Боб, слишком заброшен…»

Тон письма относительно спокоен, но если приглядеться внимательнее, лёгкое раздражение прорывается, конечно. Прорвалось оно и в конкретных действиях на прощание. Рассказывают, что в начале июня, уже перед самой посадкой в поезд АН вместе с сообщниками — своими верными учениками, — бросил в сортир ШВП (вариант — в вокзальный сортир) несколько пачек дрожжей. Какой это вызывает внешний эффект, каждый может додумать сам. Вот так нежно и торжественно расставался АН с этим славным восточносибирским городком. Оргвыводы за последний хулиганский демарш не догнали главного зачинщика в его стремительном движении на Восток.

Маленькое послесловие к главе

Однажды в Канске Аркадий поспорил с Виталием Сидоровым — одним из любимых своих курсантов:

— Да ты не понимаешь, малёк, моё имя ещё войдёт в Большую советскую энциклопедию!

— В эту? Которая сейчас выходит?! — удивился малёк Сидоров.

Аркадий затянулся глубоко, выпустил дым, подумал:

— Нет, в эту уже не успеть. Но в следующем издании — точно.

— И в качестве кого же? — ядовито поинтересовался другой курсант, случившийся рядом в курилке. — Самого великого японоведа?

Аркадий снова задумался.

— Нет. В качестве писателя, — сказал он вдруг.

— Да ладно! — Сидоров расхохотался. — Ящик коньяка, что не будет этого.

— Замазано, — Аркадий очень серьёзно посмотрел на него, и они ударили по рукам.

Подсуетившийся второй курсант разбил спор.

— Ну и сколько лет ждать этой грандиозной пьянки за твой счёт?

— Во-первых, за его счёт, — устало пояснил Аркадий, — а во-вторых, не так уж и много: первое издание БСЭ завершилось в 1947-м, а в 1950-м уже новое готовить начали. Годков за десять, думаю, закончат, да и начнут очередное.

Со сроками Аркадий ошибся. Второе издание завершили к 1958 году, а вот третье начали только в 1970-м. Зато он не ошибся по сути. Конечно, в соответствующем томе, а конкретно в 24-м на странице 597 значились писатели братья Стругацкие. Вот только ящик коньяка не с кем было распить. Том увидел свет в 1976-м, а Виталька Сидоров погиб во Вьетнаме в 1966-м. Так уж вышло, что стал он не переводчиком с японского — военным советником стал.

Глава пятая
ДОРОГА НА ОКЕАН

«Я не считаю потерянными годы своей учёбы и службы на Камчатке. Если б не было этих сопок и этого океана, стал бы я писателем? Не знаю… А если б и стал, то совсем другим».

А. Стругацкий, из неопубликованного разговора, 1967 г.

«Океан для меня всё… В детстве я страстно увлекался морской биологией. Много читал об океане, восхищался разнообразием жизненных форм в его глубинах — раки-отшельники, актинии, медузы, осьминоги… Ну, а потом по долгу службы пришлось попасть на океан и увидеть всё это своими глазами. Это был рай детской мечты».

А. Стругацкий, из интервью в газете «Неделя», 1984 г.

Ночь была ясная и лунная. Было очень холодно и тихо. Но они не замечали ни холода, ни тишины, ни лунного света. Потом Аркадий увидел, что Лена сутулится и прячет ладони под мышки, и накинул на неё свою куртку. Лена остановилась.

— Ты рад, что я приехала? — спросила она.

— Очень. А ты?

— Очень. Очень, милый! — Она встала на цыпочки и поцеловала его. — Я ужасно счастлива. Просто ужасно.

Аркадий обнял её за плечи и повернул лицом к долине.

— Смотри, — сказал он. — Правда красиво?

Над долиной висели седые полосы тумана. Они сливались вдалеке в сплошное серебристое полотно, над которым застывшими волнами чернели холмы. Ещё дальше в мутно-голубом небе были видны бледные тени вершин горного хребта.

Было очень тихо, пахло росой на увядшей траве.

Лена прижалась к нему, пряча подбородок в куртку.

— Ты похудел, — сказала она. — Тебе не холодно?

— Нет.

— И ты стал выше.

— Не может быть, — сказал он. Он вытянул губы дудкой и выдохнул в лунный свет облачко пара. — Я себя отлично чувствую, малыш.

Они пошли дальше. Аркадий продолжал обнимать её за плечи, и это было удивительно хорошо, хотя и немного неудобно, потому что он был гораздо выше её. Лена смотрела под ноги и старалась наступить на толстую тень, скользившую впереди по тропинке.

«Нам пора быть вместе, — подумал Аркадий. — Мы знаем друг друга десять лет, а вместе были всего несколько недель. Как будто я межпланетник! И мы начинаем забывать друг друга. Например, я забыл, как она сердится. Помню только, что она очень забавна, когда сердится. Просто прелесть».

Он остановил её и сказал торжественно:

— Теперь мы вместе и навсегда.

— Вместе и навсегда… — повторила она с наслаждением. — Вместе и навсегда! Даже не верится.

Это было весной 1954-го. Через два с лишним года после той знаменитой истории в Канске и действительно почти через десять лет после первого знакомства. Почему не раньше? Ну, не бывает ответов на такие вопросы. Некоторые пытаются получить их. Некоторые даже пытают свою вторую половину: «Как ты жил без меня?..» «С кем ты была раньше?..»

АН никогда не спрашивал Лену о Москве 1952-го. (С кем жила? Ясно, с родителями.) Об Анапе 1953-го. (С кем отдыхала? Понятно, с маленькой дочкой.) И она не спрашивала его о Канске 1952-го и о Камчатке 1953-го. (С кем ты был там? Разумеется, с сослуживцами.)

Быть может, это уникальное умение не спрашивать друг у друга ни о чём лишнем и помогло им прожить вместе тридцать семь лет?

Старшего лейтенанта Аркадия Стругацкого приказом от 7 июня 1952 года направили в распоряжение командующего войсками Дальневосточного военного округа. Собственно, он давно предполагал оказаться в этих местах и даже мечтал о них; правда, надеялся получить и новое звание и должность посолиднее, а потом, чем чёрт не шутит, и командировку в Японию, но мечты — это одно, а жизнь — совсем другое. На этот

раз его действительно сослали. На Дальний Восток, на самый дальний. Ведь в школе всегда последнюю парту называли «камчаткой», и хотя потом на уроках географии выяснялось, что ещё дальше есть Чукотка, это уже было не важно, всё равно именно Камчатка — последнее пристанище изгнанных и сосланных.

В двадцатых числах он выехал из Канска. Поезд катил не быстро, подолгу скучал на каких-то разъездах и товарных станциях среди унылой путаницы ржавых рельсов и почерневших от времени вагонов, но всё-таки ещё в июне, миновав Комсомольск, прогрохотал меж высокими арками моста над широченным Амуром, и с каждым часом, с каждой минутой становился всё явственнее запах моря и радостное предчувствие от встречи с ним. Это была дорога на океан.

Да, порт Ванино стоит не совсем на Тихом океане, даже не на Японском море — акватория эта называется Татарским проливом. Но всё-таки именно там он впервые почувствовал и запомнил на всю жизнь, что такое настоящий океанский прибой. Тот, кто видел хотя бы однажды это широкое и могучее колыхание водной массы пусть даже в самую тихую, безветренную погоду, — тот никогда не перепутает его с обычными волнами, лениво накатывающими на берег любого из внутренних морей, как нельзя перепутать тяжёлый вздох уссурийского тигра в таёжном мраке с уютным посапыванием домашнего кота на кресле.

Из Ванина, а может быть даже из Советской Гавани, на какой-то помятой и чадящей посудине его доставили в порт Корсаков и оттуда в Южно-Сахалинск, где в общей сложности продержали недели три. Было здорово, как на курорте: тёплое море, красивейшие сопки, буйная, экзотическая растительность. А дальше стало ещё экзотичнее. Он плыл до Петропавловска, куда прибыли 30 июля, вдоль всей Курильской гряды по океанской стороне, и новых, совершенно необычных впечатлений было столько, что порою Аркадию чудилось, будто всё это происходит во сне или вообще не с ним. Огромные черно-лиловые, голубые, фиолетовые, розовые горы поднимались из-за морского горизонта с нереальной внезапностью, как декорации в театре; строгие конусы потухших вулканов глядели в небо своими тёмными жерлами; угрюмые голые скалы чередовались с густыми зелёными зарослями; и чужеродно, жутковато, фантастично смотрелись на этом фоне вдребезги разбитые японские укрепления, военные катера, выброшенные на берег или воткнувшиеся в него, обгорелые и покорёженные, и даже подводные лодки, как мёртвые рыбины, лежащие кверху брюхом.

И здесь же, на этих диких послевоенных отмелях он руками

ловил крабов и прочую морскую живность: странноватых по виду рыб, и головоногих, и даже медуз. И был однажды настоящий шторм, когда их утлое суденышко торопливо ушло от берега, и гигантские волны швыряли его вверх и вниз и перекатывались по всем палубам, накрывая полностью, и всякий раз ему, новичку, чудилось, что это уже всё, теперь не всплыть — довольно мерзкое ощущение.

А на Камчатке встретили хорошо, грех было жаловаться. И, как водится, он сразу же обзавелся товарищами. Месяца не прошло, а уже была вокруг него целая компания: Володя Ольшанский, Герман Берников, Лель Махов, Андрей Друзь, Саша Пархачев, Витя Строкулев, Аркадий Захаревич, Коля Растворцев… Подтверждалась недавно созданная им теория, высказанная ещё в одном из канских писем, — мол, чем дальше от центра, тем больше хороших людей. Даже с непосредственным шефом, начальником разведотдела Героем Советского Союза майором Александром Румянцевым, установились у него замечательные отношения.

Ну, разве в Ленинграде или Москве можно так быстро подружиться с людьми?

Через пять лет они напишут вместе с братом свою вторую маленькую повесть — «Извне». Её первая часть или глава, или первый рассказ в этой повести практически с документальной точностью описывает восхождение на Авачинскую сопку — действующий вулкан на юге Камчатки высотой 2741 м. Сослуживцы подтверждают: всё было именно так, узнают друзей в описанных персонажах, Аркадия вспоминают как хорошего и на тот момент уже старого знакомого. Сегодня, спустя столько лет, они отказываются верить, что АН подбил их на эту авантюру ровно через десять дней после приезда. А интерес был и спортивный, и познавательный. Ну, кто ещё там, на материке, сможет похвастаться, что заглядывал в кратер действующего вулкана? АН заглядывал, и зрелище это потрясающее:

> «Именно таким представлял я себе вход в ад. Под нами зияла пропасть глубиной в несколько десятков, а может быть, в сотню метров. Стены пропасти и её плоское дно были серо-жёлтого цвета и казались такими безнадёжно сухими, такими далёкими от всякого намека на жизнь, что мне немедленно захотелось пить. Честное слово, здесь физически ощущалось полное отсутствие хотя бы молекулы воды. Из невидимых щелей и трещин в

стенах и в дне поднимались струи вонючих сернистых паров. Они в минуту заполняли кратер и заволакивали его противоположный край».

Из этой удивительной повести можно цитировать любое место как иллюстрацию событий августа 1952 года (и точно так же вторая глава — в чистом виде, без сколько-нибудь существенных искажений воспоминания БНа о его поездке с археологами в Пенджикент летом 1957-го). «Извне» — это то редкое исключение в литературе, где прототипы узнавали себя. Справедливости ради заметим, что касается это утверждение только камчатской части повести, ибо БН уверяет, что ни начальник археологической партии, ни прочие герои среднеазиатских эпизодов не опознали себя по тексту, а потому фамилии их здесь и не прозвучат. Итак, расшифровки. Персонаж повести Коля Гинзбург — это в жизни майор Клецко, начальник топографической службы. Майор Пёрышкин — в миру майор Аникеев, так и есть физрук. Майор Кузнецов — *alter ego* самого автора. У Миши Васечкина, водителя, тоже был прототип, да фамилия его позабыта. А вот с Виктором Строкулевым, адъютантом комдива Мироненко, — отдельная история. Во-первых, это довольно редкий случай, когда АБС дали своему герою не только фамилию, но и имя реального лица. Однако образ получился собирательный. У реального Виктора не могло быть в каждом населенном пункте по девушке, так как была жена и маленький сынишка. Выдающимся бабником слыл Вася Кутнов, который, правда, на вулкан не взбирался, зато был знаком с АНом ещё с Канска. Его фамилия вместе с его достоинствами позднее перекочует в «Беспокойство», имя там изменится на Алика, а в окончательном варианте «Улитки на склоне» Алик Кутнов вообще станет Тузиком. А по утверждению БНа, Тузик — уже и не Кутнов вовсе, так как у него появился более близкий по времени прототип — Юра Варовенко, шофер северокавказской экспедиции, красавец итальянского типа с дурно пахнущими ногами и бабник неописуемый. Забавно всё это…

Однако вернёмся в 1952-й. Вот они все на вершине — отчаянные молодые офицеры и сержанты. Они и в самом деле хотели спуститься в ту пропасть, но не было с собой ни веревок, ни тем более кислородных масок, а если честно, то и сил уже после восхождения не осталось. А там глубина около сотни метров, и стенки практически отвесные — это более чем серьёзно даже для настоящих альпинистов. А тут всё-таки дилетанты собрались, хоть некоторые и щеголяли полученными уже за

подобные восхождения разрядными значками.

По тексту повести Адаирскую сопку покоряли всего четыре человека 2 сентября. В реальной жизни всё это случилось 9 и 10 августа, и участников восхождения на Авачу было ровно в четыре раза больше — шестнадцать человек. Именно Аркадий запечатлел на вершине вулкана группу из тринадцати восходителей, рассевшихся на каменной осыпи с палками в руках и похожих на инвалидов, выставляющих напоказ свои костыли. Ирония судьбы, но сам АН так и не сфотографировался там. Зато полученным за это восхождение значком альпиниста он очень гордился и хранил всю жизнь в специальной коробочке среди прочих своих медалей.

В первые месяцы службы на Камчатке у дивизионного переводчика работы, по существу, не было. Он использовал время для пополнения своих военных и специальных знаний, штудировал понемногу политическую литературу и, конечно, много читал на всех трех языках и переводил что-то — так, для себя, чтобы навыки не утрачивать, причем не только с иностранных языков, но и на языки. Вплоть до того, что перетолмачивал, например, на английский бог знает чьи рассказики из тонких книжек библиотечки журнала «Советский воин». «Зачем?» — спрашивали его. И он солидно отвечал: «Надо знать военную терминологию на языке вероятного противника». Ну и конечно, что-то сочинял постоянно. Что именно — никому не показывал. Впрочем, об этом чуть позже.

Настрой в то время был у АНа бодрый, оптимистический. И в материальном плане тоже всё складывалось вполне благополучно. Денег он зарабатывал достаточно, чтобы и на себя тратить, и маме помогать: оклад с северной надбавкой, двойной, плюс за звёздочки, плюс за выслугу лет — получалось больше двух с половиной тысяч в месяц. Это были хорошие деньги, так что не страшил и шестипроцентный налог за бездетность, и проклятый заём (как правило, один оклад за десять — двенадцать месяцев). Неплохо обстояло дело и с питанием, хотя и несколько непривычно для «материковских» жителей. Основное здесь было — консервы и крупы, а также местного происхождения овощи: картошка, капуста, редиска. Ну и конечно, много рыбы, продавалась она за копейки, а не лень — так и сам лови. Аркадию было не лень — даже интересно.

Пили и здесь немало. Вместо водки, как правило, спирт — питьевой, разлитый в бутылки с этикетками. Дешево и сердито. Еще в зависимости от вкусов и средств можно было покупать перцовку, портвейн, коньяк, шампанское. Но сам он поначалу пил совсем мало — зачем? Жизнь была разнообразной и полной. С

интересом наблюдал, как пьют другие и как поют об этом, записывал:

Всегда готов я, братцы, пить
Стаканом спирт разбавленный.
Стаканом пить, водой запить
Разбавленный!
За то с Камчатки все бегут
Иль на Камчатке прямо мрут,
Что пьют, стаканом в глотку льют
Разбавленный!

В письме АН никак не комментирует, что это откровенная переделка достаточно старой, дореволюционной ещё студенческой песни. Вот, сравните:

Всегда готов я, черт возьми,
Бокалом пить крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули, крамбамбули!
За то монахи в рай пошли,
Что пили все крамбамбули,
Крамбам-бим-бамбули, крамбамбули!

Была она в репертуаре знаменитого одесского шансонье начала века Юрия Морфесси, дважды записана им на пластинку, но авторство нигде не указано — слова и музыка, как говорится, народные (иногда авторство текста приписывается Н. М. Языкову). Не мог АН не знать этой песни, да и БН знал, потому и не комментируется переделка. А понравилось ему наверняка это тонкое созвучие слова «разбавленный» с экзотическим «крамбамбули» — названием восточноевропейской крепкой настойки на вишневых косточках и пряностях.

Радовал муссонный климат: тёплое влажное лето с обилием туманов; ясная, солнечная осень; мягкая зима, с буранами и заносами; буйная, яркая весна. В первый год на Дальнем Востоке ему нравилось всё, в природу здешнюю он просто влюбился, сразу и на всю жизнь. А остальное — мелочи. Вот как он пишет в одном из первых писем оттуда:

> «…Я в еде не разборчив, „культурные развлечения“ меня особенно не интересуют, а быт создать можно и на Северном полюсе».

Трудно переоценить влияние дальневосточной природы на всё последующее творчество АБС. Во многих ранних рассказах присутствует совершенно конкретная география Приморья, и очень точные, очень красивые картины, создавая которые они откровенно соревнуются, скажем, с Ефремовым и, по-моему, выигрывают у него в лаконичности и емкости образов. В более поздних своих повестях авторы зачастую ограничивались городскими видами или вовсе минимизировали описания, но там, где природа становилась действующим лицом, где пейзаж начинал работать на идею, где ландшафтные описания великолепно дополняли образ придуманного инопланетного мира, — там почти всегда угадывался Дальний Восток. Намного реже Прибалтика, ещё реже Средняя Азия или Подмосковье. Вспомните хотя бы это изумительное холодное побережье и айсберг у горизонта («Малыш») или безжизненную снежную равнину («Попытка к бегству»), лесные дороги, скалы и море («Обитаемый остров»), отдаленный поселок Малая Пеша («Волны гасят ветер») и даже этот немыслимый и ни на что не похожий Лес («Улитка на склоне»)…

> «Здесь медведи бродят в полутора десятках километров от города, в изобилии растут грибы и ягоды, в речках, шириной в метр, водятся рыбы, не умещающиеся в них поперек; из утреннего тумана вырастают снежные вершины, неделями бушуют катаклизмические ливни, гигантские красные муравьи охотятся за кузнечиками», — пишет АН брату с Камчатки.

Особенно хороши гигантские муравьи — ну чем не планета Пандора?!

А про медведей, кстати, совсем не шутка. Жившие в тех краях до войны рассказывали, что от Дома флота и старого здания облисполкома к судоремонтной верфи ходили по тропинкам над бухтой, через лес, и там реально можно было встретить медведей — звери тропинок не признавали и перли напрямки к берегу, порыбачить. А что там могло измениться после войны? Разве что людей стало меньше — медведей столько же.

Именно тогда, познакомившись с Камчаткой и островами, Аркадий понял, как разнообразна, как удивительно прекрасна и как фантастична — да, именно фантастична! — природа нашей планеты. Борис наверняка пришел к тем же выводам, побывав в

1951-м и 1957-м в Средней Азии, в 1954-м — в Грузии, в 1960-м — на Северном Кавказе. И стало же очевидно, что ничего невозможно придумать, да и не надо — всё уже придумано кем-то до нас… или существует на самом деле.

Ну и конечно, не последнюю роль играло осознание масштабов отчизны — от Балтики до Камчатки, «с южных гор до северных морей». Одно дело песню слушать, совсем другое — видеть своими глазами. Тогда же приходило и осознание масштабов планеты — бездонности и бескрайности океана, бесконечности звёздного неба — то есть осознание безграничности Вселенной. Именно дальневосточная природа, где всё такое большое, такое широкое, такое необъятное, непременно настраивала думающего, склонного к обобщениям человека на глобальное мышление, на космические цели, на мечты о будущем.

Заметим, что помимо природы, там всё-таки был ещё город с двухсотлетней историей и с памятником Витусу Берингу в самом центре. Петропавловск всегда славился в первую очередь своим портом в Авачинской бухте, такой просторной, что в ней якобы могут разместиться все флоты мира. Ну и промышленностью своей город тоже был уже знаменит, а вот с наукой и культурой… Кроме детской областной библиотеки, драмтеатра да офицерских клубов, где крутили кино и устраивали танцы, — практически ничего.

Именно в 1950-е годы всё здесь только зарождалось и строилось. 1955-й — литературное объединение при газете «Камчатская правда». 1956-й — свой Союз журналистов и большой кинотеатр «Камчатка». 1957-й — «Книжная редакция» при той же газете, ставшая в 1964 году издательством. 1958-й — широкоэкранный кинотеатр «Октябрь» и педагогический институт, первый местный вуз. 1959-й — Военно-исторический музей. Ну и так далее: стадионы, бассейны, театр кукол, музыкальное училище, телецентр, институт вулканологии, филармония, писательская организация…

И всё это — после отъезда Стругацкого. А при нём — только медведи, спускающиеся к морю, как у себя дома. Романтика!

По мере наступления холодов романтика заканчивалась — начинались выживание и работа, зачастую рутинная и скучная. Собственно, АНа приписали к разведотделу штаба дивизии, и прочитывал он на английском и на японском уйму документов, как правило, секретных, но от этого ничуть не более увлекательных, а также изучал сообщения в открытой печати, среди которых нужно было вылавливать сведения,

представлявшие интерес для военной разведки. Как мы узнали много позже из романов, скажем, Роберта Ладлэма, подобная работа в США оплачивалась весьма высоко, а специалистов такого рода не просто ценили, но и отстреливали иногда. Однако в начале 1950-х на Камчатке шпионские страсти бушевали не слишком, и Бог миловал Аркадия от повышенного интереса различных спецслужб.

С нарушителями границы — как правило, это были рыбаки, — он сталкивался не раз, сопровождая экипаж патрульного катера, и допросы проводил, но с настоящими диверсионными группами, по счастью, столкнуться не пришлось. Ещё повоевал однажды с мародёрами — было и такое. В ночь с 4 на 5 ноября 1952 года в 3 часа 55 минут случилось землетрясение, около пяти утра — первый вал цунами, через 20 минут — второй, ещё более мощный, следом — третий. Эпицентр был в океане, восточнее островов, поэтому пострадало и восточное побережье Камчатки, а максимальные разрушения пришлись на остров Парамушир, южнее Северо-Курильска. Вот и появилась работа у созданной полтора года назад сейсмической станции «Петропавловская». Но ещё больше работы было у военных. Официально их бросили на помощь населению, но Аркадий вылетел вертолётом на Парамушир и, очевидно, ещё на Шумшу (по-японски правильнее Сюмусю) переводчиком в составе спецгруппы, и друзья догадывались, что главной задачей там было предотвратить проникновение или, наоборот, бегство японской агентуры. К тому же разломы и океанские волны вскрыли несколько старых подземных схронов, о которых забыли или не знали все эти семь лет, прошедшие с победы над Японией. Оружие и боеприпасы надо было срочно брать под контроль.

А вообще разрушений и пострадавших было много, да и жертвы немаленькие, но в то время об этом умолчали в газетах. АН никогда и нигде не рассказывал подробно о цунами. Может, потому, что дал подписку и так уж и решил хранить молчание вечно, а может, слишком уж неприятно было вспоминать всё, что он там, на островах, увидел. Руины, трупы, раненые, мародёры, холод, грязь, человеческое горе… И на этом фоне — сбор разведданных, выявление агентов, уничтожение врагов — тоскливо и отвратительно.

Именно на Камчатке АН начинает очень активно работать литературно. Обсуждение планов и замыслов становится основным содержанием его переписки с братом. Вот выдержки из совершенно замечательных писем октября 1952-го:

«Обдумываю повесть о Тарзане — новом, другом, настоящем звере — жестоком, хитром, мстительном: назову его Румата — каково? „Берег Горячих Туманов“ меня не удовлетворяет, придётся много переделывать, вплоть до изменения фабулы. Есть ещё кое-какие идейки, но очень смутные. Приходится также во многом менять пьесу „Товарищи офицеры“. Это о литературной деятельности».

И другое, на пару недель позже:

«Помнишь, в последней посылке в Канск ты послал мне две аглицких книжонки Киплинга. Одна из них — о традициях британского флота — чушь, хотя стихи там хорошие. А вот другая, „Stalky & Co“ — чудесная вещица. [5] Прочитал её трижды, теперь перевожу, к новому году думаю закончить. Как-то мы с тобой в Ленинграде фантазировали о том, как бы проснуться году в 39-м, обладая всеми знаниями и опытом сегодняшнего дня. Так вот, в этой книжке описываются похождения трех школьников — учеников колледжа, у этих друзей совершенно взрослый склад ума (не опыт, не знания, а именно склад ума). Рассказывать неинтересно, привезу перевод — прочтёшь. Из-за этой книги я даже забросил начатый было перевод „Сына Тарзана“. Впрочем, и он от нас не уйдёт. Забавляюсь я также и чтением Диккенса — услаждаю себя „Пиквикским клубом“ в оригинале. Ты себе и представить не можешь, сколько теряется в переводе! Что касается японского, то — увы! — забываю понемногу: нет матерьялов. Я уже писал маме насчёт словарей, прошу тебя помочь ей и срочно выслать на в/ч 25324 заказной бандеролью. Много читаю, а писать пока бросил, нужно о многом подумать. В частности, придётся, вероятно, перестроить сюжет „Берега Горячих Туманов“. Кстати, недавно я где-то прочел о новой теории происхождения залежей радиоактивных руд. По этой теории наибольшее их количество должно оказаться на Меркурии. Напиши мне о своих взглядах на это дело.

Меня продолжает привлекать и „тарзанья“ тема. Идея — Тарзан островов Южных Морей. Подобрал имена — Румата и Юмэ — остаётся изобрести сюжет и писать. Есть и ещё кое-какие мыслишки, иногда просто заманчивые заголовки и отдельные кадры. Но здесь я

боюсь пойти по дорожке незабвенного кадета Биглера. Стихи не пишутся».

По найденной наконец-то рукописи знаменитого перевода Киплинга, упоминаемой в книгах, дневниках и письмах АБС не однажды, мы можем сегодня точно восстановить даты работы над текстом: 25.09.52 — 4.04.53. В этих тетрадях: одной довольно толстой, с картонной обложкой и нескольких тонких, по двенадцать листов, исписанных аккуратным мельчайшим почерком, датировка предельно точная, поэтапная и даже с указанием страниц книги-оригинала.

«О, это было одно из сладчайших чтений в моей жизни!» — вспоминает БН.

Любопытна ещё одна деталь в том же октябрьском послании. Аркадий разобрался, наконец, с местными причудами почты в отношении военных, местонахождение которых — 6-й километр Елизовского тракта — строго засекречено, и теперь объясняет брату, что бессмысленно слать телеграммы и даже письма на почтамт — только на номер части и лучше заказным — надёжнее. Но всё равно идти они будут в Москву дней десять, а из Москвы — не меньше месяца — хоть авиапочтой, хоть голубиной. С этим надо смириться, потому что Камчатка — это вам не Петергоф.

Однако продолжим тему литературную. В 1953-м он уже не просто пишет практически каждый день — он начинает подсчитывать, с какой скоростью пишет, то есть явно вырабатывает в себе профессионализм.

Общая тетрадка в линейку открывается стихотворением «Чёрный Остров» (28 ноября 1952 года).

Чёрный Остров Сюмусю,
Остров ветра Сюмусю,
В скалы-стены Сюмусю
Бьёт волнами океан.

Тот, кто был на Сюмусю,
Был в ту ночь на Сюмусю,
Помнит, как на Сюмусю
Шёл в атаку океан,

Как на пирсы Сюмусю
И на доты Сюмусю
И на крыши Сюмусю
С рёвом рухнул океан.

Полчаса на Сюмусю —
Сто веков на Сюмусю
В снежных сопках Сюмусю
Бесновался океан.

А наутро, Сюмусю,
К скалам-стенам Сюмусю
Много трупов, Сюмусю,
Вынес Тихий Океан.

Чёрный Остров Сюмусю,
Остров страха Сюмусю.
Кто живёт на Сюмусю,
Тот глядит на океан.

Похоже на перевод с японского, но скорее просто стилизация под впечатлением совсем недавнего цунами. В любом случае после этого стихотворения и сомнений не остаётся, что был он в те страшные дни не только на Парамушире, но и на Шумшу — самом северном острове в Курильской гряде, то есть самом близком к Камчатке.

Дальше в той же тетрадке идёт рассказ «Первые», датированный мартом, потом неоконченная повесть «Сальто-мортале» (июнь 1953-го) и в самом конце на отдельной страничке вот такой планчик:

xxx xxxxxxx xxxxxx xxxxxx	Salto-Mortale - 150 листов, 3 м-ца, 50 л/м, 2 листа в день Палачи - 100 листов, 4 м-ца - 25 л/м, 1 лист в день Линда versus Хиус - 120 листов, 4 м-ца, 30 л/м, 1 лист в день Пьесы:
	Кажд. умирает по-своему - 9, 10 2 (зачеркнуто) 1 листа в день
x	В отдаленной местности - 9 (зачеркнуто), 10, 11 2 (зачеркнуто) 1 листа в день
	Секретное производство - 9, 10, 11 * 2 (зачеркнуто) 1 листа в день
	Первые - 12 листов, - 2 м-ца - 1 лист в 5 дней"

Там, где перечислены пьесы, цифры даны по-японски. Любил он так поразвлечься. Но главное, смысл этих цифр не совсем понятен, как, впрочем, и смысл крестиков слева от названий.

К сожалению, среди тетрадей, потерявших обложки, среди стопочек листов, сцепленных скрепками, среди разрозненных, выдранных, мятых страниц и даже узеньких полосок-обрывков — в той самой папке, которую описывают АБС в «Хромой судьбе», удалось найти не все перечисленные произведения. Возможно, какие-то из них уже просто не существуют в природе, другие, даст бог, ещё найдутся, но в любом случае, изучение такого архива — дело литературоведа, а не биографа. Для меня же было просто безумно интересно прочесть все эти карандашные и чернильные наброски, помогающие проникнуться его настроением, его взглядом на мир, его чувствами того времени, понять, как зарождались именно тогда, не побоюсь этого слова, великие замыслы.

А замыслов было уже не счесть — и у Аркадия, и у Бориса. Они в тот период начинают регулярно поругивать друг друга, подсказывать друг другу что-то, помогать друг другу, подталкивать к новым мыслям… У них уже многое получается, и они знают наверняка, что рано или поздно получится всё, абсолютно всё, надо только работать — не по вдохновению, а профессионально, заставляя себя каждый день выдавать определённое количество текста. Ну и конечно, надо придумать, найти способ, научиться проталкивать сделанное в печать. Потому что профессионалы не пишут в стол. Они думают уже и об этом. И они чувствуют, определённо чувствуют приближение скорых перемен. Сформулировать это, назвать словами невозможно — ведь ничего не происходит — ничего! — всё по-

прежнему, но именно тогда, в январе-феврале 1953-го что-то необъяснимое и радостное зарождается словно бы в самой природе.

И наступает 5 марта. День, совершенно особенный в истории всей страны, он оказывается очень значительным и в биографии АБС. Письмо, написанное Аркадием брату именно в этот день, хочется процитировать здесь достаточно полно и прокомментировать достаточно подробно.

Ну, во-первых, немаленькое это письмо начинается с длинного и весьма серьёзного рассуждения о литературных планах. И легко видеть по тону, что тема эта для братьев уже почти дежурная. Во-вторых, именно 5 марта Аркадий впервые внятно формулирует идею будущей «Страны багровых туч», так как наброски к ней уже сделаны и не раз, но в отличие от предыдущих писем осени 1952-го, ему теперь ясно в чем проблема. Ему не хватает практических знаний о технике, об экономике, о производстве. А хочется сделать этакий научно-фантастический вариант достаточно модного в ту пору производственного романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы». Позднее АБС поймут, до какой степени можно минимизировать техническую составляющую в НФ. Но с первой повестью у них ведь примерно это в итоге и получится — производственная НФ, только интереснее, чем у Ажаева, и в литературном отношении куда сильнее.

А ниже в письме от 5 марта идёт такой текст:

> «Как видишь, моя литературная программа начала меняться в самом начале. Следующее на очереди — „Каждый умирает по-своему“ — пьеса. Ты прав, пьесы мне нравятся именно этой благословенной возможностью отделаться от дурацких интерлюдий между зернами необходимого материала. Тем более что сюжет моей пьесы позволяет с успехом обойтись безо всяких описаний. А ведь есть чудесные пьесы, верно? Возьми „Опасный поворот“ *(Джон Б. Пристли. — А.С.)*. Или „Сорок девятый штат“ *(Джеймс Олдридж. — А.С.)*. Или „Тележка с яблоками“ *(Бернард Шоу. — А.С.)*. Кстати — а-а-а! — немедленно найди в магазинах эту пьесу и сейчас же вышли мне. По-английски, конечно. Она называется, кажется, „An apple chart“ или что-то в этом роде. Так вот, я совсем не так предубежден против пьес, как ты. Собственно, как я уже тебе, кажется, писал, эта пьеса почти написана, остались мелкие изменения».

«Каждый умирает по-своему» — название является очевидной аллюзией (сознательной или подсознательной) на знаменитый тогда антифашистский роман Ганса Фаллады «Каждый умирает в одиночку», вышедший в Германии в 1947 году и уже через год — на русском языке в СССР. АН даёт своей пьесе ещё и подзаголовок — «Без морали». А ведь она и впрямь была сделана практически целиком. Беда лишь в том, что, не считая нескольких сцен, переписанных по три и даже по четыре раза, основной объём рукописного текста существует в двух вариантах — первом, условно черновом, но законченном и втором — заметно переделанном, улучшенном, но… без финала. А ведь там и финал должен был измениться. Неизвестно, существовал ли этот текст вообще, но в том виде, как он есть, для театра годится не слишком. А жаль! Пьеса прелюбопытная, фантастическая, и, как уже мог догадаться внимательный читатель по одному лишь названию, она и является воплощением юношеского замысла о семи днях до конца света. Правда, дней теперь стало три — для более напряженной драматургии, — это во-первых. Во-вторых, действие перенесено в неназванную капиталистическую страну: одно дело языком чесать и совсем другое — текст для публикации готовить. О низости человеческой, о предательстве, о ненависти, о том, как люди напиваются, звереют и убивают друг друга за считаные минуты до неизбежной всеобщей гибели — разве обо всем этом можно было писать на советском материале? Ну и последнее существенное различие со старым вариантом: вместо фарсового хеппи-энда с ошибкой учёных здесь полномасштабный эсхатологический кошмар. Нарочитое обличение буржуазной морали и даже торопливо вписанная во вторую редакцию руководящая и направляющая роль коммунистов никак не спасала это упаднические произведение, и конечно, пьеса с жутким названием, да ещё и с откровенными эротическими сценами (!) не имела никаких шансов быть поставленной в Петропавловском драмтеатре 1953-го года. Не больше шансов было у неё и во все последующие советские годы, даже на столичных сценах; стилистика-то у пьесы, вообще говоря, близка не к «Стране багровых туч», а к «Гадким лебедям» и «Граду обреченному», ну, во всяком случае, к «Второму нашествию марсиан», так что можно себе представить, как бы расцветили этот сюжет зрелые АБС. Но, к сожалению, по той или иной причине АН не дал существующим черновикам никакого хода, даже не обсуждал их с братом на уровне идеи. Отдельный вопрос — что можно сделать с этим сегодня? Я бы, честное слово, предложил хорошему режиссёру для театра — диалоги-то там

великолепные!

Кстати, именно поэтому Аркадий так тяготеет в тот период к пьесам. Он — от природы мастер диалога. Реплики — замечательные, точные, с юмором, уже готовые фразы их будущих совместных книг. Но экспозиция, описания, рассуждения получаются у него куда хуже. В некоторых местах просто диву даешься: неужели это писал АНС?! Всё-таки уже 27, 28 лет, пишет не первый год, как же это он так небрежен к деталям, так невнимателен ко второму смыслу, так нечуток к фонетике?.. Ответ прост. Это всего лишь один Стругацкий. Реальная половина писателя. Половина таланта. Как фотонный отражатель «Тахмасиба» с наполовину уничтоженным зеркалом — на нем, конечно, можно один раз каким-то чудом вырваться из Юпитера, но потом всё равно долго не протянешь…

> «Дальше идёт „Румата и Юмэ“. Здесь вопрос посложнее. Время — наши дни. Место — острова юго-западной части Тихого океана. Тема — примерно „Тарзановая“. Основная задача — написать интереснее, чем писал Берроуз. Главное действующее лицо — полусверхчеловек (помесь человека с небожителем). В смысле техники любых затруднений нет, а вот как изобразить всю эту кутерьму — осьминоги, гидропланы, эсминцы, туземцы, военные базы, любовь — в более или менее стройном порядке? В общем, попробуем».

От «Руматы и Юмэ» то ли сохранилось буквально несколько листов, испещрённых густой и многократной правкой, то ли и были написаны всего лишь десять страничек. Собственно, это прямое соревнование с Эдгаром Райсом Берроузом, свой вариант «Тарзана», напоминающий ещё и «Конана-варвара». Не уверен, что АН уже читал в те времена Роберта Говарда, да и какая разница? «Борьбу за огонь» Рони-старшего наверняка читал. В итоге получился совершенно впоследствии несвойственный АБС жанр фэнтези. Впрочем, на тот момент термина такого у нас ещё в ходу не было, а молодому Аркадию, что вполне естественно, хотелось попробовать себя во всех жанрах и стилях. Конечно, было бы любопытно посмотреть, как поведет себя Румата-Тарзан, оказавшись среди гидропланов и эсминцев, но до этого, к сожалению, на десяти страницах дело не дошло. Первобытные же разборки с копьями в руках интересны, пожалуй, лишь языковыми находками в именах, названиях и речевых характеристиках.

«— Антэм-Сарда! Оэ, Антэм-Сарда, будь проклят отец, зачавший тебя, и мать, носившая тебя в чреве своём!

Мальчик уже давно привык и к резким гортанным звукам чужого языка, и к кличке Антэм-Сарда, „Рыжеволосый с Севера“. Но он не забывал своего настоящего имени — Румата, как не забыл и своего отца, и мать. Отец его был могучим вождем и великим охотником среди своего племени, и враги устрашались, когда он, вымазав лицо и грудь кровью убитых, посылал им вслед свой воинственный клич. А мать — мать была лучшей из женщин, в боях она шла бок о бок с отцом, а после боёв отец отдыхал у неё на коленях, пока Румата и его маленькая сестра баловались около них, крича и визжа, барахтаясь у его ног».

Согласитесь, вполне залихватское начало, способное увлечь любого поклонника романов-фэнтези.

А вот «Сальто-мортале» представляет собою уже вполне продуманную вещь, по духу такую беляевско-гриновскую, по замыслу — уэллсовскую, местами живую и яркую, местами довольно искусственную… Тема обмена разумов, открытая в фантастике, кажется, всё-таки Уэллсом, сегодня уже основательно заезжена, а тогда, пожалуй, ещё могла бы выглядеть свежо, но опыта не хватило. И, в общем, понятно, почему АН (тем более вдвоём с БНом) не стал после заканчивать эту повесть. Она больше напоминала лоскутное одеяло, да и в рукописи причудливо перемешивалась с другой повестью — про Венеру. И, что особенно любопытно, он писал их так: одну, листая тетрадку слева направо, а другую — справа налево. Для чего? Загадка! И пока поймешь этот принцип, намаешься искать, где же продолжение текста. А тут ещё две повести вперемежку без всякого смыслового соответствия. Вот это ребус!

В итоге из незаконченного «Сальто-мортале» кое-что перекочует в произведения АБС. Главным образом две вещи: идея воздействия на нейроны мозга — для рассказа «Шесть спичек» и название страны Арканар — для «Трудно быть богом», разумеется. (Кстати об Арканаре. В интервью Илану Полоцку в ноябре 1974-го в Дубултах АН расскажет, что в Арканар он ещё в детстве играл с братом. Может быть, так называлась одна из стран-участниц тех самых «напольных» военных игр, а может быть, это ещё из ранних сочинений, совместных с Игорем

Ашмариным).

Напоминаю, мы всё ещё продолжаем читать письмо от 5 марта. Вот два последних абзаца о делах литературных:

> «Наконец, „Разведчик“. Это, собственно, для печати. По-моему, халтура. Не знаю. Здесь и думать не нужно, только пиши и пиши — как ты думаешь, стоит попытаться?»

Неизвестно, была ли сделана эта «заказуха». В рукописях не найдена. Разве что поискать в архивах газеты «Камчатская правда»?

> «Есть ещё один замысел: „Синяя туча Акадзи“, а также повестишка о последних днях Коммунистической Республики Атлантиды. Над этим ещё буду думать. Вот и всё по литературе».

«Синяя туча» превратится позже в «Четвертое царство», а вот про Атлантиду ничего в рукописях не найдено. Аналогично утрачены «Палачи», «В отдалённой местности» и «Секретное производство». Хотя не исключаю, что последние два — всего лишь какие-то варианты или части всё той же «Страны багровых туч».

Вот такой изобильный фонтан идей. Можете выписать себе полный перечень всего придуманного за тот период — выглядеть будет поразительно.

Вторая часть письма, куда более короткая, посвящена чисто личным проблемам. И хотя до воссоединения с Леной остаётся ещё целый год, именно в этот момент совершается крайне важный шаг в их отношениях.

> «Получил на днях два любопытных письма — одно от Инки — необыкновенно большое, теплое, почти дружеское. Тебе и маме, кстати, привет. Однако просит, хотя и мимоходом, как будто, чтобы я поскорее прислал справку о том, что не возражаю против развода. Я бы давно уже послал, да до нотариуса никак не доберусь — у него выходной день в воскресенье, единственный день, когда я попадаю в город. Другое письмо от женщины,

которую я развел с мужем, за что, как ты знаешь, поплатился комсомольским билетом и, в известной степени, карьерой. Письмо в духе одной замечательной пьесы Цвейга, возможно, ты читал. Бедная девочка! Она ещё благодарит! Впрочем, это, пожалуй, гораздо интереснее маме, чем тебе. Это, брат, полуторно-мужской разговор. А тебе я пишу это для того, чтобы ты на живом примере усвоил, как много мужчины и женщины значат друг для друга, и почему без учета этих отношений, возможно более точного учета, во всех оттенках, со всеми черточками — эгоизма и самопожертвования — почему без этого не придать реального оттенка ни одному произведению.

Кстати, как там у тебя дела на этом фронте? Подозреваю, что не теряешься, сын матери моей, а? Только держи ушки на макушке. Да смотри, не проявляй излишнего великодушия в неприятные моменты, буде такие случатся, чего бог избави.

Недавно наблюдал радугу — зимнюю радугу! — загляделся и сшиб с ног одного большого чина. Я помог ему подняться, отчистил от снега, но всё же он несколько раз упомянул „м-м-мать“. Разбил очки (это уже в другой раз), хожу теперь как Битл (из „Сталки и К°“), с надтреснутым стеклом.

Таковы новости. Жду твоих писем, ma chere.

Привет мамочке. Жму руку, целую,

твой Арк.

Р/К 5.03.53 г.»

(Р/К — это сокращение от Petropavlovsk Kamchatsky — АН верен своим традициям.)

Какой игриво-литературный бодрый финал, да ещё рисунок вулкана в придачу!

И вдруг… Приписка — частично красным карандашом, сделанная явно не сразу. (Письмо писал, видимо, утром, а запечатать и отправить не успел):

«Умер Сталин! Горе, горе нам всем.

Что теперь будет?

Не поддаваться растерянности и панике! Каждому продолжать делать своё дело, только делать ещё лучше.

Умер Сталин, но Партия и Правительство остались, они поведут народы по сталинскому пути, к Коммунизму.

Смерть Сталина — невосполнимая потеря наша на дороге на Океан, но нас не остановить.

Эти дни надо пережить, пережить достойно советских людей!»

Странно, безумно странно читать сегодня подобные строки. Как провести грань между искренностью и привычкой, между юношеским ещё романтизмом и офицерской исполнительностью, между смятением душевным и страхом перед военной цензурой? Чего тут больше? Наверное, всего понемногу.

Сослуживец АН Владимир Дмитриевич Ольшанский отлично помнит тот день до сих пор.

Был четверг. 8 Марта выпало в тот год на воскресенье. К нему уже готовились потихоньку. Но вместе с тем витало в воздухе тревожное предчувствие — всё-таки Сталин был болен. День начинался как обычно. После обеда намечено было подведение итогов командно-штабных учений, и всех офицеров собрали в клубе гарнизона. Выступал какой-то окружной генерал, и вдруг из-за кулис прошел на сцену начальник клуба старлей Гуревич, наклонился к полковнику, зам. начальника политуправления округа и что-то шепнул тому на ухо. Аркадий сразу догадался и шепнул Ольшанскому: «Сталин». А полковник, словно позабыв о субординации, одним жестом прервал генерала и обратился ко всем: «Товарищи, только что передали по радио скорбную весть — умер дорогой наш вождь и учитель, наш любимый Иосиф Виссарионович Сталин…»

Хотел ещё что-то сказать, но горло перехватило, закрыл ладонью лицо и быстро ушёл за кулисы. Офицеры без всякой команды встали и добрых минуты две стояли молча, пока полковник не вернулся к столу. Подведение итогов на том и закончилось, расходились все, опустив глаза, словно боялись смотреть друг на друга.

«Помню, — рассказывал мне Владимир Дмитриевич, — идем с Аркадием через стадион к штабу, и я хочу его о товарище Сталине спросить, но как-то не решаюсь. Глупо, но вот боюсь, словно от этого что-то очень важное зависит. И завожу разговор о другом. Слышь, говорю, а я узнал этого полковника-особиста. Это ж он меня допрашивал на Второй речке во Владике, ну, когда мы только прибыли сюда. Всю душу вынул, и глаза у него, как у змеи. Аркадий кивнул, он знал, что такое Вторая речка — своего рода пересыльный пункт для временного проживания офицеров,

откомандированных в погранзону. У них в Ванино был такой же, только территория поменьше. Единственное, чего не знал Аркадий, да и я не знал тогда, что до войны это был фильтрационный лагерь политзаключённых, а в казармах жила НКВД-ешная охрана. „Они все такие неприятные“, — сказал Аркадий. Я помолчал. И, наконец, решился: „А как же теперь без Сталина? Что будет, Аркаша?“ Он огляделся по сторонам, хмыкнул как-то неопределённо и сказал: „Драчка будет“».

Вот такой рассказ. Где правда — где неправда? Где аберрация памяти — где просто выдумка?

> «Дело тёмное, конечно, — комментирует сегодня БН. — Но я почти уверен, что эти строки о Сталине (красным карандашом!) АН писал совершенно искренне. Не помню, чтобы мы специально когда-нибудь в „доисторические времена“ говорили на эти темы. Но в бешеных спорах моих с Ленкой (когда я со всей энергией комсомольца-большевика защищал существующий статус-кво) АН — чувствовалось — занимал всё-таки скорее мою позицию. Сам я не вел тогда никаких записей. В письме от комментариев воздержался. Но хорошо помню, как на торжественной линейке в спортзале матмеха стыдно мне было и неловко, что я никак не могу заплакать, — а ведь надо, надо! Утешало, впрочем, что плакали одни лишь девчонки, да и то — не все».

А вообще-то объяснение всему простое и короткое: *double-think,* двоемыслие.

Здесь же интересно процитировать одно из последних писем Инне, написанное буквально на следующий день. Кстати, и в нём есть приписка о Сталине, только куда лаконичнее.

> «…Быть хорошим или плохим, здесь зависит целиком от меня самого. Чин у меня маленький (и повышение не предвидится), должность — очень маленькая (чем я и доволен — никто меня не треплет), можно жить так, как захочешь. Можно много учиться — самостоятельно, конечно, но это надоело. Можно спиться, очень легко при том, но это противно. Поэтому я взялся за среднее — читаю запоем всё, что попадает под руку. Так думаю и провести жизнь „до последней

заставы“, как говорил Уэллер-старший *(персонаж из „Записок Пиквикского клуба“. — А.С.)*… Конечно, все мои разговоры насчёт интересной работы есть полнейший вздор. По-настоящему интересно мне было только два раза. Первый раз, когда я вкупе со всеми прочими спасал свою шкуру и барахло от натиска грозных стихий. Второй раз — когда одно крупное предприятие держалось на мне. А перед этим, и в промежутке, и после этого — жизнь довольно серенькая. Одна радость — никто меня здесь не дергает, люди вокруг лучше, чем в Канске, и тем более, чем в ВИИЯ. И всё-таки Камчатка представляется мне самым подходящим местом для меня.

Ну вот, кончатся бураны, расчистят заносы, пойду к нотариусу, как Иисус на Голгофу, и вскоре оборвется между нами последняя связь. Надеюсь, ты будешь там счастлива. Обязательно иди в аспирантуру, живи в Москве. Я тебя прямо представить не могу с ведрами на коромысле. Да и ты меня бы не узнала — в ватных штанах, валенках, полушубке, обвешанного сумками, оружием и прочими атрибутами армейского офицера на периферии.

Очень прошу, напиши ещё пару писем. Крепко жму руку, Аркадий.

Только что передали о смерти Сталина. Какое горе!»

Полугодом раньше он писал ей ещё более восторженно об этих местах, как бы предвосхищая романтику аксеновских «Апельсинов из Марокко», написанных десятью годами позже: «… Она решила остаться на Дальнем Востоке, потому что здесь, дескать, сильнее ощущается трудовой пульс страны». Из того письма получалось, что Арк и впрямь хочет остаться на Камчатке, потому что Москва — это вообще город паралитиков и сифилитиков, да и Ленинград туда же: одни барыги и снобы.

Пройдёт ещё совсем чуть-чуть времени, и тон его писем переменится, подкрадется неизбежная усталость — и от Камчатки, и от бытовой неустроенности и от самой воинской службы.

«Здравствуй, Боб!

Прежде всего, прошу извинения за предыдущее письмо — писал в отменно нетрезвом виде, каковой нетрезвости причиной отменно паршивое настроение

являлось. Чорт его знает, до чего стала мерзкая жизнь! Сижу, как на иголках, послал письмо высокому начальству с просьбой либо дать работу по специальности, либо уволить. Вот уже два месяца нет ответа. Да, кстати, позавчера исполнился ровно год, как я осчастливил землю Камчатскую своим на оной появлением. Господи, какой это был год! Не скажу, чтобы он пропал для меня даром, нет, скорее наоборот: я многое узнал, ещё больше увидел, кое-чему научился. Но кое-что мне явно не пошло впрок: ужасное вынужденное безделье, прерываемое участием в разнообразных комиссиях — дай тебе бог не познать, что значит „снимать остатки“, гнуснейшая вещь. На протяжении всего года жил одной мечтой — об отпуске. А сейчас чорт знает из каких подвалов сознания выползла и всецело завладела мыслью мечта об увольнении, о спокойной нормальной жизни, в которой нет места таким вещам, как грязь по колено, протекающий потолок, глупые и злые разговоры, мат, мат, мат без конца… и прочие прелести местной жизни. Нет, для такого блаженства я явно не создан. Была бы работа — другое дело, всё это не замечалось и не ощущалось бы так остро. А для себя заниматься — писать романы, поддерживать знания языка — ужасно скучно. Марксизм прав: ни одно занятие не может идти на пользу, если оно не связано с интересами общества. За что ни возьмешься — вечно встаёт прежний тупой и скучный вопрос: зачем? кому это нужно? Люди приспосабливаются, конечно, чтобы не спиться, не погибнуть. Огородики, преферанс, охота, рыбалка — всё это защитная реакция организма против морального самоубийства. У меня и ещё у некоторых — книги, душеспасительные беседы (увы! часто эти беседы состоят в бессмысленном и злобном критиканстве). И нет ничего и никого, кто указал бы, что делать, кто облагородил бы это свинское существование хорошей целью. Замыкаемся в себе и подчас попиваем втихомолку. Только ты не говори маме, смотри. Я всё-таки надеюсь, что всё изменится. Эти перемены в воздухе, мы ими дышим и ждем, ждем. И наступит час, когда я буду с вами, буду, наконец, работать как всякий честный человек, а не обжирать государство».

В этом письме от 1 августа 1953 года АН, как любитель

точных дат и круглых цифр подводит некий итог своей службы и очень точно формулирует отношение к ней. Любопытно, почти ни слова о литературе, так, в проброс: «Для себя… писать романы… ужасно скучно». То есть наметился явный творческий кризис. И спасает только это непрерывное, отчаянное ожидание перемен, предчувствие новой жизни, которая начнется раньше, чем он думает. Да, несколько по-другому, но ведь начнется — когда приедет Лена. Это будет совсем новая жизнь. А пока она только пишет ему. Например, в июле он получает от неё даже бандероль с детективом на английском.

И ещё одну деталь хочется отметить. Про «мат, мат, мат без конца». Да в нашей армии во все времена разговаривали матом. И если в курсантские годы все эти словечки и шуточки веселили, радовали и даже возбуждали, то теперь подобное общение утомило, обрыдло до тошноты. Да и мат провинциально-офицерский — злобный, тупой, однообразный, — совсем не тот, что у московских студентов — изобретательный, лёгкий, с фантазией. От тамошнего камчатского, как, впрочем, и от канского мата хотелось спрятаться или убежать, как от грязи и ненависти. И после, вернувшись на гражданку, АН в самых разных компаниях, даже в чисто мужских и простецких, даже в подпитии, практически никогда не матерится, ну если только анекдот расскажет какой-нибудь остроумный, где мат заведомо высоколитературен. Многие относили эту его особенность на счёт воспитания, образованности и тонкого чувства языка. Чепуха! Очень многим по-настоящему интеллигентным людям такие же точно достоинства совершенно не мешали сквернословить почище извозчиков. И я тут вижу объяснение в другом — он просто переел этой грубятины в молодости. И случай, уверяю вас, не единичный.

А вот как комментирует эту тему БН:

> «Мы не были матерщинниками в полном смысле этого слова. Но — употребляли-с, да, и даже охотно. Обычно — в хорошем настроении, никогда — в ссоре, и уж конечно только в своей, исключительно мужской компании. Я вообще отношусь к мату, как к хорошему допингу, — когда приходится преодолевать себя и обстоятельства, мат бывает незаменим, как сигарета. Но — никогда при женщинах!»

Ну и последнее о том августовском письме. АН мечтает об отпуске ещё с февраля 1951-го, но летом 1953-го он отдыхает, не

покидая Камчатки, отправляется на недельку в экспедицию, с удовольствием осваивает верховую езду, глушит форель из карабина, в жареном виде она необычайно хороша. Ну да, соскучился по маме и брату — конечно, соскучился, но что за детский сад! Можно годик-другой и потерпеть.

А жены у него теперь нет. Одной — уже. Другой — ещё. Правда, письма получает от обеих и комментирует брату:

> «Прав Андрей Спицын, бабы — дуры, и ничто им не поможет. От подробностей тебя избавляю».

Примечательна история с разводом. По письмам всё прозрачно и не вызывает вопросов. Но Ольшанский вспоминает удивительные подробности. Якобы летом или даже осенью Аркадий всё-таки съездил в отпуск в Москву и Ленинград и якобы — с его, Аркадия, слов! — собирался привезти жену (но мы-то уже понимаем, что этого быть точно не могло). И вот в Москве он якобы встретился с Инной, а та села за пианино (пианино в доме наличествовало, она даже играла на нём) и спела ему под собственный аккомпанемент:

Одна верная жена мужу изменяла.
Изменила, погрустила, а потом сказала…

В подробности Аркадий не вдавался, а Володя не проявлял излишнего любопытства. «Не ты первый, не ты последний», — рассудил он мудро и предложил выпить по чарке. Что друзья и исполнили незамедлительно, тем паче, что жили теперь вместе в семейной землянке Ольшанского, так как жена его с четырехлетним сыном уехали на материк — во Львов, к её матери, чтобы уже не возвращаться.

С песенкой про «верную жену» в тот вечер ассоциируется у Владимира Дмитриевича и другая песенка — известная частушка, которую Аркадий якобы тогда же привез из Москвы:

Цветёт в колхозе алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Клемент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча.

Берия был арестован 26 июня, здесь как будто всё совпадает.

Но дальше описываются вот какие события. Недели через две пришла некая повестка из Елизовского районного суда, и они вдвоём туда поехали на попутке. Ольшанский отчётливо помнит судебное заседание по делу о разводе, без посетителей, конечно, только он один и явился, чтобы засвидетельствовать соответствие Аркадия положительному образу советского офицера. Однако женщина-судья не ограничилась трафаретными вопросами, а всё допытывалась, не торопится ли Аркадий Натанович удовлетворять просьбу своей жены. Но он уже всё решил окончательно. Якобы и в суде рассказывал он про отпуск и полную невозможность примирения. Чувствовалось, что для судьи это вполне стандартное дело — многие жены отказывались ехать с офицерами в этакую даль. И решение АН получил на руки в тот же день, подождав каких-нибудь часа полтора.

Ещё накануне они с Володей выпили за пришедшую повестку пол-литруху спирта, причём Аркадий пил неразведенный и сразу запивал холодной водой, зачерпывая из ведра. А уж после присвоения Стругацкому официального звания холостяка друзья погудели более основательно: взяли всякую консерву, рыбы копченой, пару бутылок коньяка «КВ» и две литровые банки сливового компота — Аркашка больше всего любил запивать именно этим кисловатым продуктом. Говорил, и вкусно, и витаминов много. В землянке, как правило, скапливалась целая батарея этих банок из-под компота, которые потом отдавали под варенья и соленья кому-нибудь из местных женщин.

Ну и какие прикажете делать выводы? Опять «Акутагава» — сколько людей, столько версий? Что-то, конечно, пожилой человек мог и перепутать. Но не всё. Очевидно, АН и впрямь уезжал куда-то в отпуск. Только не в Москву и не в Ленинград — это уж точно. В письмах есть намёк на ещё одну экспедицию, более долгую по Камчатке или по островам. Однако главное в другом: думается, Аркадий перед разводом ощущал психологическую необходимость хоть так поквитаться с бывшей женой, а заодно рассказать товарищам внятную историю разрыва с ней. Да и сильно ли погрешил он против истины? Просто переместил события на два года вперёд. А за эти два года он окончательно понял, что Инна предала его и, оставаясь приветливо-обходительным в письмах к ней — к чему скандалы и ругань, тем более на бумаге? — мысленно вычеркнул её из своей жизни навсегда. И вовсе не случайно через много лет в единственной коротенькой автобиографии он назовет свой первый брак событием глупым.

Ну а женщины там, на Камчатке, у него наверняка были. Нет, не как у Кутнова — в каждом посёлке в радиусе восемнадцати

километров, но были, конечно. Без серьёзных последствий. Ольшанский, например, видел рядом с ним девушек, но чтобы какую-то одну часто и подолгу — такого не было. А вот один забавный случай вспоминает Владимир Дмитриевич:

«Зима, сильнейший мороз, сидим вдвоём в любимом ресторане „Восток“. Заказали графинчик спирта. Да именно так, спирт там наливали в изящные графинчики и воду подавали отдельно. Вдруг вваливаются двое с мешками, видят — свободные стулья, подгребают, спрашивают: „Можно?“ „Можно“. Мешки с грохотом швыряют под стол, будто там дрова или камни. Аркадий налил им по полстакана: „Ну, давайте вздрогнем с мороза! Вы откуда?“ „Да мы только что с океана. Два месяца земли не видели. Зато не с пустыми руками“. Долили они чуть-чуть спиртягу водой, и один полез под стол, прежде чем пить. Захрустел там чем-то, словно сучья ломал, и вытаскивает на стол две крабовые клешни — каждая, что твоя рука, я и не знал, что наши крабы до таких размеров вырастают. Ловко очистили они эту закуску, присолили, поперчили, уксусом побрызгали, горчицей помазали и подмигнули нам: „Лопайте, мол, а мы лучше мяса закажем. На краба уже смотреть не хочется. Но вообще-то, для мужика ничего нет лучше сырого краба. Сегодня можете смело идти к молодкам. Осечки не будет“». Ольшанский уже несколько лет как был женат и вполне счастлив, а Аркадий в тот вечер нашёл, конечно, к кому пойти. Впрочем, осечек у него и по другим дням не бывало.

Чтобы представить себе более полно образ жизни АНа на Камчатке, придётся всё-таки добавить ещё несколько слов о том, как он там пил. Не так, как в Канске — по-другому. Не было здесь ни той беспросветной тоски и скуки, что одолевала в сибирской глухомани. Не было и тех страстей, что бушевали за стенами Канской ШВП. Всё было куда более размеренно и солидно. Да и повзрослел он, именно теперь заметно повзрослел. Юношеский восторг от дальневосточных чудес ко второму году службы поутих. Собственно служба, то есть исполнение должностных обязанностей при правильной организации процесса, отнимала совсем немного времени, так что литературными своими делами он зачастую и даже, как правило, занимался в утреннее и дневное время, а вечерами имел обыкновение отдыхать — то есть непременно чего-то выпить в веселой компании и расслабиться, как говорят сегодня, по полной программе.

«Видишь ли, — сказал однажды старлей Строгин

> *(читай — Стругацкий. — А.С.)* своему другу и сожителю капитану Котову *(читай — Ольшанскому. — А.С.),* — жизненный тонус нормального холостяка имеет минимум в момент пробуждения, затем начинает постепенно подниматься, достигает максимума между ужином и отходом ко сну, а ночью опять падает до нуля. В будни, конечно. По воскресеньям и субботам этот закон не действует».

Это из незаконченного и совсем не фантастического рассказа «Будни» (к которому, кстати, он вернется, судя по дневнику, в 1958 году).

Так вот между ужином и отходом ко сну за редким исключением выпивали они практически ежедневно: то спирта, то коньяка, то портвейна, то пива, а иногда и шампанского. Но выпивали всегда так, чтобы на следующий день быть в форме. Скажем, пол-литра спирта на двоих — это было нормально. По праздникам или другим особым случаям могло быть и больше. Но не похмелялись с утра — ни-ни! — это считалось крайне дурным тоном.

Характерная была история. Ездили вдвоём с Ольшанским в город — смотреть «Запорожца за Дунаем», ну, выпили, как водится, по чуть-чуть. А вышли из кино, вдруг резко похолодало, случился гололед, и в хромовых сапогах ноги разъезжаются. Где-то на углу за деревцо ухватились — оно аж затрещало. А тут, на беду, проходил патруль, и некий рьяный майор задержал их и — в комендатуру, мол, пьяные офицеры ломают зелёные насаждения. Хорошо, дежурным по части оказался друг их Аникеев (майор Пёрышкин в повести «Извне»). Ну, он мигом доложил комдиву со смешной фамилией Пыпырев, и тот за хорошо известными ему офицерами прислал свою машину. И мало того что в комендатуре шороху навел, так ещё увидел, что ребята ни в одном глазу вечером в субботу, достал из шкафчика хороший коньяк, три рюмки, разлил и сказал: «Ну, давайте, чтоб дома не журились». Долгие годы потом АН любил провозглашать этот тост в самых разных компаниях. Но что особо ценно в этой истории? Она даёт понять, что выпивка у военных никогда не считалась зазорным делом, и пить они в большинстве своём умели. Не напивались до беспамятства, не валялись под столом, не шли на улицу драться и буянить. Бывали, конечно, и танцы, и девушки, но чаще всего набивалась в тесную землянку весёлая компания, иногда человек десять, сидели, пульку расписывали, байки травили или песни пели. Ольшанский на гитаре играл.

Аркадий музыкальными способностями не отличался, но петь любил, всё больше русские народные, казацкие песни или украинские — с детских лет от родственников наслушался, когда у бабушки с дедушкой на Черниговщине лето проводил. Выделял он, например, «Любо, братцы, любо…», тем более в новом, переделанном танкистами виде, где пели «в танковой бригаде не приходится тужить». Была там и некоторая крамола, особо щекотавшая нервы:

А наутро вызвали меня в особотдел:
— Почему в бою ты вместе с танком не сгорел?..
— Слушайте, начальство, — я им говорю, —
В завтрашней атаке обязательно сгорю.
Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить…

Ещё Аркадий очень любил песни на стихи Шевченко, и вообще поэзию его любил. А Володя Ольшанский сам с Украины — много знал наизусть любимого классика и читал другу.

В общем, это было то славное время, когда спирт разбавленный благополучно уживался и с поэзией, и с фантастикой, и со службой, и с учёбой — Ольшанский, не успевший получить должного образования, ещё и вечернюю школу в Петропавловске посещал, и Аркадий помогал ему заниматься по всем предметам.

И вот, наконец, пришла весна 1954 года. Знал ли АН о приезде Лены? С точностью до дня и даже месяца — конечно, нет. Ждал ли он её? Безусловно, да. Полагаю, что в письмах они уже всё решили. А может быть, и не всё. Да разве в этом дело?

Родители от её авантюрного решения едва ли были в восторге, но они слишком сильно любили свою единственную дочку. Раз уж простили ей 1951-й год, смешно было запрещать поездку в 1954-м. В конце концов, она стала ещё на два года взрослее и, хотелось бы верить, умнее, да и Наташенька уже не грудная — всяко проще с таким ребёнком остаться.

Справедливости ради скажем, что к этому моменту Лена была ещё замужней женщиной, так как Дима Воскресенский упорно не давал ей развода — то ли ещё надеялся на что-то, то ли по каким-то карьерным соображением избегал соответствующей строки в анкете. Согласился он всё оформить документально только уже год спустя, после рождения у Лены второй дочери — Маши — 30 апреля 1955 года. А от своей дочки так и не отказался вовсе, заявив, что это не по-партийному, и Наташа, считавшая своим папой, разумеется, Аркадия Стругацкого, так и оставалась до собственной свадьбы 6 ноября 1970 года Воскресенской. Вроде

как по маме. А мама — вроде как из солидарности с дочкой, — оставалась Воскресенской ещё дольше — до 1978 года, но это отдельная история.

Вернёмся в апрель 1954-го.

«Всё, — сказала Лена, — я без этого человека больше жить не смогу». «Нормально, — ответил папа, — три года могла, а теперь не сможешь. Ладно, поезжай».

Короче, папа выхлопотал ей лучшее место в международном вагоне поезда «Москва — Пекин», и двинулась наша декабристка на восток с комфортом, которой княгине Трубецкой и не снился. Но там, после Хабаровска и ближе к океану, авторитет профессора Ошанина уже не работал — там пришлось крутиться самой, договариваясь уже не о каютах первого класса, а о местах на открытой палубе всяких сомнительных плавсредств. И в какой-то момент у неё закончились деньги, и в порту Владика или Находки пришлось разложить на базаре свои тряпки, вынутые из чемодана, и продавать. И всё-таки она доплыла, доехала, доползла, перебираясь с острова на остров, меняя патрульные катера на сухогрузы, а сухогрузы на сейнеры. И разыскала в городе Петропавловске штаб 137-го стрелкового корпуса, где теперь служил её муж (так она его называла, не имея на то ни единого документа). Но не было Аркадия в штабе, и в ДОСе его не было, а был он, как водится, на губе, ну, традиция у него такая — жен встречать на губе…

Впрочем, и это не помешало. Уже ничто не могло им помешать. Они были счастливы.

Ольшанский уверяет, что их брак был зарегистрирован там же, на Камчатке. Думаю, что он прав отчасти. Ни в какой загс в Петропавловске они, конечно, не ходили, да и не могли — Лена не была разведена с Воскресенским, но в военный билет Аркадию Лену как супругу вписали, иначе они не смогли бы через несколько месяцев отправиться вместе в Хабаровск. С этим было строго — командировать куда-то офицеров без воинских проездных документов, да ещё селить их всюду вместе, мужчину и женщину — исключено! А уж какие рычаги включал Аркадий, чтобы получить соответствующий штамп в военном билете — знакомства или просто личное обаяние, — остаётся только гадать.

На воинский учёт там, на Камчатке, Лена, конечно, встала как военнообязанная, но, по воспоминаниям Ольшанского, кадровым офицером в части не была, и если работала где, то не по специальности.

Свадьбу сыграли в довольно шикарном по местным понятиям

ресторане «Восход» в АКО. АКО — это район города, названный так ещё в двадцатые годы в честь Акционерного Камчатского общества. За столом были одни мужики: Махов, Кутнов, Берников, Ольшанский, и Лена среди них — как принцесса. Все по очереди танцевали с ней. Играл оркестр, и молодая симпатичная певица пела по просьбам офицеров любимые ими песни. Ольшанский заказал для Лены популярную тогда «Голубку».

Лену так и прозвали Декабристкой. И любили её во всех компаниях — за весёлый характер, за живой ум, за эрудицию. Нравились всем даже некоторая её медлительность, задумчивость и особая манера говорить, растягивая слова. Куда спешить, зачем суетиться? Она умела в любой ситуации сохранять достоинство, ещё у неё было необычайное чувство такта, обворожительная улыбка и редкое умение слушать других. А если её не торопить, она могла каждому и почти по любому поводу дать дельный совет.

Ну а полуофициальный муж Аркадий чувствовал, что влюбляется в Лену с каждым днём всё сильнее и сильнее. Именно такую женщину он и искал все эти годы — женщину, которая его во всём понимает.

Что было дальше? Ни писем, ни дневниковых записей, датированных 1954 годом, не сохранилось. Но как он ждал этого года! Почему-то именно сентября. Видно, начальство обещало отпустить на все четыре стороны, видно, подходили какие-то сроки по службе, но… не тут-то было! Человек предполагает, а Бог… нет, в те времена не Бог, а партия и правительство — располагают. И вот 30 июня партия и правительство в лице управления кадров Дальневосточного военного округа издают приказ о переводе военного переводчика Стругацкого в распоряжение начальника 172-го отдельного радиопеленгаторного центра «ОСНАЗ» в городе Хабаровске. Место по военным меркам солидное, даже почетное, работа — серьёзная и ответственная. Можно по службе вырасти, вот только не хочется уже совсем.

Из Петропавловска они уплывали ближе к концу июля вместе с Ольшанским на пароходе «Азия» — до Владивостока. Это был роскошный немецкий лайнер, доставшийся СССР по репарациям. Три таких судна курсировало между Камчаткой и Приморьем: два других — «Молотов» и «Ильич». Но «Азия» считалась самой пижонской и комфортабельной. По слухам, этот корабль принадлежал до войны самому рейхсфюреру Гиммлеру. Аркадий с Леной занимали двухместную каюту. Володя располагался рядом с ними в такой же, но с незнакомым соседом и приходил к

друзьям играть в преферанс. Понятно, что и по сто граммов они пропускали регулярно, особенно когда кто-то получал «паровоз» на мизере. А что ещё делать в пути? В иллюминатор смотреть? К 1954 году они уже насмотрелись. Аркадий завидовал Володе, который как раз уезжал в отпуск к своим во Львов через Москву. И Ленке своей завидовал, она планировала устроиться на новом месте и тут же ехать домой, чтобы забрать Наташу, а потом вернуться в Хабаровск уже с ней.

Так они всё и сделали. Последний год службы был вполне спокойным и размеренным. Работы — много, пьянок — всё меньше и меньше, тихая семейная жизнь. Весьма любопытны воспоминания Наташи. Яркие картинки детства, оставшиеся на всю жизнь.

> «Зимой 1954–1955 года я с родителями живу в Хабаровске. Мне уже почти четыре года. Мама с папой снимают комнату с большой русской печью и маленьким подслеповатым окном, выходящим на пустынную, заваленную снегом улочку. Утром они одеваются в военную форму и отправляются на работу, оставив меня на попечение пожилым хозяевам, которые с удовольствием со мной играют и закармливают восхитительными малиновыми леденцами из высокой прозрачной банки. Мама возвращалась домой довольно рано, а папа, всегда весёлый, оживлённый, очень красивый, приходил вечером к позднему обеду, потом играл со мной. Иногда они с мамой ходили в кино. А так как оставить меня было не на кого, то и меня брали с собой. Укутывали, так что я превращалась в огромный неуклюжий шар. На улице было темно и ужасно скользко. Ноги всё время разъезжались, я спотыкалась обо что-то, падала и громко ревела. И надо было поминутно поднимать, отряхивать и утешать это несчастное создание. Как-то раз папа сказал мне: „Вот что, Натуся, плакать от боли очень стыдно, от обиды — можно, а боль нужно перетерпеть“. Слова прозвучали очень по-взрослому и произвели на меня неизгладимое впечатление. Я больше никогда не плакала от боли. Ещё помню папины сказки, захватывающе интересные. Там бывали традиционные персонажи, но сюжеты он всегда сочинял сам. И это было здорово.
>
> Уже много позже, в Москве, когда ко мне приходили подружки, папа по моей просьбе обязательно развлекал

нас этими неожиданными историями. Он их не просто рассказывал, он их разыгрывал в лицах, по-актёрски — необычайно талантливо. Его злодеи были ужасны, как гоголевский Вий или колдун из „Страшной мести“. А добрые герои очаровательны и восхитительны. Страшное чаще всего ассоциировалось с необъяснимым, хорошее — с узнаваемым, родным, знакомым. Повзрослев, мои подруги нередко вспоминали эти удивительные детские праздники. Жаль теперь, что никто не записывал папиных историй, но кто мог это сделать? Взрослые, между прочим, никогда не допускались в комнату, где происходило волшебное действо».

А взрослым про Хабаровск и вспомнить было особо нечего. Кем там работала мама, надевая по утрам военную форму, а потом рано возвращаясь домой, сегодня установить уже довольно трудно. Ясно лишь одно: мама собиралась снова стать мамой — встречая Новый 1955 год, она была на пятом-шестом месяце и уже прикидывала, через сколько недель ей по-хорошему надо собираться в Москву. Аркадий занимался радиоперехватом, потом просто вражескими документами, в общем, достаточно активно поддерживал знание языков, но было это не слишком увлекательно, и чтобы не закиснуть, продолжал писать свои рассказы и пьесы, работал с английской прозой.

Есть датированный двадцать первым мая 1954 года перевод рассказа Уильяма Джекобса «Тигровая шкура». Впрочем, это ещё Камчатка, но были наверняка и хабаровские переводы. Вне всяких сомнений, в Хабаровске писалась повесть «Четвертое царство». Однако всё больше и больше внимания уделяет он повести «Линда versus Хиус» или «Хиус versus Линда», она же «Берег горячих туманов», она же будущая «Страна багровых туч». И когда поздней осенью 1954-го они, наконец, выбрались в отпуск все вместе, состоялся тот самый легендарный спор на Невском возле Аничкова моста. Братья увлеклись, с наслаждением и с блеском разнося в пух и прах всю прочитанную ими за последние годы советскую фантастику. А Ленка слушала, слушала, хихикала, хихикала, да и не выдержала: «Ругать всегда легче, а самим-то не слабо написать?» «Не слабо», — сказали они дружно. Они уже знали, что это — правда, они уже почувствовали, может быть, именно в ту встречу так остро, что смогут, сумеют, сдюжат. Они уже примерно догадывались, как именно станут работать вместе. И, скорее всего, Лена тоже прекрасно понимала, что им не слабо, верила в них и заранее попрощалась со своей бутылкой

«шампузы», точнее с деньгами, которые придётся на неё потратить — пить-то всё равно вместе будут.

И было в Хабаровске ещё одно важное событие. Нежданно-негаданно объявился в тех краях давний знакомый Аркадия и Лены по ВИИЯ — Лёва Петров. Уже тогда он был человек непростой (простые люди на внучках генсеков не женятся) — состоял, очевидно, и в органах, а работал тогда в Совинформбюро, превратившемся в 1961-м в Агентство печати «Новости» (АПН). Военная служба была для Лёвы делом условным. Звание он имел не то лейтенант, не то майор — не важно, зять Хрущёва — это по-любому должность генеральская, хотя зятем он стал несколько позже. А женился именно на той внучке, которая была фактически дочкой Никиты Сергеевича — на Юлии Леонидовне, то есть зять вполне настоящий. Склонность к литературе Петров имел давнюю и постоянную — переводил рассказы ещё малоизвестного тогда Хемингуэя и носился с идеей написать свою книгу. Однако стиль жизни его был таков, что корпеть несколько месяцев над листом бумаги он бы сам не смог. Это уже много позже он стал (по слухам) автором знаменитых мемуаров своего тестя. Ну а тогда, в 1954-м, были у Лёвы кругом одни мечты.

И вот, слово за слово, стакан за стаканом, придумали они с Аркашей, о чем надо писать книгу. Ведь совсем недавно шумная история произошла, которая на Дальнем Востоке из-за близости Японии воспринималась особенно актуально. Аркадий следил за событиями, в том числе и по зарубежной прессе, имея к ней официальный служебный доступ. А случилась вот что: просыпался на головы несчастных японских рыбаков радиоактивный пепел после американских ядерных испытаний на атолле Бикини. И ведь умер там один японец! А какое название у шхуны потрясающее — «Счастливый дракон № 5».

«Ведь это же сюжет, Аркаша! Это же остросюжетная повесть эпохального политического значения! Ты главное пиши, а я тебе гарантирую, что напечатают. Для начала где-нибудь тут, в местном издательстве — это будет методологически верно, а потом в Москве, гадом буду, в центральном журнале каком-нибудь, и ещё — книжкой, массовым тиражом. Денег огребём, и слава придёт настоящая! Потом вторую, третью напишем, станем крупнейшими в стране авторами политического детектива…»

В общем, дальше пошли уже явные Нью-Васюки — прямо пропорционально количеству выпитого, — но в главном Лёва не обманул.

Уехал он быстро и дальнейшим процессом рулил из Москвы. Но всё вышло, как и было обещано с этой первой повестью АНа.

Славы большой она ему не принесла, да и Петрову тоже, но школой была отличной, а главное, пробила Стругацким дорогу к издателю. И спасибо за это, самое искреннее — Лёве Петрову. АН никогда, никому и нигде не рассказывал, что Лёва ни единой странички в той книге не написал, ни единого словечка. К чему раскрывать коммерческую тайну? Только родственники, да самые близкие друзья и знали это…

Хороший был человек Лев Сергеевич Петров. Жаль, умер рано — в 1970 году, через шесть лет после отставки тестя и за год до его смерти. От чего — история тёмная, да и не про него наша книга.

В общем, когда АНа в ноябре 1954-го из радиопеленгаторного центра «ОСНАЗ» перевели в обычную часть, это было очень кстати. Времени для литературной работы стало больше, а теперь уже хотелось многое успевать. Литература становилась работой во всех смыслах. И время благодаря этому летело быстрее и быстрее. Вперёд, к заветному дембелю!

Но чем ближе увольнение в запас, тем мучительнее ожидание — это известно каждому, кто испытывал нечто подобное.

Вот одно из последних писем оттуда:

> «Здравствуйте, родные мои!
>
> Жду — не дождусь, когда придет, наконец, приказ об увольнении. Увы, это от меня не зависит, и я теперь могу только желать и надеяться, чтобы он пришел скорее. Но ещё месяца полтора, вероятно, придётся подождать. Впрочем, помимо того, что я тоскую и томлюсь в ожидании, я ещё и занимаюсь полезным делом, которое помогает мне не замечать времени. Я пишу. Моя новая повестишка — „Четвёртое Царство“ — она же „Фиолетовый газ“ (он же лиловый) будет в полностью готовом виде числу к 22-му. Вещица небольшая, страниц на 30–40 книги небольшого формата, состоять будет из 5-ти глав, полторы из которых сделаны. В понедельник заканчиваю писать, два дня на печатание и — о, миг тревожный и блаженный! — в редакцию. Конечно, могут и не напечатать, тогда я пошлю её тебе, Борис, ты исправишь и попробуешь толкнуть где-нибудь в Ленинграде. Затем я без передышки сажусь за следующую повесть, и так без конца, пока не вернусь. Не важно, что их не будут печатать злобные и тупые редакторы, главное — я вырабатываю свой стиль, привожу в порядок свои способности выражать мысли на

бумаге. А вдруг из меня что-нибудь получится?

Кстати (к слову пришлось), что бы вы мне посоветовали делать дома? Чем заняться? Конечно, в военкомате мне предложат что-нибудь, но как вообще с перспективами работы? Мне почему-то кажется, что я не пропаду. А?

Ленуська мне пишет, и я ей, довольно часто. Мамочка, ты уж напиши ей пару слов, она в таком сейчас положении, а кроме того — очень тебя любит и уважает.

Я здоров и весел, только зудит всё, хочется, чтобы скорее, скорее… а оно очень медленно. Питаюсь хорошо. Мама, следи за здоровьем. Пока всё.

Обнимаю и целую вас,

ваш Арк.

Khabarovsk 14.04.55»

Приказ подписали 9 мая — это ж надо было такой день выбрать! Точно пошутил кто-то в управлении кадров. В десятилетний юбилей Победы АН отпраздновал свою окончательную победу над воинской службой. Теперь — отныне и навсегда, — он человек штатский. Ему хотелось в это верить, хотя, конечно, потом ещё не раз дёргали и даже полновесным призывом грозились. Но всё равно он теперь — творческий работник. Официальный статус члена творческого союза (даже журналистов) он получит много позднее, но для себя уже давно всё выбрал и определил. Главное — свобода. От формы. От распорядка. От субординации. Ото всех этих опостылевших условностей. Он будет потом часто и даже с теплотой вспоминать свою армейскую молодость, но… что уж говорить, всё-таки это не его призвание.

«И как это я тогда решился подать рапорт об увольнении? Ведь я был никто тогда, ничего решительно не умел, ничему не был обучен для гражданской жизни, с капризной женой и золотушной Катькой на шее… Нет, никогда бы я не рискнул, если бы хоть что-нибудь светило мне в армии. Но ничего не светило мне в армии, а ведь был я тогда молодой, честолюбивый, страшно мне было представить себя на годы и годы вперёд всё тем же лейтенантом, всё тем же переводчиком, всё в той же дивизии».

Скромничает наш Феликс Сорокин — главный герой «Хромой судьбы», повести в этой части совершенно автобиографической для АНа, — аи, скромничает! В 1955-м он был уже КТО. Он был вполне сложившимся писателем, а вместе с братом — писателем уникальным. Просто об этом ещё не знали люди вокруг. Но он-то сам наверняка догадывался.

Глава шестая
СЧАСТЛИВЫЙ МАЛЬЧИК

> *«Потом он понял, что писать надо сценами, эпизодами, картинками, совершенно не думая о связках и переходах от одного эпизода к другому. Ему сразу стало гораздо легче».*
>
> *С. Витицкий. «Поиск предназначения»*

Специфика биографической книги такова, что она постоянно требует перемежать более или менее сюжетное повествование всевозможными предисловиями, послесловиями, комментариями, приложениями и прочими оговорками. Вот и подошло время ещё одного необходимого предисловия. Но поскольку находится оно как бы уже в середине книги, то и называться должно несколько иначе. В своё время, работая над одним псевдоисторическим романом, я придумал для этого случая специальный термин — мезолог — в отличие от пролога и эпилога. Но в данном контексте мне хотелось бы назвать это по-русски. Итак:

Междусловие

Сложность моей и без того нетривиальной задачи — написать биографию двух очень разных личностей как биографию одного писателя, — усугубляется ещё и тем фактом, что младший брат, Борис Натанович, слава богу, жив. Кому-то может показаться, что это упрощает дело. В чём-то, безусловно. Например, уникальная возможность задавать вопросы самому герою произведения, конечно, помогала мне в работе над книгой, но, с другой стороны, вводила целый ряд жёстких ограничений. По вполне очевидным причинам я, в отличие от традиционного биографа, не располагаю в полном объёме даже дневниками и письмами АНа, а уж любые личные записи БНа и вовсе были для меня поначалу за семью печатями. Осмелюсь напомнить читателю о том письме, с которого я начал свой рассказ, и станет понятно, что конкретно

биографию БНа я вынужден был не то чтобы придумывать — это как раз совсем непозволительно, — а (как бы это помягче и поточнее?) встраивать те немногие её фрагменты, к которым я оказался допущен или которые стали мне известны из опубликованных текстов, в уже довольно подробно разработанную историю жизни АНа, ну и, разумеется, в творческую биографию обоих, исследованную многими и многими, а главное, замечательно изложенную в известной книге БНа «Комментарии к пройденному».

Кстати, настало время предупредить моего читателя о том, что для наилучшего восприятия этой книги желательно до того или параллельно прочесть «Комментарии к пройденному». Так как, помимо всего прочего, я задался ещё одной целью — как можно меньше повторять уже сказанное и написанное кем-то в книгах, статьях, интервью. И не только потому, что в значительной степени я ориентируюсь на читателей продвинутых в данной теме (например, не считаю нужным пересказывать содержание самих книг АБС), главное — мне вообще неинтересно, да и несолидно как-то быть компилятором. Вот почему в итоге у меня получилась именно повесть о жизни, а никак не очерк творчества. Комментировать тексты, исследовать стилистику и поэтику, анализировать критику и публицистику, наконец, вычислять сверхзадачу авторов — это всё явно удел других. В мои же дерзкие планы входит нечто совсем иное, а именно: дать читателю почувствовать атмосферу, в которой жили и творили АБС; нарисовать портрет эпохи, а по сути, нескольких эпох, формировавших их как писателей; наконец, рассказать, показать, из какого, собственно, сора росли их повести, не ведая стыда.

Вот это и представляется мне по-настоящему интересным, а главное, новым. Ибо именно этого ждут истинные ценители АБС. Ибо именно этого не делал до меня никто. И в свете такого подхода личная биография БНа также остро необходима для моей книги, как и личная биография АНа.

Итак, извинившись в сто двадцать пятый раз перед одним из двух главных моих персонажей, словно помолясь, я вступаю в очередную главу этого сложнейшего произведения — в главу, посвященную как раз Борису Натановичу — годам его юности и ранней молодости. Совсем как у Андрея Вознесенского:

Оробело, как вступают в озеро,
мог ли знать я, циник и паяц,
что любовь — великая боязнь?
Аве, Оза…

А мы скажем: «Аве, АБС…»

Летом 1950 года Борис Стругацкий закончил школу с серебряной медалью.

В стандартных автобиографиях советской поры именно с этого и принято было начинать. Школьные успехи, детские увлечения и юношеские победы никого не занимали. Отдельные ведомства интересовались ещё социальным происхождением, то бишь родителями, особенно тем, были ли они, например, в плену или на оккупированной территории, ну и конечно, сакраментальные родственники за границей всех беспокоили. А личные достижения принято было отсчитывать с аттестата зрелости. В этой главе мы и попытаемся обрисовать начало собственной взрослой биографии БН.

Школу он заканчивал нормальным, выше среднего развитым парнем с широкими интересами и разносторонними способностями. Отличник, медалист, очкарик, но… не «очкарик». То есть со зрением — беда: врождённая предрасположенность к близорукости плюс блокада, в итоге жуткий минус на оба глаза. Но вот зацикленным на учёбе он не был: выпить по чуть-чуть в хорошей компании — запросто; преферанс — ночь напролёт, до одурения; и при этом спорт — вполне серьёзно; гитара, стихи, песни — ещё серьёзнее. Затем — первые опыты в прозе. Писал уже легко и с удовольствием. Книги не читал, а глотал. Много, быстро и вместе с тем внимательно. И что характерно, уже тогда перечитывал. А это верный признак серьёзного, многопланового отношения к литературе.

«Эстетическое наслаждение от книги, — уверяет БН, — это нечто совершенно особенное, его нельзя получить ни от музыки, ни от кино, ни от созерцания красот природы — только от чтения!»

И, конечно, на любимых книгах следует остановиться подробнее. Тем более что диапазон чтения был уже тогда очень широк.

Во-первых, к счастью, в доме почти полностью сохранилась отцовская библиотека. Какую-то часть они с мамой в голодные времена продали, но существенно большая уцелела — два шкафа книг, прочитанных от корки до корки. Он знал таких писателей, о которых сегодня, наверное, мало кто слышал: Эмиля Верхарна, Пьера Мак-Орлана, Анри де Ренье, Понсона дю Террайля, Джеймса Кервуда… Были полный Мопассан, почти полный

Достоевский, разрозненные тома Салтыкова-Щедрина, был Алексей Толстой. И, разумеется, Джек Лондон, Жюль Верн, Александр Дюма, Фенимор Купер, Франсуа Рабле, Шарль де Костер. И даже отдельные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио — в те времена их было не достать ни в каких библиотеках. Лучшее у Буссенара — «Туги-душители» и «Факиры-очаровательи», а у Жаколио — «Грабители морей». Вот это было чтение для настоящего мужчины!

Ему повезло — он рано прочёл «Войну и мир» и спас её для себя от «прохождения» в школе. А вот «Отцы и дети» — не успел. Успел только «Накануне» и до сих пор любит этот роман особо. «Отцы и дети» остались чужими, как и «Евгений Онегин». Зато «Повести Белкина», которые в школе не проходили, БН обожает.

Вот такой разнообразный круг чтения. И всё же молодым человеком он, конечно, предпочитал фантастику и приключения.

Фантастика в ту пору была только старая. Можно было достать допотопные журналы «Мир приключений» или «Вокруг света», издания Джека Лондона в библиотеке «Всемирный следопыт» или Артура Конан Дойля… А из новых кто? Немцов, Охотников, Адамов, Казанцев. «Пылающий остров» на протяжении нескольких школьных лет он считал лучшей фантастической книгой на свете. Основная же масса советской фантастики была просто ужасна. Но что ещё читать? Если на книжке стоял значок «Библиотека фантастики и приключений», это было как яркая обертка — невозможно не соблазниться. А что внутри? Хорошо если просто несъедобная деревяшка вместо конфеты, а ведь попадалось и нечто ядовитое. Возьмёшь, например, того же Немцова — «Огненный шар» или «Тень под землёй», — жуёшь его, жуёшь, убеждая себя, что должно быть вкусно, а хочется выплюнуть, но воспитание не позволяет, и пусть с отвращением, но дожевываешь до конца. А на содержащийся в таких книгах яд у Бориса уже тогда был иммунитет — знание хорошей литературы, врождённый вкус и собственный талант, о котором ещё не догадывался… Но в конечном-то счёте именно плохая фантастика и заставила их с братом разбудить свой талант. Не будем за это благодарить Немцова, иначе следующим тезисом станет у нас благодарность отцу народов. Кстати, именно новый роман Немцова «Семь цветов радуги» стал первой фантастической книгой в жизни БНа, которую он не сумел прочесть до конца. И больше уже никогда Немцова в руки не брал.

В любом фантастическом произведении того времени обязательно присутствовал иностранный шпион-вредитель и майор ГБ, вставший у него на пути. И обязательно была страшная тайна, которая на поверку оказывалась полнейшей

лабудой — жаль даже времени на разгадку. Например, таинственный человек, которого считали шпионом (о пришельцах из космоса ещё речи не было) оказывался обычным профессором со странными манерами. В общем, это была скверная литература, и спасала только старая зарубежная фантастика. Её не переводили в тот период, но были книжные развалы, где могло найтись всё что угодно: Уэллс, Киплинг, Конан Дойль. Было чем насладиться, было…

Однажды они с мамой шли по Литейному, и вдруг в витрине магазина Боря увидел свежий, только что изданный томик «Затерянного мира» — редчайший случай выпуска зарубежной фантастики. С деньгами было совсем плохо, но мальчик всё-таки упросил её купить эту книгу. Боже, какое это было счастье! А вот появившиеся в 1955-м «220 дней на звездолете» Георгия Сергеевича Мартынова он так и не смог достать. Теперь уже ясно, что книжка эта была весьма средненькая, но тогда… Он наверняка потерял некий кусочек удовольствия, который получить после сделалось невозможно: он изменился, а книжка осталась прежней…

Что было, кроме книг?

Конечно, он ходил в кино. И на танцы ходил, то есть девочками увлекался в разумных пределах. Но главное — к десятому классу это уже главное, — влюбился в науку и, в первую очередь, в физику. В значительной степени с подачи брата, видевшего за физикой большое будущее. Борис с увлечением, доступным немногим, читал не только популярные, но и настоящие научные статьи и книги. Даже легендарное уравнение Шрёдингера, на котором не одно поколение студентов сломало зубы, его, школьника, не пугало, а скорее заманивало. Он обстоятельно готовился к поступлению на самый престижный факультет ЛГУ — физфак. В те годы спор между физиками и лириками ещё даже не начинался. Физики, создавшие атомную бомбу, главенствовали безраздельно.

Вторым серьёзным увлечением, также перешедшим по наследству от брата, была астрономия. Наблюдение звёзд и планет в окуляре самодельного телескопа, рисование Луны, изучение карты звёздного неба — всё это было у Аркадия перед войной, и всё это повторял теперь Борис.

И вот июль 1950-го. В большой компании медалистов он подает документы в университет и, как положено, освобождённый от экзаменов, проходит только коллоквиум, то есть собеседование, после которого приёмная комиссия объявляет решение, не утруждая себя детальной аргументацией: «Не принят». И всё. По существующим правилам они не обязаны были

сообщать абитуриентам никаких причин. Но если учесть, что из всех медалистов непринятыми оказались лишь двое — Стругацкий и девочка с фамилией то ли Эйнштейн, то ли Розенберг, ответ напрашивался сам собой.

Конечно, университетские кадровики могли докопаться до исключённого из партии в 1937-м отца и тогда же расстрелянного дяди. Но вряд ли — была им охота взваливать на себя лишнее, когда перед глазами паспорт абитуриента, а этот наглый тип с польско-еврейской фамилией и совершенно недвусмысленным отчеством заявляет, что хочет заниматься именно ядерной физикой — стратегическим, политически значимым для СССР направлением науки. Разве можно ненадёжному космополиту доверить такой ответственный участок? И не важно, что весь цвет нынешней ядерной физики — это евреи на две трети, если не на три четверти — с ними уж ничего не поделаешь, а новых брать команды не было. Впрочем, как это ничего не поделаешь? Немного позже появился замечательный термин «засоренность кадров», и ведь увольняли физиков по национальному признаку, ещё как увольняли…

Разумеется, юный Боря не понимал этого тогда, а если слышал от других, то не слишком верил, он просто расстраивался очень, не то слово — он был в отчаянии от несправедливости и невезения. Мама его понимала всё куда лучше и пыталась ходить, обивать пороги, подключала всех знакомых, имевших хоть какое-то отношение к ЛГУ. Знакомые не помогли, видно, уровень был не тот, но дали добрый совет — перебросить документы на математико-механический факультет, где было отделение астрономии, а там, рассказывали, всё не так жёстко. Они оказались правы. Борис опять шёл в атаку с толпой медалистов, и опять коллоквиум, и почему-то его заставили страшно долго ждать и нервничать, вызвали последним. Усталый и запуганный, он что-то совсем тихо и робко лепетал, отвечая на вопросы, но был принят, и очень скоро перестал жалеть об улизнувшей от него ядерной физике. Астрономия из второй любви со всей неизбежностью сделалась первой, а вполне реальная опасность получить смертельную дозу облучения, как вышло, например, с героями ещё не снятого тогда фильма «Девять дней одного года», навсегда осталась в параллельном и нереализованном варианте будущего.

Учился он с прилежанием и с удовольствием. Лекции не прогуливал. Зачем — ведь интересно же! Семинары любил (они были ещё интереснее) и умел организовывать своё время так, что его хватало и на спорт, и на литературу, и на письма брату, и на дружеские вечеринки с песнями под гитару, и на джаз… О, этот

знаменитый «Час джаза» Уиллиса Конновера! Он почему-то намного лучше ловился, чем, например, новостные программы зарубежных радиостанций. А джаз был моден, джаз им всем тогда нравился страшно, а к тому же в нём ощущался лакомый душок запретности.

Всё было в полном соответствии со старой песенкой: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год». Экзамены жизнь омрачали: их НАДО было сдавать исключительно на пятёрки — так он был воспитан мамой и школой. В остальном такого упорства не было. В спорте, например. Самым серьёзным в итоге оказалось его школьное увлечение гимнастикой, начавшееся в седьмом классе с подачи физрука Ивана Ивановича. Для того возраста третий взрослый разряд — это было неплохо. Ну а дальше БН остаётся в душе спортсменом, любит движение, азарт, нагрузки, но времени на спорт ему теперь жалко, да и врач-окулист нагрузки излишние не рекомендует, так что уже со второго курса акценты смещаются в сторону науки и литературы. Спорт остаётся одним из любимых элементов досуга. От сугубо индивидуальной гимнастики он переходит к командному волейболу, успевает получить разряд и здесь. И, наконец, увлекается настольным теннисом, самым распространённым видом спорта среди технической интеллигенции — это уже в Пулкове. Во всех НИИ Советского Союза играли в пинг-понг в обеденный перерыв и по вечерам. Мэнээс, не державший в руках китайскую (а позднее, когда с китайцами напряги начались, вьетнамскую ракетку) — вроде и не мэнээс даже, а так. Но, конечно, всё это был не спорт, а скорее физкультура. Да БН и не был настоящим спортсменом. Во-первых, он получал удовольствие только от тренировок, а соревнования терпеть не мог. Во-вторых, не бывает спортсменов курящих. А он курил, и сегодня честно признаётся: «Покуривать начал в 9-м классе. На первом курсе закурил, уже не скрываясь от мамы. Курил много — до полутора пачек в день. Бросать пытался раза два — без успеха, естественно. Зато в день (и час) первого инфаркта *(6 февраля 1981 года. — А.С.)* бросил раз и навсегда. Теперь (даже теперь!) курю только во сне, и без особого удовольствия».

Вернёмся в студенческую юность. Что было ещё, кроме регулярной учёбы в старинном здании на 10-й линии Васильевского острова (сейчас там географический факультет СПГУ)? Ну, как положено, общественная работа. БН был не великим энтузиастом по этой части — проще сказать, всячески от неё отлынивал. Помимо обязанностей старосты, участвовал ещё только в выпусках факультетской «Молнии»: раз в неделю

актуальная информация доводилась до всеобщего сведения путем написания мелом на доске. И даже от всевозможных трудовых подвигов он ухитрялся отвертеться. Однажды не удалось, пришлось поехать поздней осенью в начале четвертого курса на сельхозстройку не слишком далеко от города. Вряд ли он пожалел об этом, хотя впечатления были весьма специфическими. Строили какой-то сарай — то ли для коров, то ли для свиней, а вот колхоз назывался красиво — имени Тойво Антикайнена, финского революционера, которого в 1937-м сыграл Олег Жаков в популярном тогда фильме «За советскую родину» (в период малокартинья все фильмы были популярные, а если про войну — то и подавно).

Думается, именно Антикайнену обязаны мы двойным упоминанием имени Тойво среди персонажей «Жука в муравейнике».

А в романе «Поиск предназначения» есть и прямые отсылки к этому событию в жизни:

> «…Пятьдесят четвёртый *(в реальной жизни это был 1953 год. — А.С.),* колхоз имени Антикайнена, комсомольская стройка, телятник, грязища, дождь… пьянка, ноябрьские… пьяный Виконт ломится выйти вон через печку… девки какие-то, которых необходимо со страшной силой драть… пьяный дурной Сашка: „Не хочется, ребята, — надо!“…»

И чуть позже:

> «…они все снова были в колхозе имени Тойво Антикайнена, но не было никаких девок — только Лариска вдруг прошла мимо, строго-неприступная, и сразу стало горько и неловко».

Лариску в реальной жизни звали и зовут Адой, Аделаидой Андреевной Карпелюк. БН познакомился с ней на первом же курсе в группе астрономии осенью 1950 года.

Отец Ады Андрей Иосифович Карпелюк был кадровым офицером, прошел всю войну, начав её майором, а закончив генерал-майором, военным комендантом Тюрингии. Участвовал во многих серьёзных военных операциях в Европе, в составе 2-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского

брал со своей дивизией крупный немецкий порт Росток, курортный Варнемюнде и ещё полдесятка городов на Балтике, ныне находящихся на территории Польши. Приказом Главнокомандующего от 2 мая 1945 был представлен к ордену Ленина. А вообще, как и у всякого генерала, этих наград у него был целый иконостас, включая орден Красной Звезды, Отечественной войны, Суворова, Красного Знамени, польский Золотой Крест… Генералом он был настоящим и награды свои получал не за так. Вспоминал, например, про Курскую дугу: «Там же был ад кромешный! После знаменитой артподготовки из сплошной стены дыма и пламени выскакивали ополоумевшие немцы и бежали к нашим окопам — не в атаку и даже не сдаваться, а просто бежали — как тараканы от кипятка».

Адина мама, Антонина Николаевна, работала учительницей младших классов — совсем как Александра Ивановна Стругацкая. Родилась Ада 23 октября 1932 года в селе Бирзуле Молдавской АССР, входившей в состав Украины (сегодня это город Котовск Одесской области), детство её прошло в самых разных местах, где приходилось служить отцу, а после начала войны довелось пережить и оккупацию, и эвакуацию.

Итак, познакомились, вместе учились, вместе работали. Мужем и женой они стали через семь лет — 19 ноября 1957-го. Наверно, не так всё просто было. Но мы умолчим об этом, раз уж договорились. В своих интервью БН про эти годы не рассказывает ни слова, а в книгах… Ну, вот, например:

> «Катя смотрела только на Кондратьева. „О господи“, — подумал он и сказал:
>
> — Здравствуй, Катя.
>
> — Здравствуй, Сережа, — казала Катя, опустила голову и прошла.
>
> Панин остановился.
>
> — Ну что ты застрял? — сказал Кондратьев.
>
> — Это она, — сказал Панин.
>
> Кондратьев оглянулся. Катя стояла, поправляя растрепавшиеся волосы, и глядела на него. Её правое колено было перевязано пыльным бинтом. Несколько секунд они глядели друг на друга; глаза у Кати стали совсем круглые. Кондратьев закусил губу, отвернулся и пошёл, не дожидаясь Панина. Панин догнал его.
>
> — Какие красивые глаза, — сказал он.
>
> — Круглые, — сказал Кондратьев.
>
> — Сам ты круглый, — сказал Панин сердито. — Она

очень, очень славная девушка».

Это рассказ «Почти такие же».

Я абсолютно уверен, что Сергей Кондратьев — это БН, его «вибрирование» перед Большой Центрифугой — обычные треволнения во время очередной сессии в ЛГУ, а Катя (или её подруга Таня?) — вот тут я уже не совсем уверен и поэтому на всякий случай остановлюсь. Но отношения между влюбленными, переживания главного героя, его фанатическая увлечённость учёбой, его заразительный оптимизм — режьте меня! — это не АН в ВИИЯ, это БН в ЛГУ. Хотя он сам и не признал этого, отвечая на мой прямой вопрос. И тут же сообщил, что антураж рассказа заимствован из более поздних времен — периода работы молодым специалистом в обсерватории. Парк, корпуса, зелёные лужайки — понятно, что это Пулково. Но при чём здесь антураж? Мы же совсем о другом…

Или вот ещё выразительный фрагмент:

> «…Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал её домой, и мы долго ещё целовались в парадном, и по лестнице всё время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдёт мимо её мама и спросит: „А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?“ Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и всё было, как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. У неё были мягкие теплые губы, и я ещё тогда сказал ей, что зимой приятнее целоваться, чем летом. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и проспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это „Золотой Дракон“, новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и

всё время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я всё не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я ещё не знал, что они глупые. А через год я увидел её в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что всё пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас всё вспомнилось…» («Путь на Амальтею»)

Мнится мне, что это тоже из жизни БНа. За вычетом, конечно, японского атомокара и видеофона…

Для полноты картины вспомним ещё один эпизод. Как-то в Интернете у БНа спросили со знанием дела, не придумано ли было авторами великое кодирование (рассказ «Свечи перед пультом») по впечатлениям студенческой астрометрической практики. Вот что он ответил:

«У меня об этой самой астрометрической практике сохранились самые теплые воспоминания: ясная сентябрьская ночь, любимая девушка рядом, хронометр-тринадцатибойщик, метод Цингера… Отрывочные, неясные, но явно милые воспоминания абсолютно ничего общего с „великим кодированием“».

Действительно, при чём тут великое кодирование? Это же «Далёкая Радуга». Самое начало. Вот сравните хотя бы:

«Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела… Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть! Не первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени… Он снял её руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте. Сигнал верещал непрерывно…»

И только вместо метода Цингера — счётчик Юнга и ульмотроны, а так всё очень похоже…

Заглянем теперь в письма АНа той поры, помогающие понять многое. Вот младший брат ещё в последнем классе школы:

> «Мой дорогой Бобби!
>
> Только что получил твоё письмо с этой ужасной пачкой фотографий. Ну, ты заставил моих товарищей здесь смеяться как сумасшедших. Действительно, ты очень хороший мастер, не так ли? Что до твоих выговоров по поводу имевших место моих шуток про твою привычку сидеть на сумке и звонить своим девочкам — не обращай внимания, это была только чистая шутка. Очень рад узнать, что ты учишься так усердно, наша мама уже написала мне об этом.
>
> Любопытно, как ты провёл Новый год. И что делала мама? По слухам, ты её покинул, мошенник. Впрочем, я-то тебя понимаю — молодость, молодость uber alles *(то есть „превыше всего“ по-немецки. — А.С.)*. Надеюсь, что отпраздновал хорошо, тем более что твои полугодовые работы уже за спиной… Ты устремился на физмат? Это хорошо. Давай уж хоть ты не выдавай, поддержи честь нашей фамилии, а мы с мамой будем любоваться тобой и гордиться. Боб, жизнь наша вся впереди, будем встречаться в жизни ежегодно, по крайней мере, и как отрадно видеть, что ты растёшь, оформляешься в настоящего человека, и знать, что это — брат и друг, и радоваться его успехам, и огорчаться таким вещам, как этот твой туберкулез, который, признаться, меня сильно беспокоит. Я тебя очень прошу, в этом смысле хотя бы, выполняй все указания мамы.
>
> Фотографии твои пока задерживаю, жду ещё. Уже, кажется, догадался, как ты это делаешь. *(В письме рисунок: под фотоувеличителем выгнутая горбом фотобумага, отчего средняя часть отпечатка получается не в фокусе или — наоборот — не в фокусе края снимка. — А.С.)* Так?» *(январь 1950 г.)*.

А вот сразу после поступления:

> «…Письмо твоё получил, спасибо. Очень рад твоему

вступлению (наконец-то!) на стезю „настоящей“ науки. Завидую твоему посещению Пулкова. Я и не подозревал, что там до сих пор такие разрушения. Жалко, что с тобой не было ФЭДа, вот бы снимки получились! Кстати, если тебя это интересует, разрушение обсерватории видел наш батя. Он конвоировал боеприпасы на фронт и был свидетелем бомбардировки Пулкова (в частности и обсерватории) дальнобойными пушками немцев. Помню, он рассказывал это на кухне, отогревая ноги в тазу с горячей водой — заросший, грязный. Какое это было время!» *(сентябрь 1950 г.)*.

Пулково было поистине магическим местом для АБС. На Пулковских высотах, там, где сейчас стоит танк возле шоссе, едва не погиб их отец, и там же юный Аркадий впервые держал в руках оружие и стрелял боевыми на поражение. А напротив, на высоком холме расположилась Главная астрономическая обсерватория (ГАО), одна из старейших в России, ещё в XIX веке получившая титул астрономической столицы мира — священная обитель большой науки и крылатой мечты человечества о звёздах. Обсерватория, куда Борис впервые попадёт, ещё едва поступив на матмех, а в 55-м придёт туда в аспирантуру и останется на долгие десять лет сотрудником, чтобы воспеть это место и сохранить в веках теперь ещё и в новом качестве — в качестве литературного прототипа НИИЧАВО. Ведь именно там рождалась одна из самых популярных книг АБС, которой вот уже больше сорока лет зачитываются и восхищаются миллионы.

Вернёмся к письму из 1950 года:

«…насчёт песни. Как я уже тебе писал, в основном all right, но! „Пусть мертвецы валяются“ — за эту фразу досталось бы тебе от Аверченко. Затем, „коченеть“ человеку приходится — увы! — далеко не один раз в жизни. Не веришь — спроси любого солдата. Кроме того, твоё неотразимое „к чорту!“ несколько отдает дешёвкой, чего никак нельзя допускать в нашем возрасте. В остальном всё в порядке. Да, ещё одно. „Кровь“ и „любовь“ рифмуются, но этого мало. Нужно, чтобы смысл куплета хоть немного оправдывал это самое „пусть кипит любовь“, а то оно повисает в воздухе. Так что, с твоего разрешения, не утверждаю и предлагаю переделать, чтобы второй куплет был достоин первого (который, кстати, требуется на бис и распевается уже

многими моими коллегами). Правда, и в первом я заменил экспансивное, но крикливое „черти визжат свинцовые“ на более прозаическое, но, как мне кажется, солидное „пули визжат…“, в чем и прошу твоего авторского извинения».

Спустя два года встречаем аналогичное замечание (система отношений прежняя):

«Да, о стихах. Пиратская песня пулковского героя мне понравилась, хотя мне слишком что-то бьют в нос „пенные бокалы“, „искристый огонь“, „усталые глаза“. Может быть, старею?»

И очень любопытно дальше:

«Что касается ВАМПИР'а, *(БН сегодня не помнит, что это был за „вампир“ такой, понятно, что аббревиатура, очевидно, какое-то самодельное издание или творческое объединение. — А.С.),* то предложение с удовольствием принимаю. Правда, не совсем понятно, почему ты считаешь, что я „подхожу, как никто из вас“? Это, брат, ошибка. Ты вообще всё ещё смотришь на меня, как на „большого брата“ благословенных времён, когда тебе было десять лет и ты ловил каждое моё слово с восторженно раскрытым ртом. Не те времена, Бэмби, ты вырос, а я постарел, отупел немного. Пришло время мне смотреть на тебя с надеждой и восхищением. Конечно, я сделаю my best, но много от меня не жди. Только присылай мне фото, и побольше притом».

Отметим эти неслучайные комплименты АНа и заглянем сразу на шесть лет вперед. 14 августа 1958 года АН запишет в дневнике (не в письме, а в дневнике — исключительно для себя!):

«Тщился над мозгозаврами. (Это *один из ранних замыслов для рассказа, от которого они оба как раз и откажутся на следующий день. — А.С.)* НичеГо. Говно получилось. У Бориса — хорошо. Он всё-таки гораздо

сильнее меня. Теперь я буду на подчинённых ролях. A la Лёва Петров».

Это к вопросу, который вечно всех занимает: кто был лидером в тандеме? Не было лидера. Даже когда БНу всего двадцать пять. Другая у них была система отношений.

* * *

Летом 1951-го, перед вторым курсом, Бориса отправляют на практику в Казахстан, в Алма-атинскую обсерваторию, к одному из старейших наших астрономов академику Гавриилу Андриановичу Тихову, в секторе которого он занимался вполне фантастической наукой — астроботаникой. Именно для развития исследований по прогнозированию возможности существования жизни на других планетах солнечной системы при Академии наук Казахской ССР был организован этот сектор. В обсерватории Тихова установили привезенный из Пулкова Бредихинский астрограф, а позднее — двадцатисантиметровый менисковый телескоп Максутова, удобный даже для экспедиционных работ и использовавшийся для фотографических и спектральных наблюдений Луны и планет. Можно себе представить, как это всё увлекало восемнадцатилетнего Бориса.

На обратном пути он заезжал в Москву к родственникам, может, специально, а может, просто были проблемы с прямыми поездами до Ленинграда. АН в это время служит в Канске и пишет ему чуть позже в письме от 4 августа 1951 года:

> «Наконец-то ты в Москве — факт сам по себе достаточно отрадный, чтобы отметить его хорошей выпивкой, что я не замедлю сделать в ближайшее время. Что касается твоих претензий ко мне в отношении писем, то дело в том, что я и не подозревал, что ты задержишься в Алма-Ата так долго. Значит, рабочей обстановкой ты остался неудовлетворен…»

Вот единственная эмоциональная подробность о той поездке. Сегодня БН уже не помнит, чем именно остался недоволен, а посмотреть Алма-Ату и вообще Казахстан было, конечно же, очень здорово. Всё шло в будущую писательскую копилку. Алма-

Ата, например, стала родным городом жены Алексея Быкова — знаменитого межпланетчика, героя большого цикла повестей и рассказов.

На преддипломную практику БН ездил в 1954 году в Абастумани. Поездом только до Ахалцихе, а дальше автобусом, надо думать, до города, а до обсерватории — пешком. Места там гористые, живописнейшие и весьма дикие по тем временам, до турецкой границы куда ближе, чем до Тбилиси или до моря. В общем, впечатлений самых разных осталось от этой поездки много, вот только при полном отсутствии денег ужинать приходилось зачастую зачерствелым позавчерашним хлебом и запивать его водой из-под крана. Хорошо ещё, хоть вода в кране и не надо было на колодец ходить. Но вообще, молодость есть молодость. Всё равно весело было, а главное, астрограф в обсерватории стоял нормальный, вполне современный, и работа шла, как надо.

По распределению после окончания университета весной 1955-го БН должен был идти в аспирантуру на кафедре астрономии матмеха. Но добрые люди предупредили его заранее, что ему этот вариант не светит — согласно всё тому же пятому пункту. Кампанейщина антисемитская уже миновала, но по существу мало что изменилось, и борьба с «засоренностью кадров» продолжалась всё с той же завидной методичностью. И опять было обидно, но теперь, умудренный опытом, унывал он совсем недолго и сумел поступить в аспирантуру Пулковской обсерватории. Туда взяли практически без проблем.

У Бориса была сделана в свой черед весьма любопытная курсовая, связанная с динамикой поведения так называемых широких звёздных пар, и его научный руководитель Кирилл Фёдорович Огородников счел эту работу достаточным основанием для кандидатской диссертации. Почти два года работал БН над этой своей темой, ну а когда подошло дело к защите, сам же и раскопал в обсерваторской библиотеке, что практически ту же самую работу проделал тринадцать лет назад великий индус из Лахора — американский астрофизик Субраманьян Чандрасекар, впоследствии нобелевский лауреат. С одной стороны, оно, конечно, было лестно — обнаружить, что ты самостоятельно и независимо повторил путь такого учёного, — с другой стороны, безумно жаль потраченного времени. И опять же — обидно! Кандидатом наук стать не удалось, прошёл, как это называлось официально, только теоретический курс аспирантуры. Ну а с третьей стороны, заметим (уже с позиций нашего времени), как же им тогда плохо было без Интернета и без единой компьютерной базы данных! Ну и железный занавес, понятное

дело, подгадил. В сугубо прикладных областях — там хоть шпионы следили за деятельностью друг друга, а тут, в области фундаментальной науки из-за дефицита нормального общения сколько светлых голов вынуждены были параллельно и нерационально расходовать свои драгоценные мозги на одно и то же!

Но и эту свою неудачу БН пережил легко. Собственно, к тому времени, они уже вовсю работали в соавторстве с АН, и, если мыслить широко, нетрудно было прийти к лежащему на поверхности выводу: всё, что ни делается, — к лучшему. Значит, не судьба идти в науку. Значит, предначертано им сделать литературу главным делом в жизни. Понятно, что не так сразу, понятно, что научную работу в том или ином виде бросать было не только рано, но и невозможно — чисто практически. Литература-то ещё не кормила. Да и будет ли кормить?.. Так что пошёл БН, солнцем палимый, работать на счётную станцию ГАО, то есть всё той же Пулковской обсерватории. И было это его первое серьёзное знакомство с информационными технологиями, которые так ещё никто не называл, или с кибернетикой, которую по-прежнему называли буржуазной лженаукой. Компьютеры стали ещё одной его любовью — на всю жизнь, вплоть до наших дней. И уж конечно, для книг АБС эти знания, эти навыки, этот опыт дали ничуть не меньше, чем знания астрономические.

А уж рассказывать о том, как он там работал, в этом вычислительном центре — совсем ни к чему. Об этом всё написано и в книгах.

«— …Вот вы приходите на работу. Обычные трудовые будни…

— Хорошо. Будни. Я ложусь на вычислитель и думаю… Час думаю. Другой думаю. Третий думаю…

— И наконец?..

— Пять часов думаю, ничего у меня не получается. Тогда я слезаю с вычислителя и ухожу.

— Куда?!

— Например, в зоопарк.

— В зоопарк? Отчего же в зоопарк?

— Так. Люблю зверей.

— А как же работа?

— Что ж работа… Прихожу на другой день и опять начинаю думать.

— И опять думаете пять часов и уходите в зоопарк?

— Нет. Обычно ночью мне в голову приходят какие-

нибудь идеи, и на другой день я только додумываю. А потом сгорает вычислитель.

— Так. И вы уходите в зоопарк?

— При чём здесь зоопарк? Мы начинаем чинить вычислитель. Чиним до утра.

— Ну, а потом?

— А потом кончаются будни, и начинается сплошной праздник. У всех глаза на лоб, и у всех одно на уме: вот сейчас всё застопорится, и начинай думать сначала» («Попытка к бегству»).

Конечно, это не двадцать второй век — это конец 1950-х и начало 1960-х в Пулкове.

Что ещё важно не забыть, рассказывая об этом периоде? Каким было международное положение? Да, это важно. Для кого-то. Но Борис и в школе, и в университете был бесконечно далёк от политики, она его совершенно не интересовала, ну, просто не было худшего наказания для него, чем взять в руки газету и читать первые полосы… И вообще, тогдашние студенты почти все были такими — аполитичными. Если и говорили о политике, то только со смехом. Это был ещё один пример классического оруэлловского «двоемыслия». Они могли подсмеиваться над политическими лидерами, над их походкой, выговором или дурацким пенсне, — и в тоже время готовы были умереть за них, если понадобится. Ибо лидеры олицетворяли Идею. Типичное отношение холопа к своему барину. Холоп может смеяться над барином у себя в холопьей избе и перемывать ему косточки, но когда дойдёт до дела, он за барина встанет стеной: возьмет вилы, топор и будет колоть, рубить, и жизнь свою отдаст за барина… Точно так же, как любого холопа, высокая политика интересовала их чрезвычайно мало. И это было связано не то чтобы с недостатком информации — информации как раз было навалом, политикой пичкали и в школе, и в университете, она непрерывным потоком текла из радиоприемников и газет… Но — никакой разноголосицы! Вот в чём был фокус. Великая сила — тоталитарная идеология.

Как иллюстрацию к этой патологической аполитичности верного сталинца вспоминает БН замечательную историю о том, как он поступал в аспирантуру (заметьте, это уже 1955 год):

«Я сдавал экзамен по марксизму-ленинизму (всего экзаменов полагалось три). Теорию знал блистательно,

ответил так, что от зубов отскакивало, всё было чудесно, экзаменаторы очень довольны… Но вдруг одному из них пришло в голову задать вопрос, который касался политики — текущей политики. Я уже не помню, какой был первый вопрос. Но что-то я, видимо, не так сказал, потому что мне задали второй — крайне лёгкий, по их мнению: „Скажите, пожалуйста, кто у нас первый секретарь ЦК КПСС?“ Ответ мой полностью характеризует моё тогдашнее знание политической ситуации.

— Ну, там их несколько, — сказал я. — Один из них, например, Микоян…

— Ах, там их несколько! — сказали мне. — А кто же ещё?

— Ну, Ворошилов, по-моему, один из них, — ответил я.

— Так, так… — сказали мне.

Потом был задан ещё какой-то вопрос, на который я ответил примерно в том же духе, после чего один из экзаменаторов заявил: „Ну, знаете, товарищи, я просто не знаю, что и сказать“. Меня попросили выйти, я с ужасным предчувствием вышел и думал, что вообще всё завалил. Но всё-таки они поставили мне трояк — я получил первую тройку в своей студенческой жизни…»

Аркадий был другим, совсем другим. Во-первых, он был старше. Во-вторых, военное образование и военная среда, в-третьих, он читал на английском и на японском — какая-никакая, а уже разноголосица…

Но сейчас речь ни о нём. А впрочем, в завершение этой главы, как раз и о нём тоже.

Со свойственной ему скромностью БН весьма однобоко описывает ситуацию 1955 года — года фактического начала их совместной работы, иными словами года рождения писателя АБС:

«Если бы не фантастическая энергия АН, если бы не отчаянное его стремление выбиться, прорваться, стать — никогда бы не было братьев Стругацких. Ибо я был в те поры инертен, склонен к философичности и равнодушен к успехам в чём бы то ни было, кроме, может быть, астрономии, которой, впрочем, тоже особенно не горел. От кого-то (вполне может быть, что от АНа) услышал я в ранней молодости древнюю поговорку. „Лучше идти, чем

бежать; лучше стоять, чем идти; лучше сидеть, чем стоять; лучше лежать, чем сидеть; лучше спать, чем лежать…“ — и она привела меня в неописуемый восторг. (Правда, последнего звена этой восхитительной цепочки: „…лучше умереть, чем спать“, я, по молодости лет, разумеется, во внимание никак не принимал.) АН же был в те поры напорист, невероятно трудоспособен и трудолюбив и никакой на свете работы не боялся. Наверное, после армии этот штатский мир казался ему вместилищем неограниченных свобод и невероятных возможностей».

Всё это, безусловно, истинная правда, но… только одна её половина. А вторая половина заключалась в том, что если бы не удивительный интеллект БНа, если бы не его организованность и чёткость мышления, если бы не умение его из любого непричёсанного текста АНа сделать в итоге маленький шедевр, если бы, наконец, не общий талант братьев и не их фантастическое взаимопонимание, именно к этому моменту достигшее своей критической массы — вот тогда бы точно не было такого писателя, как Братья Стругацкие.

Характерно то, что в начале 1950-х и даже в 1955-м Борис ещё не понимает, до какой степени он необходим брату (быть может, потому и спустя годы несправедливо оценивает собственную роль в тандеме), а вот Аркадий, если и не осознаёт полностью, то уж чувствует безошибочно — без брата ему никуда.

В октябре 1952-го, в очередной раз мечтая о долгожданной встрече, он пишет:

«Дорогой мой Бэмби!

Есть очень многое, что хотелось бы рассказать тебе, но придётся отложить до встречи. Пока скажу, что насобачился стрелять из пистолета неплохо, и за тридцать метров противник от меня не уйдёт. Остальное потом, когда будем разговаривать. Как я мечтаю об этом времени! А до него ещё 700 дней. Впрочем, может быть, увидимся раньше. Боря, заклинаю тебя, береги маму. Ты, сосунок, не знаешь, что она значит для нас, но клянусь чем угодно, я тебе никогда в жизни не прощу, если с ней что-либо случится. Господи, как я вас обоих люблю, если бы вы только знали. Это, вероятно, еврейская кровь. Помнишь, у Куприна в „Гамбринусе“ Сашка говорит: „Что поделаешь, мы, евреи, любим родственников“.

Впрочем, это всё сантименты».

Думаю, ни при чём тут еврейская кровь, равно как и еврейские традиции, которых вовсе не было в их семье. Мама есть мама, тем более, когда отец погиб. А с братом — случай отдельный. Это же совершенно особенная любовь — любовь к будущему соавтору, к своей творческой половине, без которой — ну просто никуда!

Глава седьмая
СТРАНА БАГРОВЫХ ЗНАМЁН

> *«С этим романом в советскую литературу вступили крупные, известные сейчас далеко за пределами нашей страны писатели».*
>
> *Юрий Кагарлицкий. Из предисловия к третьему изданию «Страны багровых, туч», 1969 г.*

Рассказывая о себе, Маша Стругацкая обычно говорит с улыбкой: «Родилась я в Москве, но проект был камчатский». Хотя на самом деле скорее хабаровский или вообще океанский — от Петропавловска до Владивостока времени в пути было достаточно.

Вот так же и книга «Страна багровых туч» («СБТ»): появлялась на свет (в смысле выходила в свет) в Москве, и не без мучений, а проект… проект, безусловно, был камчатский. Вот тут уже точно камчатский, потому что на этот счёт есть письма и черновики, и мы их, помнится, уже цитировали.

Вот почему невольно пришлось коснуться истории написания этой повести ещё в главе «Дорога на океан».

Но вообще-то, если верить Виктору Баневу (а нам по статусу полагается ему верить), то «вопреки широко распространенному мнению, ничего интересного в историях написания не бывает». Так что не пугайтесь, читатель, мы не будем мучить вас полусотней, а то и более легенд о создании рассказов, повестей и романов АБС. Во-первых, на то есть «Комментарии к пройденному», где всё это сделано легко, остроумно, не длинно, не коротко и, главное, без свидетельствования с чужих слов. А во-вторых… Во-вторых, наша книга вообще не об этом, точнее, не только и не столько об этом.

Однако «СБТ» — это случай совершенно особенный. Это самая первая повесть АБС. Это книга, с которой всё начиналось. И, в конце концов, это не просто повесть, а настоящий портрет эпохи — точный и яркий. Вот почему именно о ней, о её придумывании, обсуждении и написании стоило бы рассказывать подробно и записывать тщательно все воспоминания, какие

удастся найти, а также следовало бы старательно изучить все рукописи, какие имели к ней хоть малейшее отношение.

Но, с другой стороны, именно об этой повести так много и подробно написано у БНа в «Комментариях…», так эффектно по настроению и так совершенно по композиции. И у Светланы Бондаренко — редактора полного собрания АБС и составителя дополнительных томов, называемых «Неизвестные Стругацкие», — под эту повесть щедро выделено большое пространство. Так что совсем нелегко сегодня добавить ко всему опубликованному хоть что-то своё. Разве только откопав нечто, никому ранее не ведомое.

Вот, например, любопытный план обнаружился в той старой, загадочно потерявшейся и счастливо найденной папке АН (похоже, он самый ранний, его даже БН в своих комментариях не упоминает):

«**Голубая планета**

(Ну, это ж надо, сколько названий у одной повести, впору *устраивать литературную викторину! — А.С.)*

Введение

Часть 1. „Урановая Голконда“

Часть 2. „Аргонавты *(зачеркнуто — А.С.)* Авангард“

Часть 3. „Хиус versus Линда“

Введение

Часть 1-я

1. Природа
2. Машины
3. Люди

Часть 2-я

1. План операции
2. Первый натиск
3. Через тела павших

Часть 3-я

1. Диктатура Краюхина *(Краюхин, как и Голконда, был всегда! — А.С.)*

2. Линда

3. Последний и решительный».

Приколот сей план к пачке листков, безжалостно выдранных из блокнота, на коих есть и две последовательные попытки описания венерианской природы, и обстоятельное введение,

напоминающее газетную передовицу, и рассуждения об источниках энергии; и, наконец, биография-портрет Краюхина — ученого-металлурга, ставшего «живой историей межпланетного дела». На этих страницах мелькнет совместное заседание Верховного Совета и Совета Министров Союза Коммунистических республик, а вписанный по привычке Центральный комитет будет зачеркнут; здесь упоминается звездолет «Сталин-16»; и есть точная дата — 20 января 1996 года, когда «правительство объявило о создании „Управления Межпланетных Перевозок“, во главе которого встал Савельев, один из крупнейших мировых учёных, астроном и физик, конструктор первого ядерного двигателя для звездолетов и участник нескольких межпланетных экспедиций». И тут же рядом лежат ещё листы большого формата, заполненные текстом, который с первой же фразы обрушивает на читателя вопрос:

> «— Вы слыхали что-нибудь о Равнине Горячих Джунглей? Нет?»

А мы и не слыхали. Мы запутались уже. Где тучи, где джунгли, где туманы?.. Мы только понимаем, что это всё про то же, потому что хоть за болотами, хоть за пустынями, а лежит там, на далёкой Венере, Урановая Голконда. Голконда — всегда. А вот остальное варьируется. Да ещё как!

Дочитываешь до конца текст на 16 больших страницах нестандартного формата, вначале чернильный, а затем карандашный (чернила кончились, а паузу делать не хотелось) — и понимаешь, что это ещё один вариант рассказа «Первые» или уже попытка встроить его в более масштабное произведение — в «Линду против Хиуса» или в «Голубую планету».

В первом томе «Неизвестных Стругацких» Светлана Бондаренко приводит два варианта текста рассказа «Первые», оба неоконченные. И если первый фрагмент — это лишь один из промежуточных вариантов завязки, то второй выглядит куда более продуманным и хорошо монтируется с концовкой, имеющейся на больших листах. А цельный, законченный рассказ, датированный в тетради мартом 1953-го (как жаль, что другие рукописи не датированы!) — это, вне всяких сомнений, наиболее ранний вариант. Те фразы в нём, которые можно сравнить с более поздними вариантами, звучат короче, проще, небрежнее — ощущается явный черновик. Зато по сути, по сюжету он куда жёстче, страшнее, безжалостнее. В финале рассказа гибнут ВСЕ члены экипажа, а заканчивается текст крылатой фразой:

«Крепость пала, но гарнизон победил».

Но что особенно ценно, именно из этого явного эскиза к будущей «СБТ» братья помимо общего героического настроя персонажей, используют для окончательного текста с несущественными изменениями всю историю человека, оставшегося в одиночку дежурить на «Хиусе» (поначалу на звездолете ЗЛВ-58), когда вся команда отправилась к Урановой Голконде — в книге это, понятно, штурман Михаил Крутиков, но «Первые» ещё не имели имен и каждый назывался по профессии, в частности будущий Крутиков — Инженер.

Однако гораздо важнее сейчас пояснить вот что. Принципиальное отличие ранних, ещё индивидуальных редакций АН от поздних и окончательных в том, что сюжетной основой повести предполагалось сделать жёсткое противостояние американцев и русских на Венере. «Хиус» — это наш советский проект, не только корабль, но и база, и весь горнодобывающий комплекс. А «Линда» — это конкурентный проект США. И в литературных набросках камчатского периода именно этим злокозненным американцам, палачам и жертвам жестокого мира чистогана уделено немало страниц.

Вот как комментирует эту рукопись, найденную в старой папке, писатель Феликс Сорокин, главный герой повести «Хромая судьба».

> «Угрюмый негр вывез из кабинета кресло с человеческой развалиной. Шеф плотно закрыл за ним дверь…»
>
> Какой негр? Что за развалина? Ничего не помню.
>
> «— Кстати, вы не заметили, были ли среди большевиков китайцы? — спросил вдруг шеф.
>
> — Китайцы? М-м-м… Кажется, были. Китайцы, или корейцы, или монголы. В общем, жёлтые…»
>
> Да-да-да-да-да! Вспоминаю! Это был у меня такой политический памфлет… Нет. Ничего не помню.
>
> «Крепость пала, но гарнизон победил».

Так вот, и угрюмый негр, и собственно развалина — это как раз те самые нехорошие ребята из проекта «Линда». И, думается, лукавят АБС, точнее, АН лукавит, уж ему-то не помнить, что это была за повесть! Конечно, допускаю, мог забыть фамилию бедолаги, получившего чудовищную дозу радиации там, на Венере (звали его инженером Джозефом Такахью). Но листанул бы чуть вперёд (вернее, назад, потому что это та самая тетрадка,

которую надо листать с конца к началу) и сразу понял бы, о чём речь.

А уж фраза про крепость вообще не отсюда, а из самого начала тетрадки, из «Первых».

Очевидно, всё это писалось летом 1953-го, точнее сказать трудно, но повесть «Сальто-мортале», начатая здесь же, датирована июнем — перед самым прологом. При внимательном изучении рукописи можно сделать вывод, что текст «Линды…», который выстраивался как бы навстречу «Сальто…», заполнял свободные места в тетради почти одновременно, но всё-таки чуть позже.

Вообще же фантастическая повесть о войне за Венеру всё-таки не была политическим памфлетом. АН разработал её весьма детально, получалась она в меру гладкой и даже увлекательной, просто… слишком, уж слишком похожей по интриге на все произведения советской фантастики той поры. Таковы были условия игры: антиамериканский, антиимпериалистический пафос, неизменная охота за шпионами и обязательная победа наших доблестных чекистов на фоне любых других побед — научных, политических, экономических, социальных. Преодолеть в себе этот жёстко заданный стандарт в 1953 году было нереально даже для таких талантов, как АН или БН.

БН признается сегодня:

> «Мы тогда были настоящими сталинцами. Не ленинцами даже, а именно сталинцами! Считали, что всё происходящее — правильно, а если и встречаются недостатки и неприятности — это неизбежно. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, лес рубят — щепки летят, а в остальном всё совершенно правильно, коммунисты — настоящие, замечательные люди, дело наше правое, мы обязательно победим… Попадаются, конечно, отдельные негодяи, которые мешают нам трудиться и побеждать. Вот, вчера Берия был великий человек, а сегодня — английский шпион, резидент пяти разведок и агент семи держав. Я прекрасно помню, как мы с ребятами по этому поводу хихикали, но относились к весьма прискорбному происшествию скорее юмористически. Тут была отнюдь не трагедия, и в голову не приходило делать из этого далеко идущие выводы».

Преодолеть в себе внутренний сталинизм в одиночку — уж точно было невозможно. Подчеркнем это слово — в одиночку. Ну

а вдвоём они работали пока ещё чисто условно.

Началом совместной работы братьев над своей первой повестью, вне всяких сомнений, можно и нужно считать холодный осенний день, прогулку по Невскому проспекту и то самое историческое пари. Жаль, что так и не удалось установить точную дату. А может быть, и правильно? Абсолютизировать эту дату, сделать из неё день рождения АБС было бы не совсем справедливо. Нет такого дня, кроме всем известного 21 июня — астрономической середины между 15 апреля и 28 августа (в этот день даже вручают с некоторых пор АБС-премию). А фактического дня рождения писателя АБС не было. Рождался он постепенно.

Тогда же, в 1954-м, они просто впервые сидели вместе дома, у мамы и обсуждали планы будущей «СБТ», которую абсолютно серьёзно и окончательно решили писать. И, скорее всего, что-то уже набрасывали на листочке или в блокноте. Такое действительно случилось впервые.

Осмелимся предположить, что именно тогда они и попробовали писать вдвоём, сменяя друг друга за машинкой по принципу буриме. Эксперимент был смелый, достаточно нелепый, но, как выяснилось, очень полезный для будущего. Получилась «Песчаная горячка» — рассказ, нарочито оторванный от конкретного места и времени и по определению лишённый сверхзадачи, однако… литературно-технически на удивление изящный, да и по антуражу отдаленно похожий на «СБТ». Вывод напрашивался один: метод годится в принципе, но только на неком заключительном этапе. Какие этапы должны предшествовать последнему — этого они ещё не знали.

Ну а работа над «СБТ» в оставшиеся полгода службы АН в Хабаровске, думается, продолжалась практически в прежнем ключе. Едва ли американская «Линда» была так сразу и безжалостно выброшена оттуда.

Хотя, конечно, после смерти Сталина вся страна стала стремительно преображаться, оживать, пробуждаться от тягостной спячки. Начинается тот романтический период советской истории, который с лёгкой руки Ильи Эренбурга станут называть Оттепелью. Перемены носятся в воздухе и, пусть ещё не осознанные, влияют на каждого думающего человека.

Не случайно АН в своих наработках той поры всё глубже закапывается в науку, всё настойчивее требует от БН сведений по астрономии и физике, по математике и химии, и параллельно начинает подробно расписывать образы наших, советских учёных, испытателей и космолетчиков. На американцах ему дали возможность потоптаться в другой, заказной повести — «Пепел Бикини». А своя — любимая, выстраданная вещь, — помимо воли

авторов, сама собою дрейфует от туповатой шпионской романтики в сторону гордого, великого и вечного противостояния — противостояния человека и Природы.

Вот как звучит один из вариантов Введения к «СБТ» того времени:

> «Начало титанической борьбы за преобразование природы, за полное её подчинение потребностям человека началось, строго говоря, в период грандиозного социального переустройства мира после крушения американского империализма и установления коммунистических и народно-демократических режимов в большинстве стран.
>
> Правда первые смелые и удачные шаги в этом направлении были сделаны ещё в пятидесятых годах прошлого столетия, когда Советский Союз в обстановке постоянной и растущей угрозы со стороны капиталистического окружения сумел проделать огромные по тому времени работы в области максимального использования энергии больших рек, обуздания пустынь и ликвидации засух. Но здесь речь идёт об изменении лика всей планеты».

И, наконец, приходит июнь 1955 года. Прощай, военная служба! Поезд летит на запад, быстро, будто самолет — навстречу новой и долгой счастливой жизни. Но в Москву АН только заезжает на несколько дней — повидать любимую жену, любимую дочку Наташу и вторую дочурку, ещё незнакомую, едва родившуюся крошку — Машуню. Всё это очень здорово, но уже в июле он в Ленинграде у мамы. И это не еврейская любовь к родственникам, и не попытка убежать от стирки пеленок, детского плача по ночам и прочих бытовых неудобств — это просто неистовое желание работать вместе с братом, писать, воплощать на бумаге то, что они напридумывали. Сегодня, сейчас, не откладывая! Вот тогда и начинается их реальное совместное творчество.

Удивительно, что рассказ «Затерянный в толпе», написанный БН в одиночку, датирован августом 1955-го. Либо как раз в этот момент АН снова уезжает в Москву (а надо думать, что за полгода перемещения эти совершались им не однажды), либо во время какой-то из возникших в совместной работе пауз БН возвращается к ранее написанному рассказу, завершает его и датирует, планируя вынести на строгий суд брата, но так и не решается. Во

всяком случае, ни о какой реакции АНа той поры нам не известно. Лишь спустя два года придет из Москвы то письмо, в котором не сложившийся уже в новом варианте текст с немыслимым и неудобочитаемым заголовком «Кто скажет нам, Эвидаттэ?» АН сурово, но уморительно припечатает: «…Такого горбатого не исправит даже наш советский колумбарий» (эта фраза войдёт у них в поговорку). Однако в итоге рассказ не пропадёт вовсе и будет использован для создания широко известного произведения под названием «Шесть спичек» — пусть и не самого удачного, зато абсолютного рекордсмена у АБС «в лёгком весе» по переизданиям и переводам.

Трудно сказать, чего там было больше в этот первый год их соавторства: реального творчества или просто отчаянного желания творить вдвоём. Ведь БЫ именно тогда довольно плотно занят в своей аспирантуре. АН — озабочен поисками работы. Быт, вообще, весьма неустроен, да и с деньгами не всё в порядке. Но самое удивительное, конечно, что почти полгода, пока он живёт у мамы, а молодую жену с двумя малышками навещает лишь изредка, Лена спокойна, как танк, — ситуация вполне устраивает её.

И тут надо оговориться: да, конечно, АН был человеком влюбчивым. При этом он всегда допускал и для себя, и для других (не морализаторствуя) простые интимные отношения — без всякой любви. А ещё при всем при этом он искренне, сильно, глубоко и до самых последних лет любил свою вторую и единственную жену.

Но! Внимание! С этого места начинается главное.

Никогда ни женщины вообще, ни любовь к некоторым из них, ни даже любимая и родная Лена — не были у него на первом месте в жизни.

«Жизнь даёт человеку три радости: друга, любовь и работу».

Это один из самых знаменитых афоризмов АБС. Думается, что работу они поставили на последнее место из чисто фонетических, интонационных соображений. На самом деле для них обоих именно работа была и остаётся на первом месте. С любовью и друзьями у братьев было всё очень по-разному. С работой — одинаково. А иначе как бы они создали вместе хоть что-нибудь?

Ну и конечно, таким людям требовались уникальные жены. Борису повезло — он свою Аделаиду Андреевну нашел сразу. Аркадию было намного труднее, он изрядно помыкался прежде, чем повстречал Елену Ильиничну. Да перед Леной и задачка стояла посложнее — принять в семью героя всех минувших и грядущих романов, участника всех прошлых и будущих

литературных сражений, вообще крайне неординарного персонажа, который для семейной жизни годился ещё меньше, чем для армейской. Но её любовь оказалась сильнее, и она приняла его со всеми онёрами — и в 1951-м, и в 1954-м, и во все последующие — ох, нелёгкие! — годы сумела простить всё и осталась с ним до конца.

А благодарностью за самоотверженность было доверие. Пожалуй, только ей одной и доверял он читать свои рукописи, свои и совместные с братом незаконченные произведения. Больше — никому. Почти на уровне мистики, чтобы не сглазить, как говорится. А ей не только доверял, но и очень ценил её замечания, ждал их, прислушивался к ним, учитывал. И так повелось почти с самого начала — с Камчатки или с Хабаровска, а может быть, и с Канска. Не было у него другой ТАКОЙ женщины.

Именно после демобилизации АНа работа над первой книгой АБС становится регулярной и обстоятельной. Однако дело идёт медленно и трудно. По многим причинам. Главная из них — они ещё не знают оптимальных методов соавторства, не придумали, не опробовали, не освоили. Они непрерывно экспериментируют и, мягко говоря, не всегда успешно. Но именно в процессе этих экспериментов и придёт осознание, что им для наилучшего результата просто необходимо сидеть рядом и буквально проговаривать каждую фразу. На первый взгляд, это громоздко, нерационально, а в итоге — единственно правильно.

Ну а потом, после апреля 1957-го, — новая эпопея: борьба с редакторами, с чиновниками, с цензурой. И тоже всё в новинку. Всё непривычно. Всему надлежит учиться с нуля. Война с системой затянется на добрых два года, в течение которых книга будет многократно переделана, переписана, урезана и надставлена, местами улучшена, но гораздо чаще — ухудшена. Выхолощена. И в результате наступит усталость, и раздражение, и равнодушие. Но всё-таки — незаменимый опыт. Но всё-таки — ощущение победы. Нет, не пирровой, а именно такой: крепость пала, но гарнизон победил.

Что осталось в книге плохого? Неизбежная перегруженность наукой в виде лекций. Наивность. Заблуждения. Открытая и уже не очень искренняя пропаганда. Ядовитый дух эпохи.

Что осталось в книге хорошего? Живые образы — несмотря на всю правку. Хороший язык — несмотря на все редакторские надругательства. Суровая романтика будней, актуальная во все времена. И прекрасный сюжет, который не позволяет читателю скучать.

И потому судьба этой книги — и уже свершившаяся и

будущая, совсем не так уныла, как казалось самим авторам в какой-то момент.

Она была выдвинута на конкурс «Детгизом» ещё в рукописи в конце 1958-го и получила заслуженную награду (третью премию Министерства образования в размере 5000 рублей — в 1959 году деньги достойные).

Она была переиздана меньше, чем через год вторым массовым тиражом в 100 тысяч экземпляров в серии «Школьная библиотека» и принесла АБС заслуженную известность.

Она не зря переводилась на многие-многие языки и сразу после выхода в СССР, и много позже.

Жаль, что по написанному самими авторами сценарию не сняли тогда фильма. А может быть, и хорошо. Потому что фильм бы получился наверняка дрянной, а так — всё ещё впереди!

Вернёмся же в год 1955-й.

В ноябре, сразу после праздников, АН всё-таки перебирается в Москву. Нигде не записана точная дата переезда, но первое письмо из Москвы отправлено 19 ноября. И ещё из точно зафиксированных событий: свидетельство о браке выдано было Аркадию и Лене 22.12.55. Сам этот документ не сохранился, но есть свидетельство о рождении Маши, а в семье помнят, что обе корочки выдавались одновременно и тем же днём, почти через восемь месяцев после фактического появления ребёнка на свет — такое трудно забыть. А говорят ещё, при советской власти порядок был! Ну, с браком понятно — Дмитрий развода не давал, — но не зарегистрировать ребёнка!.. Ведь это ж даже карточку в детской поликлинике не заведут. Или всё-таки завели? В поликлинике Литфонда по личной просьбе профессора Ошанина? Всё могло быть.

Кстати о регистрации брака. День свадьбы АН и ЕИ всю жизнь отмечали одновременно с Новым годом. Вряд ли это было привязано к случайному дню, когда они расписались. Скорей уж к воспоминаниям о Канске.

А переезд был совершён, прежде всего, из соображений практических: в Ленинграде АН с трудом находил работу, помыкался какое-то время, послужил недолго переводчиком-референтом в проектном Институте целлюлозно-бумажной промышленности, опять помыкался, а Москва есть Москва, она и тогда была раза в три больше. К тому же тесть обещал помочь. Лену свою он устроил через знакомых в Воениздат, а в конце августа 1958-го — в более близкое ему Государственное издательство иностранных и национальных словарей на должность редактора. Но Аркадий предпочел начать со своих друзей из ВИИЯ, их тогда много в Москве было — всем миром

что-нибудь да подскажут. И подсказали довольно быстро. Толя Рябкин предложил поработать в Институте научной информации, для начала по договору, а после реорганизации ИНИ, с начала января — в штате. Вот тут институт как раз и переименовали в ВИНИТИ — название, известное по сей день. Но тогда люди ещё долго говорили по старинке — ИНИ. Работал он там в редакции «Реферативного журнала», издаваемого институтом. Новейшие научные публикации, работа с языком — всё это было, в общем, интересно, но хотелось чего-то поближе к литературе, и он снова искал друзей по ВИИЯ, которые именно в этом направлении решили использовать свои знания. Задача оказалась решаемой, и уже в начале 1957-го АН станет редактором в «Гослитиздате».

Теперь об обстановке домашней. Квартира добротного довоенного дома № 14 на Бережковской набережной хоть и была трехкомнатной, но жило в ней всё время чуточку слишком много народу. По минимуму, кроме Аркадия с Леной и двух дочек, ещё тесть и тёща. Уже тесновато. А к тому же почти всегда обретались какие-нибудь родственники: брат тестя, сестра тестя, особенно долго — сестра тёщи со своим сыном Лешкой 1946 года рождения. Мальчик был проблемный, и в дневниках АНа именовался, по обыкновению, заморышем. Но, как говорится, бывало и похуже. Главное — отношения нормальные: Илья Михайлович распорядился в своём просторном, метров на тридцать, кабинете, выгородить закуток-спальню для молодых и поставить ещё один письменный стол — любимому зятю. Ещё одним положительным моментом было наличие в доме телевизора — игрушки дорогой и редкой, настоящей роскоши по тем временам.

Илья Михайлович Ошанин был выдающимся человеком, без всяких натяжек можно это сказать. Любой китаист в нашей стране с 1930-х годов и по сей день обязательно занимался по его учебникам и словарям. Ровесник века, Илья появился на свет в Ярославле в семье юриста. В революцию он не столь однозначно поддерживал большевиков, как, скажем, Натан Залманович Стругацкий, и в какой-то момент от ареста его спасло как раз это разночинское, мелкобуржуазное, а не дворянское происхождение. Учился он в столице и в 1924 году закончил китайское отделение Московского института востоковедения (МИВ). Был направлен на работу в Китай вроде как переводчиком, но одновременно сотрудником Наркоминдела, а это в переводе на русский означает «кадровый офицер разведки» — политической или военной. Илья не был человеком беззаветно преданным идеям Ленина — Сталина, просто был он патриотом своей страны и уникально талантливым специалистом в области языков. «Крышей» его за

границей стало торгпредство в Шанхае. И, по семейной легенде, там, в Китае, он и познакомился с будущей женой, Екатериной Евгеньевной Фортунатовой — из той же примерно социальной среды (её родители были то ли врачами, то ли учителями с Дальнего Востока). А сама Катя — не то чтобы революционерка, а скорее авантюристка: рассказывали, как она таскала через китайскую границу запрещенную литературу — в обе стороны. Ей не литература была важна, а сам процесс. Выйдя замуж в 1925 году 18-летней девчонкой, слегка остепенилась, конечно, но шлейф прежних подвигов тянулся за нею. Всех вокруг стали арестовывать: лучшего друга, брата, сестру, отца — их отзывали из-за границы, одних просто сажали, других расстреливали, каким-то чудом она сама уцелела… И вскоре родила. Леночка появилась на свет 16 февраля в Шанхае, есть фото, где её, новорожденную, держит на руках китаянка из прислуги. А уже меньше, чем через два месяца — 12 апреля, — в результате переворота пришел к власти Чан Кайши, и на следующий день там, в Шанхае, была расстреляна из пулеметов стотысячная антигоминьдановская демонстрация… Весёлое время начиналось. Но Ошанины были своевременно переправлены в СССР, что лишний раз подтверждает: на Лубянке (или где там?) о своих уникальных специалистах пока ещё помнили.

Однако Илья Михайлович был всё-таки по призванию учёный, а не разведчик. Мы не знаем точно, чем он занимался в Москве первые четыре года после возвращения из Китая, но с 1931-го преподавал в МИВе, с 1942-го, то есть с момента создания — в ВИИЯ и параллельно в Высшей дипломатической школе МИДа. В 1944-м он стал кандидатом филологических наук, защитив диссертацию на тему: «Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма»; в 1947-м — доктором, и тема соответственно более широкая: «Слово и часть речи в китайском языке: опыт периодизации истории китайского языка». А уже совсем незадолго до смерти в 1982-м он получил Государственную премию СССР.

Это, так сказать, официальная часть биографии профессора Ошанина. А в жизни, в быту был он человеком мягким, всегда спокойным, вежливым, очень доброжелательным, мудрым и, главное, необычайно работящим, выше всего ставившим дело. Вся родня так и запомнила его — хоть на работе, хоть дома, хоть на даче — вечно обложенного книгами и бесчисленными табличками с иероглифами. Ну и конечно, всё в доме дышало Востоком — от книг, картин и статуэток, до занавесок, посуды и мастерски приготавливаемых блюд китайской кухни. Появление Аркадия добавило отдельные японские нотки в этот мощный

китайский оркестр, но именно что нотки. АН не считал японистику делом своей жизни, наоборот — отличался широтой интересов, а к тому же никогда не был коллекционером, не собирал вообще ничего и сувенироманией не страдал.

Уместно будет именно здесь рассказать об одной загадке, с которой я как биограф столкнулся при чтении дневников АНа. Аркадий как минимум с конца 1950-х и до последних дней называл Елену Ильиничну этак ласково и по-доброму — Крыса. И на бумаге, и обращаясь к ней, и даже при людях, в своих, конечно, компаниях. Почему — не ведал никто: ни личный врач АНа, ни близкие друзья, ни даже БН. Я был в полнейшей растерянности. Скрыть сам факт — нелепо. Цитировать без объяснений — чудно. Ну, ладно, Чехов называл любимую женщину собакой, но не крысой же, это как-то уж слишком нетривиально. И от фантастики не могло это идти, потому что в фантастике, и в старой, и в современной, крыса — существо крайне неприятное. Я уж начал японистов опрашивать и китаистов. Они немного обнадежили, так как на Востоке отношение к этому зверю совсем иное, не европейское, у них вон и год крысы есть. Но всё равно, объяснение не вырисовывалось… И наконец, Маша Стругацкая пролила свет на безнадёжно темную историю. Уж и не знаю, почему раньше у неё не спросил.

Оказалось вот что. Илья Михайлович (безотносительно к китайским традициям) любил давать всем звериные прозвища, и не было в них прямой связи с внешностью или характером, тем более что дети прозвища получали едва ли не при рождении. Себя он именовал собакой. Жена, бывало, поругивала: «Собака ты этакая!» А он не считал это слово оскорбительным и узаконил как прозвище. Дальше всё пошло на уменьшение: Екатерина Евгеньевна — Кошка, Лена — Крыса, Дима Воскресенский — Кобра, Наташа — Мышь, Маша — Лягушка… Когда родилась дочка у Наташи и первый сын у Маши, дедушка был уже стар и, наверно, иссяк на выдумку, иначе быть бы им всем мухами и комарами. Зато, когда в семье появился Аркадий, ему неожиданно дана была кличка Жираф. То есть редчайший случай — машина прозвищ начала работать на увеличение, да ещё как резко! Илья Михайлович пояснил неохотно, мол, высокий он, но это прозвучало неубедительно. Не в том было дело. Видно, чувствовал уже мудрейший профессор-китаист, что именно Аркадий поднимется в итоге выше их всех. И насколько выше!.. Прозвище, кстати, не прижилось. Кроме самого Ильи Михайловича, никто его не употреблял. Прижилось ли прозвище у Воскресенского — неизвестно. Известно лишь, что сам Воскресенский не прижился.

А вот прозвище Крыса стало на удивление привычным для всех друзей и родных, звучало мягко, как польское уменьшительное от Кристины — Крыся, иногда Крыска или Крысь. Ассоциировалось с симпатичной белой лабораторной крысой, склонной к некоторому красноглазию. А Лена и впрямь была немножко альбиносом с очень светлыми, чуть ли не белыми волосами и, что удивительно, почти такими же ресницами, с молочно-белой, не склонной к загару кожей.

Ну и последнее: у крысы — настоящей крысы, — есть два необыкновенных свойства: во-первых, это одно из самых умных и обучаемых животных, а во-вторых, именно крыса, как никто, другой приспосабливается к любым самым нечеловеческим (и некрысяческим) условиям. И это было у Елены Ильиничны.

Так вот (что чрезвычайно важно для дальнейшего), в силу своего природного ума и прекрасного воспитания Лена раньше многих, например, раньше Аркадия (уж не говоря о Борисе), сделалась совершенной, убеждённой, законченной антисталинисткой.

Невероятно, но факт: ещё при жизни «отца народов» она — девчонка! — ненавидела его искренне, осознанно и люто. Её натуре двоемыслие было чуждо: расстрелянные ни за что родственники перечёркивали разом и навсегда все великие свершения вождя и всю его отеческую заботу о народе. Была ли это подсознательная мудрость или чисто женская, эмоциональная бескомпромиссность, унаследованная от матери — Екатерины Евгеньевны, — вопрос открытый. Но влияние Лены Ошаниной на мировоззрение АБС трудно переоценить. Именно неизбежные, постоянные политические споры с нею ещё задолго до XX съезда очень многому научили обоих братьев и, вне всяких сомнений, вызвали совершенно конкретные изменения в их первой повести, писавшейся в то самое время.

Бывало, молодые супруги, лёжа в постели, ночь напролёт спорили о советской власти и о диктатуре пролетариата, о роли народных масс и личности в истории, о репрессиях тридцатых годов и о Павлике Морозове — и это вместо того, чтоб заняться куда более приятным делом. А наутро злились друг на друга, что упустили редкий шанс, ведь не каждую ночь в тех почти полевых условиях удавалось им уединиться в укромном уголочке!

В общем, Аркадий за время службы был уже неплохо перевоспитан Леной. А вот Борис в Ленинграде достался ей на свеженького. И баталии разгорались такие, что хоть святых выноси. А святыми были кто? Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов… Борис кричал, что все они великие люди, народные герои, а Ленка орала: «Кто?! Эти твои большевики? Да все они

кровавые бандиты!» Довольно скоро случился Двадцатый съезд, и было официально объявлено, что да, действительно, большая часть этих великих борцов за народное счастье — именно кровавые бандиты. И для молодого учёного и начинающего писателя это был первый и потому страшный удар по его «национальному самосознанию» (термин Виктора Банева).

БН вспоминает сегодня, как Аркадий стоял между ними белый, словно бумага, и уговаривал: «Ребята, опомнитесь, бросьте, всё это ерунда какая-то, ну, хватит, давайте лучше выпьем…» И готов был принять сторону Бориса, просто потому, что его становилось жалко, его аргументы были слабее.

Записей непосредственно о Двадцатом съезде нет или не сохранилось ни у АНа, ни у БНа. Впечатление у обоих осталось сложное: восторг, перемешанный с опасениями (мол, что бы это значило?). А детали не запомнились, и, в общем, понятно почему. Они же как раз тогда работали, как проклятые, над «СБТ», и надо было ещё успевать на службу ходить — и тому, и другому.

В октябре случается весьма приятное событие — в Хабаровске выходит пятый номер журнала «Дальний Восток» с повестью Стругацкого и Петрова «Пепел Бикини». Вот теперь АН может с чистой совестью называть себя писателем. Первая публикация есть! Лёва Петров не обманул: через год он сумеет напечатать повесть в Москве — в последнем номере журнала «Юность» за 1957 год, а в конце весны 1958-го — уже и отдельной книгой в «Детгизе».

Помогло ли это скорейшему изданию «СБТ»? Конечно. Сам факт помог. Опять же контакты с людьми в издательстве и не случайный приход туда на работу. Но слухи ходили разные, причём со слов самого АНа. И об Иване Ефремове, с которым уже общались тогда. И о том, что Лёва Петров познакомил Аркадия с Ильёй Эренбургом — фигурой в то время, безусловно, знаковой, а тот якобы составил протекцию. Была и третья версия: продавить издание в «Детгизе» помогло личное знакомство с невесткой члена Политбюро Микояна — Эллой. А Элеонора Петровна Лозовская, жена знаменитого генерала авиации Степана Анастасовича Микояна, действительно работала в то время в издательстве. Но, думается, едва ли всё это имело сколько-нибудь существенное значение. Нет, мы вовсе не хотим впадать в крайности и утверждать, что талант всегда сам пробьёт себе дорогу. Просто разноречивость информации (а это вообще очень характерно для АНа — в разных компаниях излагать одно и то же событие совершенно по-разному) лишний раз подтверждает, что в те годы рассказать об издании книги по блату было гораздо проще — правдоподобнее и скромнее как-то.

В июне 1956-го, во время отпуска АНа, братья плотно работают над текстом в Ленинграде. Затем продолжают уже порознь, всё интенсивнее обмениваясь письмами. В марте 1957 года АН берёт ещё один отпуск, а в середине апреля, специально ради дня рождения брата, исхитряется приехать на трое суток. Видимо, именно тогда они наносят последние мазки на уже почти завершённое полотно. И вот в двадцатых числах полностью вычитанный чистовик сдается в редакцию фантастики ещё не родного, но уже интуитивно близкого, симпатичного им издательства «Детгиз», о чем АН и рапортует в письме БНу 29 апреля.

Середина и конец 1950-х — удивительное это было время, неуловимо прекрасное и безумно тревожное.

> «Они поспешно входят в подъезд. Здесь ещё холодно: застоялась зима. Темно как! Не видно даже, где начинается лестница. Но они не чувствуют, что здесь холодно. Лена откинула назад голову, в темноте отсвечивают зелёные туманные глаза. Аркадий её целует. А с улицы доносятся голоса детей. Гудки машин, шум весеннего дня».

Это не Стругацкие. Это самый финал повести «Оттепель» Эренбурга. Мы только одно слово заменили: Коротеева — на Аркадия. И получилось в точности про них. Потому что в те годы это было в точности про всех.

Вот только не надо забывать и о другом.

По всей стране реяли — по праздникам больше, по будням меньше — красные большевистские знамена, обагрённые кровью и отсветами пожарищ всех революций и всех войн первой половины двадцатого века. И плыли над страной зловещие багровые тучи сталинизма. Сталин умер, даже развенчали его вполне официально, а тучи всё плыли, всё не хотели рассеяться и растаять навсегда. Наоборот — иногда сгущались и проливались кровавым дождём над Берлином и Гданьском, над Варшавой и Будапештом. Над Будапештом так обильно, что этого не смогли скрыть даже советские газеты. Страшно было. Особенно страшно в хороший, добрый Хрущёвский год, год Двадцатого съезда, год знаменитого глотка свободы и невероятного подъёма всех искусств…

А братья послушали новости по радио, полистали газеты, посмотрели в глаза друг другу и коротко обменялись полностью

совпадающими мнениями:

— Политика. Ну её на хер!

— Это не для нас.

— Давай пообещаем друг другу никогда в политику не лезть.

— Верно. Не наше это дело.

Очень характерный для 1956-го разговор! Они уже никому не верят, но ещё и не сформулировали собственной позиции.

А главное, у них были свои проблемы — покрасивее и помощнее этих: Вселенная, Космос, Разум, вечное движение к Истине…

Но когда через двенадцать лет багровые тучи сталинизма, помаячив над Восточной Европой, зальют кровавым кошмаром Чехословакию, всё будет иначе. Крепко иначе.

Вот только это уже совсем другая история.

И вместо заключения — своего рода эпитафия «Стране багровых туч», написанная БНом совсем недавно:

> «Пусть повесть эта остаётся в фантастике, как некий уродливый памятник целой эпохе со всеми её онёрами — с её горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с её искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое — добро; с её неистовой готовностью к самопожертвованию; с её жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием. Ибо это было время злобного добра, жизнеутверждающих убийств, „фанфарного безмолвия и многодумного безмыслия“. И это время не следует вычёркивать из социальной памяти. Самое глупое, что мы можем сделать — это поскорее забыть о нём; самое малое — помнить об этом времени, пока семена его не истлели».

С чем тут спорить? С безжалостной самооценкой? С цитатой из Галича?

И что тут можно добавить?

Литературоведение в мире духа

(очередное междусловие)

> «Собственно, можно утверждать, что событийная часть нашей биографии закончилась в 56-м году. Далее пошли книги. (Кто-то не без тонкости заметил: биография писателя — это его книги.) Но никогда не бывает вредно определить причинно-следственные связи времени и событий».
>
> *А. Стругацкий. «Наша биография»*

Я готов поспорить с утверждением неведомого автора, процитированного АНом. Фраза эта — не более чем общее место. В реальной жизни биографии очень многих писателей так далеки от их книг, что за голову схватишься. И я выношу в эпиграф вышеприведённые фразы лишь потому, что хочу прочертить некую границу между уже прочитанной вами частью книги и всем дальнейшим.

О событиях до 1956 года сведения приходилось собирать по крупицам, тщательно соединяя то, что есть в книгах АБС, с тем, что удалось найти в письмах, дневниках, прочих документах и просто в памяти уцелевших очевидцев. А скажем, в «Комментариях к пройденному» БНа этому периоду уделено всего несколько страниц. Дальше всё меняется — материалов становится больше, лавинообразно больше, не только архивных и личных, но и опубликованных. Их уже физически невозможно охватить. Потому и манера нашего повествования станет другой. Не резко, не сразу — некоторое время мы ещё будем по инерции проговаривать и комментировать последовательно события каждого года и каждого месяца, по порядку. Но затем вынужденно поскачем галопом по Европам. То есть от одной книги к другой, минуя несущественное, стремясь не повторяться и всё меньше рассказывая собственно о творчестве.

Поэтому о самом механизме создания книг АБС, о его тайных пружинах мы попытаемся рассказать в этой специальной главе, предваряя переход к описанию конкретных литературных достижений.

Когда отмечают чей-нибудь юбилей творческой деятельности, не важно, писателя, художника или артиста — кого угодно! — мне всегда хочется спросить: «От какого момента вы эту деятельность отмеряете?» Формально есть только одна объективная веха — дата первой публикации, первого выступления. Но как же быть с теми, кто годами писал в стол, рисовал или лепил для себя, кого не снимали и не выпускали на сцену? На самом деле у любого настоящего таланта творческая деятельность начинается с момента первого осознания своих

способностей, своего назначения, своих целей.

Со Стругацкими, казалось бы, всё проще: их двое, и, вынеся за скобки все детские попытки что-то сочинять вдвоём, все их индивидуальные ученические творения, наконец, даже обмен письмами, можно было бы чётко датировать начало творческой деятельности АБС как начало их совместной работы по однажды и на всю жизнь выбранной схеме.

Ан нет! И тут не получается.

Ведь схема эта довольно долго менялась и совершенствовалась. Вся «Страна багровых туч» написана порознь. И у того, и у другого в разные годы существовало немыслимое количество вариантов, фрагментов, набросков, планов, наработок… И всю эту пересортицу они доводили до ума опять же поодиночке, по очереди, долго, мучительно, нерентабельно. С короткими рассказами было проще, но и тут почтовый пинг-понг затягивался на месяцы. По-настоящему правильный способ работы за одним столом в Ленинграде, у мамы, был ими найден лишь в конце 1959-го, в процессе работы над «Страшной большой планетой» (она же «С грузом прибыл», она же «Путь на Амальтею»), ну и над рассказами, которые писались в те дни.

Что это был за способ? Некое бесконечное буриме: фразу — один, фразу — другой, абзац — один, абзац — другой. И каждое слово обсуждается, проговаривается вслух, если они рядом. А если не рядом (по почте и позже приходилось работать), значит, чуть-чуть по-другому: работа дробится на более крупные куски, написал один — правит другой, придумал один — дополняет другой, придумали вместе — пишет один, потом другой переписывает… Но раз и навсегда неизменное правило вето: принимается лишь то, что устраивает обоих. И второе (тоже раз и навсегда): не выяснять, где чьё — в тех вещах, которые делают вместе. Да и в самом деле зачастую не понять было, где там чьё…

Знала ли мировая литература более тесное, более неразрывное, более гармоничное соавторство, чем у двух братьев Стругацких?

Чтобы всерьёз оценить уникальность данного феномена, надо для начала развеять некоторые мифы. А уж потом объяснять основные предпосылки и принципы соавторства.

Ну, легенды и хохмы сразу оставим за скобками. Пришельцы из будущего, инопланетяне, особая раса, людены, бессмертные, контрамоты, волшебники и так далее — всё это последовательно отработано ими самими в художественной прозе. Оставим на совести корреспондента «Комсомолки» и всем известную историю о привокзальном кафе «У Бори и Аркаши» в городе Бологое, не

будем считать его за идиота — конечно, журналист понял шутку АНа и просто решил пошутить вместе с ним. Оставим в покое и более экстравагантную версию о том, что у Натана Залмановича был только один сын, называвший себя то Аркадием, то Борисом, в зависимости от того, в каком городе появлялся. Вместе-то их за всю жизнь видели считаные разы, и всякий подобный случай называется явлением массового гипноза…

Развеем в первую очередь самый серьёзный, самый распространенный и потому самый опасный миф — об одном главном Стругацком и втором в качестве бесплатного приложения. В этой концепции москвичи, разумеется, возвеличивают старшего брата — филолога, лингвиста, переводчика, то есть настоящего писателя, — а младшего называют просто учёным-астрономом, который Аркадия всю жизнь консультировал по техническим вопросам и по-родственному набился в соавторы.

Питерцы, которые Бориса знают хорошо и близко, а Аркадия в большинстве своём видели мельком или вообще никогда, напротив, уверяют, что настоящий эрудит и талант, просто Ломоносов наших дней — это, конечно, Борис. Он и поэт, и художник, и знаток литературы, и философ, не говоря уже о научных знаниях и фантастической работоспособности. Аркадий же, по их мнению — так, обычный московский пьяница и балагур, солдафон, член Союза, пропадающий днями в ЦДЛ, совершенно не способный к длительной и постоянной работе, ну да, кое-что помнящий по-японски со студенческих времён и читающий по-английски, что помогало, особенно на раннем этапе, ну и конечно, у него были связи и умение договариваться с издателями.

И самое потрясающее-то, что подобные версии озвучивали мне не только далёкие от литературы люди и совершенно случайные знакомые АБС, но и довольно близкие их друзья, и вообще говоря, умнейшие и талантливые зачастую в своей области персонажи. Я не спорил с ними — не интересно было, и не хочу называть конкретных имён и фамилий. Хочу только категорически заявить, что ни первая, ни вторая версии ничего общего с реальным положением дел не имеют.

Они были равны друг другу, насколько могут быть равны старший и младший брат.

Они были нужны друг другу как никто иной в целом мире.

Они были достойны друг друга, насколько могут быть достойны друг друга до такой степени непохожие люди.

Тут будет вполне уместно пушкинское: «Вода и камень, лёд и пламень не так различны меж собой…»

Однако начнём с того, что их объединяло.

Первое. Исключительно высокий интеллектуальный уровень. По сегодняшней стобалльной системе оценки IQ — это все триста единиц, если не пятьсот. Я не шучу: даже ученики Стругацких — эрудиты из фантастических семинаров Москвы и Питера щёлкают эту сотню вопросов и задачек как орешки и просят следующую порцию.

Второе. Литературный талант, знание литературы, любовь к литературе и безошибочный художественный вкус.

Третье. Одинаковое понимание того, что хорошо и что плохо в морально-нравственном и социально-философском смысле.

Четвёртое. Любознательность, пытливость, широта интересов и взглядов.

Ну и ***пятое*** из определяющих качеств — трудолюбие и упорство, умение заставить себя работать и в то же время умение получать радость от работы.

Этих пяти совпадений, в принципе, было бы достаточно для соавторства. Но и ещё кое-что роднило их, так сказать, уже по мелочи.

Любовь к юмору и умение шутить, любовь к морю, к рекам, к воде, любовь к кино, к чтению лёжа на диване, заядлое курение, трезвая самооценка, любовь к писанию писем и дневников, урбанизм и особая любовь к родному городу Ленинграду.

Равнодушие к музыке, театру, живописи, политике, детям, полное равнодушие к религии.

Нетерпимость к фашизму, к бессмысленной жестокости, к самодовольной тупости, безграмотности и нежеланию думать. Впрочем, последнее — не мелочь, оно скорее относится к общей морали и философии.

Но вот, кажется, и всё.

А различий было у них — не счесть! Перечислю основные.

1. АН — экстраверт. В друзьях — весь Советский Союз. БН — интроверт, любит одиночество и никогда без надобности не расширяет круг общения.

2. АН — большой любитель и любимец женщин, БН — типичный однолюб и образцовый семьянин.

3. АН рано пристрастился к алкоголю и всю жизнь не отказывал себе в этой радости. БН к спиртному равнодушен с юности, элементарно время жалел на пьянки, а главное, никогда не любил быть пьяным.

4. АН просто относился к еде. Из экзотики любил морепродукты, но это только потому, что на Дальнем Востоке они — никакая не экзотика. Ну и ещё китайскую кухню любил — с подачи тестя и жены, родившейся в Шанхае. БН всю жизнь был

гурманом, стремился, насколько позволяли здоровье и деньги, попробовать все деликатесы, и вообще любил из еды устраивать праздник.

5. АН был фантастически способен к языкам. В совершенстве знал два иностранных и ещё в нескольких неплохо ориентировался. БН брался за пару-другую языков, но толком не выучил ни одного. Вот его собственное признание по этому поводу:

> «Английский когда-то знал неплохо — школа, университет, аспирантура — „науку“ читал свободно, осмеливался даже переводить фантастику. Потом отстал (без практики) и сегодня нахожусь на уровне аспирантуры. Брал уроки французского — недолго и бесполезно. Немецкий знаю достаточно, чтобы читать филателистическую литературу, но — с трудом. В общем — душераздирающее зрелище советского квазиинтеллигента».

6. АН к армии относился сложно, но всё-таки, безусловно, любил её. Двенадцать лет в строю — не шутка. Военная романтика его всерьёз увлекала. БН — белобилетник с детства и закоренелый пацифист.

7. АН — педагог никакой, даже будучи преподавателем в ШВП, скорее выступал для курсантов в роли спарринг-партнера, а не учителя. И в литературе никогда никого ничему не учил. БН — прирожденный учитель, мэтр, особенно для взрослых, особенно в литературе. Семинар ведёт с 1974 года и до наших дней. И как ведёт! Имена его учеников говорят сами за себя. И публицистика его высоко педагогична, чего почти не было раньше, в соавторстве.

8. АН был всегда артистичен: лицедействовал самозабвенно, прекрасно читал вслух (несмотря на отсутствие зубов) и очень любил публичные выступления. БН ничего этого не любит и публичных выступлений, как правило, чурается.

9. АН легко заводил друзей и легко расставался с ними, забывал совсем. Таких, что прошли через всю жизнь, просто не было. У БНа друзей мало, но все — настоящие Друзья. С большой буквы.

10. АН не любил (даже как пассажир), можно сказать, побаивался автомобиля — шайтан-арба! БН с молодых лет — заядлый автолюбитель.

11. АН умеренно любил собак и совсем равнодушен был к

кошкам. БН наоборот равнодушен к собакам, но коты и кошки с неизменным именем Калям живут у него постоянно и по сей день.

12. АН читал книги стихов практически только по обязательной программе изучения в школе и в институте, а сочинял только для девушек, для тостов, для хохмы. В его библиотеке всей поэзии — только Пушкин и Лермонтов в виде полных собраний и никаких отдельных томиков. БН любил поэзию с детства, писал стихи и песни всерьёз, имел поэтические амбиции, до сих пор за поэзией следит и с поэтами дружит. Большая часть стихов и стишат в книгах АБС придумана или подобрана БНом.

13. АН любил всякую мистику и колдовство и даже к слухам псевдонаучным про НЛО и бермудские треугольники относился в меру серьёзно. БН никакой мистики не признаёт, он материалист и рационалист до мозга костей.

14. АН не имел никаких хобби, коллекционирование как таковое было ему чуждо. БН многие годы основательно и с удовольствием занимается филателией.

15. АН был фантастически непрактичен — как и для чего в этой жизни используют деньги, зачем их считать до получения, а тем более, после, он так и не понял до конца дней. БН — с математическим складом ума. Деньги, как и всё остальное, считал он всегда быстро и хорошо. И, не будучи рвачом, а тем более крохобором, он, тем не менее, умел и умеет вести вполне грамотные финансовые переговоры с издателями. Да и траты его в жизни всегда были куда более рациональны.

16. АН не любил спортивных занятий даже в детстве и никогда не был спортивным болельщиком. БН в юности мечтал стать спортсменом, пока интеллект не взял верх, а потом, как зритель, фанатом не был, но по телевизору вместе со всеми смотрел и олимпиады, и чемпионаты мира.

17. АН относился к компьютеру, так же как к автомобилю, у него вообще с техникой были сложные отношения. БН увлекался информационными технологиями с тех времен, когда ещё и термина такого не было, а была только книжка Норберта Винера «Кибернетика».

18. АН полюбил Москву как второй родной город, да так и не сподобился переехать обратно в Питер, хотя думал об этом. БН никогда не любил Москву, ему и в голову не могло прийти в ней жить.

19. АН любил науку, но все его друзья-учёные с улыбкой подтверждают, что он не разбирался в ней совсем и относился к науке, как к своего рода магии. БН науку знает изнутри, и этим всё сказано.

20. Отдельного сопоставления заслуживает отношение братьев к путешествиям. Они вроде и любили их. А вроде и не любили. Ну, примерно, как тот Гиви из анекдота — помидоры: «Кушат — нэт, а так — очэн!» Но главное, что и любили и не любили они эти путешествия совершенно по-разному. Только рассказывать это лучше на конкретных примерах в соответствующих главах.

А сейчас подытожим: различий у нас получилось в четыре раза больше.

Так вот, эта их редчайшая для родных братьев, удивительная, трудновообразимая непохожесть и рождала эффект идеального взаимодополнения. Как у двух половинок разорванной купюры? Нет, не так. В том-то и дело, что не так! Геометрически идеально совпадают в жизни пресловутые «платоновские» половинки — мужчина и женщина. В творчестве всё сложнее. Когда братья-соавторы встречались, им ещё требовалось время на то, чтобы притереться друг к другу, адаптироваться, преодолеть колоссальную психологическую дистанцию, существовавшую между ними, а уж потом начиналась работа. Да и работа эта была далеко не лёгкой и радостной, она тоже была непрерывным преодолением, сопротивлением, отчаянным прорывом по ту сторону возможного и реального.

Очень хорошо сказал их коллега и добрый приятель прекрасный фантаст Владимир Дмитриевич Михайлов:

> «Они были как два упругих мячика: когда их прижимало друг к другу, в месте соприкосновения сферических поверхностей образовывалась плоскость — новая сущность, это и был результат их совместного творчества. Но долго в таком напряжённом состоянии они не могли находиться, сила отталкивания побеждала, и оба катились дальше самостоятельно, по своим дорогам, до следующей неизбежной встречи».

Это было чисто гегелевское — единство и борьба противоположностей. У каждого — своя жизнь. Свои увлечения, свой круг общения, свои любимые места и даже свои любимые книги. В молодости они хотя бы несколько раз ещё отдыхали вместе. С годами и это прошло. Вместе — только работа.

Да, их тянуло друг к другу, им не хватало друг друга, они всё время писали друг другу, звонили, но быть рядом подолгу никогда не могли. Две недели, три, максимум — месяц. С годами — намного меньше. Десять дней — это уже был предел.

А строго разграниченные круги общения? Что это, как не поначалу чисто интуитивный, а позднее уже вполне осознанный и продуманный способ максимального повышения эффективности творчества. Их было двое, и надо было пользоваться этим — они должны были собрать максимум информации о мире, к чему же дублировать впечатления?

Они никогда и нигде не выступали вместе. Исключение — Брайтон, Всемирный конвент фантастов 1987 года. Обоих с трудом уговорили поехать туда. БН вообще не любитель ездить куда-то, если не сам за рулем. АН же был крепко обижен на десятки отказов, полученных по всем приглашениям за границу в предыдущие годы и, вообще говоря, к тому времени был уже болен и тяжёл на подъём.

БН никогда не был на московском семинаре фантастов. АН — ни разу на ленинградском. У московских АНовых друзей БН был считаные разы. А в Ленинграде у АНа были свои друзья. Общих и там, и там — два с половиной. После смерти АНа БН ни разу (!) не был в Москве. Зачем?

АН ни разу не был в НИИЧАВО, то есть в Пулковской обсерватории, и ни в одном из «соловцов» — маленьких северных городков, по которым регулярно путешествовал БН — тоже ни разу. БН никогда так и не собрался доехать до Дальнего Востока…

Этот перечень можно продолжать, но уже и так ясно, что здесь не нагромождение случайностей, а четкая и согласованная совместная позиция.

Больше того, в их нежелании появляться на людях вдвоём было что-то эзотерическое, шаманство какое-то. Сознательно это делалось или подсознательно? Каким бы ни был сегодня ответ БНа, его нельзя будет считать стопроцентной истиной.

Но он же признаёт, что оба не любили работать под магнитофон и единственную запись, обсуждение рассказа «Загадка задней ноги», однажды — «по ошибке» — стёрли. Они не допускали никаких свидетелей к этому священнодействию — ни друзей, ни жён, ни даже маму.

Один известный китаист Май Михайлович Богачихин, склонный к восточному эзотерическому мышлению и, кстати, учившийся в Канской ШВП как раз в те годы, когда там преподавал АН, очень любопытно подметил, что произведения АБС, как правило, не окончены в общепринятом смысле и зачастую имеют серьёзные провалы в середине повествования не потому, что это такой литературный приём, а потому, что АБС черпали информацию напрямую из Космоса, а она приходит оттуда именно так — дискретно.

Этому можно верить или нет, но образ красивый. И уж, конечно, негоже посторонним видеть, как АБС общаются напрямую с Космосом, а тем более вмешиваться в это общение.

И вот ещё, что удивительно: десятки самых разных людей, не только старых, но и относительно молодых, уверяли меня, что видели Стругацких вдвоём на съёмках «Сталкера» и «Чародеев», в московских залах и в ленинградских школах, на пляже в Юрмале и в аэропорту Новосибирска, в ресторане ЦДЛ в Москве и в Эрмитаже… Я уточнял специально, убеждался с помощью документальных подтверждений, что не было этого, не было, и. предъявлял доказательства людям. Они соглашались, извинялись, но, по-моему, в глубине души продолжали верить в то, что видели именно ДВОИХ Стругацких. Я-то полагал, что это обыкновенная аберрация памяти, но аберрации по всем законам теории вероятностей дают отклонение то в одну, то в другую сторону. А тут всегда только в одну. Далеко не случайны и совсем не так смешны в этом свете бесконечные оговорки: «Вот пошла жена братьев Стругацких», «А вы слышали про дочь братьев Стругацких?», «Познакомьтесь — это сын братьев Стругацких»… Всё это куда больше похоже не на шутку, а на чудо.

Да, собственно, вся книга моя и есть попытка с применением формальной логики и сугубо рационального подхода описать технологию чуда. Разложить по литературоведческим полочкам жизнь духа.

Я очень многих людей допрашивал, в чём тут тайна, в чём секрет, где собака зарыта. И были интересные ответы, неожиданные мнения, оригинальные мысли, я обязательно ещё вернусь к ним по ходу своего рассказа. Но был один ответ, который запомнился лучше других — дал его мне Евгений Львович Войскунский, фронтовик, замечательный человек и отличный писатель, не только фантаст, хотя известен он, конечно, именно фантастическими романами в соавторстве с Исаем Лукодьяновым.

«Нет тут никакого секрета, — сказал Войскунский, — просто они очень хорошие, настоящие писатели».

Может быть, он прав?

Глава восьмая
ПЕРВЫЕ ЛЮДИ НА ПЕРВОМ ПЛОТУ

«Герой нашей эпохи — это тот, кто открывает пути в будущее с предположением, что оно лучше настоящего, приближает это будущее и облегчает человеческому обществу доступ к победе».

Леонид Леонов

Рабочий день заканчивался. Хотя, строго говоря, у редактора в «Гослитиздате» рабочий день ненормированный и фактически с уходом домой мало что меняется. Тащишь с собой рукописи, пишешь какие-то заключения, рецензии, а уж голова-то и вовсе занята работой с утра до ночи. Так что расслабляться приходится не по часам, а так сказать, по настроению, по ситуации, когда совесть подсказывает.

Рабочий день заканчивался в том смысле, что разошлось по домам начальство, машинистки, девочки из корректорской, секретарша главного… И вот теперь, когда остались все свои, Аркадий потянулся, отложил ручку, снял очки и потер глаза. Потом снова надел очки, достал бумажник и, бросив долгий внимательный взгляд на студента Витю, совершенно не спешившего домой, сказал вальяжно, подражая Алексею Толстому, любимому писателю своему:

— А что, Витя, не сбегать ли тебе за коньяком?

— Айн момент, Аркадий Натанович. Сколько взять?

— Ну, скромненько так. Пойди, значит, спустись вниз. Знаешь, где магазин? Через Сад Баумана не надо, а ты иди по нашей стороне почти до Разгуляя. И, значит, бутылочку коньяку, ну и шампанского прихвати.

— Аркадий Натанович, а шампанского-то зачем? — Витя остановился в недоумении.

Аркадий удивленно посмотрел на него и медленно так, низким красивым голосом произнёс:

— А запивать-то чем же, чудак?

Пили вчетвером. Индолога Володи Быкова не было. Миша Малышев, тоже виияковец, тюрколог, тоже замечательный переводчик и тоже большой любитель этого дела, особенно после

службы на Кавказе, неожиданно отказался — потому как спешил куда-то. Не отказался Саша Горбовский. И ещё присоединилась зашедшая к ним в комнату Тамара Прокофьевна Редько. Коньяк Тома не пила, так что шампанское оказалось кстати вдвойне. И посидели они замечательно. О фантастике интересно поговорили. Тома фантастику недолюбливала и всё норовила перевести разговор на сугубо переводческую тематику. Зато Витя Санович с огромным любопытством слушал и всё задавал вопросы, иногда очень смешные в своей наивности. Витя — поэт в душе и японский язык прекрасно чувствует, Аркадий ценил его за это. Собственно, сослуживец Аркадия и соавтор его по переводу «Зоны пустоты» Толя Рябкин и прислал-то этого мальчишку для перевода стихов к роману — в порядке практики, а мальчишка полюбил их компанию, стал появляться всё чаще и сделался в доску своим.

А уж как в тот вечер увлёкся разговором Сашка Горбовский! Выпили по чуть-чуть, и понесло его. Уникальный человек — на любую тему лекцию прочтет, и какую лекцию — веселую, с юморком, — заслушаешься! На этот раз Аркадий заметил было, что современная фантастика мало уделяет внимания проблеме бессмертия, даже англо-американская, а про нашу и говорить нечего. Ну, тут Горбовский и выложил всё, что знал по этому вопросу — с цитатами из древних и последними новостями о достижениях современной науки. Аркадий мотал на ус. Даже записывал что-то на листочке. Выпили ещё по чуть-чуть, потом Горбовский выбежал на пару минут, и Аркадий, глянув на Сашин раздутый, как обычно, старинный портфель потёртой кожи, решил пошутить. Он подмигнул Виктору и Томе, быстро поднялся и взял в руки тяжеленную чугунную дверцу от поддувала голландской печки, стоявшую в углу. Накануне кто-то её неаккуратно дёрнул, и дверца, болтавшаяся на одной проволочке, оторвалась совсем. До холодов было ещё далеко, и кому, спрашивается, охота возиться с починкой? Ну, Аркадий быстренько завернул дверцу в газету, вложил в стандартную папку с тесёмками, завязал аккуратно и запихнул Горбовскому в портфель. Саша имел обыкновение таскать с собою не одну, а сразу две или три рукописи. Над ним посмеивались, а он объяснял: «Ну, не знаю я, за какую именно вещь мне совесть подскажет взяться сегодня, а за какую — завтра. Пусть уж обе будут под рукой». Ох, интересная рукопись окажется у него под рукой завтра утром!

Горбовский вернулся. Они разлили по последней и стали собираться. Саша, конечно, уходил первым. После таких бесед ему, как правило, не терпелось добраться до дома и, плюнув на

все рукописи, творить свою очередную научно-популярную статью, сегодня, надо полагать, про бессмертие. Он схватил портфель, охнул и выругался:

— Окаянные авторы! Какие тяжеленные рукописи стали приносить. Мерзавцы! На меловке они их, что ли, печатают? — и убежал.

А они трое, едва дотерпев до момента, когда за Горбовским закрылась дверь, прыснули дружно и ещё добрых минуты три хохотали как сумасшедшие, и даже предлагали друг другу пари — когда и где этот страшно талантливый и симпатичный, но бестолковый Сашка обнаружит кусок чугуна вместо рукописи.

Всё это происходило в июне 1959 года в Восточной редакции «Гослитиздата» в красивом пятиэтажном особняке на Новой Басманной, 19 (кстати, издательство «Художественная литература» и по сей день там находится). Виктор Санович, будущий именитый переводчик с японского, был тогда студентом третьего курса МГУ. Тамара Прокофьевна Редько, уже известная нам, была старшим редактором, но ещё не заведовала редакцией, Александр Горбовский не опубликовал пока не только ни одного рассказа, но даже ни одной научно-популярной статьи в сборниках фантастики (да и сборников таких ещё не было). Его блестящая работа «Стучавшие в двери бессмертия», сочинявшаяся на ходу в тот вечер, была заброшена надолго, но не навсегда и вышла в свет в 1970-м, в сборнике «НФ-9» издательства «Знание».

А в активе нашего главного героя на тот момент значилась лишь одна книжка — «Пепел Бикини», вышедшая год назад в «Детгизе». Вторая, долгожданная «Страна багровых туч», была на подходе, до подписания её в печать оставалось меньше месяца. Правда, совместных с братом рассказов было опубликовано уже четыре. И всё-таки Аркадию рановато было называть себя писателем-фантастом, а вот специалистом по художественному переводу — вполне. Ещё работая в «Реферативном журнале», он находил себе, в первую очередь, через Толю Рябкина и через Тому, заказы на перевод с японского. Так что, сделавшись в «Гослите» штатным редактором в конце 1956-го, он уже пришел туда не чужим человеком.

Работа переводчика нравилась ему и тогда, и много позже, когда казалось со стороны, что они с братом уже все силы отдают фантастике. Эти две его ипостаси сравнивать трудно — они слишком разновелики, — но по силе таланта, нашедшего себя и в том, и в другом, его переводы с японского — поверьте специалистам и тонким ценителям, — по силе таланта сопоставимы с прозой АБС. Весьма характерно, что серьёзные

литературные достижения и в этой области АН начинает демонстрировать лишь тогда, когда они пишут уже вдвоём с братом. Как это влияло впрямую — объяснить трудно, но влияло. В период сугубо индивидуальной работы получались у Аркадия только газетные статьи, секретные документы, да стихи японских коммунистов Кумуоки, Мориты, Ватанабэ — не великая поэзия.

Совсем другая ситуация была с английскими переводами. Во-первых, у него за плечами уже был сделанный «Сталки…» Киплинга и несколько рассказов. Во-вторых, именно в этот период он запоем читает англо-американскую фантастику, книжки достаёт всеми правдами и неправдами, иногда покупает, но чаще приносят друзья — из тех, кто бывает за границей или тоже увлекается подобной литературой. С марта 1958-го он ведет дневник с практически ежедневными записями, и едва ли не большую часть всего объёма написанного составляют аннотации — буквально на каждый прочитанный рассказ или повесть. Эта своеобразная картотека идей и сюжетов, в которой мелькают и забытые навсегда и очень известные ныне имена (Саймак, Кларк, Каттнер, Бестер, Нортон, Херберт…), была прекрасным подспорьем для начинающих фантастов. И вовсе они не черпали оттуда свои замыслы, как писали потом враги и завистники — наоборот — АН тщательно просеивал всё, уже отработанное кем-то, чтобы не повторяться, и учился на чужих ошибках, и просто занимался интеллектуальной гимнастикой, оценивая ум, талант и профессионализм американцев и англичан.

Вот как, например, пересказывает он знаменитый рассказ Артура Кларка «Девять миллиардов имен бога»:

> «Лама нанимает счётную машину, чтобы записать все возможные имена Бога Единого, ибо среди них должно быть и настоящее. Как только настоящее имя найдено, мир по легенде должен кончиться. Так и случилось».

Простенько так, буднично, по-деловому. А рассказ-то потрясающий. Классика мировой фантастики. И вся прелесть сюжета в том, что математик, написавший программу по поиску имён, сам не верит в чудеса. Закончив работу, он покидает монастырь, убеждённый в полном разоблачении легенды. А в ночном небе у него над головой одна за другой гаснут звёзды.

И что характерно, первый перевод с английского будет опубликован у АНа опять же в этот, новый период, когда сомкнутся две половинки критической массы и цепная реакция

сделается неизбежной. Над искромётным рассказом совсем неизвестного у нас Уильяма Моррисона «Мешок» они будут работать как над своим текстом, и переводчиков будет значиться двое. Рассказ с удовольствием возьмёт Роман Подольный во второй номер журнала «Знание — сила» за 1959 год. Через несколько лет «Мешок» войдёт в антологию лучших англо-американских рассказов в 10-м томе знаменитой «Библиотеки современной фантастики».

Свою первую японскую повесть — «Блаженный Мияда» относительно современной, незадолго до того умершей писательницы Юрико Миямото АН переведёт ещё в 1957-м, а следом другую — «Шестерни» — здравствующего и популярного на родине Ёсиэ Хотта. В 1958 году обе повести включат в сборники этих авторов, изданные один в Москве, другой — в Ташкентском отделении «Гослитиздата».

В 1960-м здесь же, в «Худлите», увидят свет опять сразу две его работы: повесть Сосэки Нацумэ «Ваш покорный слуга кот» (совместно с Л. Коршиковым) и тот самый роман Хироси Нома, который познакомил его с Сановичем — «Зона пустоты», сделанный по подстрочнику Рябкина.

Всё это ещё не лучшие переводы АНа, но, безусловно, очень серьёзная заявка на новую профессию.

Среди японистов не было равнодушных к его творчеству: либо искренне восторгались — те, кто умел радоваться чужим успехам, либо завидовали и злопыхали, выискивая ошибки и примитивно подкалывая: мол, всем же известно, что Аркашка работает по подстрочнику, он же языка толком не знает — чему его там выучили в войну? Эти недоброжелатели прекрасно знали, насколько серьёзный уровень давал ВИИЯ и почему Стругацкий работает по подстрочникам, скажем, Рябкина или Рахима. Японский он знал получше многих, даже тех, кто побывал в стране и хвастался общением с живыми японцами. Дело было в другом: АН просто не любил первого, чисто технического этапа. Ему было жалко собственного времени на эту черновую работу, он был мастером конструирования истинно японских фраз на русском, мастером идиом, эвфемизмов, точных или нарочито далёких синонимов, мастером аллюзий, подтекстов, интонационных находок и даже фонетических ассоциаций. Весь этот высший пилотаж художественного перевода всегда был доступен единицам. Давно известно: работающему с прозой куда важнее при переводе знание своего, а не чужого языка. Любые тонкости иностранного можно раскопать по словарям и учебникам, а вот владение родным, русским — это от бога.

Было и ещё две причины обращения АНа к подстрочникам в

период штатной работы в «Гослитиздате»: жёсткие сроки и ограниченная возможность выбирать то, что нравится. Но даже тогда, например, Нацумэ («Ваш покорный слуга кот») они переводили вдвоём с Коршиковым, просто разделив книгу пополам — и на первом, и на втором этапе. А по поводу пресловутой «Зона пустоты» Нома Хироси по подстрочнику Рябкина АН пишет в письме брату в марте 1960-го, когда работа уже закончена:

> «Меня заставили взять перевод в Гослитиздате и аврально перевести с хорошего японского на плохой русский 10 листов. Дело в том, что переводчик, которого я рекомендовал, не справился, а план на них нажимает. Пришлось взять».

Упомянутый переводчик — это однокурсник Аркадия Лев Лобачёв (тот самый отличник, побывавший на Токийском процессе в 1946 году вместе с Борисом Петровым), и, судя по записям в дневнике АНа за октябрь 1958-го, «не справился» он только в том смысле, что не нашёл времени и вынужден был расторгнуть договор.

В последующие годы, когда на АНа уже не давили издательские сроки и произведения для перевода он выбирал сам, никакие подстрочники ему не требовались, а ведь это были его лучшие работы: и весь Акутагава, и «Пионовый фонарь», и «Сказание о Ёсицунэ».

У Аркадия, по меткому выражению Виктора Сановича, фраза падала сразу, как кошка — на все четыре лапы, безошибочно, мягко, точно.

Добавим сюда и мнение Миры Салганик — известной переводчицы с хинди:

> «Его переводы были на столь же высоком литературном уровне, как и их с братом фантастика. Я не знаю японского, но я очень много читала переводов и могу судить, что это высочайший класс. Переводить с восточных языков намного труднее, очень мало точек соприкосновения. Например, жесты — они же совсем другие. Как их описывать? Но то, что Аркадий делал с этими реалиями, было просто блистательно».

А работать он любил, как и Вера Николаевна Маркова, в больших «амбарных» книгах с плотной желтоватой бумагой, на которую хорошо ложились чернила. К шариковым ручкам очень долго не мог привыкнуть вообще, а для переводческой работы так и не признал их вовсе. Может, в этом было что-то традиционно японское — иероглифы рисовать удобнее. А может, обычный доморощенный консерватизм или элементарное упрямство.

Наверно, именно тогда, за эти почти три года в «Худлите» он и выработал удобный для себя режим работы. Редакторская должность не обязывала приходить с самого утра. А он всю жизнь был ранней пташкой, настоящим жаворонком. Легко вставал часов в семь, а то и в шесть, невзирая на количество выпитого накануне. В это трудно поверить, но это так. И три-четыре часа каждое утро работал с максимальной эффективностью — над переводом, над статьей, над новым рассказом или повестью. Потом шел в издательство, не важно какое, и уж редактировать мог и после коньяка, и вместе с коньяком — это не мешало, совсем не мешало, а общению с друзьями — тем более, только помогало.

Друзей было много — и старых, и новых. Михаил Малышев, Владимир Быков, Леонид Черкасский, Павел Лин, Анатолий Рябкин, Лев Лобачёв — это всё ВИИЯ; были и совсем новые люди — весёлый, заводной одессит, вьетнамист из МГУ Мариан Ткачёв, оттуда же — Алексей Симонов, сын легендарного Константина Михайловича; поэт и китаист Геннадий Ярославцев, тоже МГУ; талантливый актёр только что возникшего и уже модного театра «Современник» Эмиль Левин; литературовед Симон Маркиш — сын расстрелянного поэта Переца Маркиша; один из самых знаменитых переводчиков с английского Виктор Хинкис; Рахим Зея Харун-эль-Каири (для краткости просто Рахим) — человек, намотавшийся по лагерям и тюрьмам, а японским владеющий, как родным; будущий тележурналист Генрих Боровик; переводчик с пушту Юлик Ляндрес, ставший впоследствии знаменитым Юлианом Семёновым, создателем Штирлица…

Конечно, не все они были друзьями в полном смысле, многие — просто знакомыми. Но у АНа, вообще, была очень зыбкая грань между друзьями и знакомыми. Таких друзей, чтобы на всю жизнь, кроме Бориса и Лены, не было. А просто очень близких людей от полудюжины до дюжины можно было насчитать в любые периоды жизни, вот только состав их практически каждые десять лет обновлялся полностью.

Особенно интересным и весьма полезным было общение с людьми старшего поколения, с учителями, мэтрами: Верой Николаевной Марковой — великой переводчицей, открывшей

русскому читателю японские трехстишия хокку и пятистишия танка; Романом Николаевичем Кимом — замечательным прозаиком и одним из первых переводчиков Акутагавы; Владимиром Михайловичем Константиновым — учеником самого Николая Иосифовича Конрада, готовившим Харбинский процесс и отсидевшим при Сталине немало, в том числе и с Конрадом вместе.

Учителя любили Аркадия как одного из самых талантливых, он захаживал к ним и домой, иногда уже не только по делу. У Веры Марковой на улице Готвальда (ныне Чаянова) около метро «Новослободская» он бывал особенно часто. Вера Николаевна в то время практически не выпивала, но для Аркадия у неё всегда была припасена бутылочка коньяка. АН хорошо знал падчерицу Марковой Софью Леонидовну Прокофьеву — выпускницу Суриковского института, талантливого иллюстратора сказок, а впоследствии известную детскую писательницу. Знал и её мужа Олега Сергеевича, поэта, художника, сына великого композитора. Олег уехал на Запад в 1971-м и умер в Лондоне в 1999-м.

Кстати, второго мужа Софьи — это было намного позже, — звали Виктор Викторович Белый, он занимался ракетным топливом в каком-то страшно секретном НИИ, о чем в ту пору говорить было нельзя ни полслова, но просто поболтать с ним о жизни за рюмкой чая Аркадий очень любил и даже, вспомнив юность, мастерил с ним вместе какой-то телескоп. В образе Снегового из повести «За миллиард лет до конца света» просматривается этот Белый — есть даже связь в фамилиях, и, может быть, неслучайно в одном из интервью АН сказал как-то, что хотел бы сыграть именно эту роль, если бы кто-то решил снять такой фильм. БН добавляет, что в значительно большей степени прототипом Снегового послужил его хороший знакомый Александр Александрович Мееров, ленинградский писатель-фантаст и бывший ракетчик, работавший с самим Валентином Петровичем Глушко, конструктором первых советских ракет на жидком топливе. Это лишний раз подтверждает, что у каждого персонажа всегда бывает по несколько прототипов, особенно если авторов двое.

Но самое интересное, что именно у Марковой АН впервые встретился с Иваном Антоновичем Ефремовым — фигурой для АБС почти легендарной, как сказали бы сегодня, культовой, автором давно любимых книг, а главное, только что опубликованной «Туманности Андромеды», может, и не самой любимой, но ошеломившей всех — и Стругацких тоже — смелостью фантазии. Ефремов казался небожителем, они ведь только мечтали написать ему ещё лет семь-восемь назад,

возможно, даже и написали, да ответа не получили, и вот он — сидит за столом, на расстоянии вытянутой руки… Очень скоро Иван Антонович пригласит Аркадия к себе, а потом и с Борисом познакомится. Они станут часто встречаться, и это будет очень важное знакомство на долгие годы.

С осени 1959 года АН перейдёт в «Детгиз» (начав работать там внештатно с весны 1958-го), но связей с «Худлитом» не порвёт ещё много-много лет. Поначалу будет приходить туда буквально каждую неделю — по старой памяти, а вообще, переводам станет уделять время регулярно и практически без длительных перерывов до 1983 года, когда, наконец, сдаст в некогда родное издательство свою самую значительную (во всяком случае, по объёму) японскую книгу «Сказание о Ёсицунэ».

АН отлично понимал, что без практики язык забывается. Тот же Ляндрес-Семёнов, когда его уже в 1970-е спрашивали: «Юлик, ты хоть помнишь, как будет „здравствуйте“ по-афгански?» — только отмахивался с улыбкой. А Стругацкий не хотел забывать язык и каждый раз — всем на зависть, — очень быстро восстанавливал знания и даже совершенствовал их от книги к книге. В последующие годы многие удивлялись: зачем это нужно ему — уже знаменитому фантасту? Где им было понять, какая редкая и мало кому доступная радость — ощущать, будто свою, такую чуждую для нас и такую безумно интересную культуру далёкой Японии.

Тогда же, в конце пятидесятых, продолжалось и весьма активное общение АНа со старыми институтскими друзьями, избравшими в жизни иной путь — не литературный, например, с Андреем Спицыным и Борей Петровым. Спицын даже ездил к Аркадию в Ленинград, попав на период, когда он там работал с Борисом. В те годы такое ещё было возможно. Потом у них это стало жёстко — во время работы никакого постороннего общения. Ни с кем, хоть английская королева приедет — нет их, и всё!

Перебирается в Москву из Ленинграда одноклассник Игорь Ашмарин, периодически мелькает мотающийся вечно по загранкам Лёва Петров, соавтор по «Пеплу Бикини».

Не раз и не два навещают Аркадия в Москве его дальневосточные однополчане: Вася Кутнов, Лель Махов, Володя Ольшанский. Последний побывал и в Питере — на октябрьские праздники в год сорокалетнего юбилея революции. Запомнилось ему, как Аркаша показывал празднично украшенный город, как бесподобно знал его, как умел рассказать об истории, о великих людях, как водил по Эрмитажу. Никакого экскурсовода не надо было! «Слушай, — спросил Володя, — ты что, в искусствоведы

подался?» «Вовсе нет, — ответил Аркадий, — у меня отец был искусствоведом, опять же библиотека хорошая. Надо просто больше читать. Ну и вообще, живя в Ленинграде, не знать Эрмитажа… Мы ещё в Русский музей с тобою пойдём».

Друзья любили его, и он любил друзей.

Его единственным хобби на всю жизнь была вот эта наивысшая роскошь (если верить Экзюпери) — роскошь человеческого общения.

Не чужд был этого и Борис, но только по-своему. Он переболел в юности шумными школьными и студенческими компаниями, еженедельными пьянками, где хотелось не столько выпить, сколько стать центром внимания — с весёлыми тостами, остроумными шутками и анекдотами, с песнями собственного сочинения, которые они пели на пару с Володей Лукониным (Виконтом) под его гитару. Придя на работу в ГАО и довольно быстро после этого женившись, он резко сузил круг общения. Там, в Пулкове, вокруг БНа сформировалась компания единомышленников, у них было принято и работать, и отдыхать вместе. Эта дружба сохранилась на всю жизнь — без преувеличений. Никто не потерялся, кроме тех, кто уже ушёл навсегда.

БН по моей просьбе коротко рассказал о них сегодня.

Ближайший и любимейший друг — Александр Иванович Копылов. Да, это про него в рассказе «Почти такие же»:

> *«Без Копылова жизнь не та.*
> *Люблю. Привет от Лианта».*

А ещё Саня Дрозд из «Понедельника» — это тоже Копылов. Инженер-самоучка, великий умелец, он был в числе создателей легендарного РАТАНа-600, одного из крупнейших радиотелескопов Земли и получил за это — шутка ли! — орден Трудового Красного Знамени.

Юрий Николаевич Чистяков, астроном. Познакомились ещё на первом курсе матмеха, потом вместе в ГАО и вместе повсюду. Чистяков — автор гениального стиха:

> *«Вот по дороге едет ЗИМ,*
> *И им я буду задавим».*

Наталья Александровна Свенцицкая, его жена, физик. Работала и в ГАО, и (до самой пенсии) в ГОИ (Государственный оптический институт имени Вавилова). Знаменита ещё и тем, что

это она придумала для АБС название «Понедельник начинается в субботу».

Владимир Семёнович Корепанов, инженер, изобретатель. Много лет в ГАО и, единственный из всех, до сих пор продолжает работать по специальности.

Галина Израилевна Зигберман, его жена, тоже инженер, но уже на пенсии и нянчит внука.

Все они люди славные и замечательные. О каждом из них БН мог бы написать отдельный рассказ или даже повесть, но он никогда не ставил перед собой такой задачи, и нам остаётся только угадывать черты этих людей среди персонажей книг АБС.

4 октября 1957 года Советский Союз запустил на орбиту первый искусственный спутник Земли. Курт Воннегут тут же откликнулся на это событие ядовитой фразой в романе «Сирены Титана» (на русский его переведут только уже в перестройку): «Давно миновало то время, когда одна нация старалась переплюнуть другую, запуская в бездонную пустоту разные тяжёлые предметы». Отношение к свершившемуся в нашей стране было совсем иным, а особенно среди астрономов и фантастов.

> «Насколько я помню, — рассказывает БН, — это был сплошной телячий восторг: песни, пляски, карнавалы и сатурналии. Наша компания в Пулкове сотворила целый фильм о спутнике — рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон МАГ-8, кажется. Работали над ним ночами, сгорая в пламени энтузиазма. Это было ощущение прорыва в будущее. Это было счастье».

Для людей новой эпохи следует пояснить, что это за фильм такой они делали. Хитрые на выдумку астрономы брали длинную полосу обоев и на светлой стороне цветной тушью рисовали картинки, кадр за кадром и писали слова — титры. Потом эту полосу, скатанную в рулон, протягивали вручную через специальный проектор с сильной лампой, который с помощью системы линз и зеркал переводил увеличенное изображение на киноэкран в зале. Одновременно с магнитофона звучал заранее записанный текст — в стихах и с музыкальным сопровождением. Этот фильм о спутнике произвел фурор, и не только в Пулкове, но и на некоторых международных конференциях.

Вот в процессе такого самоотверженного творческого труда они и сдружились по-настоящему с Сашей Копыловым. БНС

отвечал за стихи и чтение оных с выражением, а Саша — за всю электротехнику (магнитофон, музыка, свет). А вообще фильм делала большая команда: там и пели, и рисовали, и конструировали, наконец, это всё просто надо было придумать. Исключительно по ночам, другого времени не было.

Успешный опыт пригодился потом. Именно Стругацкий, Копылов и Свенцицкая частенько занимались изготовлением очередных номеров стенгазеты «За новое Пулково» (читай: «За передовую магию»). Процесс создания этой газеты весьма ярко описан в «Понедельнике…».

Ну а когда Хрущёв даровал народу автопрокат в самом начале 60-х, Сашка был первым из их компании, кто записался на курсы вождения, и тотчас же начал подбивать остальных. Так начиналась эпоха автопутешествий — вшестером или даже ввосьмером они мотались на машинах по Прибалтике и Белоруссии, по Украине и Карелии, по всей европейской России, а в новейшие времена — и по Финляндии немного.

Александр Иванович Копылов умер в 2003 году. Мне довелось однажды повидать его — в сентябре 1990-го, когда вместе с БНом он приезжал в Дубулты в Дом творчества на наш последний Всесоюзный семинар фантастов. А я был там старостой и оформлял им бумагу в местной тогда ещё милиции на въезд в курортную зону на личном автотранспорте.

Вернёмся в год 1957-й.

«Страна багровых туч» сдана в издательство. А страна багровых знамён готова перемешать цветовую монотонность со всеми красками мира. В конце июля в Москве открывается Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Небывалый наплыв иностранных гостей: 34 тысячи человек из 131-й страны. Весь мир в шоке — нет больше железного занавеса!

В журнале «Техника — молодёжи» с самого начала года и до 11-го номера (с перерывами на 7-й и 10-й) печатается с продолжением сокращённый вариант «Туманности Андромеды», и её читают взахлёб уже не только любители фантастики, потому что это — событие!

На экраны выходят потрясающие фильмы: только что, в 1956-м, дебютировали яркий, самобытный Григорий Чухрай — «Сорок первый», тонкий лирик Марлен Хуциев — «Весна на Заречной улице», ворвался праздничным новогодним вихрем Эльдар Рязанов — «Карнавальная ночь», а в июне 1957-го состоялась премьера одного из самых уникальных киношедевров мира — «Летят журавли» Михаила Калатозова. Кроме этого — «Дом, в котором я живу» Кулиджанова и Сегеля, «Дон Кихот» Козинцева,

«Высота» Зархи… А какие фильмы вышли в тот год на мировые экраны! Наш зритель увидит их позже, некоторые сильно позже, но всё-таки в один год: «Ночи Кабирии» Феллини, «Седьмая печать» и «Земляничная поляна» Бергмана, «Крик» Антониони, «12 разгневанных мужчин» Люмета… Поэты собирают стадионы. Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, Казакову, Ахмадулину узнают на улицах, как кинозвёзд. Открывается театр «Современник» на Маяковке. Только запустили в космос первый спутник — и тут же, 3 ноября — второй, с несчастной Лайкой на борту. Лайку было жалко. А в остальном — всё просто здорово! Вот только бы ещё повесть напечатали…

Они сдали рукопись в редакцию в апреле, а на дворе уже октябрь. Полгода идёт интенсивная переписка с редакторами и рецензентами, делаются бесконечные поправки, и параллельно не менее интенсивно идёт обдумывание старых и новых замыслов — нельзя, нельзя останавливаться на достигнутом!

Правда, лето у них, у обоих традиционно считается не временем для работы, скорее всё-таки временем для отдыха, для накапливания впечатлений и неторопливого анализа оных на предмет включения в будущие тексты.

Летом 1957-го БН втянут авантюрно настроенными друзьями в весьма необычную поездку. Это и не работа (никакого отношения к астрономии) и не отдых в полном смысле — потому что трудиться надо. Он едет с археологической партией в Пенджикент Сталинабадской области Таджикской ССР. Место знаменитое, его даже иногда называли среднеазиатскими Помпеями. Вообще Пенджикент в переводе означает что-то вроде «пятисёлок», то есть пять селений в раннем средневековье объединились в один город — крупный по тем временам, лежащий на караванном пути из Самарканда к горам Кухистана. С пятого века и до наших дней город разрушался и строился неоднократно, потому и копать там было что. Собственно, группа, в которой работал БН, жила не в самом городе, а в полусотне километров от него на раскопках так называемого замка Апида.

> «Находки были по преимуществу — глиняные черепки разных размеров, форм и видов — обломки разнообразных древних горшков и кувшинов, среди которых попадались и гигантские, они назывались — хумы. Черепки аккуратно складывались в вёдра и корзины, их предстояло ещё самым тщательным образом отмывать, а потом — сортировать и классифицировать… По мере того как солнце поднималось, жара становилась

> непереносимой, горячий ветер гнал желтые тучи лёсса, рабочие всё чаще присаживались покурить свою анашу и каждый раз курили её всё дольше. И наконец пан-шеф-отец объявлял обед…» («Поиск предназначения»)

Это было уже второе возвращение БНа к воспоминаниям о той поездке — первая запись впечатлений сделана по горячим следам и легла в основу второй части маленькой повести «Извне». Собственно, в этой второй по времени написания и условно первой по времени публикации вещи очень заметно, что писали её три разных человека и в разное время. Первую главу писал, понятно, АН; вторую, с такой же очевидностью, БН; а третью — очень юный, очень неопытный ещё писатель АБС. Ну и получилось то, что получилось. Сегодня-то я, конечно, с огромным удовольствием перечитываю подзабытые страницы, умиляясь, как много там документально точных деталей быта, отмечая высокое уже мастерство в описаниях и диалогах, узнавая по отдельным словечкам будущую манеру зрелых писателей… Но это всё гурманские штучки, а для объективной оценки, надо, разумеется, вспомнить своё первое впечатление от «Извне». Я прочел эту повесть по изданию 1980 года практически после всего изданного к тому моменту, и как же я был разочарован! Это — Стругацкие? Это — Стругацкие?! Я просто не верил, что они могли написать такую плоскую и беззубую вещь в духе советской фантастики 1950-х. Ну, невдомёк мне было, что это и есть советская фантастика 1950-х.

Итак, в конце 1957-го пишется «Извне», тогда же замышляется «Спонтанный рефлекс», и всё это в том или ином виде на следующий год выходит в свет, да и с изданием «Страны багровых туч» какие-то надежды брезжат. Окрылённые братья придумывают и пишут новые рассказы. И пять успевают выйти в 1959-м, едва ли не раньше их первой книги: «Шесть спичек», «Забытый эксперимент», «Частные предположения», «Белый конус Алаида» — в журнале «Знание — сила», а также «Испытание СКР» — в журнале «Изобретатель и рационализатор», и ещё раз «Шесть спичек» в молодогвардейском сборнике «Дорога в сто парсеков», что важно — расширяются контакты с издателями. И всё это нарастает, как снежный ком: в 1958-м вышло два рассказа — написано шесть, в 1959-м — вышло пять, а написано полтора десятка…

То был короткий, но бурный период увлечения малой формой.

За всю свою творческую жизнь АБС напишут около тридцати

рассказов. Да именно так: около тридцати. Точно подсчитать никто не сумел. Можно сказать и «около пятидесяти» — если собрать в кучу все ранние опусы, сотворённые порознь, и все забракованные варианты, порою так непохожие на окончательные произведения. Есть и ещё одна тонкость: целый ряд рассказов, вошедших в повесть «Возвращение», никогда не публиковались отдельно, хоть и имеют вполне самостоятельный сюжет. Некоторые наоборот — публиковались, но являются очевидными главами повести.

А есть и такое замечательное признание БНа совсем недавнего времени:

> «С „Уральским следопытом“ связана одна из самых таинственных историй в нашей биографии. Судя по моим письмам к АН, я (лично) послал туда наш новый рассказ. Рассказ (судя по письмам) был принят. Куда он потом делся? Был ли напечатан? (Знатоки говорят: нет). Где копия рукописи? Где черновики? О чем рассказ, блин!!!? Нет ответов. И что-то не предвидится».

И это заметьте, 1964 год, писатели работают уже более чем профессионально, но… рукописи теряют.[6]

Ну и как прикажете подсчитывать рассказы АБС? Вообще-то, их надо не считать и пересчитывать, а читать и перечитывать.

Что касается хронологического порядка написания рассказов и происхождения замыслов, мы в очередной раз отсылаем дотошного читателя всё к тем же «Комментариям…» БНа.

Со своей стороны отметим особо лишь несколько произведений.

«Извне» следует упомянуть просто потому, что в бытность свою ещё рассказом, а не повестью, он стал первой совместной публикацией АБС, увидев свет в январском номере «Техники — молодёжи» за 1958 год. Удивительно, кстати, этот популярный молодёжный журнал формально открыл читателям братьев Стругацких — дебют есть дебют, факт из истории не вычеркнешь — однако в последующие годы АБС не печатались на его страницах ни разу, если не считать двух статей, одного предисловия и одного интервью, весьма примечательного, но о нём разговор позже.

«Спонтанный рефлекс» важен для нас лишь тем, что был первым тщательно придуманным и аккуратно записанным братьями в режиме пинг-понга — может быть, слишком тщательно и слишком аккуратно. Это настоящая, классическая до

оскомины научная фантастика. Самой идее рассказа уделялось слишком большое внимание в ущерб литературной составляющей. Может, из-за этого с ним пришлось так долго мучиться, как, впрочем, и со многими другими рассказами того же свойства.

Если говорить о Литературе с большой буквы, то, как правило, короткие рассказы пишутся профессионалами задень или за два, просто потому, что их надо писать на одном дыхании, на другом дыхании — получается уже другой рассказ. Вот в больших формах, там, как у стайеров, открывается второе дыхание, третье, да хоть тридцать третье, но всё то же. А не другое. В этом один из главных секретов мастерства — поймать настроение и не терять его столько, сколько нужно. Всему этому они научатся, и при том очень быстро. Ну а пока, в эти первые годы, увлечённые новеллами, они выдают увлекательные, добротные, складные и очень неравноценные вещицы.

«Шесть спичек» не случайно оказались самым переиздаваемым рассказом — в нём нестандартный поворот темы. Наискучнейшая и затёртая сегодня идея телекинеза, тогда, полвека назад, в советской фантастике была по-настоящему революционной. Об этом как-то никто ещё не писал, а после — словно прорвало. Ну и нетривиально поднятая проблема советского героизма. Не просто романтизация подвигов, а именно проблема. Да, авторам эмоционально симпатичны все эти физики, бросающиеся грудью на смертельные дозы радиации в мирное время. Но умом они уже понимают, как это нелепо, нерационально. Они уже видят, как вся эта дурная корчагинщина выродится к концу 1970-х в абсурдный подвиг парня, погибшего при тушении ватником загоревшегося колхозного поля. И не в «Шести ли спичках» таился зародыш пелевинского «Омона Ра» — настоящей эпитафии советской фантастике и советскому героизму?

Совершенно особо следует отметить «Забытый эксперимент», и вовсе не за столь дорогую авторам новую концепцию перпетуум мобиле. Бог с ними, с этими козыревскими идеями, тем более что теория так и осталась по сей день красивой заготовкой для фантастов. В «Забытом эксперименте» куда интереснее начало. И это, заметьте, не сегодняшнее впечатление буквоеда-биографа, а тоже воспоминание о давнем, первом прочтении. «Забытый эксперимент» — это же настоящий, вполне законченный, написанный уверенной рукою и даже не без блеска эскиз к «Пикнику на обочине». Тут есть не просто Зона, тут есть даже люди, идущие в неё впервые, и те, кто уже имеет опыт, то есть своего рода «сталкеры». Психологический расклад той первой

главы будущего «Пикника…» отрепетирован полностью, и это впечатляет. И не случайно чуткие редакторы в «Знании — силе» просят поубавить науки в этом рассказе и называют его «настоящей художественной литературой без скидок».

А вообще, если говорить о литературных вершинах в новеллистке АБС, то я бы отметил, безусловно, на первых местах «Белый конус Алаида», «Глубокий поиск», «Почти такие же», «В наше интересное время», ну и, пожалуй, «Свидание». В них есть всё: и пейзаж, и лирика, и диалоги с подтекстом, и хемингуэевская лаконичность, и бунинская выверенность первой и последней фразы, и по-чеховски мягкий юмор. Кстати, приближаются к ним по изяществу «Злоумышленники» (если б ещё не знать, что это переложение Киплинга!), а также «Человек из Пасифиды» — рассказ второй по времени написания и совершенно незаслуженно замордованный БНом в «Комментариях…». Вовсе не воспринимается он сегодня как антиамериканский (нам, татарам, всё равно, что япошки, что янки — и те и те на букву «я») — воспринимается он как милая шуточка. Фантастики захотели? А вот фигушки вам! Получите простой рассказик из послевоенной дальневосточной жизни. Но вы только вслушайтесь, как шумит в этом рассказе океанский прибой! А какой исходит от него аромат морской воды и молодой хвои на кривых японских соснах!.. Всё-таки великое дело, когда автор пишет о том, что знает хорошо и не понаслышке. Да и с языком там тоже всё изумительно — чувствуется, что не в дежурке хабаровского штаба округа последняя точка ставилась, а уже в Ленинграде БН тщательно с текстом поработал.

Ну и что касается самых последних рассказов АБС — восторгов они не вызывают. Потому что и сами авторы к короткому жанру охладели, но каждая из этих миниатюр, нельзя не признать, выполнена на высокопрофессиональном уровне. Ну, ещё бы! «О странствующих и путешествующих», «Первые люди на первом плоту» и «Бедные злые люди» написаны в 1962–1963 годах, то есть в период их первого настоящего триумфа и осознания собственных сил.

Завершая этот рассказ о рассказах, хочется напомнить вот о чём. То есть что значит — напомнить? Я просто уверен, многие никогда и не слышали, что уже самый первый рассказ АБС «Извне», вышедший в свет в 1958 году, был тогда же — в тот же год! — переведён на венгерский, румынский и польский языки. А в 1959-м «Шесть спичек» на румынский, «Частные предположения» на болгарский, а «Спонтанный рефлекс» на немецкий и — что уж совсем невероятно! — на английский язык в Чикаго.

Для тех, кто не в курсе: английские и особенно американские любители фантастики никогда и никого, кроме своих, не читают. Но тут и они сделали исключение. Да, мы знаем, что это журнал «Знание — сила» организовал обмен фантастикой с США, но поверьте, никогда бы не стали американцы печатать то, что не сочли достойным. А очень скоро по проторенной ими дорожке двинулись французы, итальянцы, японцы… Вообще, о том, что эти первые публикации не были просто случайностью, просто откликом на наши политические реформы или повышенным интересом к НФ в целом, можно судить по дальнейшей динамике зарубежных изданий Стругацких с постоянно расширяющейся географией: 1960 год — 3 опубликованных перевода, 1961 — 12, 1963 — 14, 1968 — 21, 1973 — 23, 1978 — 27, 1984 — 33, 1988 — 44. Чтобы не утомлять лишними цифрами, которые, конечно же, колебались, я специально даю выборочные результаты, показывающие, однако, общую тенденцию к росту. А главное — начиная с конца 1960-х зарубежных изданий всегда было больше, чем внутри страны, и ситуация эта изменилась только в 1990-е годы. Сотрудники Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), ныне это Российское авторское общество (РАО), свидетельствуют, что Стругацкие на протяжении всех этих лет были неизменными лидерами по изданиям за рубежом — не среди фантастов, а среди всех советских писателей вообще. Причём в 1970-е и позже помимо переводов стало выходить ещё много их книг за границей на русском языке. Но это совершенно отдельная тема.

Сейчас же мы говорим лишь о том, что зарубежные издатели и переводчики, следившие за новинками советской литературы (а в годы оттепели, поверьте, было за чем следить), выделили АБС из общего потока безошибочно и сразу. Конечно, и читатели в СССР не могли не заметить отличия Стругацких от всех прочих фантастов, просто на примере зарубежных изданий это нагляднее. Ну, как отследить объективно резонанс внутри страны в те годы? Что такое рейтинги и социологические опросы, тогда никто и слыхом не слыхивал, специализированной прессы не было, а литературная критика фантастику высокомерно не замечала.

Однако читатель ждал и требовал именно фантастики, интерес к этому роду литературы возрастал просто по экспоненте, со скоростью рвущихся в космос реальных ракет. И несмотря на полное отсутствие в Советском Союзе рыночной экономики, принцип «спрос определяет предложение» всё-таки сработал. Фантастов начали печатать. Без громких деклараций и высоких партийных постановлений — просто печатать, потому что нельзя

же было не понимать, что именно и только фантасты в эпоху бурного развития науки и ошеломляющих своей смелостью социальных реформ могут стать настоящими создателями новой идеологии; настоящими духовными лидерами общества.

А уж кто у нас лидер среди фантастов, умные поняли ещё в 1960 году. В 1962-м это были вынуждены признать все, кто маломальски разбирался в НФ по эту и по ту сторону границы. А году к 1968-му о безусловных лидерах нашей фантастики знала уже вся страна и весь мир, включая тех, кто вообще фантастику не читает.

Вот любопытная запись в дневнике Аркадия от 25.06.65:

> «Был у И.А. *(Ефремова. — А.С.)* Он впервые прямо сказал, что молодежь больше любит Стругацких, чем Ефремова. Мне показалось, что у него это получилось с горечью. Было очень неудобно. Рассказывал о ленинградском критике, который собирается писать большую монографию о советской фантастике, где рассмотрит подробно Беляева, А. Толстого, Ефремова и Стругацких».

Да, отношения между Ефремовым и Стругацкими всю жизнь строились на принципе «старший — младший». А как иначе? Слишком большая разница в возрасте. Да, Иван Антонович надписывал им свои книги с добрыми и очень конкретными пожеланиями. Да, он не однажды реально помогал им в сложных ситуациях. Но следует признать честно, что ни Аркадий, ни Борис с самого начала своей работы в литературе не считали себя учениками Ефремова. Другая стилистика, другие взгляды, другой подход и полная убеждённость в том, что выучить на писателя невозможно. Просто они оба с огромным уважением относились к Ивану Антоновичу, как к человеку и учёному. Книги «Чифа» (то есть шефа по-английски), как они с любовью называли его между собой, конечно, повлияли на творчество братьев, но не как образец литературного мастерства, а как явление общественное, как пример небывалого прорыва в новое измерение. Вот что говорит о нем БН сегодня:

> «Это был воистину „матерый человечище“ — гигант мысли, великий эрудит, блистательный рассказчик и бесстрашный боец. Он был подлинным лидером фантастики 60-х, пролагателем новых путей и

защитником всего нового. Конечно, писателем он был неважным, да он и сам не претендовал особо на это звание — считал себя в первую очередь философом, мечтал писать трактаты и „Диалоги“ в манере древних. Те жалкие людишки, которые мнят себя сейчас и объявляют последователями „школы Ефремова“, просто ничтожные пигмеи, копошащиеся в тени титана».

А вот что написал Ефремов БНу на «Часе Быка»:

«Дорогому Борису Натановичу Стругацкому на добрую память от автора. 25 мая 1971 г.». И стихи: «Летели, клубясь, водопады / На скользкий тянь-шаньский гранит, / Где пуля из тайной засады / Негаданной смертью грозит!» И ниже в скобках: «С. Марков. Рубежи».

Весьма символичный и невесёлый автограф: Ивану Антоновичу жить оставалось всего-то полтора года, а всякие коварные пули в то нелёгкое время грозили и ему, и Стругацким.

И ещё одна весьма характерная запись из дневника АНа 1962 года:

«Сегодня ездил в Абрамцево к Ефремову. Отличный человек — добрый и умный, и ненавидит дураков».

В качестве названия к одному из своих последних рассказов АБС взяли строчку из «Капитанов» Николая Гумилёва:

…А вы, королевские псы, флибустьеры,
Хранившие золото в тёмном порту,
Скитальцы-арабы, искатели веры
И первые люди на первом плоту!
И все, кто дерзает, кто хочет, кто ищет,
Кому опостылели страны отцов,
Кто дерзко хохочет, насмешливо свищет,
Внимая заветам седых мудрецов!..

Как это было созвучно тому времени! Фантастика

неожиданно (а для кого-то и вполне ожидаемо) стала первым плотом в литературе. С этим, мягко говоря, не все соглашались, особенно на фоне тогдашних громких оттепельных публикаций. Но с дистанции в полвека уже не ошибёшься — большое видится на расстоянии. А ведь мы же и говорим только о больших фантастах — о первых людях на этом первом плоту.

Глава девятая
ПОСЛЕДНИЕ ИЛЛЮЗИИ

«Мы уверены: коммунизм — это не жирный рай проголодавшегося мещанина и не сонно-розовая даль поэтического бездельника, коммунизм — это последняя и вечная битва человечества, битва за знание, битва бесконечно трудная и бесконечно увлекательная. И будущее — это не грандиозная богадельня человечества, удалившегося на пенсию, а миллионы веков разрешения последнего и вечного противоречия между бесконечностью тайн и бесконечностью знания».

А. и Б. Стругацкие

(Из ответа на анкету журнала «Техника — молодёжи», № 10, 1961)

«…Я выезжаю к вам, будем неделю работать, как проклятые».

(Из письма А. Стругацкого — Б. Стругацкому, 19 марта 1958 г.)

Вопрос: на каком фоне рождалась и оформлялась в книги эта яростно-наивная и отчаянно-оптимистическая философия? Кстати, чуточку слишком яростная: «Юпитер, ты сердишься, значит, ты неправ». Они ещё убеждают всех вокруг, что правы, но уже сами себе немножечко не верят. А фон-то, в общем, весьма будничный: и работы всякой невпроворот и домашних забот не меньше. На совместное творчество времени остаётся не так уж много…

Начнём со старшего брата и с 1958 года. Вот что он пишет младшему о грядущем переходе на новую работу (письмо датировано 19 марта, но пишется, как мы поймем из

дальнейшего, накануне):

> «…Сегодня был у меня очень интересный день. Пришёл это я в Детгиз, сдал последнюю вёрстку „Пепла“, а мне и говорят: „Переходите работать к нам. Сначала для вида поработаете с научно-популярной литературой, а затем с богом и за научную фантастику“. Я, конечно, перепугался и пока ничего определённого не ответил. Там видно будет».

А теперь заглянем в личный дневник АНа. В те годы он взял за правило все даты и дни недели записывать по-японски. Так что мне как биографу пришлось снять с полки учебник японского языка и потратить некоторое время на изучение их числительных. Кстати, всё оказалось совсем не так сложно.

17 марта, понедельник (это я сам перевёл!):

> «…Звонил Боровик *(да, именно тот — будущий тележурналист Генрих Боровик, он тоже одно время работал в Гослитиздате. — А.С.)*, сообщил, что в Детгиз нужен ст. редактор по научной фантастике. Завтра иду посмотреть.
>
> „Спон. рефл.“ взят с машинки — 30 р. Вместо „триггеров“ напечатали „триперов“. Последняя часть меня не удовлетворяет».

18 марта, вторник:

> «Зашёл в Детгиз, сдал сверку Черненко, она показала мне, где Компанеец *(Василий Георгиевич Компанец, главный редактор издательства. — А.С.)*. Затем отправился в Мол. Гвардию. Моралевича не было, сдал рукопись ему на стол. Меня связали с Бертой *(с Белой, разумеется. — А.С.)* Григорьевной Клюевой, 41 к. 5 эт. Очень симпатичная бабочка. Договорились, что я представлю ей аннотации на наиболее интересные вещи. Затем поехал к Боровику, получил „Семь лет“ и вернулся в Детгиз. Говорил с Компанейцем. Оказывается, им нужен редактор не для НФП *(научная фантастика и приключения. — А.С.)*. А для научно-популярной л-ры.

> Говорил с Касселем. Он меня успокаивал. Договорились встретиться в четверг на предмет внештатной работы. Купил 4 папки».

Четыре папки — вот что важно! Четыре папки для будущей нетленки наверняка его утешили сильнее, чем разговор с Касселем. Ну, не берут пока на НФ — и ладно, перебьётся, будет работать, как и прежде. А брату напишет, что всё хорошо, чтобы не беспокоился. Какая, в конце концов, разница — штатно работать, внештатно — главное работать.

14 апреля умер мамин брат дядя Саша, тот самый мясник, который подкармливал юного Аркадия в войну и женить пытался… Звонки, телеграммы, похоронное бюро. И в тот же день пришлось тащиться ещё и на занятия по основам оружия массового уничтожения, проводимые военкоматом в ДК имени Горбунова. А похороны были 16-го.

Весь май и всё лето он плотно работает над акутагавским «Каппой» («В стране водяных»), редактирует сразу на два издательства, при этом в одно регулярно ходит, переписывается с БНом, и они что-то всё время придумывают, наконец, он очень много читает.

В начале августа случаются сразу два приятных события: 6-го приезжает Борис, чтобы поработать в отпуске до 18-го, а 7-го они вдвоём идут в Домжур, и там АНу вручают давно обещанный членский билет Союза советских журналистов.

Принято считать, что СЖ СССР был создан только в 1959-м. Это не так: журналистский профсоюз существовал ещё с начала 1920-х, а в 1959-м произошла лишь смена вывески и реорганизация, ничего принципиально не давшая. Членство в ССЖ никогда не позволяло не работать — скорее наоборот, обязывало иметь профессию, связанную с прессой, но всё-таки это был какой-то статус, и начинающему писателю жить помогал.

Симпатичная запись сделана 19 октября, в пушкинский День лицея:

> «Купил шкаф за 1300 руб. И 150 р. за перевозку. Вот и всё. Мне больше нечего желать в материальном смысле».

И ещё одну сторону жизни мы несправедливо обошли стороной. АН часто ходит в кино, но положительных впечатлений мало. Вот одно из них — 12 ноября:

«Смотрел „Очередной рейс“. Весьма неплохо».

Вкус не изменяет ему. Это был первый фильм сценариста Бориса Васильева. Будущего автора «А зори здесь тихие…», «Офицеров», «Завтра была война» и ещё многих великолепных повестей и сценариев.

С 4-го по 8-е декабря АН в Ленинграде. В дневнике по пунктам перечислены все тамошние впечатления:

> «1. Борис получил деньги за СБТ *(очевидно, АН привез ему какой-то аванс по договору, возможно, это и был главный повод для поездки. — А.С.)*.
>
> *2.* Борис устроился на работу в лаборатории счётных машин.
>
> 3. Составили подробный план СБП *(„Страшная большая планета“, будущий „Путь на Амальтею“. — А.С.)*.
>
> 4. Борис дал идею „Возвращения“ и отверг „Букет роз“.
>
> 5. Я начал в хемингуэевском духе „Глубокий поиск“.
>
> Пили, веселились, но было грустновато».

Ещё бы не грустновато! Это их всего лишь третья встреча за весь год.

Редактор из «Детгиза» Черненко подбила его 21 декабря выступить в Доме детской книги. Не избалованный подобными приглашениями автор согласился. Вот что из этого вышло:

> «Был в Доме детской книги. Разочарован. Пришлось говорить с малышами 6–8 классов. Но им всем нравится „Пепел Бикини“. Единственное утешение. Купили бутылку водки, и я её за обедом выпил. Наташка больна. Читал ей „Барона Мюнхгаузена“. Играли в карты. Хотелось спать, а заснуть не мог долго».

В дневнике за 1959-й год значительно меньше записей об англоязычной фантастике и больше о собственных с БНом рассказах, сочиняемых под рабочими названиями, которые

зачастую нелегко расшифровать. Много записей о прохождении «СБТ» по уже последним кругам ада. Много всяких встреч — с Лёвой Петровым, с Володей Ольшанским, с Зиновием Юрьевым, с Ефремовым, один раз с Ильёй Эренбургом (от «Гослита» ездил за французским переводом Нома Хироси). По-настоящему значимых событий не слишком много. Впрочем, дневник прерывается посреди года, 3 июля, категорической записью о том, что вести его дальше таким же образом автор не видит никакого смысла. Жаль — мы придерживаемся несколько иного мнения.

2 февраля по телевизору показывают фантастов. О чем-то спорят Немцов, Казанцев и Андреев. АН пишет об этом не как о событии, а просто — ему любопытно было посмотреть. А нам любопытно узнать, что тогдашнее телевидение с его очень скромной аудиторией было куда лояльнее настроено к фантастике, чем в более поздние годы (и даже в новой России).

С 16 по 30 марта — снова ненавистные военные сборы.

18-е апреля. Хочется процитировать:

> «Борис прислал „Возвращение“. Ничего. Начало хорошее, надо его развивать».

4 мая напомнили звонком, что он завтра в 2 часа, то есть после уроков, выступает в школе № 71 на Большой Филёвской. Любопытно сравнить эти новые впечатления с записью о декабрьской встрече с детьми. То ли опыта набирается, входит во вкус, то ли просто настроение лучше.

5 мая. Это день рождения И. М. Ошанина:

> «Немного подготовился к докладу. Прословарил 2 стр. Нома. Сделал доклад-собеседование на 45 м. Все довольны, ребята тоже. Купил „Каллисто“ Мартынова. Затем с Ленкой взяли в Пекине жратву. Поднёс И.М. набор авторучек 170 р. Пьянствовали, ели китайский чифань *(в данном случае имеется ввиду просто китайская еда. — А.С)*. Звонила Иоффе».

А 23 мая АН провожает Лену со всеми детьми (Наташей, Машей и Лёшей) на Юг, сажает в поезд, и тут же творческая мысль начинает работать с удвоенной скоростью. Ему приходит в голову, как спасти забракованный Борисом «Букет роз». Его надо написать по принципу знаменитого рассказа Акутагавы «В чаще»,

где каждый излагает свою версию событий, отличную от других. Примерно так у них и будет сделано в итоговом варианте «Частных предположений».

24-го аукнется его выступление в начале мая. Один из школьников пришлёт свой рассказ:

> «Получил <…> рукопись в школьной тетрадке от ученика 8 „б“ класса 71 школы Брычкова Юрия, 15 л. „Изобретение профессора Мингрони“. Написано грамотно, хотя всё сплошная хэллобобщина. Написал развёрнутый ответ».

Он ещё находит время на развёрнутые ответы мальчишкам! Любопытно было бы сегодня попробовать найти это письмо у Брычкова Юрия, 1944 года рождения…

Лето промелькнёт быстро, а осенью, наконец, состоится его полноценный переход с одной работы на другую. По зарплате разницы не было. Что тогда получал обычный редактор? Конкретно АН — одну тысячу четыреста рублей. Не так плохо, но это вам не две с половиной, а то и три тысячи офицерских на Дальнем Востоке! Могли, конечно, положить в «Детгизе» и полторы, но скорее дали ещё меньше, чем в «Гослите». Так что аргументы были не материальные. При всей своей любви к японщине фантастикой АН увлекался в то время уже куда сильнее, и хотелось ему работать по своей настоящей специальности. А вдобавок он понимал, что, находясь внутри издательства, будет иметь больше возможностей печатать то, что они с братом пишут.

Юридическое оформление этой «охоты к перемене мест» затянулось в основном в связи с тем, что АН добивался непременного перевода, а не просто увольнения и поступления. Перевод приравнивался к непрерывному стажу работы на одном месте, это влияло на величину пенсии и при тогдашней жизни казалось необычайно важным. Кто б ещё знал, что лет через тридцать это станет вообще никому не нужно, а уж Стругацкому — тем паче! В процессе сражения за перевод стало ясно, что далеко не все в «Детгизе» так жаждут его прихода. Но проявивший инициативу Исаак Маркович Кассель (редактор «Страны багровых туч») был весьма настойчив, а к тому же, что было ещё существеннее, за Аркадия поручился сам Иван Антонович Ефремов.

В общем, выходил он на новую работу не как молодой

специалист, а как редактор с опытом. Это во-первых. Во-вторых, ещё и как автор именно этого издательства. «Пепел Бикини» давно вышел, «Страна багровых туч» — только что. В-третьих, это не он предлагал себя, а ему предложили и его рекомендовали. Такую возможность нельзя было упускать, и он не без грусти попрощался с теплым коллективом «Гослитиздата», пообещав не пропадать надолго, но и не без радости окунулся в новые проблемы.

И сразу ему повезло. Заведующая редакцией фантастики Мария Михайловна Калакуцкая — дама строгая и, безусловно, человек старой закалки, не проявляла особой доброжелательности к Аркадию, но определила его в помощь Нине Берковой, его ровеснице — симпатичной, умной, талантливой, с хорошим искусствоведческим образованием и незаменимым для редактора вкусом к художественной прозе. Калакуцкая сказала Берковой: «Ну, вот, теперь вы будете… как это говорится? Мы с Тамарой ходим парой». Что она имела в виду, Нина не решилась переспросить, но Мария Михайловна как в воду глядела: редактура у каждого была своя, но общий язык они нашли сразу, понравились друг другу по-человечески, помогали во всём, и чем серьёзнее становились дела с изданием АБС, тем всё больше им случалось «ходить парой» не только по этажам «Детгиза», но и по самым разным инстанциям. Даже через много лет, когда АН уже совсем нигде не работал, а Нина Матвеевна трудилась на всяких ответственных должностях в СП СССР, их «хождение парой» по весьма высоким кабинетам продолжалось с завидным и теперь уже утомительным постоянством.

Нина Матвеевна Беркова была человеком удивительным и во многом даже загадочным. Я лично был знаком с нею больше пятнадцати лет, но, когда она умерла в 2003-м, с удивлением обнаружил, что очень мало о ней знаю. Точно так же мало знают и другие наши общие знакомые. Совсем недавно я разговаривал с сыном Нины Матвеевны — Сергеем Марленовичем, и оказалось, что даже он знает о матери гораздо меньше, чем это бывает в обычных семьях. Вот краткая биография Нины Матвеевны Берковой. Родилась в 1925 году в очень интересной семье: мать была из разночинцев, получила прекрасное университетское образование и занималась всю жизнь античной литературой, умерла в 70-х годах. Отец же на двадцать с лишним лет старше матери был из старых социал-демократов, попал в Туруханский край ещё в самом начале века и бежал оттуда через Японию и США вместе с Львом Григорьевичем Дейчем — одним из легендарных отцов первой русской марксистской группы

«Освобождение труда». Матвей работал с ним в Европе, после революции вернулся на родину, женился, занимался не столько политикой, сколько бизнесом — это в советской-то России! Был активным членом «Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев», в 1935-м благополучно пережил разгон этого общества, затем все репрессии 1937-го, остался персональным пенсионером с пенсией в 400 рублей (по довоенным временам зарплата большого начальника) и умер в 1948-м своей смертью. Это всё, что мы знаем. А дальше начинается собственно биография Нины.

В сороковые она оказалась в эвакуации в Тбилиси, там закончила школу, из-за войны очень поздно, потом поступила на истфак МГУ (отделение искусствоведения), слушала лекции Николая Ивановича Ливана (вообще-то он читал на филфаке), диплом делала у Бориса Борисовича Пиотровского, будущего директора Эрмитажа (получается, что в Ленинграде — ещё одна загадка), а по окончании университета стала работать в Главлите. Согласитесь, довольно странное распределение. И хотя папа к этому моменту уже умер, надо думать, без его связей тут не обошлось. Завербовали её там, в Главлите, за те два-три года или нет — мы не знаем. Цензура в то время подчинялась уже напрямую ЦК, а не Министерству просвещения, но курировалась она во все времена чекистами. Об этой своей работе Нина Матвеевна ничего и никому не рассказывала за все двадцать с лишним лет редакторства в «Детлите». Занималась она всё время фантастикой, одновременно писала книги сама под псевдонимом Н. Матвеев — очень разные книги, общим числом десятка полтора-два. Первая вышла ещё под настоящей фамилией в 1962-м в издательстве «Физкультура и спорт» — «Куда ведут следы легенды?» с подзаголовком «Увлекательное путешествие по Армении». Была ещё книга о цирке, была «Принцесса науки» — о Софье Ковалевской. А вообще, всё больше тянуло её на документальные и биографические повести в сериях «Честь. Отвага. Мужество» и «Героическая биография» в «Молодой гвардии», а также в «Политиздате» — о белорусских партизанах, танкистах, моряках, подпольщиках. Однажды героем Нины Матвеевны стал даже печально знаменитый чекист Глеб Бокий — соловецкий душегуб, один из отцов ГУЛАГа, наверно, в серии «Пламенные революционеры». Беркова часто ездила выступать перед читателями в воинские части, удивляя солдат и офицеров несоответствием своего внешнего облика содержанию книг — маленькая, кругленькая, пухленькая женщина, вот тебе и Николай Матвеевич Матвеев, как писали иногда в выходных данных! Она ещё в 1960-е стала членом Союза писателей и ближе

к концу 1970-х перешла на работу в аппарат СП СССР. Должности были разные, но под конец это называлось «ответственный секретарь Комиссии по фантастической и приключенческой литературе». В 1991 году, в шестьдесят шесть лет здоровье было уже не то, и она собиралась передать свой пост Виталию Бабенко, но тут у нас случилась очередная революция, и вся структура СП рухнула в одночасье.

Ну и ещё два штриха к биографии. Нина Матвеевна всю жизнь прожила без мужа, Серёжу, родившегося в 1956-м, растила и воспитывала одна, однако в декабре 1966-го въехала в большую новую квартиру в небезызвестном доме в Волковом переулке у метро «Краснопресненская», построенном за год или два до этого для сотрудников КГБ СССР. Бытует легенда, повторяемая жильцами этого дома как хорошо заученный текст, что якобы часть квартир отдали не разведчикам, а журналистам по какому-то негласному распоряжению. Возможно. Но тогда это и журналисты были соответствующие. Вот только Нина Матвеевна никогда журналисткой не была — разве что таким же формальным членом ССЖ, как и Стругацкий. Так что проще всего предположить, что муж её и отец Сергея — Марлен был глубоко законспирированным разведчиком-нелегалом, но доказательств этому — никаких.

Почему мы так подробно рассказываем о Берковой? По двум причинам. Во-первых, Нина Матвеевна была женщиной замечательной, достойной всяческого уважения. Во-вторых, трудно найти человека, который сделал для писателей Стругацких больше хорошего, чем она. Рейтинг можно выводить по числу надписанных книг. Я знаю ещё двух, ну, максимум трех друзей, у кого собралось столько же книг АБС с автографами обоих (подчеркиваю — обоих!) авторов.

С 1958 года и вплоть до 1991-го на Берковой держалось очень многое: пробивание их произведений в печать, борьба за авторские тексты, защита от несправедливых нападок, обеспечение участия во всяких комиссиях и мероприятиях… И право, не важно, какими связями пользовалась Нина Матвеевна — важно, что помощь была реальной. Возможно, сам АН знал о ней больше других, но он тоже всегда умел молчать. Начиная с Нового 1967 года, когда и случилось у Нины новоселье, АН часто бывал в том доме, в котором к тому же (в другом подъезде) жил и до сих пор живёт сослуживец его по ВИИЯ, так рано посетивший Японию — Борис Александрович Петров. Он, кстати, тоже ничего лишнего о себе не рассказывает…

Лирическое отступление о КГБ

Помню, в конце 1980-х, в эпоху нашей второй и главной оттепели, закончившейся уже не капелью и теплым ветром перемен, а настоящим, жарким демократическим летом, в эпоху великих откровений и разоблачений была публикация в одной из самых популярных тогда газет — в «Московских новостях». Кто-то из журналистов не поленился подсчитать, что в советское время — несущественно, сталинское, хрущёвское или брежневское — на КГБ у нас работал, если учитывать всех сексотов, внештатных осведомителей и добровольных помощников, **каждый четвёртый взрослый человек**. Цифра, конечно, ориентировочная, приблизительная (да и где взять точную?), но полагаю, что она очень близка к истине, ведь каждый из сегодняшних пятидесятилетних и старше может вспомнить своих хороших знакомых, замеченных в этой сакраментальной деятельности в студенческих группах и лабораториях НИИ, в цехах заводов и в совхозных конторах, в редакциях и воинских подразделениях, в стройбригадах и отделах министерств, в отделениях больниц и педсоветах… И таким образом за семьдесят лет под коммунистами у нас три поколения при всеобщем стукачестве сменилось. И сформировалось совершенно особое отношение к спецслужбам. Нам не равняться с Восточной Европой, где после распада СССР была проведена люстрация и ни один бывший агент КГБ не имеет ныне шансов остаться во власти, в публичной политике, в большом бизнесе… У нас ничего подобного не было и ясно уже, что и не будет. Могло быть? Теоретически — да, новые власти не просто могли, обязаны были провести люстрацию. Но практически — не решились, и, в общем, понятно почему: без большой крови не получилось бы, наверно. Слишком, слишком многих коснулось бы…

Один мудрый человек и мой хороший знакомый, известный в диссидентских и правозащитных кругах, помнится, сказал в перестройку, когда огромные толпы ходили по улицам и стояли на площадях, упоённо скандируя: «До-лой Ка-Гэ-Бэ! До-лой Ка-Гэ-Бэ!» «Понимаю, — сказал он, — приятно поорать после стольких лет молчания. Но почему вы не кричите „Долой министерство культуры!“ или „Долой Госплан!“ там ведь такие же сволочи сидели, а то и похлеще. А в КГБ, как и всюду, встречались порядочные люди…» Кому лучше его, отсидевшего, отмучившегося по полной программе, было знать, что это и в самом деле так. Оправдывать и обелять КГБ как систему нельзя ни в коем случае. Наоборот, необходимо повторять неустанно эту уже признанную истину: определённая часть огромного

механизма, называвшегося ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ была настоящим советским гестапо. Это надо помнить и знать. Но именно часть, а не вся многомиллионная армия солдатиков, машинисток, цензоров, водителей, уборщиц и просто честных офицеров, делавших своё дело без подлостей, без садизма, без тупой готовности исполнить любой приказ.

Стругацких частенько подозревали в связях с КГБ. Это одна из дежурных легенд в рядах их врагов. Особенно катили баллон на Аркадия. Ну, как же: выпускник ВИИЯ, военный переводчик, офицер разведотдела. И папа — партийный работник. И тесть — сотрудник Коминтерна. Ну и потом — такие связи, такие знакомства, такой якобы лёгкий и быстрый путь в литературу… Ну а Борис? Женился на генеральской дочке, в Ленинградский горком дверь ногой открывал и в писательской организации посты занимал… Много всякого говорили и говорят. Пусть говорят. Факты — вещь упрямая. Чего не было в биографии АБС — того не было. На КГБ не работали. Может быть, и жалели иногда об этом, мол, для писательского опыта пригодилось бы. Как Лев Толстой жалел под конец жизни, что не сидел в тюрьме. Но… что поделать — не довелось! Как говорится, лицом не вышли.

Могли предлагать, например, Аркадию работать в органах? Не могли. Он институт закончил в самый разгар антисемитской кампании. Партийным не был и даже из комсомола вылетел. Да ещё отец с сомнительной биографией — полная неблагонадёжность. И у Бориса всё то же самое — минус незапятнанная комсомольская юность, но плюс полное неприятие любой военной службы.

Вопрос номер два: могли их пытаться вербовать в сексоты? Не то что могли, а просто наверняка пытались! Через это прошли все за редчайшим исключением. БН сам рассказывает, как в институте (а был он старостой группы) вызвали его вместе с другими старостами к замдекана товарищу Отрадных и объясняли, что одной из их обязанностей является рассказывать здесь, в деканате, о неправильных поступках и даже намерениях товарищей. А он, наивный и чистый душою сталинец, растерялся, обиделся, не понял, о чём речь, — думал, ему предлагают ябедничать на прогульщиков и лентяев.

Аркадия тоже вербовали и не раз. Но в армии он прямо говорил, что не подходит для такой работы — в стукачи шли тихони и отличники боевой и политической, он же — рубаха-парень, весельчак, хулиган, возмутитель спокойствия и частый гость гауптвахты. А на гражданке, в писательской среде АН уже был умудрённый опытом и ощущал такое интеллектуальное

превосходство над своими вербовщиками, что вычислял все их аргументы на восемь ходов вперёд и только неслышно подсмеивался в пышные усы. Может быть, в частности, ещё и поэтому не выпускали его за границу?

Аркадий Михайлович Арканов, друг АНа, рассказывал мне замечательный эпизод, как его самого вызывали на Лубянку в период опалы после «Метрополя».

«Явился по повестке, сел. Товарищ сразу включил магнитофон.

— Это, чтобы вы не думали, что мы тут тайно кого-то записываем, — и перешел к делу. — Аркадий Михайлович, вы же такой патриот! Как вы попали в эту компанию?!

Вопрос — риторический, и я молчу.

— А почему вы не бываете за границей?

— Это вы у меня спрашиваете? — удивляюсь. — Это я у вас должен спросить.

— Нет, но вы же — писатель. Вы должны многое видеть…

— Да, писатель, — соглашаюсь я. — Должен. Но не вижу.

— Так это от вас зависит! — восклицает он радостно. — Слыхали, новый „Метрополь“ готовится? А Гладилин уже там. Там многие друзья ваши… Вот вы поедете в Париж, с ними пообщаетесь, узнаете их настроение, как они там живут…

— А я поеду?

— Поедете, поедете.

— Хорошо. Я с удовольствием.

— Вот и славно. А потом расскажете. Но давайте начнём прямо сейчас. Рядом с вами в ЦДЛ много людей. Вы такой известный, вы — шахматист. О чём они говорят, эти люди? Нам очень интересно.

— Знаете, — сказал я. — Со мной рядом обычно сидят люди выпивающие. Говорим мы о шахматах. Потом они злоупотребляют алкоголем, они очень подвержены этому, и мы опять говорим о шахматах. Вам это совсем не интересно. Единственное, что я вам обещаю, — добавил я, — если вдруг услышу за соседним столиком или где-то ещё, что готовится заговор против советской власти, я вам немедленно позвоню. Даю слово.

Я сказал ему это на полном серьёзе.

(Каждый может себе представить, как Арканов говорит это на полном серьёзе. На товарища с Лубянки произвело впечатление. — А.С.) Он выключил магнитофон и сказал:

— Аркадий Михайлович, давайте договоримся: у нас с вами не было этого разговора, и если вы увидите меня в ЦДЛ, мы с вами не знакомы.

Спустя несколько лет нас познакомили. Представили его как отличного мужика, хоть и оттуда. А меня всё это время никуда не пускали. Рубили все поездки. Выпускать стали только в 1989-м. Примерно тогда я в последний раз встретил его в буфете. Он заказал сто пятьдесят водки и был очень грустный.

— Не переживайте, — сказал я ему. — Всё у вас восстановится.

— Нет, — возразил он. — *Так* уже не восстановится.

Он был неглупый человек».

Я спросил у Аркадия Михайловича про АНа: «А его могли вот так же?»

«Не знаю, не слышал. Но, конечно, могли. И он мог. Отбрить их не хуже меня. Он бы никогда не согласился. Он был человеком из другого набора. Понимаете, абсолютная внутренняя порядочность».

А друзья из КГБ у Аркадия были. И те, с кем вместе заканчивал ВИИЯ, и появившиеся намного позже. Михаил Михайлович Ильинский, например, с которым познакомился через Мариана Ткачёва. Здесь уместно будет рассказать про Ткачёва, который неоднократно и подолгу жил во Вьетнаме, лично был знаком с самим товарищем Хо Ши Мином и уж, конечно, общался и с нашими разведчиками. Однажды он попросил, может быть, у Ильинского, а может, и у более высокого начальника разузнать в Москве через своих, кто же это в КГБ так мешает жить Стругацким: печататься не даёт, за границу не пускает. Товарищ выяснил и сообщил тихим голосом, прогуливаясь на природе: «В КГБ у Стругацких врагов нет, ищите в своём Союзе писателей или, — он перешёл совсем на шёпот, — гораздо выше».

А теперь вспомним, с чего мы начали. 1958-й — начало

работы в редакции фантастики, а точнее в редакции научно-художественной, приключенческой и научно-фантастической литературы. Замечательное время больших перемен и великих начинаний. Именно тогда редакция в «Детгизе» перестала быть единственной в стране, издающей фантастику (строго говоря, было ещё издательство географической литературы, но там НФ-рассказы появлялись только в ежегодном альманахе «На суше и на море» — в журналах, в том же «Вокруг света», и то больше было). А тут с января начала работать специальная редакция фантастики в главном комсомольском издательстве страны — в «Молодой гвардии». Иными словами, на высоком партийно-государственном уровне признали политическую значимость фантастики и вывели её за рамки детской литературы в область литературы молодёжной. Лиха беда начало: оживляется и «Географгиз», вскоре переименованный в «Мысль», уделяющий НФ всё больше внимания; в 1962-м создаётся редакция фантастики в издательстве «Знание», в 1964-м — в издательстве «Мир», ещё раньше включаются «Лениздат» и питерский филиал «Детгиза», и вообще региональные издательства подтягиваются. И так это всё развивается и ширится вплоть до конца 1960-х. О том, что было дальше, мы ещё расскажем и весьма подробно, а пока напомним, что именно Беркова познакомила Аркадия с писателем Сергеем Жемайтисом — заведующим редакцией — и Белой Клюевой — ведущим редактором фантастики в «Молодой гвардии». Знакомство было результативным. Рассказ «Шесть спичек» попадает в первый же сборник «Дорога в сто парсеков», составленный Клюевой и задуманный ею как ежегодный отныне. Он подписан в печать 22 августа 1959-го года — всего месяцем позже, чем «Страна багровых туч», тираж был напечатан в сентябре. С этой второй книжной публикации АБС и начинается долгая и очень непростая история их отношений с «Молодой гвардии».

В своей автобиографии АН формулирует три внешних обстоятельства, определивших литературный успех АБС: запуск первого спутника, выход «Туманности Андромеды» и наличие превосходных редакторов в «МГ» и «Детгизе». БН в своих комментариях признает два последних обстоятельства и удивленно вопрошает по поводу первого: «Но вот при чём здесь искусственный спутник?»

Мне хочется возопить ещё более удивленно: «Как это при чём?!! И это спрашивает фантаст и звёздный астроном?»

Ох, не случайно Ефремов стал флагманом новой фантастики именно в 1957-м! НТР и НФ были тогда близнецы-братья, наука казалась всемогущей, а бурное развитие космонавтики и первый

спутник — это же как символ эпохи, как выстрел сигнальной ракеты для фантастов. Отсюда и целая плеяда имен, и новые специализированные редакции — это же всё звенья одной цепи. Или, если угодно, вообще одно большое и очень важное обстоятельство, которое в терминах Льва Гумилёва можно назвать эпохой пассионарности для фантастики. Ну всё совпало: оттепель, взросление множества талантов, НТР, космическая романтика! И на этом фоне — большие писатели Стругацкие, которые очень любили фантастику и как никто другой понимали, какой она должна быть и для чего нужна.

Они просто не могли не стать знаменитыми, они были обязаны прославиться, они были обречены на то, чтобы догнать и перегнать всех.

И они действительно работают как проклятые, используя любые возможности для встречи, а если не получается, непрерывно пишут друг другу.

После майских праздников в 1959-м АН пишет в дневнике:

> «С 30-го по 3-е был в Л-де. Не очень удачно — приехали Адочкины родители. Но мы поработали на славу. Окончательно сделали: „ЗЭ“ и 3-ю часть „Извне“ (хотя и не совсем уверен, что она и в таком виде понравится Касселю). Разработали подробный план „СБП“. К 20-му Борис должен дать первую главу. Раздраконили „Букет роз“ — это я должен дать к 15 июня. Вот и всё, кажется. Мама здорова, Ада растит животик».

А вот характерная строчка из его же письма от 20.05.59:

> «Вот уже двадцатое, больше полумесяца, как мы расстались, а я всё не имею от тебя ни строчки».

Полмесяца — это у них большой перерыв по тем временам. БНа, конечно, можно понять: 18 июня у него родится сын Андрей. Но старший брат не даёт расслабиться и отвлечься, ведь именно на переписке держится пока всё их творчество — встречи удаются гораздо реже, чем хотелось бы.

В том 1959-м после мая поработать за одним столом получится у них лишь через полгода. Только утром 24 октября АН приедет в Ленинград, зато уж как они поработают!.. Мы ещё

вернёмся к этому чуть позже. А пока — дальше.

Год 1960-й. Лучше не станет. Может быть, только хуже. Ведь у АНа работы всё больше: и по редакции фантастики, и по переводам. Приехать в Ленинград удается лишь в апреле, на день рождения брата, однако так, чтобы остаться уже до дня рождения мамы — 5 мая. А БН мало того что к Пулкову и к маленькому сыну привязан, так ведь отправляют его ещё на целых четыре месяца в экспедицию на Северный Кавказ, словно нарочно пытаются выбить из работы. Но не тут-то было! Всё пойдёт только на пользу. Из кавказской поездки БН привезёт массу новых впечатлений, которые лягут в основу их будущих книг. Привезёт он и отличные наработки по «Полдню» — целый блокнот сюжетов, планов, афоризмов. Наконец, именно на Кавказе, в Кисловодске, будут созданы знаменитые брульоны «Понедельника…». Ему нравилось называть вот таким архаизмом, почерпнутым у Тынянова, черновики, зародыши одного из самых известных и, можно сказать, этапных произведений АБС.

А вот, например, совершенно программная формулировка из кавказского дневника БН за 21 августа:

> «Коммунизм — сообщество людей, любящих свой труд, стремящихся к познанию и честных с собой, с другими и в работе. Такие люди есть и сейчас».

Через три дня, 24-го, он допишет:

> «Идея: уже сейчас есть люди, годные для коммунизма; такими вы будете».

Так создавался Полдень. Без кавычек — просто с большой буквы.

А экспедиция была серьёзная и очень интересная. Искали место для строительства самого большого на тот момент шестиметрового телескопа. Терпеливо и последовательно замеряли в различных точках прозрачность атмосферы. Базировались на плато Бермамыт на северном склоне Большого Кавказа, в 35 километрах к юго-западу от Кисловодска в Карачаево-Черкесской АО. Южный скалистый выступ, отделённый от основного плато узкой седловиной и называемый Малым Бермамытом, имеет высоту 2643 метра. Основное плато —

Большой Бермамыт, — достигает отметки 2591 метр. А главное, оттуда открывался шикарный вид на снежные цепи Кавказа и венчающий их Эльбрус.

Лазили и на Харбаз, и на мрачную плоскую гору с совсем не плоским названием Кинжал. Ох, нелегко это было! Только такой отчаянный и опытный мастер, как шофёр Юра Варовенко, и мог туда забраться на старом газике по полному бездорожью. Но уж очень всем хотелось найти самое лучшее место! (Кстати, именно на этом газике и научился БН азам вождения, а уж потом, вернувшись в Ленинград, сдал на права.) Поначалу, конечно, всё было безумно интересно. Потом осточертело. Особенно когда прозрачность атмосферы начальство признало хорошей, но с выбором места всё как-то мялось, а в итоге остановились не на этих вариантах, а на станице Зеленчукской, где были населенный пункт, дороги и вообще инфраструктура.

Кавказ мелькнёт в книгах АБС не однажды, иногда в весьма явном виде. Например, экспедиция по поиску Антигорода в «Граде обреченном» уж точно не обошлась без тогдашних впечатлений, и даже прямое указание в тексте есть:

> «— Выпьете! — подхватил Наставник. — Расскажете друг другу что-нибудь из жизни, и ему есть тебе о чем рассказать, и ты тоже хороший рассказчик, а он ведь ничего не знает ни про Пенджикент, ни про Харбаз… Прекрасно будет! Я даже немножко завидую» (ГО).

А вот наиболее подробное описание из самого последнего романа:

> «Жара уже подступала. Ветерок, поднявшийся было с утра, совсем стих, день снова обещал стать томительно жарким, потным и изнуряющим. Небо было чистое, совсем без облаков, но Бермамыт и Кинжал у самого горизонта на востоке и на западе затянуты были сизой дымкой, словно там кто-то тайно палил невидимые костры.
>
> Вадим закончил обработку ночных наблюдений, убрал записи в папку, посмотрел на Эльбрус, призрачный, почти прозрачный на белесоватом чистом небе, и почему-то вдруг вспомнил, что давным-давно ничего не писал в дневник. Он сходил в командирскую палатку, выкопал дневник из-под ночного

обмундирования и снова уселся за столик. Полистал. Зацепился за какую-то запись. Стал читать.

„14.08…Хребет хорош, он похож чем-то на лунные хребты. Эльбрус страшен и странен над тучами. А наш Харбаз порос коротенькой травкой и жиденькими синими цветочками. Летают шмели и жадно и грубо в эти цветочки вцепляются, словно хотят их тут же изнасиловать. Утром вдруг раздалось шипенье крыльев и отчаянный крик. Пронеслась тень, и под машину забилась перепуганная насмерть пичужка. Оказалось, это была неудачная атака сокола…“» (ВМС).

Даже даты из дневника указаны без изменений.

Ну а кроме вождения, продолжается увлечение песнями под гитару:

«За то, что пока живые, исправно идут полевые,
За то, что туманы злые, за то, что в горах обвал.
Здесь только кручи, да зыбучий перевал,
И в медленных тучах Харбаз, Бермамыт, Кинжал…»

Возвращаться Борис будет через Москву в самом начале октября. И здесь они многое обсудят и наметят на будущее. Брульоны вызовут настоящий фурор, до серьёзной работы над «Понедельником…» ещё далеко, но совместное желание написать нечто совсем необычное уже родилось.

Меньше чем через месяц, 25 октября, АН напишет брату:

«Жду писем, а особливо жду тебя. Пока неизвестно, когда ты будешь, трудно что-нибудь сказать о встрече на высшем уровне. Ведь Ленка работает. Встретиться можно только у нас в Москве. Это было бы смачно».

История умалчивает, встречались ли они в конце того года — записей никаких не сохранилось — но если не встречались, когда же они всё успели? А было, было им тогда, что писать!

«Возвращение», задуманное как роман ещё в конце 1958-го, осенью 1960-го было уже закончено в общем и целом, несмотря на все мешающие обстоятельства. В шестом номере журнала «Урал» за 1961 год публикуются, по сути, уже не отдельные рассказы, а первые десять глав романа, причем под дорогим АБС

названием «Полдень, XXII век». Это потом, в издательстве, всплывет старая заявка, и так он и станет путешествовать по всем этажам и инстанциям как «Возвращение», и в силу извечного бюрократического идиотизма ничего уже нельзя будет поменять в последний момент. Да и не до того будет.

«Полдень» — книга совершенно особенная в творческой биографии АБС. Никогда и никем не признавалась она лучшей, да и не была таковой. В разных изданиях сильно меняла свой состав. И вроде как были в ней, так и остались до самого конца вещи необязательные. И сквозного сюжета в книге нет. И даже сами авторы так и не определились, что это: роман, как называли поначалу, повесть, как написано абсолютно во всех изданиях, или вообще собрание рассказов, объединенных некоторыми общими героями. Точного литературного определения не нашел никто. А по сути, это была модель своего нового оригинального мира. Ни много ни мало. По существу они первыми в нашей фантастике занялись миротворчеством.

Формально первым был Ефремов. Тут и спорить не о чем. АБС признают, что задумывали «Возвращение» как полемику и дерзкую попытку соревнования с ним. И когда они выиграли это соревнование — думаю, сегодня даже самые рьяные поклонники Ефремова не станут это оспаривать. Оказалось, что перед читателем единственный в нашей литературе цельный, живой и законченный мир, в котором готовы жить не только сами авторы со своими друзьями (как они это для себя поняли), но и миллионы других людей.

Мир Ефремова был и остался красивой, чистой, абсолютно нереализуемой схемой, талантливым памятником эпохе и её величайшим заблуждениям. И не случайно в этом своём мире Иван Антонович сумел поработать ещё лишь дважды: в «Сердце змеи» и в «Часе быка», да и то в последнем романе мир его начал трагически искажаться.

Мир Полдня АБС оказался на удивление жизнеспособным, развивающимся, адаптирующимся к новым условиям. Он просуществовал при поддержке самих авторов на протяжении десяти повестей и двадцати пяти лет, а потом самым непостижимым образом обманул время и сегодня, ещё через четверть века, остаётся таким же привлекательным и живым, несмотря на все катаклизмы, реформы и перевороты в сознании. Силою своего таланта АБС оторвались от догм коммунистической идеологии, породившей их Полдень, оторвались ещё тогда, практически сразу, только сами не заметили этого, и поэтому в наши дни новые, совсем юные читатели воспринимают этот их мир, благополучно обживают его и обустраивают по-своему. И уж

конечно, вся современная фантастика (по крайней мере, та, о которой стоит говорить) выросла именно из этого мира. И если уж договаривать до конца, то и не только фантастика…

Вот что такое Полдень. Вкратце. Вот что удалось создать Аркадию и Борису в те три или четыре года на ещё стартовом, но уже триумфальном этапе своего соавторства. И совершенно не важно теперь для нынешних и будущих поклонников, что ещё делали они в то время. Но для нас-то как раз важно. Мы-то как раз об этом. А делали они многое.

Вот, скажем, БН не только по горам лазил и замерял прозрачность атмосферы, но ещё и в Пулкове наукой занимался. Участвовал, например, в работе специальной комиссии, учреждённой с целью проверки основных выводов из теории Козырева. Конкретно БНу довелось проверять результаты измерений снимков Юпитера. Козырев из этих результатов сделал вывод, что фигура Юпитера асимметрична — неодинаково сплюснута у разных полюсов, что и следовало из его теории. БН старательно проделал все измерения, но — увы! — ничего не подтвердилось. Конечно, от этих частностей до «вечного двигателя», придуманного в «Забытом эксперименте», было далеко, но всё равно обидно.

Конечно, в ту пору он уже был, в первую очередь, инженером-эксплуатационником по счётно-вычислительным машинам. И всё более романтичной представлялась профессия программиста, которую он так и не успел освоить, если не считать, что уже в начале 1980-х стал программистом-самоучкой — так, для собственного удовольствия.

А жил он после рождения Андрюшки тоже в Пулкове — не хотелось тесниться у мамы. И вообще, БН любит подчеркивать, что жили они не просто в общежитии, а в гостинице-общежитии — это было жилье рангом выше. А на самом деле куда ещё — к родителям жены в Череповец? Позднее, после выхода Андрея Иосифовича в отставку, родители переехали в Киев, но и туда молодым было ни к чему. Только Пулково — тут их всё устраивало. И для работы удобнее, и любят они свободу, независимость, и вообще, там было совсем неплохо. Настроение, атмосфера этой гостиницы хорошо передана в одном из ранних вариантов «Страны багровых туч» (фрагмент написан именно БНом):

> «Они пошли вдоль длинного коридора. Гостиница-общежитие при Большом Северном ракетодроме начинала субботний вечер. Из-за стеклянной двери

красного уголка доносился стук и лихие возгласы — там играли в пинг-понг. Прошел навстречу Зорин в полосатой пижаме, держа за ручку мальчугана в панаме, волочившего на веревке толстого белого кота. Кот сопротивлялся с молчаливым остервенением. У дверей пятого номера курил унылый молодой человек с пепельницей в руках. Ему не разрешали курить в комнате. Выскочили из-за поворота две хорошенькие нарядные девушки, наткнулись на Алексея, прыснули, застучали высокими каблуками вниз по лестнице в общий зал, откуда доносились звуки, напоминающие пластинку с массовой сценой из „Князя Игоря“, пущенную наоборот. Группа плечистых парней радостно хохотала вокруг очкастого с пышной шевелюрой: пышная шевелюра рассказывала анекдоты о пассажире, ехавшем на верхней полке. Из раскрытых дверей какого-то номера плыл табачный дым и звали Витю. Потом хор грянул популярную мелодию „Взвейтесь, соколы, орлами…“. Алексею вдруг стало очень весело и хорошо».

Простим автору «пластинку, пущенную наоборот» (как это возможно?). Картина в целом получилась очень живой и яркой, потому что БНу и в самом деле бывало там очень весело и хорошо. Бытовые неустройства ещё не расстраивали, а даже радовали иногда. И работать хотелось постоянно. И они работали. Много и продуктивно.

АН тем временем упорно продолжает переводить японцев и читает наших фантастов — в количествах, превышающих разумные пределы, — но было же интересно! Зачастую он не просто редактировал рукописи, но так добросовестно исправлял все ошибки авторов, что, сам того не ведая (а может быть, и ведая?), формировал вокруг себя новую фантастику, задавал тон, показывал пример, делал из набросков законченные картины, если было из чего делать, а, по счастью, было — таланты росли, как грибы после дождя, время такое… И хотелось выбирать не только лучшее, но и мало-мальски хорошее, ни крупицы не потерять, и он готов был за каждого переписывать неудачные фразы, и даже придумывать целые страницы. Нине Берковой приходилось сдерживать его, останавливать, буквально хватать за руку, а он никогда не жалел, ни времени, ни сил, ни нервов. И здоровья хватало, тогда ещё хватало. Он щедро разбрасывал свой талант во все стороны.

Иногда бывали особые случаи.

Вот история с фантастом Григорием Никитичем Грибоносовым, известным под псевдонимом Гребнев.

Калакуцкая подбросила АНу, что называется, на засыпку, задание почти как для Золушки — подготовить к печати не рукопись, собственно, а отдельные наброски повести «Мир иной». Гребнев в конце своей жизни сильно пил, был уже совсем больным человеком и не успел ничего толком написать. Но придумано было неплохо; опять же он считался почти классиком. И жена его приходила, плакала, мол, аванс проели и пропили давно, но договор-то есть, и рукопись одобрена (как это ни странно — по нескольким десяткам страниц). А им кушать совсем нечего. И тогда издательство заплатило ему из жалости полную сумму гонорара. А Гребнев взял и умер. Вот заведующая Аркадию и вручила от большой любви эти полсотни листочков: отредактируйте, говорит. Но это была не редакторская работа, там надо было сочинять с нуля почти всё. И он справился, даже определённое удовольствие получил.

Почему вообще взялся? Наверно, было несколько причин: и привычка не пасовать перед трудностями, и даже чисто спортивный азарт: «А вот не слабо!» и особое отношение к автору. Ведь ещё в школе безумно увлекался его повестью «Арктания» (заметьте, какое удивительное созвучие: Аркадия некоторые так и звали — Арктан), зачитал её до дыр, заставлял читать Бориса, сделал множество иллюстраций, порывался писать продолжение. И вот судьба так неожиданно повернулась через двадцать лет — ну, прямо, как подметил БН, каверинская история, в стиле «Двух капитанов»! И ещё маленькая, но немаловажная деталь: там, в «Мире ином», было про Дальний Восток, а он же знал его, любил по-настоящему, и воспоминания были совсем свежими.

Повесть вышла с упоминанием АНа как редактора, но сегодня уже можно говорить о реальном соавторстве.

Бывали истории и совсем другие. Например, бакинцы Евгений Войскунский и Исай Лукодьянов, прислали в «Детгиз» свой «Экипаж „Меконга“» — рукопись толстую, на первый взгляд, просто неохватную. А психология редактора — всегда одна: если много текста, значит, почти наверняка либо халтура, либо графомания. Ну и пролежала она в редакции добрый год, забытая всеми. И вот в один прекрасный день вызывает Калакуцкая, и это уже задание не для Золушки, это весьма почетное и ответственное поручение: написать разгромную рецензию на залежавшуюся рукопись и отослать её авторам. За такую работу сторонним рецензентам деньги платили. Некоторые жили на это. Два рубля за прочитанный авторский лист, и это уже без вычетов,

при хорошей загрузке получалась вполне достойная зарплата. А ещё учтите, что кандидату наук платили три, а доктору — вообще пять рублей с листа. И читать в этих случаях можно было наискосок, через страницу.

От АНа тоже никто не требовал внимательного чтения. Однако он как начал, так и не смог оторваться. Рабочего дня не хватило, забрал домой. И дома читал всю ночь. Наутро доложил: «Никуда не отправляем, эту нужно издавать немедленно». Получился небольшой скандальчик, потому что бумажные объёмы уже распределены и дополнительной фантастики никто не планировал. Но АН был настойчив, выкинул несколько переизданий и всё-таки подсунул роман и директору, и главному редактору. Ошеломленные его натиском, они дали добро. Всё это происходило не так быстро. Евгений Львович вспоминает в подробностях, как получил от АН первое доброжелательное письмо, как делал исправления по его советам, как они с соавтором сокращали текст, как он приезжал в Москву…

> «Уважаемые товарищи! Мы с интересом и удовольствием ознакомились с „Экипажем „Меконга““. На наш взгляд, книга получается. Рукопись читается отлично, и вас можно поздравить с литературной удачей. Конечно *(без этого сакраментального „конечно“ таких писем* не *бывает. — А.С.),* поработать ещё придётся немало…» —

пишет АН. Что любопытно, это первое письмо датировано 24 августа — в точности тем днём, когда БН на Кавказе делает запись в дневнике о своих современниках, уже сегодня годных для коммунизма. Евгений Львович определенно был одним из них, и его двоюродный брат Исай Борисович — конечно, тоже.

Войскунский вспоминает:

> «В первой половине января (1961 года. — А.С.) я прилетел в Москву с переработанным романом. В „Детгизе“ познакомился с Аркадием Стругацким. Мне он понравился с первого взгляда: рослый усатый очкарик поднялся из-за стола с дружелюбной улыбкой, мы пожали друг другу руки, и тут он говорит: „Бойтесь женщин, падающих с теплоходов“. Это фраза из „Меконга“. И сразу у нас возникла, как я полагаю, взаимная приязнь. Я побывал у Аркадия дома, на

Бережковской набережной, познакомился с его красивой белокурой женой Леной. Конечно, мы и водки выпили по случаю знакомства, очень быстро превратившегося в дружбу».

Войскунский знал Стругацкого ещё по первой повести и рассказам. Стругацкий отметил Войскунского по первым же страницам рукописи. Рыбак рыбака видит издалека. Время было хорошее, но даже в хорошее время не бывает много по-настоящему хорошей литературы. Они понимали, что надо помогать друг другу. Войскунский был старше, Стругацкий был опытнее как писатель и редактор. Им было, что подсказать друг другу. Но уже через пару лет, а точнее с выходом в свет «Попытки к бегству», Евгений Львович понял, как он сам признается, что этим авторам советовать больше нечего. Вдруг сделалось совершенно очевидно, насколько они выше всех…

И в этом контексте особенно интересно вспомнить ещё одну страничку из редакторской биографии АНа. Был в тогдашней фантастике человек, который не просто считал возможным давать советы всем, но мнил себя патриархом, классиком, великим и непогрешимым. Речь, конечно же, об Александре Петровиче Казанцеве. Этого персонажа нам придётся упомянуть ещё не раз. К сожалению.

Весной 1961-го на редактуру к АНу попадает роман «Внуки Марса». Вот как он сам об этом рассказывал:

«Значит, получил я рукопись. Вызывает меня заведующая редакцией, Казанцев сидит, надутый, как клоп. Поздоровались. „Вот, Александр Петрович принес свою новую рукопись. Называется „Внуки Марса““. „Ну, — я говорю. — Страшно рад. Страшно горд“. <…> Вам хорошо, ребятушки, смеяться, а тогда же Казанцев был, так сказать, вождем фантастики нашей, бог и царь. Папа Римский… Ну, взял я… Язык, вы сами понимаете… Идея — черт с ней, в конце концов. Правда, она содрана. <…> Интересный очень роман был в 20-х годах — „Последний рейс „Лунного Колумба““. Там, где исходной идеей является происхождение людей от селенитов. <…> Так что на идею я особого внимания не обращал. Но уж очень плохо было написано, и я так аккуратно карандашиком поверх стал писать свой вариант. Тут как раз полетел Гагарин. Я написал Казанцеву, что первую главу отредактировал, надо бы показать, согласны ли

> встретиться. „Ну, приезжайте“. Я поехал. Гремела музыка. Где-то там Гагарин с Хрущёвым пьянствовали. А я, значит, пришел к Казанцеву. Он сидит на телефоне и диктует на тему: „О чем ещё мечтать фантастам?“ Или: „Что ещё осталось фантастического?“ <…> Он увидал мою карандашную вязь: „Нет, — говорит, — я ни одного слова не приемлю. Извольте стереть и сдавать в производство“. Я говорю: „А вам не кажется, что, вот…“ „Нет, мне кажется, что я сказал лучше, чем вы написали…“ Я поехал к заведующей: „Вот, так и так. Казанцев требует, чтоб пустили в производство безо всякой редактуры“. — „Старый дурак! — сказала Калакуцкая. — Ну и давайте, Аркадий Натанович, пусть он сам за себя ответит хоть раз в жизни“».

Так и пошло всё в авторской редакции. Но фамилия Стругацкого в книжке стоит.

Вот мы и перешли плавно к следующему — 1961 году. С работой всё было примерно так же: много писем и мало встреч. Весной начинается плотная работа над «Стажёрами». Идея их возникла ещё минувшей осенью, а зимой появляются первые планы и наброски. В апреле — мае они встречаются в Москве и пишут. Вот очень важная фраза в письме АНа от 19 марта:

> «Надо написать хорошую историю пацана-Стажёра (безотносительно к его профессии) в столкновении с людьми и обстоятельствами. **Фантастика — только фон»** *(выделено мною. — А.С.)*.

Этот принцип станет для них одним из главных на все последующие годы. Хотя как раз в «Стажёрах» он ещё не будет реализован полностью. Эта повесть станет торжественным прощанием с традиционной научной фантастикой.

И снова мы вынуждены вспоминать о неприятном факторе, мешающем работать АБС, а персонально АНу вообще мешающем жить. В свои тридцать пять он как офицер запаса — военнообязанный. С утомительной регулярностью его выдергивают на переподготовку. В те времена как-то не принято было манкировать повестками из военкомата. Как-то и в голову не приходило, что личные интересы могут быть выше общественных. А впрочем, весной 1961-го они уже вполне могли

считать себя писателями, нужными обществу, а не только самим себе и друзьям. То есть общественными были и те, и другие интересы.

28 марта АН заводит новую общую тетрадку дневника и делает в ней первую запись, которую можно считать примечательной во многих отношениях:

> «Только что закончил вариант „Пролога“ к „Стажёру“. По-моему, идея неплохая — расстаются навсегда парень и девушка в связи с тем, что парень получает назначение. И девушка говорит ему всё, что она думает о „женском рабстве“. Но вот за исполнение не ручаюсь. Вечером почитаю Крысе. Сегодня кончаются военные сборы. Вчера сидел и задыхался от тошноты — до чего надоели все эти автоматы и пулемёты. На работе тоже не весело — редактирую Казанцева. Необычайно многословен. В каждой строчке есть не менее одного слова, совершенно не нужного.
>
> Звонила Бела Григорьевна, просила зайти и подписать договор на „Стажёра“. Пожалуй, надо бы зайти и подписать. Дома сейчас тошновато, хочется удрать и выпить. А пить разрешено только по субботам и воскресеньям. Будем терпеть.
>
> У Крысы идёт война с Главной редакцией. Зануды».

Дома тошновато из-за тесноты. Когда люди живут в такой скученности, никаких хороших отношений надолго не хватит — начинаются конфликты. А тут ещё у Лены неприятности по работе. 10 апреля она уволится из своего словарного издательства. Традиционное намерение почитать ей вечером текст пролога, написанный по ходу военных занятий, говорит о том, что отношения у супругов в целом хорошие, но из-за водки они уже ругаются, а также из-за родителей, из-за детей, особенно из-за племянника Лёшки. А тут ещё эти сборы, и отвратительный Казанцев — всё одно к одному. Удрать и выпить.

Но главное — всё-таки главное! — договор на «Стажёра».

Он будет заключен, и жизнь наладится.

1 апреля, в день смеха (или дурака — кому как нравится), закончится официальное хождение старых денежных купюр. Непривычно копеечные цены уже потихонечку перестают раздражать. 2 апреля поднимается квартирный вопрос: АНу предлагают подать заявление, тогда к концу 1962-го получится квартира. Называется конкретная цена: 220 рублей за квадратный

метр новыми — сумасшедшие деньги! Найдутся ли такие? Ответ задумчивый с многоточием:

> «Если работать основательно…»

Через пять дней он запишет:

> «Ну, квартиру я решил пока не строить. Скушная возня, да и отвык я без дотаций сберкассовских».

Ещё через пару дней мелькнет более реальная идея — снимать жилье, просто чтобы не ютиться в одном месте всей толпой. Но и эта задача оказывается нерешаемой.

Невозможно не процитировать запись от 13 апреля:

> «Вчера, 12 апреля 1961 г. первый человек побывал в Космосе и благополучно вернулся на Планету — Юрий Алексеевич Гагарин. Ура! Ура! Ура!
>
> <…> Сегодня с утра был у Казанцева. Он яростно отбивал все мои поправки и попытки указать ему на литературные несовершенства. А мне просто лень было ему указывать и настаивать. В конце концов, он маститый и может отвечать за себя. Подарил мне „Лунную дорогу“. Сокровище. Я ответил, что очень польщён и тоже поднесу ему что-нибудь из своего барахла».

На майские праздники в Ленинграде будет составлен «более или менее окончательный план „Стажёра“ — весьма развернутый и с эмбрионами эпизодов», как запишет АН.

И весь июнь, точнее с 9-го числа, они с БНом во время отпуска будут не отдыхать, а работать. В Ленинграде ударными темпами закончат «Стажёра».

5 июля АН улетает самолетом и ещё в ленинградском аэропорту покупает шестой номер «Урала» с сокращенным вариантом «Полдня». А в Москве уже на следующий день отдаст «Стажёра» на машинку. Нужно много копий.

Весь июль, отправив Лену с детьми в Крым, в село Рыбачье, а остальных ещё куда-то, АН наслаждается одиночеством в пустой

квартире, ведет здоровый образ жизни, даже зарядку делает по утрам и работает над «Каппой». 28 июля он закончит этот замечательный перевод.

А к осени желание встретиться с соавтором сделается настоятельным и острым. Замыслы уже переполняют обоих. Вот дневник АНа, 1 сентября, пятница:

> «„Отличная эта идея“ — книга о Горбовском. Только сделать её надо по прожекторному типу, а не сборником рассказов. Немножко, конечно, влияние Бёлля, но это пустяки. Приглашаю Бориса сюда на обсуждение. А 4-го у Карпинского совещание относительно „Искателя“».

12 сентября, вторник:

> «2-го приезжал Борька, 4-го после совещания у Карпинского уехал. Обговорили о Горбовском. Проект новой повести. Сделал вводную главу „Венера. Берег Ермакова“».

В двадцатых числах сентября уже АН съездит в БНу на пару дней, но это будет относительно рабочая встреча. В дневнике он запишет:

> «Бегал в Л-д от тёщи. Глупо ужасно. Потерял лицо».

А 30 сентября (всего полгода дали передохнуть) его снова призовут на сборы. Да ещё на какие долгие — практически до конца года! Придётся вспомнить юность боевую — пожить в лефортовской казарме. Неужели так сильна была у нашей армии потребность в переводчиках? Сегодня трудно в это поверить, но тогда многие и даже на самом верху всерьёз готовились к войне с США. А некоторые, стало быть, и к войне с Японией. Но, конечно, кто поумнее, понимали: дело тут не во вражеском окружении. Возможность войны в те годы не исключал никто, но главным было другое. Все эти сборы имели целью развить, углубить, усовершенствовать беспрецедентную систему унижения собственных граждан. Требовалось постоянно напоминать людям, где живут, чтобы не слишком увлекались свободой.

Утром первого дня пунктуальный Аркадий, прибывший точно по повестке к 9.00 скучает в ожидании вызова и скрупулезнейшим образом записывает всё, что видит и слышит вокруг. Надо понимать, просто разминается литературно, чтобы форму не терять. И во все последующие дни он делает в дневнике весьма пространные записи.

> «6 октября 1961 г. Утро. Подъем был в 6, потому что идёт гарнизонная партконференция, и в столовой кушают генералы. Кормят до того отвратно, что есть по утрам практически невозможно. Я ем только хлеб с маслом и чай. Изжога.
>
> Расту. Вчера заболел Кривко, и старшиной назначили меня. Я сопротивлялся, но потом плюнул. Ничего типично старшинского я ещё не сделал и, вероятно, вряд ли сделаю. Только вот наряды приходится составлять.
>
> Ребят в нашем отделении можно, грубо, разделить на три типа. Мельников, Гинзбург, Петров и Рамазанов — старички, окончили курсы переводчиков во Владивостоке в 45-м вместе с Ковалевым, Обливалиным и т. д. Хорошие ребята, Мельников работал в дисциплинарном батальоне, но тоже ничего. Мы с ним в одной комнате (командирской). Гинзбург — почти пожилой еврей, седой, смешливый, симпатично-неумный. Петров — из Башкирии, любит старые анекдоты, да они все любят. И огромный, важный, серьёзный Рамазанов. Это одна группа.
>
> Другая — москвичи, не очень тянущие. Это мой Миша Маяковский, Овечкин, Романча, Вальков. Вальков спортсмен, застенчивый, широкий, румяный. Армией несколько ошеломлен. Овечкин и Романча — веселые, неунывающие, серьёзные, как щенки.
>
> И третья — самые сильные японисты. Они таскались по Японии со всякими поручениями и заданиями. Это Гавриленко — похожий на борца, умница, — Соловьев — мальчишка, и Гуськов — тоже огромный, широкий, уже почти пожилой. Буду стараться всех их уберегать от нарядов по воскресеньям и субботам, а равно и по праздникам».

Эту запись я специально привожу практически целиком, во-первых, любопытно, как по-писательски и по-человечески

внимателен АН к окружающим его людям, во-вторых, мы получаем некоторое представление о том, кого и зачем на этим курсы призывали, и, наконец, будет просто изумительно, если кто-то, читая нашу книгу, обнаружит здесь свою фамилию и вспомнит, как почти полвека назад служил вместе со Стругацким.

Есть совершенно особенная запись:

> «9 октября 1961. Вот и неделя прошла. Впереди их ещё 11. Позавчера ходил домой, много спал, настроение было скверное, какая-то тоска и подавленность. М.б., виной тому идиотская статья некоего Лобанова в „ЛиЖи“ от 4.10 о „Возвращении“. *(С 1958-го до 1963-го в Москве издавалась газета „Литература и жизнь“. В народе её сокращенно называли — „ЛИЖИ“, недвусмысленно намекая на глагол в повелительном наклонении и в этом смысле — на особые отношения достославного издания с властью. Новая повесть АБС рецензируется в ней по публикации в шестом номере свердловского журнала „Урал“, что само по себе лестно — заметили и там! Но чудовищное непонимание не может не расстраивать авторов. — А.С.)* Как не надоест, право! „Люди — придатки механизмов“ и т. д. Всё по единой схеме, списанной с десятков посредственных статей о НФ. Создается впечатление, что сей Лобанов и не читал „Возвращения“. А может быть, тоска эта от недобрых предчувствий войны и пр.
>
> Старшиной я быть перестал вчера вечером, пришел Кривко».

И под занавес милая подробность из офицерского быта:

> «У нас уже ЧП. Вчера вечером, Дмитриев и Хомерики напились и угнали такси, сбили „Москвича“, покалечили свою машину. Ожидаются репрессии».

Ну и ещё два коротких фрагмента из записей того периода. Мимо них никак нельзя пройти. Всё-таки XXII съезд был очень значительным событием в истории СССР. Достаточно напомнить, что сразу после него, согласно решению последнего закрытого заседания съезда, а именно в ночь с 31 октября на 1 ноября вынесли из мавзолея тело Сталина и захоронили у Кремлёвской

стены, и в ту же ночь по всей стране демонтировали многие тысячи памятников тирану.

> «21 октября… Съезд просто поражает. Что за наивное бесстыдство: порицать и предавать анафеме культ личности и одновременно превозносить „лично Никиту Сергеевича“? Странно, странно. К чему всё это идёт?»
>
> «29 октября (воскр.) Отличная заключительная речь Хрущёва. Борькины письма печальны. Он взял отпуск на 10 дней. А я служу — командир отделения. Всё глупо, бессмысленно. На уроках языка перевожу „61 Лебедя“…»

Это был роман японского фантаста Масао Сэгава — роман, судя по всему, так себе, но что-то в нем зацепило АНа, и он довольно долго с ним возился, но целиком так и не перевёл, иначе непременно где-нибудь опубликовал бы. Он уже тогда был профессионалом и переводить с японского просто для удовольствия полагал для себя слишком расточительным. Рукопись пока не найдена. Зато найдено упоминание в письме брату тремя днями раньше вышеприведенной записи:

> «Прочитал н-ф повесть японца Масао Сэгава „61 Лебедя“. Отличная приключенческая гуманистическая светлая штука! Сразу захотелось написать ч-л в том же роде. Чтобы были джунгли Пандоры, исчезновение, случайности, пальба, аварии и прочее, и без особой психологии».

А в тот же день, 29-го, он напишет маме в Ленинград:

> «Здравствуй, дорогая мамуська!
>
> Письмо твоё получил в пятницу, а Борькино — в субботу, так что всё пришло вовремя.
>
> У нас всё по-прежнему, хорошо. Я тружусь в рядах, слушаю, как спорят у нас по поводу выступлений на съезде — а выступления, согласись, весьма и весьма интересные и неожиданные. И если дальнейшая жизнь в стране нашей будет определяться положениями заключительного выступления Никиты Сергеевича, то

можно предположить, что наступает для народа действительно удивительная и замечательная эпоха.

Я же изрядно устал, а томиться ещё надобно два месяца, и раздражает бестолочь и казенщина — отвык я всё-таки, вероятно. Ну, да вынесу всё. А что касается не пить и не курить, то никакими особенными причинами это не вызвано. Курить бросил наполовину из азарта: смогу или не смогу. Оказалось — смог. Ну, а возобновлять не стоит. И пить бросил примерно из тех же соображений. Так что ты уж не беспокойся».

Любопытно процитировать для сравнения из дневника БНа от 28 октября. Как они оба, не сговариваясь и вроде бы оставаясь на позициях марксистов-ленинцев, почти одинаковыми словами выражают свой здоровый скепсис:

«Дождались светлого праздничка! Хрущёв сказал, что не имеет права марксист-ленинец восхвалять и выдвигать одну личность. Неужели же нашелся, наконец, честный человек! И не начало ли это нового утонченнейшего культа?»

Для АНа подобные рассуждения уже давно не новость, для БНа — почти событие. И конечно, не случайное. Не на голом месте возникает такая вдруг политизированность совсем ещё недавно аполитичного астронома и начинающего фантаста, не знавшего, кто у нас первый секретарь.

Именно в 1961-м в жизни его появляются друзья, которых раньше не было. У БНа в Ленинграде, как и у АНа в Москве, со всей неизбежностью возникают и налаживаются контакты в литературной среде — с молодыми и не очень молодыми писателями. Образуется совершенно новый круг, с совершенно другим идеологическим багажом. Это Миша Хейфец, филолог и журналист, на год моложе БНа, ставший потом довольно известным диссидентом, а главное — для нас — прототипом Изи Кацмана в «Граде обреченном» и позднее Сени Мирлина в «Поиске предназначения»; Владлен Травинский, тогдашний ответственный секретарь журнала «Звезда»; Илья Иосифович Варшавский, замечательный фантаст, мастер короткого рассказа, руководитель будущего семинара, умнейший и язвительнейший человек; далёкий от классического истмата историк Вадим Борисович Вилинбахов и многие другие. Захватывающие беседы,

жаркие споры со всеми этими людьми крепко повлияли на политические взгляды молодого БНа.

Тем не менее, вплоть до конца 1961 года в душах АБС царит скорее восторженное состояние. Слагаемые этой эйфории очевидны: молодость и свойственное ей умение радоваться жизни во всех проявлениях, непререкаемая вера в завтра и, наконец, колоссальная творческая энергия, которая плещет через край. Чем только не занимаются они в эти годы, на что только не отвлекают их привходящие обстоятельства, но они пишут вместе, пишут с каждым днём больше и больше и получается всё лучше и лучше…

И хочется закончить рассказ о годе 1961-м воспоминанием БНа о конце 1959-го, потому что настроение, так ярко переданное им в том тексте, было почти таким же и два года спустя.

> «…Конец октября — начало ноября 1959 года. На улице холодно.
>
> Трещат поленья в большой кафельной печи…Мы сидим у большого обеденного стола в маминой комнате в Ленинграде напротив друг друга, один за машинкой, другой — с листом бумаги и ручкой (для записи возникающих вариантов) и — слово за словом, абзац за абзацем, страница за страницей — ищем, обсуждаем, шлифуем „идеальный окончательный текст“… Мама хлопочет на кухне, иногда заходит к нам на цыпочках — что-нибудь взять из буфета. Все ещё живы и даже, в общем, здоровы. И всё впереди. И всё получается. Найден новый способ работы, работается удивительно легко, и всё идёт как по маслу: повесть „С грузом прибыл“ и три рассказа — „Странные люди“ *(„Десантники“. — А.С.),* „Почти такие же“, „Скатерть-самобранка“ — закончены (или почти закончены) меньше чем за месяц. Казалось, теперь всегда будет так — легко и как по маслу. Но это нам только казалось».

Вот такая Болдинская осень. А теперь прикинем (могу себе представить. Как это делает БН с его математическим складом ума): за месяц — повесть и 3 рассказа, за год — 12 повестей и 36 рассказов, за десять лет — 120 повестей и 360 рассказов…

Пожалуй, даже японцы такими темпами не работают, хотя известно, что именно они — мировые рекордсмены в литературе по листажу.

Ещё два года АБС работают, как японцы — с перерывами, конечно, но очень интенсивно: закончено «Возвращение»,

закончены «Стажёры», и придумано, обсуждено, начато, набросано ещё много-много всякого-разного.

Но именно 1961 год стал для них годом последних иллюзий — и политических, и литературных.

Забытая повесть (дополнение к главе)

Упомянув уже в третий раз повесть «С грузом прибыл» (под разными заголовками), я с легким удивлением обнаружил, что ведь ни слова не написал о ней. А меж тем она была задумана, написана и дважды издана под названием «Путь на Амальтею» именно в тот период, который охватывает эта глава. Действительно, подзабытая повесть. Её и сами-то авторы не слишком высоко ценили. АН 28 апреля 1961 года прямо написал в своём дневнике:

> «Я и сам в последнее время как-то не очень доволен „Путём на Амальтею“, а после разговора *(с И.А. Ефремовым в тот день. — А.С.)* и вовсе задумался. Пустенькая вещица. Нет в ней ничего, кроме фамилий, что указывало бы на национальность, идейные убеждения героев. Без толку написано».

И братья не предлагали повесть к переизданию с 1964 по 1985 год, а всевозможные критики и даже поклонники АБС традиционно воспринимали эту вещь как некое бесплатное приложение к «Стране багровых туч», этакое миниатюрное «Десять лет спустя» к космическим «Трем мушкетёрам», как остроумно подмечает Светлана Бондаренко. Однако, если сегодня внимательно перечитать текст, легко видеть, какой огромный шаг вперёд сделали авторы. Во второй маленькой повести им удалось сказать больше, чем в первой огромной. И дело не только в стилистике, не только в пресловутом «хемингуэевском лаконизме» (а подражание сверхпопулярному и ещё живому тогда гению Стругацкие почти декларируют) — дело всё-таки в самой постановке литературной задачи и блестящем исполнении замысла. Как рассказывает БН, они хотели в этой «производственной» повести создать атмосферу обыденности, повседневности, антигероизма. И они сделали это. Поразительная и очень достоверная будничность совершаемого героями подвига роднит эту книгу не столько с Хемингуэем, сколько с Экзюпери, с

его спокойными профессионалами-лётчиками из «Планеты людей» или «Ночного полёта». Они и были настоящими космонавтами 20-х годов: такой же риск, такое же мужество, такая же новизна ощущений. И кстати, название (первое) получилось тоже совершенно в духе Экзюпери — предельно простое и будто списанное с отчёта. Экзюпери долго мучился, как назвать свою первую повесть, а потом увидал на ящике надпись «Почта на Юг» и понял, что лучше уже не придумать. Вот и АБС взяли сухую строчку доклада «С грузом прибыл» — и всё, идеальный вариант. Зря поменяли на «Амальтею» — слишком красиво, а значит, шаг назад к героической романтике ранних вещей.

И как же правильно, что герои АБС не потащили с собой на Юпитер «двигатель времени», как собирались в одном из ранних вариантов! Да и космические пираты из более позднего варианта тоже были бы там лишними. Фантазия авторов, в ту пору буйная, необузданная, заставляла пускаться во все тяжкие, и всё-таки пираты и космические бои — это был бы явный фальстарт. И детско-юношеские издательства, обалдевшие от неожиданности, встали стеной против такого поворота. Почему? Странно… Если вдуматься, где тут посягательство на Систему? Чем отличаются космические пираты от привычных старой фантастике земных шпионов? Нет, неслучайно именно в глухие, застойные годы и особенно в детской фантастике пиратов этих стало видимо-невидимо. Стругацкие же к теме космического пиратства прикоснутся лишь однажды и не слишком удачным образом — «Экспедиция в преисподнюю», 1974-й год.

Правильно говорят — что Бог ни делает, всё к лучшему.

Глава десятая
ИЮНЬСКИЙ ДОЖДЬ

«В просторной приёмной райвоенкомата висели плакаты. Плакаты обучали, как надо действовать при атомном нападении. На них с лёгкой руки неизвестного художника всё получалось просто, они обнадёживали и вселяли уверенность, что, в конце концов, всё не так уж страшно и можно спастись, если знать предлагаемые на плакатах средства».

Геннадий Шпаликов, сценарий фильма «Я шагаю по Москве»

Он стоял возле часовни, поставленной в память гренадёрам, погибшим под Плевной в 1877 году, что напротив Политехнического музея, и посматривал на небо. Небо хмурилось. Было ещё жарко, и солнце светило вроде как ни в чём не бывало, но откуда-то с юга, из Замоскворечья наползали тяжёлые тёмно-серые тучи. Да, вот как раз туда ездили они сегодня утром с Ниной Берковой, в переулочек на Новокузнецкой. И там, в этом угрюмом монументальном здании, стояли в просторном вестибюле, напоминавшем холл шикарного нью-йоркского отеля из довоенного фильма, и томились в нетерпении. Противная нервная обстановка — говорить уже ни о чём не хочется, и даже читать не получается. Кстати, он никогда не любил читать вот так, в очередях, на ходу, в ожидании кого-то или чего-то. Читать он любил с комфортом, лучше всего дома, лежа на диване. А там было довольно любопытно наблюдать за людьми, входящими и выходящими. Нет, это были не учёные, не строители нового мира, не творцы, не люди Полдня — это были клерки, какие-то затравленные, запуганные, задавленные жизнью. Почти никто из них не улыбался. А может, это просто кажется ему? Потому что настроение поганое.

Казалось бы, такое солидное ведомство — Главатом, ведущий

главк огромного министерства, руководящего самой передовой наукой… И что же это за сволочь придумала закинуть сюда на рецензию рукопись их романа? Ах, ну да, Нина же рассказывала, что это внутри Главлита родили кретиническую инструкцию — всю фантастику проводить ещё и через Главатом. И — вот ирония судьбы! — именно наш роман первым в СССР угодил в эти жернова. А дальше всё по закону подлости: рукопись попадает к самому патентованному идиоту во всем Главатоме, к товарищу Кондорицкому, который секретных сведений там не обнаруживает, но свидетельствует о «низком литературном уровне произведения». И всё это было ещё в апреле, а к июню выясняется, что великий критик Кондорицкий ничего не читал (может быть, он вообще читать не умеет?), а читал книгу его помощник — товарищ Калинин, нет, не Михаил Иванович, но тоже, видно, от сохи, и так ему, бедняге, после этого чтения плохо стало, что прямо сразу уехал отдыхать и вот до сих пор не вернулся. Короче, для решающего разговора, на котором настояла Нина, прислали им ещё одного помощника — товарища Ильина, и тот, наконец, вышел в вестибюль. Внутрь-то никого не пускали — режимное учреждение, ядрёна вошь! И вышел, гад, с пустыми руками — сверхсекретное заключение чужим видеть нельзя! — и пересказывал его по памяти, своими словами, а рожа такая противная-противная… Нина беседовала с ним на правах редактора, а Аркадий стоял скромно в стороночке — на всякий случай — и делал вид, что он тут вообще случайно, так, пописать зашёл.

Разговор получился не просто бессмысленный, разговор получился абсурдный — в духе пьес Беккета или Ионеско. И зачем ездили, спрашивается? Зачем в душном троллейбусе парились туда и обратно? Однако Нинка — боец настоящий, она к тому моменту окончательно озверела, преисполнилась решимости, и он уже видел, уже понимал, что теперь её никто не остановит.

Вернулись в издательство — и точно, она прямиком к главному, к Компаниецу, и дожала Василия Георгиевича вмиг, тот сам главлитовскому начальству позвонил и всё решил положительно. Невероятно! Тогда они схватили рукопись и бегом. Буквально бегом — в переход и через площадь, мимо Политеха, и через улицу… Суббота же — день может кончиться, и тогда — всё!.. В понедельник они обязательно что-то новое придумают — потребуют визу министерства хлебопродуктов или управления речного транспорта. Поэтому бегом, бегом — сегодня наш день! А возле памятника героям Плевны Нина вдруг остановилась и сказала:

— Слушай, давай я одна туда пойду. Не стоит дразнить гусей. В этой гнилой конторе повсюду глаза и уши, Мало ли что…

— Нинка, ты что? — удивился Аркадий. — А, впрочем, как скажешь, — он вдруг понял, что она просто боится сглазить.

Главлит — это, конечно, подразделение КГБ, но кто он такой, чтобы одним своим появлением дразнить могущественный комитет? Чушь это всё.

И вот теперь он стоял и ждал Ниночку Матвеевну. На часы специально не смотрел. Уж больно долго всё тянулось. Ну что, что они там делают? Ведь всё решено. Осталось поставить штамп, закорючку в углу штампа, визу внизу, круглую печать сверху — и на выход. Где же она, чёрт возьми?

Он стал с любопытством разглядывать стоящих и слоняющихся рядом. Вот этот — точно несчастный влюблённый, а его пассия опаздывает на добрых полчаса. Этот — разгильдяй и стиляга, похоже, просто убивает время. Тот, пожилой — явно деловой человек, у него важная встреча, он нервничает, поминутно смотрит на часы. Женщина с авоськами — определённо ждет мужа, застрявшего где-нибудь в винном отделе, и скоро начнет злиться. А вон тот — такой серенький, неприметненький, он как будто и не здесь, как будто это вообще не он, стоит отвернуться на секунду, и уже не помнишь его лица. Погоди, погоди, сейчас мы и тебе легенду придумаем. Ба, да с другой стороны ещё один такой же! Костюмчик на нем вроде и другой, но явно с одного склада получали. Ну, вот и придумывать ничего не надо. Это мы тут все прохлаждаемся, а эти орлы работают…

Намного позже, лет, наверное, через десять он узнает от кого-то из своих друзей-виияковцев, а может быть, от Теда Гладкова или от Миши Ильинского, в общем, от кого-то, хорошо осведомлённого в делах наших спецслужб, что памятник этот на площади Ногина ещё с довоенных времён был и остаётся традиционным местом встречи агентов, вербуемых сотрудников и прочих героев шпионских романов, потому что в нём, благодаря витиеватому скульптурному решению, очень удобно было прятать направленные микрофоны, а позднее и следящие камеры. Ну и управляющий центр организации, соответственно, в двух шагах.

Аркадий почувствовал, как в голове у него уже зашевелился сюжет.

Но тут появилась Нина. И практически одновременно хлынул дождь, сразу настоящий летний ливень, как будто наверху одним размашистым движением отодвинули гигантскую заслонку. Ребята в одинаковых костюмах, синхронно, как по команде раскрыли одинаковые зонтики. Он ещё успел подумать, умеют ли

стрелять эти зонтики, а потом стало не до них.

Нина бежала и теперь не потому, что боялась опоздать, а потому что у неё зонтика не было, и надо было спасать бесценную подписанную рукопись от дождя. Он кинулся ей навстречу, поймал, обхватил, она была такая маленькая и легкая, оторвал от земли и стал кружить под дождем. А Нина стучала кулачками ему в грудь и говорила сквозь смех:

— Арк, ты с ума сошёл, отпусти, люди смотрят!

Но люди просто разбегались, прячась от дождя, а смотрели на них только эти двое с одинаковыми зонтами. И тогда Аркадий поставил Нину на асфальт, выхватил у неё папку с рукописью, мигом обернул эту главную ценность снятой с себя лёгкой курточкой, и они побежали рядом, не разбирая дороги, по лужам, смеясь и подпрыгивая, как дети. И напротив Музея истории Москвы обогнали девчонку, которая шлёпала по лужам босиком в уже промокшем насквозь белом платье, подставляя лицо дождю и размахивая изящными белыми туфельками. А рядом ехал парень на велосипеде, медленно-медленно, с трудом удерживая равновесие на такой малой скорости, и оба совершенно никуда не спешили под этим тёплым июньским дождем.

Когда человеку хорошо, это сразу видно. Такого человека нельзя не заметить.

Едва оказавшись в Малом Черкасском, Аркадий и Нина, не сговариваясь, свернули не в издательство, а в маленькую забегаловку напротив. Сотрудники частенько сюда захаживали выпить чаю с бутербродом или свежей булочкой или съесть мороженого, можно было попросить и сосиски с горошком или котлеты с картофельным пюре…

— Но сейчас я хочу горячего кофе, — капризно сказала Нина.

— Э, нет, — возразил Аркадий, — по такому поводу надо пить не кофе, а шампанское.

— Но тут же не… — начала было Нина, а он уже шел к буфетной стойке, и девушка-продавщица так и подалась вся к нему навстречу.

Мокрый насквозь, всклокоченный, запыхавшийся, он всё равно был неотразим, как всегда. Нина отметила ревниво, что Арк назвал буфетчицу по имени и зашептал ей что-то на ухо, а та захихикала громко и тут же скрылась в подсобном помещении.

Аркадий сел, аккуратно развернул папку, положил на стол. Курточку повесил на спинку стула и, страшно довольный собою, потянулся, потом неторопливо скрестил руки на груди.

— Мы успеваем? — спросил он. — Они сегодня подпишут в печать?

— Конечно, — умиротворенно улыбнулась Нина, — до конца

работы ещё больше двух часов.

Девушка вернулась с подносом, цокая каблучками и сияя доброй улыбкой, а на подносе стояли бутылка шампанского, бутылка коньяка и два бокала. И ещё шоколадка «Золотой ярлык».

— И мы всё это выпьем? — спросила Нина.

— Не обязательно сразу, — сказал Аркадий. — Но мы сейчас сделаем «Шампань-коблер».

Они сидели вдвоём в маленьком пустом кафе, дождь хлестал в стёкла, шампанское с капелькой коньяка шипело в бокалах, и жизнь была прекрасна. Они победили. Все враги остались где-то там, далеко-далеко в прошлом, а они были уже здесь — в мире Полудня.

Было 9 июня 1962 года, суббота. Именно этим днём подписано в печать первое издание романа АБС «Возвращение» с подзаголовком «Полдень, 22-й век». В те годы в СССР суббота была рабочим днём.

Быть может, это был самый счастливый год в жизни Стругацких.

Единственный, первый и последний, в течение которого вышли в свет три новых книги (да ещё какие!): завершившие свою эпоху «Стажёры», «Полдень» — символ отечественной фантастики на долгие годы, — и, наконец, открывшая собой новую эру, по-настоящему революционная «Попытка к бегству». Она была напечатана в ежегодном сборнике «Фантастика» издательства «Молодая гвардия» (далее для краткости — «МГ») и пришла к читателю уже фактически в 1963-м, но формально во всех библиографиях попадает в 1962-й.

«Стажёры» были опубликованы трижды. Сначала, в апреле, во втором номере «Искателя» — приложения к журналу «Вокруг света», — отрывок под названием «Генеральный инспектор»; потом, чуть позже — в детлитовском сборнике «Мир приключений»; и, наконец, в конце лета — полный вариант отдельной книгой в «МГ». АБС — уже профессионалы. Как сказали бы сегодня, они грамотно раскручивали себя. На самом деле — просто спешили напечататься (мало ли что произойдёт завтра и выйдет ли вообще книжка?), да и дополнительные гонорары были для них совсем не лишними.

Поразительная вещь: книга «Стажёры» подписана в печать 11 июня 1962 года, в понедельник. Осмелимся предположить, что эта дата сползла с субботы на понедельник по каким-нибудь чисто техническим причинам, ну, закрыл кто-нибудь печать в сейфе и ушёл с полдня или просто забыли перед выходным врисовать цифры в подписную корректуру (или куда там — в

«чистые листы»?)…

Я прямо вижу, как Стругацкий и Беркова, уже не мокрые, но всё такие же весёлые, победительно врываются в кабинет к Компаниецу, а в то же самое время у себя на Сущёвской директор «МГ» Иван Яковлевич Васильев, уже совсем готовый сдать свой пост Юрию Серафимовичу Мелентьеву и уйти наверх, в ЦК, к Семичастному, задумался над корректурой «Стажёров». Что-то мешает ему поставить последнюю закорючку, и тогда… некая большая, светлая и совершенно неодолимая сила заставляет их обоих одномоментно, единым росчерком отправить обе книги в печать. Согласитесь, красиво! И какая разница вообще, подписана книга в субботу или в понедельник?

Ведь мы же с вами знаем: понедельник начинается в субботу.

Несколько слов о самой повести «Стажёры». Мы называем её завершением цикла произведений о ближайшем будущем. Хотя формально о том же двадцать первом веке и с тем же героем Иваном Жилиным будет написана ещё одна повесть — «Хищные вещи века». Исследователи творчества АБС вычислят потом и точный год событий «ХВВ» — 2019-й, — и перебросят мостики из двадцать первого века в двадцать второй, выстраивая единую «историю будущего», доказывая, что АБС создали цельную картину мира, в котором работали от начала и до конца. Но сами-то авторы никогда не придавали значения таким мелочам, поэтому хронология, генеалогия и даже география в их книгах содержит массу внутренних противоречий. Несомненно одно: были ранние повести и рассказы о ближайшем будущем, на которое авторы давали прогнозы, вполне серьёзно, в духе того времени и в традициях той фантастики — планируя не угадать, а просчитать, вычислить, логически предсказать научные и социальные достижения. И все эти расчёты оказались предельно далеки от реального хода событий, что стало очевидно ещё при жизни АНа, не говоря уже о сегодняшнем взгляде из наступившего нового тысячелетия. Так вот, подобная фантастика закончилась для АБС именно на «Стажёрах». «Хищные вещи» уже никакого отношения к прогностике не имели. Может быть, именно поэтому как раз в них Стругацким удалось в 1964 году с невероятной точностью описать реалии нашей сегодняшней жизни.

Но мы сейчас о другом. Интуитивно чувствуя бесперспективность традиционной НФ, авторы уже тогда, подстёгнутые Ефремовым, начинают писать о более далёком будущем, которое по определению не доведётся застать не только им самим, но и детям их. Так возникает мир Полудня — идеальный полигон для социологических экспериментов, но уже

без всяких попыток угадать, в каком конкретно году мы покорим сверхсветовые скорости, а в каком повстречаем братьев по разуму. Совершенно иной подход.

И обе эти книги выходят одновременно. И пока ещё воспринимаются как части единого целого, в них даже ещё мелькают единые реалии — тот же Марс с его летающими пиявками. Глубинный смысл того, что заявлено в «Возвращении», станет понятен читателю лишь с выходом следующей повести — «Попытки к бегству».

Но есть одно качество, объединяющее все эти три вещи. Всякая настоящая литература, пишется она о прошлом или будущем, становится зеркалом своего времени. В тех книгах дышал и пульсировал Советский Союз эпохи оттепели — страна бурно развивающаяся, рвущаяся к свободе, открывшаяся в большой мир. О «Полдне» мы уже говорили. А что касается «Стажёров», на мой взгляд, эта повесть стала одним из самых ярких и масштабных, панорамных портретов эпохи, вместивших в себя не меньше точных деталей и ярких образов, чем выходившие тогда же и популярные повести Аксёнова, Искандера, Гладилина, Жуховицкого… Вспомним, для примера, главу о русском мальчике Юре в международном космопорту Мирза-Чарле. Как лаконично, ёмко и убедительно показан размах, масштаб человеческих побед над природой и восхищение этими победами! А какие милые детали тогдашнего быта и тогдашней советской психологии! Одна горячая газировка чего стоит: в космос летаем запросто, но автоматы на улицах неисправны — это по-нашему! Я уж подумал, не тонкая ли здесь аллюзия на первую главу «Мастера и Маргариты» — нет, оказалось, АБС тогда ещё не читали великого романа, и было это простое личное воспоминание БНа о Средней Азии в 1957-м.

Ну а встреча Юры со стражем порядка?

> «…Полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошёл навстречу. У Юры ёкнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.
>
> — Пейпарс! — лающим голосом сказал он.
>
> „Кажется, влип, — подумал Юра. — Если меня здесь задержат… Да пока будут выяснять… И зачем меня сюда понесло?..“»

Чего это испугался свободный человек в свободной стране, не нарушив ни одного закона? Понятно чего: это же не двадцать

первый век, это середина двадцатого, и он ещё слишком хорошо помнит, как задерживали, сажали и даже расстреливали ни за что, просто так.

И, наконец, «Попытка к бегству». Она была и остаётся одной из моих самых любимых книг. Наизусть я её не учил, но перечитывал многократно, вновь и вновь удивляясь тому, что очарование первого чтения не тускнеет, а даже наоборот — с годами я всякий раз обнаруживал для себя что-то новое. И порою мне хотелось чисто по-чеховски своей рукою переписать «Попытку…», чтобы понять, как же это сделано, чёрт возьми! Антон Павлович с этой целью собственноручно переписал «Тамань». Остановило меня, должно быть, лишь то, что Стругацкие не писали своих вещей руками, а «собственномашинно» перепечатывать текст, да ещё в одиночку, без соавтора явно было бессмысленно.

Магия этой повести так и осталась для меня неразгаданной. Да, я прекрасно понимал, что АБС, выражаясь языком их персонажа Саула, сумели в этой повести «выйти из плоскости своих представлений». Да, понимал, что это первое в нашей литературе столь глубокое произведение о столкновении прошлого, настоящего и будущего. И подсознательно догадывался, что лагерь и здесь и там — наш, советский, а Гитлер и рабовладельцы — так, для цензуры. Да, я чувствовал насколько остро, насколько универсально на все времена поставлены здесь моральные проблемы. И чувствовал, что именно в «Попытке», а не в «Возвращении» впервые так ярко, выпукло и завершённо показана картина того самого вожделенного мира Полудня. Наконец, уже много-много позже, прочитав у БНа в «Комментариях…», как они придумали концовку, в которой можно ничего не объяснять, и как сладостно это было для авторов, я ахнул: «Вот в чём секрет! Вот почему и читателю так сладостно!» (Хотя поначалу обескураживало.) Но и это был не весь секрет. Не скажу, что сегодня я докопался до самого дна. Никакого дна не существует в принципе, то есть любые объяснения подобных чудес тянут лишь на частичную разгадку. Оно и понятно, всё строго по Пастернаку: «И прелести твоей секрет разгадке жизни равносилен». Но всё-таки поделюсь своим последним открытием, сделанным уже в процессе работы над этой книгой.

Несколько человек, шестидесятников, знатоков литературы, притом нефантастов (не хочу называть фамилий — здесь важны не авторитеты, а общность мысли) признались мне, формулируя почти моими словами: да, именно Стругацким лучше, чем всем прозаикам-реалистам, удалось в своих повестях якобы о далёком

будущем отразить живую жизнь оттепельного времени.

И туг словно занавес раскрылся: я вспомнил, какие образы стояли перед глазами во время чтения «Попытки…» — фильм Геннадия Шпаликова и Георгия Данелии «Я шагаю по Москве». И там и там одинаковое ощущение яркого и нежного утреннего солнца, ощущение здоровья, молодости, счастья и беспредельной, необъяснимой и непререкаемой веры… нет, не веры, а уверенности в завтрашнем дне.

Сравните два текста. Не лишним будет и вспомнить кадры знаменитого фильма.

Геннадий Шпаликов:

«— Не читай во время еды — вредно, — сказала Колькина сестра, поставив на стол кипящий чайник.

Колька сидел за столом в одних трусах, ел, уткнувшись в газету. Он даже не поднял глаза. Тогда сестра выхватила у него газету и ушла в другую комнату.

Урок английского языка, записанный на пластинку, гремел над переулком. Колька зевнул и встал.

— Эй! — он высунулся в окно. — Сними пластинку!

Парень вышел из кафе. Он не понимал, чего от него хочет Колька.

— Пластинку сними!

Парень кивнул, понял, значит. Пошёл, снял;

— Мне спать надо — мешает! — крикнул Колька. — Ты что, потише не можешь пустить?

— Если тихо, до меня не доходит. Отвлекаюсь, — объяснил парень.

— А ты не отвлекайся, — сказал Колька и заметил……Володю, идущего обратно по переулку с чемоданом в руке».

Братья Стругацкие:

«Вадим ел, листая книжку, и с удовольствием поглядывал на хорошенькую дикторшу, рассказывавшую что-то о боях критиков по поводу эмоциолизма. Дикторша была новая, и она нравилась Вадиму уже целую неделю.

— Эмоциолизм! — со вздохом сказал Вадим и откусил от бутерброда с козьим сыром. — Милая девочка, ведь это слово отвратительно даже фонетически. <…>

Вадим встал и с бутербродом в руке подошел к распахнутой стене.

— Дядя Саша, — позвал он, — вам ничего не слышится в слове „эмоциолизм“?

Сосед, заложив руки за спину, стоял перед развороченным вертолётом. „Колибри“ трясся, как дерево под ветром.

— Что? — сказал дядя Саша, не оборачиваясь.

— Слово „эмоциолизм“, — повторил Вадим. — Я уверен, что в нем слышится похоронный звон, видится нарядное здание крематория, чувствуется запах увядших цветов.

— Ты всегда был тактичным мальчиком, Вадим, — сказал старик со вздохом. — А слово действительно скверное.

— Совершенно безграмотное, — подтвердил Вадим, жуя. — Я рад, что вы это тоже чувствуете… Послушайте, а где ваш скальпель?

— Я уронил его внутрь, — сказал дядя Саша.

Некоторое время Вадим разглядывал мучительно трепещущий вертолёт.

— Вы знаете, что вы сделали, дядя Саша? — сказал он. — Вы замкнули скальпелем дигестальную систему. Я сейчас свяжусь с Антоном, пусть он привезёт вам другой скальпель.

— А этот?

Вадим с грустной улыбкой махнул рукой.

— Смотрите, — сказал он, показывая остаток бутерброда. — Видите? — Он положил бутерброд в рот, прожевал и проглотил.

— Ну? — с интересом спросил дядя Саша.

— Такова в наглядных образах судьба вашего инструмента».

Единая стилистика. Абсолютно. Стругацкие не могли ни смотреть, ни читать этого — они своё написали раньше. Шпаликов — теоретически мог, у него было на это несколько месяцев, но практически — никаких даже намеков на интерес к фантастике или общих близких друзей — откуда?

Вывод один: просто эти картины написаны обе с одной натуры равно талантливыми людьми. Пожалуй, именно наше кино, а не проза, именно наш «советский неорелизм» и приближался по силе и точности отражения эпохи к тем лучшим

образцам, которых достигли тогда АБС.

У нас ведь было потрясающее кино, замеченное и оценённое, кстати, во всем мире. Не менее ярким символом эпохи, причём на два года раньше, именно в том самом 1962-м стал другой фильм по сценарию Шпаликова — снятая Марленом Хуциевым лента «Застава Ильича», в прокате получившая название «Мне двадцать лет». Он был слишком хорош для этого мира и без всяких видимых причин наткнулся на яростное сопротивление чиновников от искусства. Он вышел на экраны только в 1963-м.

Тогда же, в 1962-м, взошла звезда Андрея Тарковского: он закончил свой первый полнометражный фильм «Иваново детство», пожалуй, самый счастливый в судьбе великого режиссёра. У фильма была отличная пресса, великолепные сборы и полтора десятка наград из самых разных стран мира. Наиболее престижную — Золотого льва Святого Марка, гран-при МКФ в Венеции, — он получил сразу, в том же году. Конечно, собратья по цеху не могли не заметить такого явления. Вот только подчеркнём ещё раз: общий уровень нашего кино был столь невероятно высок, что не все поняли тогда, кто перед ними. Оценили — да, выдвинули, наградили — да. Но в своей компании сказали привычное, модное тогда: «Старик, ты гений!» То есть приняли в «сообщество гениев», не осознавая ещё, что он, Тарковский, уже не с ними, он — далеко впереди…

Всё было почти, как с АБС. Заметили по первым публикациям, а смирились с их лидерством лишь в 1962-м. Тарковскому оставалось ещё четыре года и ещё один фильм, прежде чем он окончательно ушёл в отрыв — после «Андрея Рублёва». И далеко не случайно эти судьбы пересеклись. Они должны были пересечься. Таланты могут друг друга не заметить — их много, гении обречены на то или иное общение — их слишком мало. Ещё одним таким же гением был Высоцкий. И о нём и об Андрее Арсеньевиче отдельный разговор впереди.

А тогда нормально было ставить в один ряд с Тарковским, скажем, «Дикую собаку Динго» Юлия Карасика (тем более что он тоже получил «Золотого льва»), а те же «Девять дней одного года» Михаила Ромма, мастерскую которого во ВГИКе заканчивал Тарковский, разумеется, ставились намного выше. Это сегодня, спустя годы, уже ясно, что не всё определяется возрастом и опытом. Например, ещё одним событием 1962-го считался фильм «Люди и звери» Сергея Герасимова, мэтра из мэтров, генерала от кинематографии. Но, сказать по совести, кто о нём сейчас помнит, кроме киноведов? А о Тарковском слышали даже те, кто кино вообще не смотрит.

Ох, а какие были выставки, какие спектакли в театрах, какая

музыка была, какие исполнители, какие, чёрт возьми, иностранцы начали приезжать к нам в те годы! Один Вэн Клайберн чего стоил, которого упорно называли как-то по-китайски «Ван» и фамилию читали по буквам — Клиберн, но знала его вся страна, не хуже, чем своих: Рихтера или Гилельса. Впрочем, музыкальная тема слишком далека от нас и мы не станем в неё углубляться, просто хотелось напомнить, что это было прекрасное время для всех искусств.

Как хороши были в те годы даже простенькие комедийные картины: «Три плюс два», «Деловые люди», «Гусарская баллада»! Даже ранний Илья Глазунов, ставший потом безнадёжно конъюнктурным и масскультурным, был тогда очень, очень неплох. Дивная была у него картина: утро, девушка, раскрытое окно на Невский… Или вспомните его жуткий в своей правдивости блокадный цикл, или «Петербург Достоевского» — это было Искусство с большой буквы…

Вернёмся к началу года. Даже ещё чуть раньше — к поздравлениям с Новым годом. Запись в дневнике АНа 31 декабря 1961 года:

«Получил поздравления от гослитовцев и от Майки Глумовой».

Нет, не из будущего «Малыша» и «Жука в муравейнике» — так звали его одноклассницу из ленинградской школы на Выборгской, они дружили и переписывались много лет.

И тоже в последний день года некто Костя Семёнов предлагает перейти на работу в Агентство печати «Новости», где будут платить 250 рублей в месяц (то есть вдвое больше, чем в «Детгизе») да ещё плюс двадцать процентов за два языка и возможность «ездить в страну» (это такой эвфемизм для Японии). Сверкающие перспективы! Но тут же и скепсис АНа: «Не знаю, может, и врёт…» Вариант этот упоминается ещё раз 6 января и дальше — тишина. Похоже, и впрямь какой-то новогодний трёп.

В тот же день (а он был всегда рабочим в советские времена) в издательство приходил Юрий Иванович Абызов, уже хорошо знакомый АНу и называемый им «наш латышский доброжелатель». Замечательный писатель, литературовед и переводчик из Даугавпилса, он ещё не раз мелькнет на страницах писем и дневников, а в тот раз АН очень огорчается, что не может протолкнуть в Москве лемовский «Эдем» в переводе Абызова.

1 января они в гостях у художника Георгия Макарова — иллюстратора «Возвращения» и вообще постоянного детгизовского иллюстратора.

Дальше переместимся сразу на месяц. 8 февраля АН подробно расписывает движение всех изданий: «Возвращение» —

сверка и третья читка; «Стажёры» — рукопись в главную редакцию; «Должен жить» (глава «Стажёров») — альманах в производство; «В стране водяных» — верстка. Дальше перечисляются рассказы в журналах и публикации за рубежом. И, наконец, мы узнаём, что закончен перевод «61 Лебедя», которому требуется ещё литературная обработка. Где этот перевод, который так и не был напечатан?! А ведь тут же записано, что он ещё переводит некую «Пену» — из японской фантастики, опять на свой страх и риск…

А потом уже не о работе.

> «Слушали Окуджаву — понравилось. „Бумажный солдат“, „Последний троллейбус“ — отлично.
>
> Слухи: Елкину из „Комс. правды“ набили рыло. Кочетову намяли бока в „Новом мире“ — это хорошо, теперь, хоть и отметили его 50-летие, однако больше он, вероятно, не поднимется. Хотя кто его знает… *(Мудр был АН, когда дописывал эту фразу — года не прошло, и один из величайших мракобесов своей эпохи Всеволод Кочетов ещё как поднялся! — А.С.)*
>
> Дома все здоровы. Коклюш у детей прошел. Ленка собирается в „Интурист“ и в безопасность *(это так ласково именуется КГБ. — А.С.),* с 10-го идёт на первые занятия. Дай ей бог спокойствия духа, а то я прямо работать спокойно не могу. Жалко и смешно, и злюсь и люблю».

Тут речь идёт о том, что Елена Ильинична несколько раз меняла работу, были у неё проблемы и в «Воениздате», и в «словарном» издательстве, наконец, предложили интересную и престижную работу — экскурсоводом у иностранцев с английским языком. Но она и полгода не протянула: пока надо было просто «стучать», чему учили на первых же занятиях, она ещё терпела, но когда в июле отправили с американками в Сочи и поручили обыскивать сумочки, Елена Ильинична не выдержала и, вернувшись в Москву, подала заявление об уходе. В «безопасности» таких строптивых не очень любили, но серьёзных санкций к дочке Ошанина применять не стали.

Вот на таком фоне идёт активная переписка братьев и разработка их новых сюжетов. АН собирается взять отпуск и ехать в Ленинград, но они ещё не знают, что будут писать. Мелькают рабочие названия: «Звездочёты» — смутно прослеживаются идеи «Понедельника…»; «Родился в 2017 году» — она же так никогда и

ненаписанная «Повесть о Горбовском» (первой главой к этой повести становится рассказ «Дорожный знак», превратившийся в пролог к «Трудно быть богом»); наконец — «Возлюби дальнего», переименованная в дальнейшем в «Попытку к бегству».

А ещё 1 февраля АН пишет БНу:

> «…Ты уж извини, но я вставил в план *(в детгизовский план 1964 года. — А.С.)* „Седьмое небо“, повесть о нашем соглядатае на чужой феодальной планете…»

Похоже, это первое упоминание о «Трудно быть богом».

С 16 февраля по 16 марта в Ленинграде у мамы (рекордная длительность непрерывной работы вместе! — «Устали ужасно. Отрастили усы») после долгих мучений над сюжетом и композицией повесть «Возлюби дальнего» взята штурмом и обретает парадоксальную концовку. Тогда же сделан и «Дорожный знак».

Из отпуска АНу приходится вернуться на день раньше, так как Наталья Исаевна Фельдман обязывает его быть 17 марта на вечере Акутагавы в Доме дружбы с народами зарубежных стран, где председательствовал сам академик Николай Иосифович Конрад. АН читает по рукописи отрывки из повести «В стране водяных». А книжка выйдет только к концу ноября, чудесная, с необычайным вкусом оформленная книжным графиком Дмитрием Бисти (позднее он же проиллюстрирует большой том Акутагавы в «Библиотеке всемирной литературы») и с хорошим предисловием совсем юного Виктора Сановича. Вообще многие японисты считают, что это лучший из переводов Аркадия Стругацкого. Может быть, потому, что это была первая для него японская фантастика. А может быть, потому, что работал он над ним с 1958 года, начав не для денег, не под заказ, а для себя, для тренировки — рискнул, уж больно книга понравилась!

А публика в восторге от чтения отрывков. Тогда вообще многие были в восторге друг от друга, и шелестело повсюду в творческой среде: «Старик, ты гений! Старик, ты гений!»

Для фантастов это было тем более естественно. Они же были в буквальном смысле не от мира сего. Они придумывали другие миры и жили в них. Они писали о людях (и не только о людях) с других планет и о людях будущего, ставших почти богами. Им было легко почувствовать себя именно такими. Представить себя богами среди простых смертных. Представить — легко. Трудно БЫТЬ богом. Именно в 1962-м они впервые поймут это со всей

остротой. Но только через год случайная (или не случайная?) фраза станет названием книги.

В начале апреля мама, познакомившись с рукописью «Возлюби дальнего», наводит суровую идеологическую критику. Её письмо, к сожалению, не сохранилось, но в целом пафос его понятен: неожиданный поворот в творчестве сыновей. То ли ещё ждёт её впереди! АН 8 апреля отвечает письмом, которое можно назвать программным (письмо, кстати, не было отправлено, так как в тот же день мама приезжает в Москву):

> «Дорогая мамочка!
>
> <…> Раскритиковала ты нас здорово. Однако, при всем моём к тебе уважении, должен сказать, что не везде и не во всём справедливо. Понимаешь, если исходить из задачи „звать молодёжь“ или „направлять молодёжь“, то не только эта — ни одна из наших работ ни к черту не годится. Задача же у нас другая совсем. Мы хотим заставить молодёжь шевелить мозгами, понимаешь? Заставить её задуматься над иными проблемами, кроме „где схватить девочку“ и „у кого перехватить пятёрку до получки на выпивку“. Нам представляется, что это задача не менее — а может быть, и более — благородная, чем „звательная“ и „направлятельная“. Звали нас и направляли всю жизнь, а толку не видно, потому что мыслят люди слишком прямолинейно: либо вперёд, либо назад. Вперёд — там сияющие дали, однако же вполне конкретные колдобины на дорогах, а назад — стыдно, конечно, но выпить можно, и с девками побаловаться. Мы должны заставить людей думать глубже, мыслить шире, воспитывать отвращение к грязи и невежеству, особенно к невежеству. <…>
>
> *Твой любящий недостойный Арк».*

А друзья принимают новую повесть на «ура», вот только её почему-то не берут нигде, точнее берут, но тянут с решением, и, как всегда в таких случаях, АН несёт рукопись в «Знание — силу», тем более что там главный редактор Мезенцев в отпуске. Начинаются поправки и замечания. Чем-то не устраивает имя Саул — его меняют на Якова. А название вообще оказывается цитатой из Ницше, и надо придумывать другое. Но задержка происходит из-за иллюстраций, которые АН просит сделать Макарова, а Макаров как раз разводится с женой, и ему

становится ни до чего. Кирилл Андреев пишет рецензию, от которой никому не легче.

В середине апреля на сверку в «Детгиз» приходит из типографии (а тогда верстали в типографии) многострадальный, выпестованный Аркадием «Экипаж „Меконга“». И тоже попадает под Главатом. Удачно проскакивает суровое ведомство. И 19 июля АН даст телеграмму Войскунскому в Баку о выходе книги в свет. Сорокадевятилетний и уже седой Лукодьянов выдохнет, как Остап Бендер: «Сбылась мечта идиота!»

21 апреля, в день рождения дочек — обеих (так и записано, хотя Наташа родилась 20-го, а Маша 30 апреля) АН беспокоится о рассказе на конкурс журнала «Техника — молодёжи». Сегодня даже подумать смешно: без пяти минут классики переживают, чем бы им удивить молодёжь! Предлагаются две идеи:

> «1. „Её тайна“ — о девочке и юноше и нольтранспортировке *(не первое ли это упоминание термина? — А.С.)*.
>
> 2. „Обратный“ — о человеке, движущемся в обратном направлении во времени» (не *Янус ли это Полуэктович? — А.С.)*.

Рассказов таких, насколько мы знаем, не было.

> «7-го мая у Жемайтиса и Клюевой — организационное собрание молодых фантастов.
>
> Андреев рассказывал, что Захарченко и Казанцев до скандала противились. Я попал в оргкомитет. Там нас пятеро: Днепров, Громова, Анфилов, Полещук и я».

Вот тут короткого комментария будет явно недостаточно, и мы оставим эту тему на конец нашей главы, а пока вернёмся к хронологии личных, творческих и околотворческих событий.

В конце мая братья встречаются в Ленинграде и основательно переделывают «Возлюби дальнего» в ту «Попытку к бегству», которая всем известна. Правда, с публикацией в «Знании — силе» всё откладывается, зато уже ясно, что повесть пойдёт в сборник в «МГ» — первый настоящий ежегодник, без специального названия — просто «Фантастика-62».

Тогда же они обсуждают возникшую раньше и уже мелькнувшую в письмах идею сверхопыта, сверхинстинкта

гигантского спрута Кракена, превращающего людей в моральных чудовищ. БНа не слишком увлекает замысел, он предлагает делать некий «День волшебника» (очередное название для «Понедельника»?). Однако АН, всё лето работая над переводом «Пионового фонаря», одновременно продумывает «Дни Кракена» — повесть, которая так и не была написана до конца. А жаль. «Сугубый реализм» первых глав, написанных АНом, который казался так скучен БНу тогда и который в итоге стал неодолимым препятствием для продолжения повести в этом ключе, по-моему, этот реализм — ещё одно доказательство жгучего желания, запечатлеть, сохранить для потомков лучшие, счастливые годы своей жизни. АН упорно возвращается к «Кракену» вновь и вновь, пока БН не забраковывает идею окончательно, и тогда «Кракен» в его фантастической части будет безжалостно растащен на кусочки по разным повестям. А реалистическая половина книги ляжет в архив навсегда — точнее, до публикации в полном собрании. Но как же много в ней вкусных подробностей московской издательской жизни и московского быта конца 1950-х — начала 1960-х, как изумительно описана работа переводчика с японского!

И на самом-то деле повесть эту сгубил не реализм, а отсутствие сюжета. АН видит, о чём она, о ком, для кого, но вот что там будет происходить? В июне он запишет:

> «Как создать коллизию? Нужны ситуации, в которые можно вложить всю ненависть к дуракам, к наступающему мещанству, к ограниченности».

Как это напоминает «Хищные вещи века», а ведь до них — до зарождения самой идеи — ещё больше года!

А уже зимой, когда вовсю пишется «Далёкая Радуга», он сформулирует точнее:

> «…Мы выработали концепцию Кракена — фактор омещанивания, элемент, в присутствии которого люди становятся животными. Показать непосредственную связь — мещанство — культ личности».

И тут же, абзацем ниже:

«…Я открыл противоречие между нами, которое в последнее время движет нашу работу: меня тянет к внешнему описанию событий, а Борьку — к поискам содержания и сюжета».

Потом многое изменилось, но тогда это всё так и было. Однако БН не захотел искать сюжет.

Когда читаешь дневник АНа, больше всего поражаешься, как он всё успевал: редактировать, переводить, продумывать, сочинять, записывать, притом, что кроме дневника, писем и двух основных работ, была ещё масса мелочей в виде статей и выступлений, были постоянные призывы на военную учёбу, бытовые проблемы, регулярные выпивки в самых разных компаниях, наконец, чтение книг и просмотр фильмов… По часам это расписано не всегда, но даже перечисление по дням сражает наповал.

«19 июня: <…> Взяли меня было в армию — с отправкой на ст. Смоляниново (между Владивостоком и Находкой), да обошлось: по счастью, я б/п *(беспартийный. — А.С.)*».

«31 июля (вторник) 27 июля получился сигнал „Возвращения“ <…> Со вчерашнего дня я, раб божий, перестал пить и курить. Очень скверно чувствовал себя. Сейчас несколько лучше. Прервусь на два-три месяца с курением. Воздержусь от водки и коньяка. А там видно будет».

«9 августа (четверг) <…> надо ехать в Каширу за детьми *(это они жили на даче у Шилейко. — А.С.)* — тоже удовольствие на все катушки. Господи, ничего так не хочу — оставьте меня в покое! Так надоело всё. Пожить бы совершенно одному хотя бы месяц! Ну, ничего. Надо держаться».

«18 августа было т. н. совещание на международном уровне. Единственная приятная шутка на этом совещании — приезд Бориса. <…> Совещание выглядело до предела глупо. Захарченко окончательно обнажился как дурак и демагог. Зато заметно сконцентрировались молодые. Мы все сидели в одном ряду: Женя Лукодьянов *(Войскунский, разумеется. — А.С.)* (Исая не было), Джереми Парнов, мы с Борькой, ленинградец Варшавский. Днепров сидел сначала в стороне, но затем стоны и вопли Сытина и Немцова

бросили его в наши объятья. И Ариадна Громова была с нами. Кто же против нас? Враги поджали хвосты и только хныкали».

Это было первое такое масштабное всесоюзное совещание писателей и критиков, работающих в жанре НФ. Второе и последнее было проведено только в 1976 году, что весьма наглядно иллюстрирует отношение властей к фантастике. В 1962-м совещание проходило под эгидой секретариата ССП в ЦДЛ. Примечательно было тем, что многие интересные и полезные друг другу люди впервые там познакомились, а к тому же по завершении все отправились в Дом кино смотреть знаменитый фильм Стэнли Крамера «На последнем берегу» — о конце света после ядерной войны. Широкой публике его не показывали, только хорошо подготовленным фантастам. Фильм навел АБС на идею «Далёкой Радуги».

После совещания братья решили не расставаться.

«25-го мы обманом удрали с Борькой в Крым. Там с Копыловым, Наташей и ещё одной девочкой нежили тела под солнцем и в соленой воде пополам с дерьмом и презервативами. Вернулся десятого с обожженными ногами».

Кого обманывали, не совсем понятно, но 1 сентября Маша пошла в первый класс, а папы не было в Москве — это к вопросу об отношении к детям.

Нет, было бы несправедливо сказать, что вконец заработавшиеся АБС вовсе не уделяли внимания детям. Это неправда. Об отношениях между БНом и его сыном Андреем у нас меньше объективной информации, а вот две дочки АНа точно не были обделены отцовской любовью — и сами признают это, и в дневнике той поры достаточно записей о чтении вслух любимых книг, о детских праздниках (от которых он, правда, как и все взрослые, уставал жутко), о помощи в уроках (всё-таки папа частенько сидел дома), о прогулках по дворам или в Центральном парке (любопытно, что он называет его именно так, на ньюйоркский манер, а не как большинство — Парк культуры или Парк Горького).

Ладно, будем считать, что Маша, брошенная отцом на Первое сентября, — это исключение. Зато именно там, на Юге, братья очень плодотворно обсуждают вещь о катастрофе в мире Полдня,

и 15 сентября АН в письме БНу уже называет новую повесть «Катастрофой».

22 сентября АН достаточно внезапно срывается в командировку в Западный Казахстан (Актюбинск, Уральск, Гурьев — между городами километров по 400–500) с группой поэтов от «МГ» по инициативе Белы Клюевой. Он всегда легко и охотно соглашался на такие поездки, даже когда был уже не слишком молод и не очень здоров, а тогда, это было едва ли не впервые, и поехали они с огромным энтузиазмом. Вдобавок ностальгия по тем местам, где был… нет, счастлив не был — просто был во время войны. Удивительно, как совершенно случайная поездка занесла его именно в Актюбинск. И там прекрасно встречали москвичей: кормили, поили (поили действительно крепко: после вечерних возлияний на утренние выступления хватало здоровья только у двоих — у АНа и у Джима Паттерсона, поэта, снявшегося маленьким негритёнком в старом фильме «Цирк»), возили повсюду, показывали много интересного, но главное — его узнавали. АН тогда, быть может, впервые почувствовал, что такое слава: в этом далёком захолустье школьники, дети рабочих с нефтеперегонного завода на Каспии читали его книги и задавали умные вопросы. Они хотели думать, и это было прекрасно.

Почти без паузы, с 3 по 5 октября, он отправляется в Горький, теперь уже вместе с женой по приглашению Юрия Борисовича Беспалова. Там тоже было здорово, особенно запомнилась инсценировка «Смертьпланетчиков», сделанная к их приезду молодыми актёрами под руководством Беспалова — тогда режиссёра молодёжной редакции местного телевидения. А сегодня его — заслуженного деятеля искусств и члена академии «Ника» — называют легендой советского телевидения.

Жизнь полна поразительных совпадений! Через десять лет к Юрию Борисовичу придёт студент исторического факультета Горьковского университета Саша Сокуров и станет его любимым учеником. Получив диплом, он будет работать на Горьковской студии телевидения режиссёром документальных фильмов. А ещё через десять лет будущий всемирно известный кинорежиссёр возьмется за экранизацию повести АБС «За миллиард лет до конца света».

В 1962 году одиннадцатилетний Саша учится в школе в польском городе Легнице, там служит его отец-военный. Вскоре они всей семьёй переедут в туркменский Красноводск, где и будет в итоге снят фильм «Дни затмения» по Стругацким…

АН ещё раз приедет на горьковское телевидение в 1983 году — принять участие в документальном фильме «Тайна всех тайн». Было бы очень интересно узнать, встречался ли он тогда с

Беспаловым, и зашёл ли у них разговор о Сокурове, ведь работа над сценарием уже шла…

16 октября АН подал заявление об увольнении из «Детгиза» — пора было от чего-то отказываться, но хитрая Калакуцкая уболтала его на трехмесячный творческий отпуск за свой счёт.

> «Втайне от Бориса норовлю заняться „Кракеном“. Ноябрь попишу — страниц 150 можно сделать, если до ноября тщательно разработать план. А в декабре поставлю Борьку перед фактом — хошь не хошь, а пиши „Кракена“. Впрочем, я ему, пожалуй, сообщу всё-таки. <…> В „Пионере“, по-видимому, пойдёт „61 Лебедя“ пополам с Ниной Берковой».

Не пошла. Даже «пополам с Ниной». А вот «Кракена» он действительно напишет.

> «1 ноября. Были горячие денечки. 26-го наговаривал по радио болтовню о человеке будущего — кажется, так и не пустили в эфир. 27-го делал доклад о фантастике в „Детгизе“ — все стали смотреть на меня с благоговением. 28-го выступал с Андреевым, Громовой, Днепровым, Полещуком, Парновым и Емцевым в Политехническом музее. Кажется, прошло успешно. Во всяком случае, так Крыса говорит».

В тот же день АН пишет БНу:

> «…Я вставил нас в план Детгиза на 64-й год под названием „Седьмое небо“. Название пока не обязательное, но книжечку надо бы написать. Про магов. Легкомысленную. Весёленькую. Без затей. А? Мечта! А?» *(Неожиданный поворот: от февраля до ноября «Седьмое небо» из «Трудно быть богом» превратилось в «Понедельник…» Что и говорить, бурный был год! — А.С.)* <…> «…Выступал в Политехническом музее <…> У нас очень много поклонников. Ленка сидела в зале, и вокруг неё шептались: „Хороши ребята, а Стругацкие всё же лучше всех пишут“. Я с амвона как трахнул: „Нужно

будет — про ведьм и колдунов напишем, нам наука не указ“. Что тут было! Хохот, аплодисменты, негодование! А после выступления обступили меня и давай терзать и брать автографы и спрашивать, почему тебя нет, не заболел ли, упаси бог. Один напал на меня за ведьм и колдунов, тут его оттерли сразу».

Это был финал международного конкурса по фантастике журнала «Техника — молодёжи». И хотя отношение АБС и вообще молодых фантастов к главному редактору Василию Захарченко в этот момент уже вполне определилось (вспомним запись в августе), журнал ещё продолжает быть вполне прогрессивным. И конкурс — дело полезное, и в № 12 в общей публицистической подборке печатается, в частности, фрагмент выступления АНа на встрече писателей-фантастов и учёных под кодовым названием «Человек и будущее».

«23 ноября. Сегодня ровно неделя, как я в Ленинграде. <…> Приезжал Лем. Выступил по радио. Сказал, что больше всех в СССР из фантастов ценит Стругацких и Ефремова. Очень лестно».

В Ленинграде будет установлен новый рекорд по длительности их совместной работы — больше месяца, до 26 декабря. Они сделают «Далёкую Радугу», которую АН в дневнике обзовет «последней повестью о „далёком“ коммунизме».

Они и в самом деле так думали. Им становилось уже неинтересно писать об этом благополучном будущем. Серьёзный поворот в мыслях намечался.

Последнюю запись года в дневнике АН завершит рассказом о замечательных ленинградских фантастах, с которыми общался в этот приезд: об Илье Варшавском, Владлене Травинском, Юрии Коптеве и его жене Рите, Владимире Дмитревском, Дмитрии Брускине.

Вообще, одна из важных черточек 1962-го года — невероятно расширившийся круг знакомств, особенно у АНа. Издательства, редакции журналов, компании, собиравшиеся у старых друзей, наконец, ЦДЛ, куда он начал захаживать регулярно, даже безотносительно к мероприятиям. АН охотно общался со всеми представителями тогдашней молодой литературы: с Василием Аксёновым, Анатолием Гладилиным, Георгием Садовниковым, Владимиром Войновичем, Георгием Владимовым, Фазилем

Искандером, Аркадием Аркановым, Григорием Гориным, Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Леонидом Жуховицким, Георгием Семёновым, Юрием Казаковым…

Это были очень разные писатели из очень разных компаний, но удивительно то, что почти все они за исключением, может быть, трёх последних, в том или ином виде тоже писали фантастику, не научную, конечно, однако въедливые специалисты включили их впоследствии во всевозможные библиографии именно фантастики. При том заметим, что все вышеперечисленные решительно не хотели не только признавать себя фантастами, но и называть фантастическими свои сатирические, фантасмагорические, сказочные, сюрреалистические и прочие нетрадиционные творения. Фантастика как была, так и оставалась для них чем-то далёким, чужим и… к сожалению, второсортным. Существовало навязанное сверху и глубоко укоренившееся представление о фантастике, как о низком жанре. А многие, очень многие (в дневниках и письмах даже сами АБС — для краткости и простоты) так и говорили, и по сей день говорят — «жанр фантастики», что совершенно безграмотно с точки зрения филологической науки. Искусственное деление на жанры очень мешало АБС, да и всем прочим талантливым фантастам получить нормальное литературное признание. Фантастов не печатали толстые журналы, фантастов не замечала высоколобая литературная критика, их не рассматривали как равноправных членов писательского сообщества, даже вступление в Союз было для них куда труднее, чем для обычных прозаиков.

В этой непростой обстановке фантасты вынуждены были объединяться сами, как умели, и занимать круговую оборону. Самым первым центром такого объединения стали так называемые семинары или посиделки в редакции Сергея Жемайтиса в «МГ», где ещё в 1959 году спонтанно организуется нечто вроде литобъединения. Никто не помнит точной даты первого семинара, да и не было такого. По-видимому, просто Сергей Георгиевич и Бела Григорьевна видели, как фантасты, встречаясь у них в редакции совершенно случайно, иногда по трое, по четверо и попивая чаёк за шкафом в закутке для неформального общения, тянутся друг к другу, узнают друг друга без слов, словно телепаты, и начинают говорить на своём, совершенно особенном языке. Идея встречаться специально посетила нескольких человек одновременно, никто не претендовал на авторство.

Уже в марте 1959-го АН запишет в дневнике:

«15.03 — …в пятницу в М.Г. сбор научных фантастов у Жемайтиса в 16.00…»

«20.03 — …поехал в „Мол. Гв.“ Взял у Васильевой ГП *(„Глубокий поиск“. — А.С.)*. Она заклинала никому не отдавать, она-де постарается уговорить своё начальство. Затем сидел на совещании научных фантастов. Было очень интересно».

Но регулярно они начнут собираться только через пару лет. Посиделки, как их ласково станет называть Клюева, будут худобедно формализованы, то есть одобрены начальством, и даже, ввиду изрядного уже стечения публики, переведены из тесной редакции в небольшой конференц-зал. В мае 1962-го АН напишет Войскунскому в Баку, как некую новость: «У нас создано литобъединение писателей-фантастов». «Посиделки» получают более серьёзный статус и проводятся теперь дважды в месяц, с перерывом на лето, как всякое уважающее себя мероприятие. Тогда же, в марте, этим посиделкам официально придается функция работы с молодыми. Конечно, это не было литобъединением. Такой советский термин обозначал, как правило, поощряемые властью графоманские клубы на заводах, в воинских частях и прочих структурах. Не являлось это сборище и семинаром, ведь там не было руководителя, и никто никого ничему не учил, во всяком случае, поначалу. Люди собирались читать друг другу новые рассказы, обсуждать уже вышедшие, говорить о тенденциях в фантастике, советоваться, где и как лучше издаваться. Для редакции это была кузница авторских кадров, для опытных писателей — возможность обменяться мнениями и получить оценку «по гамбургскому счёту», а для молодых, начинающих — действительно семинар, хотя не столько школа ремесла (разве этому научишь?), сколько школа жизни, ну и конечно, возможность пробиться в печать. С годами последнее стало сильно преобладать, романтиков становилось всё меньше, прагматиков всё больше. Семинары эти изжили сами себя. Строго говоря, они постепенно перебрались в ЦДЛ, где были формализованы как заседания Комиссии и Совета по фантастике, но там уже и состав участников сильно переменился и стиль общения стал совсем другим. Собственно, окончанием вольных молодогвардейских посиделок принято считать печально знаменитый 68-й, хотя опять же никто не назовет точной даты последнего семинара у Жемайтиса.

Но мы рассказываем о 1962-м. Самый разгар оттепели, период стремительного взлёта НФ. И там, на Сущёвке, по

вечерам, после работы собирались умные, талантливые, внутренне свободные, одержимые сумасшедшими идеями люди. Они понимали друг друга, они мечтали об одном общем прекрасном будущем, их объединяла эта мечта. Хотя они тоже были очень разными и по-разному видели путь в это будущее, было весело, увлекательно, жарко — здорово было! Аркадий Стругацкий, Анатолий Днепров, Еремей Парнов, Михаил Емцев, Дмитрий Биленкин, Север Гансовский, Ариадна Громова, Георгий Гуревич, Роман Подольный, Александр Мирер, Рафаил Нудельман, Владимир Григорьев, Александр Полещук, Нина Беркова, Александр Колпаков, Всеволод Ревич — вот те, кто были ядром семинара, а из примкнувших к ним в ту пору молодых и вспомнить некого, во всяком случае, оставшиеся в живых старики вспомнить не сумели. Разве что Юрий Медведев памятен многим. Да только о нём разговор особый, совсем особый…

Видно, и впрямь был это не совсем семинар, потому и не взрастил новую смену. Да и какая там смена — в глухие семидесятые… Всё-таки это был клуб, туда для более солидного разговора приглашали учёных-футурологов, например, историка и педагога Игоря Васильевича Бестужева-Ладу, уже тогда интересовавшегося фантастикой и начинавшего писать к ней предисловия, или демографа и социолога Эдварда Артуровича Араб-Оглы; физиков и математиков тоже звали. Появлялись люди из других городов, если совпадали дни их приезда с днём семинара: переводчик Евгений Вайсброт из Подмосковья, замечательный поэт и фантаст Вадим Шефнер из Ленинграда, Генрих Альтов, Евгений Войскунский — из Баку, Владимир Савченко и Игорь Росоховатский — из Киева, Борис Стругацкий… Вот тут опять разночтения: Парнов и Клюева помнят его там, а сам БН уверяет, что в посиделках у Жемайтиса никогда не участвовал. Не станем удивляться: Рафаил Нудельман правильно вспоминает, что БН незримо присутствовал всюду, где бывал АН: «Аркадий то и дело говорил: „А вот Борька думает… а вот Борька сказал…“ — и чувствовалось, что „Борька“ для него — интеллектуальный авторитет».

А после семинаров уже более узкой компанией шли, как правило, к Громовой на Большую Грузинскую улицу в дом неподалёку от зоопарка. Метро «Краснопресненская» — две остановки от «Новослободской», а можно было по хорошей погоде и пешком прогуляться под интересный разговор. Тем более что по дороге всё равно надо было зайти в магазин. Впрочем, чаще делали это не по дороге, а специально снаряжали двоих-троих в любимую высотку. Там гастроном хороший. Случалось и Стругацкому бегать, он это любил — руководить подобными

закупками в магазине и самолично организовывать стол (в отличие от семейного хождения по магазинам, от которого всегда уставал ужасно, на что и жаловался в дневниках). А на тех сборищах закуска была немудрящей — хлеб, колбаса, — ну а пили, как правило, коньяк, такую моду взяла московская интеллигенция. Разница по цене между коньяком и водкой была тогда несущественной. Конечно, пили и чай, если засиживались до глубокой ночи.

Громова, старшая среди всех (1916 года рождения), знала многих не только писателей, но и художников, музыкантов, артистов. У неё не однажды сиживал Высоцкий и пел под гитару. Но со Стругацкими (БН подтверждает, что был у Громовой) Владимир Семенович как-то разминулся, познакомились они иначе и на несколько лет позже.

Вообще, круг творческой интеллигенции начала 1960-х с одной стороны был весьма узок, все знали всех через второго человека — уж наверняка. Да и мест для встречи было по пальцам пересчитать, а с другой стороны, сообщество легендарных шестидесятников дробилось всё-таки на несколько весьма закрытых компаний, не пересекавшихся никак. Вот и получалось, что люди, которым сам бог велел познакомиться и подружиться, ходили друг мимо друга годами, и многие великие надежды и возможности отодвигались на неопределённое время или вовсе рушились… А может быть, они и не стоили того?

Не станем гадать. Те, кто хотел познакомиться, делали это решительно и прямо. Вот, например, будущий математик с мировым именем Юрий Манин, именно тогда, в 1962-м, взял да и написал письмо АБС на адрес издательства. А писатели взяли да и ответили ему:

> «Уважаемый Юрий Иванович!
>
> Было чрезвычайно приятно и лестно получить Ваше письмо. Мы уже наслышаны о новосибирском совещании, и нам было бы, конечно, очень интересно побывать там и потереться среди **нынешних истинных владык мира** *(выделено мною. — А.С.)*. Правда, мы предвидим определенные препятствия, вроде нежелания начальства отправить нас в такую командировку, но это, к сожалению, от нас почти не зависит…» (76 *сентября 1962 г.)*

Дальше посетовали на недостаточно серьёзное отношение к таким авторам, как Днепров и Альтов, полагая их самыми

близкими к науке, и выразили желание общаться вне зависимости от совещания. Подписи под письмом две, правда, обе их поставил АН, но это не важно — БН, конечно, был в курсе и тоже хотел познакомиться с математиком. Отношение к науке было в то время по-настоящему благоговейным: мол, вы-то нам понятно для чего, а вот мы-то вам — зачем? С совещанием в тот год ничего не вышло, идея была слишком смелой, но и АН, и БН в Новосибирском Академгородке побывали, один — в 1966-м, другой — в 1969-м. А вот с Маниным познакомились сразу, в 1962-м. И многое встало на свои места. Наверняка традиционные научные фантасты вроде Днепрова и Альтова были нужны и интересны учёным, но лично Юра Манин интересовался совсем другой литературой: классической и современной поэзией, бардовской песней, новой экспериментальной прозой, фантастику он любил постольку-поскольку, читал её за компанию со всеми, чтобы быть в курсе. А вот Стругацких выцепил сразу из общего потока, как он признаётся сегодня, ещё по «Стране багровых туч». То есть раньше других своим аналитическим умом он понял, что это — настоящая литература, и стал читать всё, что выходило, а потом не утерпел и решил посмотреть на этих людей вблизи. Они дружили всю жизнь. С АНом — до самой смерти.

Вспоминает Юрий Иванович Манин:

«Несмотря на заметную разницу в возрасте я ощущал, быть может, самонадеянно, что мы были с Аркадием друзьями. Я не могу ни обосновать это чувство, ни подкрепить его свидетельствами. Мы были очень разными, наши жизненные опыты почти не пересекались. Но я чувствовал к Аркадию глубокую симпатию, а его и Бориса размышления о человечестве и его судьбе воспринимал с жадностью, потому что они удовлетворяли какую-то глубокую потребность, которую нельзя было утолить иначе.

В шестидесятые годы я читал довольно много фантастики, но, кроме работ Стругацких, воспринимал её как чистое развлечение. В памяти мало что осталось, кроме смешного этюда Азимова: далёкое будущее, мальчик-вундеркинд, к общему изумлению, открывает нечто немыслимое: он ухитряется умножить шесть на семь с помощью каких-то каракулей на бумажке, тогда как все нормальные люди просто нажимают клавишу на компьютере…

Такие вещи делать было легко. Братья занимались чем-то совсем другим.

(Юрию Манину в 1962 году было двадцать пять лет, и его научная репутация быстро росла. В 1963 году он защитил докторскую диссертацию, два года спустя стал профессором МГУ.

А в 1967 году, когда проводил полтора месяца под Парижем, работая в Институте Высших Исследований, узнал о присуждении ему Ленинской премии. — А.С.)

В Москве на мехмате МГУ у меня уже были первые замечательные ученики, я читал лекции и со страстью занимался математикой. Но мой широкий круг общения состоял вовсе не только из математиков: в него входили лингвисты, художники, литературоведы, писатели, психиатры, историки, — все со своими, а не официальными убеждениями.

И вот, вернувшись из Парижа, я вдруг обнаружил, что после премии меня стали считать „своим“ люди из совершенно другой компании. Тут я испугался, осердился и, чтобы не было недоразумений, подписал первое коллективное письмо протеста, попавшееся мне под руку. Это было письмо в поддержку одного из правозащитников, математика и сына поэта Александра Сергеевича Есенина-Вольпина, в очередной раз посаженного в психушку.

Ну а дальше, как обычно: вызов на партком, и я стал невыездным на двадцать лет. Преподавать, к счастью, не запретили, ученики приходили, не пугаясь парткома. Душно было, ну да ничего.

К концу 80-х страна стала меняться, опять можно было ездить, и оказалось, что мне ужасно интересно, как живут люди в разных местах, как они осознают своё общество и его историю, как они проницательны и как они слепы… Словом, мы с женой стали жить не только в Москве, но также в Бостоне, Токио, Париже, Бонне, Чикаго, — и так с тех пор и продолжаем учиться, всему, включая и любимое ремесло, математику».

Почему мы рассказываем об этом человеке? Ну, во-первых, у АБС было совсем не так много общих друзей вообще, а на протяжении стольких лет — и того меньше. Во-вторых, именно Манин был, наверно, самой яркой личностью среди тех учёных, на которых АБС предлагали равняться, именно он стал в той или иной мере прототипом многих учёных в их книгах: Ламондуа («Далёкая Радуга»), Симоне («Отель „У погибшего альпиниста“») и, конечно, Вечеровского («За миллиард пет до конца света»). Правда, сам Юрий Иванович ни в одном из них себя не узнал, но это и не важно — важно, что авторы говорят: Манин помог им создать эти образы, и с этим не поспоришь.

Кстати, другим прообразом учёных в книгах АБС, особенно Вечеровского (по внешним данным — уж точно), был Алексей Вольдемарович Шилейко — ещё один феерический персонаж советской науки — создатель первого отечественного компьютера и самого представления об информации как о физической

сущности, а «по совместительству» пасынок Анны Ахматовой, то есть сын одного из её мужей — выдающегося востоковеда, поэта и полиглота Вольдемара Шилейко.

Алексей, наделённый уникальным математическим складом ума, тяготевший к технике с детства, вырос среди людей искусства, а потому всю жизнь был ещё и великим знатоком литературы, музыки, театра, живописи. Так что мимо братьев Стругацких никак он не мог пройти. Познакомился в начале 1960-го, ещё раньше Манина, и тоже стал другом АНа на долгие годы.

Ну а теперь немного о политике.

Помнится, БН убеждал меня, что их творчество развивалось и выстраивалось под влиянием событий, в первую очередь, социально-политических. Да, безусловно. Куда ж от них деться-то в нашей стране? Но думаю, что теперь и читателю ясно, что влияли эти события опосредованно — через обстоятельства, если не лично-семейные, то уж во всяком случае профессиональные: условия, возможности, стимулы для работы, частота и оперативность публикаций.

А ведь год 1962-й был весьма, весьма не простым.

С одной стороны, хрущёвская оттепель набирала силу, подрастали дети, родившиеся после Сталина и имевшие шанс никогда не узнать, не увидеть ничего подобного ушедшим в прошлое ужасам. После исторического выноса вождя из мавзолея 1962-й стал первым годом СОВСЕМ без Сталина. И в то же время, с другой стороны, набирали силу реваншистские настроения, неосталинисты ещё не афишировали себя, но копили злобу и выжидали.

В сфере искусства и науки всё было пока здорово, но в сфере экономики под безграмотным партийным руководством становилось хуже и хуже. Исчезали продукты, которых и так было немного. Росли цены. Не случайно именно в 1962-м случился чудовищный расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске 2 июня. И не случайно об этой трагедии не узнали тогда не только АБС, но и вообще никто по всей стране. Наивысшее проявление свободы — массовая забастовка, и в ответ чисто тоталитарное жестокое подавление (24 человека, погибших под пулями) и, что ещё страшнее — безжалостное заметание следов в лучших сталинских традициях. Сколько человек было убито во имя сокрытия информации — этого мы уже никогда не узнаем.

Немногим веселее было и по всему миру.

11 февраля в Западном Берлине поменяли Пауэрса на Абеля.

5 августа умерла Мэрилин Монро. Не доказано, но многие считают, что её убили.

Ну и вообще, сплошные кризисы: Берлинский кризис, Тайваньский кризис, Карибский кризис… Да, стену в Берлине начали возводить 13 августа 1961-го, но это ведь только проволоку колючую на 45 километров протянули, и то три дня провозились, а саму стену как таковую строили как раз весь 1962 год на радость демократической Европе.

Проблемы Тайваня и Пекина вроде бы уж совсем далеки от нас, если бы не то обстоятельство, что АН жил в семье китаиста, и там никак не могли игнорировать судьбу засевшего теперь в Тайбэе приснопамятного Чан Кайши, от которого семья Ошаниных спасалась бегством из Шанхая ещё в 1927-м с грудной Леной на руках…

Ну а Карибский кризис в октябре, истинный смысл которого был скрыт от народа, — это событие, вне всяких сомнений, эпохальное. Не увенчавшаяся успехом попытка разместить советские ядерные ракеты на Кубе поставила весь мир на грань ядерной войны между СССР и США. И в каком-то смысле история эта стоила Кеннеди жизни, а Хрущёву — власти. Победителями вроде бы вышли американцы, но ни тому, ни другому не простили случившегося.

Скажем прямо, писателям Стругацким не было до всего этого особого дела. Они всё также, как и раньше (в 1956-м, например), думали о своих глобальных проблемах — представьте себе, глобальнее Карибского кризиса! — и работали, как проклятые.

Только к концу года эхо всех кризисов докатится и до людей искусства. А значит, коснётся и Стругацких.

1 декабря Система показала зубы. Случился знаменитый поход Никиты Сергеевича со товарищи на выставку «Новая реальность» в Манеже. Товарищи у него были замечательные — Суслов и Козлов. Первый так грамотно науськивал Самого на абстракционистов и формалистов, что Никитушка, расстроенный всеми политическими кризисами года, не стал церемонничать и выдал свою историческую фразу: «Я как Председатель Совета министров заявляю, что советскому народу всё это не нужно». У Лавра Федотовича Вунюкова из «Сказки о Тройке» должность будет поскромнее, но говорить он будет именно этими словами.

Декабрьский скандал в Манеже принято считать первым звоночком, сигнальной ракетой для притаившихся идеологических реваншистов всех мастей. А они и впрямь как с цепи сорвались. Тут же, как по команде. И Никитушка сам уже не смог остановиться — два оставшихся года так и кусал интеллигенцию с яростью ополоумевшей гончей, клацающей челюстями над ухом каждого, кто подвернётся под горячую лапу.

Собственно, все надежды на лучшее для нашего искусства

именно тут и начали сворачиваться. Оттепель заканчивалась. Начинались ещё лёгкие, но заморозки. И торжественно-печальным аккордом года стал выход большого рассказа никому не известного тогда Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Публикация состоялась не потому, что градус свободы поднялся до максимальной отметки, скорее наоборот — слишком тяжело было главному редактору «Нового мира» Александру Твардовскому пробивать эту вещь, слишком долго шла она к читателю и добрели уже на излёте эпохи. Ведь рассказ Солженицына больше года пролежал в редакции и только под личным давлением Хрущёва на собственных идеологов был втиснут в ноябрьскую книжку. Повезло. Кубинский кошмар обрушился на генсека, когда номер уже отправили в типографию. А иначе, кто знает, может, и пришлось бы Александру Исаевичу собираться за кордон намного раньше…

И всё равно это был счастливый, яростно-прекрасный год, прошедший под знаком успеха и неистовых трудов.

И наука шагала семимильными шагами, и в космос поднялись друг за другом два новых космонавта — Андриян Николаев и Павел Попович.

И было вокруг АБС очень много новых и старых друзей, а врагов ещё практически не было.

И вроде бы ничто не предвещало пока беды…

Глава одиннадцатая
ТРУДНО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

«„Трудно быть богом“ я считаю лучшим произведением советской научной фантастики за последние годы».

И. Ефремов. «Миллиарды граней будущего»

Всякая попытка жёстко привязать творческую биографию писателя к историческим периодам развития страны, а тем более к конкретным годам и датам (это уже вообще нумерология какая-то) заранее обречена на фиаско. Да, АБС, как и все советские люди их поколения, пережили сталинщину, оттепель, застой, перестройку. И все эти периоды чётко датированы благодаря ключевым историческим событиям. Но у писателей были свои события в жизни, политика влияла на них, но не могла диктовать условия в области творчества, то есть диктовала, конечно, но далеко не всегда они условия эти принимали. А к тому же от времени написания книги до её издания проходили иногда месяцы, а иногда и годы, и ни в какие схемы процесс этот не укладывается.

Да, есть такое выражение: «благословенные шестидесятые». Целое поколение блистательных художников (в широком смысле) именуют шестидесятниками. АБС, вне всяких сомнений, к этому поколению принадлежат, но их звезда взошла не в 1960-м, а на год раньше, и серьёзные трудности в отношениях с властью начались не в 1970-м, а намного раньше. Поэтому бессмысленно говорить вообще о 1960-х годах в их творчестве. Именно тогда было несколько значимых периодов, непохожих один на другой. Периодов таких видится четыре: романтическая юность — до 1961-го, короткая яркая молодость — 1962-й, зрелость — 1963–1967 и последний период — всё та же зрелость, но (добавим уже без всякой биологии) в условиях открытого столкновения с Системой — 1967–1969. Ну а дальше на протяжении всего «застойного» периода, до 1986 года включительно, — прямое продолжение того же периода: АБС и официальная идеология по разные стороны баррикад. Пожалуй, лишь последние две вещи: «ОЗ» и «Жиды города Питера» уже не встретят никаких нападок

цензуры.

Возвращаясь к первоначальному делению (юность — молодость-зрелость), хочется на последнем термине и остановиться, потому что «перезрелости» у АБС не было — это удел иных авторов, — а старость… Что такое старость для писателя? Физически он слабеет, конечно, как и любой человек, но одновременно делается мудрее. Так что возраст к середине 1980-х стал ощущаться, но только в одном: они уже не могли работать так быстро, как раньше. Сил не хватало. Но уровень оставался в точности таким же, какой был достигнут ими однажды, в середине благословенных 1960-х. Выше — просто невозможно, а ниже — нельзя, стыдно.

Так вот середина шестидесятых — это был период взросления и окончательного становления зрелых Стругацких, период уже не поиска, как надо писать, как хочется писать, как лучше получается, а период сознательного выбора очень разных тем, очень разных манер, очень разных сюжетов. Им было просто неинтересно писать «сериалы» с продолжением, работать в одном и том же придуманном мире, неинтересно им было писать одинаково. Вот почему за эти пять лет они и создали семь абсолютно непохожих, но равных по внутренней силе и внешнему совершенству вещей: «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне», «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке», «Второе нашествие марсиан».

Что происходило с АБС в этот период? Начнём прямо с 1963 года. Обнажившийся ещё в декабре 1962-го конфликт интеллигенции с властью заставил братьев по-новому взглянуть на все собственные замыслы. Нет, они не собирались изменять своим убеждениям и даже перекраивать однажды придуманный мир, они оставались мудрыми и добрыми коммунарами Полдня, просто они бесстрашно открыли глаза навстречу другим, не столь благополучным мирам, одним из которых был теперь этот, реальный, сегодняшний, для которого они — коммунары — всё ещё оставались богами. Мир был прекрасен и омерзителен. Мир был добр и страшен. Мир был неоднозначен, как во все времена. И вот из лучшей его половины демиурги Стругацкие сотворили Полдень, а из худшей — иные отсталые цивилизации на других планетах. И, сконцентрировав то и другое, преподнесли читателю метафору невероятной глубины и силы. «Попытка к бегству», написанная на одном дыхании в 1962-м, стала как бы увертюрой к этому периоду. И вот теперь могучими аккордами вступила главная тема — «Трудно быть богом». Работа над повестью шла долго и завершилась лишь в сентябре 1963-го.

Ну а потом им расхотелось чувствовать себя богами. Гораздо

приятнее было осознавать, что не боги горшки обжигают: и в литературе, и в жизни — хоть в политической, хоть в общественной, хоть в частной. Это был очень важный поворот в сознании. Система, царившая в СССР, не могла не почувствовать его и стала если пока не огрызаться, то уже глухо ворчать.

Впрочем, «Далёкая Радуга» проскочила ещё без осложнений. Сначала — в конце 1963-го в издательстве «Знание», в сборнике «Новая сигнальная», торжественно открывшем, как выяснилось, новую серию. Тут же, следом вышел и второй сборник, «Чёрный столб», а за ним, уже с 1964-го — славная череда любимых народом номерных альманахов «НФ» в мягкой обложке. Вторым изданием новая повесть АБС появилась в «МГ» — вместе с «Трудно быть богом» («ТББ»). Невероятно! Но с публикацией самого «ТББ» тоже не возникло никаких проблем. Система расслабилась в тот момент, недоглядела, признала повесть за свою, насквозь советскую, верноподданническую. И все последующие годы, может быть, не желая терять лица, а может быть, тупо ленясь копнуть хоть на сантиметр глубже, Система настаивала на этом и неоднократно тыкала в нос Стругацким их собственную повесть как пример правильной, идеологически выдержанной фантастики. Дошло до того, что в 70 — 80-е годы АН уже начал кусаться в ответ на реплики журналистов: «Что вы упёрлись в „ТББ“?! Кто сказал, что это наша лучшая вещь?!»

А вещь-то и впрямь одна из лучших. И когда перечитываешь её сегодня, поражаешься не столько совершенству формы (ни одного лишнего слова даже в тех эпизодах, которые вписаны против воли авторов!), сколько виртуозности подтекста. Да, мрачное средневековье, увиденное глазами нашего современника, ну, почти нашего современника, коммуниста Антона. Но стоит поменять полюса, перенаправить луч света в другую сторону, и вот уже блестящая зеркальная поверхность оказывается прозрачным стеклом, а за ним разворачивается совсем иная картина: никакое это не средневековье — это наш с вами сегодняшний, списанный с натуры, до тошноты знакомый мир, узнаваемый в мельчайших деталях. А увиден он просто глазами хорошего человека — альтер эго авторов. Но ведь, похоже, и впрямь тогдашние критики и цензоры не умели поменять полюса, физически не могли. Вот и ругал «ТББ» академик Францев за отход от принципов классического истмата, а плохой писатель Немцов, белея от зависти, разглядел порнографию там, где не было даже эротики. Ничего другого они и не могли разглядеть тогда. И слава богу (которым так трудно быть)! Великая книга стала народным достоянием и бомбой замедленного действия, в конце концов, взорвавшей Систему, но — вот чудо! — не

растратившей своего заряда. Она и сегодня продолжает беспощадно высвечивать невежество и жестокость, потребительство и тупость, властолюбие и низкопоклонство. Она и сегодня про нас. И про них. Она про всех, она ещё на долгие времена останется актуальной. К сожалению.

Да, мы помним, что поначалу АБС замышляли искрометный, приключенческий, мушкетёрский роман. Потом (спасибо Никите Сергеевичу и его приспешникам) авторам захотелось, чтобы это была социальная сатира. Ещё позже, уже в процессе написания, оказалось, что это философская драма, даже трагедия. Несочетаемо? Придётся делать выбор? Дудки! Они не стали отказываться ни от чего. «Каждый пишет, как он дышит». Настоящее, высшее искусство — это и есть умение совместить несовместимое. В «ТББ» они достигли этого уровня и уже никогда больше не позволяли себе снижать планку. Смех и слёзы, остросюжетность и глубина, лиризм и философия — всё одновременно и всё неразрывно. Кто ещё умел так же? Пушкин? Гоголь? Булгаков?..

В середине 1970-х годов, когда я, будучи заядлым киноманом, прочёл впервые «Мастера и Маргариту», мечталось, помнится: эх, экранизировали бы этот роман совместно Леонид Гайдай и Андрей Тарковский! Невозможно? Конечно, невозможно. А жаль. Но другого рецепта я не видел. И по сей день не вижу, кстати.

Так вот, именно такой немыслимый коктейль из Гайдая с Тарковским представляет собою творчество и самого Михаила Булгакова, и братьев Стругацких.

Сопоставление, думаю, понятно, а мы ещё вспомним об этом, когда дойдем до «Хромой судьбы» и «Отягощённых злом».

А пока вернёмся в 1960-е.

Одной из форм сопротивления Системы стал, например, непомерно затянувшийся процесс принятия Стругацких в Союз советских писателей.

Да, мы уже говорили, что все фантасты в этой славной организации проходили как бы по второму разряду. Обычным писателям хватало одной книги для того, чтобы подать заявление. АБС решили подстраховаться и подали заявления только после третьей, в самом начале 1961-го — на этапе явного и всеобщего увлечения фантастикой. Но не тут-то было! Заявления засунули куда-то под сукно, и хотя за них просили многие солидные, именитые писатели (с обязательными двумя рекомендациями никаких проблем не было — они бы и двадцать две принесли), дело всё никак не сдвигалось с мёртвой точки.

Кроме несостоятельности «фантастического жанра», было ещё две причины. Об одной не говорили вслух, только шептались — о пятом пункте. О второй не говорили вообще — стыдно. Но она была далеко не самой второстепенной: жгучая зависть бездарностей, засевших в руководстве ССП, к любому настоящему таланту.

И, наконец, была четвёртая причина, ещё весомее тех трёх — глухое, неосознанное, но могучее сопротивление Системы. Или оно было просто суммой всех причин?

В общем, первое упоминание о подвижках в этом вопросе мелькнёт в письме АНа только 18 октября 1962 года:

> «По мнению Андреева, в декабре примут в Союз нас и Днепрова».

Кирилл Андреев сильно ошибся, хотя и помогал, как мог. Кто им только не помогал! В Москве: Громова, Абызов, Ким, Маркова, Ефремов, конечно, и даже сам Алексей Сурков. В Ленинграде: Брандис, Дмитревский, Травинский, Мееров, Гор. Не как в Москве — никто конкретно не хлопотал, но моральная поддержка была.

Формально на приёмной комиссии цеплялись к проживанию соавторов в разных городах. А по слухам, никому не нравилось, что Натановичи выдают себя за русских (члены комиссии — евреи были раздражены «приспособленчеством», русские — тем, что «эти всюду лезут без мыла»), а в своей нелюбви к фантастике «семиты» и антисемиты дружно объединялись.

Весь 1963 год шла колоссальная реорганизация издательств, и под это дело ходили упорные слухи, что ССП распустят и будут всех принимать заново на других принципах. Такие ожидания становятся хорошим поводом для очередных отказов Стругацким.

В самом конце года их начинают футболить из СП СССР в СП РСФСР — к Бабаевскому и обратно.

Вот как мрачно комментирует АН ситуацию уже в январе 1964-го:

> «Московская приёмная комиссия состоит из дряни и мерзавцев в большинстве, органически ненавидящих наш жанр. За нас там будет только Адамов и, возможно, Нилин. Если даже и обернётся всё благополучно, существует опасность, что согласятся передать в Президиум на утверждение только меня, как москвича. Заседают они как тайный совет инквизиции, значит,

наши друзья из „Литературки“ явиться туда не смогут, и Ариадна тоже. Вызовут только рекомендующих, а их у нас теперь всего двое…»

В итоге, по одной из версий, Сурков всё-таки дожал первого секретаря ленинградской писательской организации Александра Прокофьева, мол, такие люди хлопочут, а вы их рубите. Тогда благодушный Прокофьев якобы спросил. «Ребята-то хорошие? Так давай их ко мне, мы примем». И АБС были приняты в Ленинградский СП.

По другой версии их условно приняли всё-таки 29 января на Московской приёмной комиссии, а потом с окончательным оформлением мурыжили ещё почти месяц.

БН помнит, как ему вручал книжечку именно Прокофьев — толстый, одышливый, налитый малиновой кровью, очень похожий на Хрущёва. Проворчал какие-то поздравления и пожал руку. Спустя годы даже вспоминать неловко, а ведь как это было важно тогда: получить официальный статус, «утвердиться в глазах общества», в глазах пулковского начальства, как минимум!

Они не рвались в СП отчаянно, как некоторые, но всё-таки это было необходимо им. Вот что пишет АН брату 12 марта 1963 года:

«Ну, что сказать об ССП? Я не совсем понимаю, чего ты ожидаешь от этого. Если тебе необходимо просто членство в организации, как сепия каракатицы для защиты от обвинений в тунеядстве, то гораздо проще и надежнее сделать так: пойди к Дмитревскому, выясни, где там у вас существует горком *(правильно — группком. — А.С.)* литераторов, подай туда заявление и отнеси какую-нибудь книжечку. Тебя примут, и всё будет в порядке, будешь платить взносы как в профсоюз, будет тебе идти стаж, бюллетень будет оплачиваться и пр. И это делается быстро, в два-три м-ца. От участкового это нормальная защита, я уже не говорю, что для участкового достаточно показать договоры и готовые книги. И никто тебе ничего не скажет, откозыряет и уйдёт».

Но, конечно, им хотелось иметь все права, в том числе и на получение путевок в дома творчества (раз в год — даже бесплатно), и на денежные ссуды в Литфонде (иногда — даже

безвозвратные). Ну и, разумеется, — что греха таить? — слово ПИСАТЕЛЬ в те времена звучало гордо.

АН отметит в дневнике 25 февраля 1964-го:

> «21-го сообщили, что нас приняли в ССП. До того надоело, что даже не радостно. От поздравлений тошнит».

Но в тот же день он пишет БНу удовлетворенно и чуточку иронично:

> «…Не пора ли тебе, член Союза Писателей, подумать о профессионализации? Это бы во многом облегчило проблему встреч. Мы бы могли работать в Переделкине, в Комарове, в Малеевке, хоть всю зиму, наезжая на день-другой в город и не мучая маму».

Любопытно добавить пару лирических штрихов ко всей этой истории. АН уже года четыре был совершенно своим человеком в ЦДЛ и во всех писательских компаниях, тем более что любил посидеть в тамошнем ресторане. А БН исправно посещал секцию фантастики, другие заседания, был членом актива, короче, в своём кругу его тоже знали. Однако к самому Дому писателей на улице Воинова (ныне — Шпалерная), расположенному практически напротив знаменитого Большого Дома и среди литераторов игриво именовавшемуся Писдомом, относился БН несколько иначе. Вот характерная запись в его дневнике от 25 октября 1961-го:

> «…Ходил в писдом. Как вошел — стало уныло. Это учреждение, служба. Не знаю, чего я ждал — ярких современных комнат, толпы народа с трубками в зубах, огромных кресел с беседующими легко и интересно. Предложили раздеться. Я сказал, что я писатель, и швейцариха тонко заулыбалась. Раздеваться надо в подвале, похожем на курительную перед общественным клозетом. На вешалке симпатичная тетя взяла у меня плащ и заявила:
>
> — Кошки и собаки куда лучше людей.
>
> — Почему?

— Люди уж такие гадкие стали, такие гадкие.

Я выразил надежду, что ко мне это не относится, она подтвердила. Лестницы какие-то ущербные и похожи на заплёванные. Я всё ждал почему-то, что запахнет солями аммиака. В пустой комнате меня приняла очень милая старуха — армянка или еврейка. Но, поняв, что я и сам не знаю, чего хочу, помрачнела и перестала улыбаться. Впрочем, была очень любезна, дала адрес Г. Самойловича Гора. „Напишите ему открытку, м.б., он даст вам возможность выступить с чтением отрывков — по линии политпропаганды…“ Я завял и ушёл».

Другой социально-бытовой проблемой, волнующей обоих братьев, становится воспетый Булгаковым квартирный вопрос. Регулярно получаемые гонорары на фоне других заработков, от которых ни тот, ни другой ещё не отказались, заставляют всерьёз задуматься именно в 1963-м об улучшении жилищных условий. Правда, БН долго выбирает, на что потратить деньги, на квартиру или на машину — так хочется иметь свою, а не прокатную! А ведь и впрямь в то время не только новая «Волга» (которую ещё поди купи!), но и новый «Москвич» стоят если не столько же, то вполне сопоставимо с ценою кооперативной квартиры. Шесть тысяч рублей — первый взнос (сорок или пятьдесят процентов) за двухкомнатную квартиру в районе метро «Парк Победы» — эта сумма, для большинства тогдашних граждан почти фантастическая, для успешного писателя-фантаста оказывается вполне реальной. И его мудрая жена принимает решение: конечно, нужна квартира. Покупка её, то есть вступление в кооператив — дело новое, незнакомое (собственно, это был всего лишь второй в Ленинграде квартирный кооператив), поэтому процесс затягивается, и молодая семья с четырёхлетний Андрюшкой справляет новоселье только в мае 1964-го.

У АНа всё намного сложнее и тянется, как мы знаем, уже давно. Во-первых, если вдуматься, без собирающихся съехать Нины Евгеньевны и Лёшки не так уж и тесно будет в их профессорской трехкомнатной. Всё строго по старой еврейской притче, когда раввин посоветовал взять в дом всю скотину, а потом выгнать. Правда, родственники реально съедут несколько позже, но освобождение от них уже витает в воздухе. Во-вторых, Аркадий с Леной прижились уже, пригрелись, а для АНа всегда характерна была тоска по насиженному месту и страшная лень во всем, что связано с бытом. В-третьих, дурацкая надежда тлеет: а вдруг дадут жилплощадь нахаляву от издательства или от Союза

писателей. В-четвертых, зачем девочек от школы отрывать — пусть уж доучатся. В общем, покупка квартиры так и отложится у него ещё на добрых девять лет, когда всё это станет уже существенно дороже.

А в 1963-м, под лето, они ограничиваются тем, что делают ремонт в квартире и покупают новую мебель. Борис приехал и ахнул — до того все преобразилось.

А перед самым его приездом, 27 и 28 мая, АН успел побывать в Харькове, командированный опять издательством «МГ» вместе с Днепровым и Громовой. Впечатление от встреч с тамошними любителями фантастики у всех троих самое положительное. Фантастов в те годы в любом городе страны помнили, знали и ждали. Это — по-настоящему здорово. Это было могучим стимулом к работе.

И ещё событие (есть даже точная дата — 25 апреля): тесть и тёща едут выбирать дачу на лето. Нет, не покупать (хотя опять же могли бы) — просто снять на лето. Но снимут не на один сезон, а на долгие годы, и главное, где снимут: в деревне Дунино под Звенигородом, в двух шагах от дома Михаила Михайловича Пришвина (там сейчас музей). Что ещё более существенно, их соседями станут Тимур Аркадьевич Гайдар и Ариадна Павловна Бажова — ещё одна замечательная литературная семья. Удивительно, что АН познакомится с ними лишь через двадцать лет, зато маленькая Маша Стругацкая и маленький Егор Гайдар подружатся прямо тогда. История их отношений — в общем, не тема для нашей книги, а вот почему АН так редко бывал на даче, мы объясним. В 1963-м он вообще не выберется туда ни разу: слишком много работы в Москве и в Ленинграде, даже летом, а отдыхать он предпочитает на Юге или в Прибалтике: там комаров нет, а море есть. Вот запись в дневнике от 25 июня 1964 года:

> «Я сейчас с Крыской в Москве, а остальные на даче в Дунино, у Загорска. Хорошие там места, но не люблю село».

Да, он настолько не любит это село, что даже название города путает.

Вообще, в 1963-м отдыхают они все на широкую ногу. Борис едет летом с женой и с друзьями в Крым почти на месяц и ведёт там, как пишет Ада в письме, «растительный образ жизни». Родителей с Андрюшкой отправляют туда же, но в другое место. И Александра Ивановна оставляет город даже два раза, потому как жаркое выдаётся лето. Аркадий сам с семьей едет под Ригу на

остров Булли — чудесное курортное местечко на Балтике, — где тоже набирается здоровья — ест много местной рыбы и прекрасных латышских молочных продуктов, жарится на солнышке, купается. Это — июль, а Лену с её подругой Валей и с дочками ещё в июне отправляет в Хосту, а уж в августе — дача. Стругацкие умели по-настоящему отдыхать в то славное время самой продуктивной своей работы, они понимали или подсознательно чувствовали, что при таких интенсивных интеллектуальных нагрузках, какие они на себя брали, необходимо время от времени «отрешаться от всего земного», отключать мозги, расслабляться полностью. С годами им будет всё труднее и труднее делать это по разным причинам. Но тогда регулярный летний отдых, даже перемежающийся с работой невероятно повышал эффективность творчества. Дарил новые силы, новые впечатления, новые идеи. Так, например, остров Булли подарил им замысел «Хищных вещей века».

А лето и в стране было примечательным.

Объявили о завершении строительства нефтепровода «Дружба» — крупнейшего в мире сооружения такого рода, протянувшегося от Сибири до Восточной Европы.

В июне побывала в космосе первая в истории женщина — Валентина Терешкова.

На Московском международном кинофестивале Федерико Феллини получил гран-при за свой фильм «Восемь с половиной»…

Теперь непосредственно о работе. АН продолжает вкалывать в «Детгизе» — в январе — феврале редактирует опостылевшие книги Чижевского и Пальмана. Закончить — и уйти! Дома упорно, практически для себя пишет «Кракена», читает Лене по вечерам. Ей нравится. Отслеживает прохождение «Далёкой Радуги» (выйдет она только в сентябре). Делает любопытную запись 17 февраля:

> «Никаких рецензий, конечно, не было *(очевидно, речь о недавно вышедшей „Попытке…“. — А.С.)*. Надоело всё это, рецензии, по слухам, надо организовывать, Ну, это уж дудки! Таким дерьмом заниматься мы не будем».

Гордое заявление. Но пройдёт всего лишь год-другой, и они станут этим заниматься. А куда денешься? Прав был опостылевший Ильич: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

В конце февраля — начале марта — опять осточертевшие

военные сборы. Планов громадьё, а времени совершенно нет.

В начале апреля АН наконец-то уволится из «Детгиза», а в середине (12 — 16-го числа) он уже в Ленинграде, где БН окончательно откажется от «Кракена», даже переписанного с первого лица на третье. Зато они составят подробный план «Седьмого неба» и переименуют его в «Наблюдателя».

А примерно через месяц БН получит очень любопытное письмо от брата:

> «Вчера ездил под Москву в Кудиново, выступал там, в школе, где преподает мой приятель Женя Вайсброт, наш поклонник и великий любитель фантастики вообще. Вот любопытная и поучительная ситуация. Чего может добиться один маленький невзрачный учитель астрономии, черчения и труда, горняк по профессии, рыжий и лысый, и невероятно веснушчатый, если он любит ребят, влюблен в фантастику и преклоняется перед наукой. Из ста пятидесяти школьников — сто любителей фантастики, членов Клуба любителей Фантастики, девчонок и мальчишек от шестого до одиннадцатого класса, выпускают свой журнал, строят всевозможные модели. И это при завуче, который фантастику ненавидит и считает вредной, и при всех прочих преподавателях — тупых и отягощённых бытом животных. В этом Женьке возник передо мной некий прообраз нашего учителя Тенина. Правда, знаний у него значительно меньше, и из жизненного опыта у него в основном преследования по пункту 5 и несколько дней завала в руднике, после которого он не может работать под землей. И в жизни я не видел ещё таких взаимоотношений между взрослым и ребятами».

Евгений Павлович Вайсброт станет очень известным переводчиком с польского, многие вещи Станислава Лема мы прочтём именно с его помощью. А клубы любителей фантастики лет через десять будут называться уже привычной аббревиатурой КЛФ, обретут статус массового явления и привлекут серьёзное внимание ЦК ВЛКСМ и КГБ.

Впрочем, ЦК комсомола, или, как его пренебрежительно называли, Цекамол, особое внимание к фантастике проявил уже тогда. В конце апреля АН сообщает маме:

«ЦК ВЛКСМ собирается устроить встречу своего секретаря по пропаганде с московскими фантастами. Состоится это, видимо, в середине мая. Мы сейчас заняты подготовкой к этой встрече. Возможно, это многое для нас решит в смысле полной литературной легализации нашего жанра. Мы должны убедить товарищей из ЦК, что фантастика как средство пропаганды коммунистической идеологии не уступает, а часто превосходит все иные методы и средства. Задача архиответственнейшая, поэтому мы провели уже несколько встреч между собой, чтобы выработать общие положения своего доклада (общего) и наших индивидуальных сообщений по тематике».

Какая трогательная наивность! По прошествии этого «эпохального» мероприятия АН не напишет ни слова. Зато БН кое-что запомнил, и весьма ярко:

«Я там тоже был, воспоминания смутные и неприятные: мы, фантасты, старые и молодые, сидим в ампирном зальце и ждем. Распахивается огромная дверь, все (в едином порыве) встают, стремительно входит, в сопровождении двух молодых штурмфюреров, тощий, страшный (жуткие отеки под глазами) Лен Карпинский (тогдашний секретарь), и с ходу, без всякого вступления, резко, неприязненно, начинается накачка — как именно надлежит нам, фантастам, исполнять решения партии и правительства и почему наша критика капитализма недостаточно наступательна. Фантасты блеяли в ответ что-то покорно-просительное насчёт журнала и нехватки издательств, благодарили за неопределённые обещания. Никаких деталей и эмоций не помню, кроме ощущения стыда и неловкости за себя и за всех. Много лет спустя мне сказали, что Карпинский был из прогрессивных и „левых“ (как их тогда называли), и я, помнится, подумал: ну-ну».

К этой цитате необходимо сделать две поправки. В мае 1963-го Карпинский был уже не секретарем ЦК ВЛКСМ, а членом редколлегии «Правды», то есть входил в номенклатуру «большого» ЦК. И, конечно, он не был на тот момент «прогрессивным и левым», был он нормальным работником

идеологического фронта, прославлявшим всё, что положено, и давившим всё, что приказано. А вот после… В 1967-м Лен Вячеславович неосторожно высказался о цензуре и был уволен из «Правды»; потом, уже будучи в «Известиях», — ещё неосторожнее о «ресталинизации», в 1975-м он вообще вылетел из партии и по существу оказался диссидентом и безработным. В перестройку стал одним из её «прорабов», в августе 1991-го сменил Егора Яковлева на посту главреда «Московских новостей» и потом до самой смерти (в 1995-м) разделял в целом взгляды Явлинского. В общем-то, ничего удивительного для умного и талантливого человека, взлетевшего на волне XX съезда.

Вот какое время было — даже комсомольские боссы вырастали в будущих вольнодумцев!

В том же письме от 12 мая, где АН пишет про Вайсброта, мы найдём ещё одно примечательное дополнение:

> «…ПНвС пиши. Подумаешь, скучно ему. Я вот диапозитив пишу, вот где скука *(сценарий по рассказу „Частные предположения“ для студии „Диафильм“. — А.С.)*. Пиши, пусть будет трижды скучно, нужен скелет и затравка. И мы положим-таки на стол редакции нечто немалых размеров. Напишем отличную повесть. Ещё шаг вперед. Кстати, я пока время от времени думаю про магов. Всё лезут в голову мелочи: вошёл, не отбрасывая тени, начальник отдела кадров. Или Кощей Бессмертный работает, швейцаром, а яйцо с его жизнью хранится в сейфе у нач. секретного делопроизводства. Магов мы напишем обязательно. Нужно только подчитать по философии современной науки».

Ещё летом прошлого года Наташа Свенцицкая разыграла БНа с новой книгой якобы Хемингуэя «Понедельник начинается в субботу», которую якобы выкинули в Доме книги на Невском, а в середине апреля, когда АН был в Ленинграде, выходит, они и утвердили это окончательное название для повести про магов.

Ну а в июне им стало не до магов. В пустой квартире в Москве (все разъехались отдыхать) АН и БН трудились с невероятной скоростью и доделали черновик «ТББ». Вот как они рассказывают об этом маме в уникальном письме, написанном и подписанном обоими сразу (писем они всегда писали много, но чтобы вдвоём — не знаю другого случая):

«У нас всё хорошо. Жмём вовсю, стараемся закончить черновик к нашему приезду к тебе. Написано уже 57 страниц, работа идёт на редкость успешно, делаем по восемь (!) страниц в день, темпы невиданные, ведь раньше нам никогда не удавалось дать больше пяти-шести. И работать интересно, потому что описывается по сути дела некоторое время из современной истории, только замаскированное под средневековье. А ты сама понимаешь, писать про своё время, да ещё давать его черты в преувеличенном, концентрированном виде — это очень интересное дело. Отсюда, по-моему, и такая успешность.

Арк сердечно благодарит тебя за апельсинчик, и Боб тоже, и оба сына твоих тебя крепко целуют и обнимают, и скоро опять будут с тобой. Не обижайся, что мало пишем, ведь писать, собственно, не о чем, время проходит за столом, и мы редко-редко ходим обедать в город, а так всё больше дома, голубцы, сардельки, яйца, кефир и прочее такое, в основном колбаска. Нынче вот приехала Катерина Евгеньевна с Ильей Михайловичем — у него трёхдневная конференция — так вот сегодня и щец с чесночком вдоволь похлебаем для разнообразия».

А в июле, пока они будут на заслуженном отдыхе, повесть уйдёт на читку друзьям.

«9.08 — „Трудно быть богом“ читали уже многие, общее впечатление у всех хорошее, некоторые говорят даже, что это самое лучшее у нас. Куда отдать — пока не знаю, ну ничего, с этим можно пока не спешить. В Детгиз, как это было задумано сперваначалу, не пойдёт, слишком там много „взрослого“. Вероятно, пойдёт в „Знание“ или в „Молодую гвардию“. Посмотрим».

Вдохновлённый естественным похуданием после отпуска, АН начнёт планомерно бороться с лишним весом. Он ежедневно взвешивается и соблюдает «жокейскую диету»: ни супов, ни каши, немного мяса, овощи, арбуз, коньяк. Хватило его ненадолго:

«17.08 (суббота) — вес 92.0 *(а 14 августа были 91.1. — А.С.)* — Вчера зарубил блинчиков с вареньем.

Письмо от Бориса. Жму „Пионовый фонарь“. <…> Завтра к И. А. Ефремову».

Некогда худеть — работать надо. И вот — в продолжение темы:

«26.08 *(маме)* — Гоню вовсю перевод для Гослитиздата. Со временем я малость просчитался, вот и приходится сейчас делать по шесть страниц в день, чтобы поспеть к сроку и выиграть дни для свидания с Борькой. А перевод — это очень утомительно, потому что принципов художественного перевода с дальневосточных языков не создано, вот и приходится быть в некотором роде пионером в этой области. Предвижу, что, как всякого пионера, будут меня поругивать или даже бить, но линию свою держу твердо: читатель должен читать как по-русски, а ощущать как японец. А текст-то старый, пушкинских времён, тогда японцы ещё понятия о европейской литературе не имели, да он ещё вдобавок исторический, автор описывает времена отдалённые, да всякий обиход тогдашний, да буддизм, о котором никто в Союзе представления не имеет, да мало ли всякого там. Вот и кряхчу! Однако же думаю поспеть к сроку. Из двухсот страниц восемьдесят уже сделано. Сегодня вот только что добил восемьдесят вторую».

Меньше, чем через месяц, 20 сентября он сдаст рукопись в «Гослит», а второй экземпляр Витя Санович отнесёт Вере Николаевне Марковой. АН уедет в Ленинград «добивать» «ТББ» и будет с трепетом ждать её мнения.

Одновременно возникнет идея выпустить новую повесть в «МГ» под одной обложкой с «Радугой», а не с «Попыткой». Так и будет сделано в итоге.

2 октября закончен чистовик «ТББ», АН возвращается в Москву и подаёт сразу две заявки в издательство: на «Понедельник…» и — что примечательно — на «Хищные вещи века». Замысел, родившийся в Прибалтике, к тому времени обсуждён и проработан.

И вот, наконец, 18 октября Вера Николаевна написала отзыв на «Пионовый фонарь», в котором буквально поздравила покойного автора Санъютэя Энтё со вторым рождением на

русском языке. Перевод явно удался.

И тут невольно хочется забежать на год вперёд и привести текст одного письма, точнее даже поздравительной открытки, полученной Марковой к октябрьским праздникам:

> «Дорогая Вера Николаевна! Всю эту осень я сильно хворал и только теперь могу откликнуться на Ваше милое сентябрьское письмо. У меня был злейший грипп, от которого да уберегут Вас японские боги.
>
> Только теперь прочитал „Пионовый фонарь“. Читал его с увлечением, не мог оторваться. Аркадий Стругацкий действительно мастер: от его русизмов роман не пахнет ни Рязанью, ни Костромой, а остаётся насквозь японским. Ваша школа. <…>
>
> *Корней Чуковский».*

Такая похвала дорогого стоила.

А в октябре 1963-го — ещё одно примечательное событие: его попросят написать для журнала «В мире книг» рецензию на «Лезвие бритвы» Ефремова. За свою жизнь АН написал сотни рецензий — и как редактор, и (позднее) как старший товарищ молодых или просто менее опытных авторов. Но тут был случай особый, ответственный. Конечно, он ездил к Ивану Антоновичу, советовался и в итоге нашел нужную форму.

А у БНа тоже приятное событие: с октября он договаривается о работе на полставки (начальство очень неохотно на это шло), а к тому же в середине ноября ему с Адой, наконец, дают номер в гостинице-общежитии в Пулкове, и больше не надо «таскаться дважды в сутки в чёртову даль».

БН комментирует сегодня:

> «Мы тогда жили у мамы и каждый день, естественно, мотались в ГАО и обратно. Довольно утомительно. А номер в гостинице ни в какую не разрешал наш местный Модест Матвеевич Камноедов (зампохоз Илья Матвеевич Гашков). Он почему-то нас (меня?) невзлюбил и отказывался подписывать мои заявления-просьбы о гостинице. Он говорил: чего там, у них же в городе две комнаты — проживут. Его убеждали, что одна комната — 6-метровая с окном в стену, не комната, а кладовка, — так он СПЕЦИАЛЬНО поехал в наше домоуправление

выяснить правду, и ему сказали, что комнатка микроскопическая, жить в ней практически невозможно — преувеличили, конечно, но зато он смягчился».

Сразу хочется добавить, что не только Модест Матвеевич, а очень многие персонажи «Понедельника» имели своих прототипов. Например, Федор Симеонович списан с Ивана Антоновича Ефремова, а Янус Полуэктович сильно смахивал на тогдашнего директора Пулковской обсерватории Александра Александровича Михайлова. Правда, Кристобаль Хозевич — это почти чистая выдумка, а вот профессор Выбегалло являл собою гибрид академика Лысенко и одного известного писателя, имени которого БН просил не упоминать.

16 ноября у Ариадны Громовой АН встречается в очередной раз с Рафой Нудельманом. Записывает в дневнике:

«Отличный парень. Умница каких мало. Люблю его».

Рафаил — переводчик с польского и английского, критик и литературовед, приехавший в Москву ещё в 1960-м, отметил АБС безошибочно и сразу с первых книжек — как очень талантливых, очень раскрепощенных, очень витальных авторов, пышущих новизной и свободой. И Аркадия выделил при первой же встрече — по чисто человеческой, даже портретной яркости, не только литературной. С Борисом познакомился позже, тот — сразу ясно, — умный и тонкий, но интраверт, шёл только на серьёзные разговоры. Аркадий, наоборот — экстраверт, распахнутый настежь в любой компании, с готовой улыбкой в углах губ, но вызвать его на серьёзный разговор было нелегко, он предпочитал отшучиваться, а всё главное хранил в себе.

Глядя из дня сегодняшнего, Нудельман утверждает буквально следующее:

«Аркадий с Борисом были просто самые лучшие. Сказать по секрету, они в советской фантастике были единственные, о ком можно говорить всерьёз. Само направление существовало лишь постольку, поскольку были Стругацкие; если б их не было, фантастика — при всех своих тогдашних амбициях и свободолюбии — превратилась бы во второсортную литературу, из которой можно было выуживать некие теоретические

схемы, но не произведения».

Тем временем «ТББ» лежит одновременно в двух толстых журналах — «Москве» и «Знамени». И там и там редакторам нравится, но все боятся. Чего? Трудно сказать. Ну, не привыкли наши солидные журналы печатать фантастику!

АН обрабатывает черновик БНа — «Суету вокруг дивана», первую часть «Понедельника» и очень рвётся в Ленинград, но всякие домашние неурядицы не пускают его. Уехать доводится только 20 ноября, а примерно через неделю он собирается в Одессу по приглашению на встречу киноработников.

К сожалению, сегодня трудно установить точно, ездил ли он туда, никаких записей не осталось. Скорее нет, чем да, так как в июле 1965-го он будет писать брату из Одессы, восхищаясь этим городом, как впервые туда приехавший. А может быть, просто Одесса зимой, сырая, ветреная, промозглая, и Одесса летом — это два разных города?

Зато известно доподлинно (из дневника), что 26 декабря АН вернулся домой из Ленинграда, где они полностью доделали «Суету вокруг дивана» и тогда же написали три рассказа: «К вопросу о циклотации», «Первые люди на первом плоту» и «Бедные злые люди».

Едва ли у АБС было время интересоваться ещё и политикой в те дни, и всё же…

22 ноября убили Джона Кеннеди. Это была одна из самых загадочных смертей двадцатого века, ну и, конечно, она знаменовала собой очередной шаг к углублению пропасти между СССР и Западом. А значит, и очередное «похолодание» внутри страны.

Январь 1964-го они проводят порознь, в томительном ожидании 29-го — дня предполагаемого принятия в СП.

АН переводит «Тоталоскоп» Абэ Кобо, вроде для «знаньевского» альманаха НФ, но тут же в дневнике впервые упоминает и готовящуюся в «МГ» «Библиотеку мировой фантастики и приключений. XX век». Да, называться она будет по-другому, но это те самые красно-белые двадцать пять томов, задуманные Белой Клюевой.

18 января звонила АНу Ариадна Громова и восхищалась «Суетой…», чуть раньше с не меньшим восторгом звонил составитель «Фантастики-64» в «МГ» Гера Смирнов и умолял никуда больше повесть не отдавать. Так положительные эмоции, переполнявшие эту книгу, начали выплескиваться в мир ещё задолго до публикации.

Первую половину февраля АН в Ленинграде (вернулся 15-го). Строго по плану начаты «Хищные вещи века» («ХВВ»).

24 февраля в ЦДЛ проходит творческое обсуждение фантастики и приключений за 1963 год. Докладывал Ляпунов, председательствовал Тушкан. «Очень грустно», — отмечает АН в дневнике и тем же числом пишет о конфликте с Днепровым. Так бывает всегда: ухудшается общая обстановка, и кому-то не хватает порядочности, а у кого-то не выдерживают нервы. Действительно грустно.

Но работают АБС по-прежнему с невероятной интенсивностью. Уже в марте снова встречаются в Ленинграде и заканчивают к 30-му черновик «ХВВ». 31-го АН дома, Лена проглатывает рукопись в тот же день, видать, понравилось очень, но скептически замечает, что уж больно похоже на Лема. АН резонно парирует, мол, «всякая вещь о безнадёжности попыток спасти общество будет тогда лемовидной». «М.б., выход Жилина в том, что он начнёт постепенно, по частям бить мир вещей? — вопрошает он сам себя. И тут же сомнение. — Не знаю». Любопытно продолжение этой записи:

> «Сегодня бросил курить. Ещё в поезде. В половине 1-го ночи будет 24 часа, как я не курю. И право, уже лучше себя чувствую. Как-то бодрее и моложе, что ли…»

Даже курить некогда — слишком много работы. А в «МГ» пришла верстка «Далёкой Радуги» и «Трудно быть богом». Приятно было видеть эти вещи уже набранными. Книжка вышла в июле. И тогда же — в «Худлите» — Санъютэй Энтё, «Пионовый фонарь».

А в мае опять в Ленинграде, у мамы (хотя именно тогда произошёл переезд БНа на новую квартиру на улице Победы) был закончен черновик «Понедельника», то есть написаны вторая и третья часть под рабочими названиями «Ночь перед Рождеством» и «О времени и о себе». БН в июне берёт в прокате автомобиль (раз уж на свой денег не хватило) и едет с друзьями по Прибалтике. АН всё лето в Москве, переводит «Четвёртый ледниковый период» Абэ, работа не сложнее «Тоталоскопа», но объём большой. 24 августа он заканчивает перевод и сдаёт в «МГ». А заодно и рассказ Айзека Азимова «Как им было весело» для сборника «Современная зарубежная фантастика». Работы вообще очень много: статьи, переводы, предисловия, выступления на публике (это уже тоже работа), рецензии…

Это — отдельная тема. Рецензии теперь не только для

«Детской литературы», «Молодой гвардии» и «Знания». Именно летом 1964-го возникла новая редакция фантастики — в издательстве «Мир», до этого выпускавшем исключительно научно-популярную переводную литературу. С 1965 года начали выходить в свет сборники и отдельные произведения зарубежных фантастов. И сразу понадобились переводчики, рецензенты, редакторы, составители — в общем, всевозможные специалисты в этой области литературы. АН оказался просто находкой для «Мира» — на все руки мастер — от свободного владения английским до умения детально анализировать любой фантастический текст. А редакция в районе метро «Щербаковская» стала ещё одним почти клубным местом, где встречаются фантасты.

Позднее АН (даже вдвоём с братом) подготовит серьёзные переводы для «Мира», но начать-то пришлось с рецензий. И сразу некий казус. Заведующий редакцией Евгений Артурович Дэвис выдал ему целую стопку английских и американских книг, на которые требовалось написать отрицательные рецензии. Ну, может быть, одну-две отобрать для порядка, больше-то всё равно в план включить не могли. Для таких рецензий не обязательно читать книги целиком, в лучшем случае можно пролистать по диагонали. Но Аркадий ухитрился прочесть все и на каждую написать положительную рецензию. Он и в обсуждении молодых на семинарах у Клюевой славился тем, что в каждом авторе умел найти что-то хорошее. Но здесь было особенно интересно, ведь он с конца 1950-х увлекался фантастикой на английском, а теперь за это ещё и деньги платили!

Но какой же странный человек — этот Дэвис! Фантастику он не любил и даже побаивался её. А его главным страхом было — не оправдать доверие начальства. Как бывший военный прокурор, как зав. редакцией, как секретарь парткома издательства, он отвечал за всё и непрерывно боялся: что его подставят, что пропустят в печать идеологическую диверсию, что напишут в предисловии не то и не так… Аркадию он скорее доверял, но эти восторженные рекомендации вместо аргументированного отказа!.. Повторялась история с романом «Экипаж „Меконга“». Так что и лучшим выпускам зарубежной фантастики, самым знаменитым сборникам 60-х обязаны мы до известной степени АНу. Ну и редакторам, конечно, в первую очередь — подруге и однокашнице Белы Клюевой по аспирантуре Елене Вансловой, которая в НФ тоже поначалу не разбиралась, но потом связала с ней свою судьбу на долгие годы, не только в «Мире», но и в «Знании».

А ещё (не по фантастике, по научпопу) работала там Тамара

Шилейко — жена Алексея Вольдемаровича, того самого выдающегося технаря. Вот уж воистину мир тесен! С Алексеем АН познакомился ещё лет за пять до этого, когда начал посещать всевозможные писательские сборища. И вот тогда же не слишком близкие друзья Шилейко по просьбе Ахматовой стали частенько затаскивать его в ЦДЛ. Анна Андреевна надеялась на случайную встречу с пасынком, а он-то совсем не стремился к этому, наоборот — недолюбливал Ахматову и чисто по-человечески — из солидарности с матерью, и (что удивительно!) как поэта — ни в грош не ставил. Они так и не повидались, зато Алексей познакомился со Стругацким и до последних дней не жалел об этом.

Осенью 1964-го свой первый сезон открывает Театр на Таганке. До этого уже восемнадцать лет он был просто Театром драмы и комедии, очень средненьким, практически второсортным. Потом туда пришел Юрий Любимов и практически сразу Владимир Высоцкий. Театр Любимова (позже его нередко станут называть и театром Высоцкого) за один сезон станет самым знаменитым, самым скандальным, самым выдающимся в Советском Союзе. Оттепель закончилась, а этот бунтарский театр возник как один из главных противовесов наступающей серости и хамству.

А оттепель и в самом деле завершилась.

14 октября произошёл переворот, в результате которого Хрущёва отстранили от власти и, взяв огромную советскую империю за дышло, со скрипом и натугой развернули её в обратную сторону. Это было движение в гору, повозка не катилась сама, её надо было тянуть, и Система тянула, обливаясь потом и напрягая конечности до хруста в суставах. Но уже было ясно: возврат начался.

Как раз в это время АН, БН и Саша Копылов этаким мальчишником отдыхали в Алупке. Купаться было уже холодновато, а загорать — в самый раз. И настроение было отличным. Отставка Хрущёва подпортила его, но лишь слегка: новость встретили с тревожной иронией: «Чтой-то теперь будет! Поворотят они курс али нет? Брежнев, конечно, фигура временная, калиф на час, это ясно, а вот кто там, на самом деле, у них главный?..» И всё в таком же духе. Общее мнение состояло в том, что курс не переменится, но было, было на душе неспокойно. Что-то неприятное надвигалось.

Вот только не хочется заканчивать на этой ноте. А год и не закончился на том политическом кульбите советской власти. АБС продолжали плодотворно трудиться. В ноябре они съедутся в Ленинграде. На праздники приедет даже Лена, которая с

середины июня работает в редакции у Жемайтиса вместо ушедшей в декрет совсем молоденькой девочки Сони Митрохиной, и ей надо возвращаться. Братья же будут добивать «ХВВ» и успешно добьют черновик. И будут обсуждать всякие замыслы, народившиеся ещё летом. В дневнике у АНа был такой перечень 25 июня:

> «В перспективе, видимо, будем иметь „Паразитов“ — это о ворах разума *(идея эта будет окончательно похоронена в процессе работы над „Улиткой на склоне“. — А.С.),* „Записки здравомыслящего“ *(вот вам и первое упоминание „Второго нашествия марсиан“. — А.С.)* и „Кракена“. И конечно, „Службу на Пандоре“ в СИБе с Полем Гнедых во главе.*» (вот он зародыш легендарной «Улитки на склоне»! А СИБ — это служба индивидуальной безопасности, как мы узнаем из первого варианта будущей повести. — А.С.)*

Елена Гавриловна Ванслова вспоминает, как в конце 1964 года они вместе с АНом были в каком-то вузе и по широкой лестнице им навстречу буквально лавиной валила молодёжь — весёлая, радостная, неуправляемая, чуть с ног не сшибли.

— Вы кто такие? — спросила Лена как-то очень нелепо от растерянности.

А ребята вмиг нашлись. У них был заготовлен ответ:

— Кто мы? Да мы же НТР!

И это была правда. Они катились вперёд, как научно-техническая революция, которую уже не остановить. И самый высокий, красивый и спортивный среди них запел популярную тогда песенку, которую все подхватили:

Нам электричество сделать всё сумеет,
Нам электричество тьму и мрак рассеет,
Нам электричество наделает делов,
нажал на кнопку
— чик-чирик! —
и человек готов!

Это было очень в духе «Понедельника…». Аркадий смотрел на них и добродушно улыбался.

Глава двенадцатая
УЛИТКА НА МОКРОЙ ГАЛЬКЕ

«Идеалом социальной фантастики является современный человек в самом глубоком смысле этого слова, человек, морально и психически стоящий на уровне наивысших отметок духовного развития сегодняшнего дня».

Из выступления А. Стругацкого на симпозиуме, посвященном 75-летию К. Чапека,

(Марианске-Лазни, Чехословакия, сентябрь 1965 г.)

Шестидесятые годы в Москве, да и в Ленинграде тоже, но в Москве особенно — это был настоящий «праздник, который всегда с тобой». В столице всё было ярче, полнее, шумнее, разнообразнее: встречи со старыми и новыми друзьями, выпивки, семинары, выступления, совещания, хорошие книги и отличные фильмы, публикации, гонорары, зачастую немаленькие. Это был период, когда у АБС и с деньгами всё было неплохо, и с друзьями замечательно и даже начавшаяся уже война с Системой воспринималась ещё как некая игра. Игра, в которой можно выиграть. Например, в конце ноября 1963 года АН ждет очередной встречи в ЦК ВЛКСМ у секретаря Александра Ивановича Камшалова (будущего председателя Госкино) и надеется на отвоевание «Искателя» для своей команды, для представителей новой фантастики. Сомнения уже сильны, но и надежды на лучшее ещё вполне серьёзны. Новая фантастика набирает силу, популярность, опыт — ну ещё бы, когда у неё такие лидеры — молодые, азартные, и уже профессионалы до мозга костей, уже авторы десятка книг, уже члены Союза! Но работать в этом калейдоскопе событий, пусть и радостных, нелегко. Для настоящей работы нужен покой, тишина, отрешение от суеты.

И тогда они, осознав себя профессионалами в полной мере, понимают, что пора и работать профессионально — в домах творчества. Не зря же их придумали, в конце концов. Так в самой середине 1960-х рождается идея поехать в Гагры, в Дом творчества СП СССР. Уж гулять так гулять. А работать так работать — на берегу моря, которое оба любят. Время выбирают непопулярное — март, до купального сезона ещё далеко (кажется, они так и не рискнут ни разу окунуться), но там, на Кавказе, уже теплее, чем здесь, и скоро всё начнёт цвести. Здорово там, на Черноморском побережье: комната с окнами на море, пальмы, зелёные горы в клочьях тумана, железка вдоль всего берега и мокрая галька в полосе прибоя. Едут за свой счёт — неохота заниматься вышибанием бесплатных путёвок, тем более что могут пока себе позволить.

Годом позже АН, уговаривая БНа поехать вместе с ним и Юрой Маниным в Новосибирск, замечает небрежно: «В конце концов, что нам несколько десятков ру?» Чувствуется, что ему приятно писать эти слова. А когда там, в Сибири, им вручат премию в размере ста рублей, АН ничтоже сумняшеся пустит свою половину «на пропой души» в весёлой компании. Добрые были времена.

И вот они в Гаграх, впервые в Доме творчества, как белые люди. И работа идёт поначалу здорово. Тем более что план составлен заранее; они прекрасно знают, что будут писать — очередную повесть о прекрасном далёком будущем с хорошо знакомыми, родными уже персонажами, правда, повесть совсем непростую, необычную, повесть глубокую, экспериментальную по языку и с гигантским подтекстом. Скучно им уже после «ТББ» и «Понедельника», а тем более после «Хищных вещей» писать очередную «Далёкую Радугу» или «Возвращение-2». Их повело уже совсем в иную сторону. И новая повесть, которая тогда в первом варианте так и не получит названия, спустя годы будет озаглавлена БНом «Беспокойство». Весьма символичное название — ведь это обозначено беспокойство самих авторов и за то, что они делали, и за всё, что происходило с ними в жизни, и за всё то, что происходило вокруг них — со страной, с человечеством. Беспокойство настолько сильное, что оно со всей неизбежностью заводило авторов в тупик. То, что они пишут, нравится им самим всё меньше и меньше. Думают об одном, замышляют другое, делают совсем третье — так не получится. Стоп.

Это был самый тяжёлый, самый важный, самый принципиальный кризис в их жизни. Кризис среднего возраста. Кризис настоящего творца, достигшего своей вершины. Кризис маленькой улитки, доползшей всё-таки до снежного пика Фудзи и

вдруг там в одиночестве и холоде переставшей понимать, для чего она ползла. И это был не короткий приступ отчаяния, знакомый почти каждому художнику, когда отправишься по неверному пути, намаешься дорогой и — уже в предвкушении победы и отдыха — вдруг упрёшься в стену и поймешь, что шёл сюда зря, а всё, что сделано, в лучшем случае можно было просто не делать, а в худшем — было во вред. Это они уже проходили. Но тут было что-то другое. Совсем другое.

Вроде всё как надо: неистовое желание работать и условия для работы идеальные; масса идей и тем, несколько уже придуманных сюжетов, несколько готовых миров, в которых можно и нужно разворачивать действие; наконец, полная уверенность в своих силах, знаниях, в своём мастерстве. Казалось бы, какого ещё рожна надо? Но они с третьего по шестое марта только гуляют вдоль берега под холодным ветром, сидят на пляже, глядя на пенистые барашки волн, да записывают в общую тетрадь планы будущего романа — один другого безумнее — это уже забравшись в номер шикарного отеля. Его так и хотелось называть отелем, а не скучно-советским именем «дом творчества».

Вместе с АБС в этом полупустом отеле жили ещё футболисты ленинградского «Зенита», приехавшие на сборы и донимавшие местную культработницу, призванную развлекать их, категорическими просьбами: мол, доставьте нам девушек таких, какие сейчас во Франции ходят. «А где я их возьму? Не сезон! — вздыхала культработница, жалуясь писателям. — Я уж их со всеми, с кем могла, познакомила, а они, неблагодарные, только ругаются: эта — деревня, эта — старая грымза, а у той — каблуки страшенные, наверно, ещё эпохи культа… Скорее бы уж они уезжали. Невозможно с ними».

Впечатление от разговора с женщиной тоже будет записано в тетрадь. И уж не эти ли футболисты превратятся через год в команду «Братьев по разуму» из повести «Гадкие лебеди»?

Настало время сказать и о той тетради, в которую всё это записывалось. Именно 3 марта 1965 года они завели общий дневник, названный впоследствии рабочим и просуществовавший вплоть до 1991 года. В нем оба делали записи по очереди, точнее записи делал тот, кому в данную минуту что-то пришло в голову. Это могло быть впечатление дня или набросок плана, это могла быть отдельная фраза или несколько страниц текста, это могли быть имена персонажей, чужая цитата, шутка, наконец, просто рисунок или схема. Рабочий дневник по умолчанию жил в Ленинграде, привозился БНом в любое место, где они вместе трудились, и вновь возвращался в Ленинград. Хотя сама идея

вести такие записи принадлежала скорее всё-таки АНу. Сопоставление личных дневников старшего и младшего братьев красноречиво свидетельствует, что АН был куда большим аккуратистом, любителем раскладывать всё по полочкам, подсчитывать количество произведений, публикаций, объём черновиков и чистовиков в страницах, а также время, затраченное на их написание (впрочем, с годами пристрастится к пунктуальности и БН).

Для чего это делалось? Для максимального удобства в изучении нерукотворного памятника, который они себе воздвигли? Для облегчения моей работы, то есть работы биографа? Да нет, они знали себе цену, но никогда не страдали манией величия. Полагаю, что это было ещё одним признаком истинного профессионализма. С этими записями им было самим удобнее работать. А профессионал должен создавать себе комфортные условия для достижения оптимального результата.

И вот, условия созданы. И даже кризис как будто прёодолён. Вечером 6 марта написана первая страница будущей «Улитки…» — с очень густой правкой, но… лиха беда начало! Планы становятся всё детальнее, тексты — всё длиннее и складнее. Темп неуклонно нарастает. 6-го они ещё загорали (воздух холодный, но солнце уже горячее), 7-го — загорать некогда. Работа кипит. 8-го запись:

«На море малый шторм».

И справа весьма условный рисуночек бурунов, набегающих на гальку, больше похожий на орнамент. И дополняют этот орнамент две решеточки вверху: после буквы «А» 12 вертикальных черточек, после буквы «Б» — 15. И справа от этого не до конца понятная надпись, обведенная овалом: «2 сигареты?» Может быть, две сигареты остались в пачке и что-то у них не сходилось? В общем, это они пытались сокращать потребление никотина и отмечали в дневнике каждую выкуренную сигарету (отсюда и в черновиках появится персонаж — Ким, который курит по часам). Хватило братьям терпения только на два дня, и, что характерно, 9 марта у А. значится прежний результат — 12, а у Б. - уже 16. Очевидно, в последующие дни количество уничтоженных сигарет зашкалит за 20 на каждого, но следить за этим уже некогда. И погоду они будут фиксировать не каждый день. Им станет не до погоды.

11 марта появится первая внятная запись организационного плана:

«Сделали третью главу».

12-го они начнут считать страницы. А именно: «Сделали 9 стр.» Неужели за один день? Очень может быть. Температура воздуха в этот день опускается до плюс пяти, 13-го вообще пойдёт снег. Вся энергия из окружающей природы уходит в их творческий процесс — ну, настоящая гигантская флуктуация! АБС не сдаются, 14-го заканчивают пятую главу, и вот уже солнце, и вокруг теплеет. 16-го окончена шестая глава. Темп невероятный. Но на седьмой главе происходит сбой. Она забракована вся. Первый очевидный поворот не туда. Перечеркнуто сурово по диагонали тремя строчками:

«Отставить. Впредь именовать несуществующей».

Там было про спасение Атоса, заблудившегося в Лесу. Но им совсем не нужен хеппи-энд. Это не приключенческий роман.

«17 марта, среда — + 7, облака тонкие, солнце село в тучу.

18 марта, четверг — + 15. Солнце село во мглу.

19 марта, пятница — Солнце. +13 *(написано + 3, но это явная ошибка. — А.С.)*.

Завтра закончим повесть и выпьем.

Послезавтра ничего не будем делать. Будем лежать.

В понедельник прочитаем повесть.

И тогда решим, что делать».

Звучит как верлибр. В простых коротких строчках за внешней растерянностью ощущается торжество победы: они сделали это! Невероятно быстро и невероятно здорово. И через чудовищное сопротивление материала. Но… когда перечитали в понедельник, сразу стало ясно, что это далеко не конец. Всё было замечательно, и всё было не так.

В дневнике будет записано 22-го:

«Солнце, цирусы».

Цирусы — это метеорологический термин, такие перистые остроконечные облака. Их ещё иногда называют в народе «кошачьими хвостами». Не путать с цитрусами.

В оставшиеся им до отъезда дни АБС уже ни разу не вернутся к новой повести. Они будут писать всяческие заявки и письма. И действительно, выпьют, и хорошо отдохнут, но на душе (на обеих душах) останется беспокойство.

25 марта совсем потеплеет. Они будут загорать на прощанье. Может быть, даже искупаются. А 26-го уедут в Москву и Ленинград. Но беспокойство не отпустит их. Собственно, это окажется настолько серьёзная книга, что она не отпустит их до самого конца года.

Да, они написали свой первый вариант вот так, нахрапом, за пятнадцать дней, они это давно умеют и будут уметь ещё долго. Но теперь надо думать. Сначала поодиночке, потом начнется обмен письмами, и месяца не пройдёт, как они уже снова встретятся. Потому что нельзя иначе.

АН в Москве будет отвлекаться на всякую ерунду от окололитературной до масштабно-политической. Но даже в своём личном дневнике едва ли не каждый день он будет записывать очередное рассуждение о Лесе. Он будет искать истину как тот самый Кандид, ещё не придуманный ими, но уже живущий в каждом из них вместо случайно залетевшего не в свою реальность Атоса-Сидорова. Им обоим всё яснее и яснее, что мир Полдня тут совершенно ни при чем.

29 марта на объединении в «МГ» Полещук сделал докладик про «Льды возвращаются» Казанцева, зачитывал цитаты с выражением и все отчаянно веселились.

А Лес всё продолжал сопротивляться.

> «Чисто реалистический метод (как напр., в ТББ) здесь, видимо, исключается, зеркало действительности должно быть сильно искривлено, чтобы охватить идею Леса во всей доступной нам сложности. <…> Когда Кафке потребовалось выразить свой ужас перед действительностью и отчаяние от бессилия человека перед бюрократической крепостью, он накинул на действительность этакую тоненькую вуаль сна, кошмара. <…> Нам же нужно, видимо, выразить недоверие к мифу о том, что природа самим господом предназначена человеку в объект непрерывного и безграничного познания. Представляется, что для такой идеи лучше всего подойдёт вуаль ИГРЫ. <…> Если бы удалось

применить такой метод, мы, возможно, основали бы что-то новенькое в теории литературы».

И БН в Ленинграде будет с той же неотвязностью задавать себе нелёгкие вопросы:

«При чём здесь Горбовский? При чём здесь светлое будущее с его проблемами, которые мы же сами и изобрели? Ёлки-палки! Вокруг нас чёрт знает что творится, а мы занимаемся выдумыванием проблем и задач для наших потомков. Да неужели же сами потомки не сумеют в своих проблемах разобраться, когда дело до того дойдёт?! С повестью надо что-то делать, что-то кардинальное. Но ЧТО ИМЕННО? Было ясно: те главы, которые касаются Леса, — годятся. Там „Ситуация слилась с концепцией“, всё закончено и закруглено. Эта повесть внутри повести может даже существовать отдельно. А вот что касается части, связанной с Горбовским, то она никуда не годится. И дело не в том, что она, скажем, дурно написана. Нет, написана она вполне достойно, но вот к тому произведению, над которым мы сейчас работаем, она никакого отношения не имеет. Она нам НЕ ИНТЕРЕСНА сейчас. Главы с Горбовским надлежит вынуть из общего текста и отложить в сторону. Пусть полежат».

30 марта АН вдвоём с Леной встретил Теодора Гладкова в ресторане ЦДЛ, они были знакомы по издательству «Знание». Тед представил его сидящему за столиком — самому Марку Лазаревичу Галлаю, летчику-испытателю, Герою Советского Союза, преподавателю в МАИ, а теперь ещё и писателю. Галлай только что в разговоре с Гладковым расхваливал Стругацких. Но АН воспримет это всё как-то без энтузиазма и в дневнике даже фамилию героя запишет с ошибкой. Куда больше запомнится ему официантка, ворчащая на писательскую молодёжь, мол, загадили всё, скатерти прожгли, вести себя совсем не умеют…

Это Лес не отпускает. Навязчиво ассоциируется с романами Кафки. Нужно что-то придумать.

«Социалистический реализм с ужасом бросился в атаку против Кафки. Видимо, дело всё в том, что

ценности, защищаемые соцреализмом, оказались легко уязвимыми перед лицом этого гиганта и его двух чугунных гирь-кулаков: „Процесса“ и „Замка“. Отчаяние и ненависть Кафки направлены по существу против тех же самых объектов, против которых должен бороться и соцреализм, только грех Кафки перед соцреализмом в том, что Кафка не оставляет никакой надежды на победу, а соцреализм заклинаниями и антилитературным завыванием пытается убедить себя и читателя (усиленно и неумело преодолевая собственный ужас), что барин всех рассудит».

Вот ключ к пониманию «Улитки»! И для авторов тогда, и для читателя теперь — именно в том году они окончательно и навсегда простились даже с попытками следовать искусственным установкам социалистического реализма. Конечно, книги АБС, начиная с самой первой, выламывались за рамки любых установок, но до какого-то момента их удавалось вгонять обратно или, во всяком случае, делать вид, что все хвосты подобраны, острые углы сглажены, а высокий лоб интеллекта подрезан до привычного неандертальского уровня. Чем и занимались редакторы, а зачастую и сами авторы — иногда стиснув зубы, а иногда играючи и даже с удовольствием, потому что внутренний цензор в каждом советском писателе жил, развивался и шлифовал свои навыки доводя их до виртуозности.

Но когда начала рождаться «Улитка», вмиг сделалось ясно, что примерять к ней метод соцреализма — всё равно что напяливать костюм-тройку на осьминога. Интуитивно они ещё там, в Гагре, почувствовали это, но для полного осознания потребовалось время.

5 апреля АН отнёс просмотренную им вёрстку «Хищных вещей века» («ХВВ») в «МГ», там идёт нормальный издательский процесс, обсуждаются технические вопросы, можно предположить, что через два-три месяца будет тираж. А вечером он выступал где-то в Подмосковном ДК перед «номерниками», то есть сотрудниками номерного, закрытого предприятия. Выступал вместе с Юрием Визбором и художником Соколовым, очевидно, Андреем Константиновичем — известным мастером фантастической живописи, работавшим позже ещё и в соавторстве с космонавтом Леоновым. В дневнике записал:

«Лишний раз убедился, что писателю выступать незачем. Другое дело — выступал Соколов со своими

картинками и Юрий Визбор (?) со своими песнями. Это получается хорошо».

Странные слова, неожиданные. АН выступает перед публикой, мягко говоря, не первый раз, любит это дело и в полной мере владеет искусством общения с залом. Примерно в то же время они ездили в Серпухов вдвоём с Нудельманом — в качестве «пристёгнутого» к знаменитости критика — так Рафаил даже не стал выступать, понял, что не требуются никакие комментарии. АН был самодостаточен, и люди не хотели отпускать его, было просто грех отнимать у них время, отпущенное на разговор с кумиром.

И вдруг такая реакция… Что-то здесь не так. Рискнем предположить, что это всё Лес наколдовал. Записей о нём в этот день нет, но мысли наверняка были.

6 апреля в ЦДЛ на Совете по фантастике разбирают первые успехи издательства «Мир». Среди прочего развенчивают как антинаучную книгу Фрэнсиса Карсака «Бегство с Земли». АН вступается за француза, предполагая, что разгромил его какой-нибудь далёкий от литературы учёный с позиций классической НФ, и говорит, что если уж доверять мнению учёных, то, например, таких как Виктор Борисович Шкловский. Все смеются. Оказывается, это и был именно Шкловский. Карсак и в самом деле писатель неважный — типичный представитель добротной развлекательной фантастики. А у Шкловского был безупречный литературный вкус, и, между прочим, он высоко ценил АБС, особенно после «Попытки к бегству».

7 апреля некто Ю. рассказывает АНу о том, как ещё 23 марта сняли с секретарей ЦК и с отдела пропаганды Леонида Федоровича Ильичёва — главного идеолога партии во времена позднего Хрущёва. Но времена эти кончились, а сняли его, по слухам, не без участия Твардовского, которому Ильичёв и тогда немало крови попортил, и теперь снова наскакивал на «Новый мир». Якобы резкий и невероятно дерзкий выпад Твардовского использовал Суслов, и задвинули Ильичёва в МИД, на должность зама Громыко. Очень похоже на правду. Эх, наивный Александр Трифонович! Ведь после отставки столь ненавистного интеллигенции Ильичёва место его занял Суслов, так что идеология ЦК ничуть не сделалась либеральнее. Собственно, это был ещё один немаловажный шаг на пути закручивания идеологических гаек.

Меж тем в дневнике возникают очередные и уже очень конкретные наброски:

«Для психологического равновесия повести сюжет Горбовского должен как-то совпадать с сюжетом Атоса. <…> Атос — олицетворение понимания обреченности лесного люда. Горбовский — олицетворение понимания бессмысленности и опасности работы Базы».

13 апреля АН жалуется на флюс, который не дал ему работать целых два дня, а ещё на весьма откровенные выступления антисемитов из СП РСФСР (так называемой «Донской роты» из ростовских писателей). «Квасные патриоты» чуют спинным мозгом, что время твардовских и стругацких заканчивается, и начинается их время.

Чудесная запись сделана 17 апреля:

«Ах, не прошло ещё время исполинов в искусстве!

Прочел Апдайка „Кентавр“. Вчера посмотрел „Пепел и алмаз“. У вещей этих общего — только высочайшее качество. Да ещё то, вероятно, что они бьют прямо в заплывшую салом совесть. Но если существует шкала для произведений искусства, вроде „мензура Зоили“ Акутагавы, то „Кентавр“ должен располагаться где-то в районе Кафки, Сэлинджера, Дюрренматта, то есть только чуть ниже Хэма, Чехова, Толстого. А „Пепел и алмаз“ — по антисентиментальности, ироничности и ужасу — не знаю, не приходит в голову».

А дальше ещё интереснее:

«Вероятно, у каждого писателя должен быть любимый конфликт. Вроде любимой болезни или любимого лакомства. Во всяком случае, у зрелого писателя. И уж, непременно, в наше время — время высших конфликтов (в отличие от сопливых конфликтов социального неравенства и полового недержания; и как только на таком барахле могли возникнуть гиганты культуры?) Так вот, о любимых конфликтах. В чем любимый конфликт братьев С.? Интеллект против мещанства? Общо, неопределенно. В конечном счёте, это же и конфликт Пьера Безухова с обществом. А вот что.

> Конфликт между Человеком Понимающим и Человеком Привычных Воззрений. <…>…практики **знают**, что делать, пусть неверно. А Человек Понимающий **не знает**, что делать, пусть и верно. <…> Человек Понимающий — единственный великий и трагический герой нашего времени».

Конечно, это всё — тоже для будущей «Улитки».

В апреле 1965-го АН, как и всегда, частенько бывает в гостях. Активный творческий поиск не снижает его общительности, даже наоборот — в разговорах с Севой Ревичем или историком Сергеем Павловичем Толстовым, Витей Сановичем или Леной Вансловой он пытается находить новые повороты для своих мыслей. Но 22 апреля у Ефремова спорить пришлось о «Понедельнике»:

> «Чиф нашел там идею о смене оккультных наук средневековья новыми оккультными науками на основе современной физики, объявил, что мы погребли эту идею под массой пустословия и опошлили её хохмами. Предложил писать настоящую серьёзную повесть о вторжении оккультизма в современную науку. Я визжал и отмежевывался, кричал, что для нас магия — просто символика и никаких таких идей мы проводить не собирались, но Чиф был неумолим. Раз мы талантливые писатели, значит, это вышло у нас помимо воли, и нечего тут… Кажется, в конце концов, он согласился, что ПНвС можно печатать в том виде, в каком она есть. Пусть это будет мудрец в шутовском колпаке, пусть эта повесть постепенно приучит соответствующие умы к новой идее. Так он решил. Пусть».

Поразительно! Один из классиков НФ, по существу, ратует за «сайенс фэнтези», которая ещё даже как термин не возникла, на которую даже и намека не было в тогдашней советской литературе.

24 апреля для заказанной ему статьи о будущем АН набрасывает давно придуманные вдвоём тезисы о «Стругацком» коммунизме, однако в непривычно жесткой формулировке:

> «…Провозгласить коммунизм, как царство духа, противостоящее дураку, общество, которое требует от

индивидуя не старого: „Работай! В поте лица работай и повинуйся!“, а нового: „Думай! Не умеешь думать, не способен самостоятельно решать — иди и повесься!“ Грозная картина, неуютная, но необходимая. Не рай и вечное блаженство, а высочайшая требовательность к человеку».

26 апреля он уже едет в Ленинград, полностью готовый к работе.

Погода вдруг сделается почти летней, они выезжают на природу и даже загорают, добирая недополученное на Юге солнце. Теперь, когда они вместе, всё очень быстро складывается, склеивается, срастается в цельную, завершенную конструкцию.

28 апреля происходит окончательный уход от мира Полдня с заменой имен главных персонажей. А 30-го они записывают, как бы невзначай:

«Лес — будущее».

И это сверхлаконичное определение становится формообразующим. Они наконец-то сорвали маску с этого проклятого Леса, они теперь знают наверняка, что и как надо писать. Удивительно то, что будущее, весьма прозрачно зашифрованное в повести под именем Леса, не разглядел практически никто. Не только рядовые читатели, но и весьма квалифицированные фанаты АБС. Могу подтвердить это на собственном примере. А ведь мы не просто перечитывали «Улитку», мы её пытались разгадывать, мы её обсуждали, мы спорили о ней до хрипоты. Но очевидный, заложенный авторами подтекст не приходил в наши головы. Может быть, всему виной непривычность формы? Или сюжетная усложненность, невероятная многослойность? Или, наконец, пресловутая запретность — ведь это же был самиздат! А в нем по определению следовало искать не просто философию, а крамолу — аллюзии, намёки, эзопов язык. Зато какое удовольствие получил я, перечитывая уже в новейшие времена полный авторский текст «Улитки» и мысленно подставляя всякий раз слово «будущее» вместо слова «Лес»! У меня было полное впечатление, что я читаю ещё одну новую, ранее незнакомую мне вещь Стругацких. Этакое чудо калейдоскопа, где от легкого встряхивания возникает совершенно новый узор — ничуть не менее совершенный.

Они не закончат работу над повестью в апреле, но там, в

Ленинграде, найдут главное, с тем чтобы ещё через две недели встретиться уже в Москве. Илья Михайлович с Екатериной Евгеньевной перебираются на дачу, и в московской квартире становится свободно. Братья интенсивно работают над новым вариантом текста, 25 мая в рабочем дневнике появляется имя «Кандид» в качестве условного названия повести или её части.

Во второй половине июня приходит время отдохнуть — и друг от друга и вообще, — по старой летней традиции. АНа заманят в Дунино. Боже, а ведь там самые комары в это время! И он сбежит оттуда. БН тоже далеко от Ленинграда уезжать не будет. Обоих не отпускает всякая суета, в частности, тревога за «ХВВ», подозрительно зависшие в издательстве. И дурные предчувствия не обманут братьев. Вот страшненькая цитата из дневника АНа:

> «22.06.65, вторник — Вчера Бела сообщила, что цензор зарубил ХВВ. Это была минуточка отчаяния. Странное ощущение — мало воздуха, скверная тяжесть в груди, а мысли всё время отползают от ХВВ. Будто смотрю со стороны на возможный вариант судьбы в будущем и вместе с тем сознаю, что это уже не вариант будущего, а нечто свершившееся».

25 июня АН (от отчаяния, наверно?) идёт к зубному врачу, что с ним крайне редко случалось, там ему ставят две пломбы и объясняют, что пора бы пойти к протезисту и лучше к платному. В этот же день он сделает невесёлую запись о Вьетнаме, а там уже вовсю полыхает война:

> «В Сайгоне американцам ад. Их убивают всюду. Колют в толпе иглами с кураре, подбрасывают мины, замаскированные под зажигалки, подсовывают мины в плавательные бассейны, взрывают грузовики с динамитом перед зданиями американских служб, бросают пластиковые мины в американские кинотеатры. Это уж точно — земля горит. Так стоит ли нам вмешиваться?»

Разумный вопрос. Но, к сожалению, наверху считали иначе и вмешались куда активнее, чем сообщалось в тогдашних газетах. Наша страна вела эту войну всерьёз и даже завершила её

победоносно в 1973 году. Военные специалисты могут подтвердить, что это была последняя война, выигранная Советским Союзом. Как и всякая победа, стоила она дорого.

АН будет интересоваться вьетнамской войной все эти восемь лет и будет много знать о ней не из газет, а, что называется, из первых рук. Его хороший приятель Марик Ткачёв — профессиональный вьетнамист: больше 20 командировок в ДРВ, иногда долгих, по несколько месяцев и, наверно, половина их пришлась на военные годы. Побывали во Вьетнаме и другие знакомые АНа: Аркадий Арканов, Тед Гладков, Михаил Ильинский, Евгений Евтушенко…

Остаётся только удивляться, что вьетнамские мотивы отразились лишь в одной из повестей АБС — в «Парне из преисподней» и совсем чуть-чуть.

Однако Вьетнам был всё-таки далеко, и главными потрясениями 1965 года для Стругацких стали «Улитка на склоне» — непривычно трудная и долгая работа над повестью, — и «Хищные вещи века» — непривычно трудное и долгое прохождение в печать.

Проблемы с этой повестью начались практически сразу. Ведь они, как всегда, написали нечто совсем не похожее на все свои прежние работы. Они слишком быстро росли, слишком смело экспериментировали, читатели с трудом поспевали за ними, а советское руководство вообще в то время двигалось в противоположном направлении — не развивая, а целенаправленно сворачивая всё оригинальности новое. Чему ж было удивляться?

Мудрый Иван Антонович ещё зимой, прочитав рукопись, сказал им, что это получилась не советская, а зарубежная фантастика. Он был не в восторге от того, ЧТО написано, но то, КАК это было сделано, вне всяких сомнений, заслуживало немедленной публикации, и Ефремов сделал всё от него зависящее. Написал «правильное» предисловие, уводящее цензоров в сторону, как хищных птиц от гнезда, и дал полезные советы авторам, где и что надо изменить: добавить, убрать, смягчить.

Не помогло. Главного редактора Валентина Осипова и директора Мелентьева опытная уже Бела Клюева обошла, объяснив, что рукопись читать не обязательно — это же Стругацкие, профессионалы, но после вёрстки… Цензуру на кривой кобыле не объедешь — в издательствах сидели штатные представители Главлита, они читали всё, и давить на них было бесполезно. Тётка попалась въедливая, исчеркала всё красным карандашом и едва не обвинила в государственной измене.

Осипов вызвал Белу к себе: «Ну и что опять натворили эти твои жиды?» Бела решительно попросила сверку себе на ознакомление. Осипов легкомысленно отдал. По правилам в таких случаях рукопись полагалось передавать в ЦК ВЛКСМ. Но Беле ясно было, что делать этого ни в коем случае нельзя — книгу зарубят навсегда. И она как-то совершенно спонтанно решается на явную авантюру. То есть сначала, чисто по-женски не желая выпускать из рук заветную сверку, объявляет Осипову, что отдала её, а на его недоуменный вопрос «Кому?» выпаливает: «Поликарпову». Это была игра ва-банк. Дмитрий Алексеевич Поликарпов, при Сталине возглавлявший и Союз писателей, и Литинститут, а теперь — отдел культуры ЦК КПСС, был другом родителей Белы, и она действительно знала его с детства, но не до такой степени, чтобы реально обращаться за помощью. Прозвучало, однако, правдоподобно, ведь начальство всё про всех знает. И Осипов поверил. Ворчал, конечно, но делать нечего — терпеливо ждал ответа из ЦК дней десять. Потом спросил. Бела на голубом глазу поведала, что Дмитрий Алексеевич ничего плохого в повести не углядел. На том фактически эпопея и была завершена. Не было такой возможности ни у Осипова, ни у Мелентьева — звонить на Старую площадь и проверять. Но Бела ещё сама не верит в успех авантюры и никому ничего не рассказывает, даже самим авторам. Не расскажет она и потом — от греха подальше. БН не знал об этом, даже когда писал свои «Комментарии к пройденному». Вышеописанная история была предана гласности совсем недавно в воспоминаниях самой Клюевой.

В тех же воспоминаниях есть любопытный штришок к портрету Поликарпова. Через пару месяцев, понимая, что дело не только в Стругацких, что редакцию Жемайтиса вообще начинают здорово прижимать, Бела Григорьевна всё-таки решается сходить на приём в ЦК КПСС. Дмитрий Алексеевич вполне приветлив с нею, но говорит буквально следующее: «Ты зря пришла. Разве это беда? Вот когда будет совсем худо, тогда приходи». К сожалению, такими показушно участливыми, а на самом деле цинично изворотливыми были практически все люди во власти. Другие там просто не уживались. Помогать можно было и нужно именно тогда, а когда станет «совсем худо», тогда уже поздно. Однако «доброму дяденьке» из ЦК было элементарно неохота взваливать на себя лишнюю проблему. Да и боязно — как человек хрущёвской команды в ЦК он и сам всё время ходил по лезвию бритвы. Ну и доходился — скоропостижно умер в ноябре того же года.

Итак, 12 июля БН срочно приезжает в Москву, они вместе с АНом и Белой Клюевой сидят у другого опытного бойца

издательского фронта — Нины Берковой, — и разрабатывают план конкретных действий. Дело в том, что АН уже взял билеты на поезд и буквально через день уезжает вдвоём с женой в Одессу, в Дом творчества на Большом Фонтане, а директор «МГ» Мелентьев вызывает их на ковёр. Что ж, отдуваться предстоит Борису — может, оно и к лучшему. Аркадий начальству московскому сильнее глаза намозолил, да и вообще Борис считается более рассудительным и хладнокровным для подобных дел.

16 июля БН принимает главное сражение и выходит из него с честью и с минимальными потерями. Требуется, конечно, некоторая правка, но в пределах допустимого. На это уходят не столько время, сколько нервы. Хотя и время тоже. 24 июля БН даёт телеграмму в Одессу о том, что книга ушла на вторую сверку, но только 3 сентября она будет окончательно подписана к печати и передана в производство. Хотя оттиражированные для неё обложки уже месяца три томятся на складе типографии. Благодаря этому сам тираж появится очень быстро — раньше 20 сентября («Понедельник» в «Детлите» выйдет на месяц позже). Итак, очередная пиррова победа. Это отчётливо видно по надписям, которые делают авторы на своей книге.

Манину (стоят обе подписи, даты нет, но ясно, что такое можно написать только по горячим следам):

> «Юра, ты знаешь, мы очень старались. Но судьба не в наших руках. И в не в твоих. Не смейся над калекой».

Берковой (тоже две подписи, дата — 21 сентября):

> «Ниночке Матвеевне, другу и благодетельнице повергаем к стопам это чудовище».

В августе они опять работают в Москве, в большой пустой квартире — «Улитка» неторопливо и уверенно ползёт вверх.

Десятого августа их посещает корреспондент АПН Валентина Петряевская и делает большое интервью, которое появится 13-го в «Московском комсомольце», а потом будет перепечатано ещё в пяти газетах. Это уже настоящая слава. По тону разговора ощущается большой пиетет журналистки. Авторы о своих планах, несколько кокетничая, говорят общо и скромно, секретов не

выдают.

28 августа АНу исполняется сорок лет. Он никогда не отмечал пышно ни одного из своих юбилеев. И не потому, что не было денег — в 1965-м деньги как раз были, — и не потому что не любил ресторанов — рестораны как раз любил. А просто вот пренебрегает он этими датами. Как-то в одном из писем брату за пару лет до этого он написал:

> «На день рождения мне, сам понимаешь, с высокой горы. Как говорил Абызов, я на него облокотился».

Так, облокотившись на свой день рождения, он и проживёт всю жизнь. БНа на сорокалетии не будет, он только что уехал. Друзей в общем смысле слишком много, чтобы позвать их всех, а друзей по-настоящему близких, без которых невозможно… Таких, пожалуй, просто нет в тот период. И будут званы Юра Манин, и ещё Сева Ревич да Дима Биленкин — оба со своими Танями. А начнётся этот день с того, что Лена прямо в постель, как кофе, подаст ему большой красивый бокал хорошего, специально купленного к празднику коньяка. В обычные дни по утрам пить у них категорически не принято, но по случаю торжества… Как говорится, с утра выпил — весь день свободен.

Но это не совсем правда.

В те годы Аркадий пьёт, конечно, многовато, но как-то на редкость светло, задорно, заразительно. Никто не может вспомнить его пьяным, никто не видит его мрачным с похмелья. Хотя записей в дневнике типа «выпили там, выпили здесь, выпили с этим, выпили у тех» лучше не считать. Весьма точно подметил сын Всеволода Ревича Юрий, хорошо знавший АНа с детства: «Он был алкоголиком хемингуэевского типа». Жизнь как фиеста. Во всяком случае, употребление спиртного в этот период нисколько не нарушает его рабочего ритма и никому не портит настроения, включая его самого.

Единственное исключение — их работа вдвоём с братом. Здесь БН жёстко настаивает на сухом законе: для уникального взаимопонимания необходима стопроцентная адекватность. И в этих недельных, двухнедельных, трехнедельных воздержаниях есть своя прелесть. Какое это счастье: закончив книгу, пойти с друзьями в любимый «Пекин» с китайской кухней, или в «Украину» — тоже частый вариант, от дома близко, пешком дойти; или на Горького в «Баку», а иногда в «Минск» — это уже по связям Шилейко, — или, наконец, в дежурный ресторан ЦДЛ. Вообще-то, чаще всего они отмечают свои истинные,

литературные, а не условно-традиционные праздники с Юрой Маниным или Лёшей Шилейко, но бывают разные компании, в том числе и писательские.

А есть ещё датированное тем самым днём сорокалетия письмо брату, в котором АН рассказывает о планирующейся поездке в Чехословакию. Странное письмо. Никакой радости — одно недоумение и раздражение. А казалось бы — первый раз за границу — событие! И вообще, уважили, пригласили на Международную конференцию… Но в том-то и дело, что не уважили. Конференция в Марианске-Лазни (более привычно звучит немецкое название Мариенбад) посвящена была 75-летию Карела Чапека, и оттуда, разумеется, попросили прислать фантаста. А здесь, разумеется, кто-то брякнул не к месту, что главные фантасты у нас сегодня Стругацкие. Но кто-то другой, достаточно высоко сидящий, не замедлил напомнить, что Стругацкие у нас невыездные. Этот кто-то явно бежал впереди паровоза, потому что решения такого ещё не приняли на самом верху.

Меж тем в иностранной комиссии СП у АНа было много хороших знакомых — тот же вьетнамист Марик Ткачёв, замечательный индолог Мира Салганик, Влад Чесноков — виякобец-«француз», прекрасный переводчик, работавший синхронистом у Хрущёва, а в последующие годы много пивший и рано умерший. Все они дружили долгие годы. И, конечно, ребята проинформировали — не для того, чтоб «порадовать», а просто чтобы знал о нежной любви начальства. Вот эта мерзкая возня вокруг его имени и привела к тому, что уже никуда не хотелось ехать.

Собственно, дело решилось в последний момент — 2 или 3 сентября. Получилось так, что на чапековское мероприятие ехал Алексей Александрович Сурков, автор знаменитой «Землянки», один из секретарей правления СП СССР и кандидат в члены ЦК. И так уж вышло, что незадолго до этого прочёл он «Трудно быть богом», пришел в полнейший восторг и за пару дней до отъезда решил уточнить, а едет ли с ним Аркадий Стругацкий. Председатель инокомиссии стал что-то лепетать про загранпаспорт. «А это не мои проблемы — это ваша работа», — жёстко сказал Сурков и распорядился брать Аркадия в любом случае. Так состоялась первая поездка АНа за рубеж. Не думаю, что он пожалел о ней, наверняка получил удовольствие, и наверняка ему было интересно. Но, к сожалению, никаких записей о самой Чехословакии до сих пор не обнаружено. 4-го уехал, 10-го вернулся — вот и всё. И снова Борис приезжает в Москву, и снова они с головой погружаются в свой загадочный

Лес.

И практически в тех же числах, 8 сентября, у Никитских ворот в Москве арестован Андрей Синявский, а через четыре дня — Юлий Даниэль. Двух писателей посадили не за шпионаж, не за тунеядство, а именно за то, что они написали не те книги и не там их издали. Это было ново. Ещё более ново было то, что началась открытая кампания за их освобождение. Организовали даже демонстрацию 5 декабря, в День Конституции, на Пушкинской площади, у памятника поэту. Продолжалась она всего несколько мгновений: Александр Есенин-Вольпин и несколько человек рядом с ним развернули небольшие плакаты, но их так быстро выхватили гэбэшники, что даже стоявшие рядом едва успели прочесть, что там написано. А плакаты гласили «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем» и «Уважайте советскую конституцию». Есенина-Вольпина на этот раз задержали, допросили, но выпустили. Ну а процесс, который состоялся в феврале следующего года, являлся открытым чисто формально — никого туда, конечно, не пустили.

Однако в любом случае всё, что произошло, было беспрецедентно для СССР. Власть бесчинствовала, но события вызывали и чувство гордости — за отчаянно смелую демонстрацию и за письмо в поддержку писателей, подписанное десятками известных имен. АБС не относились к числу «подписантов», но к числу сочувствующих — безусловно. Буквально через одного человека они знали всех главных участников этих событий.

В октябре АН выступает в Доме науки и техники, на встрече с читателями, организованной редакцией журнала «Вопросы философии». Подобных вступлений было у него много, но это примечательно тем, что именно там знаменитого фантаста впервые видит школьник Миша Ковальчук. О нем мы ещё не раз вспомним, а в «Вопросах философии» работал замом главного редактора отец Ковальчука, что тоже окажется весьма существенным для дальнейшего.

А у БНа в Ленинграде — своё выступление. Случай редкий сам по себе, да к тому же ещё и необычный — выступает он перед школьниками средних и старших классов 239-й Ленинградской физматшколы. Это один из трех существовавших на тот момент в городе «инкубаторов маленьких чудовищ». Ребятишки эти потрясли БНа. Перед ним было — Будущее. В натуральную величину. Думалось тогда, конечно, о Лесе. Но встреча, запомнившаяся до мелочей, ляжет через год в основу понятно какой главы из «Гадких лебедей». Многие из вопросов, заданных Виктору Баневу вундеркиндами, будут в точности взяты из

реальной встречи. Например, этот, сакраментальный: «Какими вы хотели бы видеть нас в будущем?», который застал именитого писателя врасплох, хотя он, казалось бы, только об этом и думал вместе с братом все последние годы. Удивительный это вопрос — не бывает на него правильного ответа…

2000 год, БНу задают его вновь, уже в Интернете. Торопиться некуда. Есть время подумать. Сколько угодно времени. А он всё равно отвечает практически так же, как 35 лет назад:

> «Хотел бы, чтобы вы нашли в себе свой Главный Талант и чтобы всю жизнь ваша работа была для вас источником наслаждения и радости».

И только добавляет чуть виновато и самоиронично:

> «Сойдёт?»

Потому что чувствует, что не ответил, что опять разочаровал… Наверно, на этот вопрос может ответить только сама жизнь.

БН после не встречался конкретно с этими мальчиками и девочками, но другие выпускники той же школы и двух других ФМШ оказались в итоге у него в семинаре: Андрей Столяров, Николай Ютанов, Сергей Переслегин, Леонид Филиппов. Это ли не ответ на вопрос?

И ещё любопытная деталь. С такими же вундеркиндами (он их ласково называет фэмэшатами) встречается АН, только уже не в Москве, а в Новосибирске в конце декабря 1966-го. Вот тогда они и напишут окончательно эту главу, быть может, лучшую во всей повести. Ведь «Гадкие лебеди» будут закончены только в 1967-м.

А в 1965-м до конца года они встретятся ещё два раза — в Ленинграде будут писать свой «Лес» неделю, с 9 и по 15 октября, а в декабре впервые поедут в Комарово. Зачем так далеко мотаться в какую-то Гагру, если совсем под боком замечательный дом творчества и тоже на море? Именно в Комарове они будут отныне работать чаще всего. Но первая встреча с этим местом была несколько настороженной, да и продолжение в тот раз получилось не совсем ласковым.

«6.12 — Прибыли в ДТ Комарово. Расположились. Всюду следы стаканных донышек. В шкафчике 4 малыша и полбутылки „333“».

Малыши — это то, что позднее станут называть мерзавчиками, пустые, разумеется, а вот полбутылки «333» — это явно недопитый портвейн, на радость какому-нибудь алкашу. Но самая милая деталь — это следы стаканных донышек. Не важно, пили из стаканов бормотуху или чай. Важно, что следы остаются только на очень старой, потрепанной мебели и там, где плохо убирают. В общем, не «Хилтон», но всё равно уютно. Им будет хорошо работаться в Комарове.

«7.12 — сделали 8 стр. + 2 стр. вечером. Арк отбил себе внутренности. Стонет. Катались на финских санях».

Уж не сломал ли он себе снова ребро? Они у него так легко ломались…

И вот торжественная запись:

«18 декабря 1965. - сделали 8 стр. (117) И ЗАКОНЧИЛИ».

Свершилось. Уже вполне взрослая «Улитка» вползла в мир большой литературы. Она ещё не знает, какая ей предстоит тяжкая судьба, и в легкомысленной задумчивости шевелит рожками.

А братья тем временем, разогнавшись, уже не могут остановиться и тут же, 20 декабря набрасывают первый план новой повести — «Второе нашествие марсиан. Записки здравомыслящего». Потом наступает, как они пишут, осовелость. Дни и вечера заняты всякими обсуждениями, в частности важным обсуждением сценария «ТББ» для «Ленфильма». Но с каждым днём у них всё меньше серьёзного и всё больше простого трёпа — в конце концов, скоро Новый год!

Завершив «Улитку» (а она уже и называется, как надо, они даже выпишут для себя, сколько времени продолжалась работа):

«Итого встречались: март; ГАГРЫ; 1-й вариант

Апрель — май; ЛНГР; начало Переца
Май — июнь; МСКВ; Кандид
Октябрь; ЛНГР; конец Переца
Декабрь; Комарово; конец».

Это абсолютный рекорд и по количеству, и по длительности встреч за год.

Стругацкие оба не раз говорили, что «Улитка» — это их лучшая вещь, а БН, помнится мне, в 1990-м, выступая перед нами на Всесоюзном семинаре молодых фантастов, вообще сказал, что это единственная их повесть, у которой есть шанс прожить в литературе лет пятьдесят, остальные лет через 15–20 будут позабыты совсем. И это не было позерством — просто реалистичный взгляд на вещи. Характерно, что лет за сто до него примерно так же рассуждал Лев Толстой, отпуская своим романам не больше века. Как мы хорошо знаем, классик XIX столетия ошибся. Ошибся и классик столетия XX. Если предположить, что БН помнил о толстовских прогнозах, получается, что он ещё и внёс пятикратную поправку на ускорение прогресса. И тоже промахнулся. Сегодня это уже очевидно.

Но, мне кажется, что ошибся он и в другом: «Улитка» — прекрасная повесть, безусловно, одна из лучших, но выделить её как единственную из всех я бы не рискнул. Тогда (сразу после написания, сразу после прочтения) она казалась совершенно особенной, исключительной. Сегодня — через сорок с лишним лет — уже не кажется. По каким объективным критериям составлять эту табель о рангах?

Лично у меня так и остались любимыми «Гадкие лебеди». Знаю многих, кто выше всех вещей ставит «Град обреченный». Знаю таких, для кого нет и ничего не может быть лучше «Понедельника». Знаю людей, верных навсегда «Трудно быть богом», и таких, кто превозносит «Пикник на обочине». Абсолютной вершиной их творчества называют и «Обитаемый остров», и «Миллиард», и «Жука», и «Малыша»… И всё это имеет право на существование. Я специально проводил такие опросы и лишний раз убеждался, что объективных критериев нет. Есть читательские, коммерческие рейтинги (разные по странам и по годам). Есть мнение литературоведов и критиков (тоже сильно дрейфующее во времени и пространстве). Есть самооценка авторов — и даже она непостоянна!

И всё-таки, на мой взгляд, есть одна вещь, объективная в достаточной мере. Назовем её пассионарностью, определяемой

как сумма факторов: оптимального возраста, опыта, здоровья, душевного состояния автора. У нас авторов двое. Поэтому всё очень наглядно — как на картинке в учебнике по физической химии. У каждого из братьев своя диаграмма состояния, своя кривая, своя линия жизни. В стартовой точке они расходятся на восемь лет, из-за этого долгие годы пересечение невозможно. Потом пересекаются, но ещё слишком сильно не соответствуют друг другу. Идёт постепенное, затем стремительное сближение. Оно достигает своего пика, после чего линии жизни со всей неизбежностью разбегаются вновь. Теперь они уже умеют искусственно удерживать их рядом и достигать почти таких же результатов, как в самые лучшие годы, но всё равно оптимум приходится на середину и конец шестидесятых.

Возможно, вершина этой Фудзи — именно 1965 год, возможно — 1966-й. Но не сильно позже. Все достижения 70-х, тем более 80-х — это уже надрыв. Это уже как подвиг, и чем позднее, тем большей крови он будет стоить обоим.

А «Улитка» приползла к финишу тихо и торжественно, принеся с собой настоящий праздник.

Ах, как хорош был этот неожиданный мартовский снег на берегу южного моря!

Они сидели у самой полосы прибоя и смотрели на волны. На мокрой гальке примостилась крупная виноградная улитка. Откуда она взялась тут? Её же смоет в море, погибнет маленькая. Но нет. Вышло солнце, снег быстро таял. Улитка уползала от воды.

Что было более значительным событием года: создание «Улитки» или выход в свет «Хищных вещей»? Трудно сказать. Каждое по-своему отчеркнуло важный этап в жизни.

Рассуждая о «любимом конфликте братьев С.», АН сам вспоминает Ивана Жилина в качестве примера.

И действительно, уже в «ХВВ» главным становится не противостояние коммунара Жилина из мира Полдня загнивающему Западу (да и какой он, к черту, коммунар — спецназовец он, готовый драться и убивать, если надо) — а совсем другое: противостояние умного Жилина торжествующему дураку, хаму, потребителю. А мир там был совершенно наш, не слишком-то и разделённый на два лагеря.

И вот тогда Система, наконец, среагировала адекватно. Она-то себя очень чётко отделяла от другой — демократической, либеральной, гуманистической, — той, что за бугром. Поэтому именно «Хищные вещи…» испытали первое сильное и серьёзное сопротивление при прохождении в печать. Издать удалось не

потому, что повезло (хотя и это тоже) — просто уже велика была инерция, то есть популярность и авторитет, заработанные прежними, «правильными» вещами. У начинающих авторов такая повесть не проскочила бы ни за что. Да и со Стругацкими начальство дало маху. Через год уже товарищи наверху спохватились и стали от обиды хлопать себя ушами по щекам: эх, не надо было им так много позволять!

Система подсознательно боялась их с самого начала, она же нутром чуяла, что это именно АБС готовы взорвать её изнутри. И Система сопротивлялась, ещё не понимая для чего, так, на уровне животных инстинктов: цепляясь репьями идиотизма к абсолютно безобидной «Стране багровых туч», пытаясь сделать фарш из «Возвращения» в мясорубке Главатома, подсаживая свои поправки в каждый рассказ, как паразитов в здоровый организм.

Система с туповатой методичностью покусывала всё подряд, выходящее из-под пера АБС, но только к 1965 году её движения сделались осмысленными и челюсти сомкнулись всерьёз. Правда, с первого раза промахнулись. Зато уже в 1966-м перекусили «Улитку» надвое, не дав ей пройти в печать целиком.

Ох, не случайно именно тогда появилась знаменитая записка ЦК, которую хочется привести здесь, если не целиком, то в значительной части. Она того стоит. Своими словами подобный «шедевр» не перескажешь, а для понимания всего дальнейшего просто необходимо знать, какие решения и на каком уровне принимались. Заметьте, именно к 1966 году и Система дозрела до соответствующего уровня тоталитарности, и Стругацкие, наконец, осознали себя морально непобедимыми, а потому свободными от любых догм и установок Системы. Нашла коса на камень.

А трагикомизм ситуации заключается в том, что автором этой приснопамятной записки был не кто иной, как Александр Николаевич Яковлев — будущий архитектор перестройки, один из немногих, кто в новые времена нашёл в себе силы покаяться за всё то, что пришлось совершить тогда. Он так и объяснял людям, что до своего десятилетнего пребывания (с 1973 по 1983 год) послом в Канаде был элементарно другим человеком. Простим ему сегодня, попытаемся понять: рукою Александра Николаевича водила Система. Но и забывать этого нельзя — иначе всё может повториться.

«ЗАПИСКА ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК КПСС О НЕДОСТАТКАХ В ИЗДАНИИ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

5 марта 1966 г.

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает необходимым доложить о серьёзных недостатках и ошибках в издании научно-фантастической литературы.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживают произведения так называемой „социальной“ или „философской“ фантастики, в которых моделируется будущее общество, его политические, моральные, человеческие аспекты.

Научно-фантастическую литературу в СССР издают около 20 издательств — центральных, республиканских, областных. Её регулярно печатают более 50 журналов и газет, многие из которых выходят миллионными тиражами. Если с конца прошлого века до 1958 года в нашей стране на русском языке было выпущено около 450 названий произведений фантастики, то с 1959 по 1965 год включительно только на русском языке было издано более 1200 научно-фантастических произведений, включая переиздания, общим тиражом около 140 миллионов экземпляров. Литература по фантастике стала как бы литературной модой. Особенно большую популярность научно-фантастическая литература снискала себе среди молодежи и подростков. Произведения этого жанра читаются молодежью буквально запоем.

Советская фантастика всегда отличалась своими прогрессивными тенденциями, твердо стояла на основах научного мировоззрения, смело вторгалась в сложные и малоизученные жизненные проблемы. Для неё были характерными высокий гуманизм, глубокая вера в силу человеческого разума, оптимистический взгляд в будущее человечества, неизменно связанное с победой и торжеством коммунистических идеалов.

Однако в последние годы в результате снижения требовательности со стороны издательств и редакций журналов к авторам, к идейно-художественному уровню произведений научно-фантастическая литература претерпела определенную эволюцию.

Книги этого жанра начали всё дальше отходить от реальных проблем науки, техники, общественной мысли, их идеологическая направленность стала всё более притупляться и, наконец, стали появляться произведения, в которых показывается бесперспективность дальнейшего развития человечества, крушение идеалов, падение нравов, распад личности.

Жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для легального протаскивания в нашу среду чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов.

(В следующих двух абзацах — краткий разгром Станислава Лема. — А.С.)

И вот, усвоив эту „философию“, полную пессимизма и неверия в силу разума, представители отечественной „философской“ фантастики вступили в противоборство с идеями материалистической философии, с идеями научного коммунизма. Для иллюстрации считали бы возможным подробно остановиться на содержании наиболее показательных в этом отношении произведений, принадлежащих перу братьев А. и Б. Стругацких».

(Далее — подробный и лживый разбор «Попытки к бегству». — А.С.)

«Может быть, эта повесть — случайный срыв авторов?» — вопрошает Яковлев. Выясняется, что не случайный. И тут уже достаётся «Трудно быть богом». Опять с цитатами. Наконец, апофеоз:

«Наиболее ярко „философские“ концепции Стругацких изложены в их последней книге „Хищные вещи века“ *(опять весьма тенденциозный пересказ содержания с цитатами. — А.С.)*.

Показ целой страны как Страны Дураков, понятие о целом народе как о „народе проклятом“, о трудящихся „огромного большинства стран мира“ как об аморфном сплошняке в социальном отношении, стремящихся лишь к удовлетворению самых примитивных инстинктов, — это проявление не только высокомерного пренебрежения к материалистической философии, но и неуважение к самому Человеку, ко всей истории человечества, к человечеству сегодняшнего дня. *(О как! — А.С.)*

Моделирование условной Страны Дураков, общества без признаков классов, достигшего необъяснимым образом изобилия материальных благ для всех своих членов — сопутствуемого упадком духовной жизни — тоже без всякой конкретизации причин, может вызвать у неискушенного читателя ошибочное представление, что изобилие материальных благ вообще ведет к упадку

духовной жизни.

Отдавая себе отчёт в том, что Страна Дураков выглядит слишком пасквильно, авторы решили оградить себя предисловием *(написанным под давлением Ефремова и руководства „МГ“. — А.С.),* в котором пишут: „Речь в повести идёт о чрезвычайно тревожной и всё усиливающейся тенденции, свойственной современному капиталистическому миру“. <…>

В сущности, опубликование повести „Хищные вещи века“ есть беспрецедентный случай в истории советской литературы, когда писатели, взявшись написать книгу об образе жизни „капиталистического“ государства, не только не стремятся к анализу социальных сторон, но начисто отказываются от социальных оценок вообще, причем делают это, согласно авторскому замыслу, сознательно преднамеренно.

Слабость и путаность идейно-теоретических позиций многих произведений современной литературы по научной фантастике усугубляется их низким литературно-художественным и эстетическим уровнем. *(Ну, понеслась!.. Неужели он сам верил в то, что писал? — А.С.)* В книгах по научной фантастике встречается немало натуралистических картин, смакования всякого рода низостей и непристойностей. Некоторые герои их нарочито упрощены и огрублены. Говорят они на какой-то тарабарщине, в которой смешались арго уголовников с заумью снобов и развязностью стиляг *(в качестве примера даётся пресловутая „сексуальная“ сцена с доной Оканой из „ТББ“ и дежурный набор жаргонных словечек, которых ничуть не меньше было у любого другого нормального писателя. — А.С.).*

Как же могло случиться, что в научно-фантастическую литературу проникли идейно-чуждые влияния, идеалистические философские концепции, пессимистические настроения? <…>

Всё дело в том, что ни партийная печать, ни литературная критика никогда всерьёз не занимались анализом научной фантастики. А это привело к тому, что издательства и редакции журналов, главным образом, издательства „Молодая гвардия“, „Детская литература“, журналов „Техника — молодежи“, „Знание — сила“, „Молодая гвардия“, „Смена“, редакции сборников по фантастике и приключениям крайне невзыскательно

стали подходить к отбору произведений писателей-фантастов. Стремясь получить дополнительные прибыли, любой ценой увеличить тиражи своих изданий, печатают почти всё, что приносят авторы и переводчики. *(Неожиданный пассаж! В Канаде Яковлев ещё не побывал, но, очевидно, его стажировка в Колумбийском университете повлияла на такой рыночный подход к издательскому делу. Только ведь всё это полнейшая неправда. — А.С.)* Неразборчиво публикуя произведения западных фантастов, руководители издательств и журналов открыли зеленую улицу для проникновения буржуазной идеологии в среду советских читателей и особенно в среду молодежи.

При издательстве „Молодая гвардия“ сложилась группа молодых писателей и критиков, которые напрочь отбрасывают всё, что было сделано советскими фантастами прежде, стоят в фарватере современной западной фантастики. Эта группа монополизировала издание литературы и публикации статей в газетах и журналах по проблемам научной фантастики. Парнов и Емцов хвалят Стругацких, Стругацкие — Парнова и Емцова. Нудельман хвалит Громову, Громова — Нудельмана. А все они вместе взятые взахлеб расхваливают Айзека Азимова, Рея Брэдбери, Станислава Лема, монолитно и беспощадно выступают против советских писателей старшего поколения А. Казанцева, В. Немцова и других.

Писательская общественность неоднократно обращала внимание ЦК ВЛКСМ и руководителей издательства „Молодая гвардия“ на неблагополучное положение с изданием литературы по научной фантастике, однако эти сигналы не были приняты во внимание. Более того, руководители „Молодой гвардии“ до последнего времени склонны считать, что с выпуском научно-фантастической литературы у них всё обстоит благополучно.

Учитывая серьёзные недостатки и ошибки в издании литературы по научной фантастике, Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считал бы целесообразным осуществить следующие мероприятия:

1. Поручить редакции журнала „Коммунист“ опубликовать обстоятельную критическую статью авторитетного автора об ошибочных тенденциях в

современной научно-фантастической литературе. Это необходимо, поскольку в двух статьях, опубликованных ранее на страницах „Коммуниста“ (Е. Брандис и В. Дмитревский „Будущее, его провозвестники и лжепророки“, № 2 за 1964 г. и М. Емцов и Е. Парнов „Наука и фантастика“, № 15 за 1965 г.), содержатся путаные оценки современной научно-фантастической литературы, всячески восхваляется творчество братьев Стругацких, что, в известной степени, дезориентировало общественность.

2. Поручить ЦК ВЛКСМ рассмотреть вопрос о работе издательства „Молодая гвардия“ по изданию научно-фантастической литературы и принять меры по укреплению издательства более квалифицированными кадрами.

3. Предложить Комитету по печати при Совете Министров СССР навести надлежащий порядок в издании литературы по научной фантастике как в центре, так и на местах, обратив особое внимание на выпуск произведений западных литераторов.

4. Рекомендовать Союзу писателей СССР обсудить вопрос об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе и принять меры к улучшению работы с литераторами, работающими в этом жанре.

5. На очередном информационном совещании в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС обратить внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тенденции в современной научно-фантастической литературе и на поверхностное обсуждение проблем, связанных с этим жанром, на страницах периодической печати.

Просим согласия.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев

Инструктор Отдела И. Кириченко

Резолюция: „Согласиться“. П. Демичев, М. Суслов, Ю. Андропов, Б. Пономарев, Д. Устинов».

Уровень — высочайший, не хватает лишь подписи самого Брежнева. Формулировки — жёсткие. Секретность (по идее) —

полнейшая. Но… слухами земля полнится. Любопытно, что уже 29 апреля-того же года АН пишет брату:

> «Имею печальную привилегию первым сообщить тебе, что битву Казанцев выиграл *(в данном контексте не важно, какую битву — очередную, много их было. — А.С.)*. Ситуация такова. Существует некое закрытое постановление ЦК КПСС о фантастике, где мы осуждаемся, впрочем, без оргвыводов и с дальнейшим разрешением печататься. Подробностей ещё не знаю».

Подробностей они и не узнают ещё много лет, то есть АН так и не успеет познакомиться с этим замечательным текстом вообще, но изменившееся отношение к себе, конечно, почувствуют оба и будут чувствовать его с каждым годом всё сильнее.

А сам по себе 1966 год был тихим, относительно спокойным и литературно успешным. Первый раз они встретятся в начале апреля у мамы в Ленинграде и с невероятной для себя скоростью за две недели начнут и закончат черновик «Второго нашествия». Это получится очень удачная, очень цельная и опять ни на что из предыдущего не похожая вещь. Она будет нравиться самим авторам с самого начала и по сей день, хотя читатели почему-то не сумеют оценить её адекватно. Глубокий второй план и провидческий смысл этой небольшой, весёлой, почти хулиганской на первый взгляд повести станет понятен большинству лишь через много-много лет.

Закончив повесть, АБС запишут на следующий день 16 апреля:

> «Не работали. Пьянствовали. Нехорошо это. Плохо».

— Можно такое процитировать в книге? — спросил я у БНа почти в шутку. — Можно. Цитируйте. «Пусть клевещут», — ответил он, вспомнив один из своих любимых анекдотов, когда иностранцы приезжают на какой-то советский долгострой и поначалу их не хотят пускать, а потом смиряются: «Ладно, пусть клевещут».

АБС свято блюли традицию — выпить по завершении работы, а нехорошо это было в тот раз лишь потому, что предстояла ещё довольно срочная доделка по сценарию «ТББ». Но они всё успели

на следующий день. Так и записали в дневнике:

> «17 апреля 1966 — Оттачивали образ Киры. Отточили».

Чем ещё славен был 1966-й?

В Москве, на Бережковской набережной, — прибавление в семействе Стругацких: под майские праздники в доме появляется Лель — очень лохматый, очень белый, очень шумный щенок королевского пуделя. И почти королевских кровей — с учётом замечательной родословной брали его в клубе с переплатой за сумасшедшие деньги — 138 рублей! Это был вроде как подарок Маше к окончанию четвёртого класса, хотя она мечтала о добермане или крупной овчарке. Но родителям правильно посоветовали, что пудель — идеальный вариант для ребёнка. Хотелось ей большого пса — пожалуйста! Лель вымахал в крепкого зверя сорока пяти килограммов веса и семидесяти сантиметров в холке. Он со страшной силой тянул поводок и зимой легко мог катить санки с двумя пассажирами. Котировался как служебная собака, при этом никогда никого не кусал, но лаял громко. Подарили-то собачку Маше, но любил он всех, а самой любимой хозяйкой избрал маму, Елену Ильиничну, может быть, потому, что у них дни рождения почти совпадали: у мамы 16 февраля, а у Леля — 15-го. Папу он тоже боготворил. Бывало, ложился рядом и подолгу глядел преданными глазами, а когда папа, то есть АН, уезжал куда-нибудь и начинал собирать чемодан, Лель тут же радостно вспрыгивал на его диван и разваливался там: мол, я, конечно, буду грустить, но нет худа без добра, теперь можно и тут поваляться. Очень любил он ездить на дачу, носиться там по просторам. И на Вернадского ему больше нравилось, чем на старой квартире, тоже было раздолье по сравнению с дворами и маленькими скверикаами на Бережковской. Была у Леля дурная привычка — иногда убегать от хозяев, и вот в конце 70-х, уже старенький, он как-то убежал и не вернулся. Печально. Но что поделать: собачий век короче людского. Может быть, так даже легче? А имя королевского пуделя Леля осталось навсегда в повести «Отель „У погибшего альпиниста“». Он там превратился в сенбернара, но нисколько на это обиделся. Ведь он же был настоящей писательской собакой и понимал, что такое сверхзадача.

Точно в день своего рождения 28 августа 1966 года АН пообщается в редакции «Иностранной литературы» с приехавшим

в СССР Кобо Абэ. На встрече будут ещё редактор Алексей Словесный, друг и постоянный автор «Иностранки» Мариан Ткачёв и маститый переводчик с японского Владимир Гривнин, который Стругацкого всегда считал выскочкой и дилетантом, этот взаимно и вполне справедливо числил Гривнина по разряду плохих переводчиков, так как имел счастье редактировать его тексты. Гривнин знал японский язык — этого у него не отнять, но с русским у Владимира Сергеевича всегда были большие проблемы (а вообще-то он тоже виияковец и, возможно, там были ещё какие-то старые счёты). Короче, именно присутствие Гривнина и заставило АНа написать об этом событии в письме брату столь коротко и загадочно:

> «Встречал тут Абэ. Странная была встреча. Потом расскажу».

Ведь к самому японцу относился он всегда с большим уважением, любил его как писателя и наверняка с удовольствием готов был поговорить обо всём на свете, хоть на английском, хоть на японском.

Из книжек года — отметим три. В лениздатовский сборник «Эллинский секрет» вползла строго по плану усечённая «Улитка», то есть её лесные главы. Половинка. Но всё-таки увидела свет! И вышел тиражом в 215 тысяч знаменитый седьмой том подписной «Библиотеки современной фантастики», включивший в себя «Трудно быть богом» и «Понедельник», резко расширивший круг читателей АБС и окончательно закрепивший за ними место среди классиков мировой фантастической литературы. В том же году пришёл из типографии и следующий том библиотеки, восьмой, с прекрасным переводом «Дня триффидов» Джона Уиндема, выполненным АНом под псевдонимом С. Бережков. Текст был чуточку порезан в редакции из политических соображений, например, в самом начале выкинули упоминание советских боевых ракет в космосе. Но эти подробности рассказал нам уже в конце 80-х дотошный Гопман, а тогда, я думаю, художественная целостность перевода не сильно пострадала.

Ну и конечно, в тот год было много переводов книг АБС на самые разные языки и много выступлений, встреч, интервью. Нормальная жизнь нормальных признанных писателей.

И, наконец, за 1966 год они напишут первый черновик «Гадких лебедей». Задумана повесть ещё в апреле, разработана в сентябре, а черновой вариант текста сделан в два приёма в Ленинграде, у мамы — в октябре и в ноябре.

Заглянем в рабочий дневник. Всю нижнюю половину тетрадной странички занимают кроки, нарисованные уверенной офицерской рукой АНа с явным удовольствием, а над картой написано очень символично:

«5 октября 1966. Идёт дождь».

И ниже:

«Это сюжет. Мокрецы. Нанты».

Первоначально действие повести должно было разворачиваться на прибрежной границе, Банев — поручик погранвойск, а нанты — полудикое племя, живущее на тамошних островах и постепенно эволюционирующее в неких «хомо футурум», они же мокрецы.

На следующей странице дневника — без конкретной даты — появляется ещё не план, но уже наброски сюжета, а дальше, через страницу — с пометкой 16.11.66 — список главных персонажей с именами и краткими характеристиками.

Здесь любопытно пояснить, что фамилии многих героев новой повести (Росшепер, Бол-Кунац, Зурзмансор, Роц Тусов) были позаимствованы из романа шестилетнего Андрея Борисовича Стругацкого «Росшепер и его Заметчики». Он же сочинил и знаменитый стишок «Стояли звери около двери…». И крайне популярное в семье выражение «Гражданин города Ленинграда, страшный дурак Юрий Бандаленский», и гениальный термин «мощное сюсюканье», и несколько стихотворений, которые в собрание сочинений АБС не вошли, но вызвали в своё время (и вызывают сейчас) законный восторг родных и близких:

«Дожди в машины так и хлещут,
Деревья начало валить.
Водители машин трепещут,
Как бы старух не задавить…»

В общем у Андрея Борисовича серьёзное литературное наследие. Можно только пожалеть, что творческие порывы его иссякли на восьмом году жизни. Вероятно, под благотворным влиянием нашей советской школы.

Однако в «Гадких лебедях» он себя увековечил. Смешные имена достались совсем не смешным персонажам очень грустной повести. Хотя и не без юмора.

Итак, ещё один резкий поворот темы, ещё одна блистательная вещь с тонко продуманной композицией, с живыми героями, с богатым языком. Ещё один абсолютно реальный, осязаемый мир, наполненный удивительными фантастическими деталями и безошибочно узнаваемыми приметами нашей жизни, нашего времени. Они уже не умеют писать по-другому. Они уже перестали утруждать себя подлаживанием под кого-то или подо что-то. Но они ещё не понимают, что оказались совершенно в противофазе с господствующей в стране идеологией. Система уже отвергла их. Она уже не хочет их знать. А они заканчивают своих «Лебедей» и как ни в чём не бывало начинают их предлагать во все традиционные места: в «МГ», в «Детгиз», в любимые журналы и сборники. Ну а чего такого, в самом деле? Ведь не было же там никакой антисоветчины. Действительно, не было. Если взглянуть непредвзято и трезво, в «Гадких лебедях» не было вообще ничего стопроцентно непроходимого. Уж не больше, чем в «ХВВ» или «Улитке». Ни сном ни духом не могли предполагать братья, что именно с этой повести начнётся у них настоящая беда непонимания с властями, начнётся катастрофа.

Так же, почти по инерции, ещё через полгода они закончат в подмосковном Голицыне «Сказку о Тройке», уже гораздо более остро направленную своей сатирой на самую суть советского режима. Однако и со «Сказкой» они ещё будут наивно полагать, что это у них всё та же фантастика для детей и подростков. Ну, только более высокого литературного качества. Отрезвление придёт внезапно, но это будет немного позже.

А 1966-й они переживут вполне уверенные в себе и даже с лёгкой иллюзией некоторой стабильности. Пишется легко. Придумывается труднее. Но это нормально. На самом деле замыслов в запасе ещё полно, надо только хорошенько думать и выбирать самое главное. Публиковаться стало тяжелее — это да, но ведь печатают же пока — и слава богу. В конце концов, они уже научились как профессиональные литераторы делать всё одновременно: статьи, предисловия, переводы, редактуру, рецензии. Они составляют сборники, помогают молодым, их уже в редколлегии включают, значит, обретают некую солидность.

А тучи сгущались. Но их ещё невозможно было толком разглядеть.

Прекрасная получилась поездка в Новосибирск, оформленная по линии бюро пропаганды Союза писателей, но за компанию с

Юрой Маниным — в Академгородок, в царство молодых учёных, всё ещё хозяев жизни, всё ещё почти таких же, как их персонажи из мира Полудня. С этими читателями понимание у Стругацких было абсолютным.

АНа встречали, как старого знакомого, и ему казалось, что он их всех давно знает — то ли по годам молодости, то ли по страницам своих книг. Прямо в аэропорту Манин представил ему своего друга ещё по литературному объединению «Высотник» в МГУ (которым руководил Дмитрий Сухарев) — физика и поэта Володю Захарова. АН тут же достал из кармана початую квадратную бутылку виски и предложил выпить за знакомство, деловито объяснив: «Ты не пугайся, это не виски, обычный коньяк я туда налил».

И дальше была всё время какая-то очень весёлая жизнь. Манин вспоминает:

> «В клубе „Под интегралом“ были два этажа, называвшиеся „числитель“ и „знаменатель“. После церемонии вручения близкие друзья собрались на чьей-то квартире и всю ночь коротали застолье, слушая импровизированный устный роман, который по очереди, глава за главой, сочиняли Аркадий и другой Володин друг, Сергей Андреев *(в феврале 1970 года он погиб от несчастного случая в своей лаборатории — трагическая судьба совершенно в духе ранних Стругацких! — А.С.)*.
>
> Роман был посвящён грядущей русско-китайской войне. К рассвету, когда все уже с трудом удерживались в сидячем положении на стульях, я вдруг разлепил веки и прислушался: это Аркадий завершал роман душераздирающей картиной — последний защитник Кремля подрывал себя противотанковой гранатой в последнем, ещё не сдавшемся кремлёвском сортире, чтоб не достался врагу».

Владимир Евгеньевич Захаров вспоминает, наоборот, начало этого романа — историю китайского вождя Линь Бяо. Причем Серёжа Андреев излагал бытовые подробности его жизни (просыпается в роскошной постели под балдахином, среди наложниц, звучит тихая музыка, ему подносят какой-то изысканный чай), а Стругацкий смачно описывал форсирование Амура и танковую атаку (Линь Бяо врывается на советскую территорию по дну великой реки и, в духоте гигантского танка нависнув над пультом с сотнями разноцветных лампочек,

свирепый и взмокший от пота, страшно ругается на диалекте родной провинции Хубэй…)

Физик Сергей Андреев был человеком невероятно талантливым во всём и, если бы дожил до наших дней, был бы одним из политических лидеров, считает Захаров. Это на квартире у Захарова они и сидели тогда всю ночь, чувствуя себя совершенно счастливыми…

Как жаль, что БН не смог поехать! Уж больно внезапно они сорвались — 19 декабря, вместо запланированного отлёта на 5 января.

27-го АН уже возвращается в Москву и пишет брату:

> «Академгородок — наш. Даже воздух там особенный. Все кругом свои ребята. <…> Мы получили приз 65 года не за фантастическую литературу, а за лучшее произведение о научной молодежи, конкурируя в последнем туре с Амосовым „Сердце и мысль“ и какой-то Богуславской. И получили не столько от кафе-клуба „Под интегралом“, сколько от райкома ВЛКСМ. Имеет место почётная грамота и четыре к ней комментария, все с печатями и с подписями секретаря райкома. Привезу. *(Приз им дали за „Понедельник“. — А.С.)*
>
> Я выступал:
>
> 1. Перед „фэмэшатами“ (ФМШ — физматшкола для вундеркиндов).
> 2. Перед мэнээсами и студентами в клубе „Под интегралом“.
> 3. Перед домашним клубом „Интимных встреч“. Гм. Названьице. <…> читал некоторые главы из ЗПВГ („За *поворотом в глубине“ — одно из рабочих названий „Улитки“. — А.С.)* и привел всех в восхищение. ЗПВГ читают сейчас там все подряд (достойные, конечно), я оставил по требованию Манина и общественности рукопись. Манин её привезёт. <…>
>
> Общее впечатление — очень здорово всё, нас уважают и любят».

Вот на такой мажорной ноте закончился 1966-й. Закончим и мы на этой ноте. Или добавим ещё один бодрый штрих. Под самый Новый год Нина Беркова переедет на новую квартиру в Волковом переулке и чуть ли не первого января, ну, может быть, второго, позовёт всех на новоселье. Соберётся человек двадцать пять, если не тридцать, и больше половины из них — фантасты.

Хорошая, дружная, весёлая компания. Списки участников, понятно, не сохранились. О ком знаем точно: Булычёв, Емцев, Парнов, Биленкин, Громова, ну и конечно, АН, украсивший праздник своими тостами и хохмами.

Глава тринадцатая
КОНЕЦ ЭПОХИ

«Нами управляют жлобы и враги культуры. Они никогда не будут с нами. Они всегда будут против нас. Они никогда не позволят нам говорить то, что мы считаем правильным, потому что они считают правильным нечто совсем иное. И если для нас коммунизм — это мир свободы и творчества, то для них коммунизм — это общество, где население немедленно и с наслаждением исполняет все предписания партии и правительства».

Борис Стругацкий, «Комментарии к пройденному»

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Делят свой успех по-братски.
Им завидуют, наверно,
Все — от Жюля и до Верна.

Александр Иванов

В пятницу, 6 сентября, позвонил Сева Ревич:

— Аркаша, привет, завтра выходной.

Суббота уже второй год была нерабочим днём, подарок преподнесли народу в год 50-летия Октябрьской революции, но и в 1968-м об этом всё ещё друг другу напоминали.

— У меня все дни будние, — вздохнул Аркадий.

— Или все выходные, — предложил вариант Сева. — Я привёз из Таганрога ведро замечательных раков.

— И они не сдохли по дороге?

— Нет, ты что, они ужасно живучие.

— Слушай, так они, наверно, самого Антона Павловича помнят?

— Кого? — не понял Сева.

— Ну, в Таганроге же Чехов родился.

Ревичу понравилась эта идея, и он стал всех остальных звать на чеховских раков, которые с подачи Стругацкого тут же и были переименованы в чеховских. У Севиной жены Татьяны, работавшей редактором в журнале «Знание — сила», фамилия была Чеховская. Стругацкие, Аркаша и Лена, пришли первыми и припёрли две сумки с пивом и бутылку «Московской».

— А водка зачем? — удивился Сева, который всегда был человеком малопьющим.

— Пригодится, — сказал опытный Аркадий. — Предлагаю переиначить известную поговорку: «Пиво без водки — деньги на ветер».

Биленкиным (Диме с Таней) и Можейкам (Игорю с Кирой) успели позвонить, чтобы ничего с собой не брали, а то упьёмся, мол. И посидели славно. Чеховские раки оказались сказочными на вкус, пиво подвернулось рижское, и это тоже был совсем не худший вариант, ну, а компания была просто замечательная. Любимые всеми споры о фантастике и вообще о литературе начались прямо после первого тоста. Пивом-то обычно не чокаются. Но ведь была и водочка — пригодилась-таки! И пил её не только Аркадий, компанию составил Игорь, а также и Лена с Таней Чеховской — они вообще-то обе не отказывали себе в этой радости, могли, бывало, вдвоём уговорить бутылку водки или коньяка, а потом и вторую ополовинить, увлёкшись. Но так чтобы с пивом — это, пожалуй, они впервые расхулиганились. Впрочем, количество-то было смешное: на восемь человек дюжина пива и одна поллитровка — с чего тут пьянеть? Однако развеселились они необычайно, и когда около полуночи вышли на улицу (а начали часиков в восемь), то сразу стало ясно: расходиться рано. Ночных магазинов в то время не было, и даже у таксистов как-то ещё не очень принято было приобретать бутылку. Стали перебирать в памяти, у кого что есть дома и куда ближе пойти. И всё совпало: ближе всего от улицы Палихи находился Угловой переулок, где жили Биленкины — только Новослободскую перейти, десять минут ходу нога за ногу, а Татьяна вспомнила про бутылку домашней вишнёвой наливки.

Надо было видеть, как Дима, изображая заправского медвежатника, вставлял ключ в замок и поворачивал его тихо-тихо, а потом восемь человек, на цыпочках, крадучись, будто воры, дурачась и давясь от смеха, проникали в квартиру. И ведь удалось никого не разбудить и тихо извлечь из буфета бутыль с

вишнёвкой! Вот только когда Таня над головой у спящей мамы стала извлекать из серванта рюмки и уронила одну, мама испуганно приподнялась в постели:

— Случилось что?!

— Спи, мамуля, спи, у нас гости. Всё нормально.

Похоже, в ту ночь все напитки были волшебными. После наливки они почувствовали себя лет на десять моложе, тихонько включили граммофон, раздвинули мебель в большой комнате и устроили безумные танцы, меняясь партнёршами и демонстрируя всё, на что способны. От вальсов и танго перешли к твисту и шейку и тут уж отвели душу — отплясывали как угорелые, а ведь Аркадию с Леной за сорок было, и Севе с Таней не многим меньше, Биленкины и Можейки помоложе, но тоже четвёртый десяток не вчера разменяли, а дуремарились — ну, честное слово, как школьники. И что удивительно, так никого в квартире и не разбудили. Крепко спал народ. А когда Аркадий в каком-то немыслимом па разбил ногою стекло в самой нижней полке с книгами, никто даже не расстроился, все только хохотали безудержно…

(Почти через сорок лет Татьяна Юрьевна показывала мне эту полку: «Вот видите, так и не вставили стекло — наверно, в память об Аркаше, о той сумасшедшей ночи, и о Диме…» Дмитрий Александрович Биленкин умер очень рано, в июле 1987-го, пятидесяти четырёх лет и на четыре года раньше АНа.)

А в ночь с 6 на 7 сентября 1968-го приключения не завершились разбитой полкой. Спать уже никому не хотелось, хотелось куролесить дальше. Они пошли вроде как провожать друзей, ловили машину, долго никто не останавливался, потом подъехали сразу две, и это был знак судьбы. Погрузились все вместе и махнули к Булычёвым, точнее к Можейкам. Ещё точнее — Кира не была ни Булычёвой, ни Можейкой, она так и остаётся по сей день Сошинской, но у Игоря на тот момент уже напечатали добрый десяток рассказов под псевдонимом Кир Булычёв. Вообще удивительно: ни у одной из собравшихся тогда супружеских пар не было общей фамилии — Татьяна Юрьевна тоже не Биленкина, а Притула, как тогда, так и теперь.

Там, на Мосфильмовской, они хотели сначала раскинуть партию в канасту, но карты любили не все, и решили вместо этого играть в чепуху. Очень литературная игра: каждый пишет фразу по заданной схеме, заворачивает листок и передаёт по кругу, и так пока лист не кончится. Получаются жутко смешные рассказики-буриме. Эх, разыскать бы эти листочки сегодня! Да вряд ли сохранились. Ну и конечно, у Можеек тоже пили что-то, кажется, коньяк, и, кажется, даже Сева за компанию приложился,

а иначе с чего бы это пришло ему в голову доказывать свою силу и на спор отрывать от пола почти стокилограммовую тушу Стругацкого. Сева, на голову ниже Аркадия, всегда худенький, но жилистый, о своей физической подготовке мнения был высокого, ну и рванул Аркашку ввысь, словно собирался в окошко кинуть. Спасибо над головой не поднял — у того аж дух захватило. И что-то хрустнуло громко в тишине.

— Севка, да ты орёл! — похвалил Классик (а его уже тогда звали именно так). — Но ты мне, кажется, часы сломал.

Часы были без секундной стрелки, и Аркадий долго к ним присматривался, прислушивался и даже принюхивался, пытаясь понять, ходят они или не ходят. Но было шумно, все галдели, смеялись, и ничего нельзя было разобрать. Весело было, отчаянно весело. И они стали наливать по новой…

Под утро пошли провожать Стругацких с явным намерением разыскать что-нибудь спиртное теперь уже у них в закромах. От Мосфильмовской до дома номер четырнадцать на Бережковской тоже не дальний свет — минут двадцать, Лена сразу пыталась объяснить, что дома родители и две девочки, вторая девочка, правда, уже почти взрослая, но в пять утра всё равно все спят, и никто не поймёт странных намерений этой пьяной ватаги. Однако на улице все стали стремительно приходить в себя. Пахло влажным асфальтом, большой рекой и щемящей горечью первых осенних листьев, вдалеке дрожали огоньки на тёмной воде, оттуда тянуло свежим, очень свежим ветерком. У начала набережной, не доходя до длинного забора ТЭЦ, Аркадий остановился и, сказав: «Мне надо позвонить», свернул в старый квартальчик, где громоздились друг на дружку какие-то лачуги, гаражи и голубятни (сейчас в этом месте развязка автомобильного Третьего кольца).

— Куда это он? — всплеснула руками Лена.

— Ленка, — засмеялся Игорь, — ты что, не знаешь второго смысла этой фразы? Он сейчас вернётся.

Но Лена уже бежала вслед за мужем, крикнув на ходу:

— А вдруг ему плохо…

Так они потеряли их обоих, но искать не стали, а пошли себе потихоньку вдоль парапета, бросая в реку веточки, мелкие камешки, монетки — на счастье — и медленно трезвея. Стругацких встретили во дворе, у подъезда. (И как это они подошли с другой стороны?) Попрощались тепло, умиротворённо, радостно. Ненадолго. Что бы они делали друг без друга? А так — всё отлично! Можейки пойдут обратно пешком, а для остальных уже совсем, совсем скоро откроют метро, «Киевская» — рядышком…

— А правда здорово погуляли? — сказала Лена, обнимая Аркадия за шею уже у дверей квартиры.

— Правда, — он вдруг погрустнел. — Так здорово уже никогда больше не будет.

— С чего ты взял? — она обиженно надула губки.

Он не ответил. Только пожаловался после паузы:

— Бок болит. Сердце, что ли?

— Ну, ты фантаст! — улыбнулась Лена. — Сердце у него в боку!

Поразительно, но за всю эту ночь они ни разу не вспомнили — будто сговорились, — о трагических событиях двухнедельной давности.

21 августа советские танки вошли в Прагу. Об этом трудно было теперь не думать. Но в минувшую ночь им удалось. Прекрасно удалось. Что это было? Торжественное прощание с эпохой, уходящей навсегда? Наверно, так. Уходит любая эпоха, но эта была самой счастливой в их жизни. И так здорово уже действительно никогда не будет.

Утром проснулись, и бок у Аркадия болел ещё сильнее, даже припух. Пришлось идти к врачу. Там отправили на рентген. Трещина в ребре. Аи да Сева! И даже боли не было совсем. Тогда. Забавно это всё, если б не было так пронзительно грустно. Трещинка на снимке была ма-а-аленькой, то-о-оненькой — и не разглядишь, если не знать, но Аркадию вдруг представилась, что эта трещина проходит не только через его ребро, а через всё мироздание, и такая трещина уже не зарастёт.

> «Процесс „эрозии убеждений“ длился у нас до самых чешских событий, — говорил БН в одном из интервью. — В 68-м какие-то иллюзии ещё оставались. В частности, я до самого последнего момента был убеждён, что чехам удастся сохранить свободу. Я был в этом уверен на девяносто девять процентов! Я считал, что какие у нас сидят ни идиоты, какие они ни кровавые дураки, но и они же должны понимать, что идея превыше всего, идею задавить танками нельзя… И вдруг выяснилось, что можно. Мы говорили тогда друг другу: „Не посмеют!“ А самые умные из нас говорили: „Ещё как посмеют!“ И оказались правы. И это было для нас полным и окончательным прощанием с иллюзиями. Для нас — и для подавляющего большинства наших друзей и знакомых».

Вместе с Пражской весной были раздавлены последние надежды советской интеллигенции. Диалог с властью стал невозможен. Теперь надо было просто слушать власть и слушаться её. Или не слушаться, но это было чревато. Семёрка отчаянных смельчаков, вышедших на Красную площадь 25 августа со знаменитым плакатом «За вашу и нашу свободу!», оказалась разбросана по тюрьмам и психушкам на долгие годы.

Резкое похолодание в связи с чешскими событиями ударило и по фантастике, и конкретно по Стругацким, причём быстро и весьма ощутимо. Быть может, первым тревожным сигналом стал звонок Алексея Германа БНу:

— «Трудно быть богом» остановили.

— Почему?

— В сценарии видят прямые аналогии с чешскими событиями, теперь не отбояришься от них…

— Идиоты! — проворчали оба, точнее все трое, потому что Аркадий так же воспринял, когда узнал.

Но на самом-то деле, в руководстве «Ленфильма» были совсем не идиоты, а трусы. Никто не хотел быть крайним. А если вдуматься, аналогии и впрямь были очень прямые, прямее некуда. Власть, в очередной раз проспавшись, разглядела себя в зеркале.

Грех жаловаться на подобные претензии, если учитывать, до чего доходила паранойя перестраховщиков в те годы. Ролан Быков снимал чудесную детскую комедию «Внимание, черепаха!», ни сном ни духом не помышляя о политике. Там дети решают проверить, выдержит ли панцирь черепахи, если её положить под гусеницу танка на учениях. Танки в фильме, разумеется, советские, а черепаха начинается на «че», как и всем известная страна… У Быкова были большие трудности с выходом фильма на экран. Ну, как тут не вспомнить остроумный и печальный анекдот про «Муху-цокотуху», в которой при каждом новом генсеке находили свои политические аллюзии!

А может быть, грустным приговором эпохе стал выход в «МГ» перевертыша — последней книги АБС в этом издательстве перед долгим, долгим перерывом, книги удачной и очень симпатичной. Бела Клюева нашла для неё остроумное полиграфическое решение: две крайне непохожие повести — давние «Стажёры» и новое «Второе нашествие марсиан» — были напечатаны навстречу друг другу, вверх тормашками — впервые в отечественной практике. Бела позаимствовала эту идею у американцев, видела такую книжку ещё несколько лет назад. Авторам понравилось, им тоже случалось держать в руках подобные штуки, как раз тогда они вдвоём надумали переводить для «Мира» «Саргассов в космосе» Эндрю Нортон, и в оригинале издание 1957 года было

перевертышем вместе с «Марионетками мироздания» Филипа Дика. И всё бы это здорово, конечно, если б не знать, что вместо «Стажёров» в той книжке должны были стоять «Гадкие лебеди». И до самого лета ещё тлела какая-то надежда. Ну, может быть, если не в «МГ», то хоть где-то? Чего уж такого ужасного в этих несчастных «Лебедях»? Почему их никто не берет? Ну, должны же они одуматься и понять… Не одумались. Не поняли. Не сбылось.

И вот сентябрем перевертыш подписан в печать. Всё. Опустилась Большая Круглая Печать. И на «Лебедей», и на «Улитку», и на «Сказку о Тройке» (эту печать воспевшую), и на многие будущие, ещё не написанные книги.

Вообще-то проблемы у АБС начались в том году существенно раньше. У «чехословаков», как тогда их называли, ещё цвела вовсю и шумела Пражская весна, а братья сидели себе тихонько в Ленинграде у мамы и заканчивали черновик «развлекательного» романа под названием «Обитаемый остров» — политически беззубого, как им тогда казалось, и одновременно зубодробительного в сюжетном отношении, как, безусловно, и было.

Предыдущий заход делали они в январе, а заодно с удовольствием сотворили заявку на сценарий «Далёкой Радуги». (Кстати, действительно очень подходящая вещь для кино: четкая драматургия, яркая фактура, внятная философия… И почему за следующие сорок лет никому не пришло это в голову?) Потом был перерыв на февраль, и в марте они снова встретились. И всё вроде шло как надо, гладенько так.

«Ну, не хотят в Москве печатать серьёзные и глубокие книги — будем писать параллельно несерьёзные и неглубокие, но всё равно честные и увлекательные. И сами удовольствие получим, и читателя порадуем. А серьёзные произведения будем пристраивать в других городах. Страна у нас большая, друзей много повсюду, не бросят в беде, не оставят без внимания. Иркутская „Ангара“ взяла-таки „Сказку о Тройке“, пусть журнальный вариант, но взяла. А отрывки из неё же напечатали эти замечательные ребята из Казани, комсомольцы-добровольцы без страха и упрека. Бурятский „Байкал“ опубликовал вторую, самую крамольную часть „Улитки“, условно называемую „Управление“, — и ничего, а первую часть — про Лес — вообще, удалось в ленинградский сборник пропихнуть почти сразу, ещё два года назад. С „Лебедями“ вот проблема, но и тут придумаем что-нибудь… Придумаем. Нормально же всё», — уговаривали они себя.

Но оказалось, что не совсем нормально. Слухи начали доходить в марте. То ли от Гансовского, который делал

иллюстрации к журнальному изданию «Улитки», то ли прямо от кого-то из далёкого Забайкалья. Они работали в Ленинграде, 14 марта были в Доме писателей на 60-летнем юбилее Владимира Ивановича Дмитревского, видного критика и литературоведа. А на следующий день, 15-го, появляется эта запись в рабочем дневнике — слух о «Байкале». Нехороший слух. Мол, там, в Улан-Удэ, уже вкатили кому положено изрядного партийного дрозда за эту антисоветскую «Улитку», номера изымают из библиотек, и угроза нависла над главным редактором и над журналом вообще.

В итоге оказалось, что арестовали эти два номера (первый и второй за 68-й год — вот ведь как совпало!) не из-за них, а из-за статьи литературоведа и критика Аркадия Белинкова; точнее, это была глава из его книги об Олеше «Сдача и гибель советского интеллигента». Белинкова довольно скоро выдавили из страны, как и многих тогда. А Стругацкие остались — расхлёбывать. Только это очень примитивная схема. Грех было бы сказать, что они попали под раздачу ни за что. «Улитка» тоже заслуживала. И заслужила. «Правда Бурятии» заклеймила её гневно и смешно, мол, так всё гнусно в придуманном авторами мире, что нельзя не признать в нём нашу сегодняшнюю действительность. Советская власть, как унтер-офицерская вдова, сама себя высекала руками своих бездарных критиков — не впервой. Однако смех смехом, а хорошего было мало и в злобных рецензиях, и в запретах на публикации. Чувствовалось уже, что дальше будет только хуже. А вот из книги Белинкова достаточно привести всего лишь одну цитату, и сразу ясно: не зря АБС оказались с ним под одной обложкой:

> «Между художником и обществом идёт кровавое неумолимое побоище: общество борется за то, чтобы художник изобразил его таким, каким оно себе нравится, а истинный художник изображает его таким, какое оно есть.
>
> В этой борьбе побеждают только великие художники, знающие, что они ежеминутно могут погибнуть, и гибнущие. Других общество уничтожает. Великие произведения так уникальны, потому что выстоять художнику ещё труднее, чем создать их».

Стругацкие не только могли подписаться под этим — они сами оказались в числе великих художников, потому что сумели выстоять и победить, а не погибнуть.

Вслед за историей с «Байкалом» грянул ещё более

масштабный скандал с «Ангарой», запустившей «Сказку» в четвёртом и пятом номерах («Ангара» выходила шесть раз в год). Этим бедолагам досталось по всей строгости нового идеологического закона — уволили главного редактора альманаха Самсонова, поменяли всю редколлегию и зацепили даже выше — сняли главного редактора Восточно-Сибирского книжного издательства Фридмана. А номера альманаха превратились в библиографическую редкость уже к концу года. И начали жить своей жизнью.

Едва ли возможно назвать точную дату первого несанкционированного копирования произведений АБС. Наверняка кто-то где-то переснимал или перепечатывал понравившиеся тексты с книг или журналов ещё в начале 60-х, потому что с хорошими книгами в советской стране всегда были проблемы, даже в самые лучшие годы и при самых массовых изданиях. Но 1968 год можно с уверенностью назвать годом начала широкого подпольного тиражирования трёх полузапрещённых вещей — «Сказки», «Улитки» и «Гадких лебедей». Слухи о продаже их по пять рублей за машинописную копию на одесском «толчке» доходят до Питера как раз в сентябре 1968-го. (Цифра из письма БНа, но что-то дёшево очень — если и продавали реально, то намного дороже. Не на порядок ли ошибка? Пятьдесят рублей — вот нормальная цена). Понятно, что и со сборника «Эллинский секрет», где вышла первая часть «Улитки», начали делать копии — читатель же мечтал соединить всё вместе, а в дополнение к «Сказке» и «Понедельник» копировали, всех его тиражей всё равно не хватало, ну а дальше… Лиха беда начало! АБС уверенно заняли своё место в списках «самиздата», хотя формально в 1968-м их вещи (за исключением «Лебедей»), таковыми ещё не являлись.

А копировали их всеми доступными способами. Множительная техника в то время была весьма громоздкой, но совершенно не вижу, отчего бы какому-нибудь благородному дону не рискнуть и не сделать, например, синьки (светокопии) со страниц их книг или оттиски на ротопринте (малотиражной офсетной машине). Дело было, конечно, подсудное, но где наша не пропадала! В конце 1970-х, когда уже широко пошёл в массовое использование ксерокс (это я сам помню), люди, за него отвечавшие, очень чётко разделяли: есть зарубежные издания или машинопись (тут хоть Брежнева перепечатай, а всё пойдёт по ведомству КГБ); а есть книги-журналы, вышедшие в СССР в последние двадцать лет и даже не изъятые из библиотек (копирование таких считалось не более, чем использованием служебного оборудования в личных целях). А в «доксероксную»

эпоху, разумеется, основным средством размножения являлась пишущая машинка, и это, как мы уже говорили, было опасно: распространение рукописей, не прошедших Главлит, есть явная идеологическая диверсия. Безобидным, но не всеми освоенным был фотоспособ; появлялись уже печатающие устройства на больших вычислительных машинах; ну и, конечно, существовал самый древний и надежный метод — переписывание руками.

Владимир Гопман, например, вспоминает, как ходил в Ленинку, году в 1970-м, ещё в юношеский зал (в старом здании — в доме Пашкова) и в несколько приемов переписал от руки всю «Улитку» с двух номеров «Байкала». Целую неделю ходил, потом дал почитать брату, тот — ещё кому-то, и ещё кому-то, и, наконец, случайное звено в этой цепочке лопнуло. Рукопись пропала. Ух как же он разозлился тогда!..

Другую замечательную историю поведал Андрей Измайлов. «Гадких лебедей» дали ему на один день, а копию хотелось оставить себе до зарезу. Ксерокс в то время был редкостью и роскошью — так быстро не найдешь. Перепечатать, переписать, переснять — ничего не успевал! И тогда осенило: есть же магнитофон. Взял и прочёл вслух. От начала до конца. Правда, тоже долго, и плёнки ушло много — восемь часов чтения. Но кто ж на такое жалеет? Вот когда зарождался жанр современной аудиокниги…

Не удивлюсь, что были и ещё какие-то, не учтённые мною способы.

Так что хотели того АБС или не хотели, но в одну компанию с антисоветчиками попали быстро и со всей неизбежностью. И хотя при серьёзных разбирательствах дяденьки из органов признавали, что книги у них не подрывные, а всего лишь упаднические — то есть сажать вроде не за что, — но репутация у писателей там, в верхах, была подмочена раз и навсегда, а читателям (и особенно распространителям) приходилось попадать и по-крупному. При этом, как всегда в Советском Союзе, если что-то хоть чуточку запрещали, популярность этого «чего-то» возрастала сразу на порядок. Популярность Стругацких была огромна и без того, а после журнальных скандалов она уверенно удесятерилась и вскоре перешла все мыслимые границы. В том числе и государственные.

Прошло чуть больше двух лет, и в конце 1970 года «Сказка о Тройке» без всякого на то разрешения авторов вышла на русском языке во Франкфурте-на-Майне в эмигрантском журнале «Грани» пресловутого издательства «Посев» Народно-трудового союза — организации, падкой на самую злобную антисоветчину (рассказывая об этом, невольно скатываешься на тогдашнюю

лексику, то ли ностальгируя, то ли негодуя, то ли ёрничая). А смешного-то ничего не было. И без того непростая жизнь АБС стремительно усложнялась. Они узнают о злополучной публикации в марте 1971-го и в начале апреля будут сочинять своё первое покаянное письмо. Но при этом справедливо обвинят во всем журналистов, записавших хорошую честную повесть в разряд идеологических диверсий и спровоцировавших её издание на Западе. Благодаря такому подходу письмо АБС не будет напечатано в «Литературке». Мудрый Чаковский скажет: «Непонятно, чего тут больше — извинений иди нападок на журналистов». Однако сама необходимость извинений за то, чего не совершали, была крайне противна.

А как всё хорошо начиналось!

Солнечный март, ноздреватый снег, аккуратные корпуса среди подмосковных елей и сосен, отличное настроение, однако работа адова над текстом; и в перерывах — чтение «Ракового корпуса» — не потому, что он нужен для работы над повестью, а потому что дали на короткое время. Надо прочесть и вернуть. Ах как быстро — за какие-то три года! — прошел Александр Исаевич путь от дебютанта, обласканного непосредственно Хрущёвым, до самого ненавидимого властью писателя! Или это власть прошла такой путь? В сентябре 1965-го — первый обыск, в январе 1966-го последняя публикация. К 1967-му Солженицын с двумя романами — «В круге первом» и «Раковый корпус», — уже самый популярный из авторов самиздата. «Исаича» всегда давали на короткое время, это ещё у Стругацких друзья были хорошие — обычно только на одну ночь. Как рассказывала, например, Елена Ванслова, её всё донимал при встречах Игорь Васильевич Бестужев-Лада — человек, высоко летавший по тем временам. Он как раз тогда стал зав. сектором социального прогнозирования в Институте международного рабочего движения АН СССР и, при неожиданной поддержке сверху, прямо из ЦК реально создавал новую для страны науку — футурологию. Он много ездил по заграницам, включая Японию, а чуть позже и США. И люди боялись давать ему самиздат: мало ли что, кто его знает, вдруг настучит… А он, бедняга, сам всего боялся. Рассказывал: «Сижу, читаю, и каждую минуту чудится — вот сейчас откроется дверь, и войдёт офицер ГБ: „Что это вы читаете, Игорь Васильевич, дайте-ка посмотреть“…»

Такие времена настали.

И «Сказка о Тройке», задуманная как прямое продолжение «Понедельника», получилась совсем на него непохожей. Да и не могло быть иначе. «Сказка» была похожа на «Понедельник», как застой на оттепель. Даром что в ней так много веселых

искромётных шуток, которые народ растащил на цитаты и поговорки, как обычно у Стругацких — всё равно в целом вещь получилась мрачная. «Упадническая». Потому что Кристобаль Хозевич с Фёдором Симеоновичем в финале — это всё равно бог из машины. Неоткуда им было взяться в реальном мире. Теперь уже неоткуда. Не мог реальный Иван Антонович войти в высокий кабинет, стукнуть кулаком по столу и остановить неумолимое движение Большой Круглой Печати. Печатью заправляли теперь брежневы и сусловы, и такие крокодилы Ефремову были не по зубам. Калибр не тот. Не та эпоха.

«Сказка о Тройке» была обречена на интерес к ней самиздата, а после и тамиздата. И надо ли сегодня выяснять подробности, задавая извечные русские вопросы: «Что делать?» («Что надо было делать?») и «Кто виноват?» Есть ли смысл искать крайних? Авторские права в любом случае нарушены — с одной стороны. А с другой стороны — всё равно это должно было произойти. Рано или поздно.

Нет, тогда, конечно, очень хотелось найти и даже наказать мерзавца (доброхота или вредителя?), переправившего рукопись за рубеж, и другого мерзавца (дурака или злодея?) — там, в «Посеве», принявшего решение о публикации ничем не опорочивших себя советских писателей рядом с «отщепенцами». Но сегодня…

Сегодня мы понимаем, что, в общем-то, все были равны перед Системой: и так называемые отщепенцы, и просто хорошие советские писатели. А потом каждый сделал свой выбор. Одни уехали, другие остались. И даже сегодня, после всех путчей и реформ, после всех откровений и разоблачений нам очень трудно понять друг друга: уехавшим и оставшимся здесь — даже при условии абсолютно совпадающих политических взглядов. Те, кто покинул СССР тогда, в годы застоя, по-прежнему уверены, что было правомочно и справедливо издавать за рубежом книги без согласия авторов, так как всякая публикация — это для писателя счастье. А говорить о правовом поле, когда по одну сторону границы люди, а по другую людоеды из КГБ, просто бессмысленно. Оставшиеся здесь придерживались и придерживаются несколько иной точки зрения. Они слишком хорошо помнят, чего им стоили эти публикации в те годы и как было тяжело жить, даже не за решёткой и не в психушках, а просто под гнётом Системы, которую ты не принимал, иногда боролся с ней, иногда — нет, иногда даже уступал ей в чем-то, но в любом случае не хотел покидать свою страну. Наверно, мы так никогда и не поймём друг друга — мы — и те, и другие, искалеченные Системой.

Мне очень хотелось пусть по минимуму, но чисто практически разобраться, как это всё происходило, и я списался со многими из уехавших тогда людей. Например, есть такой человек Михаил Лемхин — замечательный, широко известный фотограф-портретист, талантливый публицист и писатель, написавший множество статей о Стругацких, опубликованных в основном в газетах и журналах русского зарубежья. Живёт он сейчас в Сан-Франциско. Михаил существенно моложе БНа, родился он в 1949-м и потому не называет себя впрямую его другом. Но тогда, в 70-е, они общались в Ленинграде много и тесно: и в секции фантастики Союза писателей, и в клубе филателистов, и в разных компаниях у общих друзей, в первую очередь у Самуила Лурье и Михаила Хейфеца (о последнем мы ещё обязательно вспомним). БН доверял Лемхину, тот читал все книги АБС не то что в рукописях, а зачастую ещё в черновиках, и в его личном архиве сохранилось немало интереснейших раритетов такого плана, подробным описанием которых он любезно поделился с люденами для четвёртого тома «Неизвестных Стругацких». Так вот, Михаил Лемхин знаменит ещё тем, что в 1967 году написал предисловие к рукописному варианту «Сказки о Тройке» и лично запустил в самиздат четыре экземпляра этой повести. Про эти экземпляры мы знаем точно, что во Франкфурт они не попали, ведь предисловие не было опубликовано в Германии (там был напечатан сокращённый вариант текста — из «Ангары»), но вообще вероятность передачи любого из самиздатовских экземпляров за рубеж всегда была высока.

В результате переписки с Лемхиным мне стала в целом ясна ситуация с выходом из-под контроля рукописей. Зачастую никто и ничего не передавал в конкретное издательство специально. Просто при малейшей возможности переправить через границу «товар» (а это именно так принято было называть) рукописи уплывали в другую страну и начинали там жить своей жизнью. В одном чемодане могли быть упакованы самые разные веши самых разных авторов, случайно оказавшиеся у данного «курьера», который сам мог не только не читать их, но даже не интересоваться названиями. А уж господа издатели потом выбирали, что из этого следует печатать, а чего не стоит. Подход к вопросу был очень личный, иногда трудно объяснимый, коммерческого смысла в изданиях на русском языке в Европе и Америке почти не было — тиражи маленькие, аудитория узкая. Вот и всё. Взяли и издали. А по эту сторону границы кого-то не печатают или сажают на голодный паёк, кого-то отчисляют из института, а у кого-то — элементарно инфаркт. Ну да ладно, это

всё эмоции.

Повторим ещё раз: виноваты во всём не люди. Виновата Система. То есть, конечно, люди, сознательно служившие Системе, виноваты, да ещё как! — в терминологии уехавших они и не люди вовсе, — а все остальные — жертвы её. Они просто хотели быть честными, мечтали «жить не по лжи». Каждый делал это по-своему. И не нам судить их, ибо сказано: не суди да не судим будешь.

Одни создавали «Хронику текущих событий». Другие создавали сами события. Третьи не создавали ничего. А были ещё такие, которые просто создавали книги, настоящие книги. Мы как раз про них. И давайте вернёмся к хронике наших событий.

Если бы всё закончилось на «Сказке о Тройке»! Может, тогда судьба АБС сложилась бы несколько иначе. Но не тут-то было!.. Летали ещё по стране и некие птички — «Гадкие лебеди». И какой-то экземпляр, запущенный в ленинградский самиздат, перепрыгнул-таки через финскую границу; или, перепечатанный безымянным энтузиастом в одной из московских редакций, улетел с диппочтой в женевскую резидентуру ГРУ; или, купленный на одесском «толчке», уплыл с последним пароходом в Константинополь… Но так или иначе, а на Франкфуртской книжной ярмарке в самом начале октября 1972 года на одном стенде с Солженицыным, Гроссманом и Максимовым, а также (что немножко утешало) ещё и с Окуджавой, оказались «Гадкие лебеди». Сели птички, почистили крылышки и восхитили своей грациозностью нашего давнего знакомого Ю. С. Мелентьева, бывшего теперь зампредом Госкомиздата.

И снова пришлось братьям садиться за сочинение сакраментального письма на тему «простите нас, мы больше так не будем», впрочем, АБС сумели и тут не столько извиняться, сколько нападать на беспардонный «Посев». На этот раз письмо было напечатано в «Литературной газете» 13 декабря 1972 года, а авторами датировано 8 декабря, при том, что уже с 1-го АН находился в Доме творчества в Малеевке вместе с Еленой Ильиничной, а БН, разумеется, в Ленинграде. Так что текст явно сочинялся раньше. Впрочем, какая разница? Вот запись АНа в дневнике:

> «Сегодня в ЛГ наш протест. Очень неприятное ощущение: будто всенародно в чём-то оправдываемся. В чём?»

А приводить здесь сам текст письма не хочется: в

литературном отношении не шедевр, а по смыслу — и так всё понятно.

Непонятно другое — почему информация об издании в «Гранях» докатилась до БНа только во второй половине ноября? АН в письме пишет, что Дэвис из «Мира» поведал ему об этом 13-го и в тот же день АН был вызван к товарищу Ильину — знаменитому в писательских кругах куратору СП СССР от генералитета КГБ. История эта подробно описана в «Комментариях…», и мы не станем повторяться. Только ещё раз удивимся: почему же так долго все молчали? Ведь и Дэвис вернулся из Германии за месяц с лишним до этого, и Мелентьев тоже…

Есть косвенная информация о том, что об издании «Лебедей» на Западе АН узнал ещё 18 октября от своей хорошей знакомой Риты, много общавшейся с иностранцами. Звучит правдоподобно, хотя кроме её собственных воспоминаний, опубликованных в русскоязычной газете в Сан-Франциско, других подтверждений нет. Спросите, почему он целый месяц скрывал это ото всех? Объяснить на самом деле можно. АН вообще был человеком скрытным. Разговорчивым, общительным, некоторые даже называли его болтливым — и в то же время скрытным. Болтал он только о том, о чём решил болтать. Выбор делал непредсказуемо, а уж если решал молчать… И, к сожалению, много было в его жизни такого, о чём он не говорил никогда. Или почти никогда. Только люди, прошедшие через подобную школу молчания, могут понять: каково это — знать что-то и не иметь возможности поделиться. Это съедает человека изнутри, иногда пострашнее, чем зависть, ревность или муки совести. Кто испытал, тот поймёт. И врагу не пожелает.

А кто-то ещё спрашивал и продолжает спрашивать: зачем же он так много пил? Зачем губил себя? Есть простой и, в общем, честный ответ: ему это нравилось. Да, нравилось — с молодых лет и до самой старости. Нравилось. Весело становилось, легко. Но, во-первых, не всегда весело и не всегда легко. А во-вторых, вряд ли он был таким уж эпикурейцем. Мнится мне, что часто — особенно часто в последние годы — не удовольствия ради наливал он себе в одиночку очередной стакан разбавленного остывшим чаем коньяку…

Система давила его снаружи, а всё, что знал и чем не мог поделиться, разрывало изнутри. Впрочем, об этом — наша следующая глава.

А пока напомним — за окном у нас только ещё 1968 год, который, безусловно, прошёл под знаком «Обитаемого острова» — романа недооценённого авторами в момент написания, да и

потом не самого ими любимого. Но для многих и многих читателей роман стал знаковым, культовым, определившим их мировоззрение, и потому следует рассмотреть подробнее, в каких муках рождалось на свет это дитя.

Муки-то были исключительно от общения с издателями. Творческих мук как раз и не было почти. Или вовсе не было. Роман, несмотря на свой рекордный для АБС объём — восемнадцать авторских листов, сопоставить можно только с «Полднем», но тот всё-таки состоял из рассказов, писавшихся в течение многих лет, — так вот, огромный роман создан был практически на одном дыхании, на подъёме, с весёлой злостью и явным удовольствием.

Так что придётся нам вернуться ещё на год назад, потому что задуман был «Обитаемый остров» («ОО») ещё в июне 1967 года, а плотная работа над ним началась в ноябре.

Что было до того? Что было после? Пожалуйста, вот краткий обзор событий из жизни АБС за трехлетний период.

Первые две недели января 1967-го они очень продуктивно работают в Ленинграде у мамы и добивают к 14-му числу черновик «Гадких лебедей». Им постоянно названивают журналисты: то из «Литературки» просят отрывок какой-нибудь, то из «Комсомолки» — дайте, мол, интервью о мещанстве и настоящем человеке.

В феврале они отдыхают друг от друга, а весь март посвящают «Сказке о Тройке» в подмосковном доме творчества — единственный раз за всю историю. Перемена обстановки, как выяснилось, не помогала и не радовала, а с годами они ещё больше стали тяготеть к постоянству, к привычным, насиженным местам, что, в общем, неоригинально. В Голицыне они работают долго, три недели — до изнеможения. И отвлекаются лишь чуть-чуть на «Гадких лебедей» и на чтение вёрстки нового издания «Полдня» (для этого едут в Москву и уж заодно заседают на каком-то собрании в ЦДЛ). А ещё — 9 марта едут в гости к Манину. Больше — ничего лишнего.

Чистовик «Сказки» делается с 11 по 27 мая в Ленинграде.

А уже 12 июня примечательная запись:

> «Б. прибыл в Москву в связи с отвергнутием СоТ. Детгизу надобно сочинить заявку на оптимистич. повесть о контакте. Сочинили заявку. Повесть „Обитаемый остров“».

Вот так он и рождался — замысел «оптимистического»

романа о кошмарном Саракше.

На следующий день, 13-го — второй удар:

«Афронт в МолГв с СоТ».

В некоторой растерянности они дорабатывают концовку «Гадких лебедей», а перед отъездом БНа заезжают ещё вдвоём в «Мир», где им вручают экземпляры «Далёкой Радуги», изданной у нас на английском языке — этим занимается специальная редакция в «Мире».

Через месяц БН снова в Москве. Теперь в «МГ» отклонили «Второе нашествие». Ну и лето! Сплошные неприятности и никакого отдыха. Хорошего немного, но тоже есть кое-что: вышел «Полдень» в новом составе и — очередные встречи с друзьями: 16-го — с Ефремовым у него дома, 23-го — у Биленкина, а 25-го — к АНу в гости приходит Юра Манин с женой Марианной. К новому роману в этот раз они сделают только наброски и объявят всё-таки летний перерыв. Посидят 27-го вечером в «Пекине», а 28-го БН уедет с тем, чтобы в августе активно отдохнуть за рулём в привычной для себя манере.

Серьёзная работа начнётся вновь 7 сентября, но опять ещё не над «ОО». Надо доделывать «Лебедей». Тем более что 14-го удается заключить на них договор с «МГ». Одновременно приходит по почте договор из «Невы» (запись в дневнике). Интересно на что? Неужели тоже на «Лебедей»? Как много иллюзий одновременно!

Работа кипит, и 17-го они заканчивают новый вариант — с оптимистической по просьбе издателей концовкой.

И вот тут, несмотря на начинающийся у БНа грипп, они всё-таки берутся за разработку плана «ОО». Подробно, на восемнадцать пунктов плюс некоторые персонажи. В двадцатых числах опять активно ходят по гостям: Биленкин, Громова — Нудельман, Гансовский, Высоцкий (после спектакля на Таганке). В последние три дня, 23–25 сентября, решительно навалившись, заканчивают сокращённый вариант «Сказки о Тройке» для альманаха «НФ». Замаячил реальный шанс издать её, и они проделали изрядную работу, по существу, написали новую повесть. Всё, баста! Можно выпить.

Однако 25-го вечером «Пекин» окажется закрыт на спецобслуживание. Это их расстроит, словно какой-то недобрый знак: вот, работа закончена, а отметить, как хотелось, как всегда — не выходит. Ну да, они поедут в «Украину» и даже неплохо посидят там. Но… предчувствие не обманет. Всё сорвётся и с

этим сокращённым вариантом, его придётся отдать в «Ангару» — больше никто не захочет брать.

Это станет ясно к ноябрю. А ещё раньше «МГ» без лишних слов откажется от «Лебедей». Вердикт короткий: всё равно слишком мрачно,

Что происходит в этот год в стране? В конце апреля 67-го трагически погибает Владимир Комаров. Первый погибший космонавт, во всяком случае, первый, о чьей смерти сообщили. В самой этой гибели никакой политики нет — есть только головотяпство и бесчеловечность высокого начальства. Точно так же мог погибнуть и Гагарин (который, кстати, — о, ирония судьбы! — был дублёром Комарова на этом полёте, а погиб годом позже в авиакатастрофе). Просто это было как символ. Со смертью Комарова космические полёты перестали восприниматься сплошной чередою праздников, побед и поводов для гордости. В народе перестали восприниматься. А партия поменяла стиль своего отношения к космосу ещё двумя годами раньше. Это Никита Сергеевич бежал всякий раз, как мальчишка, встречать любимых космонавтов. Брежневские представители власти в одинаковых темных пальто и шляпах были всегда мрачны и малоподвижны, как роботы.

Ещё милее был литературно-политический фон того времени.

8 сентября Шолохов напишет письмо в секретариат Союза писателей о пьесе Солженицына «Пир победителей» и о его романе «В круге первом».

Письмо жуткое. Достаточно привести концовку:

> «…Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить».

И хотя подлинник этого текста с подписью Михаила Александровича до сих пор не обнаружен, то есть можно спорить, он ли это вообще написал (а можно спорить о том, он ли написал «Тихий Дон») — какая разница в данном контексте, Шолохов это или Анатолий Сафронов! Главное, что именно тогда травля будущего нобелевского лауреата вышла на новый уровень, а Шолохов (тоже нобелевский лауреат) фактически травлю эту поддержал. Да и за два года до того советский классик подписывал письмо секретариата СП против Синявского и

Даниэля. Просто теперь всё стало намного серьёзнее. Андропов ещё в мае сделался председателем КГБ, через два года он формализует свою концепцию борьбы с инакомыслием, создав печально знаменитое Пятое главное управление, в просторечии «диссидентское». Но вполне резонно считать, что именно разгром Солженицына был первой столь масштабной публичной акцией нового аппарата идеологического подавления.

А вся советская страна тем временем радостно готовилась к встрече славного юбилея Великого Октября, и 7 ноября впервые прогремели не двадцать, как обычно, а пятьдесят залпов потрясающе красивого салюта с невиданным ранее эффектом — его назовут в народе «мерцающими звёздами».

Стругацких юбилей как-то совсем не волнует, у них свои, очень далёкие мерцающие звёзды. И чтобы наблюдать эти звёзды, надо уезжать от суеты.

Перед самым отъездом в Ленинград и Комарове, после праздников, АН повидается со своим старинным другом Ольшанским. Тот как раз проездом в Москве и не преминет зайти, тем более что лет десять уже не виделись. Посидят они хорошо, коньячку попьют как встарь, молодость вспомнят, но Владимир Дмитриевич отметит и какую-то непонятную грусть Елены Ильиничны, да, уже Елены Ильиничны, а не Лены, и настораживающую угрюмость Аркадия, когда речь зайдёт об их книгах. Трудности с публикациями наложили свой отпечаток, прежнего оптимизма не видать, и Ольшанский по простоте душевной станет советовать другу не путаться с политикой, не писать ничего такого, что властям не нравится — зачем, мол, плетью обуха не перешибёшь, а себе жизнь сломаешь. Так, может, лучше писать, как прежде — солнечные, бодрые книжки?.. И вдруг он почувствует: не то говорит, что-то совсем не то, нельзя так, даже на правах старого друга, и поймёт, что Аркадий уже не свернёт с выбранного пути, а значит, так и надо, молодец он, и они нальют ещё по одной и выпьют за всё хорошее.

Для сравнения: месяцем раньше была у АНа ещё одна примечательная встреча — напросился к нему в гости семнадцатилетний Сережа Сухинов, будущий фантаст и детский писатель, автор популярных продолжений «Волшебника Изумрудного города». Писателей он многих знал — вырос на даче в Переделкине, — поэтому вот так запросто: прочёл во втором сентябрьском номере «Советского экрана» дискуссию о кинофантастике и прибежал, полный идей об экранизации Стругацких, готовый бросить всё и заниматься этим. АН сразу несколько остудил его пыл, предложил для начала институт закончить, а Сергей как раз только поступил на первый курс

Московского авиационного. Рассказал о себе и о брате — обычная воспитательная беседа в духе справедливого, но скучного афоризма: «Прежде, чем писать, нужно жить». Сухинов вяло отбивался, и мало-помалу они перешли на разговор о книгах. Вот тут и начались откровения. Он-то всё ещё восхищался «Полднем», «Трудно быть богом» и «Понедельником», а Стругацкие уже перешли на тёмную сторону Луны. Сергей ещё не читал этих книг, но из разговора остро почувствовал: оптимистическая линия в творчестве АБС прервана. «Оттепель закончилась, — объяснял АН, — теперь людей надо хватать за руки, чтобы не натворили чего, возвращаются худшие времена, и писатель не имеет права сидеть и пускать розовые пузыри, а честную, жёсткую прозу без фантастики уже не напишешь, хотя и с фантастикой тоже очень тяжело, даже нам с братом… Вот о чём надо думать». Вот какой получился у них взрослый разговор.

Конечно, АН не мог быть до конца откровенен с незнакомым мальчишкой, но главное он сказал. И Сергей на всю жизнь запомнил это удивительное чувство от общения с человеком, который мыслит буквально в пять раз быстрее тебя. Ну, просто фантастический интеллект! АН нисколько не разочаровывал, он оказался таким же потрясающим, как и герои книг АБС. И только странный горький привкус остался от этого радостного, счастливого знакомства — предчувствие беды: расцвет позади, впереди — безвременье, печатать будут всё меньше и меньше, а нет хуже для писателя, чем работать в стол.

Две очень разные встречи, а настроение примерно одно…

15 ноября АБС в Комарове. И, наконец, всерьёз занимаются новым романом. А чем ещё? Надо делать его. Быстро и хорошо. Пока есть настроение, делать этот роман. Другого-то не берут. И опять изнуряющий марафон на три недели. К 7 декабря оба окончательно выдыхаются и уезжают.

Ну а в самом конце декабря уже в городе, у мамы, они предпримут последнюю отчаянную попытку переделать «Сказку» — теперь для «Детской литературы». Надежда умирает последней.

Новый трудовой год начнётся в марте. Едва ли «Обитаемый остров» держал их так же прочно, как пару лет назад «Улитка». Нет, разъехавшись по городам, они думают каждый о своём и занимаются всякими делами, не особо и вспоминая о недописанной книге. Потом встретятся, приступят к работе и почувствуют, что увлекаются всё сильнее. Теперь, когда лихой сюжет и остроумные идеи дополняются характерами, атмосферой, деталями, лексикой, мало-помалу выясняется, что пишут они опять всё про тот же родной, знакомый мир,

окружающий их ежедневно и ежечасно. И наверно, уже зреет внутри какая-то тревога: опять будет непроходимо, опять зарубят… Вот только категорически нельзя думать об этом, пока пишешь. Включение проклятого внутреннего цензора медленно, но неизбежно убивает в писателе писателя. И они отключают его в себе. Будь что будет!

Неделя в марте, две в апреле и, наконец, в мае, до 31-го — окончательное завершение уже с поправками, предложенными Ниной Берковой. В июне АН вернётся в Москву, и рукопись будет сдана почти одновременно в журнал «Нева» и в издательство «Детская литература».

В рабочем дневнике они подсчитают точно: всего 60 дней работали над «ОО». Для сравнения: 49 дней — над «ГЛ», а ведь «Лебеди» почти в два раза короче.

Спустя годы БН признается:

> «Работая над ОО, мы никогда СПЕЦИАЛЬНО не задумывались над тем, чтобы „поразить стрелой сатиры“ наш родной отечественный тоталитаризм. Но поскольку писали мы о том, что „знали хорошо“, сама собой получалась некая сатира — это то самое явление литературы, которое бдительные борцы за чистоту идеологии называли „неуправляемыми ассоциациями“».

А это из тех, осенних черновиков 1967-го:

> «— Наши граждане счастливы и совершенно спокойны, — сказал он, морщась от боли. — Они делают только то, что им хочется. Никогда не идут против своих желаний.
>
> — Но эти желания заказываете вы?!»
>
> «История основательно подзабыта. Сплошь — противоречивые легенды».

В общем, не приходится долго думать, о какой стране речь. И соответственно не приходилось удивляться, что в обоих местах, — в журнале и в издательстве, — где реально работали с романом (или с повестью — это уж кому как нравится) при самом доброжелательном отношении знакомых редакторов было сделано рекордное количество исправлений по тексту (суммарно их насчитывают около тысячи!) Это была настоящая война с

цензурой, затянувшаяся в «Неве» почти на год, а в «Детлите» — на целых два с лишним. Конечно, АБС были уже авторы тренированные, но всё равно тяжело. Особенно если ещё и критика долбит вдогонку. А тон критики как раз зримо менялся в эти годы: от простого непонимания и пренебрежительного ворчания, перемежавшегося отдельными нападками не по делу, щелкоперы и бумагомараки переходили теперь к целенаправленному уничтожению АБС, как участников литературного процесса. Некто грозный, тупой и неумолимый явно поставил именно такую задачу. И через несколько лет задача эта была выполнена почти на «отлично». Книги выходить перестали вовсе, только журнально-газетные публикации ещё струились слабеньким потоком…

Вышедший в свет в самом начале 1971 года «Обитаемый остров» торжественно завершил относительно благополучную эпоху, когда у Стругацких регулярно печаталось всё, что они писали. Или, если угодно, открыл собою новую эпоху — эпоху нескончаемых сражений с цензурой, с критиканами, с чиновниками, с коснеющими и наглеющими на глазах редакторами — эпоху почти открытой борьбы с Системой.

Сам я познакомился с этим романом в конце 70-х, в период запойного чтения АБС и тогда скорее соглашался с авторами: да, это явно не лучшее их произведение — слишком большое, слишком остросюжетное, непривычно прямолинейное и недостаточно глубокое (так мне показалось). Перечитав его сегодня, я склонен пересмотреть своё отношение, я увидел там и второй, и третий план, и бездну подтекста, и удивительные описания, и потрясающие языковые находки… Но сейчас речь не об этом. Я просто был не готов тогда воспринять «ОО» в полном объёме — образованности не хватало. Зато те, кто был чуточку более начитан, чуточку более информирован, поняли всё и сразу.

Вот, например, размышляет о Стругацких маститый критик и литературовед **Бенедикт Сарнов** (обратите внимание, сколь важное место отводит он именно «Обитаемому острову»):

> «Я вообще интересовался фантастикой, а за ними следил особо. „Попытка к бегству“ меня удивила, там было отчётливое стремление исследовать природу фашизма, и мне даже сегодня кажется, что эта вещь написана позже многих, словно какой-то уже следующий этап.
>
> Писательское обаяние, очень большая писательская манкость, даже в сравнении с зарубежной фантастикой,

была у них ещё в ранних книгах. А уже „Хищные вещи“ были написаны просто мастерски. Но вообще повесть меня разочаровала. Там не было приспособленчества, но коренные, сущностные дефекты общества потребления формулировались слишком однобоко. Понятно, преимущества той системы не укладывались в каноны советского ортодоксального мышления. Но ведь уже тогда существовала литература, в которой коренной изъян социалистического мировоззрения и некоторые преимущества капитализма и общества потребления были очевидны, например, в рассказах Гроссмана. Ясно, что сытость угрожает человечеству не меньше, чем голод, но откуда ведётся наблюдение? Из страны, где людей накормить не умеет? При том что вещь была не конъюнктурной, а искренней.

Но после чего я понял, что в лице Стругацких имею серьёзных писателей, вышедших далеко за пределы жанра — это „Обитаемый остров“. Я увидел писателей не только со своей выраженной манерой и обаятельной стилистикой, но и размышляющих о самых коренных основах бытия. Этот роман для меня лежит в одном ряду с Оруэллом, Замятиным, Хаксли. Вот эта линия, ещё не доступная тогда нашему читателю. Взгляд с коммунистической Земли — просто сюжетный ход. Хотя, конечно, пощипали книгу сильно, вынимали из неё печенки и кровопусканиями занимались. Но роман всё равно поразил своей направленностью. Эти лучи, это зомбирование нации… Помню в ЦДЛ разговоры: „А вы читали?“ „Я не читаю фантастики, меня в литературе интересует язык, а это что? Выдумать можно что угодно!“ Я был белой вороной в нашем снобистском коллективе.

Затем — „Улитка“. Тот кусок, который про лес, мне даже как-то интереснее показался, — это был шаг в новую сферу для авторов, даже в области языка — вот эти лесные жители, речь этой девочки, это напоминало лучшие образцы русской прозы XX века, начиная с Ремизова, кончая Платоновым и Зощенко, думаю, они инстинктивно вышли на эту лексику и фразеологию, просто исходя из замысла, но теперь художественные завоевания выводили их далеко за рамки традиционной фантастики.

„Трудно быть богом“ было раньше, и если строго, уже тогда стал ясен их выход в область социологии и

политологии. Но в отличие от „Острова“, та повесть представлялась достаточно „кошерной“, вполне подцензурной. Однако! У меня со Стасом Рассадиным была передача „В стране литературных героев“, и от нас требовали, чтобы было больше нашей отечественной, в том числе и советской литературы. Мы объясняли: мировая существует 3–4 тысячи лет, а советская — полвека. Всё равно должно быть так: один рябчик — один конь. Стасик фантастику не читал, и в данном случае он доверился мне, и мы построили нашу пьесу на материале „Трудно быть богом“. Сопрягалось это ещё с Уэллсом. Так вот, передача слетела. Они спинным мозгом чуяли что-то.

Советская система в своём идиотизме дошла до полного совершенства, никакой царской цензуре это и не снилось. Система отбрасывала всё, мало-мальски выходящее за рамки.

Но, как говорил Булгаков, не тому надо удивляться, что трамваи не ходят, а тому, что трамваи ходят. То есть удивляйтесь не тому, что Стругацких давили, а тому, что их НЕ ТАК давили, и они всё-таки состоялись. Не такая уж и хромая судьба получилась. Бывало намного хуже.

Редакционный диалог того времени:

— Слушайте, но это же о фашистах.

— Бросьте, бросьте, все уже давно понимают, что фашисты — это мы.

Или, например, Леонид Зорин приносит рассказ. Редактор читает: „Смеркалось… Почему ты сразу нагоняешь тоску? Почему не начать: „Было ясное раннее утро…““

И, наконец, по поводу критики вообще. В советское время у критики была довольно странная роль. Прежде всего, одёргивание. Но даже это имело обратное значение. Ругают, значит, надо прочесть. До начала 60-х ещё можно было что-то сказать (потом я из критики ушёл). Нам удавалось объяснять, что у нас не плохая литература и хороший читатель, а наоборот. Из читателя вырастили монстра. А мы защищали окопную правду.

Почему не было критики на фантастику? Отчасти влиял снобизм. Но есть второй момент, из-за него я и ушёл из критики. Как учил Добролюбов? Берётся роман „Обломов“, вводится понятие „обломовщина“ (которое, кстати, придумал сам Гончаров) и распространяется на Онегина, на Печорина… Принцип обобщения. Если бы я

так же поступил со Стругацкими, понятно, на кого я бы обобщил их зомбирование. И все бы сказали: вот Сарнов пишет, что Стругацкие — диссиденты. А к тому же такую статью никто бы и не напечатал, она бы сразу попала в ЦК — получается форменный донос.

Есть писатели счастливого дарования, обладающие вот этой, как я называю, манкостью. Их читают люди самых разных слоев общества. Зощенко, например. Каждый год вылавливали афериста, который выдавал себя за Зощенко, хотя тонкость, сложность, глубину, неоднозначность его понимали немногие. Со Стругацкими — то же самое. Насколько живучи сами аллюзии? Даже Оруэлл устарел. Социально-политическое уходит, а вот философия остаётся. Остаётся Лес, Гомеостатическое мироздание, Эксперимент, который вышел из-под контроля — об этом будут читать ещё многие и многие годы».

Честная критика была бы доносом! Вот ведь какое время наступало. И писали про АБС только всевозможные мерзавцы, а порядочные люди предпочитали помалкивать. Или — в виде исключения, — это были критики, специализирующиеся в области фантастики. Такие, как Всеволод Ревич, поднаторевшие вместе с авторами в эзоповом языке.

Однако для целого поколения думающей молодежи, формировавшей тогда свои либеральные взгляды, именно эта книга стала на всю жизнь самой любимой, потому что подсказала правильный путь. Например, для **Егора Гайдара** — безусловного лидера тех младореформаторов, кто сумел в конце 80-х — начале 90-х покончить раз и навсегда и с ублюдочной экономикой нашей страны, зацикленной, как и на Саракше, исключительно на военно-промышленном комплексе, и с чудовищной пропагандистской машиной, изображённой Стругацкими в виде башен-излучателей, оболванивающих миллионы людей.

«Читать Стругацких я начал ещё лет в семь, — признался мне Егор Тимурович, — и стал безумным поклонником всех написанных ими книг, включая „Страну багровых туч“, ну а такие вещи, как „Полдень“, перечитываю и сегодня.

Самых любимых, наверно, не меньше шести. По „любимости“ распределить трудно, назову в хронологическом порядке: „Трудно быть богом“,

„Понедельник“, „Улитка“, „Лебеди“, „Обитаемый остров“ „Миллиард“. А на моё мировоззрение сильнее всего повлиял именно „Обитаемый остров“. Как его пропустили? Цензора надо было просто расстрелять немедленно. Но спасла фантастика и детская литература.

Стругацкие вообще повлияли на меня в огромной степени. Причём не только на меня — на всех людей с похожими биографиями, людей, выросших в хорошей семье, получивших приличное образование и привыкших думать о том, что происходит с твоей страной. Я даже не знаю, что ещё столь же сильно воздействовало на интеллектуальную атмосферу молодежи в 60 — 70-е годы. Увлечение Стругацкими — это был своеобразный механизм идентификации. Оказавшись в новой компании, ты начинал по ходу разговора употреблять некие обороты со вполне очевидными аллюзии, и если тебе отвечали тем же, значит, ты имел дело со своими, а если они не понимали, значит, были другими, может быть, хорошими, замечательными, но… скорее всего — чужими».

Вот такая получилась развлекательная книжечка о победах юного коммунара на далёкой планете, книжечка, которую писали специально в противовес ядовитой сатире «Сказки о Тройке» и мрачным прозрениям «Улитки на склоне» или «Гадких лебедей». Вот такой ход конём.

Что ещё любопытно: именно тогда, в апреле, заканчивая работу над чистовиком «ОО», братья впервые упомянут в рабочем дневнике совсем новую для себя тему.

«22.04 1). „Дом“

2). „Следователь“ — убивает преступника, убедившись, что его не осудят.

3). „Апокалипсис“

4). „Я и мой брат“ (Мой брат и я)»

4 июня появится некоторая расшифровка замысла, и становится окончательно ясно, что это зародыш будущего «Града обреченного»

«Мой брат и я, или Новый апокалипсис
a) Худ. линия
b) Биографич. линия
c) Размышления о судьбах мира
d) Притчи (например, про „Дом“); про страну, управляемую мертвецами».

А вот ещё одна идея того же времени, записанная в дневнике. Жаль, что она так и не была нигде использована, но сама постановка вопроса не может не вызвать грустной улыбки:

«Рассказ о человеке, который, отчаявшись в человечестве, посылает сигналы в космос: „SOS“. Всё что угодно, кроме этого бардака».

В июле и августе будет обычный для них отдых порознь, а затем, осенью и до самого декабря — совместный перевод «Саргассов в космосе» Эндрю Нортон для «Мира» и много творческих метаний. Раздумья, по существу, над «Градом», но под самыми разными названиями:

«Люди и боги»: Боги исследуют вопрос о разумности. Что есть разум? Как мы изучаем обезьян и собак. Страшный удар для узнающего: «Они не считают нас разумными!»

Это ли не зародыш «Пикника на обочине» и «Жука в муравейнике»?

«„Апокалипсис“: город, которым управляют мёртвые, заставляя жить живых по законам мёртвых».
«Новелла: шахматы, когда фигуры — люди. Следователь».
«Скучные пустяки». Отсылка к цитате из М. Горького («В людях»): «Это вовлечение бога в скучные пустяки подавляло меня».

Даже «Кракена» вспомнят, примеривая его к новым реалиям и

новым идеям. И, наконец, 17 декабря:

«Способ исполнения желаний? Какие желания?»

Это надпись на карте, в которой в принципе можно угадать карту Зоны. Значит, и «Пикник» уже придуман!

Вот каким он был, 1968-й — тяжёлым, роковым, но и плодотворным.

Следующий год был не слишком богат на события. Ну да, в марте вооруженный инцидент с китайцами на острове Даманском. В мае достиг Венеры советский межпланетный автомат «Венера-5». В июле Армстронг ступил на Луну. Ну и ближе к литературе: Солженицына исключили из СП, а на Стругацких обрушилась самая злобная, небывалая доселе критика — гнусные статьи в «Журналисте», подписанные Свининниковым и Краснобрыжим, персонажами, чьи фамилии вкупе с манерой письма так и просились в какой-нибудь дешёвый фельетон. Но было уже не до шуток. Потому что прошло то время, когда позволяли отвечать ударом на удар, теперь разрешали только утираться и то не на людях. Холодало, заметно холодало в стране.

И АБС — не в ответ на это, а так, интуитивно, — решают написать совсем уж безобидную в политическом отношении вещь. Все свои сокровенные мысли они благополучно направляют в будущий большой роман, с которым можно никуда не спешить, потому что они не слишком рассчитывают при жизни увидеть его опубликованным. Ну а для денег, для решения, так сказать, текущих вопросов и просто — чтобы форму не терять — пишут детектив. Прекрасный жанр: и писатель массу удовольствия получает, придумывая и закручивая интригу, и читатель не в обиде, потому что оторваться не может — до того ему увлекательно. И ведь получилось! Всё получилось. И острый сюжет склеился, и острые углы обойти удалось, и не пустая, ох совсем не пустая вещь из-под пера вышла! Хотя, конечно, по первой публикации в «Юности» «Отель „У погибшего альпиниста“» у многих вызвал разочарование. Не стоит и говорить о любителях классического детектива, ощутивших себя обманутыми. «Объяснить преступление какими-то инопланетными чудесами — это ж надо додуматься!» — возмущались они. Таким легко было ответить: «Ребята, брать в руки книгу Стругацких и не ждать в ней фантастики — это ж надо додуматься!» Нет, печальнее было другое разочарование: мол, это же мелко для Стругацких — остросюжетка, развлекаловка, и

вообще, «хеллоубобство». Зачем писать о западной стране, когда своих проблем хватает? Испугались? Грехи решили замаливать?

Ничего они не испугались. И грехов никаких за собой не видели. Просто у них уже давно мышление было планетарным. Наша страна — не наша страна… Это они, те, кто презрительно фыркал, на самом деле мыслили мелко, а для АБС вся планета была одной страной, вполне нашей, человеческой, и они решали проблемы землян в целом.

Сегодня, перечитывая совершенно удивительную, такую морозно свежую, такую тонко ироничную и пронзительно грустную повесть «Отель…», я думаю: «Господи, как же у нас были перемешаны мозги, как были сдвинуты все критерии! Мы разучились просто читать литературу, мы всюду искали крамолу и „неуправляемые ассоциации“. И абсолютно так же, попадая в те годы на кинопросмотры, где показывали „непорезанные“ западные фильмы, мы пропускали мимо ушей мудрые мысли, а мимо глаз — гениальные кинообразы великих режиссёров, мы только жадно глотали недозволенную в других местах „клубничку“, и это касалось не только юнцов в пубертатном периоде, но и вполне зрелых граждан. Что поделать — мы были поколением, обделенным эротикой и свободной мыслью. А кстати, ещё Оруэлл подметил, что это две вещи тесно связанные».

И, между прочим, пожалуй, именно в «Отеле» у АБС появляются тонкие и изящные эротические нотки, в образе Брюн, например. Да, безусловно, в «Гадких лебедях» с их потрясающей, обворожительной Дианой этих ноток ещё больше, но многие ли прочли повесть в то время?

Итак, 1969 год, «Отель». Создавался он, уже как всегда, в Комарове. Заявка в «МГ» была написана ещё в январе. Работа пошла. Отвлекались на гранки «ОО», пришедшие из «Невы». Было на что отвлечься: при столь обильной правке велик риск пропустить какую-нибудь явную несуразицу.

Первый этап работы над повестью закончили 23-го января, ко второму приступили 25 февраля и 4 марта уже закончили черновик. Есть замечательная запись от 6-го числа:

«Опять бездельничали. Хорошо!»

И, наконец, с 9 по 19 апреля сделан чистовик. Быстро. Аккуратно. Здорово! И тут же написали заявку на сценарий «ОО». Чувствовали уже, что раз с книгами будет туговато, значит, надо переквалифицироваться в сценаристы. Может, оно и сложнее, зато денег больше платят.

А в конце апреля БН приедет в Москву — обдумывать «Град обреченный». После трудов праведных можно себе позволить и кое-что для души. Примерно так и было у них: там — труды, а здесь — разговор с космосом. Ещё точнее это напоминало нечто ремарковское: любовь небесная и любовь земная. Ведь они все свои книги любили. Без любви ничего стоящего сделать нельзя.

И, между прочим, из «Отеля» они тоже довольно быстро сотворили заявку на сценарий. И летом с помощью Алексея Германа сумели эту заявку пристроить на «Ленфильм». То есть получили аванс под сценарий. Поэтому десять дней в сентябре с 12-го по 22-е БН трудится в поте лица вместе с Германом над этим новым, с позволения сказать, проектом. Ясно было едва ли ни с самого начала, что фильма никакого не будет, просто гонорар обещали, и это хорошо. А тем более поработать вместе с Лёшкой — это для БНа всегда удовольствие. Никто ещё не знал тогда о будущих успехах гениального режиссёра, но БН-то наверняка догадывался, с кем имеет дело — они были слишком хорошо знакомы.

В октябре АН приезжает в Ленинград обрабатывать перевод «Огненного цикла» Хола Клемента, сделанный братьями опять же совместно — такая работа им тоже скорее нравилась, это не была простая литературная подёнщина. И ещё они размышляют над сюжетом некого «Перекати-поля». От этого замысла в дальнейшем не осталось никаких следов, кроме названия.

В конце ноября БН по стопам старшего брата съездит в Новосибирск по приглашению всё тех же замечательных молодых учёных из Академгородка. С удовольствием выступит там и на Сибирь посмотрит хоть краешком глаза. И что это с ним случилось? А вот захотелось!

Ну и наконец, АН приезжает в Ленинград 10–13 декабря, но это уж явно не для работы — так, короткое обсуждение или встречи с кем-нибудь. Так и заканчивается год, который, кстати, был не худшим и в плане публикаций: «Саргассы в космосе» и «Совсем как человек» Кобо Абэ в «Мире», переиздание «Страны багровых туч» в «Детлите» — сумасшедшим тиражом в триста тысяч. Наконец, «Обитаемый остров», в трёх номерах «Невы» — с марта по май.

Всё не так плохо, ребята! Жить ещё можно.

О прогнозах и предсказаниях (послесловие к главе)

— Как вы представляете себе человеческое общество

в 2000 году? — спросил корреспондент газеты «Вечерняя Москва».

Ответ братьев Стругацких был опубликован 31 декабря 1964 года:

— Прежде всего, мы просто хотели бы встретить двухтысячный год. Что будет характерно для человечества в то время? Во-первых, все международные конфликты будут решены. Во-вторых, во всём мире начнётся наступление за человека в человеке. Разные страны и государства будут использовать в этом отношении опыт, накопленный в СССР. А у нас работа по воспитанию людей нового общества уже завершится. Исчезнут из жизни явления, которым соответствуют ныне понятия мещанства, обывательщины, мракобесия. Мы не хотим говорить о развитии техники. Здесь обо всём позаботится Госплан. Химия, физика, генетика, биология прочно войдут в быт и сделают его совершенно другим.

Не хочется комментировать с высоты сегодняшних знаний. Это как-то даже некрасиво. А вот Елена Гавриловна Ванслова ещё тогда говорила АНу, что будущее в их книгах — это советская власть в квадрате, советская власть в кубе, советская власть в десятой степени — и больше ничего! А где же переход количественных изменений в качественные? А потом случился 1968 год, и представления АБС о будущем перешли столь резко в новое качество, что Лена и Аркадий невольно поменялась ролями в споре.

Была такая история. Они вместе оказались в гостях у Алексея Шилейко. Разговоры шли философские, Лена едва успевала следить за поворотами мыслей двух титанов. И вот в какой-то момент свернули они на тему социальных прогнозов. А время-то горячее было: с одной стороны, НТР, стремительное движение вперед, с другой — совсем не давний кошмар в Чехословакии, не менее стремительное движение назад. Куда идёт человечество? Спор разгорелся между АН и Вансловой, Шилейко и жена его Тамара загадочно молчали. Что будет через двадцать лет? АН, настроенный очень мрачно, смотрел на мир глазами Переца и Виктора Банева. А у Лены ещё много было в запасе романтизма, не прямолинейно коммунистического, но всё же… Она кричала: «У тебя же полная темнота внутри, полный тупик, нет выхода у твоего человечества!» А он кричал: «Дура ты, дура, не понимаешь ты ничего, да через двадцать лет ты будешь вспоминать эти

разговоры как самые светлые минуты своей жизни, ты даже не представляешь себе насколько будет хуже!» А она кричала: «Дурак ты, дурак, да этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!..»

О, как жалеет она сегодня о том, что через двадцать лет, в 1988-м, когда АН был ещё жив, не удосужилась, не пришла к нему и не спросила: «Ну, так кто же был прав?» Как интересно было бы услышать его ответ! Но… не случилось. А сегодня она считает, что история посмеялась над ними обоими. С одной стороны, в 88-м, конечно, стало лучше: опять полный расцвет искусств, и у Стругацких напечатали ВСЁ. С другой стороны, по самую середину 80-х прогноз его был вполне точен, а перестройку вообще мало кто предвидел даже за год до прихода Горбачёва. И, наконец, куда привела нас эта перестройка? Не ещё ли страшнее та глубочайшая яма, в которую мы сегодня катимся? Значит, говорит Ванслова, АН ошибся с прогнозом на двадцать лет, но в долгосрочной перспективе — увы! — он абсолютно прав.

Замечу, что лично я не вполне согласен с мнением Елены Гавриловны. При всех вполне понятных тревогах человечества, я не считаю, будто всё вокруг так уж безнадёжно.

Но сказать хочу о другом. Я вспоминаю грустную усмешку Игоря Васильевича Бестужева-Лады, умнейшего и, может быть, единственного у нас серьёзного футуролога. Когда я спросил его, удалось ли Стругацким что-то предсказать, он ответил примерно так: «Они, как и все фантасты, безусловно, сумели угадать отдельные изобретения и достижения будущего, но социальная прогностика — это совсем не дело художественной литературы. Сколь бы прекрасной она ни была».

Глава четырнадцатая
«ЛЕЧЬ БЫ НА ДНО, КАК ПОДВОДНАЯ ЛОДКА…»

Не помню, как поднял я свой звездолёт,
Лечу в настроенье питейном:
Земля ведь ушла лет на триста вперёд,
По гнусной теорье Эйнштейна!

Что если и там,
Как на Тау Кита,
Ужасно повысилось знанье,
Что если и там — почкованье?!

В. Высоцкий

«В далёком созвездии Тау Кита»

— Володя, привет, — сказал Аркадий, позвонив в конце 1966 года, — как ты посмотришь на то, если мы в «Гадких лебедях» используем твою песню о подводной лодке — якобы её написал наш главный герой?

— «Спасите наши души»? — обрадовался Высоцкий. Она была тогда новая, и он любил её особо.

— Нет, ту, старую — «Лечь бы на дно, как подводная лодка…». Она по настроению идеально подходит.

— Да конечно, берите, никаких проблем. Я только рад буду.

— Тогда принеси мне правильный авторский текст со всеми знаками препинания. Договорились?

Так незатейливо Высоцкий и Стругацкие оказались под одной обложкой сначала в «Гранях», а потом, много позже, и у себя на родине.

Но слух о том, что образ Виктора Банева АБС написали с

Владимира Высоцкого, можно считать сильно преувеличенным. Скорее уж Рэдрик Шухарт несёт на себе черты если не самого поэта, то его лирического героя из ранних песен. А Банев — это в гораздо большей степени сам Стругацкий, в первую очередь, конечно, Аркадий, но местами, безусловно, и Борис. От Высоцкого там только пение под собственный аккомпанемент, ну и наверное, в каких-то эпизодах АБС чисто внешне представляли себе именно его, просто потому что часто виделись тогда. А вообще, по словам БНа, Банев — это типичный собирательный образ: все знакомые им барды (главным образом, Окуджава) плюс личные представления авторов о писателе-диссиденте того времени. Ну и конечно, если бы «Гадких лебедей» кто-то решил экранизировать у нас в стране до 1980 года (что было, разумеется, абсолютно невозможно), трудно представить себе лучшего исполнителя роли Банева, чем Высоцкий.

Владимир Семёнович всю жизнь мечтал сыграть что-нибудь из Стругацких. Собственно, с этого и началось их знакомство.

Сегодня уже невозможно установить, когда АБС впервые услышали в записи песни Высоцкого, зато доподлинно известно, что Володя читал все их книги, начиная со «Страны багровых туч», по мере того, как они выходили. Не то чтобы их совсем легко было купить — фантастика в СССР всегда была в дефиците, но Володя увлекался этой литературой, а, как известно, ищущий да обрящет. К тому же именно со Стругацкими ему почему-то всегда везло, Стругацкие попадались в маленьких провинциальных магазинчиках во время съёмок и гастролей, он натыкался на них буквально в газетных киосках, словно эти книги сами падали ему в руки. А то, что АБС из всей фантастики — лучшие, разве только ещё с Лемом и мог он их сравнить, это Высоцкий понял давно. Уже после «Стажёров» и «Возвращения» ему остро захотелось встретиться с авторами, но это ещё было абстрактное желание. К тому же Володя всегда был противником знакомства ради знакомства. Ах, я знаю такого-то, ах, мы с ним выпивали! А встречи с кумирами он даже побаивался — вдруг окажутся в жизни старыми, брюзгливыми, неприятными — вот и всё чудо природы. Но после «Понедельника» желание повидаться с АБС сделалось вполне конкретным и полностью осознанным. Он как раз тогда вернулся из кино обратно в театр, бредил театром, жил театром, и, поскольку времена были ещё далеко не худшими, возникла в меру безумная идея — создать свой, совершенно особенный Театр фантастики. А почему нет? Любимов же сделал у них на Таганке и театр поэзии, и театр прозы. Но было некогда: сцена, кино, песни съедали всё время целиком. Да ещё пьянки бесконечные… Как только сил хватало на всё? К декабрю 1965-го

отношения с алкоголем стали у него настолько серьёзными, что пришлось лечь в больницу. И вот, выйдя оттуда, он дал себе слово больше не пить ни грамма. Как никто поддерживала его в этом любимая жена Люся — актриса

Людмила Абрамова, с которой познакомился на съёмках ещё в 1960-м и которая уже родила ему двух сыновей — Аркадия, названного, кстати, в честь Стругацкого, и Никиту. Он продержался два года, даже чуть дольше. А это много, очень много. И были это, пожалуй, лучшие два года в его творческой биографии. Самые знаменитые песни написаны именно тогда, самые потрясающие роли в театре сыграны.

Днём рождения театра на Таганке считается 23 апреля 1964 года — премьера спектакля по пьесе Бертольта Брехта «Добрый человек из Сезуана». Высоцкий играл в нём. А потом были «Герой нашего времени» — октябрь 1964-го, «Десять дней, которые потрясли мир» — январь 1965-го, «Антимиры» Андрея Вознесенского — февраль 1965-го (там Высоцкий впервые появился с гитарой), «Павшие и живые», сценическая композиция по стихам разных поэтов — ноябрь 1965-го, «Жизнь Галилея» Брехта — май 1966-го, «Послушайте!» Маяковского — май 1967-го, «Пугачёв» Есенина — ноябрь 1967-го…

Остановимся здесь, потому что на всех этих спектаклях АН бывал, а некоторые даже видел не однажды. Ещё чаще бывали на Таганке Елена Ильинична и старшая дочь Наташа — даже на спектаклях, где не был занят Высоцкий. А вот что касается всех последующих ролей Владимира Семёновича, включая легендарного «Гамлета», поставленного в 1970-м, — тут уже большой вопрос. Стругацкие ведь оба не были театралами, то есть вообще крайне редко ходили в театр, и этот короткий период тоже не означал внезапной перемены вкусов — просто отношение к Высоцкому было совершенно особенным, магия его таланта действовала безотказно. Ну и конечно, АБС в то время не могли не понимать, что театр на Таганке — это не просто театр. Это было явление общекультурного порядка, выламывающееся из всех традиций, из всех привычных представлений. Таганка для театра, это было то же, что Стругацкие для фантастики, то же, что Тарковский для кино.

Помню, когда я единственный раз присутствовал на выступлении Тарковского весной 1980-го, он сказал, что во всем советском кино знает только двух настоящих режиссёров Отара Иоселиани и Алексея Германа. В этом проявился, конечно, некоторый максимализм Андрея Арсеньевича, но в целом мысль понятна — других равных и близких себе он не видел. Гений имел право на такие высказывания.

Казалось бы, при чём здесь вообще Тарковский? Я глубоко убежден, что все подобные совпадения далеко не случайны, Поразительно, но Люся Абрамова училась во ВГИКе одновременно с Тарковским, хорошо знала его и ценила с тех самых лет. И Высоцкий дружил с Андреем одно время. Ведь Тарковский писал сценарий фильма «Один шанс из тысячи», а соавтор сценария Артур Макаров и режиссёр фильма Левон Кочарян — они же из той самой компании, с Большого Каретного. Правда, АН тогда загадочным образом с Андреем не познакомился — это случилось намного позже. Втроём они никогда не пересекались. Так уж вышло.

Вернёмся в год 1966-й.

У Высоцкого был друг Георгий Епифанцев, ещё по школе-студии МХАТ, он тоже увлекался фантастикой и Стругацкими. А в 1966 году летом они вместе с Люсей были в Тбилиси на гастролях, и там Володя в один прекрасный вечер, если не сказать в один прекрасный час сочинил подряд две песни (так часто бывало): «В далёком созвездии Тау Кита» и «Марш космических негодяев». Особенно первая была хороша. Высоцкий в тот год был на каком-то потрясающем взлёте. Он только что сыграл Галилея. И в театре был блистательный успех — не только в смысле аплодисментов, (хотя и это тоже), но главное, в смысле трактовки, в смысле владения своим мастерством.

Потом его пригласили сниматься в Одессе в две картины сразу, и он уехал. Вот так и получилось, что первой познакомилась с АНом именно Люся. Они с Епифанцевым вернулись после гастролей в Москву и к тому моменту уже просто бредили фантастикой. Жора мечтал создать некий новый театр в стиле «Современника», но с некоторыми хитрыми режиссёрскими нюансами. Искал для этого драматургию, сам хотел написать пьесу или что-то фантастическое инсценировать. А поскольку они тогда разговаривали цитатами из Стругацких, то и возникла идея использовать, допустим, для начала две-три новеллы из «Возвращения». Но для такой работы всё-таки требовалось разрешение автора. Вот и разыскали адрес. Приехали на Бережковскую, вошли в квартиру, и тут же их буквально сбивает с ног огромный белый пудель по кличке, как выясняется, Лелюш, они едва удерживают равновесие, а в руках ещё тяжелая авоська со «Стругацкими» книжками на подпись, а пёс просто радуется, и всё вокруг валится куда-то, сыплется, Лелюш вскакивает на диван, у дивана подламываются ножки, а позади возвышается большой, красивый, довольный произведённым впечатлением АН… Всё было очень эффектно. Вообще-то Люся и до этого АНа видела. Изредка (всё-таки у неё маленькие дети) она бывала в

«Молодой гвардии» на тамошних посиделках. Но там она восхищалась им со стороны: как он блестяще говорил, как заразительно хохотал, как раскованно вел себя. И вот теперь первое серьёзное знакомство. Жора изложил суть дела. Особого отклика предложение не встретило. Это было слишком далеко от него. Однако в театр позвали. АН честно признался, что он не по этой части, но, почувствовав градус их энтузиазма, обещал прийти и, конечно, сделал подписи на всех книжках.

В театр он пришёл уже в октябре. А как только Володя вернулся со съёмок «Вертикали», на него и обрушили эту новость. Он был счастлив. До этого общение с большой фантастикой было у него в 1965-м, когда приезжал Лем. В театр тогда было не на что особо позвать, но он пел ему у Громовой, и Ариадна Григорьевна даже переводила кое-что для пана Станислава — он не настолько хорошо знал русский, чтобы адекватно понимать стихи.

Первым, что посмотрел АН, были «10 дней», потом — «Павшие и живые», потом — «Галилей». И, разумеется, после спектакля ехали домой. В первый раз не к Высоцким, а к Юре Манину, которого встретили на спектакле случайно, тут-то и выяснилось, что он уже давно и хорошо знает обоих знаменитостей. И там, на улице Вавилова, Володя пел свои песни до умопомрачения, до упаду, до зимнего рассвета. Конечно, как самый новый, был исполнен альпинистский цикл и уж, разумеется, две «фантастические» песни. После «Тау Кита» АН, по свидетельству очевидцев, просто распластался на диване и дрыгал ногами от восторга. Ведь особая прелесть ситуации заключалась в том, что Высоцкий ещё не читал «Улитку на склоне» (откуда?), но одна и та же мысль — о партеногенезе, то есть почковании, — посетила одновременно и его, и Стругацких.

Конечно, это было совпадение на уровне шутки, но очень характерное. В тот славный период второй половины 1960-х Стругацких и Высоцкого объединяло очень многое. Главным были, думается, три вещи. Первая — свободомыслие, нежелание подчиняться Системе, внутреннее диссидентство, как это называли тогда. Второе — общий взгляд на фантастику, на литературу, на искусство в целом, стремление к самобытности, к новизне, к эксперименту. И третье: и АБС, и Высоцкий были тогда на пике своей творческой формы, на своём главном взлёте. Вот почему они были так интересны друг другу. Вот почему не только Владимир Семёнович находил в книгах АБС сюжеты и темы для своих песен, но и АБС подпитывались его энергией от каждой личной встречи, от каждой песни, от каждой роли в театре.

Вообще, наибольшее впечатление на Аркадия производил,

как и на многих, Хлопуша в «Пугачёве». Наверно, просто за счёт того темперамента, который выплескивался за три минуты, который не с чем было сравнить ни тогда, ни теперь. (Людмила Абрамова совершенно справедливо подметила: «Сейчас, извините, каждый Депардье считается темпераментным актёром, каждый Шевчук, прошу прощения, и вообще каждый, кто может хрипеть под Армстронга, изображая Высоцкого. Теперь это как-то по-другому называется — энергетика, что ли? — а фактически это всё равно темперамент, и он — как талант — либо есть, либо нет его».)

АН часто, даже через много лет, когда Высоцкого уже не было на свете, вспоминал эту сцену, от которой мурашки по коже, этот истошный крик есенинского героя: «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!!!» И, безусловно, сидя в зале, АН мог чувствовать, что в какой-то период он сам был для Володи «этим человеком». Но только в какой-то очень короткий период. В этом смысле они были схожи: увлекались людьми легко, быстро и так же быстро меняли увлечения и даже друзей… А постоянные нравственные ориентиры — это немножко другое. Книги АБС формировали Высоцкого как художника, а своей человеческой позицией он в большей степени обязан был Синявскому, с которым познакомился много раньше. Андрей Донатович читал литературу ещё на втором курсе в Школе-студии МХАТ и для Высоцкого стал учителем жизни. Несломленный, непобежденный Галилей — это именно он, Синявский.

Ночные концерты после всех спектаклей стали доброй традицией — ехали либо к Высоцкому на Беговую, либо к Манину. А могли и специально созвониться, без всякого посещения театра, их тогда тянуло друг к другу. Где ещё встречались? Безусловно, у Громовой. И было ещё одно выдающееся «клубное» место, его вспоминают многие. У Александра Дмитриевича и Нелли Михайловны Евдокимовых на Комсомольском проспекте, в квартире над высокой аркой сталинского дома собирались тогда и все фантасты новой молодогвардейской плеяды, и многие другие талантливые люди литературной Москвы.

Вспоминает Людмила Абрамова:

«К ним можно было прийти в любое время дня и ночи, и всегда был тут же готов кофе, и гора шоколадных конфет, и если была острая потребность, то делался и какой-то бутерброд, всегда было накурено, умно, шумно, страшно весело. Володя там был царь и бог. Нелли — переводчица НФ с английского для издательства „Мир“ в основном; Саша — публикуемый

библиограф. Помимо фантастики, чем особенно знаменит, поэзия — наш серебряный век, и мастера перевода. Одна из его кличек среди книголюбов была — Сашка Клык. Он покупал, продавал, доставал любые книги. А для записи в трудовой книжке торговал газетами в киоске. По-моему, двигается мир такими, как Аркаша и Володя, а стоит мир вот на таких негромких подвижниках, как Евдокимовы».

Вспоминает Рафаил Нудельман:

«Он был книжный „жучок“ (проще говоря, спекулировал книгами), она — очень неплохая, энергичная переводчица с английского. Квартира была в основном пустая, нежилая какая-то, в коридоре вечно лежали пачки в типографской упаковке и просто книги, завернутые в бумагу, единственная приличная комната — гостиная, где стоял большой, набитый клопами диван. Помню, как Аркадий однажды брезгливо стряхнул с себя клопа, не выпуская рюмки из пальцев. *(Ох, уж не тот ли это клоп, который вскоре стал Говоруном? — А.С.)* И там висела на стене гитара — „для Высоцкого“. Там ему беззаветно поклонялись, там царил его культ, он туда часто заглядывал, там для него всегда была рюмка и гитара — выпить и сыграть, и он выпивал и пел очень щедро, *(Речь явно идёт о периоде до 66-го года, потому что после 1968-го быстро закончились все и всяческие посиделки шестидесятников, в том числе и евдокимовские. — А.С.)*. Там я видел его с Люсей, в ту пору, когда шли переговоры о создании некого „Театра фантастики“, куда якобы готовы уйти от диктатора-Любимова несколько артистов во главе с Высоцким. (К этому будущему — несостоявшемуся — театру был написан, так, во всяком случае, говорил тогда сам Высоцкий, пародийно-космический цикл песен, начиная с „Тау Кита“. Я помню, спрашивал потом у Люси, как это всё сочиняется, и она сказала: „Во сне… Володя лежит, и вдруг у него начинает сильно стучать сердце… И я уже знаю, что сейчас он проснётся и станет записывать“.) Аркадий хохотал особенно заразительно. Они с Громовой вели эти переговоры о театре, дело продолжалось несколько недель, потом умерло как-то само собою, и это всё, чему я был свидетелем в этих отношениях. Но фантасты (АН, Громова, Мирер, Парнов и некоторые другие) собирались у Евдокимовых и сами по себе — им тоже охотно подавали рюмку, и вечера там проходили весело, в шумной профессиональной болтовне».

Вспоминает Юрий Иванович Манин:

«Насколько я знаю, ничем не была омрачена взаимная

симпатия Аркадия с Володей Высоцким. Оба были крепкие мужики, знавшие себе цену, оба признавали друг в друге и уважали этот внешний образ, совпадавший с внутренним самоощущением.

В шестидесятые годы Аркадий с Леной жили у Киевского вокзала, а я — на Вавилова. Кажется, с Володей они и познакомились у меня. Володя приезжал после театра, перекусывал и брался за гитару. В те годы, когда мы общались регулярно, Володя дал зарок не пить, и во избежание соблазна бутылок на стол не ставили. Пение затягивалось далеко за полночь; стены были тонкие, но соседи никогда не жаловались.

Я и сейчас слышу, как Володя поет, скажем, песенку застенчивого боксера: „Бить человека по лицу я с детства не могу…“, а Люся, жена, смотрит на него такими глазами, каких я никогда больше не видел у женщины, ни тогда, ни потом».

Три года подряд они вместе отмечали день рождения Высоцкого. 25 января 1967 года торжество определенно происходило на квартире у Манина. Для остановившегося тогда у Юры его друга из Новосибирска Володи Захарова это был совершенно особенный день, он даже помнит, что была среда, потому что утром делал доклад на семинаре у Петра Леонидовича Капицы, а это для любого физика — как посвящение в рыцари. Так что перепутать этот Татьянин день ему было не с чем. В тот раз, кроме Захарова, на празднике были Стругацкие, Манины и Высоцкие (влюбленная Люся ему особенно запомнилась), ну и ещё был такой огромный человек Жора Епифанцев, с узнаваемым лицом — он тогда много играл в кино, и его фото даже продавали в киосках.

В 1968-м они, пожалуй, встречались уже на Беговой, но нет уверенности, что это опять день в день (всё было не так просто у Володи в ту зиму), но точно известно, что были подарены «Гадкие лебеди» — в рукописи, и рукопись была подписана и упакована в папку, и потом эту папку у Люси украли, и она даже знает кто…

А в 1969-м был их последний общий день рождения, и это тоже наверняка, потому что подарен был «Обитаемый остров», на этот раз уже с любовью переплетенный, с фотографией из Комарова и с подписью Бориса, «заверенной» Юрой Маниным… А на год раньше такую вещь подарить было ну никак невозможно. Отношения же между Люсей и Володей были к тому моменту уже весьма не просты, но они ещё были…

У Аркадия сложилась совершенно особенная дружба с Люсей, с её сыновьями, они общались ещё многие годы, и, когда Высоцкий оставил семью, он автоматически исчез из жизни АНа.

Вспоминает Людмила Абрамова:

«Я ведь ушла от него сама. Он просто боялся мне сказать, боялся, что я в этот момент умру. Не от самоубийства, просто так — оп! — и в дамки.

Володя понимал, что я нуждаюсь в каком-то костыле, в какой-то подпорке, которая меня могла бы спасти от сумасшедшего дома, и он разрешил мне оставить книги. Абсолютно всю фантастику. Со всеми автографами А и Б. Я цеплялась за них, как за последнюю соломинку.

И вот тут меня поддержал Аркадий — своими новыми книгами, своими рассказами, хохмами и бутылками коньяка.

Если бы я не прочитала „Стажёров“, если бы не уговорила Жору на ту встречу, если бы не было постоянного бытования этих образов в нашей жизни, моя жизнь сложилась бы гораздо хуже. Из обширного круга знакомых, общих с Володей за эти семь лет, со мной остались два человека — Жора и Аркаша. Не то чтобы другие забыли меня совсем, кто-то даже материально помогал, но такой моральной поддержки я больше ни от кого не знала. Как бы я после 68-го года сохраняла свой прославленный оптимизм и свою оглушительную смешливость, если б не было у меня возможности, хотя бы по телефону услышать Аркашин голос?..»

И, наконец, получается так, что последняя встреча с Высоцким была в начале 70-х у БНа.

Вспоминает Борис Стругацкий:

«Я был на спектаклях Высоцкого два раза. В Москве *(22 сентября 1967-го. — А.С.)* смотрели „Галилея“, а потом поехали к Высоцкому. Он был абсолютно трезв, все пили чай (народу набилось человек 20), и он пел. Тогда я впервые услышал „Парус“. А в Питере (это уже года на три или четыре позже) театр приехал на гастроли, и он пригласил нас на „Десять дней…“. В тот раз (через день-другой после спектакля) Высоцкий приходил к нам. Были у меня только Чистяковы. Высоцкий и здесь порывался петь („Давайте пройдемся по соседям, неужели ни у кого гитары не найдётся?“), но я ему не дал: было интереснее поговорить. Он снова был „в завязке“, веселый, энергичный, азартный спорщик. Мы сидели на кухне, пили чай и весь вечер разговаривали о театре, о Таганке, в частности, о „Рублёве“ Тарковского, обсуждали последние слухи. А ещё много говорили об уфологии и пришельцах. Высоцкого эта тема очень интересовала, тем более что мы же все астрономы».

Была ещё одна аналогичная история.

Вспоминает Алексей Вольдемарович Шилейко:

«Звонит мне Неля Евдокимова и говорит: „Володю Высоцкого очень интересует быт советских учёных“. А я тогда был заведующим лабораторией в МИИТе. „Не могли бы вы его принять, показать? Но только имейте в виду, что это не парадное мероприятие, не приём, ему хочется посмотреть, как вы живёте. И ни в коем случае не просите его петь, потому что человек просто хочет посмотреть, как живут учёные, о вас ведь тоже ходят всякие невероятные слухи“. Я говорю: „Пожалуйста“. Скидываемся, накрываем стол. Ясно, раз Высоцкий, значит, водка. А надо сказать, что мы и сами пару раз в неделю, а то и почаще… Водка, она и на работе иногда помогает, когда мозги становятся на якорь… Короче, приходит Володя. Конечно, он всем понравился. У нас талантливые были ребята. Сидим, разговариваем, вроде ничего специально не рассказываем, но картина создаётся. Лаборатория была системного программирования, а слово „программист“ стало модным после книжки „Понедельник начинается в субботу“. Сидели-сидели, пили-пили, наконец, он расслабился и говорит: „Я же знаю, вы где-то гитару спрятали, давайте, уж так и быть“. А я говорю: „Не надо. Меня предупредили: никаких песен, и вообще ты никакой не Высоцкий у нас, а просто очень милый гость, которого мы с удовольствием принимаем“. Минуты две он не мог слова сказать, настолько это его поразило. Потом обиделся, вскочил и бегом… Позже к этому делу подключился Аркадий: „Как?! Ты обидел Володю? Нет, ты не можешь, он такой прекрасный человек, Володя — не только поэт, но и артист, он не может без этого, вы все для него — публика“. Помирили нас, как сейчас помню, в ресторане „Россия“, а это был такой огромный ресторан размером с площадь Маяковского. Так вот, я к тому моменту уже понял Володю как человека, правда, дружбы всё равно не получилось, У меня была своя жизнь, своё мироощущение. Но я горжусь этим эпизодом, потому что Володя — человек талантливый безмерно…»

А вот со Стругацким у Высоцкого дружба всё-таки получилась. Они прекрасно друг друга понимали. И сразу вспоминается, как однажды Володя задал АНу вопрос:

— А вообще очень приятно писать такие гениальные книжки?

Он судил по себе — он на спектакль шёл как на праздник, игра была для него наслаждением. И он даже уточнить решил:

— Что приятнее было писать — «Попытку» или «Суету вокруг дивана»?

АН задумался, саркастически улыбнулся и ответил:

— Писать — это как выдавливать нарыв. Точно такое же удовольствие.

Володя чуть в обморок не упал:

— Да ты что?!

Хотя это давняя истина — не Стругацкими придумано. Но, увидев, реакцию, АН пытался утешить его, мол, ты не понял — когда уже всё сделано, закончено, и нет нарыва, нет боли — это такой кайф!

Но Володя как раз правильно понял: тут была принципиальная разница между работой писателя и артиста.

Некоторые полагают, что из-за этого и к алкоголю отношение разное. Нет, неправда, тут уже не в профессии дело. К алкоголю у каждого своё отношение.

Вспоминает Людмила Абрамова:

«Аркаша не был алкоголиком, и тут на моё мнение можно положиться. Он пил по причинам радостным или страшным, но вовсе не от внутренней зависимости. Его личность вообще антинаркотична. Вот, скажем, Володя — тот безусловно, один из самых свободных людей, какого только можно себе представить, но вот от этого он зависел, это он ненавидел, именно за то, что он ЗАВИСЕЛ ОТ ЭТОГО. А у Аркаши зависимости не было никакой… Да, ему надо было — иногда — опохмелиться. Например, в тот удивительный летний день, когда он пришёл к нам накануне с большим портфелем. Там лежало шесть бутылок коньяка, и надо было непременно отметить Ленинскую премию Манина, хотя сам Юра был в Париже и даже от официального торжественного вручения увильнул. Мы все пили, а Володя тогда как раз ни грамма — ни кефира перестоявшего, ни шоколадных конфет с ликером. Ну, и из этих шести бутылок Аркаша принял внутрь добрую половину. Так что утром он был тяжёл. Надо было найти что-то и его опохмелить. Будить Володю и посылать на поиски — грешно — Володя после двух спектаклей вернулся вечером полумёртвый от усталости; сестру гнать, тем более что она младше — та вообще ничего не нашла бы. Ведь искать в Москве пиво ранним утром — это особое искусство, надо сообразить, где будет бочка. Год-то был 1967-й. Раньше шести бочка вообще появиться не могла. А та единственная, которая могла, ожидалась у метро „Академическая“ — ну, прямо там, где много позже поставили этот дурацкий медальон с Хо Ши Мином. А если не повезёт — пришлось бы ехать к трём вокзалам. Но повезло. И вот я прибежала туда с бидоном, было минут пятнадцать седьмого, и тут же обратно. Лечу и вижу: в кухонном окне стоит, руки в боки, в расстёгнутой рубахе мрачный А. Стругацкий и думает, понятное дело, не поехать ли ему к трём вокзалам. И тут — я. С бидончиком. Какая радость! Нет, это не алкоголизм — просто надо иногда, чтобы не было тухлого состояния».

Когда Володи не стало, Люся позвонила АНу в тот же день. Она знала, что тут у него какой-то бзик, знала, что он не ходит на похороны (с Володей такое тоже бывало), но и не позвонить не могла. Это был чисто инстинктивный поиск поддержки, опоры… А он сказал, помолчав:

— Когда же я, наконец, сдохну?

Утешил, называется. Однако понимание между ними как было, так и оставалось… Она услышала честные слова, а это много. Вспомнила, как в феврале 1968-го после срыва Володя лежал в очередной раз в Соловьевке (в клинике неврозов на Шаболовке) и было ему очень паршиво, и она позвонила Аркаше, хотя прекрасно знала, что он не просто не любит этого (больница, физические страдания, чья-то депрессия), а как-то особенно тяжело всё это переносит. Но он согласился и пошёл в сумасшедший дом к Володе, и она видела, как ему буквально физически трудно идти через этот двор, по этим лестницам, каждый шаг делать невыносимо… Но тогда это было надо, и он пришёл. А теперь… Теперь уже не важно.

Она поняла, что он хотел сказать ей на самом деле: «Лечь бы на дно, как подводная лодка…»

В последний раз они увиделись летом 1982-го. Потом Людмила Владимировна надолго уехала в Монголию. Он был совершенно такой же, как всегда, страшно весёлый, голодный, что-то ел, что-то пил и увлекательно рассказывал, как они с Борей зимою в Репино катались с горок, валялись в снегу, дурачились, как мальчишки, и он попал на лёд Финского залива, чуть не пробил его, и потом оказалось, что сломал себе то ли два ребра, то ли три…

Игорь Васильевич Бестужев-Лада, беседуя со мной, попытался объяснить успех Стругацких в свойственной ему академической манере — ища аналогии и выделяя главное. Заметьте, он даже не знал, что АБС были знакомы с Высоцким.

«Чем они брали? Да тем же, чем и Высоцкий — в своём жанре. Хотя сравнивать их — как певицу с балериной. Но здесь играют две общие карты. Первая — юмор. Этим они выделялись даже в период лояльности к соцреализму. Ирония в литературе свойственна одному из сотни, а самоирония — одному из тысячи. У них было и то, и другое. „Полдень“ — это же по замыслу „Пионерская правда“, но исполнение! Живые, не ходульные герои плюс ирония и самоирония. А потом юмор, поднимаясь, дошёл до грани сатиры. Сатириками они по-настоящему не стали. Антисоветского у них не было, но они виртуозно балансировали на грани. Это и есть вторая карта: удерживаться на грани

дозволенного. Это высокое искусство. Ниже грани — неинтересно, а выше — высылка, тюрьма, психушка. Такое время было».

Уровень владения этим мастерством был у всех разный. Высочайший — только у них, у АБС и у Высоцкого. Вот почему их просто не с кем больше сравнить — по той небывалой популярности 60 — 80-х годов. О вкусах можно спорить. Но о тиражах самиздата спорить бессмысленно — это самый объективный рейтинг за всю историю искусства. Были авторы модные, были авторы признанные и обласканные властью, были авторы полностью запрещённые и потому востребованные. А были Стругацкие и Высоцкий, тексты которых — опубликованные или нет — не важно (подчеркиваю: не важно!) — тиражировались в народе без счёта всеми мыслимыми способами.

Таких больше не было, только Стругацкие и Высоцкий.

Однажды (в другом разговоре) тот же Бестужев-Лада изложил мне свою концепцию развития мировой культуры за последние сто пятьдесят лет. Золотой век, как известно, сменился серебряным. По логике, следующий — бронзовый. Это — искусство периода коммунистических тираний и мировых войн. Но что последовало дальше? Наступил век железный — век прочной, добротной штамповки. Век творцов, похожих друг на друга, как серийные изделия. А дальше — в оптимистичном варианте — новый золотой век. Про нехороший вариант лучше промолчать.

Так вот, Игорь Васильевич считает, что Высоцкий и Стругацкие — это типичные последние представители бронзового века.

У меня иное мнение. Стругацкие и Высоцкий — первые представители нового века, который вырастал из бронзового именно тогда, ещё в советские годы. Железо тверже и практичнее всех благородных металлов, железо выиграло конкурентную борьбу, хотя есть у него и минус — оно ржавеет, то есть недолговечно. Этот минус решили считать плюсом и стали как можно чаще менять всё: вкусы, вещи, принципы, убеждения…

Но Стругацкие и Высоцкий сразу не согласились и превратили свой железный век в стальной. Они владели тайной легирования и сделали сталь нержавеющей.

Не будет нового золотого века — будет век новых неведомых материалов. И главный мостик туда, в грядущее пробросили нам именно они — Стругацкие и Высоцкий.

Глава пятнадцатая
ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ

«Может быть, именно поэтому „Миллиард…“числился у нас всегда среди любимейших повестей — это был как бы кусочек нашей жизни, очень конкретной, очень личной жизни, наполненной совершенно конкретными людьми и реальными событиями. Как известно, нет ничего более приятного, как вспоминать благополучно миновавшие нас неприятности».

Б. Стругацкий. «Комментарии к пройденному»

«Телеграмма была от тёщи. „ВЫЛЕТАЕМ С БОБКОЙ ЗАВТРА ВСТРЕЧАЙТЕ РЕЙС 425 БОБКА МОЛЧИТ НАРУШАЕТ ГОМОЕПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ЦЕЛУЮ МАМА“.

И ниже была приклеена полоска: „ГОМЕОПАТИЧЕСКОЕ МИРОЗДАНИЕ ТАК“».

А. и Б. Стругацкие. «За миллиард лет до конца света»

«…Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город. Ходили марева над раскаленными крышами, все окна в городе были распахнуты настежь, в жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавились старухи на скамеечках у подъездов».

Так начинается повесть «За миллиард лет до конца света» — точное отражение, настоящий символ всего периода 70-х в жизни АБС.

Группа учёных, знакомых или не знакомых друг с другом, живущих по соседству или просто в одном городе и занимающихся абсолютно не связанными между собой темами, вдруг — каждый в своей работе, но почти одновременно, — подходят к некому рубежу, к некой грани дозволенного, за которой открывается бездна. И тогда против них ополчается само мироздание, сам гомеостазис, то есть равновесие Вселенной. Бывает такое? Конечно, такого не бывает. И если кто-то пытался искать в повести научную логику, мы его поздравляем. Повесть совсем не про науку и не про учёных. Повесть просто о людях — о любых людях, которые впервые в жизни столкнулись с неодолимой силой. И вынуждены думать, как поступить. Вынуждены делать свой выбор.

Любимая тема Стругацких — проблема нравственного выбора — на этот раз обострена до предела и максимально приближена к простым сегодняшним будничным заботам каждого читателя. И конечно, за читателем остаётся право увидеть в книге и научную фантастику, и мистику и политику, или — самого себя, как в вогнутом зеркале с пугающим увеличением.

А есть и ещё вариант: увидеть в этой повести судьбу. Судьбу самих писателей, впервые так откровенно написавших о себе. Не было во всем их творческом наследии более автобиографичного произведения. И в этой праздничной безнадёжности, в этом победном крике отчаяния, в этой колоссальной трагедии обретения и скромной радости потерь — отразилась вся их собственная война… нет, не с Системой. Теперь уже не только с Системой, а именно с Мирозданием.

Поначалу пресловутое гомеостатическое мироздание воздействовало на братьев Стругацких — пардон за каламбур, — гомеопатически, то есть микродозами. Ну вот, хотя бы для примера.

В сентябре 1967 года они работают над «Гадкими лебедями».

> «11.09 — Сделали 3 стр. черновика. Лопнула водяная труба, воды нет, и, говорят, два дня не будет. Творческое настроение упало.
>
> 12.09 — Сделали 7 стр. черновика. Вода пошла.
>
> Вечером сделали 2 стр.».

Именно с таких досадных мелочей всё и начиналось у

персонажей «Миллиарда». А уж потом прилетали карлики, взрывались шаровые молнии, деревья прорастали сквозь асфальт в одночасье и приходили следователи из прокуратуры. У самих АБС обошлось без карликов и молний, да и взбесившиеся деревья их не донимали (о следователях — разговор особый). Но факторов, мешавших им работать, становилось всё больше и больше. И если в конце 60-х им просто тупо отказывали в публикациях или обкладывали в прессе, то начиная с 1970 года Мироздание стало проявлять фантазию: книги, выходящие за рубежом, болезни, семейные проблемы… А уж когда они разгадали эти козни и рискнули назвать вещи своими именами, написав повесть, по ним открыли огонь из главного калибра: разгон редакции, доносы, расторжение договоров, хирургическая операция, едва не завершившаяся трагически, погибшая плёнка фильма «Сталкер», развод дочери, отчисление из института сына, сердечный приступ, смерть матери, инфаркт…

В это можно верить или не верить. Можно обращаться за помощью к религии или к науке. А можно до последнего иронизировать надо всем. Одного нельзя — не обращать на это внимания, особенно если ты писатель и наблюдательность вкупе с талантом аналитика — твоё главное оружие. Справедливости ради заметим, что в ситуации повести гомеостатическому мирозданию глубоко наплевать, верят в него или не верят, оно просто предлагает играть по своим правилам. В жизни всё ещё хуже, гораздо хуже: жизнь вообще не предлагает играть, ни по каким правилам, и потому от реального давления не помогают ни логические выкладки, ни молитвы, ни упреждающая стрельба, ни самоирония…

Так можно ли говорить, что материал для повести дали сами судьбы АБС, все эти неслучайные случайности, перерастающие в закономерность? Однозначного ответа не будет.

БН подчеркивал всегда и теперь повторяет, что творчество их никакого отношения ко всем вышеперечисленным событиям не имело и гомеостатическое мироздание — не более чем литературный образ. АН придерживался более осторожного мнения и на прямые вопросы частенько отвечал, что да, конечно, испытывал он на себе давление, вполне загадочное и тем более сильное, чем серьёзнее становились их с братом замыслы.

И, следовательно, каждый читатель волен выбирать более симпатичную ему точку зрения. Лично я выбираю точку зрения АНа не потому, что настаиваю именно на ней, а потому что для написания биографической книги такая гипотеза намного продуктивнее. Так, например, когда академика Иосифа Самуиловича Шкловского спрашивали, действительно ли он

убежден в нашем одиночестве во Вселенной, он отвечал, что нет, конечно — просто, отталкиваясь от подобного утверждения, наиболее удобно выстраивать доказательную базу.

И вот теперь, покончив с этим затянувшимся предисловием и приняв как данность существование коварного Мироздания, проанализируем 70-е годы в жизни АБС под этим углом зрения. «Бог суров, но не злонамерен», — остроумно сформулировал как-то Альберт Эйнштейн. Мы предположим, что всё-таки злонамерен.

Небывалый за последние два столетия зной, случился и в Москве, и в Питере летом 1972-го, то есть за два года до написания повести. Потом жара тоже была, но не такая. А в 1972-м, во-первых, термометр зашкаливал в тени за 35 неоднократно, а во-вторых, жара держалась с июня и по август, и потому запомнилась всем. Даже тем, кто на целый месяц уезжал куда-нибудь в отпуск — в более прохладный Крым или Сочи. Ну а пожары лесные были такими, что даже советские газеты замалчивать их не могли. Нелепо врать, когда по утрам граждане выглядывают в окошко, а там сизая дымка висит в спертом раскаленном воздухе, и всё вокруг пропахло торфяной гарью…

Однако начнем по порядку. С января не удастся — нет никаких записей, а практически весь февраль 1970-го АБС работают в Комарове над «Градом обреченным» (название следует читать архаично — через «е», а не через «ё», что всегда подчеркивали авторы, так как название они позаимствовали от картины Николая Рериха). Это их самый большой долгострой и вещь по определению обречЕнная на долгую (или вечную?) жизнь в темнице письменного стола.

Может быть, поэтому Мироздание воспринимает её спокойно, равнодушно.

А стоит им только в апреле там же начать придумывать «Малыша» — якобы проходную, совершенно никчемную вещицу, — и сразу у БНа болят зубы, ангина, простуда, и расстроенный АН бежит за водкой — какая уж тут работа! Приезжает Ада, они переключаются снова на «Град», и всё постепенно восстанавливается.

Работа над «Малышом» шла вообще необычайно туго. БН объясняет это сегодня очень просто: оба не хотели над ним работать. Хотели они писать «Град», но это ведь только для души, а надо было ещё РАБОТАТЬ, то есть писать нечто такое, что напечатают прямо сейчас. Нет, было бы совсем неправдой утверждать что «Малыш» написан только для денег. Они вдвоём вообще никогда и ничего не писали только для денег (хотя деньги, безусловно, были нужны). Писать и тут же публиковаться

было необходимо, чтобы про них не забывали, чтобы самим знать сегодня, сейчас мнение современников о себе, чтобы оставаться на плаву в широком смысле, чтобы держать марку. Вот для чего писали «Малыша».

А получилась-то совершенно гениальная повесть. И это я не для красного словца, а со всей ответственностью. Во-первых, считаю так не я один, а во-вторых, объясняю. Да, это была первая из прочитанных мною книг АБС — «Полдень» плюс «Малыш», — но прошли годы, я перечитывал «Малыша» много раз, в том числе и совсем недавно. Впечатление менялось, но ни разу оно не тускнело. Более того, я, наконец, понял главное: если б не эта маленькая повесть, сам мир Полудня не произвел бы на меня того магического действия, «Малыш» был не просто важным, но обязательным дополнением к роману в рассказах. «Малыш» был настолько же лучше ярче, сильнее «Полдня», насколько «Полдень» превосходил «Туманность Андромеды». Потому что «Полдень» — всё-таки наивен, как все вещи ранних АБС со всем их шсетидесятническим коммунизмом (даже для читателя 1976 года); потому что «Полдень» — это всё-таки сборник, недостаточно ровный в своей фрагментарности; потому что «Полдень» местами (подчеркиваю — местами) слишком описателен, поверхностен и даже условен. А к моменту создания «Малыша» придуманный авторами мир доведён уже до такого совершенства, что никаких объяснений не требуется, Мы просто верим с первых страниц, что этот мир существует, что авторы сами жили в нём, а значит, и мы обязательно там окажемся. Стопроцентный эффект присутствия достигается благодаря высочайшей отточенности каждой фразы, благодаря кропотливому и последовательному выстраиванию этого мира в течение десяти лет и, наконец, благодаря завидной вере самих авторов в предлагаемые обстоятельства (строго по Станиславскому). «Малыш», на мой взгляд, лучшая повесть всего цикла, Более выразительного и точного портрета той будущей эпохи Стругацким уже не удастся создать, потому что в двух последних повестях о мире Полдня они столь же последовательно займутся саморазоблачением. «Жук в муравейнике» — тоже шедевр, но только очень грустный, а «Волны гасят ветер»… Впрочем, об этом позже.

И кстати, быть может, не случайно «Малыш» стал единственной повестью АБС, переделанной для профессиональной столичной сцены. Спектакль Центрального детского театра (1984) в постановке его главного режиссёра Алексея Владимировича Бородина, говорят, получился не самым удачным, продержался на подмостках всего несколько лет, зато

был полностью записан на ТВ и несколько раз транслировался. И вообще важен сам факт, что режиссёр увидел в этой повести чёткую, мощную драматургию.

Итак, появление на свет «Малыша», этой «благословенной вершины, купающейся в лучах солнца» (говоря словами старого утописта Эдварда Беллами), не могло пройти незамеченным для Мироздания. Мироздание сопротивлялось.

«Малыш» был написан в пять заходов, Работа над ним заняла собою почти весь год (параллельно с «Градом»). Последняя точка в чистовике поставлена 6 ноября в Комарове. И тут же АБС напишут заявку на сборник в «МГ». Придумают ему название — «Неназначенные встречи», — и предложат включить туда «Дело об убийстве» (именно под таким названием хочется им переиздать «Отель…»), свежеиспечённого «Малыша» и не написанный ещё «Пикник на обочине». Тираж этого сборника придёт из типографии через десять лет — в конце октября 1980 года, но об этом отдельный большой разговор впереди. А пока заметим лишь, что с заявкой они явно погорячились и вконец расстроили Гомеостатическое Мироздание.

В тот же день в Москве старшая дочь АНа Наташа выходит замуж за Эдика Фошко. То, что отца нет на свадьбе, — это нормально. Такой уж он человек: взял и чисто по-абызовски «облокотился» на все общенародные праздники, на все юбилеи, семейные даты и прочие условности, включая похороны, свадьбы и рождения детей. В комментариях тут нуждается другое. Что даёт мне право рассматривать Наташин брак как наказание за победу над «Малышом» и смелую заявку? А вот что.

Ну да, девушке всего девятнадцать, и для родителей это шок, но на самом-то деле молодые любили друг друга, формально были уже взрослыми, и они ни в чем не ошиблись, они до сих пор счастливо живут вместе (с 1991 года в США). Эдуард Фошко — крупный специалист в области информационных технологий и успешный бизнесмен, но… Читатель всё ждёт подвоха. И правильно. Это сегодня он крупный специалист, а тогда был просто студентом — без денег и без всякой жилплощади. И вот в квартире у АНа снова такой до боли знакомый дурдом: комнат много, а жить негде. Молодые — отдельно, старики — отдельно, среднему поколению Аркадию и Лене — что осталось, но есть ещё Маша пятнадцати лет от роду, от Наташи её выперли, и она теперь ощущает себя где-то наравне с любимым пуделем Лелем — покормить и погулять не забывают, но, в общем, никому не нужна — хоть удавись.

И вот в такой обстановке они будут жить целый год. Выход один — новая квартира. На халяву — не дождёшься, надо

покупать, но всё подорожало, а материальное положение уже далеко не лучшее. Все стоят на ушах — какая уж там работа? В Москве — никакой. АН будет охотно и подолгу пропадать в Ленинграде и Комарове, но не может же он перебраться туда насовсем. Впрочем, почему не может? Возможно, именно тогда подобная мысль посещает его впервые. А то и не впервые — всё-таки они оба в душе ленинградцы, петербуржцы… Но всё это мечты, а реальные московские проблемы всё давят, давят и давят…

Едва заканчивается ноябрь, АН снова в Ленинграде. Почти до самого Нового года они пишут в Комарове «Град обреченный». Тогда же возникают первые наброски «Пикника» — некий план по пунктам. Это серьезный вызов Мирозданию. Но ничего толком сделать в этот приезд не удастся.

В самом начале следующего, 1971 года выходит в «Детлите» многострадальный «Обитаемый остров», в набор его сдали ещё в июле 1970-го. Это была их последняя книга перед долгим-долгим перерывом. И кстати, последняя книга, которую ещё хоть где-то, по случаю можно было просто купить в книжном магазине. Дальше началась эпоха чёрных рынков и безумного дефицита на всё.

6 января АН с Леной в гостях у Биленкиных. К дню рождения Тани приготовлен традиционный и самый дорогой для всех друзей подарок — рукопись новой повести. Это — «Малыш».

А в феврале — опять Комарово. АН не важно чувствует себя: несколько раз, оставляя БНа в Доме творчества, ездит в город. 23 февраля, в День Советской Армии, в рабочем дневнике справа от обычных записей с ежедневным подсчётом написанных страниц рукой БНа сделана странная запись:

«Всё равно мне не дожить».

До чего? Имело это отношение к будущей повести? Возможно. Или к реальной жизни? Выглядит жутковато.

И тут на них сваливается сюрприз из Франкфурта — «Сказка о Тройке» в «Гранях». Несколько озверев, братья начинают работать над «Пикником» всё быстрее и быстрее и 4 апреля заканчивают черновик.

16 апреля в Москве АН едет к Вансловой за первой порцией редактуры по «Миссии тяготения» Холла Клемента (этот перевод он делал в одиночку) и потом жалуется в дневнике:

«Мне не везёт: третью книгу у Девиса перевожу, и третий раз получаю нахлобучку за стилистическую безграмотность авторов. <…> Вижу, одобрения в ближайшее время не будет».

В общем, и с переводами — всё не слава богу.

В этот же день он сидит с «Трижды смертником», составляет для него список действующих лиц. Имеется в виду сценарий для «Молдовафильма» по заказу московского режиссёра Юрия Борецкого. АН ездил туда ещё в январе в надежде на фильм.

Вообще 1971 год отмечен немалым количеством всякой суеты, далёкой от литературы. И это несмотря на то что АБС работают, в первую голову, над одной из лучших, можно сказать, программных повестей — «Пикником», — а к тому же, как и год назад — над сокровенным и особо дорогим «Градом». В чём же дело? Предчувствие скорого безденежья? Или всё ещё катит их инерция того колоссального заряда, того невероятного фонтана идей и творческой энергии, что позволял в минувшие десять лет успевать ВСЁ? Наверно, и то, и другое,

А в целом — упрямая борьба с Мирозданием.

Сентябрь в Комарове: серьёзной работе посвящается только неделя, Потом и здесь начинается всяческая киночехарда:

«Предлагаем заявку на сценарий полнометражного научно-публицистического фильма-проблемы „Встреча миров“ (название условное)».

Киноминиатюры «За успех!», «Дьявольская шкатулка», киноминиатюра «За проходной», сюжет для т/ф «Выбор пал на Рыбкина».

20 сентября АН уезжает в Москву, а через месяц уже назад. В Москве ему явно не сидится. В этот приезд они рванут и к 3 ноября поставят заветную точку (вернее, восклицательный знак) после тех самых слов, которые сегодня знает наизусть каждый уважающий себя поклонник АБС: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЁТ ОБИЖЕННЫЙ!» «Пикник на обочине» завершён.

Незадолго до этого, 30 октября в дневнике есть примечательная запись:

«Утверждаю, что к октябрю (30 окт) 1976 года не

запустит и даже не построит Шахбазян никакого баллона, о котором стоило бы говорить, а в том поставит мне Адка бутылку хорошего коньяка».

И подпись: А. Стругацкий.

Юрий Левонович Шахбазян был старым другом БНа и Ады, а в то время — зав. отделом астрономической техники в ГАО. И речь у них шла о запуске стратосферного баллона с телескопом, каковой запуск в те годы и готовился. Аделаида Андреевна утверждала, что всё состоится строго по плану, АН же сильно сомневался в этой затее. И оказался прав. Однако записи о распитии бутылки в 1976 году найти не удалось.

А вот из письма БНа Борису Штерну (понятно, в ответ на комплименты):

«„Пикник“ и с нашей точки зрения получился довольно удачно (скажем, на „четверку“, если считать, что „Отель“ на тройку, а „Улитка“ на пятерку)».

Какая строгая самооценка! Не каждый с нею согласится. Я, например, не соглашусь: «Пикник», безусловно, одна из вершин творчества АБС, равновеликая и «Трудно быть богом», и «Улитке», и «Жуку в муравейнике». Но для понимания авторского взгляда на вещи эта фраза очень важна.

Тем временем «Малыш» (который по БНу вообще где-то между двойкой и тройкой) выходит в «Авроре» в четырёх номерах с августа по ноябрь. Это приятно — есть, что подарить друзьям.

Они ещё неделю проведут вместе, гуляя, болтая о политике, сочиняя письма — в Киев, например, по поводу экранизации «Понедельника». Потом, неожиданно вернувшись мыслями к давнему «Кракену», распишут нечто вроде плана, будут обсуждать новый сюжет — «Страшные события на рифе Октопус», хотя сам по себе топоним «риф Октопус» тоже уже весьма не нов. Но эти идеи ни во что серьёзное не выльются. А под конец они придумывают забавную пьесу о пресловутой mensura Zoili — тут уже последствия, как известно, будут, правда, через десять лет. А двумя днями позже появится запись:

«Пьеса о совести».

Всё та же или другая? Нет ответа.

10 ноября АН уедет, но 1 декабря ухитрится приехать ещё раз, чтобы снова поработать над «Градом» и даже над лёгкой переделкой «Гадких лебедей» с новым, якобы безобидным названием — «Время дождя». Ах, если б дело было в названии! Но последняя надежда ещё тлела. А где-то в ФРГ уже вертели в руках рукопись и прикидывали, куда бы её отдать, или уже решили куда и только размышляли, в какой номер…

Год кончается, квартирный вопрос решён. Найдены три тысячи рублей на аванс (изрядную часть занял у Манина, самого состоятельного тогда из друзей), получена рассрочка оставшейся суммы (что-то около двадцати тысяч) — на пятнадцать лет. Но сам переезд на новую квартиру словно бы и не имеет к АНу никакого отношения. До сего эпохального события остаётся какая-нибудь неделя, а он никуда не торопится. Странно. Дело, конечно, непростое, хлопотное, но ведь всё-таки радостное, а ему важнее быть в Ленинграде у БНа…

Разумеется, Новый год АН встретит в Москве, с семьей. Одновременно отмечается и новоселье — на последнем, шестнадцатом этаже высокого и длинного дома № 119 по проспекту Вернадского в двух шагах от метро «Юго-Западная». Вид оттуда открывается изумительный, особенно с балкона: на другой стороне улицы церковка, а дальше, за нею — кольцевая автодорога и леса, поля, речушки… В ясную погоду, наверно, можно разглядеть аэропорт Внуково, во всяком случае, как самолёты взлетают, видно хорошо. (Кстати, и этот вид из окна — с церковкой, и собственно дом Стругацкого, даже конкретно его подъезд и снаружи, и внутри — вошли в классику советского кино благодаря «Иронии судьбы» — Рязанов именно там всё это снимал.) Было немножко непривычно на новом месте, но вообще всем скорее нравится, и АН будет до самых последних дней любить и свою квартиру, и дом, и прилегающий к нему очень зелёный микрорайон. А главное, теперь у них с братом есть возможность работать в Москве. Правда, на следующий год они её никак не используют. Инерция? Или опять происки Мироздания?

Плодотворность работы в 1972-м оценить трудно. Записи в дневнике АНа коротки, нерегулярны, записи в рабочем дневнике — ещё более скупы и отрывочны.

Уже на Старый Новый год АБС в Комарове. Увлечённо делают сценарий «Понедельника» для киностудии Довженко. Вроде и денег обещали, и на фильм надежда есть, и получается неплохо — самим интересно.

21 января забавная запись:

«В магазине продаётся „Ойло Союзное“, 2 руб. с чем-то».

Вообще, эту восточную сладость с типично советским названием обычно именовали в женском роде — ойла союзная, но с лёгкой руки АБС после «Хромой судьбы» средний род становится общепринятым.

Расставшись в конце января, они встретятся только в начале апреля и с 12-го по 23-е будут писать «Град». Дело пойдёт хорошо, и отдохнув друг от друга меньше месяца, они откроют следующий раунд 21 мая. И вот 27 мая будет закончен черновик «Града обреченного» и даже проведён полный подсчёт по дням — как писался этот роман в шесть приёмов с 19 февраля 1970-го. Объём большой. Темпы впечатляющие. Ситуация непривычная. Получилось не просто здорово — очень здорово. Они сами так считают. А похвастаться практически некому. Ближайшим друзьям? Да стоит ли? Ведь на этот раз они писали свою новую вещь, напрочь забыв о цензуре. Даже ненормативная лексика мелькает, а уж «неуправляемые ассоциации» завели авторов так далеко, что впору отправлять роман сразу в «Посев».

И что это на них накатило?

Расслабившись после завершения, думали над сюжетом космического мультика, заявку на который подадут 10 августа под названием «По следам „Космического Негодяя“», явно напоминающем о песне Высоцкого. Разделили обязанности. АН стал писать сценарную разработку, БН правил «Пикник». Первые замечания из «МГ» уже поступили, и пока ещё казалось, что всё в пределах нормы.

3 июня АН уедет в Москву, и вот там уже станет ясно, что удачи кончились и в целом год не задался.

Жара, торфяная гарь, тяжкие думы и начало восьмилетней войны с «Молодой гвардией» за издание «Пикника». В июле придет седьмой номер «Авроры» с началом повести, журнал благополучно закончит публикацию к октябрю, но в «МГ» всё отложится на неопределённый срок, как и предупреждала Бела ещё на стадии заявки. Конечно, никто пока и не подозревает, как надолго это затянется, в кошмарном сне не придумаешь таких сроков, но предчувствие нехорошее уже есть, тягостно на душе у обоих авторов, погано.

БН летом не столько отдыхает, сколько помогает жене по её научным делам. Жара немилосердная, но он продолжает работать, словно всем назло.

Так же прямолинейно сопротивляется Мирозданию Аркадий:

что-то пишет, что-то переводит с японского и английского, с кем-то встречается, особенно часто с Марианом Ткачёвым. Именно в начале 70-х давние знакомые становятся настоящими друзьями. Пожалуй, в этот период никого ближе у Аркадия не было. Они начинают играть в «Звёздную палату», учредив загадочный орган, в котором Мариан значится президентом, его жена Оксана — почему-то королевой, а Аркадий — канцлером. 12 октября 1972-го сделана первая запись в блокноте Ткачёва, под которой стоят обе подписи:

> «Плод господина Президента зачислен в Звёздную палату в чине лейб-рядового».

Оксана ждет ребёнка, и до самого рождения мальчика Саши 20 мая 1973 года чины и звания его будут неуклонно расти вплоть до майора (независимо от пола). Новорожденный сразу станет полковником, ну и так далее…

Благодаря Ткачёву круг общения АНа в очередной раз расширяется, но в итоге — как обычно — происходит, выражаясь языком спортивным, частичная, но весьма значительная смена состава. В новой весёлой команде состоят: Владимир Брагин, работающий на ТВ; Александр Исаевич Калина, одессит, друг детства Марика, крупный инженер-изобретатель, в конце 70-х уехавший в Америку; Леонид Спекторов по кличке Дантон, искусствовед; Василий Георгиевич Загорский, первый секретарь Союза композиторов Молдавии, регулярно наезжающий в Москву; Владимир Яковлевич Лакшин, блестящий литературный критик; Юлий Крелин (настоящая фамилия — Крейндлин, да уж больно тяжело произносить!), хирург и писатель. Тут же следует назвать и некоторых персонажей, уже знакомых по прежним годам, но тоже входящих в круг постоянного общения Ткачёва, и потому теперь АН видится с ними чаще: Аркадий Арканов, Влад Чесноков, Мира Салганик, Михаил Ильинский, Алексей Симонов, Эмиль Левин, Георгий (Жорж) Садовников, Теодор Гладков. С этими людьми он частенько сиживал и ЦДЛ, а ввиду некоторой стеснённости в средствах всё больше и по квартирам, или в заведениях попроще — например, в знаменитой «антисоветской» шашлычной на Ленинградском проспекте напротив гостиницы «Советская» (откуда и название). Туда удобно было заходить после посещения Литфонда или какой-нибудь писательской квартиры в районе метро «Аэропорт», да и до Марикова дома на Малой Грузинской — тоже пешком дойти, У Марика он, как правило, и бывает. Нередко даже ночует у него. К себе не очень

зовёт. Во-первых, далековато, а во-вторых, Лена всю эту компанию во главе с Мариком недолюбливает, полагает, что толку от них никакого — одно пьянство и пустые разговоры. Разговоры, быть может, и не пустые, а пьянство — это да. В отсутствии видимого противника, то есть без чётко поставленных литературных задач с конкретными сроками, соблазн просто посидеть за столом в хорошей компании весьма велик. Но мы рассказываем о лете 1972-го. Что можно пить в такую погоду? Наверно, только пиво или сухое вино из холодильника. В общем, они так и делали, но ближе к ночи всё же переходили и на крепкие напитки.

Однако и это не помогало. Время тянулось мучительно медленно, словно кто-то заколдовал его. Несколько раз АН даже поддается на уговоры и пробует прятаться от зноя на чьих-то дачах. Например, у тетки Марика в Одинцово (там сделана единственная фотография, где сидят рядом АН, Ткачёв и Арканов). Оказывается, за городом нисколько не легче: на дачах нет душа с горячей водой, зато свирепствуют мухи и комары.

Наконец, наступает осень и становится чуточку веселее. 23 сентября Марик во второй раз женится, теперь на совсем юной восемнадцатилетней Оксане — это в свои-то сорок девять! Оксана очень мила, она наполовину китаянка. Свадьбу играют скромную — в загсе у «Белорусской» и потом у Марика дома, но даже для такого скромного мероприятия Аркадий в своей футболке от тренировочного костюма выглядит как-то уж слишком эпатажно. Лена не сумела уговорить его надеть нормальную рубашку. Про галстук и речи не было. На старой квартире можно было хотя бы взять у Ильи Михайловича. А теперь никто не знает, есть ли вообще в доме такой предмет — мужской галстук. Но репрезентирует АНа то, что он, конечно, становится тамадой на празднике, выдает экспромты, в том числе и стихотворные. Например, в таком духе:

На оливу, сей символ старинный,
Не смотри однобоко и узко.
Что такое олива? Маслина.
Что такое маслина? Закуска.

Подобными виршами были исписаны все стены в кухне у Ткачева — по аналогии со знаменитым буфетом в ЦДЛ. Жаль, что после довольно скорого (в 1976-м) развода Ткачевых и ремонта всем было не до того, и надписи канули в Лету, как смытые волною рисунки на песке.

А тем временем (конец сентября — начало октября 1972-го)

БН впервые едет за границу. Его пригласила в Польшу их переводчица и уже многолетний друг Ирена Левандовска. Тоже событие и, разумеется, приятное. Во-первых, сам факт, что выпускают, пусть хоть в братскую страну, а во-вторых, интересно же! Встречи в Варшаве в основном деловые — с издателями, точнее даже с бухгалтерами издательств. Ирена помогала собрать деньги со всех, кто был должен, а переводов к тому моменту накопилось уже много. Город тоже удалось посмотреть. Меж тем ни о какой перевозке валюты через границу не могло быть и речи. Да и какая валюта — злотые! Деньги надлежало тут же и потратить — на себя и на АНа (по возможности). Посоветовавшись, покупал что-то из одежды и обуви, а для себя — конечно, марки, чтобы деньги не пропали. Увлечение филателией ещё в 60-е было у БНа весьма серьёзным, а теперь он интуитивно или продуманно, но поступает мудро: марки — это грамотное вложение денег, перевод средств в некую универсальную валюту, легко перевозимую из страны в страну. Гонорары были не такими, чтобы на них жить, но всё-таки и не копеечными, тиражи-то в Польше совсем немаленькие: от 30 до 50 тысяч — это даже по советским понятиям нормально.

Обратно он едет, конечно, тоже через Москву, рассказывает о Варшаве АНу и друзьям, заходящим на огонёк. Хоть квартира и на окраине, но всё-таки у самого метро. Многие с удовольствием приезжают. Любопытно, что БН впервые видит эту квартиру именно осенью, правда, ещё по дороге туда.

Ну а почти сразу после отъезда БНа домой на них и сваливается знаменитая история с «Гадкими лебедями». Там же, в «Посеве», издают ещё и «Улитку», но это уже семечки. После «Лебедей» — пусть хоть всё издадут. Вот какая славная запись есть в дневнике:

> «14.11.72 <…> Был у Ильина. Принял он меня любезно. Предложил писать протест. А наш протест насчёт СоТ остался у него, он его не передавал, лежит в моём досье. Досье претолстое. Намекнул, что окажет помощь с МолГв».

АН ощущает жуткую усталость и сбегает из Москвы вместе с Еленой Ильиничной в Малеевку. Там с 1 по 24 декабря он, не торопясь, занимается переводами, придумывает новый сюжет, названный после «Мальчик из преисподней», гуляют с Леной по зимнему лесу, они вместе выпивают по чуть-чуть и смотрят по вечерам кино. Семейная идиллия. Но на душе тревожно, ничего

хорошего не ждёт АН от наступающего года.

В 1973-м первый приезд в Ленинград — в конце февраля, на неделю. Второй — через два месяца, ещё более скоропалительный. Но 23 апреля они успевают написать план «Миллиарда…».

> «1. „Фауст, XX век“. Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.
>
> 2. „За миллиард лет до конца света“ („до Страшного Суда“).
>
> Диверсанты
> Дьявол
> Пришельцы
> Спруты Спиридоны
> Союз 9-ти
> Вселенная…»

О как! За один день придумано всё: и название, и главная идея, и даже варианты объяснения происходящего с уже заложенной внутрь иронией. Особенно хороши спруты Спиридоны. Собственно, им и не надо было ничего придумывать, надо было просто записать не вчера возникшие ощущения. Ад и рай пытаются прекратить не развитие науки, а нагло и уже давно вмешиваются в их творческий процесс.

Как раз в этот период у АНа возникли известные обстоятельства, о которых мы вынужденно умолчим, но заметим, что именно они создали мощный фон, позволивший авторам предположить, что Мироздание больше не шутит, а бьёт по ним прямой наводкой и даже не из стрелкового оружия, а из каких-нибудь установок залпового огня. Надо бы залечь, затаиться, но они продолжают вести боевые действия, двигаясь мелкими перебежками вдоль линии фронта. Именно мелкими: там — неделя, там — вообще три дня. Меж тем написаны не только план, но и заявка на новую повесть — для «Авроры». Работать всерьёз мешает ещё слишком многое. Только 12 мая БН приезжает в Москву писать «Миллиард». Парадокс: такую ленинградскую повесть — начинать в Москве. Не иначе, пытались они перехитрить Мироздание, огорошить его первым опытом совместного творчества на новой квартире. Огорошили. Но выдержать удалось только девять дней.

И заметьте, как осторожно сообщает об этой работе БН, например, в письме Борису Штерну в начале июня:

«Будем писать новую повесть. Уже сейчас видно, что писать будет трудно — и сюжет не простой, и фон для нас необычный. Ладно — бог не выдаст, свинья не съест».

Следующая встреча состоится опять в Ленинграде, но уже для другого. АН нагрянул внезапно в 20-х числах июня и предложил срочно делать тот самый сценарий, придуманный в декабре. Якобы есть шанс запустить его в работу чуть ли не на «Мосфильме» (потом оказалось, что на Одесской киностудии, и деньги были получены именно оттуда). Идея увлекает обоих, и за три дня подробная разработка сценария готова.

А вообще лето в том году весьма бурное.

Маша поступает в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) — при поддержке Шилейко, который там преподаёт. Благополучно.

18 июля на свой сорокалетний юбилей приглашает в Переделкино самый знаменитый поэт в СССР — Евгений Евтушенко, приглашает АНа и, разумеется, Мариана Ткачёва, которого хорошо знает по своим поездкам во Вьетнам. Евтушенко и АН знакомы уже много лет, с большим пиететом относятся к творчеству друг друга, но встречаются редко — слишком разные круги общения, слишком разный образ жизни. Так было и в 60-е, и вплоть до последних дней АНа. Вот почему сегодня, когда я попросил Евгения Александровича поделиться воспоминаниями, он сначала был несколько озадачен, а потом предложил: «Давайте, я лучше напишу». И довольно скоро вручил мне два листа, исписанных размашистым почерком. Этот текст мне хочется привести здесь полностью.

«Антиоболваниватели

Имена Аркадия и Бориса Стругацких останутся в истории отечественной и мировой литературы навсегда. И отнюдь не как имена писателей-фантастов, но как имена глубоких проницательных сатириков и реалистов-философов, изобразивших нашу эпоху метафорически. Как Джордж Оруэлл. Как Евгений Замятин. Как Рэй Брэдбери — в какой-то степени. Вспоминается „Улитка на склоне“. Ею зачитывались ещё в журнале „Байкал“ и в каком-то сборнике, с неё делали бесконечные копии, её добывали всеми правдами и неправдами. И повесть казалась загадочной, а сатира в ней мягкой, но на самом-то деле это было беспощадное разоблачение нашей

сюрреалистической реальности, доходящей до идиотизма.

Совсем недавно мне рассказали, как в Йемене, когда он был разделён на два враждующих государства, в каждом из них сидел советский военный советник, инструктировавший местных, как лучше убивать друг друга. Знай я эту историю раньше, просто уверен, что рассказал бы её Аркадию, а он вместе с братом начал бы писать роман, наполняя сюжет их удвоенной безудержной фантазией.

Они предупреждали общество о многих его болезнях и опасностях, но общество — увы! — не всегда слышало их. И всё-таки что-то проникало в глубины сознания и подсознания современников, и если мы сегодня ещё не окончательно обыдиотились, несмотря на Ниагару ежедневной вульгарности и бесстыдства, низвергающуюся с телеэкранов и со страниц газет, то эта наша всё-таки неокончательная зомбизация — результат всходов тех семян, что проросли в душах лучших читателей Аркадия и Бориса. Их вклад в совесть отечества ещё неоценён, но философия завтрашнего мира будет — надеюсь! — основана не на „Ночном дозоре“ — а на „Трудно быть богом“, на „Сказке о Тройке“, на той же „Улитке…“. Дух отрезвляющих метафорических сатир этих больших писателей ещё поможет нам всем не превратиться в оруэлловскую „Animal farm“. А, согласитесь, разве есть разница, под каким знаком она существует, хрюкает и размножается — под знаком капитализма или социализма?

Братья Стругацкие не требовали от нас беспрекословного „стругацкизма“, но они были и останутся нашими любимыми учителями — антиоболванивателями.

На один манер постригаться,
на пол смахивая мозги,
не позволят нам братья Стругацкие —
оболванивания враги!»

Ещё одним местом, где собирались в 70-х настоящие «враги оболванивания», была квартира Владимира Петровича Лукина в самом начале Ленинского проспекта. Лукин — будущий известный политик, ныне уполномоченный Президента РФ по

правам человека, тогда был сотрудником Института США и Канады, куда АНа по чьей-то рекомендации привели поиски заработка — хоть какого-нибудь, хоть технического перевода! С работой ничего серьёзного не получилось, зато они оказались симпатичны друг другу и стали встречаться регулярно. У Лукина собиралась интереснейшая компания: давно любимый АБС поэт и исполнитель Юлий Ким; другой бард — один из самых знаменитых в будущем — Алик Городницкий; писатель, литературовед, а в дальнейшем и политик Юрий Карякин; выдающийся философ XX века Мераб Мамардашвили, явно родившийся не там и не тогда — тяжко ему было в Советском Союзе, где, кроме марксистско-ленинской, никакой другой философии не признавали… Ах, если бы хоть кто-то записывал тогда увлекательные беседы этих интеллектуалов! Одна надежда: может, в архивах КГБ сохранились записи? Это даже не шутка — квартиру Володи Лукина, после длительной командировки в Чехословакию попавшего в немилость, должны были прослушивать.

Вспоминает Владимир Петрович Лукин

«Их книги я начал читать чуть позже, чем они начали выходить, но всё же задолго до знакомства. Я не фанат фантастики и увлёкся ими не как фантастикой, а как социальной сатирой, облечённой в плоть фантастики, именно эта сторона меня интересовала, а не закрутки всяких технологий. Потом у нас были хорошие дружеские отношения, но как они с братом пишут — это был закрытый сюжет. Насколько я понимал, научная составляющая — это Борис, а литературная — Аркадий, хотя и догадывался, что всё сложнее. Тандем — это же не синхронное катание.

Аркадий не вводил Бориса в наш круг общения, я и видел-то младшего брата буквально пару раз. И не удивился бы, если б он сказал, что меня не знал. Но отзывался Аркадий о нём с большим пиететом — как о писателе и как о человеке.

Аркадий всегда держался очень естественно. На первый взгляд смотрелся таким рубахой-парнем, чуть-чуть грубоватым, даже чуть-чуть солдафонским, был у него этот жизненный опыт. Как-то я сказал ему: „Масло бери“. А он: „Да ты что! Я на него смотреть не могу…“ И рассказал, как во время службы на Дальнем Востоке они десять дней торчали на острове, а из всей еды у них был ящик сливочного масла, ну и ещё сырая рыба, которую ловили руками и ели… с маслом.

Сидим мы, как обычно, у меня — высокоумные философы, ведём очень умные разговоры о всяких страшно умных вещах.

Аркадий как бы отсутствует, его как бы и нет. Или говорит: „Да ну вас, давайте лучше выпьем, давайте я вам анекдот расскажу…“ А потом я беру книжку и вижу, что всё, о чём мы говорили, уже давно ими написано. Нет, может быть, что-то и было написано после, по мотивам наших разговоров, но вообще для него это был пройденный этап. И что особенно важно, у них это всё написано легким, красивым, завлекательным стилем рядом с которым наши заковыристые крючковатые тексты не идут ни в какое сравнение.

С перестройкой у меня началась совсем другая жизнь, и в последние годы мы уже редко встречались. Правда, именно у Стругацкого я познакомился с Гайдаром. А сам Аркадий уже болел, это чувствовалось, он как-то заметно отяжелел во всём.

Нельзя сказать, что он всё хуже относился к своему здоровью — просто годы брали своё. Жизнь — это всегда испытание, а он как человек большой и сильный по своей конструкции, привык конкурировать даже с самим собой. Он с юных лет бегал на перегонки со своим организмом, словно испытывал: „Сколько я выдержу?“ И выдержал он больше, чем можно было себе представить.

Неправильно спрашивать, почему он пил. „Почему“ — слово неудачное в этом контексте. Есть некоторая предрасположенность, она может дополняться напряжёнными обстоятельствами жизни. А души у писателей — с тонкими струнами, и каждая прозвучавшая нота — это стресс, это реакция на грубое вмешательство в личную сферу, на внешнее давление, на чужую боль… И струны эти, чтобы они не лопались, чем-то смазывать надо постоянно. В России в качестве смазывателя тонких струн наиболее популярен именно этот химический препарат. Вот и Высоцкий пример тому же. С ним я тоже был знаком, но не так близко, и втроём мы не встречались никогда.

Когда мы часто собирались вместе, Аркадий ещё не разбавлял коньяк, ему было, в общем, не важно, что именно пить. Помню только его замечательное изречение о сакэ (он не любил сакэ при всей увлечённости Японией): „Сакэ — это напиток, вкус которого соответствует его японскому названию, понятому по-русски“».

* * *

Меж тем с литературной работой у АБС в 1973-м получается не здорово.

Техническими переводами, чтобы классик не умер с голоду, обеспечивает АНа не столько Володя Лукин, сколько (в основном) всё тот же безотказный Лёша Шилейко. Он в это время заведующий кафедрой электроники в своём институте, и куча уникальной документации приходит к нему как раз из Японии. АН японские рефераты щёлкает как орешки, и они с Алексеем даже задумываются над созданием японско-русского технического словаря.

У самого Шилейко как раз всё идёт хорошо, и не только в науке: в соавторстве с супругой Тамарой выходит у них первая научно-популярная книжка — «Кибернетика без математики», пока в издательстве «Энергия» и скромным тиражом. Но лиха беда начало! Следующие выйдут и в «МГ», и в «Детлите», и тиражи там будут впечатляющими. Свой литературный дебют Алексей и Тамара отмечают с Аркадием и Леной в любимом ресторане «Минск» на улице Горького, где то ли мэтр знакомый, то ли повар (сегодня на Тверской такого ресторана нет — сломали вместе с гостиницей).

А ещё в 1973-м победно заканчивается война во Вьетнаме. Об этом будет много разговоров с Ткачёвым и его друзьями, в том числе и самими вьетнамцами. И первые страницы повести «Парень из преисподней» получатся насквозь вьетнамскими — для тех, кто понимает. Правда, сегодня БН уверяет меня, что на Вьетнам там и намёка не было, а весь военный антураж заимствован из полюбившейся тогда авторам книжки писателя из ГДР Дитера Нолля «Приключения Вернера Хольта», оттуда даже взят эпиграф. Но что поделать, если в описании дикой деревни аборигенов на болотах Мариан Николаевич сразу узнал свои рассказы АНу о Вьетнаме? А сегодня уже и переспросить-то не у кого…

И будет в том году 11 сентября (что за Богом проклятый день?) — кровавый переворот в Чили, убийство Альенде, приход к власти Пиночета.

А по холодной и пыльной поверхности спутника Земли мирно покатит уже второй по счёту советский луноход.

В конце лета, судя по всему, АНу удается получить аванс под сценарий, и 10 сентября БН приезжает в Москву доводить текст до ума. Потом они звонят по всяким делам, и всё кругом неутешительно: с договором в «МГ» по-прежнему ничего нового, в «Союзмультфильме» дают полный отлуп по заявке на «Погоню в космосе» (в итоге «Негодяй» называется именно так). Ещё они пишут некий комментарий для «Литгазеты» (никаких публикаций там в 1973 году не отмечено) и, наконец, ходят по друзьям и

принимают друзей у себя: Манины, Мирепы, Ревичи, Биленкины. О «Миллиарде» даже не вспоминают. Не до него уже. Да и к работе над сценарием с длинным теперь названием «Бойцовый кот возвращается в преисподнюю» АБС вернутся лишь во второй половине октября тоже в Москве. А пока 18 сентября они расстанутся и… как в песне: «Дан приказ ему на запад…» Это про БНа, который опять едет в Польшу. АН — совсем в другую сторону: ему предлагают поработать сценаристом на «Таджикфильме». Заманчиво! Он сорвётся туда в свою первую двухнедельную командировку прямо на следующий день — 19-го, и ему там понравится.

Ну а БН едет в Варшаву по уже накатанной дорожке только теперь вместе с женой. Заниматься покупками вдвоём — это совсем другое дело, да и вообще здорово! Получается настоящий отдых за границей. Поездка будет омрачена лишь одним весьма симптоматичным приключением.

В эти годы БН всё больше общается с диссидентами, собственно, многие его друзья мало-помалу становятся вполне сознательными противниками Системы — не только читателями и распространителями, но и авторами самиздата. Почти за год до этого, рассказывая о «Гадких лебедях», АН припишет в письме брату, которое отправляет с Адой, а не шлёт по почте (вот до чего серьёзно всё!):

> «Хотел всё нижеследующее передать с Адкой на словах, однако тут выяснилось, что память у твоей супруги — ой-ёй-ёй. Так что главное доверяю бумаге, а ты уж сам усмотри, сжигать её по прочтении, аль нет. И вообще насчёт всевозможных мер, касательно твоих преступных связей».

Весьма характерно это ироничное, но совсем не смешное дополненьице о «преступных связях».

Так вот, теперь преступные связи БНа распространились и за пределы нашей великой родины; друзья дают ему координаты в Польше, и он знакомится с местными вольнодумцами, а там куда проще доставать запрещенную литературу. И на это противозаконное чтение в номере отеля они потратят львиную долю своего времени. Но Варшава — это всё-таки не Франкфурт-на-Майне, стукачей у них не меньше, чем у нас, и на границе БНу с Аделаидой Андреевной устраивают такой шмон, какого они ни до, ни после не знали. Каждый сверток потребовали развернуть, все карманы предложили вывернуть. У них искали эту самую

антисоветскую литературу. Слава богу, хватило жизненной мудрости ничего с собою не тащить, но ощущение всё равно осталось мерзкое.

Вот ещё и таким образом проявило себя коварное Гомеостатическое Мироздание. Впрочем, пока оно предпочитает водить АБС за нос, заманивая их невесть куда мифическим кинопроектом. Что показательно, они впервые получат за свой кинотруд все сто процентов гонорара, но в будущем не только не будет никакого фильма, но и текст сценария исчезнет безвозвратно.

Однако АБС и тут всех перехитрят. Параллельно со сценарием они задумают и в следующем году быстро и с удовольствием напишут небольшую повесть на тот же сюжет. Напишут и без проблем пристроят в «Аврору».

Ну а в конце года им уже не придётся поработать вместе. АН, правда, предлагает сделать из отвергнутого мультфильма сказку для журнала «Костёр». Может быть, они бы ещё успели. Но БН не хочет. Ему это скучно. Ему гораздо интереснее предложить Дмитревскому безобидную главу из «Града обреченного» — пусть подумает, где это можно печатать. Дмитревскому нравится, но опубликовать, конечно, не удается.

И ещё БНу интересно набрасывать в рабочем дневнике смешные тексты на подобие тех, что они вдвоём придумывали в течение года, пребывая в несколько раздрызганном состоянии. Большая часть этих сюжетов через десять лет будет небрежно перечислена в «Хромой судьбе» под видом современных сказок Феликса Сорокина, что-то ляжет в основу «Повести о дружбе и недружбе», что-то пропадёт навсегда…

Меж тем АН 10 декабря вновь спасается бегством, улетая в Таджикистан на заработки. Ведь когда соавторы не вместе, Гомеостатическое Мироздание полностью утрачивает к ним интерес. А там, в Душанбе, дела серьёзные — сценарий двухсерийного телефильма и девять тысяч рублей на финише. Правда, фантастики в этом «шедевре» никакой. И для БНа работы нет, так что это очень похоже на известную схему из будущего «Миллиарда», когда Мироздание покупает человека, как покупали героя повести Вальку Вайнгартена.

Итак, АН «продался». Объявлено перемирие до февраля.

И «Малыш» выходит в лениздатовском сборнике «Талисман» с чудесными иллюстрациями Льва Рубинштейна; и первую главу «Пикника» Беле Клюевой удается пропихнуть в заключительный 25-й том Библиотеки современной фантастики; и переведённые АНом новеллы Уильяма Джекобса под общим названием «Старые капитаны» выйдут в альманахе «Мир приключений»; а в журнале

«Азия и Африка сегодня» — рассказ Тору Миёси «Девушка для танцев». Год завершается на вполне мажорной ноте.

Новый 1974 год АН встретил в Душанбе.

30 января он возвращается в Москву, а уже 1 февраля на него сваливается БН. Во-первых, соскучился. А во-вторых, время не ждет. Всё придумано, все идеи созрели, надо садиться и писать. За пару недель будет сделан черновик «Парня», и после совсем небольшого, недельного перерыва АН — алаверды, — прибудет в Питер. Но там с 20 февраля они только размышляют над чистовиком (что-то новенькое в творческом процессе!), а через три дня вместе едут в Москву с тем, чтобы ещё за десять дней выдать готовый чистовик. Всё очень нетипично. Не было такого ещё ни разу: ни столь короткого зазора между черновым и окончательным вариантом, ни странных размышлений, ни таких внезапных совместных перемещений. И повесть получилась нетипичная.

Да, «Парень из преисподней» — так она будет называться — станет самым незначительным из всех произведений АБС: без серьёзных открытий, без глубоких подтекстов, без неожиданных поворотов, но ведь и без претензий! А уровень мастерства уже таков, что читается книга на «ура» и образы созданы живые, запоминающиеся. И как ещё один точный мазок, дополнивший масштабное полотно мира Полдня, «Парень» был совсем, ну, совсем не лишним. Его, как и все вещи АБС, тоже приятно и любопытно перечитывать сегодня.

1 марта «Парень» полностью готов к публикации и днями будет отправлен в редакцию. Повесть выйдет в двух последних номерах года, а в восьмом номере «Аврора» по ошибке даст рекламу «Миллиарда», а не «Парня». Ах, какая неслучайная случайность! Ах, какой тонкий намек Мироздания авторам: не пишите! Всё равно ничего не получится. Этот совет немного опоздал, в июле они уже до половины сделали черновик.

А тогда, в марте, казалось бы, передохнуть ещё недельку — и с новыми силами в бой, навалиться на «Миллиард», но… У АНа голова занята чем-то совсем другим. Он неплохо отдохнул на южном солнце, удрав от давно опостылевшей московской зимы — то морозной, то слякотной, — но дело далеко не сделано, и главное, студия не заплатила пока ни копейки, кроме денег на билеты и командировочных. Он постоянно переписывается с тамошними людьми, прикидывает, когда ехать снова. В этой суете и нервотрепке пройдёт полтора месяца — абсолютно не рабочих.

В «Худлите» выйдет роскошный том Акутагавы в «Библиотеке всемирной литературы» с участием, разумеется, А. Стругацкого и даже с его немаленьким предисловием. В «Мире» — рассказ

Фредерика Брауна в сборнике с переводами С. Бережкова. Ну, вышли книжки — и хорошо. Это — не возбраняется.

18 апреля АН улетит в Душанбе уже конкретно за гонораром. Оттуда перед майскими праздниками напишет брату:

> «Чувствую себя прекрасно. Этот крайний юг действует на меня удивительно. М.б., дело в том, что нет здесь нашей нервотрепки?»

Планирует вернуться 13-го, но ему там настолько хорошо, что он задерживается ещё на две недели. Без всякой видимой необходимости. Впору просить политического убежища в Таджикистане. Только ведь не поймут: он же не от власти бежит, она и в Душанбе советская — он от Мироздания прячется. Но сколько веревочке ни виться…

Конечно, БН не пишет ему о своих проблемах — разве о таком пишут? — но некая тревога ощущается даже через тысячи километров, или просто совесть больная просыпается: сколько можно отлынивать от главного дела своего? Пора и честь знать.

В Москве АН ещё будет некоторое время делать вид, что никакая такая повесть над ним не висит. Впрочем, вот что он пишет в Душанбе Леониду Пащенко 30 мая:

> «Вернулся в Москву и, прежде всего, раздал долги. Теперь у меня их осталось рублей триста, и я поистине вздохнул с облегчением. Всё-таки триста, а не полторы тысячи. Сейчас опять сажусь заниматься денежными пустяками. В Ленинград съездить и поработать по-настоящему по домашним обстоятельствам не удалось. Придётся ждать для этого июля. Подождем, не впервой».

Помнит, что пора. Но… не едет. Какие-то у него там обстоятельства. И всё-таки июля не дождется — в Питер приедет 24 июня. И тут уже БН начнет вроде как Ваньку валять. Разговор пойдёт о чем угодно, только не о «Миллиарде». И, наконец, АН поймет: брат его просто напуган, напуган до такой степени, что признаться страшно…

Пока он там жевал восточные сладости и запивал их молодым вином, БН отыскал в старом красном томике японской поэзии 1954 года издания идеальный эпиграф к повести, может быть даже и не эпиграф, но суть её, квинтэссенцию — вот эти

просто волшебные строки Ёсано Акико, — и с удивительным изяществом подредактировал перевод самой Веры Николаевны Марковой:

Сказали мне, что эта дорога
Меня приведёт к океану смерти,
И я с полпути повернул обратно.
С тех пор всё тянутся передо мною
Кривые, глухие, окольные тропы…

Не только поменял женский род на мужской — это само собой, но и нашёл «обратно» вместо «вспять» и «передо» вместо «предо».

Ну, знаете, за такую находку Мироздание по головке не погладит. Оно и ударило наотмашь. Неожиданно, больно, подло.

22 апреля (символично — в день рождения Ильича) арестовали Мишу Хейфеца. Близкого друга. Попался он на «распространении» статьи собственного сочинения «Иосиф Бродский и наше поколение». Распространение заключалось в том, что он давал читать написанное хорошим знакомым, один из которых оказался не очень хорошим и заложил Хейфеца. А для состава преступления хватило бы и просто имени опального, изгнанного поэта в названии статьи. Но написана не просто статья — написан по существу манифест целого поколения — поколения несогласных. И написан блестяще. Система таких вещей не прощала. Одно лишь начало чего стоило:

> «Взаимное непонимание людей двух миров, раскинувшихся по разные стороны „железного занавеса“, — одна из самых увлекательных проблем для будущего социального психолога.
>
> Даже наиболее эрудированные западные политики и советологи, когда берутся судить о советских делах, выглядят в нашей стране наивными людьми, обладающими поразительно интересной информацией, но в то же время неспособными правильно почувствовать суть элементарных для советского жителя проблем».

А ещё там были такие, например, обидные для чекистов пассажи:

«…Бродский был слишком мелкой сошкой, чтоб на него обязательно тратили умственную энергию те немногие деятели ГБ, которые мыслят, составляя следственную игру».

И всех, включая самого БНа и Аду, таскали в Большой дом как свидетелей, как людей читавших этот непотребный для советского гражданина текст. Или как подозреваемых. В Советском Союзе это была очень зыбкая грань. А между подозреваемым и обвиняемым порою и вовсе никакой грани не было… И навалилась сразу такая мешанина чувств: и Мишку жалко, и себя жалко, и зло берёт, и ярость захлестывает, и хочется пойти одному за всех — на смерть, на подвиг, и хочется грудью лечь на амбразуру… и заснуть, и чтобы никто не трогал больше, и ну их всех к чёрту, в конце концов, всё уже случилось, тем — не помочь, а этим — необходимо, и, если до конца честно, то у него есть жена и сын, и мама, и это намного важнее всего остального, да, да, да!.. Или на самом-то деле всего сильнее страх? Древний как мир, обыкновенный страх, тёмный, липкий и дурно пахнущий…

Буквально на следующий день после приезда АНа его и вызвали в очередной раз *туда*.

В рабочем дневнике есть запись:

«Б. был в ГБ».

Стихотворная строчка. Посильнее «Фауста» Гёте и танки Ёсано Акико.

Какая уж там работа после таких испытаний!

В течение трех дней они обсуждают нечто очень отстранённое, нечто предельно далёкое от главных проблем. Эскапизм. В чистом виде.

Пока были не вместе, они оба, не сговариваясь, занимались практически одним и тем же — писали сказки. Для детей. То есть занимались тем, чего никогда не умели. Для отвода глаз. Страусиная политика. Но… что выросло, то выросло. У АНа условия были идеальные, поэтому он свою сказку, состряпанную из мультфильма и уже обдуманную вдвоём, закончил целиком и даже успел в редакцию отдать, прямо там, по месту написания — и со дня на день ждал седьмого номера журнала «Памир». А там и гонорар за это благородное дело полагался. БН свою сказку пока только придумал и так, немного текста набросал чернового,

поэтому теперь решил припахать АНа для преобразования этой болванки неотёсанной в заявку на сценарий. Почему-то они решили, что это должен быть полнометражный телефильм. И за три дня, невзирая на все бесчинства КГБ, сотворили вполне внятную бумагу для телевидения.

Потом АН уехал. Ясно было, что БНа уже не посадят — так, страху натерпелся и хватит с него. А подробности… Наверно, и правда не стоило старшему влезать в подробности той истории. Меньше знаешь — крепче спишь. Это не пошлая житейская мудрость — это истинная правда. От расползания информации подобного рода риск возрастал для каждого, а это было никому не нужно.

Аркадий уехал. Борис остался переживать свои проблемы.

Если б не было так тяжело в тот момент, может, и не получилась бы повесть такой… Какой она получилась. Не повесть, а крик отчаяния, не слова, а нервы оголенные.

Грех благодарить тех, кто всё это устроил, но факт остаётся фактом — без них, родимых, это была бы и вправду повесть о том, как ад и рай тормозят развитие доблестной советской науки.

Помню, когда я разговаривал с Александром Николаевичем Сокуровым и рассказал ему о тайном смысле повести, которую он имел честь экранизировать, мэтр разочарованно протянул: мол, это же так скучно, так мелко — какое-то КГБ… Никогда бы не стал он снимать фильм о противостоянии КГБ. Мироздание — это другое дело.

И в самом общем виде, Сокуров, конечно, прав. Много чести КГБ — равнять его с Мирозданием. Но если спуститься с небес на землю, то, извините, всё наоборот: Гомеостатическое Мироздание — оно то ли есть, то ли нет его, то ли с большой оно буквы, то ли с маленькой, и можно рассмеяться ему в лицо, и теплом улыбки и силой любви своей победить вселенский кошмар и вечный холод. А с КГБ и любым подобным учреждением такие феньки не проходят. Поздно иронизировать, когда кишки наматываются на гусеничные траки. И кстати, уж извините, супротив водопроводной трубы, которую прорвало, ирония и жалость (а также любовь и нежность) тоже совершенно бессильны.

Вот почему, на мой взгляд, у любой повести, у любого фильма идея должна быть глобальной, пусть даже абстрактной, но чтобы повесть эта брала читателя за горло, писать её надо отталкиваясь, отлично пережитого, будничного и потому самого жуткого кошмара. АНа в КГБ не таскали, у него были совсем другие, куда более частные проблемы, но делать свой выбор в те дни ему было ничуть не легче, может быть, даже тяжелее, чем любому из героев этой страшненькой автобиографической

повести.

И что же, спросим ещё раз: существует в реальной жизни это проклятое Мироздание или придумали его Стругацкие как одноразовую хохму — на одну повесть, на несколько часов мысленного эксперимента, а потом дочитал, захлопнул книжку — и всё, выдохни. Вокруг спокойно и безопасно. Ой ли!

Осенью 1978 года молодой писатель Сергей Сухинов спросил мэтра, сидя у него дома:

— Аркадий Натанович, а вы сами-то ощущаете это давление?

Был вечер. За окном черно. В кухне полумрак. На столе бутылка коньяка, уже пустая на две трети, и большие яблоки, разрезанные пополам. Классик долго молчал. Ответить было несложно, но видно, прикидывал, стоит ли. Похоже, это была самая закрытая, самая личная для него тема.

— Видишь ли, Серёжа, мы всё время делаем не совсем то, что надо высшим силам, и они постоянно вмешиваются в нашу жизнь…

Так и сказал. Сергей точно это запомнил.

А вот что написал БН в своих «Комментариях…» по поводу вполне конкретного аспекта их деятельности:

> «…Она *(повесть „Пикник на обочине“. — А.С.),* безусловно, не содержала в себе НИКАКИХ нападок на существующий строй, а наоборот, вроде бы лежала в русле господствующей антибуржуазной идеологии… Так почему же тогда, по каким таким **загадочным — мистическим? инфернальным?** *(выделено мною. — А.С.)* — причинам обречена она оказалась на прохождение через издательство в течение ВОСЬМИ с лишним лет!»

Кажется, не слишком типичная лексика для учёного-астронома и прожжённого материалиста. Допекли, называется.

Сборник под названием «Неназначенные встречи», куда по предложению авторов включили три повести о контактах с инопланетным разумом («Отель», «Малыш» и «Пикник»), стоял в планах издательства на 1972 год. И первым локальным ударом он был не то чтобы передвинут на 1973-й, а просто задвинут бог знает куда с невнятными отговорками. Редакцией тогда по-прежнему руководил Жемайтис, и он ещё дважды вставлял сборник в ежегодные планы, и Бела Григорьевна терпеливо готовила новые варианты договора, однако нормально работать им уже не давали. Менялось руководство наверху, менялось

настроение главного редактора Осипова, и кто-то упорно намекал ему, что со Стругацкими лучше не связываться вообще, да и с Жемайтисом, строго говоря, тоже.

У Белы Клюевой сохранился экземпляр договора от 10 мая 1973 года. Повести там не перечислены, правда, указан объём — 24 листа, — и ставка — 300 рублей за лист в случае массового тиража, — но тираж какой-то чудной — 15 000, отнюдь не массовый по тем временам вообще, а для Стругацких — просто несерьёзный.

Но всё это уже не имело ровным счётом никакого значения, потому что через год и этот договор будет аннулирован. Сергей Георгиевич перед самым своим увольнением в 1974-м ещё успеет подсунуть директору Ганичеву очередную редакцию договора, но тот положит его под сукно и теперь уже надолго — хлопотать за Стругацких станет некому, кроме них самих.

Никогда раньше сами за себя они нигде никого и ни о чём не просили, а тут вдруг закусили удила и поняли: надо. И решили не сдаваться ни за что, стоять насмерть, идти до конца. Не как Малянов, а как Вечеровский…

Повесть «За миллиард лет до конца света» была написана фактически в три приёма. С 15 по 24 июля БН приехал в Москву специально для этого, и они сделали больше половины черновика. С 5 по 16 сентября в Комарове закончили черновик, и не могли им помешать ни новые, непривычные зубы АНа, которыми он занимался весь конец августа, ни даже двухдневное отсутствие БНа — он был в городе, на суде по делу Хейфеца — 9 и 10 сентября. Наконец, с 26 ноября по 5 декабря опять в Комарове они с разгону, без остановок преодолевают последний этап, и готов чистовик, на семь страниц короче черновика. Всё. Победа! Понимают ли они, что главные бои ещё впереди? Наверняка понимают. Ведь повесть должна дойти до читателя, а это с каждым годом получается всё труднее и труднее… «Аврора» почти взяла повесть, но летом 1975-го вдруг потребовала перенести действие её, скажем, в США. Это безумие, и авторы откажутся. Но в другом журнале им повезёт больше. Верные друзья из редакции «Знание — сила» — Роман Подольный, Таня Чеховская, Галя Вельская — сумеют протащить рукопись через все препоны. Конечно, не без задержек, не без правки, но всё-таки и не через восемь лет. С сентябрьского номера 1976 года «Миллиард» начнет выходить в популярном массовом журнале, имевшем тогда тираж 550 тысяч. Но с книжной публикацией окажется сложнее. Чтобы она состоялась, придётся сначала победить главного монстра на службе Гомеостатического Мироздания — «Молодую гвардию», издательство, становящееся

на глазах не просто равнодушным, но враждебным для АБС.

Об этом — наша следующая глава.

Заключительный аккорд

Это было в конце 70-х. Новую повесть «За миллиард лет до конца света», только что опубликованную в журнале «Знание — сила», АН решил отнести в издательство «Советский писатель» и предложить им сделать сборник. Поскольку остальные вещи являлись переизданиями, рецензия потребовалась только на «Миллиард». К тому времени знакомых в литературном мире у АНа было уже полно, нашёлся кто-то и в «Совписе», так что отношение в целом было вроде доброжелательным. В какой-то момент всё зависело от рецензента. И тут повезло: им оказался Георгий Витальевич Семёнов, хороший писатель и человек глубоко порядочный, а плюс к тому он ещё и жил на Малой Грузинской в одном доме с Мариком Ткачёвым и Жоржем Садовниковым, встречался с Аркадием и там, и там, а уж в ЦДЛ они точно пивали не раз. Но Семёнов, чудак, прочесть прочёл, а рецензировать отказался. Для него фантастика вообще в этом мире не существовала, не понимал он её ни в каком виде. Прозу писал сугубо традиционную — в духе Юрия Казакова, с которым дружил и даже считал себя его учеником. А это, говорит, не моё. Даже какие-то хорошие слова сказал, но писать не взялся. Ну, нет так нет. Стругацкий сам за себя просить не привык — это был принцип. Но Жорж Садовников уж и так и так объяснять пытался: «Ты пойми, тезка, у Аркаши очень сложное положение, ему сейчас помочь надо, ведь это ж просто повезло, что к тебе попало!» А тот — ни в какую: «Да не могу. Ну, как я буду писать о фантастике?» «При чем тут фантастика? — кипятился Жорж. — Ты сними листочки с этой капусты, разгляди кочерыжку, уверяю тебя — это литература. Про неё и пиши».

Тяжело с талантливыми писателями. У каждого — свои закидоны. Уговорить не удалось. Отдали другому. Другой совсем не понял. Или наоборот — слишком хорошо понял и зарубил. Издание отложили лет на шесть или семь.

Но у истории этой было забавное продолжение.

Семёнов всегда работал по ночам. Привычка осталась с тех пор, когда жил в большой семье, в коммуналке и писалось ему только, если все засыпали. Бывало, он будил жену свою Лену среди ночи, прочтёт ей абзац, другой, получит от неё заслуженное восхищение и продолжает, а она засыпала. И вот как-то после

очередных возлияний в ЦДЛ вместе со Стругацким накатило вдохновение, и он писал, не глядя на часы. Ночь была ясная, лунная. И вдруг… Открывается балконная дверь, и входят оттуда двое. Вроде люди как люди, но ведь десятый этаж… А у самого ни страха, ни тревоги, и совершенно ясно, что это — пришельцы. Ну, здравствуйте. И они ему так заботливо, по-отечески объясняют, в чем причина всех его бед и неудач. А он слушает и верит им. Да и как не поверить, когда всё так понятно и просто! Спасибо, говорит, вам, спасибо. И они ушли. Семёнов потом клялся, что он не засыпал за столом, что это не во сне было, рукопись свою показывал, на которой и записал всё самое главное. Первый, кому он позвонил утром, был, конечно, Стругацкий. Ну а с кем ещё можно всерьёз поговорить о пришельцах.

— Аркаша, — проговорил он с ужасом и восторгом, изложив предысторию. — Они мне сказали, что Я НЕДООЦЕНИВАЮ КВАНТОВУЮ ЭНЕРГИЮ ОТРАЖЁННОГО ЛУЧА. В этом всё дело. И ночью это было так понятно! А теперь…

— Квантовую, говоришь? — солидно запыхтел Аркадий. — Интересно. Очень интересно. Я тебе вот что скажу, энергию отражённого луча ты и в самом деле сильно недооцениваешь, я бы сказал, очень сильно.

Сердце писателя Георгия Семёнова застучало часто-часто и ухнуло куда-то вниз живота. Подумалось: «Ну, вот и всё…»

— Однако, видишь ли, — продолжал Стругацкий, — поскольку ОНИ говорили о квантовой энергии, дело намного проще. Намного, — он выдержал театральную паузу. — Пить надо меньше. (Тишина в ответ.) Але, Жора! Надо меньше пить.

Глава шестнадцатая
ИСТОРИЯ ОДНОГО ОДЕРЖАНИЯ

«Будьте прокляты, поклонники серятины!»

Из дневника А. Стругацкого,
12 ноября 1961 г.

Принято считать, что 60-е годы были для АБС сплошь удачными, а 70-е — наоборот несчастливыми. По формальным библиографическим данным так и получается. Да и главную свою битву с Системой — за «Пикник на обочине» они вели аккурат с 1970-го (заявка) по 1980-й (выход книги). Однако, по сути, в начале 70-х ничего принципиально нового не происходило. Просто усиливалась напряженность, происходила какая-то концентрация отрицательной энергии вокруг АБС. Конкретные же события грянули в 1974-м, вот почему именно этот год мы и считаем пограничным, переломным. Стругацкие написали свой «Миллиард», а Система не выдержала, наконец, ощерилась яростно и начала плеваться оргвыводами. И никакой мистики тут не было, даже никакого совпадения по датам. Просто так уж вышло. 1974-й — год написания одной из лучших повестей и он же — год окончательного развала прежней редакции фантастики в «МГ».

Вот что пишет АН брату 10 июня:

> «Жемайтиса ушли с работы. На его место назначают болвана Медведева — помнишь, он состряпал в „Технику — молодёжи“ идиотское интервью с нами».

Интервью (№ 7, 1967) и впрямь было глуповатое и фальшиво пафосное. Но тогда и в голову не могло прийти, что этот мальчонка, набивавшийся в ученики, уже планировал для себя роль Иуды. Медведев оказался не просто болваном. АН и сам подкорректирует свою оценку через три месяца, 22 сентября:

> «Была у меня беседа с Медведевым. Как и ожидалось, он категорически против ДоУ *(„Дело об*

убийстве“ — первое название 'Отеля „У погибшего альпиниста“. — А.С.). Я повторил ему всю аргументацию, которая нами выработана. Кажется, не помогает. Тогда я объявил, что иду в ЦК. Тут он съёжился, но храбро пискнул, что-де и в ЦК не побоится высказать своё мнение. **Сволочь он, вот что**. *(Выделено мною. — А.С.)* Сейчас он укатил в отпуск. Приедет — будут вместе с начальством плести козни. Это уж точно. Погром он в фантастике учинил дикий, оставил всего два названия на 75 год, а Беле на днях предложил искать другую работу. Конечно, у него за спиной все эти подлецы из руководства — от Ганичева до Авраменко».

Валерий Николаевич Ганичев — это тогдашний директор «МГ», Авраменко — зам. главного редактора Осипова. Её имя и отчество выяснить «на раз» не удалось, а «на два»… стоит ли? Вот имя-отчество Медведева в кругах фантастов известно хорошо. Всё-таки ещё с начала 60-х Юрий Михайлович, уже в то время сотрудник редакции «ТМ», посещал семинар Клюевой и Жемайтиса. Взбалмошный и чересчур сладкий красавчик, как характеризует его Бела Григорьевна, отличался диссидентскими (или уже тогда провокаторскими?) замашками и приносил откуда-то перепечатанные на машинке экземпляры «Собачьего сердца» и «Доктора Живаго», не менее запрещённую «Лолиту» на английском. В общем, косил под своего. Но никогда таковым не был. Его литературные опусы коллеги всерьёз не восприняли. Отсюда всё и началось. Медведев полагал себя великим писателем, другие такого мнения не разделили, и он начал тихо ненавидеть всех мало-мальски успешных литераторов, а самых успешных ненавидел ну просто до икоты. Бывает белая зависть — зависть-восхищение, зависть как стимул к работе. Бывает чёрная зависть, зависть-обида, сжирающая изнутри, заставляющая желать худшего всем, кто тебя обошёл. А бывает ещё хуже, когда желание пакостить переходит в активные действия, когда завистник, терпеливо выждав момент и заняв выгодную позицию, начинает вредить всем, кто умнее, лучше, талантливее…

Медведев разогнал старый коллектив, набрал вместо опытных умных редакторов таких же остолопов, как он сам. Ни тщательный отбор, ни тщательная редактура больше не требовались. Принципы включения авторов и книг в издательский план стали совсем другими, их было несколько у новой редакции, и все — один гаже другого. Во-первых, мнение начальства и высшего партруководства — это, конечно, святое. Во-вторых, чем

бездарнее, тем лучше: оно и безопаснее и зависть не так сильно ест глаза. В-третьих, «ну как не порадеть родному человечку»! И, наконец, в-четвертых, родным человечком мог стать любой, кто приходил с деньгами и подарками. Да, да, о взятках в новой редакции рассказывали многие, в ужасе закатывая глаза: ведь неслыханное дело для советского работника идеологического фронта!

Вот и судите сами, на какое место в издательском плане «МГ» могли рассчитывать АБС, исходя из этих принципов.

А ведь перемены в издательстве начались ещё в 68-м, когда директором вместо ушедшего в СП СССР Юрия Верченко довольно внезапно стал Ганичев — до этого всего лишь зам. главного редактора журнала «Молодая гвардия», зато опытный комсомольский функционер с более чем десятилетним стажем. «Умные нам не надобны. Надобны верные» (помните в «Трудно быть богом»?) — как раз с 68-го этот лозунг делался год от года все актуальнее. И Ганичев продержался на «МГ» долго — целых десять лет. Не станем оценивать его работу в части других подразделений, но от редакции фантастики после его ухода осталась просто выжженная земля. В 78-м бог миловал фантастов: Ганичева перевели на должность главреда «Комсомолки». И даже если это не было явным понижением, все хорошо знали: Валерий Николаевич в чём-то прокололся перед партией и не случайно уже в 80-м вовсе вылетел из номенклатурной элиты, на долгие годы возглавив «Роман-газету» в «Худлите».

Медведев оказался ещё более жалкой и ничтожной фигурой. Отработав всего четыре года на должности заведующего редакцией — должности для него солидной, греющей самолюбие; объективно — очень средненькой (так, трамплинчик для будущей карьеры); а для фантастов, к сожалению, — определяющей очень многое — так вот проработав на этой должности и потом уйдя вместе с Ганичевым в «Комсомолку», он так и не добился больше ничего, так и остался широко известным в узких кругах как человек, который постоянно гадил Стругацким.

Стоило ли предварять нашу главу этим несколько длинноватым вступлением о недостойных персонажах. Как это не грустно, стоило. Слишком часто их имена мелькают на страницах писем АБС, особенно эта звериная фамилия. Медведев был, пожалуй, единственным, кого они, будучи людьми весьма добродушными и доброжелательными, иногда впрямую называли врагом. Он торчал в их биографии, как ржавый гвоздь в подошве, — выдернуть бы и выкинуть подальше! Но бывает же просто некогда или невозможно — не дотянуться, а по ходу боя гвоздь в сапоге у солдата мог сыграть и роковую роль… По

счастью, обошлось. Стругацкие вынесли всё это, сдюжили, победили. Но крови было попорчено изрядно.

И при этом к любопытному и неожиданному для меня выводу приходит БН в своих «Комментариях…»:

> «Мы ведь искренне полагали тогда, что редакторы наши просто боятся начальства и не хотят подставляться, публикуя очередное сомнительное произведение в высшей степени сомнительных авторов. И мы всё время, во всех письмах наших и заявлениях, всячески проповедовали то, что казалось нам абсолютно очевидным: в повести нет ничего криминального, она вполне идеологически выдержана и, безусловно, в этом смысле неопасна. А что мир в ней изображен грубый, жестокий и бесперспективный, так он и должен быть таким — мир „загнивающего капитализма и торжествующей буржуазной идеологии“. Нам и в голову не приходило, что дело тут совсем не в идеологии.
>
> Они, эти образцово-показательные „ослы, рожденные под луной“,[7] и НА САМОМ ДЕЛЕ ТАК ДУМАЛИ: что язык должен быть по возможности бесцветен, гладок, отлакирован и уж ни в коем случае не груб; что фантастика должна быть обязательно фантастична и уж во всяком случае не должна соприкасаться с грубой, зримой и жестокой реальностью; что читателя вообще надо оберегать от реальности — пусть он живет мечтами, грезами и красивыми бесплотными идеями… Герои произведения не должны „ходить“ — они должны „выступать“; не „говорить“ — но „произносить“; ни в коем случае не „орать“ — а только лишь „восклицать“!.. Это была такая специфическая эстетика, вполне самодостаточное представление о литературе вообще и о фантастике в частности — такое специфическое мировоззрение, если угодно. Довольно распространенное, между прочим, и вполне безобидное, при условии только, что носитель этого мировоззрения не имеет возможности влиять на литературный процесс».

Какое удивительное благодушие! Какое доброе отношение ко всей этой своре так называемых редакторов во главе с Медведевым! Да у них вообще не было никакой эстетики и никакого мировоззрения, а если и было у кого-то, то думали они всё равно не о том. Пока АБС размышляли над сверхзадачей, над

стилистическим решением, над нравственными критериями, — эти, роняя слюну с клыков, думали только об одном: как бы ещё побольнее укусить, за какое место, чтобы сразу довести авторов до истерики, до инфаркта, до подачи заявления в ОВИР…

Ну, как ещё объяснить, что они все так дружно и ревностно встали на защиту народной нравственности от одной единственной повести (к тому же опубликованной, то есть прошедшей уже Главлит). Не абсурд ли это? Конечно, кто-то правильно подметил, что «Пикник» никаким боком не втискивался в прокрустово ложе советской фантастики. Но если внимательно читать АБС, то они ещё в 65-м отошли от принципов соцреализма раз и навсегда. Выходит, идеологи наши прошляпили это дело, а тут заметили — и давай на себе волосёнки рвать от злости. А с «Пикником» им просто повезло. Во-первых, ну, совсем не по-нашему написано — разве можно так? А во-вторых, с таким мастерством, что прямо дух захватывает: чем совершеннее произведение, тем больше удовольствия его изуродовать.

Долгие восемь лет шло к советскому читателю книжное издание «Пикника на обочине» — самой знаменитой повести АБС по международным оценкам (некоторые считают ее вообще лучшей у авторов). За это время по ее мотивам Тарковский успел снять гениальный фильм «Сталкер» (некоторые считают его лучшим у режиссёра). За это время повесть издали двадцать два раза на девяти языках в десяти странах, включая Японию, Швецию, Францию, США (девять изданий) и даже Аргентину. И, наконец, за это время на русском языке — благодаря журнальной публикации — повесть была размножена всеми мыслимыми способами в таком количестве экземпляров, на какой у «МГ» бумаги уж точно не хватило бы. Это не просто шутка, скорее сарказм, ведь таков был один из дежурных вариантов отписки. Вот, например, что пишет АН 5 июня 74-го:

> «Ганичев весьма вежливо сообщил, что они не отказываются от Стругацких, но у них плохо с бумагой, а в портфеле издательства годами дожидаются своей очереди рукописи авторов, гораздо более талантливых и нужных нашей молодежи, нежели Стругацкие».

Можно, конечно, найти и точную цитату из какого-нибудь официального ответа. Но стоит ли? Есть ли смысл приводить все варианты нелепых отписок? А также перечислять все аргументы, которыми пытались в ответ оперировать АБС в своей борьбе?

Рассказать обо всей переписке по порядку? Неблагодарная задача. Авторы сами, впервые в 77-м (а ведь тогда борьба была ещё в самом разгаре) хотели подготовить сборник этих документов с комментариями. Названия предлагались разные, в итоге лучшим признали такой: «История одного одержания» (неологизм взят, разумеется, из их собственной повести «Улитка на склоне»). В 80-м подготовили. Да кто б его издал тогда? А когда можно стало, слишком много другого интересного появилось. А ещё позднее подобное издание сделалось элементарно нерентабельным. Сегодня читать все это готов лишь весьма узкий круг фанатов и специалистов, а затраты на подготовку и выпуск потребуются немалые.

В собранных АБС двух толстенных папках хранится 181 (!) документ — одна только опись занимает несколько страниц. Помимо договоров, и прямого эпистолярного общения между авторами и издательством на разных уровнях, там ещё и переписка с ВААПом, и с ЦК КПСС — это же целая бюрократическая поэма!

Если честно, не хочется даже расписывать по хронологии, как это всё происходило. Не было там никаких заметных событий в этой тихой, изматывающей войне. События — совсем другие события — шли своим чередом: творческие и бытовые, политические и семейные, радостные и печальные, неожиданные и давно запланированные — всякие; а безобразно затянувшееся противостояние с «МГ» было просто фоном — тяжёлым, скверным, удушливым фоном всех этих лет. И каких лет! По идее — лучших лет в жизни писателя: младшему брату — от сорока до пятидесяти, старшему — от пятидесяти до шестидесяти — возраст, когда интеллектуальная зрелость уже достигнута, а проблемы со здоровьем ещё не начались всерьёз; возраст, идеально сочетающий энергию и мудрость. И как раз этот период оказывается у них отравлен почти безрезультатной, но, к сожалению, совершенно неизбежной борьбой чёрт знает с кем и с чем. Руки, которые могли бы написать очередную страницу «Жука в муравейнике», пишут письмо товарищу Зимянину или товарищу Демичеву. Головы, которые могли бы выдавать идею за идеей, заняты, забиты проблемой, как бы получше испортить собственный текст, чтобы он стал «проходимым», как бы поточнее сформулировать очередную челобитную, чтобы в итоге этого уволили, того назначили, а многострадальную рукопись подписали в печать…

И ведь это лишь половина беды. Если бы их только отказывались печатать! Так нет, с той стороны уже переходят в наступление. Забежим чуточку вперед: 1976 год, лето. Звонок из

«Комсомольской правды».

— Аркадий Натанович, срочно приезжайте к нам. Тут письмо к съезду с вашими подписями, нам предложили опубликовать…

Шестой съезд писателей СССР вот-вот должен открыться, он проходил с 21 по 25 июня 1976 года. Ну, приехал. А письмо по почте прислали без обратного адреса. Хорошее такое письмо: мол, мы, Аркадий и Борис Стругацкие — писатели с мировым именем, а нас зажимают, отказываются печатать без объяснения причин. Мы требуем это прекратить, требуем беспрепятственного прохождения рукописей, а в противном случае вынуждены будем покинуть страну… И под этим шедевром — две подписи. И обе ненастоящие. То есть видно, что человек копировал их старательно, потренировался на чистом листочке, но мастерства не хватило, а главное — он расписался за Бориса так же, как расписывался за него Аркадий на договорах в «Молодой гвардии» — там это всех устраивало по старому знакомству, чтобы не пересылать бумаги из Москвы в Ленинград и обратно. Однако вряд ли БН поленился бы поставить свою живую подпись под столь торжественной бумагой — всё-таки съезд и центральные газеты, куда и были отправлены копии. В общем, всё белыми нитками шито: с какого оригинала, где и, соответственно, кем делалась эта гнусная фальшивка. Тот самый случай, когда всё ясно, но доказать нелегко. АН, кипя от злости, отправился к Верченко. С ним вместе пошел Мариан Ткачёв — и для моральной поддержки, и на всякий случай — эмоции гасить.

Юрий Николаевич прочитал и говорит:

— Знаете, Аркадий Натаныч, я не то чтобы дикий любитель всяких бумаг, но вы мне, кроме вот ***этого,*** напишите сами. Своё отношение сформулируйте.

— Ладно, — говорит АН, — я сформулирую. А вы знаете, кто это сделал?

— Да, — сказал Верченко.

— А сказать можете?

— Нет. А зачем вам?

— Я хочу ему морду набить, — с какой-то почти детской обидой ответил АН.

Насколько нам известно, до мордобоя дело не дошло. Но поскольку ответную бумагу вынудили написать, АН уже завёлся и не удовлетворился общением с оргсекретарем СП. Он записался в приёмную КГБ на Кузнецком мосту и не поленился туда сходить. Вежливый розовощекий офицер в штатском был приветлив, даже улыбчив. Похвалил писателя за проявленную бдительность и обещал разобраться. Но никакого ответа из органов не последовало, а идти туда ещё раз — это уж было слишком.

Вот и всё. Безнаказанность полная.

Да, настолько наглая и рискованная провокация была единственной, но слухи об их отъезде то в Израиль, то в Америку, то просто — абстрактно — на Запад, то есть планомерное, продуманное выдавливание из страны продолжалось лет десять с переменной интенсивностью. Они буквально замучились успокаивать напуганных друзей, объяснять хорошим знакомым и ругаться со случайными идиотами, повторявшими эти глупости. У АНа вошло в привычку развенчивать подлые слухи едва ли не на каждом публичном выступлении. Огромная аудитория большого зала в Политехническом услышала его ответ на записку в декабре 1981-го, и фраза эта цитировалась неоднократно в разных вариантах, иногда с цветистыми дополнениями. «Если мы и уедем из нашей страны, так только связанными и на дне танка» — такова наиболее распространенная версия.

А потом кто-то скажет в перестройку: «Да что там Стругацкие? Разве они пострадали, они же не были диссидентами, их не сажали, и даже не запрещали никогда, книжки всё время печатали, фильмы снимали… Тоже мне — мученики!» Подобных выступлений хватало в те годы. Что поделать? Во-первых, не оскудела дураками земля русская, а во-вторых, подлецами, — к сожалению, тоже. Удивительно, что некоторые и по сей день не угомонились, продолжают кусаться, хотя подавляющему большинству читателей давно наплевать на них. Но это, наверно, на уровне животного безусловного рефлекса — побороть невозможно. Поэтому нет-нет да и мелькнет в Интернете, или в какой-нибудь газетёнке местного значения, или в толстом журнальчике сомнительной ориентации очередной злобный выпад против АБС: то в связях с КГБ заподозрят, то в плагиате у американских фантастов обвинят, то обзовут правоверными коммунистами, а то вдруг уличат в фашистской идеологии — да, да, не удивляйтесь, и такие умельцы находятся.

Впрочем, сегодня полезно знать об этих мелких сердитых шавках лишь для того, чтобы не путать их с теми, крупными, чтобы, не забывать, как это было тогда, в 70-е, когда враг был по-настоящему силён и даже казался непобедимым.

Трудно быть богом, очень трудно. Тем, кто поднялся над толпой, тем, кто любит эту толпу и считает не толпой, а людьми, а потому учит их простым вечным истинам, — тем всегда особенно трудно.

Стругацкие всё-таки выстояли. И победили. Во всех смыслах. И дожали «МГ» с изданием своего сборника «Неназначенные встречи». И не уехали из страны. И не продались никому. Не изменили себе ни в чём. Остались Стругацкими до конца. Вот

только написали намного меньше, чем могли бы и чем должны были. И это навсегда останется на совести тех, кто сознательно мешал им жить все эти годы.

Взглянем на хронологию их творчества, раскидаем написанное по пятилеткам, как это было принято в советские годы.

Шестая пятилетка (1956–1960) — три повести: «Страна багровых туч», «Извне», «Путь на Амальтею» и рассказы.

Седьмая пятилетка (1961–1965) — восемь повестей: «Возвращение», «Стажёры», «Попытка к бегству», «Далёкая Радуга», «Трудно быть богом», «Понедельник», «Хищные вещи века», «Улитка на склоне» и рассказы — абсолютный рекорд!

Восьмая пятилетка (1966–1970) — шесть повестей: «Гадкие лебеди», «Второе нашествие марсиан», «Сказка о Тройке», «Обитаемый остров», «Отель», «Малыш» — тоже очень неплохо.

Девятая пятилетка (1971–1975) — четыре повести: «Пикник», «Град обреченный», «Парень», «Миллиард» — заметное снижение темпа.

Десятая пятилетка, объявленная партией как пятилетка эффективности и качества (1976–1980) — всего одна (!) повесть (сказку намеренно не считаю, как не считал и другую сказку в предыдущем периоде) — «Жук в муравейнике» — вещь высочайшего качества, но вот с эффективностью — полный провал.

Можно, конечно, попытаться объяснить этот спад усталостью авторов. Но почему же тогда в одиннадцатой пятилетке (1981–1985) получилось всё-таки две повести — «Хромая судьба» и «Волны гасят ветер», а также пьеса? «Пять ложек эликсира» я тоже считаю пьесой. И даже в двенадцатой пятилетке (1986–1990), когда АН был уже серьезно болен, все равно две вещи: большой роман «Отягощённые злом» и пьеса — «Жиды города Питера». Почему?

Да потому что именно во второй половине 70-х Система давила их всей мощью своей — внешние тут были причины, а не внутренние. И может быть, вдвойне ужасным было это давление, потому что именно тогда Стругацким довелось увидеть десятки выдавленных из страны лучших людей и ещё сотни тоже не худших, но раздавленных, превращенных в ничто, как Владлен Глухов из «Миллиарда». Вот этот образ, наверно, и был для них ежедневным кошмаром, напоминанием: только бы не скатиться на этот уровень, только бы удержаться, вытерпеть, сдюжить…

Лирическое отступление о мэтрах и сэнсеях

АБС никогда не любили и не умели бороться за себя, во всяком случае, только за себя. Вот почему столкнувшись со столь жёстким сопротивлением Системы, они, уже имея определённый вес в обществе и обретя боевой опыт, невольно стали сражаться и за других тоже — за всех хороших писателей как своего поколения и старше, так и за молодых. За молодых особенно. Ведь этим начинающим авторам, входящим в литературу в самый глухой, застойный период нашей истории, особенно не повезло. Им, беднягам, «опоздавшим к лету», было ещё труднее, чем самим Стругацким, пробиваться к читателю. Это поколение, рождённое в конце сороковых — начале пятидесятых, оказалось поколением потерянным. Вообще в литературе, а в фантастике — особенно. Печататься было решительно негде. «Молодая гвардия» под эгидой цекамола пыталась узурпировать почти монопольное право на издание фантастики. Из последних сил держались лишь «Детская литература», да ещё «Знание», но и там цензура давила всё, что можно.

Формально при СП СССР существовала комиссия по работе с молодыми авторами, призванная помогать начинающим, наставлять их на путь истинный и проводившая ежегодные совещания молодых писателей. И вот, в значительной степени благодаря активной деятельности АБС, комиссия эта, в конце концов, обратила своё внимание и на фантастику. А начиналось всё так.

В Ленинграде ещё с самого начала 1970-х существовал при Доме писателей, точнее даже при секции фантастики семинар, организованный лично замечательным человеком и писателем-фантастом Ильей Иосифовичем Варшавским. Но он, к великому сожалению, в 1973-м серьёзно заболел, а 4 июля 1974-го ушёл из жизни. Поэтому именно в 1973-м БН начал подменять Варшавского в этой роли, а следующий год можно считать в полной мере годом рождения семинара Бориса Стругацкого, семинара, который существует по сей день, семинара совершенно уникального. Другого такого не было и нет во всей отечественной литературной жизни.

БН по-настоящему увлёкся новой для него педагогической работой. Он оказался талантливым учителем, он притягивал к себе всё лучшее, что было тогда в молодой фантастике и вовремя, тактично, но жёстко отталкивал от себя всё чужеродное и вредное. Семинар оказался прекрасной школой (не только литературы, но и жизни) для целого поколения советских (ныне российских) фантастов. Этот удивительный коллектив учил, воспитывал, образовывал тех, кто хотел становиться умнее, честнее, опытнее. И он же безжалостно отторгал карьеристов,

бездарей, интриганов.

Примерно то же происходило и в так называемом семинаре у Белы Клюевой в 1960-х. Медведев, например, туда просто не вписался, а, скажем, Юрий Котляр со своими ура-патриотическими замашками был с позором изгнан. Но отличие нового ленинградского семинара состояло в том, что в редакции Жемайтиса, как мы уже рассказывали, собирался всё-таки некий клуб по интересам — там точно так же, как и у Громовой, и у супругов Евдокимовых, и в ЦДЛ на комиссиях по фантастике, не было официальных руководителей, мэтров. А БН изначально стал именно мэтром, почувствовав, что это его своеобразная миссия, ведь к тому моменту уже не один думающий писатель-фантаст не мог сомневаться в безусловном лидерстве АБС.

Помимо всего прочего, семинар стал настоящей отдушиной для БНа. Это было дело, которому хотелось посвятить жизнь, это была возможность общаться с единомышленниками и собственными руками лепить этих единомышленников из ещё не оперившихся, не определившихся в жизни юнцов. Это было увлекательно, это было здорово! Это была настоящая живая жизнь на фоне удушливого кошмара непрерывной войны с бюрократами от литературы. И замечательно было именно то, что семинар возник спонтанно, без всяких комсомольских инициатив, на личном энтузиазме сначала Варшавского, а затем БНа. Наверно, и особая аура Ленинграда — города с необычной историей, города интеллигенции, города с амбициями столицы и всё-таки уже не столицы — сыграла тут свою роль. В Москве, возле самого сердца спрута (а есть ли у спрута сердце?), всё было намного сложнее. Потому московский семинар фантастов и возник существенно позже — только 11979 году. Но разговоры о нём, разумеется, начались и в Москве уже тогда.

И, разумеется, АН являлся центром этих обсуждений. Он тоже был учителем, но совершенно иного толка. Не случайно в последние десять лет жизни за ним прочно закрепится прозвище «сэнсей» — с лёгкой руки Юрия Иосифовича Чернякова. И не только потому, что был АН японистом, просто он действительно был учителем восточного типа. Он умел и любил выступать на большой аудитории — как бы читая проповеди; и он умел и любил работать с каждым индивидуально. Сколько писателей вспоминают о встречах с ним, определивших их судьбу! Скольким помог он разобраться в себе, скольким напомнил о вечных истинах, скольким указал на опасные ошибки, которых сам человек зачастую увидеть не способен, скольким, наконец, он просто помог своим добрым словом, по существу благословив на литературный труд.

Сэнсей в Москве и мэтр в Питере сформировали новое поколение отечественных фантастов. Сформировали лучшую часть наших сегодняшних авторов. А вот называть кого-то поименно не хочется. Дальше, по ходу рассказа мы не раз и не два упомянем учеников АБС, но перечислять их здесь и сейчас считаем неправильным уже хотя бы потому, что и БН и АН, как правило, отказывались делать это: всех не назовёшь, а кого-то забыть — несправедливо. И мэтр, и сэнсей называли конкретные имена, когда рекомендовали авторов в Союз, в издательство, в журнал, в коллективный сборник, когда заступались за них в своих письмах в ЦК или в Госкомиздат. А в интервью и воспоминаниях они воздерживались от этого. Воздержимся и мы.

Для данного этапа совместной биографии АБС существенно то, что к середине 70-х их борьба с Системой за свою творческую свободу постепенно перерастала в борьбу за фантастику в целом, за то чтобы лучшее в ней могло жить и развиваться, а худшее — уходило навсегда. О, какую неподъёмную задачу взвалили они на себя!

Ну и конечно такую задачу уже невозможно было решать в одиночку. Даже если одиночка един в двух лицах, как АБС. Союзниками выступают с одной стороны всё те же верные друзья-шестидесятники: Ревич, Войскунский, Биленкин, Булычёв, Гуревич, Беркова, Клюева, Ванслова, а с другой стороны — что особенно важно, — появляются молодые соратники. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. У молодых нет ещё никакого веса и авторитета, зато у них есть время, энергия, а главное — отчаянное желание бороться за справедливость и ещё не растраченная вера в неё. Среди этих бойцов нового поколения хочется назвать в первую очередь сотрудника журнала «Вокруг света», молодого писателя Виталия Бабенко и дуэт начинающих критиков-литературоведов Владимира Гопмана и Михаила Ковальчука, писавших тогда под общим псевдонимом «Вл. Гаков». Они появились в редакции у Белы Клюевой в 1973 году — со своими текстами, со своими идеями. И тогда же бывали они и в «Технике — молодёжи» — всех мест, где печатали фантастику, а тем более что-то о фантастике, было наперечёт. И если с Клюевой они подружились сразу и навсегда, то редакция Василия Захарченко произвела на них странное впечатление, особенно один сотрудник по фамилии Медведев — какой-то он был ненастоящий, фальшивый насквозь, говорил много и не по делу, при этом изгибался весь, вибрировал, гримасничал… Впору тау-китян вспомнить из песни Высоцкого, у которых вся внешность обман — то явятся, то растворятся.

Прошло не больше года, и Медведев явился миру во всей

своей красе, а Вл. Гаков к этому моменту уже вполне окреп, освоился в издательских коридорах и был готов всерьёз защищать цвета настоящей фантастики.

И трудно сказать, кто кому больше помог в итоге, старшие — младшим или наоборот. Важно, что уже тогда, в 70-е, они сумели выступить единым фронтом и делали всё для того, чтобы приблизить общую победу.

Встречи на квартире у АНа становятся регулярными. Булычёв, Ревич, Мирер, Ковальчук, Гопман, Бабенко собираются на свои маленькие «советы в Филях», обсуждают ситуацию, готовятся к решающей битве.

Нередко любят у нас повторять, что перестройка наступила, в частности, благодаря всё более мощному диссидентскому движению. Полагаю, что это справедливо. Как справедливо и то, что книги АБС и других честных писателей также приближали неизбежные реформы. Но не стоит забывать и об этих не столь знаменитых, но поистине самоотверженных людях, которые вроде бы не вступая с Системой в открытый и опасный для жизни конфликт, на самом деле выполняли каждодневную, благородную и, безусловно, не полезную для собственного здоровья работу. Они упорно, как Маленький Принц, обустраивали свою планетку, без устали корчуя проклятые баобабы в современной фантастике.

О том, как начинался Семинар — из первых рук:

> «…Не помню, писал ли я Вам, что уже второй год веду семинар молодых писателей-фантастов при секции н-ф литературы ЛО ССП. Ходит на этот семинар человек 10–15 молодых авторов в возрасте от 25 до 65 лет. Читаем и разбираем рассказы и повести. Ребята считают, что это полезно». *(Из письма БНа Штерну, 11.02.74)*

> «…Не знаю, куда Вас прочит Балабуха, а я (лично) приглашаю Вас выступить у нас на Семинаре Молодых. Может быть, Вы слышали — это такая болтливая шарашка при секции НФ и НХ лит-ры ЛО СП. Собираемся под моим благосклонным председательством, читаем сочинения литюнцов (коим многим уже основательно за сорок), обсуждаем, ругаемся и вообще сотрясаем воздух. Балабуха у нас старостой, так что, собственно, он, может быть, Вас именно к нам и приглашал. До сих пор атмосфера у нас была приятная и почти даже откровенная (в разумных

пределах, конечно)». *(Из письма БНа Ковальчуку, 27.09.75)*

И вот ещё из того же письма:

> «Кстати, к Вам, возможно, заглянет (или уже заглянул) некто Слава Рыбаков с моим рекомендательным письмом. Это один из наших талантов. Между нами, самый, пожалуй, талантливый и многообещающий парнишка в Семинаре. За последний год я прочёл две его повести (а всего — три) — они превосходны. Будь моя воля — печатал бы их не медля при минимальной редакторской правке. Но в наших реальных условиях — никаких шансов. Мальчишка пишет как взрослый — жёстко, беспощадно и с хорошей выдумкой. Примите его поласковее — он из тех, что остро нуждаются в общении и всякое несущее информацию общение весьма ценит».

Писатель и востоковед Вячеслав Рыбаков — это именно тот, кого мне всё-таки, несмотря ни на что, захотелось назвать здесь и сейчас.

А вот первое упоминание о московском семинаре в письме АНа от 14 июня 1979 года:

> «Состоялось заседание Комиссии (Московской) по случаю организации постоянного семинара молодых, наподобие твоего Ленинградского. Всего пока девять человек. Ожидается ещё примерно столько же (к концу года), а руководить будут Биленкин, Войскунский и Гуревич. Вёл заседание Биленкин, всё было очень мило и приятно. Кстати, в Совете по РСФСР утвердили мой проект программы Всероссийского конкурса им. И.А. Ефремова — конкурс будет закрытый, под девизами, я — председатель. Не утверждены только сроки: видимо, это будет решаться уже осенью, после возобновления занятий».

Ну а теперь вернёмся всё-таки назад и попробуем рассказать относительно по порядку, как они жили в этот нелёгкий период.

1974 год, начавшийся у АНа такой замечательной второй поездкой в Душанбе, продолжится нелёгкой работой над «Миллиардом», переживаниями из-за БНа, страданиями о деньгах из того же Душанбе, третьей поездкой туда же — за гонораром. Наконец, напомним, именно летом 1974-го «уйдут» Жемайтиса, и тучи над «Пикником» сгустятся. Переписка с «МГ» сделается яростной, изматывающей, очередной этап работы над повестью высосет из АНа все силы, и перед финишным рывком ему придётся поехать с Еленой Ильиничной почти на целый месяц в Юрмалу, в Дом творчества «Дубулты» — просто отдохнуть — иначе не выдержать. А уже в декабре, ближе к Новому году, они закончат свой «Миллиард» и чуть-чуть позанимаются там, в Комарове всякой мелочевкой, в основном для кино.

БН помоложе, ему легче, несмотря на все жуткие стрессы, начиная с апрельского ареста Хейфеца и заканчивая сентябрьским судом над ним же. Он будет держаться молодцом и ни на что жаловаться не станет.

АН пока тоже ни на что не жалуется, но почему-то Новый год он встретит в неизбывной тоске и ещё не поймет, что это. А это — первый звоночек. Первая депрессия после завершения большой и славной работы. Теперь так будет всегда. Чем лучше получилась книга, тем глубже, тяжелее и дольше эта депрессия. У врачей есть какое-то объяснение этому классическому синдрому. Но что толку? Лечить всё равно не умеют. Да, чисто творческая депрессия — это не оригинально, как выясняется. Но для него это ново. Раньше было по-другому: бурная радость, гордость собою и… расслабуха — сухой закон отменяется, можно выпить! Теперь даже выпивка не радовала. Только помогала забыться. Ненадолго.

На первой страничке дневника за 1975 год, 3 января, после напоминаний себе, кому писать письма и куда ехать, он оставит следующую фразу:

«Апатия, general disinclination to the work of any sort».

Что означает: «Абсолютная несклонность ни к какому, блин, труду». Как переводчик я позволил себе некоторую вольность, добавив неологизм «блин», но уж очень хотелось сохранить этот стихотворный ритм английской фразы, да и по настроению получилось вполне близко. Настроение у АНа было никудышным.

Правда, к 18 января он возьмёт себя в руки и поедет в Ленинград. Они с БНом, как всегда, отправятся в Комарово и займутся там заключительной шлифовкой «Града обреченного» — перед тем, как положить его в «спецхран». Так они в шутку

назовут квартиры доверенных лиц — самых надёжных и вместе с тем таких, у кого вряд ли станут искать. Я хотел выяснить имена этих достойных людей. А БН спросил меня: «Зачем?» Действительно — зачем? Главное, рукопись сберегли, она не ушла за рубеж, не попала в настоящий спецхран КГБ, а спокойно дождалась своего часа в перестройку.

В Комарове на этот раз они проведут всего неделю, будут ещё писать всяческие заметки и заявки. И вдруг неожиданно 23 января сочинят историю про «человека, которого было опасно обижать», появится даже список его жертв, имя — Ким — и название повести — «Хромая судьба». (Название, как известно, уйдёт совсем в другую сторону. А вот саму эту повесть суждено будет написать через шестнадцать лет АНу в одиночку. И параллельно БН весной 91-го возьмётся за свой вариант по мотивам тех же давних размышлений и, уже оставшись один, закончит совсем другую вещь — роман «Поиск предназначения».)

Братья расстанутся в конце января, а в Москве АН снова впадёт в тоску, подцепит грипп, почувствует себя очень скверно, и тут уже Елена Ильинична уговорит его пойти к врачу — к кардиологу Александру Соломоновичу Маркману из 52-й больницы, у которого давно уже наблюдается Илья Михайлович Ошанин.

Идея эта посетит Лену ещё в декабре, числа 20-го, когда они будут званы на день рождения Маркмана. В семье уже давно повелось давать врачу «взятки борзыми щенками», то есть книгами АБС с автографами. Теперь Александр Соломонович захотел познакомиться с классиком лично. Познакомился. А заодно и с младшим товарищем своим познакомил — с Юрой Черняковым. Тому всего тридцать, но он уже тоже толковый кардиолог. Юра смотрит на АНа влюблёнными глазами, он читал все книги АБС, от первой до последней, он и представить себе не мог, что однажды в обычный декабрьский вечер ему придётся выпивать с самим Стругацким!

Он ещё много чего не мог себе представить. Через пять лет Черняков станет персональным врачом АНа, одним из самых близких ему людей.

Меж тем пока главным результатом этого дня рождения становится приём у Александра Соломоновича в больнице 6 февраля.

> «Смотрели меня: сам Маркман, офтальмолог, невропатолог и психиатр. Диагноз: постгриппозная цереброастения. Никакой работы, никакого чтения, <…

>, месяц в санатории. Такие дела».

БН полагал, что ни в какое лечебное учреждение брат не поедет: терпеть он этого не мог и всегда считал себя здоровым человеком. Не угадал. АН как раз поехал. Довольно скоро. И не куда-нибудь, а в Кисловодск, в город, где пятнадцать лет назад родилась у БНа идея «Понедельника». Примета добрая, да и профсоюзный санаторий «Москва» оказался ничего так. Провёл он там почти месяц с 15 февраля по 9 марта. Лечили от неврастении и остеохондроза позвоночника. В 7 утра — лечебная гимнастика. Ну, это ему не привыкать. После обеда — нарзанные ванны и после них — полтора часа полежать. Давление — совершенно нормальное. Самочувствие сносное. Настрой философский. На последней странице блокнотика, который он там вел, странная запись:

> «Самодовольство. Хвастовство. Где-то из этого (из ревности? из самолюбия?) возникает вопрос. Моё поколение. 1925. Сейчас 50 лет. Кое-кто зацепил фронт (тоже самолюбование). Катализатор. Все женились. Все развелись. Сестра?»

За окном всё бело от снега. Солнечно. Он много гулял, любовался горами. Читал Дюма. Аппетит отличный.

> «21.02 — Очень хороша телячья колбаска и эклерчики. А уж как хлебец хорош! Купил, наконец, пепельницу в универмаге „Эльбрус“. Хочу после обеда сходить на „Тайну племени бороро“». *(это был такой чешский фантастический фильм 1972 года. — А.С.).*
>
> «24.02 — Фототелеграмма из Душанбе — поздравление с 23. Болит зуб. <…> Да, вчера купил замшевую сумочку. Полтора рубля. А хороша, по-моему. И бутылки носятся. (Изделия *кавказских кооперативов в то время пользовались повышенным спросом у жителей столиц — в центре ничего похожего не было. — А.С.)* Совершенно неожиданно получил наслаждец: румынский фильм „Чистыми руками“. Здорово. Были дела в Бухаресте». *(Этот популярный и действительно очень качественный боевик я хорошо помню. У него были продолжения, и даже имя главного героя до сих пор сидит*

в памяти — Миклован. — А.С.)

Вот так и проходят дни.

> «27.02 — Скучно. Думал над переводом „Кота“. 4 стр. в день, 5 дней в неделю работы. Лист в неделю. В августе кончить? И предисловие переводчика: „Дон Кихот по-японски“. *(Не было, к сожалению, такого перевода. — А.С.)* Письмо Абызову».

Он ходит в кино, читает, пишет письма, получает письма. Вот, например, такое от БНа:

> «…Ну, что ещё? Вчера выступал у нас тов. Ю. Медведев. Как он пел — о достойнейший из учеников Базиля! *(Это из „Севильского цирюльника“ Бомарше, но с очевидным намеком на главного редактора „ТМ“ и бывшего начальника Медведева Василия Захарченко. А выступал Медведев на секции НФ-литературы в Писдоме. — А.С.)* Впрочем, всё было очень мило. Трижды или более он во всеуслышание объявил о том, что в этом году выходит сборник Стругацких в таком-то составе. Когда же в кулуарах я спросил, а как там насчёт одобрения, он значительно ответил: „Скоро! Скоро! Вот новый редактор прочтёт, и тогда уже скоро!“ Памятуя твоё напутствие, я не стал усложнять. Постарался только быть с ним предельно милым и гостеприимным».

Скучно и грустно АНу. Хочется домой, пробовал даже обменять билет.

> «1.03 — Письмо от Крысы. Очень приятное. Люблю».

5 марта вдруг начинает делать выписки из исторического сборника А.А. Введенского «Строгановы, Ермак и завоевание Сибири», изданного в Киеве в 1949 году. Замышляет сюжет исторического романа.

Ну а выпускают его «на волю» с явным улучшением,

рекомендации — просто смехотворные: гимнастика, обтирания и — главное — избегать переутомления. Вот это вряд ли получится. АН умеет не работать совсем, но работать с какими-то ограничениями он не умел никогда, да так и не научится. А тем более воевать с чиновниками и при этом оценивать, сколько злобы можно выместить, выплеснуть, а сколько будет уже вредно для здоровья. В общем, это самое верное и самое неисполнимое пожелание любого врача: не переутомляться, не нервничать, щадить себя.

А тут ещё 27 марта на АНа в очередной раз, как ураган, налетел Тарковский, экранизация «Пикника» стала облекать конкретные формы, и всё заверте…

Но этой теме мы намерены посвятить отдельную главу, а здесь лишь скажем, что весь конец 70-х прошёл под знаком «Сталкера» и времени на него было убито больше, чем на любую отдельно взятую повесть, даже больше, чем на роман «Град обреченный». Вот и ещё одна причина падения творческой эффективности.

В середине июля произойдёт историческая стыковка кораблей «Союз-19» и «Аполлон», одновременно на другом корабле — «Союз-18», пристыкованном к станции «Салют-4», Климук и Севастьянов устанавливают рекорд длительности пребывания на орбите — 63 дня. Но к этому времени АБС уже утрачивают былой интерес к космосу, и никаких упоминаний о данных событиях в письмах и дневниках мы не найдем. Зато сами космонавты начинают проявлять всё больший интерес к писателям-фантастам.

В феврале возвращается из своего первого и тоже рекордного на тот момент полёта (тридцать суток) Георгий Михайлович Гречко, уже тогда большой поклонник АБС, только авторы ещё не знают об этом. Но теперь он уже не просто член отряда космонавтов, а всесоюзная знаменитость, и значит, вполне достоин личной встречи со своими кумирами. Их знакомство произойдёт в конце марта при обстоятельствах, достойных отдельного рассказа.

Всякий советский космонавт, особенно сразу после полёта становился желанным гостем в любой организации, в любом учреждении, на любом мероприятии, и повсюду, где он выступал, обычно бывало и телевидение. Приглашения сыпались, словно из рога изобилия, и космонавт, как настоящая звезда, мог себе позволить выбирать, куда ехать, а куда нет. Когда Гречко позвали в один из подмосковных клубов любителей фантастики, начальство, может быть, и не очень поддержало такую идею, но

Георгий Михайлович загорелся. И телевидение тоже загорелось. А Георгий Михайлович возьми да и скажи: «Только я обязательно хочу, чтобы вместе со мной выступили братья Стругацкие, ну, или хотя бы один из них». Ему пытались намекнуть, что любой Стругацкий — это для ТВ персона нон грата. Гречко возмутился ужасно и просто потребовал выполнить условие: либо со Стругацкими, либо он вообще не придёт. А эфир уже был спланирован, и телевизионщики вместе с их кураторами из ЦК сломались. Так АН (БН был далеко, в Ленинграде) впервые оказался в эфире.

Георгий Михайлович очень надеется, что этим своим поступком помог тогда любимым писателям хоть чуточку. Он считал это законной благодарностью за их книги, которые во многом сформировали его как личность, как лётчика-космонавта. Потом он не раз бывал и дома у АНа, и на многих заседаниях Совета по фантастике и вообще, как мог, поддерживал АБС. Это было очень важно в те годы.

Вспоминает Георгий Михайлович Гречко:

«По возрасту я — почти ровесник Бориса Натановича, но Аркадий Натанович всё-таки старше, и потому, наверно, мне так запомнилось, что я был ещё мальчишкой, когда начал читать их книги. Ну, действительно — они уже писатели, а я кто? На космонавта ещё не выучился. И, во- вторых, фантастикой я увлекался с самого детства. Так что Стругацких читал сразу — всё, что выходило. Мальчик, прошедший оккупацию, я мечтал стать снайпером, танкистом, лётчиком, потом начал мечтать о межпланетных путешествиях. А кто писал об этом? Можно было по пальцам пересчитать. Книги Стругацких мгновенно выделились, даже на фоне зарубежных, и я в них просто впивался: „Страна багровых туч“, „Путь на Амальтею“, рассказы — „Белый конус Алаида“, про этот кибернетический зародыш, „Ночь на Марсе“, я его часто цитирую, „Почти такие же“ — это же про нас! А какой остроумный финал у „Полдня“ — „Какими вы будете“, про этого человека из будущего… Поверьте, я очень давно всё это перечитывал, а помню, как если бы это было вчера.

Потом наступила пора по-настоящему крупных вещей. Я очень люблю „Попытку к бегству“ и, конечно, „Трудно быть богом“ — как продолжение темы. Не судите меня строго, я всё-таки всю жизнь серьёзно занимаюсь космосом, и большее влияние оказали на меня не „Улитка на склоне“ и не „Гадкие лебеди“, а те первые книги, героические. Мне хотелось быть таким, как герои Стругацких. И я считаю, что в значительной степени они меня сделали таким. „Хищные вещи века“ мне тоже очень понравились.

Книжный развал — как это они точно угадали! У нас же тогда хорошую книгу только из-под прилавка доставали… А сегодня — всё что хочешь, и Стругацкие лежат на развале…

Но главная там мысль: никакая техника не поможет в борьбе с социальными проблемами. Это меня поразило ещё и в „Попытке“, но больше всего — в „Хищных вещах“.

Когда в космос летел, я взял с собой три книги — не для того, чтобы читать, а из благодарности к авторам: „Трудно быть богом“ с „Далёкой Радугой“, „Леопарда с вершины Килиманджаро“ Ларионовой и „Нашего человека в Гаване“ Грэма Грина. Помню, Грин был страшно поражён, когда я подарил ему эту зачитанную книжку, побывавшую в космосе.

Я горжусь передачей, которую вёл несколько лет, — „Этот фантастический мир“, первой и последней на нашем телевидении, посвящённой фантастике, она заслуженно получила премию Европейского общества фантастов, и там у нас несколько раз выступал Аркадий Натанович.

А ещё была передача „Спор-клуб“, это уже моя, авторская. Ею я тоже горжусь. Как-то решили мы поспорить о фантастике (там не было Стругацких, но книги их я, конечно, держал в голове). А собрались ребятки молодые, глазки горят, ну, я и спрашиваю: „А зачем вам фантастика? Если любите приключения — есть приключенческая литература, если философию — философская, если науку — научно-популярная. На черта вам эта фантастика?“ Специально путая их, выводил на правильный ответ, и они вышли на него. Фантастика позволяет всё соединить и так заострить ситуацию, чтобы вопрос решался на пределе возможного. Я горжусь этой передачей.

Среди космонавтов — каждый второй любитель фантастики, но большинство читали её только в юности, а я вот — до сих пор, правда, современную не люблю, старую перечитываю. И любовь у нас была взаимная: я приходил на эти семинары, мои выступления всем нравились, я там говорил правду, хотя время было такое, когда правда не слишком котировалась, но мне как-то удавалось… Фантастика, да и только! Я рассказывал о своих полётах и о космонавтах не как о суперменах, а как о людях, которые сомневаются, ошибаются, болеют. Я сделал такой документальный фильм. Его не хотели показывать, а потом он приз получил на международном фестивале.

А на ранних вещах Стругацких воспитывались не только космонавты — вообще целое поколение.

Сейчас вот иногда вспыхивает спор, мол, нужна опять национальная идея. Я решил задуматься над этим. Меня Стругацкие приучили думать надо всем. Приведу пару примеров.

Люди до сих пор не сумели дать внятных определений самым основным понятиям. Что такое человек? Что такое любовь? Ни у Брокгауза, ни в Большой Советской — любовь ещё худо-бедно есть, а человек… Меня это потрясло. Я стал думать и выдал своё определение: „Человек — это такое животное, которое всегда хоть чем-то, но всё-таки недовольно“. А когда нас отбирали в космонавты — по здоровью, я точно так же обнаружил, что медицина не знает определения здорового человека. Военные врачи просто издали приказ под соответствующим номером: давление — такое-то, температура — такая-то, моча, кровь и т. д. Отклонение столько-то процентов — в пределах нормы. Но меня не устроило. Что это за здоровье такое — по моче и отклонениям! И я придумал: „Здоровый человек — это тот, у которого каждый раз болит что-то другое“. Если всё время одно и то же — больной. Если ничего не болит, значит, уже мёртвый.

Теперь вернёмся к национальной идее. Вряд ли тут можно придумать что-то новое. И я вспомнил финал „Пикника на обочине“. Это же просто манифест справедливости — причём самыми понятными словами.

Обычно хотят справедливости для себя и несправедливости для врагов. Справедливость для всех только звучит в гимне США — в жизни её там нет. В любой стране мира собери сто человек — обязательно найдётся хотя бы один, который скажет: „Почему это справедливость Для всех? Все — не заслужили“. А мне кажется, заслужили. И не только справедливости, но и счастья, как у Стругацких.

Я тогда не понял финала их повести: замах серьёзный, а решение какое-то детское. А теперь вот думаю, что это и может стать нашей национальной идеей. Ничего мы не придумаем лучше».

Это говорит космонавт, дважды Герой Советского Союза, коммунист и доктор физматнаук.

Вернёмся в год 75-й. Аркадий рассказал тогда Георгию Михайловичу о семинаре Бориса в Ленинграде, а Гречко — сам ленинградец и как раз после полёта ещё не добрался до родного города. Как только появился на берегах Невы, уточнил у АНа дату и тут же посетил семинар, сделав приятный сюрприз и БНу, и его ученикам. ТВ на этот раз за ним не увязалось. Обсуждали заочно Борю Штерна из Киева, и Георгий Михайлович рассказ похвалил. Сказал, что главное, интересно и весело. Потом все голосовали, как это принято было, выставляя баллы копейками, и на собранные рупь тридцать дружно попили кофе.

А за десять дней до этого семинара, 6 апреля, в Ленинград

приезжает АН, возможно, 16-го он даже ещё был в городе, но, как мы уже знаем, на ленинградский семинар АН не ходит. Да и вообще как-то у братьев в этот раз всё на бегу: делаются поправки к сценарию «Парня», сочиняется заявка на сценарий «Пикника», обсуждается ещё одно продолжение «Понедельника», так и не состоявшееся никогда…

Ну а как дела в «МГ»? 30 апреля АН пишет уже из Москвы:

> «Был у Медведева. Тошнило, но я держался молодцом. Суть свелась к следующему. Одобрение они согласны хоть сейчас же дать — но только по М и ТББ, а по ПнО у них есть „серьёзные сомнения“. Насколько я понимаю, сомнения эти имеют источником редактора нашего Зиберова, ибо он а) кандидат философских наук и опытный идеологический работник и б) был на БАМе и выяснил, что современной молодёжи необходимы произведения о БАМе без всяких там глупостей. Что ж, памятуя, что с паршивой овцы бери, что дают, поставил условием немедленную выплату одобрения по М и ТББ и присылку официального письма от издательства с перечислениями претензий. Полагаю, это самый верный путь. Клянчить одобрения на ПнО — унизительно. Упрямиться и отказываться от одобрения на М и ТББ — глупо. А когда получим суммы и обещанное письмо — там видно будет».

В мае так же проездом БН в Москве; кажется, он едет в очередной раз в Польшу. Там опять есть за что получить денежки — вышло целых три или четыре книги.

С 16 по 20 июня — снова АН в Ленинграде. Они вдвоём готовят материалы к документальному фильму «Встреча миров» для киностудии «Укрнаучфильм», а 18 июля АН уедет в Киев и пробудет там по этим киноделам до конца августа без видимого результата.

А в Москве перед самым отъездом будет забавный случай. АН зайдёт утром к Юре Манину, благо тот живёт через дом от него, но Юру не застанет, дверь ему откроет Володя Захаров, которого Юра, уехавший на очередную конференцию, оставил у себя квартиру сторожить. Какая приятная неожиданность! Слово за слово, решат они по случаю такой «неназначенной встречи» выпить бутылочку вина. В ближайшем магазине окажется только «Эрети». Что ж, отлично. И пойдёт оно по летнему дню и под

увлекательные разговоры изумительно хорошо. Аркадий ещё дважды сходит в магазин, успев до обеденного перерыва. Расстанутся они примерно около четырех пополудни, и Захаров насчитает в кухне под столом ровно семь пустых бутылок. Причём АН после этого пойдёт домой работать, ну, например, над какой-нибудь статьей или тем же сценарием научно-популярного фильма, а вот Владимир Евгеньевич поймет, что уже ни на что не способен, и ляжет спать. Зато после он напишет замечательное стихотворение, в котором с документальной точностью упомянет эту историю:

Улус Джучи

1. Перед телевизором
Золоченое брюхо ханского вертолёта
засверкало роскошно над заснеженным лесом.
— Велик, огромен Улус Джучи,
но непобедима доблестная армия монголов,
и прекрасно она вооружена.

— Хороша была армия и у японцев,
есть у них такая солдатская песенка:
«Когда наша дивизия мочится у Великой Китайской стены,
над пустыней Гоби встаёт радуга,
сегодня мы здесь,
завтра в Иркутске,
а послезавтра
будем пить чай в Москве!»
Перевод Аркадия Стругацкого,
он пел эту песенку
и по-русски, и по-японски.

— Вы были с ним друзья?

— Сильно сказано,
большая разница в возрасте.
Хотя июльским утром,
в некой квартире на Юго-западе,
семь бутылок Эрети,
было такое грузинское вино,
дешёвое, кисленькое,
но совсем неплохое.

— Смотрите же, как картинно
выпрыгивают всадники из вертолётов на снег,
сразу строятся в боевые порядки.
Куда они,
штурмовать Рязань?
— Очень даже и может быть!
Пока мы тут с вами калякали,
наступила зима,
пооблетели листочки календаря.
Какое сегодня число?
Пятнадцатое декабря
тысяча двести тридцать седьмого года.

2. Поскачем
В угоду нежгучему вкусу
Ветров, нанимающих нас,
По бывшему Джучи Улусу
Поскачем, прищуривши глаз.

Пускай громоздятся подобья
Заводов, и фабрик, и школ,
Мы будем на всё исподлобья
Глядеть, как надменный монгол.

По нищему Старому свету
Мы мчимся на новом авто,
Мы тоже любили всё это,
Понять невозможно, за что.

Когда у ступеней истёртых
Молить «А быть может, а вдруг»
Бесцельней, чем завтрашних мёртвых
Лечить наложением рук.

1975 год славен был ещё Хельсинкским совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, знаменовавшим собою высшую точку так называемой разрядки напряжённости. Но это ещё меньше, чем освоение космоса, волнует наших героев — у

них-то как раз не разрядка, а самый пик напряжённости во всем. И работать получается как-то не слишком здорово.

В «Лениздате» выходит «Полдень» с «Малышом», иллюстрированный Рубинштейном, редкая для того периода и оттого особенно приятная книга. Но и это событие будет использовано врагами из «МГ» во зло: мол, вот же вышел ваш «Малыш» в отдельной авторской книге — нарушаете договор. Ничего такого в договоре написано не было, но очередная проволочка обеспечена.

А вот, быть может, главное событие года, отмеченное в рабочем дневнике:

> «6.09 — приехал Арк. 7–8.09 — обсуждали СЗоД».

СЗоД — это «Стояли звери около двери» — рабочее название «Жука в муравейнике». Не только обсуждали, успели и планчик набросать. Через три дня АН уезжает, однако старт новой работе дан.

Вообще-то, самым первым упоминанием «Жука в муравейнике» на уровне замысла можно считать одну любопытную фразу (в скобках) из письма Жемайтису от 17 мая 1973 года:

> «Между прочим, авторы сейчас планируют давно задуманную повесть, в которой Горбовский, наконец, находит Странников и встречается с ними».

Оба автора в этот момент находятся в Москве и обстоятельно разбирают редакционные замечания Сергея Георгиевича ко всем трём повестям сборника. Фраза появляется, когда АБС пытаются объяснить Жемайтису, для чего в «Малыше» нужны Странники. И ведь это просто поразительно, какое непонимание, какую зашоренность, замусоренность сознания демонстрирует даже этот умный, порядочный и доброжелательный человек. Жутковато делается и от самих стараний АБС определить сверхзадачу «Отеля» и «Пикника» как обличение буржуазной идеологии, а «Малыша» — как торжественный гимн идеологии коммунистической. И жутковато не оттого, что им приходится врать, а скорее наоборот — оттого, что письмо написано прекрасным языком, убедительно, остроумно и кажется искренним. Или не кажется, а так есть? Вот в чём ужас-то.

Невольно вспоминается случай, рассказанный Мирой Салганик. Какой-то писатель заполнял анкету в иностранной комиссии СП и на вопрос «знание иностранных языков» написал буквально следующее: «немецкий (только ГДР)». Сначала смешно. А вдумаешься, и страшно делается. Вот уж воистину, как сказал Бродский, «мозг перекручен, как рог барана»!

В конце сентября приходил прощаться Рафа Нудельман с бутылкой коньяка по старой традиции. АН был мрачен и казался постаревшим — они не встречались несколько лет. Он, даже выпив, не повеселел — повод не тот. Сразу стал говорить, что они с Борькой никогда отсюда не уедут, ни при каких обстоятельствах… Это была больная тема. Уходил Рафа с тяжёлым сердцем, знал, что расстаются навсегда. С поправкой на будущую перестройку, о которой тогда никто и не мечтал, увидеться они, конечно, могли, но в итоге вышло именно так — не увиделись. А писать письма… Из Израиля? Зачем осложнять человеку и без того непростую жизнь? Впрочем, одно большое неотправленное письмо сохранилось у Нудельмана до сих пор — значит, желание переписываться всё-таки было…

Грустная встреча. И грустный фон, на котором эта встреча происходила. АБС как раз, наступив на горло собственной песне, не только сделали все требуемые противной стороной поправки к «Пикнику» (их там было несколько сотен), но даже учли отдельные мелкие придирки к многократно изданным «Трудно быть богом» и «Малышу». Сделали поправки и вот уже месяц безрезультатно ждали ответа, всё лучше понимая, что унижались, по сути, зря — всё равно получат отказ. Так оно и вышло. В начале ноября.

Под знаком вот этого идиотизма и прошёл весь год. Друг другу они писали письма, в которых крыли на все корки Зиберова, Медведева и Ганичева, а заодно Авраменко и Осипова (или уже Синельникова? Запутаешься с ними). В издательство же приходилось писать предельно вежливые, идеально взвешенные, чуть ли не благодарностью проникнутые письма. Мол, обижаете, конечно, обвиняя во всех грехах, но спасибо, хоть дело не шьёте, не грозите судом и лишением свободы… Понятно, что в такой обстановке почти все встречи АБС в 1975-м на удивление коротки и нерезультативны. Вот, например, характерная запись:

> «29.10 — Арк приехал 28-го, разговоры разговаривали
>
> 1.11 — Арк уехал».

Тоже мне — рабочий дневник! Причём, что в Москве, что в Питере — всё едино. И так до самого конца года. А получив очередной сокрушительный отказ из «МГ» и уже почти гневно ответив на него, АН охотно соглашается на очень кстати подвернувшееся предложение уехать из Москвы с писательским агитпоездом и не просто куда подальше, а на свой любимый Дальний Восток… Не сидится ему на месте в том году, всё время он куда-то едет. И, например, 5 июня в очередном письме Медведеву, БН даже просит редакционные замечания по третьей повести — по «Пикнику», — высылать на его адрес в Ленинград, так как «Аркадий сейчас редко и нерегулярно бывает в Москве». Между прочим, в том же письме он сообщает о приходе на счёт части гонорара за две одобренных повести. Ну, наконец-то, хоть что-то удалось сорвать с этой паршивой овцы, прикидывающейся медведем!

А сам БН в последние месяцы тяжёлого года утешается активной работой в семинаре, общением с молодыми талантами, перепиской с друзьями, в том числе и с младшими товарищами — с тезкой Штерном, с Мишей Ковальчуком. Посылает последнему рекомендательное письмо на Бориса, затем ждёт Ковальчука в Ленинграде, договаривается о его докладе на секции НФ несмотря на все опасения осторожного, умудрённого опытом Брандиса. Наконец, с наслаждением читает детективы, которые ему регулярно присылает из Москвы Ковальчук, добывая их по своим особым каналам. Всё-таки папа — зам. главного редактора «Вопросов философии». Ему полагались книги по специальному списку. А простому советскому человеку, в число которых попадали и АБС, книгу интересную для чтения и достать-то было негде! Ведь даже чёрный рынок появится чуточку позже. Только друзья да поклонники и выручали.

В январе 1976-го в странные полупьяные-полупохмельные дни с 6-го по 8-е проходит Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе. Рождество Христово в те годы, понятно, не отмечается официально, но советский человек, как и русский, всякому праздничку рад, и уж конечно, в эти дни без выпивки не обходится, тем более у писателей. А повод достойный: такого большого собрания фантастов в ЦДЛ не случалось с 1962 года. Что бы это значило? Как это ни странно, практически ничего. Просто только что созданный Совет по приключенческой и НФ-литературе во главе с кабардинским поэтом Алимом Пшемаховичем Кешоковым (который отродясь ни строчки фантастики не написал, а может, и не прочитал) должен как-то

обозначить свою деятельность, вот он и обозначил. А по сути, выясняется, что вся фантастика жёстко поделилась у нас на два лагеря. И не как пятнадцать лет назад, когда были старики-сталинисты и молодое поколение, а совсем по-другому, независимо от возраста: с одной стороны, нормальные писатели, объединяющиеся вокруг АБС, а с другой — бездари, мракобесы, антисемиты, пригревшиеся под крышей «Молодой гвардии». Силы, конечно, неравны, однако не только вторые, обласканные властью, но и первые сдаваться не намерены. Начинаются серьёзные баталии. БН на совещание не приехал. А потом в одном из писем выразил вполне оправданный скепсис:

> «О совещании мне действительно много рассказывали, причём все по-разному. Единое мнение состоит лишь в том, что печататься в будущем станет ещё труднее. Но ведь это — тривиально».

Любопытно, что АНу в эти рождественские дни пьянствовать как раз совсем некогда. Вот запись в дневнике 8 января 1976 года:

> «Последний день совещания. Сегодня отношу Беле экз ДоУ (50 р!) *(Беле Клюевой — это уже не в „МГ“, а в ВААП, то есть для очередного зарубежного издания, а 50 рублей — это по тем временам очень дорого за перепечатку полутора сотен машинописных страничек, видно, за срочность платил. — А.С.)* и отсылаю письмо Полещуку из отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ. Вчера беседа с Ильиным по поводу слухов о наших бегах в Тель-Авив. Я страшно разгневался».

И это ещё за полгода до той истории с «письмом съезду»! Долго их мучили этими слухами.

Примерно тогда же случилось АНу заглянуть на огонёк в «Худлит», и Тамара Прокофьевна Редько, теперь уже заведующая редакцией, на всю жизнь запомнила, как он там бушевал, после её не самого удачного вопроса:

— Томка, если ещё кто-нибудь хоть раз скажет тебе, что мы с Борисом уезжаем в Израиль, сразу бей ему морду, сразу, без слов!

— А если он выше меня на две головы?

— Значит, вставай на табуретку и бей!

А давая интервью газете «Труд» в связи с прошедшим

совещанием, АН похвастается работой над будущим фильмом, но утаит над каким конкретно — чувствуется, что для них это очень важно — именно экранизация «Пикника». Ну а ещё любопытно, что АН по-прежнему надеется на съёмку в Киеве документального фильма «Встреча миров».

Уже 12 января они оба в Комарове и до 23-го плотно работают над сценарием будущего «Сталкера». Но к февралю всё опять неопределенно, мутно, непривычно:

> «24.02 — приехал в Лрд Арк. Просто так. Болтали.
> 25.02 — Арк где-то шляется.
> 26 — Обсуждали планты-прожекты.
> И т. д. Сплошной трёп.
> 28.02 — Арк уехал».

Вот такой нерабочий рабочий дневник. Большая часть года будет убита на «Сталкера» (они ещё и не догадывались, что это только начало!). По «Жуку в муравейнике» удастся продвинуться совсем чуть-чуть. Будет и некоторая неординарная работа — инсценировка «Трудно быть богом» для театра — пьеса «Без оружия».

А с «Молодой гвардией» всё по-прежнему скверно, и даже в семинаре у БНа заканчивается идиллия и начинаются проблемы и конфликты. Андрей Балабуха перестаёт быть старостой, портятся его отношения с мэтром, несколько позже так же странно поведёт себя и Ольга Ларионова. В общем-то, ничего удивительного: всем нелегко, только не все одинаково умеют переживать трудности.

В Москве Мариан Ткачёв разводится с Оксаной, теряет квартиру, возможность общаться с сыном, погружается в глубочайшую депрессию, и это накануне собственного дня рождения — 28 мая. Только АН и способен ему помочь. Звонит, приглашает к себе, дарит свои очередные книги, устраивает другу праздник. В дневнике появляется скромная, будничная запись:

> «Сегодня пьянство по поводу дня рождения Марика».

А человек спасён.

Лето у обоих братьев тяжеловатое. Чёртова история с письмом и хождением в КГБ. На отдых нет денег, да и настроения. Тем более у БНа. У него же сын поступает в институт. И неудачно — не добирает одного балла. Ну, что ж это за

невезуха со всех сторон?!

Из дневника Е. Л. Войскунского

> «3 сентября 1976 г. — Вчера, 2-го, был у Аркадия Стругацкого, он просил приехать. Хороший дружеский разговор. <…> „Мы, — сказал он, — мы с тобой настоящие писатели. Без дураков. И это самое главное“. Милый Аркаша… А что для писателя главное? Печататься, не так ли? И вот тут… Определённая нарастает тенденция к ухудшению. Да вот, ты же сам рассказываешь о подонках из „Молодой гвардии“, об этом гнусном типчике Ю. Медведеве, который задался целью полностью отсечь от издательства фантастов старшего поколения (кроме А. Казанцева), прежде всего евреев. В нарушение договора, много лет назад подписанного, Медведев изъял из рукописи Стругацких „Пикник на обочине“. Аркадий настаивал. Был у зам. главного редактора „Мол. Гвардии“ Авраменко. Бесполезно…»

Борьба с бюрократами и антисемитами переходит в решающую стадию к концу ноября. В ЦДЛ тщательно готовят и с блеском проводят заседание комиссии по фантастике. АН подробно рассказывает об этом в письме брату, и нам представляется логичным привести здесь этот текст практически без купюр:

> «…В 18.30 в вечер того же 23-го произошло долгожданное событие — заседание комиссий по фантастике и приключениям с целью обсудить план… <…> Сюжет дела изложить затрудняюсь, а фабула сводится к следующему. От МолГв имели место Синельников, Медведев, Зиберов, Фалеев и ещё какая-то сволочь. И началась мясорубка. Их рубили вручную, на самом высоком идеологическом уровне. Вскрылись такие вещи, что волосы дыбом становились. Я, конечно, знал и раньше о трагической смерти воронежского фантаста Железнова и самоубийстве Юлия Файбышенко, но тут привели их предсмертные письма в редакцию, копии чудовищных рецензий, свидетельства жены первого и матери второго… факты отвратительного шантажа, грубостей, безграмотности и чего только ещё нет.

Синельников пробовал отмежевываться и защищаться, да ничего не получилось. Выступали: Юрий Кларов, Кикнадзе, Понизовский, Адамов, Витя Смирнов, Лагин, я, Гуревич, Вайнер-младший, Юра Давыдов, Юрий Смирнов. Большинство имен тебе ничего не говорит, это приключенцы и детективщики, и авторы историко-революционной темы. Я хотел выступить как мэтр по твоему совету, но стенографистки попросили говорить громче, а орать и оставаться мэтром решительно невозможно. Суть моего выступления сводилась к тому, что все безобразия в редакционной работе происходят от вопиющей некомпетентности нынешних работников редакции, и выразил своё общее мнение, что их надобно всех сместить, а директору и главному редактору основательно подумать о своей ответственности за эти безобразия. Заключил собрание Парнов. Его тезисы:

1. (в ответ на слабый писк Синельникова, что СП не вправе обсуждать внутрииздательские дела) Совет создан по указанию высоких инстанций и наделен правом следить за порядком в деятельности не только издательств (по соответствующим жанрам, разумеется), но и в кино и в телевидении, и в театре.

2. Совет не считает для издательства возможной нормальную работу при нынешнем составе редакции.

3. Совет предостерегает Синельникова, на случай если ему вздумается мстить выступавшим здесь авторам. Рим был великолепен. Мы были восхищены. Да, по единодушному мнению ничего подобного этому заседанию не было уже лет пятьдесят. Заседали четыре часа без перерыва, зал был набит битком, и никто не уходил ни на минуту.

Вот что могу сообщить по горячим следам. Не знаю, как это обернётся для нашего сборника, но я счел себя должным выступить так, как я выступил».

Приписка очень характерная. Многие вспоминают, что именно тогда уже после собрания АН произнёс в адрес редакции фантастики «МГ» свою знаменитую фразу: «Суку надо бить» — ну прямо под стать вольтеровской «Раздавите гадину!». Это было сказано в ответ на чьи-то ахи и охи: «Аркадий Натанович, ну, как же вы так неосторожно! У вас же там книжка в плане стоит!..» Но не хотелось ему больше сдерживаться, церемонничать, миндальничать — гори оно всё огнем! Суку надо бить.

В конце 76-го замаячила реальная возможность скинуть всё это ненавистное руководство и вернуть в редакцию фантастки МГ адекватных людей. Но… человек предполагает, а Политбюро располагает. В самом начале 1977-го на завотделом пропаганды ЦК КПСС переводят из первых секретарей ЦК комсомола Евгения Михайловича Тяжельникова, и эта новая метла метёт совсем не в ту сторону, и все надежды в очередной раз рушатся.

Но, так или иначе, во второй половине 1976 года накал страстей литературно-политических доходит до наивысшей отметки, ну и, как следствие, мало что меняется в делах истинно литературных — тон рабочего дневника АБС всё примерно такой же:

> «26.09 — Приехал Арк потрепаться».
> «11.11 — Прибыл Арк в Лрд. Думаем над повестью».
> «12.11 — думали».
> «15.12 — Приехали в Комарово писать повесть, но придётся писать добавление к сценарию для Тарк.».

Радостное событие случается в самом конце года. 23 декабря БН покупает свою первую машину — «запорожец-мыльницу». Его официальное название — ЗАЗ-968М. Это был прекрасный аппарат для бездорожья — плоское днище и нечрезмерный вес (трое мужиков, в общем, хотя и с трудом, но уверенно способны были перенести его через камни или не слишком протяженную топь). Но печка! О, эта печка! Ничего более озлобленного и капризного БНу не приходилось встречать в мире машин и механизмов! Она являла собою нечто *антирегулируемое.* Однако цена этого «дешёвого» автомобиля — около 4300 рублей. И деньги удалось наскрести только благодаря проданной коллекции марок, которую он собирал много лет.

А в Москве проходит ещё одно своего рода историческое событие — первый Всесоюзный семинар молодых фантастов в Литературном институте, прообраз будущих ежегодных встреч в домах творчества. Ещё очень многое непродуманно, бестолково, скучновато, и принцип отбора участников на семинар достаточно случайный, но сам факт, безусловно, отрадный. БН опять участия в этом не принимает. Принимают его ученики. И то не с его подачи. БН даже наоборот Штерна, например, отговаривает:

> «Семинар молодых в Москве действительно будет. От нас туда посылают Балабуху и Ларионову как

наиболее активно печатающихся. Пустят ли Вас туда? Думаю, что ДА, особенно если воспользуетесь знакомством, скажем, с Володиным. А вот стоит ли туда ехать? На кой это Вам хрен? Чего Вы там не видели? Глубокое заблуждение, что путь в литературу лежит через семинары и совещания. Путь в литературу лежит через личные контакты с издателями. Из этой вот теоремы и исходите».

АН тоже относится к семинару без энтузиазма — компания в целом не слишком приятная, но отказать Нине Берковой не может и принимает участие как один из докладчиков и руководителей.

Запись в дневнике будет крайне лаконичной:

«13 декабря 76 г…Я выступал на семинаре, было занятно. Затем в ЦДЛ встреча со Славой Рыбаковым, Борей Штерном, Мишей Ковальчуком и ещё тремя ребятами. Грустновато…»

Ещё трое ребят — это, скорее всего, Геннадий Прашкевич, Виталий Бабенко и Андрей Балабуха. Они-то хорошо помнят, как именно там, на семинаре, впервые познакомились с АНом. И уже только ради этого стоило проводить подобные семинары. Через несколько лет на ежегодных всесоюзных семинарах в Малеевке и потом в Дубулты АБС и их соратники начнут серьёзную работу по подготовке своей смены. И самой главной будет даже не учёба — какая там учёба! — главным будет общение. Без этого невозможен нормальный литературный процесс. Особенно в такой специфической области, как фантастика, особенно в такой специфической стране, как СССР, особенно в такое трудное, душное время…

Если мы сразу выведем за скобки «Сталкера», а о нём впереди разговор особый, окажется что следующий, 1977 год мало чем отличался от 1976-го. Даже в письмах то и дело повторяется как рефрен: новостей никаких. Насколько продвинулся «Жук в муравейнике» неинтересно даже рассказывать. И также тоскливо рассказывать о бесконечной войне с «МГ», уж лучше проиллюстрировать её конкретным письмом АНа от 15 июля:

«Вчера я получил от Медведева эту рукопись и эти безобразные претензии к оной с приложением письма

этого вонючего лицемера. *(Грубовато, конечно, и лично я терпеть не могу такого эпитета, но… из песни слова не выкинешь. — А.С.)* Погляди и принимай решение. Что касается меня, то я бы положил написать язвительное письмо и отослать ему вместе с рукописью, а копии письма направить — одну в ВААП к Харуте и одну в аппарат Зимянина. Можно, конечно, и принять кое-что из его идиотских претензий. Посылаю тебе также и проект такого письма, написанный Сашей Мирером, он там кое-что напутал, но посмотри суть. Было бы неплохо, если бы ты написал письмо сам, подписал бы от нашего с тобой имени и вместе с рукописью направил обратно в МолГв. Кстати, обрати внимание: по ошибке или сознательно они перепутали адрес моей квартиры, так что рукопись неделю напрасно бродила по почтовым ведомствам. Хорошо ещё, что на почте нашлись люди, которые меня знают, иначе бандероль эта могла бы и месяц таскаться по инстанциям».

Ну и ещё одну запись, теперь уже из дневника АНа хочется процитировать (в конце ноября он вместе с женой приезжает в Ленинград просто поговорить, останавливаются у мамы):

«…Вчера много болтали с Борисом. Впервые обсуждалась вероятность реалистического произведения *(ну, положим, не впервые. „Град обреченный“, например, начинался именно с таких* идей. *— А.С.)*. Полубиографическое. Изменения в мировоззрении, обусловленные изменениями в ситуации. Герои — писатели, учёные, редакторы. Обсуждение, естественно, продолжения не имело. Зато вчера же были поставлены точки над „ё“. Вслух было признано (это в разговоре Бориса с Крысой), что мы потерпели поражение, жизнь кончилась, началось существование, которое надлежит приноровлять к условиям победы серости и своекорыстия. Единственное, чего нельзя делать, — это принимать причастия буйвола *(это из Генриха Бёлля — „Бильярд в половине десятого“, а смысл, по-моему, ясен и без комментариев. — А.С.)*. Во-первых, это мерзко. Во-вторых, не поможет».

В тот же приезд обсуждается впервые под условным

названием «Литературный роман» хроника их злоключений в «МГ», выполненная в духе «Современной идилии» Салтыкова-Щедрина, но по образцу Булгакова. В каком-то смысле это уже проклёвывалась «Хромая судьба». Тогда же решили пресловутую «Сказку о дружбе и недружбе» написать порознь по следующей схеме: сначала БН, потом АН. Так и сделали в следующем году. А в Москве АН всё время работает над «Сказанием о Ёсицуне» — средневековым японским романом. Это большая работа — её ещё надолго хватит.

Любопытный штрих: находясь на съёмках «Сталкера» в Эстонии, общительный АН заводит новые знакомства и использует их по максимуму. С декабря 1977-го по февраль 1978-го «Пикник» печатается с продолжением в таллиннской комсомольской газете «Молодёжь Эстонии». Аудитория, конечно, узкая и гонорар смешной, но всё равно — вот и ещё в одной будущей (и бывшей) стране опубликована книга столь ненавистная «Молодой гвардии»!

А у БНа наиболее драматичное событие было в марте, когда он с внезапным приступом острой боли в животе угодил сразу на операционный стол. Вот как примерно через месяц — уже с юмором, — БН напишет об этом Ковальчуку:

> «Дорогой Миша!
>
> Большое спасибо за подарок! Это действительно радость! Особенно в моём скорбном положении. Полулежу тут без желчного пузыря и без зубов, выдранных по медицинским соображениям (я врезал дуба на столе, и никак нельзя было воткнуть в меня трубку для искусственного дыхания), и так мне уныло, и вдруг — о счастье! — детективчики! Огромное спасибо!»

Желающим более подробного описания рекомендуем обратиться к роману С. Витицкого «Поиск предназначения».

Трудно не процитировать замечательное место из письма Штерну от 9 августа 1977 года:

> «У меня дела так: фильм снимается, но медленно и трудно; в издательствах — тишина, пыль, редактора пьют чай и делают бутерброды с сардинками, замасленными руками осторожно и с отвращением перебрасывают листки никому не нужных рукописей; „Пикник“ не появится никогда, будь они трижды

неладны; ощущения владельца „Запорожца“ те же, что у мужа женщины, страдающей кровотечениями — ездить можно, но не слишком часто, не очень долго и с большими предосторожностями, ибо запчастей не хватает (очень, кажется, неприлично получилось, но, Вы знаете, весьма похоже)».

А вообще, что касается августа, то именно тогда Андрей Стругацкий совершал свою вторую попытку поступления на географический факультет в ЛГУ. Из письма Ковальчуку от 22 августа:

«У меня был жуткий месяц: сын поступал в Университет. Пролез кое-как, но крови у меня выпито — литры! А попорчено — гектолитры!»

Наступает новый, 1978 год, а проблемы всё те же — старые. Из дневника Е. Л. Войскунского:

«16 февраля — Вчера был у Аркадия Стругацкого, он рассказал о своей баталии с подонками из „Мол. гвардии“. Аркадий ещё до меня написал письмо в тот же адрес, что и я, последовало долгое молчание, а потом его вызвали в ЦК к Сеничкину (кажется, зав. сектором в отделе пропаганды). Там же был и вызванный гл. редактор „Мол. гвардии“ Синельников, который извивался, как уж, пытаясь оправдать действия Ю. Медведева. Дескать, они хотят издать книгу, но у них есть возражения против художественных недочётов в „Пикнике на обочине“. Сеничкин велел ему заключить со Стругацкими новый договор и издать книгу… Потом, когда Синельников ушёл, Сеничкин слегка попенял Аркадию за тон письма.

Вскоре Аркадий получил от Медведева договор, в котором значились „Трудно быть богом“ и „Малыш“, но — не было „Пикника“. Аркадий отправил договор обратно с возмущённым письмом. Рукописи ему вернули „на доработку“. Подонки пытаются взять не мытьём, так катаньем.

Хорошо было Ж. Верну с его издателем Этцелем. Увы, в наши дни Этцелей нет. Любое издательство,

заботящееся о прибыльности своих изданий (не говорю уж о других „параметрах“), было бы радо безотказно издавать таких первоклассных фантастов, как Стругацкие. Но у Медведева и К° совсем другие задачи. У них главная задача — „вытеснить из фантастики евреев“. Есть в этом во всём нечто средневековое…»

А «Пикник» тем временем получает вторую премию за лучший НФ роман года на ежегодном конкурсе памяти Джона Кэмпбелла. БН комментирует сдержанно:

«Мало ли на свете вторых премий. Честь не велика, а денег и вовсе не полагается».

У АНа в Москве где-то в начале лета стартует новая эпопея с экранизацией «Понедельника» — на этот раз в виде мюзикла (!). Поэтому старый сценарий никуда не годится, и надо писать новый. Идея принадлежит Константину Брombергу, который уже снимает «Приключения Электроника» и увлечён фантастикой. А познакомились они ещё годом раньше. Кроме того, лето проходит в интенсивной переписке с Болгарией. Переводчик и редактор из Софии Агоп Мелконян прислал АНу с женой приглашения, но так получилось, что именно в июне Елена Ильинична, наконец, получает новый паспорт на фамилию Стругацкая, а приглашение-то было на Воскресенскую — из-за этого поездка откладывается. История вообще странная. Ведь у супругов скоро официальная серебряная свадьба, а неофициальная, фактическая была ещё на новый 1977 год. Чем вызвано такое решение Елены Ильиничны, можно догадаться. Но мы не станем (во всяком случае, пока) углубляться в эту тему.

Только в конце июля получено повторное приглашение, и поездка в Болгарию состоится в сентябре — октябре. Будет она совершенно замечательной. И хоть и говорят: курица — не птица, Болгария — не заграница, а всё же это была первая для АНа полноценная зарубежная поездка. И то, что выпустили, — можно считать добрым знаком. Вьетнам, например, тоже дружественная соцстрана, но туда не выпускали, несмотря на все старания Марика Ткачёва, не раз и не два организовывавшего АНу приглашения.

Маша Стругацкая заканчивает институт и достаточно неожиданно выходит замуж. Хотя так уж ли неожиданно? Сразу вспоминается смешной разговор Юры Ревича с АНом,

запомнившийся ему на всю жизнь. Они часто общались в 1974 году. Юра тогда ещё устроил АНу выступление в своём институте МИТХТ (тонкой химической технологии, на Пироговке), собрал неофициально двести рублей. Это были хорошие деньги — за один-то вечер. Хотя бывали случаи и пошикарнее: однажды через знакомых Ткачёва на каком-то «почтовом ящике» АНу заплатили за выступление сразу пятьсот. Но это, конечно, редкость. А Юре Ревичу очень симпатизировали и АН, и Елена Ильинична, прочили его в женихи Маше. Маша с Юрой дружила, но образовывать семью с сыном друзей отца — это для неё было немыслимо. Так вот, однажды Юра сидел у Стругацких на кухне и АН спросил у жены — по тону чувствовалось, что это вопрос дежурный:

— А что, Лена, Машка у нас часом не беременная?

— Типун тебе на язык, Алечка! Как можно такое говорить, — дежурно откликнулась Лена.

— А зря, я б в её возрасте только и делал бы, что ходил по крышам и рассказывал девушкам, как хорошо быть беременной.

Почему по крышам? Никто не знает, но весело.

Первого мужа Маши звали Володей. И это, наверно, всё, что следует о нём сообщить. Брак продлился фактически меньше года (юридически — несколько дольше) и единственным его результатом (хоть и немаловажным) стал сын Иван, естественно, Владимирович.

Безусловно, главным событием 1978 года стала уже серьёзная работа над «Жуком в муравейнике». АБС потихонечку отбрасывают от себя всю надоевшую мишуру литературно-политических страстей и выходят на проектную творческую мощность.

В частности, приходит решение писать документальным стилем a la Юлиан Семёнов. Разрабатывается четкая структура, повесть расписывается по главам. Работа идёт то в Москве, то в Питере.

И наступает 1979-й — тяжелейший год в их жизни. Особенно это касается АНа. У него серьёзный кризис в отношениях с Еленой Ильиничной. И он с головой уходит в работу. С самого января они с братом встречаются регулярно. Черновик заканчивают 7 марта. Пишут всё время в Москве. В апреле начинают делать чистовик с немыслимой, непредставимой раньше скоростью. Вот характерная запись в рабочем дневнике:

«4.04 — Вечером А. едет выступать. Сделали 23 стр.»

Обычно даже за полный день у них бывало не больше семнадцати-восемнадцати, и то это рекордные цифры.

Они словно чувствовали что-то: надо успеть, успеть сейчас — потом будет просто невозможно. И успели. Чистовик закончен 30 апреля на 195-й странице, а в планы закладывали 180. О, как раскочегарились! И ведь ни слова лишнего.

Тут же появляется интересная запись:

«Человек, проживший много жизней…»

Эту идею АН воплотит один — года через четыре. Большой рассказ (или маленькая повесть) будет называться «Подробности жизни Никиты Воронцова».

21 июня исполнится ровно сто лет писателю АБС. Ни один, ни другой даже не вспомнят об этой шуточной дате. Не до того совсем.

26 июня родится внук АНа, Машин сын Ваня. Событие, конечно, радостное. Но ведь и нагрузки на всю семью резко возрастают. Тяжело. Елена Ильинична уйдёт с работы и, как выяснится, уже насовсем. Вопреки распространённому почему-то мнению, она не была просто писательской женой, она всё время работала. Грех было не работать с её элитным виияковским образованием, с её китайским и английским языками. Последним местом работы было синологическое отделение Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР возле метро «Профсоюзная».

Теперь Елена Ильинична полностью посвящает себя дому и, в первую очередь, внуку. Даже пелёнки стирать ей приходится. Потому что у дочери после родов и, очевидно, на нервной почве слезает кожа с рук. Она ведь уже развелась с Володей. Тяжело это всё. И не случайно, когда АН приедет в роддом встречать дочь и внука, он, увидев младенца, воскликнет в ужасе: «Какой-то он красный, наверное, не жилец!» Эту историю теперь со слов Мариана Ткачёва пересказывают и публикуют как анекдот (действительно смешно: мужику за пятьдесят, а он в первый раз новорожденного увидел), а тогда, полагаю, не до смеха было всем окружающим. Дай бог Ивану долгих лет жизни! Но мрачное было настроение у АНа, и реплика получилась черноватая. Какие уж там автографы на книжках врачам и медсестрам!..

Тем летом самочувствие АНа будет вообще так себе. Укатали Сивку крутые горки.

6 августа в дневнике появится запись:

«Вчера впервые ощутил: лёгкие словно сожжены, резкая, но <…> боль где-то в глубине дыхалки, болит шея и чешутся зубы, и <…> в ушах, и болят руки в суставах, и немеют с мурашками ладони. Не стучит ли в мою дверь веслом Леоновский солдат?..»

Пропуски по тексту — это не купюры, это у него руки так ослабли, что почерк местами разобрать невозможно. А солдат с веслом — это, видимо, из «Дороги на океан», но смысл идиомы ясен без комментариев.

Следующая запись — уже после выписки:

«8.08–20.08 Был в больнице у Маркмана (№ 52), палата 181. Приступ стенокардии.

Звонил Гуревич…»

Неправильно он записал — была у него не стенокардия, а мерцательная аритмия. Хотя пока лежал в больнице, всё время делал какие-то записи, правда, по-японски, и они, к сожалению, не сохранились. Известно это всё от Юрия Чернякова, который тогда в связи с отпуском Маркмана стал его лечащим врачом и не только на эти 12 дней — на 12 лет, то есть всю оставшуюся жизнь.

В больницу к АНу многие приходили — поддержать морально, поговорить — и приносили, как водится, фрукты, соки. Но самым замечательным посетителем стал Шура Мирер. Черняков свидетельствует: это был первый в его практике случай, когда к больному пришли с баллоном пропана. А что поделать — лето, на дачу ехал. Уже в больнице АН по-настоящему сдружился со своим врачом. Потом Юрий Иосифович поздравит классика с днём рождения по телефону и, наконец, ещё через пару месяцев, уже в начале ноября, позовёт к себе. Там они, просидев до трёх часов ночи, выпьют чуточку слишком много и к метро пойдут по осенней наледи, поддерживая друг друга. Но, в конце-то концов, если врач разрешает…

А врач разрешил. Следовало учесть некоторые обстоятельства, хотя бы то, что АН не так уж давно приехал из Ленинграда с похорон матери.

Александра Ивановна умерла 18 сентября. Скоропостижно. В июне ещё вернулась из дома отдыха, и лето прошло вроде

нормально, а тут прихватило сердце… Точный диагноз уже не имел значения. У неё была ишемическая болезнь, потом врач сказал: инсульт. А в свидетельстве о смерти написано: инфаркт.

Безумно тяжёлый год…

Квартиру мамы на проспекте Карла Маркса они тогда потеряли. БН объясняет сегодня:

> «Последние годы мама жила в квартире одна, без соседей. Наверное, можно было и даже следовало бы за эту жилплощадь побороться, но, во-первых, я был для этого недостаточно практичен, а во-вторых, мне вообще мучительно было находиться в этом доме после мамы и без мамы».

Хочется привести последние строки из дневника Александры Ивановны, из той самой тетради, посвященной маленькому Арку и озаглавленной «Как рос и развивался мой мальчик»:

> «Арк поседел, но всё такой же красивый, умный (правда, без зубов). Теперь он купил себе двухкомнатную квартиру. Дочь его Наташа (Леночкина) и родная дочь Маша вышли замуж, он уже дедушка. Один год мне хотелось бы вычеркнуть из его жизни, но да что уж теперь говорить… Един бог без греха. Если б был жив Н.Э., как бы он радовался успехам своего сына!
>
> А мне вот будет 6 мая 78 лет. Невзгоды не убили меня».

А жизнь продолжается. 6 октября БН напишет в письме брату:

> «Я тут занимаюсь только хозяйственными делами. Ребята помогают. Один бы я, конечно, ничего не сделал, а так почти всё уже сделано. Осталось только реализовать книги и вывезти мебель. Вот поправлюсь и доведу всё до конца. Наше собрание сочинений с посвящениями мамочке я придумал переправить тебе. Тогда у тебя высвободится куча экзов для ВААПа, для подарков и т. д. Но это — во благовремении».

Дальше суровый год тихо докатывался до финиша. «Жук в муравейнике» начал печататься с девятого номера в «Знание — силе». Переиздание «Понедельника» вместе с «Парнем» вышло в «Детлите» (это было ещё летом), заработал регулярно семинар молодых фантастов в Москве. На ТВ начала выходить при поддержке космонавтов Феоктистова и Гречко программа «Этот фантастический мир» с инсценировками фрагментов из книг, с разговорами о фантастике, с приглашением в эфир писателей. Раза три появлялся на экране и АН. Заканчивалась опала. Да и вообще, такая программа на ЦТ — событие почти невероятное — это была первая и последняя (!) цикловая передача, посвящённая фантастике на советском и даже на российском телевидении. Неужели что-то начало меняться к лучшему?

И наступает 1980 год, который, в сущности, будет ничем не лучше. Для страны и мира в целом — даже ещё тяжелее: боевые действия в Афганистане, бойкот московской Олимпиады, драматические события в Польше, покушение на Папу Римского Иоанна Павла, американские заложники в Иране — сплошное нагнетание холодной войны. Наконец, смерть Высоцкого. Будут и другие громкие смерти в том году: Джо Дассен, Олег Даль, Джон Леннон… И на этом фоне — работа АНа над весёлым мюзиклом «Чародеи».

В июле председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин утвердил план выпуска телефильмов на 1981–1982 годы, и там значились «Чародеи». Конечно, в том, что намерен снимать Бромберг, от «Понедельника» уже на стадии сценария осталось совсем чуть-чуть, но зато отношение режиссёра к АНу отличное, учитываются его предложения и касательно музыки, и касательно текстов любимого Юлия Кима — всё можно обсуждать и согласовывать. Это интересно.

Параллельно АН в поте лица своего продолжает трудиться над японским рыцарским романом XIV века и к августу уже поскуливает, что перевод продвигается медленно, потому что он очень устал.

БН признается в конце июля, что круглосуточно следит по телевизору за Олимпиадой и наслаждается от души, на что АН ему отвечает: «Давай, мол, после Олимпиады заезжай сюда на несколько дней, получишь деньги и поговорим».

Приезжал. Поговорили. Но совместной работы над новыми книгами так и не получилось практически никакой.

Хотя ещё в марте АН закидывал брату интересную мысль:

«Ты писал, что пора бы поработать. Я не против. Но мне хочется работать над „Менсурой Зоили“. Я об этом часто думаю, и даже не столько думаю, как чувствую эту вещь. С героями „Понедельника“, с Лавром Федотовичем и Выбегаллой в ролях руководителей СП и т. д. Я — не ты. Я без тебя думать конкретно не могу».

Вот ведь какая вещь должна была получиться из «Хромой судьбы» — весёлая, злая, сатирическая, с узнаваемыми персонажами. А получилась совсем другая: печальная, лирическая, философская, с тонким юмором, а персонажи… Ну да, кое-кто угадывается. Но для большинства из них — чем больше проходит лет, тем труднее отыскивать прототипов — никто не помнит уже, и это тоже очень печально.

А какими были книги 1980-го? Их вышло две.

В альманахе «Мир приключений» — малоудачная сказка «Повесть о дружбе и недружбе», грустно удивившая, признаться, всех постоянных поклонников АБС.

Ну и война с «МГ» закончилась победой. Не хочется говорить «пирровой», потому что победа была всё-таки настоящей. Выход злополучных и долгожданных «Неназначенных встреч» стал не точкой в долгой эпопее, а многоточием, он стал трамплином в следующий период жизни, стал началом новых, куда более достойных отношений с издателями.

Что в итоге послужило решающим фактором? Вряд ли заступничество людей из ЦК или Госкомиздата (хотя и не без этого). Большие начальники любят много обещать, но крайне редко что-нибудь делают. Едва ли помогло и осознание кем-то своих ошибок — это тем более неправдоподобно. Скорее всего, ответ очень прост: вода камень точит, терпенье и труд всё перетрут. Во вражеский стан пришла элементарная усталость. Надоело им — вот и всё. Никто (по большому счёту) не помогал АБС, просто перестали мешать. Ну и конечно, сыграла свою роль смена коней на переправе. Уж слишком кони оказались неуправляемые, уж слишком понесло их.

Это в конце 60-х — начале 70-х в небезызвестном ведомстве, только что возглавленном нестарым и бодрым ещё Андроповым, разыгрывали националистическую карту. Дяденьки в штатском покровительствовали печально знаменитому клубу «Родина», распускали слухи о создании Русской партии, намекали отдельным писателям и поэтам, с младых когтей тяготевшим ко всякой бейжидовщине, что, мол, сегодня, можно, если только в меру, аккуратненько, без нажима. И были у них свои журналы для

этого: поначалу «Октябрь», потом «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия»… И все это трогательно совпало с обострением ближневосточного конфликта, с поправкой Джексона — Вэника[8] и массовым отъездом евреев из Советского Союза. А лет через шесть — восемь концепция у идеологов на Старой площади изменилась, и не то чтобы Система стала лучше или хуже, а просто: Эксперимент есть Эксперимент. Ну, захотелось им теперь по-другому поиграть с народом в кошки-мышки, ну, надоели им эти глупые откровенные нацики. Антисемитизм был всё также актуален и поощряем, но…без вольностей, товарищи, без самодеятельности! А эти в твердолобости своей не заметили, что погода на дворе уже не та, ну и слетели со своих должностей.

Вот крайне любопытный пинг-понг из фрагментов переписки АБС 78-го года с хроникой ухода Ганичева и Медведева:

> «АН, 25.04.78 — Гиша Гуревич сообщил, что не только Ганичев, но и Медведев уходит из МолГв в „Комсомолку“. Кто на его место — никто не знает. Чем это пахнет для нас — тоже.
>
> БН, 28.04.78 — Была у меня Танька Чеховская с Ремом. Трепались часа три очень мило. Она тоже утверждает, что Ганичев забирает с собою Медведева в „Комсомолку“. (Та ещё станет газетка!)
>
> АН, 02.06.78 — Из МолГв ничего не слыхать. Я узнал только, что Медведев там остался. Приедешь — поговорим, как узнать. Может быть, напишем ему, сукину сыну.
>
> БН, 05.06.78 — По сообщениям из Москвы, Медведев лежит со стенокардией. Может быть, поэтому сборник не двигается ни туда ни сюда.
>
> АН, 11.06.78 — Был у Белы, по ее словам, болезнь у Медведева дипломатическая, боится попасть на глаза новому директору и выжидает, пока всё не успокоится. Отчего боится — не понял и спрашивать не стал.
>
> АН, 14.09.78 — Медведев уже приступил к обязанностям зава отделом морального воспитания и начинает чистить кадры: изгонять инородцев.
>
> БН, 17.09.78 — Про Медведева — очень интересно. Завотделом морального воспитания! Это же прелесть! Но учти, я ведь ничего не знаю. Так что отпиши: где он завотделом (в МолГв? В Комсомолке?); кто вместо него в

отделе НФ; что за человек?

АН, 26.09.78 — Медведев завотделом в Комсомолке. Редакцию нашу в МолГв, насколько я понял, распустили вовсе: путешествия передали в редакцию науки, приключения — в редакцию прозы, фантастику — в редакцию „Эврики“. Характерно, что ни одна из редакций не пожелала брать в придачу к тематике живых медведевских редакторов».

А в мае 79-го состоялось выездное заседание Совета по фантастике в Новосибирске, и вот как братья обмениваются мнениями по этому поводу:

АН, 30.05.79 — «Биленкин побывал в Новосибирске на съезде фантастов РСФСР. Медведевцы — их там двое было из Иркутска — сделали ужасную вылазку с призывом отмежеваться от Стругацких и их последователей, но были встречены холодно и даже враждебно, уверились, что это еврейское собрание, и разочарованно удалились. Даже в прощальном банкете отказались участвовать».

БН, 5.06.79 — «О новосибирских событиях мне подробно рассказал Брандис. Да, со Щербаковым, видимо, каши не сварить. Медведева нет, но дух его тяжёлый остался».

Почти через год пакостное эхо той войны ещё раз больно и неприятно напомнило о себе. АБС настолько перестали верить в возможность выхода «Пикника», что заключили с горя договор с «Лениздатом» на сборник, куда тоже включили «Пикник», а в «МГ» он всё-таки вышел раньше, чем в Ленинграде. Последовало грозное письмо юрисконсульта издательства от 10 апреля 1980 года и расторжение договора, в результате которого пришлось авторам раскошелиться и вернуть немалые деньги — крайне неприятная ситуация! И мнится мне, что не обошлось тут без злых козней бывших или даже оставшихся на своих местах молодогвардейцев. Понятно, что все издатели худо-бедно знали друг друга и на определённом уровне всегда могли вступить в заговор. Что и произошло. Не верю я, что при советской власти так уж важно было кому-то, чтобы книга издавалась лишь в одном месте. При тогдашнем книжном дефиците никаких сложностей у торговли возникнуть не могло, а проблема конкуренции

издательств не существовала вовсе. Так что всё строилось исключительно на человеческих отношениях. Если автора любили, ему шли навстречу. Если нет — чисто формально требовали назад деньги.

Однако большие неприятности у АБС не закончились и на этом.

Той же весной 1980-го разразилась отвратительная эпопея исключения из ЛГУ Андрея Стругацкого. БН не любит вспоминать об этом. А тогда не только не любил, но и просто боялся рассказывать. Вот что можно прочесть в письме Ковальчуку от 10 апреля (трогательное совпадение с датой письма из «Лениздата»):

> «Писать о своих неприятностях мне крайне неприятно. Тем более что всё это и в самом деле кажется стороннему наблюдателю иррациональным. Трудно поверить, что студента выгоняют с третьего курса за то, что, будучи школьником 9-го класса, он слушал чужие „голоса“ и трепал лишнее среди своих приятелей, школьников же. Однако суть дела именно в этом. Всё прочее — хвосты, дисциплинарные нарушения, неучастие в общественной работе — было притянуто уже потом, когда прибыли соответствующие бумаги из соответствующих органов.
>
> Спасибо за намерение помочь, но думаю, что сделать теперь уже ничего нельзя. Горком КПСС сначала обещал мне помощь, но потом отступился, университетское начальство настроено злобно и решительно, остаётся одно: армия или завод, а там — видно будет.
>
> Имейте в виду, Миша, что я эту историю не афиширую, ибо боюсь распространения злобных слухов. Поэтому и Вы считайте полученную от меня информацию конфиденциальной. Официальная версия: „Исключён за неуспеваемость и пьянку в День географа“. И точка. Формулировка исключения: „За несдачу задолженностей в срок и за поведение, недостойное советского студента“.
>
> Очень боюсь, что вся эта история отыграется на семинаре…»

И как в воду глядел. История с сыном имела-таки продолжение. Вызвал БНа на ковёр тогдашний персек ленинградского СП и, неловко глядя в сторону, пробормотал что-то про горком, который очень уж бочку катит и надо бы временно

попритихнуть и отсидеться в уголку. Договорились, что оставшиеся в сезоне два заседания проведет Евгений Павлович Брандис, а к осени всё забудется, и можно будет вернуть статус кво. Так оно и вышло. А сын Андрюшка той же осенью загудел в стройбат.

Добавим тут же, что отбацав срочную службу, он вернулся, закончил-таки геофак и работал некоторое время во ВНИИМАШе (кажется, так этот институт назывался), а потом началась перестройка, свободы всякие, и Андрей, как и многие, пошёл в бизнес: пёк булочки на продажу, приторговывал петардами, и в конце концов занялся любимым делом — открыл точку по продаже музыкальных кассет, дисков, плееров, занялся звукозаписью. Музыку (современную, не классическую) любил он всегда, знал её вдоль и поперёк, слыл знатоком и ценителем. Личная жизнь Андрея Борисовича получилась бурной, но в итоге тоже счастливой. Нарожал пятерых внуков-внучек (от двух браков), старшему сегодня уже за двадцать, он (старший внук БНа) живёт в США, по профессии нефтяник и мечтает работать на Русском Севере.

Может, и правду говорят, всё что ни делается — к лучшему, но тогда, в 80-м, было по-настоящему тяжело. Неприятно аукнулись диссидентские увлечения БНа. Хотя у нас ещё при Сталине уверяли, что дети за отцов не отвечают. Кто-то спросит: зачем вспоминать об этом сегодня? Да затем, чтобы поменьше было идиотов, особенно молодых, среди которых сделалось модно ностальгировать по Советскому Союзу.

Осенью у БНа началась стенокардия, а 6 февраля 1981-го он уже лёг в больницу с инфарктом.

В марте поправился. Только курить перестал.

И, кажется, на этом чёрная полоса в их жизни всё-таки закончилась.

Глава семнадцатая
ОТЕЛЬ «У ПОГИБШЕГО СЦЕНАРИСТА»

«В конце концов, литература — это высоко символизированная действительность, совсем особая система ассоциаций, воздействие на совсем иные органы чувств, в то время как кино — это живопись, это музыка, это совершенно реальный, я бы даже сказал — беспощадно реальный мир, элементарной единицей которого является не слово, а звучащий образ…»

Б. Стругацкий. «Комментарии к пройденному»

Важнейшим из искусств в Советском Союзе всегда являлось кино. И это знали все, даже те, кто не помнил, что фраза, растиражированная на стенах многих кинотеатров страны, принадлежит Ленину. Потому что это была правда. Долгие годы именно кинематограф служил Системе самым мощным инструментом пропаганды. Потом его сменило телевидение, но и тогда большинство населения любило смотреть по телевизору в первую очередь именно художественные фильмы. Кино было и оставалось любимым видом досуга — ввиду доступности (по распространённости и по деньгам), а также простоты, понятности и увлекательности. Культурный досуг советского человека не отличался разнообразием: кино да книги, театр — это уже для узкого круга. Кино главенствовало всегда и всюду. Поэтому неудивительно, что как только фантастика в литературе сформировалась в могучее и крайне популярное направление, сразу начались разговоры о фантастических фильмах. Режиссёры и сценаристы в начале 1960-х рвались в бой, через одного мечтали они создать грандиозный фильм о будущем, о космосе, о гениальных изобретениях, мечтали положить начало славной отечественной кинофантастике, разумеется, лучшей в мире, о другом у нас никогда и речи быть не могло. Но… не довелось. Не

было ничего более убогого в нашей культуре, чем кинофантастика (если брать её в целом).

Стругацкие не могли не видеть этого. И в первом февральском номере «Советского экрана» за 1967 год выступили можно сказать с программной статьёй «Почему нет кинофантастики», в которой очень чётко определили все тенденции фантастического кино в СССР и сформировали все требования к нему. Жаль, что ни высокое начальство, ни сами кинодеятели — никто не прислушался тогда к этим советам. А ведь концовка у статьи была такая по-советски бодрая! Даже обидно вспоминать сегодня:

> «Лично мы оптимисты. Логика развития фантастики, наблюдаемая в советской и мировой культуре, должна обязательно привести к развитию у нас кинофантастики. Это почти неизбежно. Перспективы, во всяком случае, обнадеживают. В Киеве собираются выпускать картину по „Туманности Андромеды“, на „Мосфильме“ сделали „Мы — марсиане“. Заинтересовалась как будто фантастикой студия „Ленфильм“…
>
> Зритель имеет все основания надеяться: советский фантастический фильм будет и, может быть, даже скоро».

Ну, с предпоследней фразой понятно. Здесь они намекают на собственный проект с Германом, суеверно не произнося ничего конкретного. «Марсиан» даже и комментировать не хочется, а «Туманность Андромеды» Евгения Шерстобитова, в отличие от романа Ефремова, событием не стала. Плоский сюжет, картонные декорации и дутый пафос этого фильма разочаровали практически всех. Тогда многие недоумевали — почему? А сегодня с высоты нашего опыта понятно, что, во-первых, десять лет — это много: искренней веры в те идеалы не было теперь даже у самого Ивана Антоновича (он уже работал над «Часом быка»); а во-вторых, искусственные монологи и диалоги ефремовских героев ещё можно было худо-бедно воспринимать с бумаги, когда же их стали произносить вслух с экрана, фальшь почувствовали все, включая автора. Этот философский трактат явно не предназначался для кинематографа.

Зато безусловной удачей начала 60-х стал «Человек-амфибия»: добротный сценарий, отличные актёры, прекрасные подводные съёмки (редкость по тем временам) и вообще яркое зрелище. Сборы оказались невиданными. Рекорд фильма был

побит через несколько лет только сверхпопулярными комедиями Леонида Гайдая «Кавказская пленница» и «Бриллиантовая рука». В общем, это не удивительно: 1962 год, поздняя оттепель, пик интереса к фантастике. «Человек-амфибия» вызвал в прессе целый шквал обсуждений и дискуссий, поднял огромную волну надежд на развитие нашей кинофантастики. Увы. Ничего сопоставимого по успеху больше десяти лет не было. Относительной удачей можно считать НФ-комедию «Его звали Роберт» (1966). Следующим безусловным прорывом в нашей фантастике стал «Иван Васильевич меняет профессию» (1973), но это всё-таки гениальный Гайдай, да ещё помноженный на гениального Булгакова. Нечего было и мечтать снять что-то близкое к этому. Ещё одним потрясающим фантастическим фильмом стал «Кин-дза-дза» (1986) — через 13 лет! Но тут опять же сыграла роль личность Георгия Данелии — одного из сильнейших режиссёров нашего кино. У него и «Слёзы капали» (1982) я считаю прекрасным и сильно недооценённым фантастическим фильмом. Ну и, собственно, на этом можно заканчивать наш обзор. Я бы только ещё добавил к нему великолепный и незаслуженно забытый «День гнева» (1985) Суламбека Мамилова по рассказу Севера Гансовского. И всё. Дальше начинается эпоха российского кино, о которой говорить не очень хочется. К сожалению, в последние двадцать лет, когда стало всё можно, — ни цензуры тебе, ни технических ограничений! — ожидания любителей фантастики не оправдались. Реальным следующим прорывом в кинофантастике стал, конечно, «Ночной дозор», но его успех измеряют в миллионах долларов, а успех старых кинолент — в миллионах зрителей. По какому курсу считать сегодняшний доллар к тогдашнему зрителю — непростая задачка для математика-экономиста. Но ясно одно: посещаемость кинотеатров всё равно на два (если не на три) порядка ниже. И какой смысл считать?

Ну а что касается Тарковского, то и «Солярис», и «Сталкер», и «Жертвоприношение» — вне конкуренции. Их как-то даже неловко сравнивать со всеми остальными картинами.

О Тарковском вообще разговор особый.

Вернёмся к неудачам советского кино, к очевидному и сокрушительному провалу нашей кинофантастики. В чём дело?

Мне видятся целых три причины. Первая — самая незначительная, но о ней чаще других говорят: отсутствие необходимой техники, навыков, традиций, общей культуры фантастического кино. Конечно, это удобная отговорка, хорошее оправдание чьей-то лени, инертности и бездарности.

Второе. Презрительное отношение литературного

мейнстрима к фантастике, автоматически переносимое и на кино. Считалось просто несолидным работать в «низком» жанре. А руководство определяло НФ как детско-юношеское направление. Вот почему фантастика, граничащая со сказкой, и снималась, как правило, с расчётом на школьников. Таких фильмов было больше, но и они не радовали — все эти шаги с крыши, приключения электроников, а тем более всякие отроки во вселенной. Они были на удивление аляповаты и малограмотны, будто их специально доверяли людям предельно далёким от фантастики, чтобы дискредитировать её как класс. Булычёвская «Гостья из будущего» (1985) оказалась уже рангом повыше, но сравнения с настоящей кинофантастикой уровня «Back to the future»(«Назад в будущее») — год тот же, 1985-й! — не выдерживала совершенно.

И, наконец, третья и главная причина. Фантастика — вещь идеологически ненадёжная. Цензура видела в ней эзопов язык даже там, где на него и намёка не было. Начальству тяжеловато было разбираться в научной зауми, и от греха подальше фантастику задвигали в наиболее безопасные сферы. В книгах с ней худо-бедно мирились. В периодике — уже суровее относились: отдельные рубрики — пожалуйста, но специализированный журнал — ни-ни! В кино — в этом главном оплоте пропаганды, — не место сомнительной фантастике! Ну а на ТВ — новейшем и наиболее эффективном инструменте промывания мозгов — это вообще табу. Вот почему так удивительно было появление программы «Этот фантастический мир». Она держалась только на энтузиазме космонавтов — особой касты советского общества. Потом всё рухнуло: и Система, давившая свободную мысль, и — вместе с нею, — авторитет космонавтов.

В итоге поразительный результат: после 1991-го в отношении к фантастике мало что изменилось. Идеологическая парадигма перевернулась с ног на голову (точнее с головы на ноги), но некоторые традиции у нас продолжают чтить не хуже, чем в Великобритании. Судите сами: книжек — завал любых, в них можно писать и печатать даже то, что противоречит конституции или здравому смыслу. Кино и прессу контролируют уже весьма заметно. Даже Интернет фильтруют основательно. Ну а уж телевидение… Там вообще — Советский Союз в полный рост! И фантастики на ТВ как не было, так и нет.

К чему это я всё? Да к тому, что Стругацким фантастически не повезло с кинематографом. В стране, где тридцать лет работали писатели высшего мирового класса (рядом с ними из ровесников-соратников по цеху я готов поставить лишь троих — Лема, Брэдбери и Воннегута), кинофантастику просто вывели за

рамки общекультурного процесса. Сначала по политическим соображениям, потом — по коммерческим.

Не повезло Стругацким и в личном плане — за всё это время не нашлось НИ ОДНОГО режиссёра, который, будучи одновременно талантливым и признанным (уже редкое сочетание), был бы ещё готов понять их как авторов, пойти навстречу, а в идеале — раствориться в их творчестве, что для режиссёра, тем более талантливого, вообще почти нереально. И тем не менее — я уверен, — это было бы возможно, если бы… Но не случилось. Работали со Стругацкими либо профессионалы средней руки, не сумевшие подняться на должную ступень обобщений и открытий, либо — конгениальные им художники, для которых по определению, что Стругацкие, что Флобер, что Богомолов, что Симонов — всего лишь отправная точка для собственных идей, им никто не указ.

Совсем не удивительно, что к прозе АБС обратились три самых неординарных, самых тонких, самых сложных художника в нашем кино — Герман, Тарковский и Сокуров. Это всё тот же закон всемирного тяготения — большие массы притягиваются сильнее. Художников такого уровня мастерства слишком мало, чтобы они могли не заметить друг друга, не заинтересоваться друг другом. Вот только результат… Результат во всех случаях получился странный.

Таков общий фон, исходная ситуация. Ну а теперь конкретно обо всех фильмах, к которым АБС имели хоть малейшее отношение.

Говоря о Стругацких и кино, следовало бы разделить наш рассказ на три части. Первая: самостоятельное написание сценариев по собственным повестям, активное участие в работе над фильмами, связанное, прежде всего, с творческим поиском и желанием расширить свою аудиторию. Вторая часть: работа для кино как один из способов заработка. Иногда из этого получались любопытные вещи. Но редко. И третья часть: экранизации без всякого участия авторов. Эта тема — открытая ещё на долгие годы вперед.

Да, хотелось бы разделить повествование на части, однако в жизни все три формы взаимодействия АБС с кино так тесно переплетались, что нам невольно придётся рассказывать обо всём вперемежку.

Итак.

Эпизод I — «Страна багровых туч»

Всё происходило по классической советской схеме. Успешная книга должна быть экранизирована, светлый ей путь. Но у АБС и здесь получилось не как у людей. Фильм даже не был запущен в производство. Внятных объяснений этому не найдено за давностью лет. Мистические — неуместны. Остаётся говорить о случайности, а уж несчастной или счастливой — это кому как нравится. За экранизацию брался Василий Николаевич Журавлёв (1904–1987). Он стал первым кинорежиссёром в жизни АБС и потому достоин отдельного представления. Журавлёв начал работать в кино ещё в конце двадцатых — в славную эпоху Протазанова, Эйзенштейна и Довженко. Был помрежем у Сергея Юткевича, работал с Михаилом Роммом как со сценаристом. Но сам в классики не попал. Принято считать, что три его фильма — «Граница на замке», «Гибель „Орла“» и «Пятнадцатилетний капитан», — вошли в золотой фонд советской приключенческой классики, однако в массовом сознании фамилия «Журавлёв» не запечатлелась. И, собственно, из шестнадцати снятых им за долгую жизнь полнометражных фильмов событиями стали лишь два. Та самая послевоенная экранизация Жюля Верна и «Космический рейс» (1935) — второй советский фильм о полёте в космос. Он имел куда больший успех, чем созданная на одиннадцать лет раньше легендарная «Аэлита», несмотря на громкие имена Алексея Толстого и Якова Протазанова. В общем, понятно, почему именно Журавлёв проявил интерес к Стругацким.

В начале октября 1960 года АН получил официальное письмо от «Мосфильма» с предложением об экранизации. Над сценарием работали быстро и с огоньком. В молодости хочется попробовать всё, и любая цель кажется достижимой. Было страшно интересно: и новые диалоги, и новые сюжетные ходы, и очередная замена фамилий (о, как это знакомо!), и придумывание новых персонажей, и даже перенос действия с Венеры куда-нибудь ещё. «А это зачем?» — недоумевает, в первую очередь, БН ещё в октябре 1960-го. АН рассказывает ему последние московские (а также и ленинградские) сплетни. Оказывается, на «Ленфильме» уже запущена «Планета бурь» по Казанцеву, и на коллегии Минкульта полагают, что два фильма о Венере — это перебор. Правда, Фурцева — умная женщина: оставила этот вопрос решать самим киношникам, ну, вот они и предложили выбрать другую планету. АБС перебрали варианты: Ганимед, Титан, Нептун… Остановились на Плутоне — под него и переписали сценарий. Но, к сожалению, в итоге чиновникам из Госкино даже два фильма просто о космосе показалось многовато. И это в год полета Гагарина и бурного роста интереса к фантастике! Поразительно:

21 апреля 1961 года АН расторгает договор с «Мосфильмом», успев получить только аванс.

А сценарий Казанцева был ужасен, как говорили знакомые киношники, бешено ругаясь: «Испортил тему, дурак!» Вот так Казанцев впервые активно вторгся в жизнь АБС и сразу с резко отрицательным эффектом.

Как начались отношения АБС с кино, так они и продолжились.

Не думаю, что фильм Журавлёва по Стругацким, будь он снят, вошёл бы в «золотой фонд», но уж точно принёс бы авторам и деньги, и дополнительные возможности. И потому всё-таки жаль. А сценарий остался. Крепкий сценарий. И, учитывая сегодняшний несколько болезненный интерес к советскому «ретро», чем чёрт не шутит, может быть, он ещё найдёт своего режиссёра.

Эпизод II — «Трудно быть богом».

«Отель „У погибшего альпиниста“»

Перед следующим сценарием перерыв получился изрядный — пять лет. Эти годы были заполнены предельно интенсивной литературной работой — по две книжки в год. Какое уж там кино! Нет, они, конечно, следят за происходящим, но самим включаться решительно некогда. Пока БН не познакомится с Лёшей Германом, сыном известного писателя Юрия Германа, а тот вдруг возьмёт да и предложит экранизировать «Трудно быть богом» — роман, в который он влюбился с первого чтения, хотя отцу книга не понравилась, и Юрий Павлович считал полнейшим сумасшествием замысел сына.

На дворе 1966-й. Оттепель закончилась. Правда, никакие ужасы в явном виде на горизонте ещё не маячат, и АБС с энтузиазмом берутся за очередной киноэксперимент.

Они уже не совсем новички, а Герман в отличие от почтенного Журавлёва — на пять лет моложе БНа, и с ним куда проще общаться. В тот момент в активе Алексея нет ещё ни одного собственного фильма: на «Рабочем посёлке» он работал вторым у Венгерова, а «Седьмой спутник» только заканчивает и притом совместно с Ароновым. Так что похвастаться пока нечем. Зато есть чёткое представление, как надо снимать настоящее кино и есть прекрасное взаимопонимание с БНом. Ах, если бы именно тот фильм стал первым и у Германа, и у Стругацких! Не

сложилось. Вот тут уже по-крупному не повезло.

А ведь именно тогда они понимают, что работа с первым сценарием, собственно, и не была ещё настоящей школой кино. Да, Василий Николаевич что-то объяснял им о принципах кинодраматургии, но в том-то и беда, что многие из тех принципов безнадёжно устарели. Только теперь, благодаря Герману приходит ясность: сценарий ни при каких обстоятельствах не может быть механическим повтором, сокращённым или удлинённым пересказом литературного текста. Сценарий должен быть оригинальным произведением. Когда делаешь его, надо постараться в идеале увидеть каждый кадр будущего фильма. А это — совсем не те образы, которые стояли перед глазами, пока ты писал книгу. Необходимо придумать, увидеть, создать новую реальность. А это — немыслимо трудно и даже страшно. Это — как прыжок в пустоту из самолёта без всякой гарантии, что парашют раскроется, даже без всякой уверенности, что он вообще есть у тебя за плечами. Бывает так, что там, на спине, — лишь иллюзия. Но ты уже прыгнул. А дальше — как повезёт. Только одного нельзя делать наверняка — оставаться в самолёте, то есть внутри книги. Это будет никому не интересно и не нужно. Кино — свободный полёт: фантазии, идей, новых сюжетов.

И АБС вместе с Германом сделают этот сценарий — эту новую инкарнацию великой книги — примерно к началу 1968-го. Как жаль, что первая рукопись навсегда исчезла после того, как фильм, так и не запущенный в производство, прикрыли той же осенью. Думалось, что и прикрыли тоже навсегда…

Но Алексей Георгиевич и БН вернутся к идее этого фильма через два десятка лет в том же городе, на той же студии, но уже практически в другой стране. Вот как об этом рассказывал сам режиссёр в разговоре со мною:

> «Пришел Горбачёв, и у меня дела начали поправляться. Ведь до этого я был отовсюду выгнан. И вдруг оказалось, что „Трудно быть богом“ снимает Фляйшман в Киеве.
>
> Я пошёл к тогдашнему председателю Госкино Камшалову. „Почему, — говорю, — мне запретили, а Фляйшману разрешили?“. Он засуетился: „Фляйшман — жулик и негодяй, он денег не платит, он вообще немецкий шпион, поезжайте, — сказал, — и заберите у него картину“. Ну, я и поехал в Киев. Меня там приветствовали молча, угрюмо. Они все пили немецкое

пиво и ходили с радиотелефонами. Они не хотели уходить от Фляйшмана к Герману. Я посмотрел на его декорации. Это было что-то невероятное. Незнакомый мне материал типа целлулоида, и всё огромное, как в Голливуде. Тут из закоулка вышел какой-то человек. „Вы — Герман? А я — Фляйшман, — он прекрасно говорил по-русски, почти без акцента. — Вы хотите снять это кино?“ „Ну, не то чтобы это… Но я хотел снять фильм по Стругацким“. Потом я передал ему слова Камшалова, и он захохотал. „А вот скажите, — спросил он после, — с точки зрения режиссёра, здесь можно снять что-нибудь путное?“ Я посмотрел ещё раз и ужаснулся. Весь этот городок где-то украли, он был совершенно не приспособлен для нашего сюжета. Фляйшман сказал: „Беритесь. Я заплачу вам больше, чем ваше Госкино“. Оказывается, он был не просто режиссёр, а фактически хозяин всего этого. „Но! — он поднял палец. — Сценарий трогать нельзя. Актёры могут быть любые, а сценарий — только этот. Каждый кадр уже посчитан“. А в сценарии участвовали не только немцы, но ещё и Даль Орлов, тогда главный редактор Госкино. В общем, я отказался, конечно. Вернулся в Москву к Камшалову и довольно резко всё ему выложил. Он немножко испугался и предложил мне снимать параллельно с Фляйшманом. „Хорошее предложение, — сказал я, — у него там бюджет — тридцать миллионов, а у меня будет шестьсот тысяч“. „Дадим миллион, — предложил Камшалов, — и пусть у вас будет соревнование“. Хорошо не добавил „социалистическое“.

И вот тут мы с Борей стали писать. Но получался совершенно фантасмагорический текст. В чём дело? Поначалу не могли понять. Потом поняли.

Мы же погрузились тогда в мир иллюзий: вот ещё год, ну два, и всё будет прекрасно, разгонят все эти ненавистные организации, настанет совсем другая жизнь…

А надо сказать, что всякие эти организации потрепали нас обоих здорово. В моей последней паузе у меня соскочил ещё замысел „Палаты № 6“. И было непонятно, зачем теперь снимать про эту палату, когда уже надо снимать про генерала Григоренко, который сидел в своей палате, совсем с другим номером… Чехов стал не интересен в те годы. И „Трудно быть богом“ стало отходить, как прошлое, оно стало какой-то

пародией на историю. Ну, вот, представьте: человек боялся своего господина, а потом господин умер, человек выскочил на улицу и начинает рассказывать про него всякие байки… Всё стало плоско и очень быстро таяло, как снег.

А уж если сводить счёты с той властью, которая сделала нам много дурного, то как-то совсем иначе… Уж мне-то все картины запрещали. Третья чудом вышла, а после четвёртой я был уволен навсегда. И Стругацким крови попортили… А теперь вот так жидко им отвечать — Рэбой, глупым королём, уничтожением книгочеев? Мелко, неинтересно показалось, и мы это дело бросили…»

А потом прошло ещё лет десять с лишним, и в 1999-м, да, это было именно в 1999-м, когда и власть-то ещё формально не поменялась, но политический вектор России в очередной раз начал поворачиваться. Большой художник почувствовал если ещё не гонения, то уже явное давление на культуру, и ему снова стало интересно делать этот фильм. Вся традиционная «мушкетёрщина», которой много в повести и которая режиссёру и раньше казалась не слишком интересной, теперь была отброшена напрочь. Он создал для себя некий страшноватый мир в духе Босха, и одним из его свойств стала удивительная подвижность, переменчивость. За весь долгий семилетний период работы над фильмом этот мир менялся вместе с нашей реальностью, и было это страшно увлекательно…

На момент, когда я пишу эти строки, съёмки закончены. Идёт монтажный период, но, к сожалению, неизвестно, что выйдет раньше — долгожданный фильм или моя книга.

…БН и Алексей Георгиевич дружат всю жизнь и всю жизнь высоко ценят творчество друг друга, поэтому они не раз и не два помогали друг другу. Мы расскажем о двух таких случаях, не слишком известных широкой публике. Первый — это уже упоминавшийся сценарий «Отеля „У погибшего альпиниста“», который они написали в сентябре 1969-го, как отметил БН в своём дневнике, исключительно для денег, не надеясь на фильм. Но это не совсем правда. Во-первых, БНу, безусловно, было интересно переделать для кино свежую, только что написанную вещь, а во-вторых, надежда всегда умирает последней. И работа не пропала даром. Пусть через десять лет, но именно «Отель…» стал первой экранизацией АБС, опередившей даже «Сталкера». Сценарий, написанный в основном БНом (Герман выступал

больше в роли консультанта), был предложен Григорию Кроманову, который сам вышел на АНа в Эстонии в 1977-м. Кроманов чужой сценарий, понятно, отверг. Началась долгая и нудная возня с новым вариантом, который писал АН по требованию Кроманова. Дело шло из рук вон плохо. Наконец, АН изнемог (мало ему было Тарковского!) и перебросил Кроманова на БНа. Тот снова предложил германовский вариант, и Кроманов в общем и целом сценарий принял. Промучились ещё с полгода, переносили действие из зимы в лето и обратно, убирали и возвращали персонажей… В общем, укатали друг друга здорово, но, в конце концов, получилось то, что получилось — средненький, по-ученически грамотный, в меру беззубый, никого не раздражающий и весьма зрелищный фильм. По всеобщему признанию, он на сегодняшний день — самая точная экранизация АБС, не исказившая авторского замысла, но и доказавшая в очередной раз, что не привнеся ничего нового, своего, нельзя создать произведения киноискусства.

Рассказывая об этом фильме, хочется завершить цитатой из письма БНа АНу от 7 ноября 1981 года:

> «Вдруг подвалило из Таллинфильма — 2188.82. За что? Неужели добавка за выполнение плана? Если так, то — ай да ОуПА! А вы всё долдоните: „Сталкер! Сталкер!“ Вот фильм так фильм! Тарковский, Тарковский!.. Вот режиссёр — Кроманов! Да здравствует коммерческий кинематограф!»

И возвращаясь к Герману — о втором случае их эпизодической совместной работы с БНом.

В 1975 году БН был, мягко говоря, не сильно занят и по просьбе друга Лёши в течение месяца, а то и двух помогал ему выстраивать сценарий будущего фильма «Двадцать дней без войны». Участие БНа в итоге никак и нигде не обозначили, Алексей просто по взаимному согласию заплатил ему 300 рублей, что по тем временам было очень и очень кстати. А уже летом 1976-го БН напишет в письме Борису Штерну:

> «С фильмом Германа тоже ни хрена не понять. С одной стороны, он, казалось бы, формально принят. С другой — ленинградское начальство стоит горой против и требует вырезать то-то и сократить то-то. С третьей — в „КомсПравде“ была превосходная, хвалебная и точная

> рецензия на этот фильм. С четвёртой — высшее московское начальство должно смотреть и сказать последнее окончательное слово… в общем, ни хрена не понять. А у Германа — жена на сносях, и родственники уехали в США, и нервы — как рояльные струны… Жуть!»

Действительно, нелегко понять, как могут не выпускать в прокат фильм, на который уже была положительная рецензия в центральной прессе. Но такова уж судьба всех больших талантов. Действительно, ни один из фильмов Германа не выходил на экран без приключений.

Наконец, история с «Трудно быть богом» тоже имела ещё несколько «промежуточных финишей» и даже без участия Германа. Отлежавшись добрые десять лет, замысел был реанимирован в пору литературного затишья и активной работы братьев в кино — в конце семидесятых. АН в Москве познакомился с режиссёром Ирмой Рауш (она же Ирина Тарковская — первая жена Андрея Арсеньевича), и той показалось, что наступил удачный момент для запуска картины теперь уже на «Мосфильме» или на студии Горького. Вот пара строчек из письма АНа от 1 марта 1978 года:

> «Ирина Тарковская (наш реж по ТББс) землю роет, требует поскорее оформлять последний вариант сценария. Что-то там проясняется, как я понял. Обещал сделать и сдать ей к следующему вторнику».

Какой при этом использовался сценарий, выяснить за давностью лет не удалось. Вероятнее всего, за основу принимался германовский и переделывался под нового заказчика, во всяком случае известно, что за вполне законченный текст Стругацким даже были заплачены деньги, причем именно со студии Горького. Однако и этот проект увял, не успев расцвести. Всё-таки где-то там наверху врагов у АБС оказалось больше, чем друзей.

А через два года — новое оживление. В конце апреля 1980-го к АНу пришёл молодой, энергичный, не равнодушный к фантастике вообще и к АБС в частности Карен Шахназаров. К тому времени он уже поставил неплохой фильм «Добряки» по пьесе Леонида Зорина с Бурковым в главной роли и написал один вполне успешный сценарий — «Дамы приглашают кавалеров». Карен предложил следующую схему: «Мосфильм» как бы выкупает сценарий «Трудно быть богом» у студии Горького, АБС

уже ничего не получают в аванс, но им и работать не надо. Потому что сценарий он напишет сам, совершенно другой. В наше время это бы назвали просто выкупом прав, но в те годы так ещё не говорили: не было у автора никаких прав, он просто выполнял работу. Но, так или иначе, АБС согласились, оба, им уже не охота было возиться с той же вещью в третий раз. Главное — сняли бы фильм, а там и на потиражные есть надежда, и на вторую серию, как было с Тарковским. В общем, доверились мальчишке (ему тогда было двадцать восемь). А мальчишка оказался талантливый.

В день открытия московской Олимпиады, 19 июля, АН пишет брату:

> «Впечатление о ТББс — самые приятные. Шахназаров сделал поистине великолепную штуку: взял текст ТББ и, практически не прибавив ни слова, изъял из него текст ТББс — не изъял, конечно, а извлек. Эффект при чтении получился ошеломляющий. Сейчас он распечатывает и передаёт Алову и Наумову (это руководство студией-4 „Мосфильма“). Уверяет, что единственный уровень, где сценарий может застрять, — это Госкино».

Вот там он, как видно, и застрял. Ничего не удалось сделать даже энергичному Карену, даже несмотря на папу — известного философа, высокопоставленного работника ЦК КПСС Георгия Хосроевича Шахназарова, по совместительству фантаста Георгия Шаха. Жаль.

И особенно жаль, что Карен Георгиевич, автор многих замечательных фильмов, в том числе и фантастических («Город Зеро», «Сны») не вернулся позже к этой своей идее.

Разумеется, следует рассказать чуть больше и о советско-германском фильме. Этот новый дерзкий киноподход к непокорённой книге был совершён в середине 80-х, и теперь амбиции взыграли у столь серьёзной организации, как «Совинфильм». Кто-то там сообразил, что достойную фантастическую картину не удастся снять без участия иностранного капитала, а также иностранных же профессионалов. Почему-то совместное производство решили затеять на Киевской студии имени Довженко. Договор с АБС был заключен 7 марта 1984 года, но как-то странно: составлен, обсуждён во всех деталях, однако подписан лишь со стороны авторов. Не дождавшись подписи другой стороны и чувствуя, что их пытаются

полностью отстранить от написания сценария, АБС 14 августа того же года пишут письмо на студию и отдельное письмо в Госкино, где заявляют о расторжении договора. Даты известны нам точно благодаря письму АНа брату, в котором все эти страдания подробно излагаются.

А письмо-то примечательное! Оно стало последним в огромной (больше тысячи конвертов) переписке соавторов. Дальше, начиная с 15 августа 1984 года, Стругацкие общаются между собой только по телефону и при встречах. Сыграли роль три фактора: ставшая простой и удобной автоматическая связь между городами, некоторая усталость обоих от бесконечного писания и заметное улучшение материального положения — междугородние звонки они вполне могут себе позволить, не глядя в ужасе на часы по ходу долгих разговоров. А мне как биографу остаётся только пожалеть, что никто не записывал на магнитную ленту всех этих бесценных теперь разговоров.

Так вот, на желании АБС расторгнуть договор история с «Трудно быть богом» не завершилась, как всем известно. Она тянулась ещё пять лет. Стругацким не хватило терпения и сил бороться, довольно скоро они махнули на всё рукой (кроме гонораров, конечно, которые, слава богу, были всё-таки выплачены) и стали смиренно ждать, что из всей этой ерунды получится. Особенно раздражал Даль Орлов, против которого рьяно выступал АН. Но что поделать! Коммерческое кино да ещё в союзе с советской Системой, пусть и в предынфарктном уже состоянии, показало свой звериный оскал. Фильм немало попил кровушки у братьев и получился (в противоположность «Отелю…») самым далёким от идей, от стилистики, от образов — от всего, что было в повести. Наверно, можно простить создателям многие глупости, допущенные в сценарии (хотя лично я прощать бы им не стал ничего), но концовку с применением землянами всей мощи своей техники, уничтожающую весь авторский замысел, — простить нельзя. И потому в итоге я тяготею, конечно, к резкой оценке БНа, считающего немецкий фильм самой большой неудачей из всех экранизаций АБС. Более мягкого мнения придерживался АН. К такого рода фильмам он умел относиться по-детски доброжелательно и признавался, что несколько раз смотрел фляйшмановскую поделку не без удовольствия, ведь с какой-то стороны всегда приятно, если из того, что ты придумал, делают кино, его ведь многие посмотрят, а потом, глядишь, и книжку прочтут.

И это правда. Две самых рейтинговых книги АБС во всём мире — это «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом». Режиссёры выбирали их не по этому принципу. Наоборот —

благодаря фильмам многократно вырастали тиражи. Так что и поклонники АБС и сами авторы, в общем, должны говорить спасибо любой экранизации. Они и говорят, только попутно всё равно ругаются.

Третьим в рейтинге популярности книг АБС всегда стоял «Понедельник». Ему и посвятим мы наш следующий эпизод.

Эпизод III — «Понедельник начинается в субботу»

Я бы назвал «Понедельник» одной из самых киногеничных вещей АБС, причём как в игровом, так и в анимационном варианте, потому и не удивительно, что именно эта вещь стала их формальным «кинодебютом». Идея перенести на экран задорную фантастическую сказку, существовавшую тогда ещё только в виде первой части — «Суета вокруг дивана» — пришла в голову режиссёру ленинградского телевидения Александру Аркадьевичу Белинскому. На сегодняшний день им сделано почти полторы сотни (!) телевизионных постановок, среди которых такие знаменитые, как, например, фильмы-балеты «Галатэя» и «Анюта» с легендарной Екатериной Максимовой. Но в далеком 1964-м Белинский был молод, неопытен, собственно, это был едва ли не первый его телеспектакль, да и фантастики он не понимал и не чувствовал, скорее всего, просто отдал дань моде, и получилось нечто, резко не понравившееся как самим авторам, так и их поклонникам. Телефильм «Суета вокруг дивана» не только не появлялся больше в эфире, но и не упоминался практически нигде. А самое любопытное в этой истории, пожалуй, то, что на «Понедельник» впервые обратил внимание именно мастер музыкального кино. Выходит, неслучайно, всё пришло в «Чародеям»…

Однако до того была вторая попытка, более серьёзная, — в начале 70-х, когда и на издательском фронте перспективы были ещё не так плохи. Авторы с энтузиазмом откликнулись на предложение несчастливой для них в будущем студии Довженко и сотворили весьма грамотный сценарий полнометражного фильма. Эпопея в лучших традициях отечественного кино затянулась на несколько лет, были выплачены авансы, но когда дело дошло до дела, фильм не запустили. Возможно, местное киевское начальство само пришло к гениальной мысли о том, что «Понедельник» — это сплошное ёрничество и клевета на советскую науку, а возможно, — что более вероятно, — эту железную аргументацию подсказали им более хорошо

подкованные товарищи из Москвы. Но, так или иначе, когда летом 1975-го АН жил в Киеве и пытался на «Киевнаучфильме» пробивать придуманный АБС документальный фильм, никаких разговоров о «Понедельнике» уже не было.

Новый раунд начался через пять лет, когда АН познакомился с Константином Бромбергом, и тот, хорошо понимающий, в какой стране живёт, лихо предложил сделать из повести киномюзикл — вот уж жанр, где трудно будет усмотреть очернительство, злобную сатиру и прочую антисоветчину. БНа такая идея не увлекла, поэтому непосредственно и плотно над «Чародеями» трудился АН — целых два года. И не без интереса. БН, конечно, сценарии читал и даже делал какие-то там замечания, но и только. А результат сильно разочаровал обоих. Ведь, по большому счёту, от Стругацких остались в фильме лишь отдельные придумки вроде «вагонного» или капризной скатерти-самобранки. Всё прочее было совсем не в их духе.

Новый восемьдесят третий год АН встречал у Миреров, и дочь Александра Исааковича Варя, тогда уже взрослая, вспоминает, как классик закрылся в комнате, попросил всех не беспокоить его и, сидя в кресле перед телевизором, мрачный, как туча, два часа терпеливо внимал праздничному и весёлому (для кого-то) зрелищу.

Признаюсь честно, мне, как и всем моим «братьям во Стругацких», было тоже очень невесело в тот вечер. Бромберг крепко испортил нам настроение под Новый год, можно сказать подложил свинью, а ведь 1983-й как раз встречали под знаком этого животного…

АН напишет в своей биографии в августе 1986-го:

> «По нашим сценариям снято четыре фильма: один очень скверный, два сносных и один на мировом уровне».

Очень скверный — это про «Чародеев». Мирового уровня — это, конечно, «Сталкер», а вот на одну доску с Кромановым поставлен ещё и Ахадов с «Семейными делами Гаюровых». Стоило ли вообще записывать этот фильм в снятые «по нашим сценариям»? Но фильмов слишком мало, АНу хотелось упомянуть все. Впрочем, есть и такая версия: скверный — это как раз «Гаюровы». Но лично я полагаю, что досталось всё-таки именно Бромбергу.

БН же наоборот проявляет с годами большую мягкость к «Чародеям». Думаю, уже в 1986-м он пересматривал фильм без

раздражения, а сегодня и вовсе законно гордится его неизменной популярностью на протяжении стольких лет.

Аналогично и мы, поклонники АБС, частенько щёлкнув пультом и попав случайно на этот фильм, невольно увлекаемся и смотрим его без начала и конца, и вдруг обнаруживаем в давно знакомых кадрах всё больше и больше милых сердцу узнаваемых деталей, и вполне «Стругацкие» фразы, и в меру «Стругацкие» образы и даже элементы вполне «Стругацкого» отношения к жизни. В конце-то концов, теперь это уже портрет той эпохи — не самой скверной в жизни АБС — эпохи возвращения через кино к читателю.

В довершение можно сообщить, что «Понедельник» и сегодня вызывает повышенный интерес у киношников, и новая попытка его экранизации — дай-то Бог удачная! — находится в стадии проработки.

Эпизод IV — «За миллиард лет до конца света»

Это — самая короткая и быть может не самая печальная история.

Не было многократных попыток и разных режиссёров. Была заявка, написанная в 1980-м на «Ленфильме» — не под конкретного режиссёра, а так, по старым связям и в ощущении, что худшие времена миновали и теперь всё должно склеиться. «Сталкер» совершал своё триумфальное шествие по экранам мира, и «Неназначенные встречи» в «МГ» вот-вот должны были выйти. А может быть, наоборот, заявка эта писалась от усталости и отчаяния, но так или иначе, а получилась она на этом фоне лихо, профессионально, с фантазией и точно должна была кого-то зацепить. Ну, она и зацепила — Александра Николаевича Сокурова. Он заглянул в принесённые ему журналы с повестью и, даже ещё не прочитав её насквозь, вдруг выхватил эпизод с телеграммой, когда перед Маляновым возникает выбор — спасать жену с ребёнком или дальше заниматься своей наукой — вот в этом месте у Сокурова ёкнуло что-то внутри, и он понял, что будет делать фильм. Имя режиссёра тогда ещё мало кому было известно, но среди своих… Ниже — любопытный фрагмент из переписки братьев. 16 января 1981-го АН пишет:

> «А пропо: сообщи Лёше Герману, — это его, возможно, порадует, — что Тарковский считает его

самым лучшим режиссёром в нашей стране. За ним, по мнению Тарковского, но много ниже его следуют некий Сакуров *(в письме именно так. — А.С.)* и Авербах».

23 января БН отвечает:

«Общался с нашим режиссёром по зМЛдКС. Это, между прочим, тот самый „некий Сокуров“, которого, судя по твоему письму, Тарковский назвал третьим или даже вторым режиссёром в СССР. Мальчик совсем молодой, но, видимо, на самом деле талантливый».

Через две недели БН попадёт в больницу с инфарктом, а сценарий надо будет делать срочно, поэтому его начнёт писать практически в одиночку Пётр Кадочников, сын знаменитого актёра и хороший знакомый Германа. Сокуров отнесётся скептически к непрофессиональному сценаристу — Пётр вообще-то актёр. Режиссёра придётся уговаривать прямо в больнице, в конце февраля, едва врачи позволят БНу такие встречи. В итоге Кадочников в авральном порядке закончит первый вариант сценария к началу апреля. Кто б ещё знал, что спешить, как обычно, было совершенно некуда. В июле полностью оклемавшийся БН пройдёт по тексту, как говорится, рукой мастера, и лишь в сентябре сценарий будет сдан на студию. Но это ещё цветочки. Кадочниковский сценарий останется в истории лишь книжно-журнальными публикациями, а вариант для фильма напишет постоянный соавтор Сокурова — Юрий Арабов. Он практически всё сделает с нуля и не тогда, в 1981-м, когда были все эти ужимки и прыжки в кардиологическом отделении, а через шесть лет. Для Стругацких, в общем-то, дело обычное (у Германа от заявки до съёмок тридцать три года прошло), а тут — какая ерунда — всего шесть! Причём из них по вине студии всего год или два — было много дурацких требований и замечаний цензурного характера. Потом, в 1984-м трагически погиб Петр Кадочников, потом начались проблемы у самого режиссёра.

Но… всё хорошо, что хорошо кончается.

24 января 1987 года Сокуров приехал в Репино для важного, принципиального разговора, ехал без всякой надежды на положительный исход, с какими-то дурными предчувствиями, в смятении весь. Мало того что он предлагал Стругацким полностью переделать их замысел, так он ещё фактически хотел навязать им своего соавтора, что, по сути, означало отстранение

АБС от дальнейшей работы над фильмом.

Стругацкие приятно удивили Александра Николаевича. Они были согласны на всё. Они сами ему сказали, что кино — искусство режиссёрское, и дело писателя — не мешать режиссёру создавать фильм. Позиция просто уникальная, Сокуров не встречал такого понимания никогда — не только у писателей, но даже у профессиональных сценаристов. Разговор получился предельно коротким — минут на двадцать — и очень конструктивным. Сокуров уезжал с чувством безмерной благодарности и облегчения — гора с плеч свалилась. Позднее он вспоминал, что главную роль в этой благородной позиции он мысленно отвёл Аркадию — так ему показалось. Может, потому, что Бориса он видел много раз, и тот бывал иногда и весьма неуступчив, а тут — такая мягкость. Значит, это от старшего брата.

А на самом-то деле повлиял на ситуацию их многолетний опыт, особенно незаменимая закалка на работе с Тарковским, ну и ещё — прекрасное, благодушное настроение. Они ведь приехали тогда в Репино работать с «Градом обреченным» — это было событие, они его редактировали под заказ, для конкретного издания — свершилось почти невозможное, то, о чём мечтали чуть ли не двадцать лет… И какая тут разница, кто и как напишет сценарий по «Миллиарду»?

Ну а фильм получился не просто интересный, фильм получился по-своему великолепный, выдающийся. Некоторые, например Алексей Герман, считают, что он практически лучший у Сокурова, что режиссёру надо было и дальше работать примерно в том же направлении, ведь он хорошо видит и понимает фантастику.

Поразительно, но разговор со мною Александр Николаевич сразу начал со слов, что фантастику не любит, не знает и не понимает, а к творчеству Стругацких вообще обратился совершенно случайно. К концу разговора я уже понял, что это, мягко говоря, не совсем так. А потом прочёл в Интернете, в каком-то интервью, что Сокуров, по его собственному мнению, и в игровое кино пришел абсолютно случайно… Что ж, можно и так смотреть на мир, ведь кто-то справедливо заметил: случайность — один из псевдонимов Бога.

Но ещё интереснее другое. Сокуров почему-то утверждал и утверждает, что всю фантастику из повести убрал и снял сугубо реалистический фильм. И вслед за ним, словно зомбированные авторитетным мнением мэтра, то же самое повторяли кинокритики и журналисты, которые, возможно, и не читали никогда первоисточника. Сегодня я ещё раз внимательно

пересмотрел фильм и могу свидетельствовать: в версии Сокурова фантастики вдвое, а то и втрое больше, чем в оригинале АБС. Собственно, у Стругацких вся фантастика в повести не фактурна, а умозрительна. Хочешь, понимай как сон, хочешь — как бред, а Вечеровский в финале всё равно объяснит тебе, что чудес не бывает, а есть только законы природы и скучные до оскомины чисто бытовые проблемы каждого.

У Сокурова же один только говорящий мертвец чего стоит! У него детишки улетают в небо, удавы и вараны приползают из параллельных миров, чтобы съесть невесть откуда взявшихся кроликов, все читают мысли друг друга, телефоны искрят, обугленные стены сочатся инопланетной кровью, в железнодорожный вагон впрыгивают на ходу посередь чиста поля, и наконец в финале стирается с лица Земли целый город.

Но главное, конечно, не в этом. Фильм «Дни затмения» получился сюжетно и концептуально совершенно не про то. Нет в нём никакого Гомеостатического Мироздания и проблемы выбора — тоже нет. Герои только носят фамилии, взятые у Стругацких, а ведут они себя примерно как персонажи Даниила Хармса или Бориса Виана, если и того и другого начисто лишить чувства юмора. Этим героям уже нечего выбирать, за них всё выбрали, а им остаётся лишь медленно сходить с ума.

Но это опять о различиях. Что же всё-таки роднит фильм Сокурова с повестью Стругацких? Когда я смотрел «Дни затмения» в первый раз, у меня было ощущение удивительного созвучия, чего-то неуловимо точно схваченного. С третьего просмотра я догадался, что это было. А сам Сокуров ещё и подсказал мне правильное слово. «Это очень атмосферная вещь, — сказал он. — Понимаете, у Стругацких, по-моему, вообще всюду атмосфера — это один из персонажей».

И тогда я понял окончательно: наверно, никому — ни до, ни после — не удавалось так точно передать атмосферу АБС. Жаль, что слишком немногие способны оценить это.

Даже сами АБС оценили несколько своеобразно (видно, свою атмосферу так же сложно узнать, как и свой голос, записанный на плёнку):

> «Увы, пока нечем похвастаться. Тарковский и Сокуров — режиссёры высшего мирового класса. Они сделали свои фильмы. Но мы не теряем надежды, что когда-нибудь найдётся режиссёр, который сделает фильмы наши». *(Из интервью АНа, май 1989 г.)*
>
> «…Фильм значительный, мощный, превосходный в

своём роде, но очень далёкий и от исходной повести, и от последнего варианта авторского сценария». *(Из книги БНа «Комментарии к пройденному», 1998 г.)*

Сценарий в очередной раз погиб, но в данном случае, «ему было за что умирать у Черной речки».

Эпизод V — «Пять ложек эликсира»

Вначале был сюжет. Сюжет, встроенный в повесть «Хромая судьба» ещё в 1981-м. «Хромую судьбу» он сильно утяжелял, а главное, перетягивал на себя весь читательский интерес, и потому в итоге был оттуда безжалостно выкинут, оставшись между строк полунамёком-полузавязкой чего-то несостоявшегося, несбывшегося, как и все прочие линии этой тонкой, прозрачной, эскизной повести, напоминающей по манере японскую картинку, нарисованную тушью.

Но сюжет был интересный, с ним ещё хотелось поработать, а при внимательном взгляде он так и просился в кино. Набросав ещё только план сценария и обозначив главную коллизию («Выбор: 1. Смерть или бессмертие? 2. Смерть близкого человека или бессмертие?») в конце октября 1983-го АБС пишут заявку для знакомого АНу режиссёра Бориса Ивченко со студии Довженко. С ним уже есть предварительная договоренность. В январе — феврале в Репине пишется собственно текст сценария, потом в течение года он доводится до ума, шлифуется, вроде есть надежда, что запустят в работу. Но времена на дворе явно не лучшие. Да и Киев уж точно для АБС город заговорённый — там по определению ничего хорошего получиться не могло. И не получилось. Весной 84-го шла безобразная торговля со студией Довженко и «Совинфильмом» из-за «Трудно быть богом», а 10 октября подписывается немыслимый документ, который, похоже, и ставит крест на всей затее — заключение членкора АН СССР Владимира Илларионовича Шинкарука, директора Института философии в Киеве, о литературном сценарии братьев Стругацких. Выдающийся знаток творчества Канта, Гегеля и Вернадского (судя по его книгам) проявляет чудовищное незнание русского языка, непонимание принципов художественной литературы и драматургии, к тому же слово «эликсир» он упорно пишет через букву «е» (мы специально сохраняем авторскую орфографию), зато, как все советские

философы, прекрасно умеет держать нос по ветру. Приводить рецензию целиком было бы уж слишком, но два ее последних пункта и вывод процитировать хочется:

> «3. Художественный приём консервации и стагнации выведенных отрицательных качеств личности через „элексир жизни“ в сценарии противоречит „современности“ героев элексира. А в научном отношении выглядит абсолютным абсурдом, т. е. за пределами фантастики.
>
> 4. „Драматические“ ситуации вокруг „секретного лекарства“, тайн некоторого научного учреждения художественно слабы и с точки зрения реализма изображений нашей социалистической действительности „дурно пахнут“».

Общий вывод: делать фильм на основе данного сценария не следует. В нем неизбежны «идейно-нравственные просчёты».

А сценарий-то получился славный, впервые написанный с нуля для кино, и опыт у АБС уже весьма изрядный. Чтобы совсем впустую не пропадал, они его покажут в разных редакциях. Первый раз сценарий «Пять ложек эликсира» был напечатан в журнале «Изобретатель и рационализатор» ещё в 1985-м, то есть, можно считать, до перестройки, потом — в сборнике, даже не в одном, и в обстановке всеобщей эйфории, уже в конце 1980-х, за сценарий возьмутся в Москве. Снимался фильм в итоге режиссёром Аркадием Сиренко, но не на «Мосфильме», а на некой ныне несуществующей студии «Латерна магика», которая даже в титрах дважды называется по-разному: то в два слова, а то в одно — просто «Латерна». И зачем, спрашивается, было менять хорошее название на столь нелепое и некоммерческое — «Искушение Б.»? Вообще-то, в массовом сознании «б» с точкой ассоциируется вовсе не с бессмертием…

Короче, этот фильм получился самым непрофессиональным из всех. И он лучше фляйшмановского только благодаря хорошим актёрам (Ульфсак, Борисов, Гундарева, Зельдин — какое созвездие!), ну и благодаря не испорченным диалогам самих АБС.

Однако в этом фильме, к сожалению, совсем нет кино как такового. Попытка режиссёра сделать псевдоисторические заставки и вставки успехом не увенчалась, единственная натурная сцена непонятно зачем нужна вообще, а девяносто процентов действия происходит в одной комнате. Такое кино по силам только мастерам уровня Хичкока или Бергмана. Сиренко

же, пригласив отличных исполнителей и вполне грамотно расставив их по углам, снял то, что при советской власти называлось телеспектаклем. А выпустили это по недоразумению в прокат, да ещё в какое время — за год до путча ГКЧП…

Я не случайно в предыдущей главе называл «Пять ложек эликсира» пьесой. Фильм наглядно показал, что это и есть пьеса. И я очень надеюсь, что она ещё найдёт своего режиссёра — и в кино, и, что гораздо существеннее, в театре.

Эпизод VI — Мультфильмы, телефильмы и неснятые фильмы

Первой вещью АБС, которую они писали сразу как сценарий, был «Парень из преисподней», о чем уже упоминалось на этих страницах. Летом 1975-го за сценарий заплатили сто процентов суммы, но фильма не было, получилась в итоге повесть. Это был интересный эксперимент. Это были 70-е, когда они брались за всё, искали новые формы, искали, в конце концов, просто новые способы заработка. Не случайно в это же время делается и заявка на мультфильм «Погоня в космосе», превратившийся в итоге в сказку «Экспедиция в преисподнюю».

А мультфильм тоже был, только уже много позже и совсем другой — под названием «Космические пришельцы» (творческое объединение «Экран» Центрального телевидения, 1981, 1983). Сценарий АН написал в 1980-м без брата, но с Марианом Ткачёвым, именно Ткачёв устроил ему эту работу через своего друга на ТВ Бориса Ларина. Мультик, конечно, не стал событием. Впрочем, как показал просмотр в Доме кино, дети смотрели его с большим интересом, хотя он и не был сделан специально для них. Дальнейшая судьба 15-минутного анимационного произведения весьма печальна. Художник Ирина Воробьёва, режиссёр Алексей Соловьёв и композитор Александр Журбин сделали чуточку слишком экстравагантный по тем временам фильм, да ещё его пронизывала любимая мысль АБС о том, что ничего хорошего из контакта с пришельцами выйти не может. В общем, ТВ как-то не слишком рвалось демонстрировать этот мультик, в итоге вторую часть сделали по сценарию, переписанному лично Соловьёвым со специально заказанным фальшивым хеппи-эндом, художника поменяли, и Ткачёв вообще удивлялся, что в первой части их имена оставили в титрах. Но хоть денег заплатили — и на том спасибо. Фантастика и телевидение — две вещи несовместные. Это — во-первых. А во-вторых, мультфильмы, тем более для детей — это оказалось всё-таки совсем не для Стругацких.

Сравнивая уже в новейшие времена успешные сверхпопулярные американские мультфильмы, которые дети всех стран смотрят, открыв рот и затаив дыхание — например, с «Экспедицией в преисподнюю», я вдруг понял, что при всём своём желании АБС не смогли бы написать ничего подобного. Эти мультфильмы делаются абсолютно по другим правилам. Они монтируются по принципу детского конструктора, собираются из готовых надёжных деталей, идеально точно прилегающих друг к другу. Малейшее отклонение от стандарта — и всё развалится! А значит, дети (да и взрослые тоже) будут недовольны. Это особый жанр, особый вид зрелища, полностью лишённый привычного нам художнического подхода. Художественность там жёстко запрещена. Это творчество аналогичное инженерному. Поэтому, когда АН пытался совместить голливудский космический боевик с милыми шуточками традиционной советской фантастики, с элементами мира Полдня, с фразами, сделанными под Булгакова, с нечитаемыми именами, сотворёнными из строчки Пушкина, прочитанной наоборот, и так далее, и тому подобное — такой гибрид был изначально обречён. Сказка, написанная, безусловно, хорошим языком и совсем неплохо придуманная, была высоко оценена гурманами и фанатами. Однако ни фильмом, ни мультфильмом она уже никогда не станет, да и в полном собрании АБС смотрится так же чужеродно, как смотрелся бы сценарий телефильма «Семейные дела Гаюровых», будь он туда включён.

А ведь написан сценарий там же, и тогда же — в Душанбе — и опубликован впервые в том же журнале «Памир». Это был ещё один эксперимент АНа. Уверен, что и над этой вещью работал он с удовольствием. Собственно, мне рассказывал об этом режиссёр фильма Валерий Ахадов. Он был тогда совсем молодой, к Стругацкому относился с большим пиететом, рад был общению с классиком, но не мог не видеть, насколько тот непрофессионален в кино. Весь сценарий в итоге пришлось переписать, хотя с точки зрения литературы он был весьма неплох, его и сегодня читать любопытно, особенно поклонникам прозы Стругацких.

А как забавно было, например, когда, описывая производственный процесс на строительстве Нурекской ГЭС, АН выдумывал какую-то фантастическую технику и нарекал её звонкими аббревиатурами. Ему наверно, казалось, что он вернулся в эпоху «Страны багровых туч». По стилистике текста так оно и было, но, конечно, все эти штуки пришлось из сценария убрать. Как и многое другое. АН им потом сказал: «Вам, ребята, нужен был не Стругацкий, а писатель типа Ажаева или Бабаевского». А они не знали, кто это.

Но в любом случае, «Семейные дела Гаюровых» — это тоже был хороший опыт работы в кино. И, безусловно, хорошие деньги, даже очень хорошие. Ахадов так и рассматривал эту историю — позвали хорошего человека, чтобы дать ему возможность заработать. Какая, в конце концов, разница кто запишет грамотным языком идеи таджикского «классика» Фатеха Ниязи? А бедствующему русскому классику — кусок хлеба с маслом. За сценарий двухсерийного фильма, хоть и не без известных трудностей было получено девять тысяч рублей — больше, чем позднее за двухсерийного же «Сталкера». Республиканские наши студии широко гуляли.

Вторым законченным братьями целиком сценарием, по которому так никогда и не было ничего снято, стал «Жук в муравейнике». На него замахивался Владимир Грамматиков. История, аналогичная многим. И жаль, что не было фильма, и хорошо, что не было. Не верится, что Грамматиков справился бы с таким глубоким и страшным литературным материалом. И значит, что? Лёгкий детективчик в космическом антураже? Он порадовал бы, конечно, какую-то часть зрителей, но существенно большую аудиторию — расстроил, а в копилку мирового киноискусства не добавил бы уж точно ничего.

В перестройку вообще всяких идей по экранизации Стругацких стало невероятно много. Количество изданий и переизданий АБС выросло в десятки раз, да и тиражи выросли, хоть и казалось, что это уже невозможно. Настали славные годы запойного чтения всего, что раньше находилось под запретом, в том числе и Стругацких. Это было время выхода на экраны непорезанной зарубежной киноклассики и наших новых, только что снятых фильмов-открытий, таких, как «Покаяние», «Легко ли быть молодым?», «Маленькая Вера», «Интердевочка»… Разного достоинства картины, но все — события.

К этому мы ещё вернёмся несколько позже, а здесь лишь перечислим, кто ещё из режиссёров и на какие из произведений АБС замахивался.

Одним из первых энтузиастов, рвущихся экранизировать АБС задолго до перестройки, был актёр Юрий Борецкий. Он ещё даже не закончил Высшие режиссёрские курсы, а уже вышел на АНа с какой-то своей идеей; кажется, хотелось ему сделать «Хищные вещи века». Выбор правильный. Это и впрямь одна из самых подходящих для кино повестей АБС, она и чисто технически не требовала больших затрат. Тогда же, в начале 1971-го, именно Борецкий устраивает АНу халтурку в Кишинёве — сценарий про местного борца за свободу. Фильма никакого не получилось, как

водится, но денег удалось заработать. Позднее Борецкий сочинял сценарий «Малыша», уже имея за плечами собственные снятые картины. Летом 1979-го АН пишет брату:

> «Я сделал предварительную разработку по „Малышу“ с Борецким».

Пытался Юрий Александрович пробивать и другие замыслы. К сожалению, без видимых результатов.

Прекрасный ленинградский режиссёр Илья Александрович Авербах на самой заре перестройки, в 85-м, когда ещё и не очень-то можно было, задумал делать фильм по «Гадким лебедям». Они с БНом встречались несколько раз, обсуждали сценарий, всё казалось очень реальным, но… в январе 1986-го Авербах скорпостижно умер.

Знаменитый чилиец Себастьян Аларкон хотел экранизировать «Обитаемый остров». Жаль, что не взялся. У него бы вышло неплохо.

В 1986-м Александр Кайдановский подкрадывался к идее экранизации «Хромой судьбы» вместе с «Гадкими лебедями», но кажется, всё ограничилось одними разговорами.

В 1987-м уже в свете нового мышления и гласности Валерий Гурьянов предлагал делать всё те же «Хищные вещи».

Примерно тогда же Михаил Масленников писал сценарий «Улитки» при участии АНа, но дальше сценария дело не пошло. Время было хорошим в плане идей, но в плане финансирования наступал как раз тяжёлый период: государственное медленно, но верно иссякало, а частного ещё не было. Лет на десять позже тот же Масленников написал неплохой сценарий «Малыша» с благословения и даже при некотором участии БНа. Но и тут, к сожалению, до фильма дело не дошло.

Эпизод VII — «Гадкие лебеди»

Многие считали, что у Константина Лопушанского не получилось сделать «Гадких лебедей» тогда, в 1987-м, тоже по причинам финансовым. Но дело было в другом. Вдохновленный успехом своего предыдущего фильма и никогда не забывавший о том, что практику режиссёрскую проходил на «Сталкере» у Тарковского, Лопушанский буквально ворвался к АБС в Репине с идей снимать «Гадких лебедей» — одну из своих самых любимых

вещей. Но это была ошибка. Желание было, идея была, а больше — ничего. Он ещё совершенно не представлял, как будет делать фильм. Ну а Стругацкие в обстановке тогдашней всеобщей эйфории подхватились и без всякого договора, без конкретных сроков и уж, понятно, без авансов написали сценарий под названием «Туча». Они и сами тоже увлеклись. А Константин тут же понял, что хотел чего-то совсем другого, и некоторое время мучил мэтров своими неясными замечаниями, пожеланиями, советами. Но в какой-то момент набрался мужества признаться в неготовности к работе, извинился и отошёл в сторону. Почти на двадцать лет.

В авторском кино не бывает фильмов по заранее написанным сценариям. Там вначале у режиссёра должен возникнуть перед глазами сам этот фильм, а уж потом — всё остальное… «Гадкие лебеди» — это единственный проект тех времен, который всё-таки был реализован, пусть и через двадцать лет. И фильм удался — по мнению серьёзных критиков, маститых собратьев по цеху и любителей настоящего авторского кино. Он даже получил первую премию — «Золотое кольцо» на международном фестивале фильмов ужасов в итальянской Равенне (уж и не знаю, радоваться ли этому). Но фильм совершенно не состоялся в прокате. Он и не мог состояться. Такое кино называют «арт-хаусным», то есть по замыслу не рассчитанным на массового зрителя. А это тоже по-своему обидно. У меня к «Гадким лебедям» совершенно особое отношение, особое видение этой повести, и я, пожалуй, воздержусь здесь от высказывания личного мнения о последнем фильме Лопушанского.

Зато, безусловно, заслуживает добрых слов другая его картина — удачная во всех смыслах — «Письма мёртвого человека». Она была снята в нужное время и в нужном месте. Она по праву получила и хорошую кассу, и прекрасные отзывы, и Государственную премию. Конечно, сценарий этого фильма написан Вячеславом Рыбаковым, но всё-таки не надо забывать, что Рыбаков — ученик БНа, — да и фамилия Стругацкого в титрах значится не случайно. И вообще, Рыбаков и Лопушанский были слишком молоды тогда, а время на дворе было ещё слишком сложное, противоречивое, и при всех своих талантах эти двое без старших товарищей не справились бы. Фильм заканчивали, монтировали и, конечно, пробивали по инстанциям Борис Стругацкий, Алексей Герман, Семён Аранович и Ролан Быков.

Вот, собственно, и вся история отношения Стругацких и кино. Наверно, следует упомянуть, что кроме советско-германского

«Трудно быть богом», была ещё в 1996 году экранизация «Миллиарда» в Греции, но, к сожалению, кроме названия на греческом языке и сухих строчек с перечислением создателей, мы не располагаем никакими сведениями об этой работе. Про постановку «Отеля…» на польском телевидении вообще есть только устные рассказы. Чуточку лучше ситуация с телевизионным фильмом по повести «Малыш», снятым в Чехии в 1994-м. Его БН даже видел. Отзывается сдержанно: «Довольно симпатичный, но какой-то легковесный и пустоватый фильм». А ещё есть строчка из письма АНа:

> «22.01.82 — <…> звонили из Праги. Хотят ставить в кино М. Я не возражал».

Неужели так долго всё тянулось? Или это две разных истории?

Что сказать под занавес? Нашими героями было написано не меньше десятка короткометражных сценариев фантастических фильмов преимущественно в 60-е годы, и все эти тексты пока считаются утраченными. Ещё они не раз писали сценарии для мультфильмов и однажды (это АН в одиночку) даже для диафильма. О сценарии научно-популярного фильма мы упоминали по ходу нашего хронологического изложения. Добавить нечего, поскольку фильм не состоялся. А что касается, самого текста сценария, так всё лучшее из него было благополучно использовано авторами в многочисленных публицистических статьях в разные годы.

Восьмым эпизодом для нашего рассказа мог бы стать снимаемый ныне Фёдором Бондарчуком «Обитаемый остров», но о нём говорить преждевременно и хочется только пожелать успеха всем, кто работает над этим масштабным проектом, а также заметить вскользь, что это не единственный фильм по Стругацким, уже запущенный на момент выхода моей книги. Биография АБС продолжается и в своей кинематографической части. Однако в списке авторских сценариев можно смело ставить точку — Борис Натанович больше не пишет их, просто уступает право экранизации желающим и готовым платить. Подведём же черту.

Я абсолютно уверен, что наши лучшие фантасты остаются безусловными лидерами и в области фантастического киносценария. Все десять полнометражных — а их было именно столько — написаны мастерски. Но ни один из них не был экранизирован адекватно, или вовсе не использовался.

Впрочем, одно исключение было. Исключение настолько серьёзное, что его грех называть эпизодом. Это целый кусок жизни — «Пикник на обочине», превращённый Тарковским в «Сталкера». О нём наша следующая отдельная глава.

Вместо послесловия. Из ответов БНа на вопросы о кино

«Кино мы любили оба. Традиция была: АН приезжал, и мы начинали обходить все знакомые кинотеатры (главным образом, на Невском) — один за другим. И во всех шло, на всю жизнь запомнил, одно и то же — „Возраст любви“. Это было время (50-е годы), когда репертуар менялся раз в месяц, а в стране выходило пять фильмов в год. Вкусы у нас были довольно примитивные: бой, драка, динозавры, ужастики… и, пожалуйста! — по возможности без „любви“. Впрочем, к старости надоели и драки. Замечательно, как быстро стареет кино! Шедевры тридцатилетней давности смотрятся сейчас без всякого удовольствия, а зачастую даже кажутся убогими. Я боюсь сейчас смотреть „На последнем берегу“ Стэнли Крамера — а ведь в начале 60-х этот фильм потряс меня (и АНа) — он даже вдохновил нас на „Далёкую Радугу“.

„Мы любили Гайдая и Рязанова, Данелию и Захарова. Я и сейчас считаю, что времена Хрущёва — Брежнева были золотым веком отечественной комедии — удивительный парадокс! А ещё говорят: цензура!“

„Фильм Фляйшмана и смотреть не стоит. Пошлятина какая-то, „жёлтое кино“ и не очень ещё талантливое. Бывает „жёлтое“, но талантливое, а это… слабый фильм“.

„Список любимых фильмов аналогично списку книг составить не смогу. Книги — вот они, перед глазами. А фильмов я почти не помню. Вспоминаю иногда то одно, то другое, но — случайным образом и не всегда“».

Глава восемнадцатая
«СТАЛКЕР»

«…„Сталкер“ — не экранизация „Пикника“ и даже не фильм по мотивам. Это — новое произведение с прежней исходной ситуацией.

Когда я прочёл „Пикник“, мне хотелось, чтоб у него было продолжение. В какой-то мере фильм — это моё овеществлённое желание. Но я не прыгаю от восторга. Почему? Видимо, что-то не так.

…Было бы интересно посмотреть фильм, не зная книги, а то невольно начинаешь сопоставлять, хоть и не стоило бы этого делать. Сопоставления получаются не в пользу Тарковского…»

Ант Скаландис. Тезисы о «Сталкере», март 1980 г.

Неправильно спрашивать, почему Тарковский обратился к творчеству Стругацких — куда разумнее спросить, почему он обратился к нему так поздно. Да, «Страна багровых туч» и даже «Стажёры» вряд ли могли заинтересовать будущего автора «Рублёва» и «Зеркала», но уже из «Попытки к бегству» Андрей Арсеньевич сумел бы сделать великолепное кино. А он читал эту повесть именно тогда, когда она вышла. Он вообще всегда интересовался хорошей фантастикой, и у Стругацких читал просто всё, что выходило. Да и общих знакомых с АБС было много, так что странно, даже очень странно, что они не познакомились раньше… Ведь и Стругацкие тоже интересовались хорошим кино, понимали в нём толк, и фильмы Андрея смотрели все.

Ещё в октябре 1965-го АН где-то вычитал или услышал, что «Солярисом» займётся Тарковский, тот самый, что снял «Иваново детство», а через год он вспомнил об этом по совершенно конкретному поводу, когда ему с братом поручили статью для

«Советского экрана»:

> «Уточни, где было опубликовано сообщение о том, что Тарковский ставит „Солярис“. Если найдешь такое упоминание в печати (кажется, это в „Сов. Экране“), тогда вставь фамилию Тарковского. Не найдешь — не вставляй *(упоминания в той статье не было. — А.С.)*. Говорят, Сытин заявил: „Этот фильм мы, конечно, не пропустим“».

Виктор Сытин — это был такой старый советский фантаст казанцевского толка, писатель никакой, но с огромным самомнением. Разумеется, он не был наделен полномочиями не пропускать что-то, тем более в кино, но как незабвенный Лавр Федотович Вунюков имел обыкновение вещать от имени народа. С «Солярисом» Сытин как раз промахнулся: именно этот фильм стал для Тарковского самым коммерчески успешным и самым политически благополучным. А вот на предыдущий — «Страсти по Андрею», — свой унтер Пришибеев нашёлся и не пущал фильм на экраны целых пять лет, почти до завершения «Соляриса». И на следующую его картину «Зеркало» тоже обрушился гнев власть предержащих. У больших художников лёгких судеб не бывает. Да и по времени всё очень трогательно совпадало — 1966 год. Когда на Стругацких сочинили докладную записку в ЦК, тогда и на Тарковского поступил сигнал оттуда же — остановите, мол, этого безумца, снял два фильма — пусть отдохнёт немножко. Так они и двигались параллельным курсом, правда, тогда ещё вряд ли думали о совместной работе, но когда вышел «Солярис»…

АН познакомился с Тарковским в июне 1972-го. Об этом записано н дневнике буквально следующее:

> «6.06.72: …Обедал в ЦДЛ <…> В зале встретился с Андреем Тарковским, он подошел ко мне после того, как мы долго бросали друг на друга нерешительные взгляды через весь зал. Очень мило перекинулись любезностями, он пообещал пригласить меня на просмотр в Мосфильм».

Вот после этого и был «Солярис».

> «Фильм понравился нам обоим, — вспоминает

> БН. — Резкие отзывы пана Станислава мы, в общем, понимали, но отнюдь не одобряли: отклонения от романа (которые так раздражали Лема) казались нам и интересными, и удачными, и вполне уместными. Но, разумеется, оба мы считали, что „Рублёв“ получился у Тарковского сильнее. Значительно сильнее. Причем более всего в „Солярисе“ нас раздражала как раз и именно „фантастика“: картон, залипуха, утрата правдоподобия. Мы не так уж много говорили об этом, но все эти соображения понадобились нам потом, — когда мы по поводу „Сталкера“ всячески убеждали Тарковского: „Меньше фантастики, как можно меньше… и ещё меньше. Только дух, аура, но ничего реально-фантастического в кадре“. Впрочем, если верить разнообразным воспоминаниям, мы были в этой борьбе не одиноки».

Резковатое, однако, мнение в адрес одного из шедевров мировой кинофантастики. Но… АБС имели на это право. Став с годами профессиональным фантастом, я тоже вполне понимаю теперь БНа. Только уж слишком сильна память о том детском и юношеском восприятии фильма. На мой тогдашний взгляд не было там ни картона, ни залипухи, а был восхитительно достоверный мир будущего и невероятный, сокрушающий эмоциональный удар. «Солярис» стал первым увиденным мною фильмом Тарковского, и просто ничего более сильного видеть до этого не приходилось. Ну а если подойти ко всему строго, то да, конечно, и в «Рублёве» какой-нибудь историк, крупный специалист по русской медиевистике обязательно анахронизмов и неточностей наковыряет. Я даже помню такие разговоры. Но это всё от лукавого. Это называется алгеброй гармонию поверять.

Лучше двинемся дальше по хронологии событий.

В октябрьском номере «Авроры» за 1972 год закончилась публикация «Пикника на обочине». Те, кому небезразличны были Стругацкие, все их новые публикации читали, сразу, как только могли достать. Тарковский, правда, снимал «Зеркало», и было ему немножечко не до того. «Пикник» прочел Валерий Харченко, будущий известный кинорежиссёр, а тогда ассистент Андрея Арсеньевича. Валера пришел в полный восторг и сразу после Нового года поделился с Андреем: «Глянь, какая замечательная история, по-моему, отличное кино может получиться». Андрей прочел быстро и тут же согласился. 26 января 1973 года он сделал запись в своём дневнике, впоследствии названном

«Мартирологом», то есть повествованием о мученике за веру:

> «Я только что прочёл фантастическую повесть братьев Стругацких „Пикник на обочине“ — из неё может получиться замечательный сценарий».[9]

Новый замысел западает в душу режиссёра. Но у Тарковского всё не быстро. Идея должна отлежаться.

Только в октябре 1974-го мы читаем в переписке АБС:

> 04.10.74 (АН): «Был вызван в Сценарную студию. Было объявлено, что Тарковский связался с ними на предмет экранизации ПнО, а так как экранизации Сценарная студия не делает, то он договорился составить совместно с нами заявку без упоминания названия. Ему дали мой телефон (это было вчера), он должен мне позвонить, и мы, встретившись, обговорим всё подробно».
>
> 09.10.74 (БН): «Меня очень заинтересовало твоё сообщение по поводу Тарковского. Если это выгорит, то это будет настоящее дело, которым и заняться надо будет по-настоящему. Пожалуйста, держи меня в курсе. Я не совсем понимаю, как можно обойти запрет экранизаций, хотя чуйствую, что это возможно. (Что-нибудь вроде „по мотивам повести… или повестей…“.) Между прочим, если с ПнО не выгорит, предложим Тарковскому зМЛдКС. По-моему, это его вполне может удовлетворить. В общем, держи меня в курсе».
>
> 16.10.74 (БН): «Очень интересуюсь знать, как там дела с Тарковским».

Любопытно привести здесь два фрагмента «Мартиролога» из подборки, впервые опубликованной на русском два года назад в «Новой газете». Подготовила их Марианна Чугунова — ассистент Тарковского со времен «Андрея Рублева» и до последнего отъезда режиссёра в Италию. Что характерно, фрагменты эти не попали в английское издание.[10]

О том, как составлялись зарубежные издания дневников, мы ещё поговорим позже. Итак, слово Андрею Арсеньевичу:

«6 января 1975 года, понедельник

Написал письмо Ермашу, в котором прошу его немедленно решать вопрос о моей дальнейшей работе. Я имел в виду одно из двух: „Идиот“ или фильм о Достоевском. Скорее всего) он откажет, тогда я напишу ему ещё одно письмо с заявками (параллельно со Студией) на „Смерть Ивана Ильича“ и „Пикник“. Только надо будет утрясти вопрос со Стругацкими.

Сегодня пурга. За ночь, должно быть, всё заметёт. Завтра Рождество.

7 января 1975 г., вторник

Чем-то моё желание делать „Пикник“ похоже на состояние перед „Солярисом“. Уже теперь я могу понять причину. Это чувство связано с возможностью легально коснуться трансцендентного. Причём речь идёт не о так называемом „экспериментальном“ кино, а о нормальном, традиционном, развивавшемся эволюционно.

В „Солярисе“ эта проблема решена не была. Там с трудом удалось организовать сюжет и поставить несколько вопросов.

Мне же хочется гремучего сплава — эмоционального, замешанного на простых и полноценных чувствах рассказа о себе — с тенденцией поднять несколько философско-этических вопросов, связанных со смыслом жизни.

Успех „Зеркала“ меня лишний раз убедил в правильности догадки, которую я связывал с проблемой важности личного эмоционального опыта при рассказе с экрана.

Может быть, кино — самое личное искусство, самое интимное. Только интимная авторская правда в кино сложится для зрителя в убедительный аргумент при восприятии».

То есть к началу 1975-го режиссёр уже считает этот замысел своим, он уже сроднился с «Пикником». Меж тем первый вариант написан был Стругацкими не для Андрея, а для Георгия (Тито) Калатозишвили, который, не будучи знаком с АБС, просил Тарковского вместе с авторами повести сделать для него этот сценарий. Сам же Андрей выступает пока соавтором сценария и, как он говорит АНу при встрече, художественным руководителем. На что АН ему прямо отвечает, что они с братом предпочли бы

видеть режиссёром его самого, а не Тито.

Самая первая киноверсия «Пикника» готова уже к февралю. Перед отъездом в санаторий АН записывает в дневнике, что сценарий, оказывается, будут утверждать в Госкино (очень странно, что для него это откровение — без ведома Госкино с конца 20-х годов не запускался в СССР ни один сценарий), и добавляет эмоционально: «Сволочи».

И, наконец, уже после возвращения АНа из Кисловодска, у Тарковского появляется запись:

> «27 марта, четверг.
>
> Ездил к Аркадию Стругацкому. Он очень рад, что я хочу делать „Пикник“. Возможны три варианта сценария, одинаково перспективных».

Впрочем, это ещё не означает, что вопрос с режиссёром решен окончательно. Весь 1975 год Тарковский занимается несколькими делами сразу: помимо «Пикника», пишет сценарий по «Ариэлю» Беляева под названием «Светлый ветер» — специально для Валерия Ахадова (уже знакомого нам по Душанбе), ездит по стране с показами «Зеркала», зарабатывая на жизнь, а также очень много сил и времени отдает пробиванию постановки «Гамлета» на сцене «Ленкома» — это его первый и очень желанный театральный опыт.

События развиваются следующим образом. В конце апреля АН пишет заявку, согласовывает с Тарковским ее текст и начинает гоняться за одним из неуловимых мосфильмовских начальников — тогдашним главредом Василием Ивановичем Соловьевым, так как сценарий оформляется исключительно на АБС по чисто практическим соображениям: Андрей не хочет платить алименты со своей доли, а его доля — это треть гонорара, по устной договоренности с соавторами.

14 мая приезжает в Москву БН — главным образом, именно ради встречи с Тарковским. 15-го они познакомятся, а 17-го БН уедет обратно.

Тарковский прокомментирует эту встречу в своём «Мартирологе» 3 июня, уже будучи в Мясном (деревня в Рязанской области, где Тарковские купили старый дом и пытались ремонтировать его своими силами):

> «Вот мы всё и согласовали со Стругацкими по „Пикнику“. Видел Бориса. В отличие от Аркадия, он

считает не зазорным продемонстрировать, что умен. Чувствуется, именно он в дуэте идеолог. Аркадий же трудяга и рубаха-парень. Однако не так всё просто».

На всё лето и до сентября включительно наступает затишье. Андрей — в деревне, Аркадий — в Москве, потом в Киеве, Борис — у себя в Ленинграде или мотается с друзьями по Прибалтике.

В октябре АНа очень активно зазывают на конференцию по международной программе CETI («Communication with Extra-Terrestrial Intelligence» или «Связь с внеземным разумом»), которая должна состояться в Ставропольской астрофизической обсерватории в станице Зеленчукской. О, как романтично отправиться в путешествие по местам боевой славы БНа! Вспомнить 60-й год, Северный Кавказ, и Большой телескоп, для которого молодой астроном так долго искал место, а поставили агрегат именно в этом Зеленчуке. Но самое замечательное то, что приглашение на конференцию присылают и Тарковскому тоже — его уже записали в первые наши кинофантасты. Можно смеяться. А можно и гордиться. Скептически настроенный БН немного удивляется серьёзным намерениям брата ввязаться в этот научный диспут и выдает на всякий случай АНу свои пожелания:

«Выступая, не увлекайся, будь сдержан и в меру ироничен. Ничего не утверждай, всё излагай в сослагательном наклонении. Помни, что они там — профессионалы, а ты — дилетант, аматер, так сказать. Имей в виду, что там будут присутствовать очень, по слухам, ядовитые и ехидные люди, вроде Шкловского или Озерного, им палец в рот не клади, да и далеко не все учёные настроены к нам доброжелательно. Поэтому постарайся не говорить ничего такого, чего не мог бы немедленно при необходимости обосновать. Основа, конечно, наша старая: скорее всего никакого иного Разума — во всяком случае, в человеческом понимании этого слова — во Вселенной нет. И рисковать не имеет никакого смысла. В лучшем случае, наш сигнал — это глас вопиющего в пустыне, а в худшем — будет с нами как с елочкой, которая высокая и стройная в лесу себе росла, а после много-много радостей детишкам принесла. Дуй до горы! Но если Тарковский не поедет, то лучше и ты не езжай. К тому два соображения: а. Польза рекламы, б. Если Тарковский поедет, то ты заведомо будешь не самым смешным в этой банде

ядовитых умников и сухих ненавистников любой фантазии. Такие вот будут мои тебе заветы».

Тарковский в итоге откажется ехать. АН будет некоторое время собираться всё равно — видно, очень хотелось ему пообщаться с безумными контактёрами и фанатами НЛО. Но в итоге и у него поездка сорвётся.

Андрей всё сидит в своей деревне и оттуда пишет письма с призывом поскорее начать работу над «Пикником».

БН корректирует:

> «Работа с Тарковским, конечно, дело святое, но это же всё пока на соплях! А СЗоД *(то есть „Стояли звери около двери“ — будущий „Жук в муравейнике“. — А.С.)* и наша прямая обязанность, и дело также святое, и зависит только от нас».

АН ему в пандан откликается:

> «Дело ещё и в том, что я больше не верю в затею с Тарковским. Он надолго погиб во мнении начальства: Ермаш получил за „Зеркало“ выговор и таким образом освободился от всякого чувства вины перед Андреем. Конечно, надежды терять не следует, но всё это явно откладывается в долгий ящик».

Однако проходит всего два месяца, и новая встреча с режиссёром переводит процесс в решающую стадию. 19 и 20 декабря появляются записи в рабочем дневнике АБС:

> «Тарковский. Человек — животное + разум. Есть ещё что-то: душа, дух (мораль, нравственность). Истинно великое м.б. бессмысленным и нелепым — Христос».
>
> «Видение их желаний (последствия): Стервятник — покушение на диктатора. Ред — соблазнение дочки наркоманом. Учёный — дрожка».

Это уже зачатки серьёзных размышлений о будущем фильме.

А главное, решение принято — договор будет очень скоро подписан, а режиссёром обещает быть сам Андрей. И прямо с января АБС начинают очень плотно работать на Тарковского. Собственно, на весь 1976-й это становится их главным делом.

Уже к 1 февраля получен аванс и написан совсем новый сценарий. Вот подробный комментарий АНа:

> «Тарковский прочитал. Пришёл, получил от меня деньги и выразил ФЕ. Понять его было чрезвычайно трудно, однако смысл его претензий в следующем:
>
> А. Ему не надо, чтобы был атомный взрыв. Гл. обр. потому, что а) это значит, что учёный вышел с заранее обдуманным намерением и оное претворил в жизнь, пронеся идею невредимой и неизменной через всю Зону; вот если бы он вышел с этой идеей и в ходе перехода её изменил, тогда другое дело (или, если бы он вышел с другой идеей, а в конце пришел к выводу о взрыве, тогда тоже другое дело), б) Зону вообще не надо взрывать (я сказал ему, что речь идёт о Машине Желаний, но он возразил, что это всё равно), ибо она, Зона, есть квинтэссенция нашей жизни. Тут, естественно, у меня глаза на лоб полезли.
>
> Б. Для него сценарий очень пестр, его надо ускучнять. Больше всего ему понравился телефонный разговор (только содержание должно быть другое) и сцена, где двое спят, а один на них смотрит. Эту сцену (сна) он хочет сделать очень длинной.
>
> Впрочем, ближайшее его действие будет: утвердить это на худсовете как первый вариант, а потом всё обсудить заново и дать нам конкретные указания. На чём и порешили. Этим он будет заниматься сам».

В этом месте любопытно начать подсчёт вариантов. То, что АН условно называет первым, на самом деле уже второй. Дальше мы наверняка собьемся. БН, например, насчитывал девять вариантов, Евгений Цымбал — ассистент по реквизиту и некоторое время второй режиссёр на «Сталкере», — десять, АН — одиннадцать. Больше всех — двенадцать или тринадцать — насчитала Марианна (Маша) Чугунова, кроме своей основной работы ассистента по актёрам, многие годы добровольно выполнявшая обязанности секретаря Тарковского и находившаяся в курсе всех его дел. Эту цифру, пожалуй, можно считать наиболее верной.

В 1976-м АБС рассказывают всем друзьям, как они дико вкалывают над сценарием без видимой надежды на окончательный успех. Да, деньги пока дают, но тут работа не только и не столько за деньги, тут уже дело чести, тут уже азарт появляется и гордость — за то, что посягнули на нечто такое…

А на всякие немыслимые претензии Андрея БН, например, реагирует, лаконично и мудро:

> «Ну, что тут скажешь? Гений, он гений и есть. Надобно потрафлять, я понимаю. <…> Ты уж, брат, терпи. Такая наша в данном случае доля».

Меж тем пока Стругацкие пашут света белого не видя, ситуация совсем не так безоблачна. Не со стороны гения, а со стороны ненавидящих его чиновников. Начались бесконечные проволочки с подписанием фильма в производство. Того и гляди вообще всё остановят. И тогда по хорошо известной в Стране Советов методе, Тарковский пишет письмо на съезд партии о том, что ему не дают работать. Маша Чугунова отправляет его с Центрального телеграфа заказным письмом с уведомлением о вручении. Ну, повезло «Сталкеру», что так совпало! Хоть в чем-то, хоть один раз, а повезло. XXV съезд КПСС открывается 24 февраля, и уже через несколько дней Чугуновой звонят из приёмной Николая Трофимовича Сизова — генерального директора «Мосфильма» — и просят, чтобы она немедленно сбегала к Тарковскому домой (у него в новой квартире на Мосфильмовской тогда ещё не было телефона), потому что его срочно вызывают в Госкино. Сам председатель Филипп Тимофеевич Ермаш сказан: «Мы вас запускаем. Но с чем? Что у вас есть?» А у него из готового к работе в это время был только «Светлый ветер», о котором *те* категорически слышать не хотели, и сценарий Стругацких — он назывался тогда «Машина желаний».

Вот так и запустили «Сталкера».

В разговоре с Ермашом был и другой любопытный нюанс. Там рассматривались ещё два варианта: «Идиот» — давняя мечта Тарковского, — и «Уход Толстого» (к 150-летию Льва Николаевича). Когда остановились на «Машине желаний», Ермаш предупредил: «Имейте в виду, что Стругацкие — сложные люди. В сценарии для детской киностудии (имелся в виду „Бойцовый Кот“) они протаскивали сионистскую идею о том, что все евреи должны вернуться к себе на родину и воевать за её интересы». Вот так, ни больше ни меньше. Тарковский сдержал эмоции. Всё было слишком серьёзно для него. Вроде впрямую на него ещё баллон

не катили. У Ермаша ещё не было личной ненависти к Андрею (это пришло года через полтора, после главных скандалов на «Сталкере»), но, как усердный и опытный чиновник, сталкиваясь с литературно-артистической гнилой интеллигенцией, он по привычке притормаживал дело до получения официального письма сверху. Решения принимались в ЦК, а за их провал отвечали в министерствах. Вот и не торопились ничего подписывать Филипп Ермаш и его главред Даль Орлов, но за Андрея заступался Сизов, по слухам, копающий под Ермаша. Поэтому игра стоила свеч, съезд подвернулся вовремя, и теперь надо было не уступать занятых позиций.

Итак, задача стала куда более практической, а требования Тарковского оставались всё такими же расплывчатыми и зыбкими, и БН в какой-то момент взмолился:

> «Пусть он изложит на бумаге ну хотя бы план сценария, как он его видит. Если всё опять ограничится разговорами, мы не сможем действовать последовательными приближениями. А ведь нужно, грубо говоря, чтобы в первом варианте было, скажем, две подходящие сцены, во втором — пять, в третьем — десять и т. д. Попробуй убедить его взять в ручки перышко и перышком по бумажечке тяп-тяп-тяпоньки и чего-нибудь натяпать. И у него станет в голове яснее и у нас».

Насколько нам известно, убедить так и не удалось. Однако третий вариант «Машины желаний» был закончен к концу марта. Приехала Маша Чугунова и забрала его.

В апреле и мае возникла пауза, связанная с подбором и формированием съёмочной группы, и АБС могли себе позволить вернуться к работе над «Жуком» в Ленинграде.

Дальше АН, судя по дневнику, занимался всякими мелочами — рецензии, заявки, письма по начальству, — сочинял пьесу «Без оружия» (инсценировку «Трудно быть богом») и неустанно встречался с Тарковским. А БН пребывал в том же режиме с поправкой на свой специфический летний отдых.

В начале апреля АН пишет буквально следующее:

> «Андрюшка болеет, но бодр и весел. Больше возиться с литературным сценарием не желает, ввернул в текст „временную петлю“ в качестве „собаки“ для бюджета и

сам послал на машинку. За шесть часов беседы два раза принимал решение сам играть роль Алана и два раза кричал, что ему не под силу быть одновременно режиссёром и играть главную роль. В общем, оптимистичен. Познакомил меня с Солоницыным (?), игравшим Андрея Рублева, будет у нас писателем. Расписывал его в этой роли, а бедняга Солоницын сидел и хлопал глазами, ибо понятия не имел, о чём идёт речь — сценария не читал и вообще ничего не знает».

16 апреля, в пятницу, Андрей у Ермаша. Наконец решены все основные вопросы: сценарий утверждён, Стругацким не только выписали очередную часть гонорара, но и определили на зарплату на подготовительный период (3 месяца) для работы над режиссёрским сценарием по 150 рублей в месяц, между прочим, — не такие плохие деньги. С этой информацией Андрей ввалился к АНу часа в три пополудни, и при активной поддержке Елены Ильиничны добрые новости отмечались обильными возлияниями с хорошей закуской часов до десяти вечера. Андрей всё порывался уйти, однако с каждым часом всё меньше оставалось шансов на то, что его появление порадует жену Ларису. В конце-то концов, от Вернадского до Мосфильмовской ехать всего ничего, тем более на такси… А повод был более чем достойный — эту дату можно считать ещё одним днём рождения «Сталкера», так как именно 16 апреля Андрей согласовал с АНом новое название. Диалог состоялся примерно такой (в устном изложении Стругацкого):

«Я, — говорит, — придумал грандиозное название, всем будет понятно!» — «Какое?» — «Сталкер!» — «Серьёзно? — говорю. — В чём же его грандиозность? В том, что зрители поймут?» — «Зрителю плевать. Зрители всё равно дураки, — непочтительно отозвался он, — но прочитают киноафишу и подумают: „Вот идёт хороший боевик. „Сталкер“! Так оно и будет — „Сталкер“!“ — Потом спохватился и спросил: „Вы-то согласны?“ Я говорю „А нам наплевать…“

И ещё одна забавная деталь того дня: зам Ермаша Павлёнок — по общему кинематографическому мнению, гораздо больший мракобес, чем сам Ермаш, — на прощание взял Андрея под руку и публично объявил, что Стругацкие, наконец, прочно входят в

советское кино. Ну, как было не выпить за такое!

Обещанные деньги заплатят только в конце лета, на жалованье сценаристов зачислят вообще с октября), зато у АБС будет время подумать. И БН резонно предложит оформлять договор на каждого в отдельности. Они при этом меньше теряют на подоходном налоге, прогрессивном по тогдашнему закону, а сумма-то общая немаленькая — шесть тысяч.

Кстати, коли уж мы заговорили о деньгах, забежим немного вперёд и закроем эту тему. Говоря по совести, сценарий, во всем множестве его вариантов писали «перышком по бумажечке», безусловно, Стругацкие. Вдвоём. Андрей при всем нашем уважении и восхищении его гением, фактически, до начала съёмок, написал там считаные строчки, ограничиваясь в основном бесконечными вычеркиваниями. И только очень много слов говорил, всякий раз разных, чем не только не помогал, но, безусловно, и мешал созданию сколько-нибудь завершенного варианта. Так что году к 1980-му под окончательный расчёт по уже двухсерийному фильму БН в состоянии крайнего утомления заметит АНу, что как-то и не совсем понятно, где тут теперь доля Андрея. И будет, в общем, прав. Однако АН сочтёт невозможным менять правила игры и предложит всю долю Тарковского вычесть из его половины, если брат не согласен. Конечно, БН отрулит назад, на чем история и закончится. О ней, быть может, и рассказывать не стоило бы, если б не одно обстоятельство. В 1977-м, во время съёмок, жена Андрея Лариса Павловна, невзлюбившая за что-то АНа (справедливости ради скажем, что она точно так же невзлюбила практически всех участников съёмочной группы, за исключением двух-трёх особо приближённых), — так вот, Лариса Павловна, спросила Андрея, почему это у него только треть сценарной доли, а не половина? Ведь братья Стругацкие — это один автор. Человека два, а писатель один — не платят же им двойных гонораров в издательствах. Аргумент был хитрый и вызвал большое напряжение в отношениях между АНом и Тарковским. Но тогда Андрей сумел не поругаться с ним, несмотря на жёсткий прессинг со стороны Ларисы Павловны. Разделение гонорара осталось, разумеется, прежним. Но как же люто возненавидела она Аркадия после этого!

Однако вернёмся в 1976 год. Летом Андрей уехал в Среднюю Азию — искать натуру — и нашел потрясающее место. В Таджикистане, но немного ближе к Ташкенту, чем к Душанбе — маленький город Исфара в Ферганской долине и лунный пейзаж вокруг него. Привез множество фотографий, и они с АНом вместе

набрасывали маршрут Сталкера.

В июле ещё предполагалось, что съёмки начнутся в октябре. Тогда же возникают первые, по-настоящему конкретные пожелания Тарковского. В почти стенографической записи АНа можно видеть, насколько они близки (местами) к будущему фильму:

> «1. Обыденность и „ненужность“ (для сталкера) жены в 1-й сцене. Игнорирование?
>
> 2. Как выразить, что сталкер на этот раз не профессионал, не преступник, а идёт в Зону с мольбой?
>
> 3. Как и куда вставить информационную часть? Игнорировать!
>
> 4. Идея о цели существования человечества: здание искусства.
>
> 5. Стихи должны быть хорошими, но ни к селу ни к городу.
>
> 6. Туман при проезде через шлагбаум.
>
> 7. Уточнить мотивации профессора: отказ от взрывания Зоны. Профессор ужасается, что берет на себя функции бога: своей волей уничтожить последние надежды миллионов людей.
>
> 8. Финальная сцена: счастье не так добывается. После Зоны я стал лучше и больше не пойду.
>
> 9. Сцена, когда сталкер отказывается идти к Машине желаний.
>
> 10. Грозное чудо в начале маршрута, чтобы осведомить зрителя об ужасах. И где-то приятная странность: во время отдыха — солнце, жара, и вдруг рядом сугроб — он тает.
>
> 11. Вместо Золотого Круга (символ) — место, где исполняются желания, найти название места. Нужно визуально описать место, где сбываются желания. Снег, хлеба, женщины?
>
> 12. Найти способ без танков сохранить разговор об „углублении“.
>
> 13. В разговоре писателя со сталкером и профессором — поливание науки.
>
> 14. Причина, почему остался писатель. Устал! И никаких домов».

В письме брату АН ещё подчеркнет отдельно, что не нравится Тарковскому атомная мина, но тут же и добавит: уступать нельзя.

Вот любопытная маленькая иллюстрация к этому периоду работы над сценарием.

Вспоминает Мариан Ткачёв:

«Натаныч как-то позвонил: приезжай, будет Андрей, мы тут закончили сценарий, надо это отметить. Я приехал. Все знают, что Тарковский был уникально необязателен. Натаныч уже думал, что-нибудь случилось, и тут он явился, поцеловались, Натаныч достал папку, тот небрежно так открыл, полистал, бросил на диван и сказал, ну, теперь это надо выкинуть и снимать кино. Выражение лица у Натаныча было такое, какого я больше никогда не видел, при всем при том, что он был человек бывалый. Но в итоге они остались довольны. „Сталкер“ — замечательный фильм. И всё-таки мне очень жалко книгу…»

Осенью Андрей не торопится возвращаться в Москву из Мясного, так как, жутко опаздывая по срокам, лихорадочно работает там над сценарием «Гофманианы», и ходят слухи, что он начнет снимать только с января. Так оно и случится.

БН реагирует бодро:

> «И даже неплохо, что А.Т. собирается снимать с января. Значит, до января у нас есть возможность раза три встретиться по 10 дней за раз и накатать повестуху».

Тарковский уезжает в октябре в Таллинн по совершенно другим делам, но это будет как знак судьбы. Не позднее 5 октября Маша Чугунова привозит АНу фотографии трех основных актёров: Сталкера — Кайдановского, Профессора — Гринько и Писателя — Солоницына, чтобы они писали очередной вариант сценария, ориентируясь уже на конкретных людей.

И так до самого конца года они продолжают обсуждать поправки к сценарию и схему возможной своей работы на съёмках, с дежурствами по очереди или как-то иначе, обсуждают ещё и публикацию сценария в «Искусстве кино», от которой в итоге отказываются: не надо до — только после фильма!

21 октября Тарковский записывает вполне определённо:

> «Планирую запускаться со „Сталкером“ 26 января. <…> Вчера был у меня Аркадий С. Доделали сценарий почти до конца».

Боже, какой это вариант?! Но ключевое слово — почти. 10 ноября — ещё одна запись, несколько неожиданная:

> «Что надо сделать в Москве:
> 1. Написать план сценария и послать его Стругацким в Ленинград. Получил письмо от Аркадия. У меня такое ощущение, что он ленится…»

Никто, конечно, не ленился, просто Стругацкие безумно устали от бесконечных переделок и невразумительности режиссёрского видения фильма. Успел устать и Тарковский. От жизненной суеты, редакторского занудства и бюрократических проволочек. А впереди ему ещё предстоял съёмочный период. И какой!

Ну, что же, с Новым годом, дорогие товарищи? Прежде чем поздравить друг друга, братья отправятся в Комарово в намерении всё-таки поработать с «повестухой», однако, созвонившись с Тарковским, вынуждены будут писать очередное дополнение к сценарию, каковое и закончат торжественно к 19 декабря.

Страна в этот день не менее торжественно отмечает 70-летний юбилей «лично товарища» Л.И. Брежнева.

А Стругацкие просто делают выдох и всё-таки готовятся встречать новый и очень важный для них год — первый год съёмок «Сталкера».

В самом начале 1977-го АН пишет:

> «3 января — Тарковский болен, мы не виделись, следственно, сценария он ещё не читал».

И, наконец, после долгого перерыва:

> «21 февраля — 15-го Тарковский начал съёмки. Павильон, сцена самая первая, с женой сталкера. <…> С Зоной имеет место неприятность: в том районе как на грех имело место землетрясение в 9 баллов и всё основательно напортило и разрушило. Тарковский пока в нерешительности, что делать: искать ли новую Зону или посмотреть, как сгладятся последствия на старой».

Исфара-Баткентское землетрясение 31 января 1977 года было весьма серьёзным, с человеческими жертвами, но, по мнению Георгия Рерберга, главного оператора, работавшего на первом «Сталкере», а до того на «Зеркале», стихийное бедствие не испугало бы Тарковского — следы разрушений могли пойти лишь на пользу картине, хоть и создавали массу технических и бытовых сложностей для съёмочной группы. Ему просто не очень нравилась эта натура сама по себе, его всё время тянуло куда-то в среднюю полосу — к зелени, к воде, к траве. В итоге Исфара отпала по чисто бытовым причинам — после землетрясения там некуда было поселить съёмочную группу. Сроки начала съёмок были отодвинуты на три месяца — до 15 мая. Стали искать альтернативу. Кроме Исфары, смотрели ещё, Крым, Кобустан в Азербайджане (вместо лунного пейзажа — марсианский, как сказал Цымбал, но там тоже было совершенно негде жить) и, наконец, окраину Запорожья — шлаковые отвалы металлургического завода, жутковатые и притягательные в своём мрачном унынии.

Натуру выбирали очень долго — конец февраля, весь март, большую часть апреля. Сам Тарковский, занятый репетициями в Ленкоме, уезжает на поиски лишь в середине апреля. И только к концу месяца, когда реальной стала перспектива консервации картины или переноса съёмок на следующий год, выбор был сделан. Андрей успевает параллельно заниматься какими-то другими делами. Например, из письма АНа от 13 марта мы с удивлением узнаем, что Тарковский рекомендует ему уговорить Кроманова снимать «Отель „У погибшего альпиниста“» на «Мосфильме», а с «Таллинфильмом» он, дескать, разберется сам. Выходит, на определенном этапе Тарковский имел некое отношение и к этой картине.

В общем, все дороги ведут в Эстонию, и когда там, в окрестностях Таллинна, Георгий Рерберг, в некоторой растерянности обходя большую территорию пионерского лагеря (хорошее соседство), наткнется на заброшенную электростанцию, точка будет поставлена: идеальное (вроде бы) сочетание привычной и любимой природы с мрачноватой потусторонностью. Вот только сценарий!.. Какой там вариант? Шестой? Восьмой? Сценарий снова поплывёт. Не на такую натуру он был написан.

7 мая Андрей Арсеньевич с Женей Цымбалом и Машей Чугуновой выехали в Таллин (в то время еще с одним «н»). Через несколько дней подтянутся остальные. Съёмки начнутся 20 мая и продолжатся до конца месяца. Затем — первый материал, первая

остановка, первые оргвыводы…

Съёмки эти сами по себе были куда фантастичнее сценария и фильма. Это был сплошной праздник, и это была непрерывная мука, неимоверное испытание, это было средоточие всевозможных катастроф и череда волшебных откровений. Рассказать об этом на нескольких страницах всё равно не получится, читайте лучше книгу «Рождение „Сталкера“», которую пишет Евгений Цымбал. Сегодня он знает об этом фильме больше, чем кто-нибудь, исключая, пожалуй, только Машу Чугунову. Потому что сам участвовал в съёмках и много лет собирает всю информацию, имеющую отношение к «Сталкеру».

А здесь — лишь несколько эпизодов глазами братьев Стругацких.

18 мая АН отправил очередной вариант сценария с уезжающим в Таллинн Солоницыным, уверенный, что съёмки там уже идут. На деле они начались двумя днями позже и продолжались десять дней. После просмотра отснятого материала Тарковский заявил, что всё снятое — брак, и уехал в Москву разбираться с его причинами.

А в это время, в самом начале июня, БН, путешествующий вместе с друзьями по Эстонии на двух машинах, не без труда, всеми правдами и неправдами нашел-таки по описаниям поселок Ягала, ближайший к месту съёмок, укрывшийся в глубине погранзоны, что начинается от поворота к морю на 27-м километре Ленинградского шоссе, и знаменитую натуру, буквально метрах в трехстах от поселка увидеть удалось. Но, ко всеобщему великому сожалению, помимо натуры была там лишь полная и удручающая пустота. Местное начальство, бывшее слегка в курсе, объяснило, что как проявили отснятое, так и выяснилось, что камера выдает брак. Поэтому творцы уехали в Москву выяснять причины брака и камеру чинить… А вся группа, за исключением двух-трех человек, получив выходные после двух недель безостановочной работы, отдыхала в городе. Ну, побродил БН с друзьями по красивому и страшноватому месту, пофотографировались они вдосталь, да и покатили восвояси несолоно хлебавши.

В июле на съёмках начинает работать практикантом Костя Лопушанский. В течение семестра он слушал лекции Тарковского по режиссуре на Высших курсах, и для него именно эти съёмки стали главной школой кино на всю жизнь. По его словам, был такой эпизод: подъезжает на площадку такси, и выходят из него братья Стругацкие, оба. Живые кумиры. Костя аж замер от восторга; именно тогда он понял, что обязательно сделает хотя бы один фильм по их книге. Никакого внятного общения между

ними в тот раз не произошло, а теперь уже невозможно установить, кто в действительности приехал на натурную площадку вместе с АНом. И то, что Лопушанский видел двоих АБС, мы бы, конечно, с удовольствием списали на проделки Зоны, если б не знали уже, что со Стругацкими такое случалось постоянно. Они просто таскали Зону повсюду за собой.

В июле Андрей начинает сначала сам переделывать диалоги, извиняется за это в письмах и по телефону и, наконец, просит Аркадия приехать. На свою голову, как он, Аркадий, потом скажет.

АН выехал с Ленинградского вокзала 22 июля в 21.24 поездом № 68 вместе с Еленой Ильиничной. Поселяют их в очень современной, выстроенной пять лет назад гостинице «Виру», в номере на двенадцатом этаже с красивым видом на панораму города и море на горизонте. На съёмку, разумеется, возят.

Основная часть группы жила в препаршивейшей гостинице «Ранна» в рабочем районе Копли, актёры — в приличном отеле «Палас» времен буржуазной Эстонии в самом центре, а Женя Цымбал — вообще во флотской гостинице «Нептун». Сам Тарковский поселился отдельно на частном секторе — для него и Ларисы специально снимают двухэтажное бунгало в элитном курортном месте Пирита. Скорее всего, там и обсуждался, как правило, сценарий.

Свои впечатления от увиденного АН излагает через неделю в письме брату:

> «Ситуация со съёмками была нерадостной. Километр пленки операторского брака, метров четыреста без брака, но Андрею не нравится. Пленка на исходе, дублей снимать нельзя. В группе паника. Кончаются деньги. Просрочены все сроки. Оператор сник и запил».

Речь, надо понимать, о Рерберге. Говорят, что слухи о его запое, мягко говоря, преувеличены. Если он и выпивал, то чаще всего вместе с самим Андреем и художником Александром Боимом, причём далеко не всегда инициатива принадлежала Рербергу. А резкость тона в письме Стругацкого не удивительна. Конфликт у них начался в конце июня и нарастал до начала августа. Его неустанно подогревала Лариса Павловна, с самых первых дней. Справедливости ради приведём и слова Георгия Ивановича об АНе:

«…Когда я разговаривал с Андреем по поводу диалога „Откуда я знаю, что я действительно хочу, когда я хочу, или не знаю, что не хочу, когда хочу…“, это было невозможно прочесть, не то что воспринимать на слух. Я сказал ему об этом. Кончилось это тем, что один из Стругацких пришел ко мне и сказал, чтобы я не лез в драматургию. Я в ответ попросил его выговорить эту фразу — то, что они написали. И сказал, что не могу не лезть в ТАКУЮ драматургию. Положение было серьёзное, и надо было что-то делать».

Фраза АБС, конечно, цитируется неточно, но приводить её из опубликованного сценария так же бессмысленно — мы же не знаем, по какому из многочисленных вариантов читал эти слова Рерберг. Хочется лишь добавить, что в своём замечании АН оказался не одинок: один крупный режиссёр в Италии сказал про Рерберга: «Впервые вижу оператора, который вмешивается в драматургию». Георгий Иванович был, конечно, выдающийся мастер и, возможно, со своей операторской колокольни в чём-то и был прав, но подозреваю, что любой писатель на месте АНа сказал бы ему то же самое.

Вот ещё несколько свежих впечатлений автора:

«Присутствовал на съёмке двух кадров: мертвецы в закутке перед терраской и Кайдановский-Сталкер роняет в колодец камень. Даже мне, абсолютному новичку, было ясно, что всё недопустимо медленно делается и обстановка в высшей степени нервная.

Некоторое время не понимал, зачем я здесь. Теперь разобрался — дело не в диаложных поправках, которые мне предстоит произвести, а в том, что я — единственный здесь заинтересованный человек, с которым Тарковский может говорить откровенно и достаточно квалифицированно. *(Конечно, это было совсем не так. Заинтересованы были все, и все работали, не считаясь со временем, условиями работы и жизни, качеством питания и погодой. Другое дело, что люди, которым приходится выполнять одну и ту же работу в шестой, восьмой, десятый раз, не понимая, почему то, что они уже делали много раз, и делали хорошо, не годится — постепенно начинали звереть. — А.С.)*

Позавчера утром он улетал в Москву, вчера вечером прилетел. С неожиданной легкостью удалось выправить

дела. Ермаш без звука подписал приказ о переводе „Сталкера“ в двухсерийную картину с соответствующими дотациями в деньгах, пленке и времени. И есть в этом ещё одна большая благодать: все кадры, которые Андрей снимает, занимают вдвое больше физического времени, чем предполагалось по режиссёрскому сценарию. *(Заметьте, всё это пишется 30 июля, то есть две серии утверждены до августа, а не после случая с запоротой в Москве пленкой, как рассказывалось до этого в целом ряде публикаций! — А.С.)*

Всё равно Тарковский не спокоен. Терзается творческими муками. Уверяет меня, что снимает всё не то и не так. Слушать его необычайно интересно.

P.S. Да, вот ещё что. Днями, видимо, будет в Таллинне Кроманов».

И ещё один эпизод той же поры (уже из устных рассказов):

«Должен вам сказать — если кто не был на съёмках — скучнейшее дело! Сидит Кайдановский в яме и кусает травинку, а на него наезжает киноаппарат. Долго выясняют — так он наезжает или не так, потом начинают свет ставить — огромные блестящие зеркала — такой или не такой. Солнце скрылось — давайте „юпитеры“! Кайдановский не так повернул голову! Кайдановский съел уже всю траву по краям ямы, немедленно давайте новую! И так далее, и так далее… А вся эта сцена, между прочим, в фильме продолжается едва ли не двадцать секунд!»

Вообще обстановочка на съёмке бывала всякой: и нервной, и напряжённой, и весёлой, и очень весёлой. И запивал там отнюдь не только оператор. У них по этой части многие отличиться могли. Потому что тон задавали первые лица — Андрей Арсеньевич и Аркадий Натанович. У них иногда без допинга, ну совсем сценарий не получался. А после допинга бывало всякое. Бывали и непредсказуемые последствия. Например, захотелось Тарковскому на машине покататься — там же на съёмочной площадке ГАИ не было, — ну, сел он в машину Кайдановского, дал задний ход и сразу в дерево. Правда, это было уже без Стругацкого и к главным событиям отношения не имело…

Главные события, слух о которых прокатился по всей стране,

а затем и по всему миру, случились в начале августа.

БН, который по каким-то своим причинам (сегодня уже и не вспомнить) ещё раз приехать в Таллинн не мог, как раз в те дни прислал трогательное письмо:

> «Очень мне завидно, как Вы там с Тарковером *(Это его АН так ласково прозвал, иногда Таркович, а иногда вообще — Андрюшенька-душенька. — А.С.)* творчески общаетесь. Сожалею, что не присутствую при сем хотя мичманом-осветителем».

Осветителей хватало, но беда подкралась с такой стороны, что никто из коллектива помочь бы и не смог…

АН пишет 9 августа уже из Москвы, куда накануне срочно прибыли самолетом:

> «…Вкалываю с Андрюшкой: днём он на съёмках, вечером у нас обсуждения, что надобно улучшить, а в результате я написал уже за 20 страниц нового сценарного текста и являюсь непрерывно просим писать дальше и исправлять уже написанное. Прилетели же мы по чудовищному поводу: всё, что Андрей отснял, превращено в проявочной лаборатории Мосфильма в технический брак: 6 тыс. метров пленки из 10 тысяч, при потере 300 тыс. рублей из 500. Кроме нашего фильма на студии тем же порядком загублено ещё три. Дело пахнет Госконтролем и даже прокуратурой. Ну, поглядим, чем всё кончится».

Понятно, какие поползли слухи. Тем более в интеллигентской среде, тем более по поводу полуопального Тарковского: сведение счётов, политическая диверсия, козни КГБ, происки ЦК… Дескать, такую антисоветчину наснимал, что даже не арестовать приказали, а сразу уничтожить! И мы, молодые дураки, поклонники Тарковского и Стругацких, помню, охотно верили во всё это. И если кто-нибудь постарше и порассудительней говорил про случайность или царивший в стране всеобщий бардак, мы только ухмылялись многозначительно: мол, знаем мы эти случайности, и со старшим товарищем всё понятно — ему объяснили, что НАДО так говорить.

Теперь, когда прошли годы и скрывать уже нечего и не от кого, можно развеять этот, быть может, главный миф, связанный со «Сталкером».

Не было там никакого, ничьего, ни малейшего злого умысла. Было головотяпство, надежда на извечный российский авось, было желание угодить начальству, сэкономить, возможно даже украсть что-то по-крупному, но главной была всё-таки Её Величество Слепая Случайность. Или судьба. Это кому как больше нравится.

И потому АН сразу сказал: «Напрасно ты со мной, Андрей, связался. Всегда там, где Стругацкий берётся за дело, всё рушится. В том числе и в кинематографе…»

А другу Манину в Москве он ещё жёстче тогда сформулировал: «Знаешь, Юра, мы точно вызвали на себя какие-то космические силы и теперь не властны над тем, что сами начали». И Манин сразу вспомнил, как этот мотив был разработан ими в «За миллиард лет до конца света». «Художники, которые ТАК чувствуют свою работу, вряд ли смогут сойтись надолго, — подумал он тогда, но не стал говорить вслух, — их пути с Тарковским разойдутся, потому что жизнь требует слишком многих повседневных компромиссов».

Комментирует Евгений Цымбал:

> «На точно таком же типе пленки до „Сталкера“ Георгий Рерберг снял совместную с японцами „Мелодию белой ночи“. И всё было прекрасно. Но тогда обработка была в Японии. Там они исследовали пленку, подбирали режимы — это уже дело лаборатории. И получали напечатанный на „Кодаке“ блестящий материал, который главный инженер студии Коноплев показывал всем как пример мастерства и профессионализма. Было заманчиво использовать ту же пленку. Где, когда, через какую третью страну купили эту партию и в чём там было дело — никто не знает. Есть версия, что это была какая-то экспериментальная партия пленки, для неё нужна была дополнительная ванна и дополнительные химикаты. Но никто же не знал, включая, скорее всего, Коноплева, купившего её где-то по дешевке. Была же специальная премия за экономию валюты — вот об этом все знали. А подробности… Они уже никогда не будут известны. Эта тайна умерла вместе с Коноплевым. Однако после „Сталкера“ некоторое время все старались обрабатывать „Кодак“ не на „Мосфильме“, а в Останкино

или на „Ленфильме“…»

Только через месяц, с 20 сентября, съёмочный процесс возобновился. Вместо Рерберга был теперь Леонид Калашников и с ним в качестве художника-постановщика пришел Шавкат Абдусаламов, заменивший Александра Боима. Рерберга «ушли» не из-за пленки. Главное, он теперь совсем не устраивал Андрея и, что ещё важнее, Ларису Павловну, а его не устраивал Стругацкий. Не случайно Георгий Иванович пытался подарить Калашникову ручку — с пожеланием переписывать сценарий. Калашников честно сделал всё что мог, но эта «спасательная» команда, к сожалению, оказалась недолговечной — до первых, ещё октябрьских морозов и снегопадов, в считаные дни превративших летнюю натуру в зимнюю. То, что снимали в сентябре и октябре, принято называть вторым «Сталкером». Из отснятого тогда материала в фильм не вошло ни метра.

А для нас самое существенное, что в августе Тарковский объявил о принципиальном, радикальном, кардинальном изменении главного героя. Как его изменить — он якобы ещё сам не знал, это предстояло выдумать Стругацким. Но в одном Андрей, наконец, признался честно: супермен и бандит ему не нужен.

О приступе отчаяния АБС, когда Аркадий примчался к Борису в Питер, словно ошпаренный, и не было слов, одни только жесты — об этом переломном моменте в работе над «Сталкером» написано столько!.. И кинокритиками, и фантастоведами, и просто журналистами. Да и сами авторы во всевозможных интервью рассказывали, как правило, именно об этом. Я же считаю, что ничего такого особенного на данном этапе как раз и не произошло. Ну, сделали из уродливого уголовника — юродивого паломника. Подумаешь, бином Ньютона! В своей работе им уже не раз и не два случалось выворачивать собственный замысел наизнанку. Бывали кризисы и пострашнее. А тут задача получилась если и не совсем техническая, то уж во всяком случае рутинная — в конце концов, девятый вариант, и всё уже делается на автомате.

А главное — наверно, всё-таки это главное, — они именно теперь приводили написанный сценарий в состояние равновесия. Тарковскому изначально чужд был Рэдрик Шухарт, назови его хоть Аланом, хоть просто Сталкером. Ситуация, придуманная в самом первом варианте сценария, требовала фигуры притчевой, символической и уж ни в коем случае не олицетворяющей мировое зло.

Есть ещё один миф о «Сталкере»: якобы АБС написали сценарий, очень близкий к тексту повести, а Тарковский, последовательно над ним издеваясь, довел текст ровно до того, что и было воплощено на экране. Ходили даже слухи, что первый запорченный на проявке вариант был точной экранизацией «Пикника».

Так вот: не было никакого другого сценария. АБС наступили на горло собственной песне ещё в 1974-м. И даже, строго говоря, не наступали вообще, а сразу, уже наученные Германом, добровольно запели совершенно новую песню. Они сознательно писали абсолютно оригинальное произведение на базе четвертой части «Пикника» и с заведомо новыми персонажами. А уж Тарковский просто в течение трех лет подгонял это произведение под свой вкус по загадочным, непостижимым, понятным лишь ему одному (и то не всегда) принципам.

Так что изменение образа Сталкера — это была, конечно, задачка не простая, зато со всей очевидностью последняя — как финишный спурт: тяжело, зато коротко, и уже ясно, что победа близка. Пусть даже и не победа, в любом случае — финиш…

Так что авторы в целом легко пережили трансформацию своего героя. Он уже давно был для них не очень своим. Теперь они окончательно отказались от отцовства в пользу Тарковского и вздохнули с облегчением. Две половинки одного целого, наконец, сошлись. С тринадцатой попытки. Или какой там?

Из письма АНа от 3 сентября 1977 года:

> «Новый вариант Тарковскому очень понравился. Разумеется, тут же взыграла в нем творческая жилка, принялся он дополнять и уточнять дал мне десяток инструкций и укатил в Москву утверждать новый вариант. Вчера вернулся. Начальство вариант приняло, послало на утверждение в Госкино. Мы сейчас будем доделывать его применительно к условиям отступающей натуры и перехода отчасти на декорации. Это уже не сильно сложно».

Чувствуете, какой спокойный тон? Никакой истерики. И даже через месяц всё так же уверенно и размеренно — из дневника за 12 октября:

> «Вчера звонил из Таллина Андрюха. Предстоит работа».

А вот кому было по-настоящему трудно в том августе, да и через год тоже не сильно легче — это Александру Кайдановскому.

Рассказывает Евгений Цымбал:

> «На втором „Сталкере“ у Саши иногда были моменты, когда, возвращаясь со съёмок, он просто дрожал от ярости. Он до каких-то физиологических реакций, чуть ли не до тошноты не хотел быть таким, каким его заставлял быть Тарковский. Кайдановскому очень не нравилось то, что Андрей заставлял его выворачивать из себя то, чего он категорически не хотел никому показывать. На съёмке Саша всё это послушно делал, но после съёмки у него было состояние, которое я бы назвал компенсацией. Он страшно хотел быть таким, каким он был в жизни и каким хотел быть всегда. Цельным, твердым, жестким, реактивным. Иногда это вырывалось в какое-то экстремальное поведение».

И продолжая задумываться, вдруг понимаешь, что это умение Тарковского — заставить человека стать другим, — касалось не только Саши, не только актёров, но и всех зрителей фильма. Именно это и делает с нами фильм «Сталкер» — выворачивает из каждого то, чего он категорически показывать никому не хочет. Отсюда, очевидно, такая агрессивная реакция у многих. Например, оператор Борис Прозоров, в 1977-м он был механиком съёмочной аппаратуры в группе у Тарковского, честно признается: «Когда я посмотрел „Сталкера“ впервые, просто пришел в ярость. Это было кино абсолютно про другое. И только потом я смог его оценить».

Лично со мною произошло примерно то же самое, хотя, конечно, у меня — студента, и у него — профессионала, участника съёмочного процесса, были совершенно разные ожидания. И я бы никогда не стал так нескромно выносить в эпиграф собственные слова, если б они не выражали точку зрения огромного числа поклонников АБС, и просто любителей фантастики, и просто зрителей, привыкших к упрощенному киноязыку, и, наконец, даже значительной части поклонников самого Тарковского, ожидавших от него чего-то, не более далёкого от Стругацких, чем его же «Солярис» — от Лема. Тарковский со «Сталкером» удивил всех: одних расстроил, других восхитил. Но заглянуть вглубь себя и переменить своё первое мнение сумели далеко не все. И захотели не все. И дело тут не в

возрасте и даже не в уровне интеллекта. Тут надо обладать чем-то, сродни музыкальному слуху — либо есть он, либо нет его.

Такой уж это фильм — «Сталкер».

Вернёмся к хронологии событий.

Из дневника АНа:

> «26 октября, среда. Вчера был Тарковский. Обсудили с ним предложение „Мосфильма“ по 2-серийному „Сталкеру“. Вчера же предложение выполнил на 5 стр. Сегодня утром приехала М. Чугунова, забрала. Будем печатать. В пятницу Тарковский обещал положить готовый вариант на стол Ермашу».

И дальше начинаются сплошные финансовые и организационные хлопоты, в которых АН принимает живейшее участие, но о сценарии больше — ни полслова.

Есть, например, такой замечательный абзац из письма БНу от 3 февраля 78-го:

> «Тарковский вернулся из Парижа. „Зеркало“ вызвало фурор. Наше посольство во Франции в восторге, прислало в Госкино соответствующую реляцию. Но здесь со „Сталкером“ тянут по-прежнему, хотя Андрей утверждает, что со дня на день ждет приказа на запуск. Сизов держит ярую мазу за него (после Парижа особенно). Есть уже новый директор картины, новые сотрудники. Ждем».

20 февраля выходит приказ о повторном запуске «Сталкера» в производство, А это значит, что можно и денежки получить. За вторую серию. Это всегда поднимает настроение. Правда, реально придётся ждать месяца два — аванса и месяца четыре — полного расчёта. Гораздо раньше, 7 апреля, почти сразу после своего дня рождения Андрей попадёт в больницу с инфарктом. «Доканали», — напишет в письме БН.

Однако уже 18 апреля Тарковскому разрешают садиться в постели, он бодр, работает и предполагает начать режимные съёмки в середине июня. На самом деле съёмки начались в июле, шли быстро и закончились к середине декабря. Сценарий, практически, не менялся. На третьем, завершающем «Сталкере» даже присутствие АБС не требовалось.

В начале 1979-го АН и Тарковский общаются в основном по телефону. Андрей держит Аркадия в курсе по срокам монтажа и озвучания, по уже начинающимся придиркам и попыткам начальства подправлять снятый материал. Первый просмотр планируется в конце марта, а выход в прокат лишь на 1980 год.

АН впервые посмотрит «Сталкера» 25 мая на «Мосфильме». Он сможет позвать туда человек десять: Маниных, Миреров, Ткачёва, Лукина, Бовина, ну и ближайшие родственники будут: Елена Ильинична, дочка Наташа с мужем Эдиком и дочка Маша — уже без мужа. Впечатления, разумеется, разные, но почти все едины в одном — мешает уже имеющееся представление о любимой книге. Так что восторги умеренные, но всё равно это повод, и со студии они все отправятся в ресторан ЦДЛ.

15 июня состоится официальная премьера в Доме кино, где АН будет перед фильмом выступать со сцены. Откуда-то взялась легенда, что к этому торжественному случаю ему специально сшили костюм и якобы очень неудачно. Всё — неправда. Во-первых, день был жаркий, АН был в одной рубашке, но выглядел весьма элегантно — есть фотография, сделанная Михаилом Лемхиным, оказавшимся тогда в Москве. Во-вторых, все костюмы АНа, насколько нам известно, покупались, было их два или три, и все вполне удачные.

А в Доме кино всё было замечательно. На этот раз АН выклянчил у Андрея целых двадцать мест для своих знакомых. Потом планировалась ещё одна премьера — в Доме учёных, в общем, показы такого рода идут до конца года.

А с большим прокатом всё очень туманно и о потиражных говорить пока не приходится. После короткой апрельской поездки в Италию Тарковский в июле уезжает туда на два месяца — всерьёз, в командировку, писать сценарий «Ностальгии» и снимать будущее «Время путешествия». Слава богу, его выпускают, может быть, уже с тайной надеждой на невозвращение. А «Сталкера» вполне успешно продают для проката в разные страны. Но за это в Советском Союзе авторам, кажется, вообще не платят ни копейки.

Примерно через две недели после смерти Александры Ивановны Стругацкой (18 сентября) умирает мать Андрея Тарковского (5 октября). Вот такие невесёлые совпадения.

Андрей и Аркадий встречаются 20-го — просто чтобы вместе выпить. Вообще они довольно часто видятся в конце того года. Но о серьёзной совместной работе речи пока нет — личный кризис у обоих.

Зато была одна несерьёзная работа — за год до этого, в ноябре-декабре 78-го. Её нашел Андрей чисто ради денег. За

каких-нибудь две недели они вдвоём накропали сценарий полнометражного криминального боевика для киностудии «Узбекфильм» под названием «Берегись, Змей!». Самое интересное, что фильм был снят Захидом Сабитовым в 1979-м, и Андрей там даже значится в титрах. Аркадия не вписали из каких-то высших (налоговых?) соображений — опять высчитывали оптимальную цифру. Я всё допытывался у Марианны (Маши) Чугуновой — она одна из немногих, кто вообще помнит про этот фильм — не осталось ли каких черновиков, ведь так интересно хоть краем глаза глянуть, что пишут на заказ два гения в соавторстве. Но Марианна заверила меня, что интересного там не было ровным счётом ничего. Во-первых, бешеный темп и полное равнодушие к результату. А во-вторых, они же всю дорогу не просыхали оба. Однажды, когда Андрей уезжал ночью от Аркадия, он вдруг вздумал учить таксиста, как правильно водить машину, за что был бит и выброшен из автомобиля. Домой добрёл пешком, на автопилоте, в общем, всё обошлось. Короче, каким был змей в фильме у Сабитова, история кино умалчивает, но Аркадий с Андреем в ту зиму кричали «Берегись!» конкретно змею зелёному.

А вот две декабрьские записи из дневника Тарковского за 1979 год (конечно, не про «Змея», вышедшего к тому времени в прокат):

> «3.12.79 — Услышал сплетню, что „Сталкер“ пойдёт третьим экраном и вообще без всякой рекламы и прессы — как „Зеркало“. Нея Зоркая сказала мне вчера в Доме кино, что лично она сделает фильму прессу. Напомнил Аркадию Стругацкому, что он собирался писать Зимянину».
>
> «29.12.79 — МК КПСС послал какое-то полузакрытое письмо на киностудию „Мосфильм“, где осуждается низкий художественный уровень фильмов, выпущенных „Мосфильмом“, и как пример названы три: „Кот в мешке“, „Молодость с нами“ и „Сталкер“. Картина запланирована на второй квартал 80-го года при 200 с чем-то копий».

Эх, разыскать бы этот документ эпохи!

А у Стругацких своё продолжение темы. Уже в январе 1980-го они планируют издать сценарий в сборнике «НФ» (выпуск 25) издательства «Знания». Для них в тот период очень важна каждая

публикация. Составляет сборник Бела Клюева — вот и удалось пробиться. Но выйдет он, к сожалению, лишь в конце 1981-го. Там будет небольшая врезочка, написанная АНом, где он назовёт себя и брата подмастерьями Тарковского. Они всегда и всюду настаивали на этом, хотя, на мой взгляд, это излишняя скромность.

19 мая АН выступает в кинотеатре «Мир» на Цветном бульваре — открывает широкий прокат «Сталкера» в Москве. Народ буквально ломится, и не только на премьеру. Стоят длиннющие хвосты и в кассы предварительной продажи. Точно такая же ситуация в «Прогрессе» и «Янтаре». А идиотизм (точнее продуманное вредительство) заключается в том, что фильм идёт только в трех кинотеатрах. Ну, очень широкий прокат!

Автор этих строк посмотрел «Сталкера» 24 марта в ДК «Правды» — это был такой полупросмотр, на часть мест продавали билеты, и кто-то из знакомых вовремя подсказал. А сеанс был дневной — в ущерб лекциям и семинарам.

Дальше целый год АН рапортует брату в письмах о проблемах и успехах «Сталкера» в Москве, а главное, об успехах — за рубежом, на фестивалях и в тамошнем прокате. БН в ответ рассказывает питерские новости, такие, например:

> «07.06.80 — „Сталкер“ у нас победно шествует по трем экранам (новый фильм „С любимыми не расставайтесь“ — по девятнадцати; впрочем фильм неплохой). Очереди, толпы, слухи, что вот-вот снимут. И огромное количество разочарованных. Ходят слухи: Стругацкие излупцевали Тарковского за издевательство над своим творчеством. Впрочем, потрясенных и начисто обалделых тоже много. Такие смотрят по два, по три раза, и с каждым разом фильм нравится им всё больше».

А Тарковский, будучи в Италии, заканчивает с Тонино Гуэрра сценарий «Ностальгии» и в конце лета уже рассказывает об этом АНу, главная роль отводится Солоницыну. Стругацкие в новых планах киномастера никак не обозначены.

Но потом наступает 1981-й, и вдруг всё меняется.

В самом начале января звонит и приезжает Тарковский, они долго говорят обо всём на свете, и под занавес он вдруг предлагает написать втроём новый сценарий без всякой литературной основы. Идея в разговоре родилась, может, и не слишком оригинальная, но плодотворная и, главное, близкая им обоим. Вот как АН излагает её в письме брату:

> «Сюжет: жил человек, весьма могучий, влиятельный, стоического типа. Вдруг узнает, что заболел, что жить остаётся всего год. Переоценка ценностей. Ввергает себя в вихрь удовольствий, бросив всё, чему поклонялся. Только вошел во вкус, как его то ли вылечили, то ли объявили, что вышла ошибка. Его поведение после этого. Возможны варианты. Идея фильма: проанализировать понятие смысла жизни. *(Интересно, неужели ни тот, ни другой не читали „Час пик“ Ежи Ставинского? Модная книжка была в 70-е. Неужели не видели фильм Аньес Барда „Клео с 5 до 7“ (1962), где обыгрывается та же ситуация? Тарковский-то наверняка видел. Между прочим, и сценарий был опубликован в России. — А.С.)* По его словам, руководство „Мосфильма“ — за. Готовы заключить договор. Вопрос: что мне ответить Тарковскому? По получении письма позвони».

И всё это имеет весьма стремительное продолжение. БН в целом одобряет, Андрей с Аркадием встречаются по три-четыре раза в неделю, и 17 января появляется первый пятнадцатистраничный вариант сценария. На Ставинского это очень мало похоже. На фильм «Сталкер» — гораздо сильнее. Там есть четыре персонажа без имён: Писатель, Правитель, Ведьма и Девушка. И есть пятый персонаж — Страх, написанный под Калягина, он вовсе символический, появляющийся в кадре по законам античного театра. Там есть очень зримая натура — разрушенный войною город, откровенно срисованный с Ленинграда, но Писатель, заходя в чисто питерский двор-колодец где-то на Васильевском, поднимается на слишком высокий этаж, явно шестнадцатый, и смотрит на бескрайние дали за Московской кольцевой дорогой из окна дома на проспекте Вернадского. А ещё…

> «Посередине двора пылает костер. Несколько молодых людей в форме деловито суетятся вокруг пламени, швыряя в него книги, бумаги, папки, извлекая их из брезентовых казенного вида, мешков. Горячий ток воздуха возносит отдельные листки бумаги, и тогда кто-нибудь из молодых людей бежит и ловит этот листок и возвращает в костер».

Если бы этот фильм был снят, на листках обязательно были бы китайские и японские иероглифы, потому что ребята в форме — это курсанты Канской ШВП, сжигающие императорскую библиотеку.

В общем, сценарий очень «Стругацкий» по теме и очень «тарковский» по стилистике.

Но он будет полностью забракован.

Больше того, в ходе этих бесконечных встреч они вдруг решат сделать разработку по «Жуку в муравейнике», и Андрей в лучших своих традициях попытается вывернуть замысел наизнанку. Вот запись в его «Мартирологе» от 22 января:

> «Поработали с Аркадием. Я раздолбал его план, и мы придумали другой. Странник, который отказывается убивать Абалкина. (Всё наоборот.) Где бы Странник ни собирался уничтожить себя, о его перемещениях известно.
>
> Вера против знания („Смерть Ивана Ильича“).
>
> „Ловец ангелов“ — хуже». *(Кто бы ещё знал, о чём это речь? — А.С.)*

БН комментирует сегодня историю с «Жуком»:

> «Поразительно! Видимо, я просто забыл об этом. Не знать — не мог, а вот забыть (за кратковременностью и эпизодичностью события) мог вполне».

В феврале Тарковский возвращается из Англии и возобновляет работу со Стругацким.

25 февраля 1981-го АН записывает для себя на папке со сценарием:

> «Встреча с Тарковским. Возникла идея „Ведьмы“».

27 февраля — пишет брату:

> «Тема изменилась. О ведьме. Она шарлатанка, а всё

сбывается. Потому что люди ей верят. Пытаюсь что-то накропать. Андрей торопит. Ему всё семечки, а у меня голова кругом идёт. Завтра встречаемся, а затем мне писать сценарий».

1 марта — запись на той же папке:

«Встреча с Тарковским. Фабула „Ведьмы“ определилась. Надо писать болванку. Очередная встреча 7-го или 8-го».

Вот тут уже истинный знаток творчества Тарковского должен догадаться, о чем речь, потому что даже на DVD-боксах русской версии «Жертвоприношения» цитируется фраза мэтра о том, что в первом варианте это была «Ведьма» и даже чудесное исцеление поминается.

Кстати, о чудесном исцелении. Главному герою «Ведьмы» ставят диагноз: рак печени и обнаруживают метастазы в лёгких. Андрей умрёт через пять с половиной лет от рака лёгких. Ещё через пять лет умрёт Аркадий — от рака печени.

Материалисты (я сам материалист), конечно, скажут: не бог весть как сложно было угадать! Но, учитывая отношение к мистике их обоих, я не мог не написать об этом.

Второй вариант сценария на сорок страниц — вполне узнаваемая заготовка для будущего «Жертвоприношения» — датирована 23 марта 1981 года. А 31-го АН пишет БНу:

«Сделал для Тарковского второй вариант сценария, опять не то, что ему снилось, пять часов проговорили *(вот бы эти пять часов расшифровать и опубликовать сегодня! Ау, товарищи из КГБ, может, вы записывали? — А.С.)* буду делать третий вариант. Кстати, он рассказывал, какой успех у „Сталкера“ в Милане — очереди, и публика приветствует друг друга подъемом сжатого кулака и возгласом „Сталкер!“»

БН откликается:

«Ужасно завидую, что ты работаешь с Тарковским».

АН отвечает, и я прямо вижу его грустную усмешку из-под усов:

> «Насчёт Тарковского не завидуй, это очень каторжная и неверная работа, но отступать теперь я не хочу, уж с очень большим триумфом идёт по миру наш „Сталкер“, только что он имел совершенно восторженный приём в Швеции. Надо бы закрепить позиции».

Эти слова написаны 16 апреля. Третий вариант сценария, датированный апрелем или маем, пока не обнаружен. Есть запись в дневнике Тарковского от 8 мая о том, что он встречался с АНом, они решили попрощаться с совместным замыслом и теперь Андрей намерен писать «Ведьму» сам, в одиночку. Мотивировка очень невнятная, да и нет уверенности, что это была действительно их последняя встреча. Ведь до отъезда Андрея for good (то есть навсегда) остаётся ещё почти год.

Вообще у Тарковского тяжелейшие времена: работы нет, телефон прослушивается, многие побаиваются с ним общаться… А чего стоит хотя бы такая запись месяцем раньше:

> «3 апреля 1981 г., пятница. Москва.
>
> В доме ни копейки денег. Вчера приходила женщина из Мосэнерго и требовала оплаты счётов за электричество. Завтра мой день рождения — Лариса обзванивает всех знакомых с тем, чтобы не приходили, т. к. празднование отменяется. <…> Сейчас пришли из Мосэнерго и отключили электричество».

В связи со всем этим есть разные версии. Например, что Андрей не хотел осложнять жизнь Аркадию — у того хватало своих проблем. Есть версия, что он просто утратил интерес (временно) к сценарию «Ведьмы». Так бывало. Всё-таки уже подступал период серьёзной работы над «Ностальгией». И, наконец, существует версия о какой-то размолвке.

В зарубежных изданиях «Мартиролога» есть несколько пассажей о Стругацком, которые нам категорически не хочется здесь цитировать, потому что некоторые из них, противореча известным фактам, заставляют сомневаться в достоверности

остальных. А ещё, к несчастью, есть основания предполагать, что Лариса Павловна Кизилова уничтожила ряд записей, сделанных её мужем…

Мы не знаем сегодня, что произошло между Стругацким и Тарковским. Ясно одно — Ларисе Павловне удалось их поссорить. Сценарий «Жертвоприношения» написан ими вдвоём — это отчётливо видно даже из доступного нам самого первого варианта. Но ни в титрах фильма, ни в одном из интервью Тарковский так ни разу и не упомянул об этой совместной работе. Впрочем, данный факт не единичен. Подобная же история произошла у Тарковского и с Ольгой Сурковой, вместе с ним работавшей над книгой «Запечатлённое время». Аркадий был сильно обижен на него, когда увидел фильм, о чем и сказал Юрию Манину, отдавая тому папку с двумя первыми вариантами «Ведьмы» — вроде как почитать, а получилось, на долгое хранение. Именно в архиве Юрия Ивановича мне и удалось найти эти уникальные рукописи, считавшиеся утраченными даже самим БНом.

Работая над этой книгой, я вновь посмотрел «Жертвоприношение». И, помимо того, что фильм совершенно потрясающий, он для меня дорог теперь ещё и участием Аркадия Стругацкого. Там многое осталось от его сценария, от его идей, от его личности. В частности, и фантастика там, вне всяких сомнений, от него. Да, да именно фантастика! Атомная катастрофа в картине — это не фигура речи, не бред и не сон — это вполне конкретная реальность, почти осязаемая и оттого особенно страшная. И спасение там приходит совершенно конкретное, и в этой фантастической логике совершенно понятно, что дом не мог не сгореть, а мальчик не мог не заговорить…

Тарковский и Стругацкие соединились в своём творчестве не для того, чтобы кто-то в очередной раз отделял фантастику от литературы, фантастику от кино, фантастику от искусства вообще. Ну, что ещё должно произойти, какие ещё гении должны родиться и подружиться, чтобы люди, наконец, поняли: фантастика — это одно из направлений, и сегодня, быть может, самое главное в искусстве?! И никто не разубедит меня в том, что и «Солярис», и «Сталкер», и «Жертвоприношение» — это фантастика, настоящая, высокая, философская фантастика, а только о ней, собственно, мы и говорим в этой книге.

Даже с самими АБС я не соглашаюсь, когда они говорят, что вытравили из «Сталкера» всю фантастику. Они вытравили оттуда фантастический антураж, стилистическое сходство с «Чужим» или «Звёздными войнами». А Её Величество Фантастика как раз там

осталась.

И в этом наша общая победа над серостью.

Вместо эпилога

Из дневника Александра Княжинского, главного оператора на третьем «Сталкере», декабрь 1978 года

«Исполнение сокровенных желаний, данных человеку по сути его, которую он прячет от всех, — вещь довольно страшная. Страх перешагнуть порог комнаты, где сбываются твои надежды, твои желания, когда ты, наконец, дошёл до этого порога, преодолев тьму неприятностей, порой побывав на грани смерти, и всё же в конце не вошёл в неё, — мысль замечательная, очень близкая мне. <…> По ходу съёмок мне часто представлялось, что в Зону идёт вся наша группа. Очень даже интересно было нарисовать, кто за чем идёт, кто чего просить станет, у кого какие желания случатся на пороге комнаты. За чем идёт Демидова *(Александра Демидова, заместитель директора картины. — А. С.),* чего будет просить Таня *(Татьяна Александровская — заместитель директора съёмочной группы, впоследствии, к концу съёмок, жена А. Княжинского. — А.С.),* какие желания у Кайдановского, Маши *(Марианна Чугунова — ассистент режиссёра. — А.С.),* Наны *(Нана Фудим — ассистент оператора. — А.С.),* чего хочет Солоницын — поди, узнай! Славы, денег, признания, интересной работы, любви, наконец??? А сам я для чего иду, чего мне надо, какое такое моё сокровенное желание?»

Глава девятнадцатая
ПИКНИКИ НА ОБОЧИНАХ

«— Собственно говоря, — сказал он, — я приехал сюда проветриться. Переутомление. Проект „Мидас“, слыхали? Совершенно секретно. Четыре года без отпуска. Вот врачи и прописали мне курс чувственных удовольствий. — Он снова захохотал… — Господин Симонэ служит для меня неиссякаемым источником размышлений о разительном несоответствии между поведением человека, когда он отдыхает, и его значением для человечества, когда он работает».

А. и Б. Стругацкие. «Отель „У погибшего альпиниста“»

Как они отдыхали? По-разному. АН — по-своему, БН — по-своему. Вместе — всего раз пять, не больше, скорее даже меньше. И всегда — на Юге, ещё точнее — в Крыму. Это было в конце 50-х — начале 60-х, последний раз в октябре 1964-го. То есть в период максимального совпадения их жизненных линий на бытовом уровне. Резонанс творческих пиков пришёлся на период чуть более поздний, но об этом мы уже говорили. А сейчас об отдыхе и путешествиях.

Что любопытно, никаких ярких воспоминаний об этих совместных поездках не сохранилось, никаких детальных записей в дневниках, письмах, тем более никаких отголосков в прозе. Ну, это ещё так-сяк можно понять: солнце, пляж, море, лежание брюхом кверху. О чём тут писать? Хватило одной смешной миниатюрки под названием «Адарвинизм» — диалога, иллюстрирующего превращение человека в обезьяну. Удивительнее другое. Все их путешествия, совершённые поодиночке (а мы вынуждены будем дальнейший рассказ разделить на две неравные части), тоже оставили самый минимальный след в творчестве. Причём так: для пейзажей, для антуража, для наполнения деталями созидаемых АБС миров

активно используются впечатления юных лет обоих авторов, их поездки по стране, связанные с учёбой и с работой. А практически все путешествия долгого тридцатилетнего периода их общей литературной работы никак… ну, почти никак не отразятся в книгах.

Автотуризм БНа мелькнет один раз, в «Понедельнике», чтобы ещё раз вернуться только уже в «Поиске предназначения». Посещение АНом Латвии слегка повлияет на внешние признаки мира, изображенного в «Хищных вещах». Но очень слегка. А всё остальное: Чехия, Польша, Болгария, Таджикистан, Литва, Молдавия, Белоруссия, Украина, Азербайджан, Грузия, Армения — ну, ни намека нигде, ни единым штрихом. Вывод один: АБС — не путешественники по натуре, они отдыхать ездили не за впечатлениями, а за покоем и возможностью расслабиться. Отвлечься, выкинуть всё из головы, убежать от проблем, от суеты, от телефонных звонков и писем, иногда — от самих себя. Наивно, несбыточно? Да нет. Им удавалось. Правильно говорят: кто умеет работать на совесть, тот и отдыхает на славу.

БН, например, очень любит упоминать в интервью свои автопробеги по бездорожью и разгильдяйству. Но практически никогда не рассказывает ничего конкретного, словно и нечего рассказать, а ведь они с друзьями не в одно и то же место каждый год ездили — наоборот — выбирали всякий раз новые, незнакомые маршруты: Эстония, Латвия, Литва, Псковщина, Ленинградская область, Карелия, Белоруссия, Украина, Крым, Калининградская область, даже Финляндия после 1991 года. Бывало по две, три тысячи километров и больше. И что же? Дороги, леса, поля, реки, озера, моря, поселки, городочки, домики… Всё. Из года в год.

Одно исключение замечено и хочется его процитировать. В последней книге полуденного цикла дом Горбовского располагается в Краславе, и вот как подробно комментирует это БН:

> «Описанное в романе местечко на Даугаве совершенно реально существует. Это была наша любимая стоянка на пути из Ленинграда в Литву. Да и просто так мы там тоже иногда останавливались и стояли по несколько дней. Но — должен Вас огорчить — никакой лестницы и, уж конечно, никакого дома там не было — всё это я придумал специально для романа. Там было совершенно пусто на несколько километров влево и вправо, только на противоположном берегу виднелся в

отдалении какой-то хуторок. Именно полной приватностью и безлюдностью было особенно хорошо это местечко. Хотя неподалёку в сосновом лесу мы нашли старинный фундамент дома, я думаю, ещё времен буржуазной Латвии. Фундамент густо зарос одичавшей малиной, и над ним летали огромные махаоны неописуемой красоты.

А на стоянку нашу мы обычно попадали так: сворачивали налево с шоссе Ленинград — Даугавпилс, пилили километров 20–30 (уже не помню точно) по асфальту и, не доезжая нескольких десятков метров до знака „Краслава“, сворачивали направо, на грунтовую дорогу. Проезжали мимо какого-то производственного вида строения (всегда безлюдного), въезжали в сосновый лес и ползли по лесной дороге 3–4 километра, пока не попадали на другую грунтовую дорогу, идущую параллельно Даугаве. По этой дороге направо ещё метров 100 (мимо развалин дома, заросшего малинником и какими-то роскошными желтыми цветами на высоких стеблях) — и вот мы на маленькой полянке над обрывом к Даугаве. Это — правый берег (если смотреть по течению). Место замечательное: малина, земляника, грибы, вот только рыбная ловля (как, впрочем, и бывает обычно на реках) неважная».

Автомобили лет пять-шесть были прокатные, потом кто-то из друзей сумел купить свой, потом и у БНа появился «запорожец-мыльница», а с начала 80-х открылась эпоха «Жигулей»: «двойка», «одиннадцатая», «четверка», «девятка»… Машиной мечты был вездеход типа «козел», но в то давнее время частным лицам «газики» и «уазики» не продавали. Потом в продаже появилась дорогущая «Нива», на которую вечно не хватало денег. Наконец, всё стало проще, но время вездеходов ушло для БНа безвозвратно. А в последние лет шесть — восемь он вообще стал ездить намного меньше, особенно после операции по удалению почки в 2001-м году. И когда последний «жигуль» стал откровенно разваливаться на ходу, то был заменен на «тойоту-короллу» (пора, наконец, приобрести что-то нормальное!), но это уже исключительно для жены. Она теперь не нарадуется. А коробку выбрали всё равно механическую. Зачем нужен автомат, когда водительский стажу Аделаиды Андреевны ещё больше, чем у БНа?

Увлечение машинами — это был значительный кусок его

жизни, это был прекрасный способ отвлечься и отдохнуть. Строго по Макаренко: отдых есть перемена занятий. А БНу всегда нравился сам процесс вождения. Даже если он ездил по городу. Пробки, не пробки — важно, как ты относишься к этому, это проблема нервов, ну и навыков, конечно. Быть всё время в напряженном внимании — это тоже своего рода спорт, а значит, и удовольствие.

Было у него и ещё два способа отдохнуть через перемену занятий. Во-первых, марки. Филателист он заядлый и с многолетним стажем. Это хорошо прочитывается и во «Втором нашествии марсиан», и в «Миллиарде» (правда, Вайнгартен заодно и нумизмат) и, конечно, много позже в «Бессильных мира сего». Углубляться в тему не буду, потому что сам в филателии не понимаю ровным счётом ничего. Перехожу к «во-вторых».

Самым экзотическим способом отдыха от литературы была для него наука. Я не шучу. Это Алексей Герман однажды, придя к БНу утром, был изумлен, если не сказать шокирован зрелищем писателя, который, сидя за завтраком, самозабвенно и с наслаждением решает математическое уравнение. Герман не мог этого понять. Я в отличие от него понимаю. Я всё-таки технарь по образованию и семь лет отработал по науке. Решать (и решить!) сложную задачку — это ни с чем не сравнимое удовольствие и, уж поверьте, совсем не похожее на поиск нужных слов или мыслей в литературе.

Понимает БН толк и в самом примитивном, но и самом эффективном подчас отдыхе — лежать с книжкой или перед экраном телевизора. Вот характерный пассаж из февральского письма 1978 года:

> «На Дальний Восток я, натурально, не поеду. Чего я там такого-этакого не видел? Мне, как известно, лучше всего на своём диване».

Тут интересно ещё и то, что АН рвется в эту самую даль по чьему-то приглашению аккурат между двумя состоявшимися поездками туда (в 1975-м и 1981-м). Не сиделось ему. И всё время тянуло к океану.

А чтобы завершить с кратким обзором путешествий младшего брата и плавно перейти ко второй части, посвященной старшему, приведём ещё маленький фрагмент из моего разговора с БНом на близкую тему:

«— Из Ленинграда в Москву приходилось ездить своими колесами?

— Наоборот — по маршруту Москва — Ленинград и только один раз — когда перегонял машину, купленную в Москве в 82-м. Аркадий в тот раз с нами не ездил. Аркадий вообще очень не любил автомобили, ему было трудно в них залезать, ещё труднее — из них выбираться. Он был огромный, автомобиль не приспособлен для него.

— Даже на такси не любил ездить?

— Вообще не любил выезжать — любил дома сидеть. И самолетов не любил, и пароходов, и поездов. Но иногда ездил. Он путешествовал, но не любил этого.

— Понятно, он предпочел бы нуль-транспортировку. Может, для этого вы её и придумали?

— Нет — придумали для звёздных перелётов. Зачем людям звёзды, если к ним лететь десятилетия. О перелетах, которые длятся годы, можно написать один роман, а нам хотелось летать много, часто, легко. Вот для этого нуль-Т».

Он меня не убедил. Для межзвёздных перелетов — это всякая там сигма-деритринитация, а нуль-Т в виде сортирных кабинок и телефонных будок — это как раз для таких вот Диван Диванычей. Думаю, АН, особенно в последние годы, не отказался бы. Хотя… и это вопрос.

Человек, «который не любил никуда выезжать» и даже не любил уступать свой диван королевскому пуделю Лелю, побывал за свою жизнь добровольно (то есть не считая воинской службы) не менее чем в сорока городах, в четырёх зарубежных странах, в десяти республиках СССР (из пятнадцати) и совершал в среднем по две дальние поездки в год. При этом количество его выступлений в Москве и подмосковных городах исчисляется сотнями, и также сотнями исчисляется количество его поездок и полётов в Ленинград. Мы не приводим здесь полную географию путешествий АНа просто потому, что изыскания по этому вопросу ещё далеко не завершены. Могу лишь сказать: в процессе работы над книгой я иногда удивлял ближайших друзей и родственников АНа, сообщая им, где он побывал. Конечно, для настоящего путешественника цифры не слишком впечатляющие, даже с поправкой на упущенные мною места, но для домоседа и сибарита — весьма, весьма…

Мы уже выяснили, что особой любовью к достопримечательностям АН не страдал; репортёрским талантом не обладал тоже и путевых заметок не вёл; наконец, в непрерывной погоне за длинным рублём обвинить его как-то несправедливо — в одних поездках он зарабатывал, в других только тратил. Остаётся одно: ему нравилось ездить. Нравились чужие города, чужой говор (если был), экзотическая природа (если была), нравилось находиться далеко от дома, в конце концов, он просто любил саму дорогу — стук колес, облака под крылом, волны, бьющие по бортам… Ну а как иначе? Определённо жила в нем эта романтическая страсть, даже когда со здоровьем было уже не всё в порядке. Хотя, конечно, в каждом отдельном случае находились и какие-то свои, совершенно особенные причины.

Рассмотрим наиболее характерные и — напротив — самые необычные ситуации.

Поездки на Юг в начале 60-х — это было почти так же тривиально, как отправиться на подмосковную дачу. Это не комментировалось особо и не считалось событием. Это могла быть поездка с женой, с женой и детьми, с братом, с компанией друзей — обычный летний отпуск благополучного советского гражданина. Элемент необычности добавлялся, если, уже будучи писателями и не привязываясь ни к каким срокам, они ехали к морю не в сезон или вообще срывались внезапно, как, например, вдвоём с братом в 1962-м. В этом был особый интеллигентский шик людей свободных профессий, воспетый Марленом Хуциевым в «Июльском дожде»: надоело всё в столице — взяли билеты, сели в поезд или, того лучше, в самолёт, и вот они уже на Кавказе, на лежачках у полосы прибоя предаются той же глубокомысленной хандре…

Такого же рода поездкой можно считать и одесский вояж четы Стругацких в июле 1965-го. Душу новоиспеченного члена Союза грело сознание того, что он живёт в Доме творчества; сама Одесса — сказочный город — вызывала неподдельный интерес: смешили толстые одесситы, особенно очень толстые дети, нравился климат с бодрящим в любую жару ветерком и, наконец, здорово было повидаться с сослуживцем Германом Берниковым.

А Рига и остров Булли летом 1963-го тоже порадовали новизной ощущений, чудесной дикой природой и здоровым образом жизни с большим количеством вкусной рыбы и чудесных молочных продуктов, которыми так славится Латвия. И ещё — знакомством с местной интеллигенцией на специально ради него организованных шашлыках где-то на окраине Риги. Именно там и тогда его впервые увидит будущий известный фантаст Владимир

Михайлов. В Москве АН поможет ему начать публиковаться.

Особая тема — целевые выезды на встречи с читателями. Это — прямое продолжение московских выступлений перед публикой. АН любил чувствовать себя знаменитым. Лучи славы щекотали ему нервы и в молодости, когда всё только начиналось, и, как это ни странно, почти до самых последних лет.

Среди этих боевых операций писательских бригад следует, конечно, назвать и ностальгическое путешествие по Северному Казахстану в 1962-м, и — почти без паузы — стремительный марш-бросок в Горький тогда же, и не менее стремительный десант в Харьков в 1963-м. В том же ряду стоят, безусловно, скоропалительная поездка с Маниным в новосибирский Академгородок под новый 1967-й и спокойно спланированное посещение Баку вместе с Леной по приглашению Войскунского, Лукодьянова и Альтова. Жили в гостинице, ездили на Апшерон, АН выступал в разных местах, был замечен в республиканской прессе. Газету прислал Генрих Альтов в конце октября, и БН иронически умилялся фразе: «В нашем городе находится известный писатель…» От заметки повеяло стилистикой давно ушедших лет.

Особенно масштабной акцией СП СССР был агитпоезд в ноябре — декабре 1975-го — навстречу XXV съезду КПСС. Поезд шел якобы через всю страну (может быть, он ещё летом выехал — история умалчивает), но АН с Мариком Ткачёвым подсели в него в Чите 16 ноября, куда за счёт СП были любезно доставлены самолетом. Вот тут уже период в жизни был такой, когда АН отдыхал не только от трудов праведных, но и от всего остального — от суеты московской, от уже начавшихся боев с «МГ», от ненавистных рож злопыхателей, от семейных сложностей, от мелких дрязг, от неудачного года, начавшегося с болезни и санатория, да так и пошедшего наперекосяк…

И вот теперь, освобождая голову от проблем, он отдыхает на всю катушку. В поезде сочиняет вместе с Мариком совершенно дурацкую газету типа боевого листка писателей (часть рукописи сохранилась в архиве Ткачёва), развлекает всех анекдотами и шутками, импровизированными пародиями на партийные и профсоюзные собрания. В общем, становится душой компании.

21 ноября они прибывают в Хабаровск. Там болтаются почти целую неделю. Выезжают в разные окрестности, например, на погранзаставу, встречается АН и с представителями местного КЛФ — через год клуб получит название «Фант» и благодаря посещению классика, вдохновившему всех, станет ведущим на Дальнем Востоке. После многочисленных прогулок по городу своей молодости АН запишет в блокнотике:

«Ничего не узнаю. Узнал только штаб округа».

Немного грустно. Но отдых продолжается, труба зовет дальше в путь. 28 ноября во Владивостоке их ждет сюрприз — встреча с Аликом Городницким, да-да, с океанологом и бардом. Они уже года два знакомы по общей компании у Володи Лукина и — надо же, такое совпадение! Перед выходом в свой 16-й рейс у причала в порту стоял исследовательский корабль «Дмитрий Менделеев», полностью снаряжённый Для экспедиции. Городницкий узнал о прибытии писателей и сам разыскал Аркадия в гостинице «Владивосток». У них было меньше двух дней для общения, и прошли эти дни бурно. Сначала АНа затащили на корабль, где он выступал перед командой. Затем был званый обед в каюте капитана. А званый ужин состоялся на квартире одного из знакомых Городницкого, где собралась большая весёлая компания, и Аркадий до самой ночи развлекал всех длинным и совершенно уморительным рассказом, прерываемым разнообразными тостами. Рассказ — о грандиозном полёте в космос с участием присутствующих поимённо. АН был в ударе и покорил всех, но особо покорил хозяйку квартиры. У которой и остался ночевать, благо она в тот момент жила одна.

И вот, несмотря на весьма роскошный обед, перешедший в не менее роскошный ужин, утром в субботу АН был как всегда бодр и с блеском выступил перед большим залом в Доме учёных, где запомнился многим своим шокирующим ответом на чей-то вполне невинный вопрос: «„Сказку о Тройке“, да и „Улитку на склоне“, товарищи, вы можете прочесть в журнале „Грани“ издательства „Посев“, город Франкфурт-на-Майне». А когда после выступления к нему подошла та самая поклонница, у которой он провёл ночь, АН спросил: «Вам автограф?». Та потеряла дар речи, а классик, похоже, и впрямь её не узнал. Городницкий ворчал и возмущался всем сразу, а Марик только тихо улыбался и разводил руками, мол, это же Натаныч, он всегда такой…

8 тот же вечер, 29 ноября, проводив Алика в дальний путь куда-то к берегам Австралии или на Фиджи, АН с Мариком решили быть скромнее Городницкого, но и в Москву возвращаться им пока ещё не хотелось — разгулялись. А потому договорились с капитаном сухогруза «Григорий Ковальчук» и поплыли на север, к Петропавловску. Уж ностальгировать, так по полной программе! И это было по-настоящему здорово: навигация на излёте, студёный декабрьский океан, припорошенные снегом скалы, и Аркадий Стругацкий плывёт из Владика на Камчатку, будто в

кино раскручивая жизнь в обратном порядке событий. В Авачинскую бухту вошли 4 декабря, и там он многое узнал. Хотя, конечно, и понастроили всякого за двадцать-то с лишним лет. Жили в гостинице «Авача», в неплохом четырехрублёвом номере, и случилось слабенькое землетрясение ночью, и было совсем не страшно, скорее даже приятно, как легкая качка на море, или это мама качает твою люльку перед сном…

9 декабря вылетели из Петропавловска в Москву.

Собственно, если двигаться дальше по хронологии, следующей заметной поездкой на отдых будет Болгария. О ней мы знаем очень немного. В основном от Люси — вдовы безвременно ушедшего в 2006-м Агопа Мелконяна — переводчика и редактора АБС. Ему не было и шестидесяти. Для популяризации АБС в Болгарии он сделал больше, чем кто-нибудь.

Начиналось смешно. АН пишет в начале июня 1978-го:

> «Были мы у Ревичей, встретились там с одним болгарином, который оказался ещё и армянином. По словам Таньки, он специально приехал в Москву на два дня, чтобы повидать хоть одного из Стругацких. Хороший парень: всё время молчал и пялился на меня, я уже стал бояться за свою невинность».

Это и был Агоп. Продолжилось дело стремительным оформлением приглашения и нелепой историей с обменом паспорта. Завершилось — чудесной поездкой.

27 сентября 1978 года АН вдвоём с Еленой Ильиничной уехали с Киевского вокзала в Софию, денег разрешили поменять 450 рублей на левы — это совсем немало по тем временам, а если ещё учесть, что их там принимали по-царски… В Софии они жили в гостинице, но потом Агоп и Люси повезли дорогих гостей через всю страну к морю с заездом в древний Пловдив и Хисар, до главного порта Бургаса и дальше, в дивно красивое курортное место Несебр, и жили в домах у друзей, и выходили в море на яхте профессионального морского путешественника Мелкона; и познакомились с фантастом Любеном Диловым, которому потом АН помог издаться в Москве. Как, впрочем, и самому Агопу — он тоже писал фантастические рассказы. И они облазили всю Софию, и всё побережье, и жутко романтические скалы и всякие развалины, и поклонялись древним храмам, и любовались красотами, и перепробовали десятки вкусных вин во всевозможных погребках и, конечно, знаменитую мастику.

Бутылку этой анисовой водки привезли, как водится, с собой, но до Нового года не уберегли, хоть и собирались (АН сообщал об этом в письме Агопу). Ну и конечно, были встречи с читателями и почитателями. Переводов на тот момент вышло ещё не много, но друзья-болгары, как выяснилось, читали их и на русском. В общем, получилась более чем достойная поездка, и остаётся лишь гадать, почему АН не только не написал о ней, но как-то даже и не рассказывал никому. 16 октября самолётом они прибыли из Софии во Внуково. Агоп тоже прилетел другим рейсом, на три часа раньше. Советско-болгарские дела завертелись у фантастов основательно.

А вот поездок у АНа больше не было почти три года. До весны 1981-го. Никаких.

И прежде чем перейти к рассказу о годах 80-х, стоит, наверно, произвести некоторую стратификацию. Поездки 70-х — самых тяжелых лет в жизни АБС вообще и в жизни семьи АНа в частности, — делились на две категории — совместные с Еленой Ильиничной, когда отношения их как-то успокаивались, нормализовывались, когда они во всем устраивали и радовали друг друга, и — поездки АНа самостоятельные, в одиночку, вроде как по работе. То есть действительно по работе, но кто скажет сегодня, какие аргументы были у него тогда на первом месте?

К совместным относятся: Малеевка в 1972-м, Дубулты в 1974-м, уже упомянутая солнечная Болгария и не менее солнечный Таллин во время съёмок «Сталкера». С погодой в то лето и впрямь повезло. Между прочим, вместе с ними отдыхала тогда и Маша перед последним курсом института. А ещё не исключено, что из полутора месяцев пребывания АНа на Украине (с 22 июля по 20 августа 1975-го в Киеве и потом до сентября в Пирнове — чудесном курортном месте на Десне) какую-то часть времени была с ним и ЕИ, а не только друзья семьи Бобринские, в просторечии именуемые Бобрами.

Абсолютно же индивидуальными поездками, кроме предсъездовского агитпоезда, стали киношные командировки — три (или четыре) не самые короткие в Душанбе (1973–1974) и ещё раньше — Кишинёв. Тоже как минимум дважды, но даты других поездок не установлены точно. А вот из первой есть письмо брату:

> «Кишинэу, 3.02.71
>
> …Как я и предполагал, здесь, в Кишиневе, договор на этот на фильм о Павле Ткаченко *(герое-революционере местного значения. — А.С.)* не имеет самостоятельных перспектив (пока), а является формой уплаты мне

(аванс) за работу на Борецкого. А жаль: я здесь подчитал кое-что, можно было бы написать интересный приключенческий фильм. Впрочем, Борецкий уверяет, что если нынешний сценарий понравится в здешнем ЦК (у нас там один из секретарей — консультант), то дело может очень даже пойти.

Кишинёв — громадная, очень грязная деревня с собственной Академией наук».

Приписка в конце — ну прямо пушкинская! Вспомните его хулиганское стихотворение «Из письма к Вигелю»

Проклятый город Кишинёв!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром, конечно, грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинёв равнять не смею…

Говорят, молдаване до сих пор обижаются. Ну, если они ещё и на АНа обидятся, он будет в хорошей компании. На самом деле ему постепенно начинает нравиться в Кишинёве. И совершенно очевидно, что второй раз он был там в тёплое время, вероятнее всего, в августе. Мариан Ткачёв, у которого тогда в Кишинёве жила мама и работала в консерватории, вспоминал:

«Натанычу там было скучновато, и его развлекал обычно Вася Загорский, мой друг, композитор, он жил на одном этаже с тем, кто заведовал этим сценарным делом. Натаныча он обожал, рассказывал мне восхищенно: „Представляешь, он никогда не попросил у меня лишнего рубля. Интеллигентнейший человек! Другие тоже интеллигентными себя называют, но денег просят“.

А как он спрашивал: „Ты маме будешь что-то

посылать?“ Я иногда посылал, а иногда просил его купить. Как-то, помню, дал ему десятку, надо было купить перчатки, такие тонкие, в театральном магазине на Пушкинской. Ну, он и купил — раз в шесть дороже, и ничего не сказал. Мама звонит мне: „Марик, ты что, с ума сошёл?“ Ну, я догадался. Так и объяснил ей, что это Натаныч с ума сошёл.

Ему там нравилось почти так же, как в Душанбе. Огромных творческих мук это не стоило. Писал какую-то халтурку и с удовольствием время проводил. А деньги хорошие платили… Ещё там неподалёку от города был совхоз розовый, и председатель его — Васин друг. Так вот, в конце лета, перед самым отъездом, Натаныч попросил Загорского — а он же там был большой человек в городе — первый секретарь Союза композиторов Молдовы, отвези, мол, меня за цветами. Ну, взяли машину и сгоняли. А оттуда прямо в аэропорт. И доехали розы, отлично доехали, будто только что срезанные. Их было там штук сто пятьдесят. Некоторые считают, что это романтические выверты, а он молодец: взял и привёз Лене, чтобы она успокоилась. Он вообще часто ей цветы покупал. И вот Лена сидела среди этих цветов, и запах был, как в раю…»

И, наконец, Душанбе.

По-моему, пребывание АНа в Таджикистане заслуживает отдельного разговора, а может, просто так сложилось, что я повстречался со многими людьми оттуда. Короче, мы оставим Душанбе на закуску, а пока завершим с хронологическим перечислением остальных поездок и сразу отметим, что начиная с 1981 года Елена Ильинична никуда не отпускала АНа одного — ни по работе, ни на отдых. Даже в Ленинград они теперь ездили только вдвоём, а ещё лучше — пусть Боря приезжает. И БН приезжал. А во все дома творчества, на все встречи с фэнами или просто с трудящимися в других городах Лена сопровождала классика. На Дальнем Востоке осенью они были вчетвером с супругами Мирерами. Дважды вместе ездили в Саратов, в 1982-м и 1985-м, один раз в Горький — в 1982-м. В 1984-м — отдыхали в Пицунде, в 1985-м коротко были в Таллине и довольно долго в Армении — опять же с Мирерами.

Про Пицунду, где они были в Доме творчества с конца августа и до середины сентября, есть запись в дневнике:

«…От Адлера до Пицунды на такси (гагринском) — 1 час пути, 11–12 р. Чувствую себя неважно. <…> И глаза бы мои эту черноморскую красоту не видели. Но — НАДО, Федя. 31-го вечером с Ткачёвым и Микавой, падая от усталости, правили мой второй день рождения. Марик — добрая душа — подарил отличную вьетнамскую маску и сломавшуюся сигаретницу. Читаю „Горение“ Ю. Семенова. НичеГё».

Сигаретница, надо понимать, не была уже сломанной, а просто очень быстро сломалась. А маска весьма активно использовалась по назначению — плавание, тем более в море АН продолжал любить. Кто такой Микава, выяснить не удалось, а фамилия хитрая: это мог быть и японец, но скорее всё-таки грузин. Меж тем, со слов Мариана Ткачёва, АНу там, в Пицунде, докучали поляки, сильно обеспокоенные угрозой ядерной войны. АН специально их пугал всякими ужасами, после чего, как правило, шёл вместе с Мариком на базар, и, ещё не доходя до цели, они неизменно встречали человека, который, поравнявшись с ними, наклонялся к Марику и тихим вкрадчивым голосом спрашивал: «Чача — надо?» Спрашивал только у Марика, всегда у Марика, АН даже обижался, но чачу всё равно пил, чача была хорошая. По мнению Ткачёва, там вообще все было здорово: бархатный сезон, вино, фрукты и сплошное золото на голубом. По записям в дневнике АНа всё несколько иначе. Самочувствие — паршивое, настроение — дрянь, все не нравится, все раздражает… И ближе к отъезду делается вывод: «На юг больше не поеду никогда». Но! Вот тоже штрих к портрету классика: никто этих отрицательных эмоций не замечал — ни Марик, ни его жена Инна, ни Елена Ильинична, ни Маша с маленьким Ваней, которые, по заверениям Ткачёва, были там вместе с ними, но сами об этом не помнят…

На Юг он больше и впрямь не поедет. Точнее, отдыхать не поедет — это для него уже не отдых. Все прочие путешествия — а их ещё немало останется — носят теперь сугубо деловой характер. Ну, разве только армянский вояж будет ещё похож на простое развлечение. И во всех поездках АНа упрямо сопровождает Елена Ильинична.

Трудно сказать, чего тут было больше — ревности или страха за его здоровье. Наверно, это было неразрывно, это была одна большая, жертвенная, год от года только крепнущая любовь. Она любила его больше жизни, больше себя, она не хотела с ним расставаться вообще никогда. И только в августе 1987-го

пришлось отпустить мужа — в Брайтон. Это было слишком серьёзно. Вдвоём бы их не успели оформить, и так сплошные напряги, а отказаться — грех. Может быть, последний шанс. Так и получилось. Шансов-то стало много, очень много, хоть в Японию поезжай. Вот только сил уже не осталось. И желания…

И после этой фантастической поездки, словно ещё раз надломилось что-то, она не перестала бояться, но ещё несколько раз отпускала его одного в Питер. Правда, в Киев и в Коблево под Николаевом — на знаменитый первый и последний «Соцкон» они ездили вместе. А последней в жизни поездкой АНа стало невероятное, феерическое путешествие в Мюнхен. Об этом — позже. Сейчас давайте вернёмся в сентябрь 1973-го.

Откуда-то через третьи руки свалилось на АНа это предложение — писать сценарий телефильма с Фатехом Ниязи для молодого Валеры Ахадова. Потом, конечно, выяснилось, что мир тесен: Ахадова хорошо знали и Тарковский, и Калатозишвили, и ещё какие-то общие знакомые, но кто кого нашёл — теперь и не вспомнить.

Марик Ткачёв за АНа радовался, и в «Звёздной палате» сделана была в самом конце октября соответствующая запись.

> 27.11.73, <втр> *(слово «вторник» написано японским иероглифом в сокращенной форме. Вообще-то исходное значение этого знака — «огонь» как одна из пяти китайских стихий, а переносно — символ планеты Марс, но намекал ли на что-то АН, неизвестно. — А.С.).*
>
> «По случаю выполнения канцлером ответственной задачи к чести Таджикской республики определить принца Александра шефом от имени Звёздной Палаты Приматов морей и океанов планеты Земля:
>
> китовых
> дюгоневых
> моржовых, а равно и:
> головоногих моллюсков, как то:
> кальмаров
> спрутов
> мегатретисов…»

Уехал он тогда в начале декабря. Это была уже вторая поездка. Первая — с 19 сентября по октябрь, — была, по существу, рекогносцировкой. И дала положительный результат. Дело серьёзное, договор подписан. Встречают его там, как

почетного гостя, поселяют на даче Совета министров — роскошной, тихой, очень зеленой территории, обсаженной чинарами. Присылают машину, если надо куда-то ехать. Люди все изумительно радушные и смотрят на него снизу вверх, не потому что ростом меньше (хотя и это тоже), а потому, что знают такого писателя — братья Стругацкие. Он для них — живой классик, и они так трогательно умиляются его демократичности. А ему интересно с ними, и с русскими, и с таджиками — со всеми! И уже в первые, быстро промелькнувшие десять дней он познакомится не только с партнерами по работе — режиссёром Валерием Ахадовым, оператором Довлатом Худойназаровым, с самим автором идеи писателем Фатехом Ниязи, но и со многими и многими из местной интеллигентской братии. Как и во всяком небольшом городе, круг этих людей узок, но, с другой стороны, это всё-таки столица, со всеми её онёрами, и здесь достаточно полно представлены разные направления культуры и искусства. Он знакомится с художником-карикатуристом Павлом Гейвандовым, который нарисует весьма симпатичный его портрет, с собкором «Труда» в Таджикистане Виктором Юрловым, с его будущей женой пианисткой и преподавателем музыки Лолой Довгалюк, с журналистом Владимиром Медведевым и его женой Шамсиёй (позднее женой станет Людмила Синицына), с театральным художником Владимиром Серебровским и его матерью — главным балетмейстером оперного театра Любовью Александровной Серебровской, с главным редактором журнала «Памир» Масудом Муллоджановым, с его замом Леонидом Пащенко, с женой Пащенко Людмилой, со старшей сестрой Людмилы — Надеждой Липанс. Надя с первого взгляда влюбляется в АНа, хотя она уже совсем не девочка, ей тридцать шесть, с мужем в разводе, сыну девять лет. Красивая, импозантная, очень образованная женщина, редактор в молодёжной газете «Комсомолец Таджикистана», она вполне во вкусе АНа, и он тоже будет неравнодушен к ней, но это уже скорее во второй свой приезд, самый долгий — с 10 декабря до 30 января. Третий визит состоялся с 18 апреля и по конец мая.

Сегодня трудно сказать определённо, с кем он познакомился в первую поездку, с кем во вторую, с кем в третью. А ведь, похоже, была ещё и четвёртая. Некоторые после вообще уверяли, что АН целый год прожил в Душанбе. Ахадов подтвердил, что только над сценарием он работал три месяца, а ведь была ещё сказка, и переделка сценария в киноповесть для журнала, и разные наброски, и помимо литературных дел, много всякого. Впрочем, тут у него был абсолютный порядок: работа каждый день с шести утра и до двенадцати, иногда чуть дольше, иногда начинал позже,

если уж слишком поздно лег. Потом обед, и вечером — хождение по друзьям, благо их сразу стало много — АН был нарасхват.

В доме у Серебровских жила тогда совсем ещё юная Людмила Синицына — будущая участница всесоюзных малеевских семинаров. Она уже писала фантастику, только не смела признаться классику, однако сидящие за столом тотчас «выдали» её. На всю жизнь запомнит Людмила, как Аркадий (там его как-то все звали по имени, независимо от возраста) щедро предложил почитать её тексты, а потом сумел найти в них положительное зерно, очень точно выделил главное и — что особо ценно — внушил уверенность в себе. Запомнился диалог. Говорили не о ней, о другой девушке, и какой-то местный признанный авторитет заявил:

— Она плохо пишет.

Аркадий помолчал секунду-другую, потом спросил:

— А ты хорошо пишешь?

Тот прямо обалдел.

— Я и сам не очень хорошо пищу, — добавил Стругацкий без улыбки.

У него никогда не было высокомерного отношения к коллегам. Ненавидеть мерзавцев, презирать бездарей — это он мог, но чтобы вот так, снисходительно похлопав по плечу, сказать: «Плохо пишешь, старик», тем более начинающему — никогда.

Он подружился в Душанбе со многими. В гостях у Серебровского бывал почти каждый день и так же часто посещал своеобразный салон Гейвандова, где собиралась вся столичная богема. У Павла была большая коллекция холодного оружия. АН, как маленький, любил поиграть в эти клинки. А вообще хотелось всюду успеть, и он успевал. У Вити Юрлова была казённая машина, иногда он подвозил его, но если не получалось — тоже не беда: Душанбе — не Москва, от дачи Совмина до самого центра, до оперного театра пятнадцать минут на первом троллейбусе. И тут уже всё рядом, на пятачке: и Союз писателей, где редакция «Памира», и «молодёжка», и все квартиры местной интеллектуальной элиты. Впрочем, потом он всё равно переберётся жить к Надежде. Тоскливо ему станет, уныло как-то на этой пижонской даче, куда гостей надо было проводить по пропускам, а работать он давно привык в любых условиях, и отлично ему работалось у Надежды.

Ужином АНа кормили в разных домах. Почитали за честь. А он приносил обычно с собою японские палочки и начинал хозяев учить ими есть. Получалось не у всех и не сразу. Иногда просто ухохатывались над этим, а иногда возникало чувство неловкости

с обеих сторон. Ахадов вспоминает, что это было похоже на их отношения по работе в миниатюре. Работа над сценарием тоже вызывала взаимную неловкость. Валера стыдился, что отрывает большого писателя на какую-то ерунду. АН в ответ стыдился, что пишет совсем не то, что надо, а деньги получает в полном объёме. Особенно когда утверждали в производство режиссёрский сценарий, ничуть не похожий на сочинённый им прежний текст, но требовалась подпись Стругацкого, как соавтора. Однако, ко всеобщему удовольствию, премьера прошла успешно. И Ахадов сказал: «Аркадий Натанович, вы сделали из таджикского арака хорошую русскую водку. Поверьте, тут есть за что платить».

Но это было позже, уже в Москве, а тогда он просто старался выжимать из себя максимум — по утрам. А вечером отдыхал. И всякий раз за ужином собравшихся поражало, как мало он ест — такой высокий, сильный мужчина — одну пиалу супа, одну пиалу риса с приправами. Он отшучивался, вспоминал про наступление всеобщего голода, если китайцы научатся есть вилками, потом брал эту самую вилку и, постучав ею по стаканчику с водкой, добавлял:

— Здесь столько калорий! Остальное — уже необязательно.

Наивная Люда Синицына робко предлагала:

— Может, лучше чайку зеленого? Может, не пить сегодня? Такая жара, Аркадий!..

А он только грустно усмехался:

— Малыш, я могу отказаться от всего. От сигарет, от женщин… Но от этого — никогда!

Душанбинцы свидетельствуют: у него было очень сознательное отношение к алкоголю. Никогда он не был пьяным, и никакой зависимости в привычном понимании. У него всё было под контролем. Сухое вино — текло рекою, потому что дешёвое, как минералка; а также водка, коньяк, ром, виски — да, да, и такая экзотика продавалась в азиатской столице! И разговоры за полночь, а наутро — подъём и обязательная норма: десять страниц в день, иногда даже тринадцать-четырнадцать. И только после этого — опять расслабуха и посиделки с друзьями. Многие, пившие с ним наравне, потом, на следующий день, поправлявшие здоровье пивом и всё же страдающие от головной боли, просто не верили, что такое возможно. И до сих пор не верят. Легче предположить, что он был инопланетянином или прятал в походной аптечке доставленный ему из XXII века спорамин.

— Зачем так много работаешь? — поинтересовался однажды Юрлов.

— Борису обещал, — сказал Аркадий. — Каждый день должен выполнять норму. Приеду — отчитаюсь. Я ведь у Бориса

литературный раб. Всё главное он делает.

Витя кивнул, но как-то не очень поверил. И правильно. Всё, что писал АН в Душанбе, было не очень-то для Бориса. И, как вспоминает Надежда, он ему и не звонил никогда. В Москву звонил — жене, в издательства какие-то, на киностудии, а в Ленинград — ни разу. Странно. Я всё-таки полагаю, что звонил, но только так, чтобы никто не слышал — это было для него самое личное, интимное. И конечно, помимо сказки и сценария, он думал и над другими замыслами — совместными. Да, конкретно «Миллиард» был категорически выкинут из головы, но вот, например, о чём он беседовал с юной фантасткой Синицыной.

Обдумывалась повесть о человеческих желаниях, глобальных, для всего мира и самых простых — например, большая квартира, потому что невыносимо жить в этих тесных квадратных метрах, вот только за исполнение желания придётся платить страшную цену… Что это было? Продолжение мыслей о «Пикнике на обочине»? Или уже какие-то намёки на «Отягощённых злом», на «Пять ложек эликсира», на что ещё?

Кроме того, ему очень хотелось придумать детектив с абсолютно новым мотивом преступления, с невероятным мотивом, которого не было ни у кого, ни в литературе, ни в жизни. Пока не получалось. Но эта детективная романтика была ему очень близка.

Новый 1974-й встречали у Серебровских. Публика собралась не такая, чтобы тупо смотреть «Голубой огонёк». Устраивали всякие литературные игры. Сначала поделились на две команды, одна разыгрывала сценки из произведений АБС, другая — угадывала. Потом — наоборот. АН в этом не участвовал, только очень весело и добродушно смеялся. Ближе к утру предложили поиграть в «Убийцу». У Любови Александровны было три комнаты, все смежные. Большой свет гасили, оставалась гирлянда на ёлке, свечи, иногда вспыхивающие бенгальские огни, участники игры разбредались по квартире. Человек, назначенный убийцей, также бродил меж всеми и должен был внезапно хлопнуть жертву по плечу — тогда жертва тихо падала. Первый, кто заметил «труп», сообщал полиции, и начиналось расследование. Аркадий проводил его лучше всех. Определял убийцу почти всегда безошибочно. А ведь было непросто: люди в большинстве своём невнимательны, не замечают деталей, путаются в показаниях. И все другие пинкертоны в подмётки не годились Аркадию. В общем, кончилось тем, что его назначили бессменным следователем. Так было интереснее, и он не возражал, безропотно удаляясь на кухню. «Помню, как мне попалась записка „убийцы“, — вспоминает Люда Синицына, — и я

страшно нервничала. Понимала, что он меня всё равно разоблачит, и долго сидела на диване, не решаясь кого-то „убить“. Вставала, пытаясь всех запугать, приносила из коридора какие-то вещи. Наконец, столкнувшись в темноте один на один с подругой, решительно хлопнула её по плечу, тут же юркнула в комнату и села на диван, с понтом, и не выходила никуда. Никто же не видел! О чём и заявила на „следствии“. Самое странное, что почти все подтвердили это! Но Аркадий угадал быстро: „Я тебя вычислил. Ты боялась лишнее слово сказать“».

1 января они разошлись по домам часов в десять утра, когда уже было совсем светло.

Через три года в Москве Аркадий не поленился встретиться с Людой, чтобы почитать её новую повесть. Ему было приятно вспоминать Душанбе. И потом, на первой «Малеевке» они виделись уже в 1982-м. И рекомендацию в Союз писателей давал ей именно АН. Это уже в 1986 году. Люда закончила филфак Таджикского государственного университета. В 1992-м, во время гражданской войны, переехала в Москву. У неё выходили книги, но фантастическая только одна. Сегодня она работает завотделом в журнале «Наука и жизнь». Из начинавших тогда талантливых авторов в фантастике остались очень немногие. Но это — отдельная тема.

В Душанбе было по-настоящему здорово. Не только ночные посиделки с друзьями и работа в совминовской тиши под сенью чинар. Возили его и на Нурекскую ГЭС, чтобы своими глазами посмотрел на то, о чём пишет. Ездили, бывало, и просто за город: речка, купание, горы, красотища! Правда купаться в этом Варзобе можно только с краешку, дальше — там валуны и течение очень быстрое…

А роман Аркадия с Надей не был таким долгим и серьёзным, как рассказывали и даже писали некоторые. Типичный курортный роман. И совершенно без обид — сохранились лишь тёплые воспоминания на всю жизнь, и у него, и у неё. Надежда ещё по наивности написала несколько писем в Москву. Письма увидела Елена Ильинична, и это было зря. Но всё равно Душанбе остался для АНа лучшим пикником на обочине за все прошедшие годы — это его собственные слова из письма Лёне Пащенко.

Умел ли устраивать себе такие же пикники БН? Похоже, что не умел. Да и не рвался особо. Во всяком случае, в том же 1973-м году вот что он пишет в письме Борису Штерну:

> «Для нас идеальный режим выглядит так: полмесяца работы вдвоём, полмесяца абсолютного безделья, и так

— круглый год за вычетом двух — двух с половиной летних месяцев. При этом работа должна быть на изнурение, а безделье должно быть — до отвращения (чтобы захотелось работать). Практически получается только первая часть программы — работать до изнурения. Полного безделья не получается (особенно в последнее время), потому что всё время набегают какие-нибудь делишки — то сценарий приходится кропать с режиссёром в соавторстве, то статейку какую-нибудь, то вычитывать верстку (вот омерзительное занятие!), то писать какие-нибудь рецензии, то читать какие-нибудь рукописи, то сидеть на семинарах. Опять же никуда не денешься и от так называемой личной жизни с болезнями, двойками по геометрии, вызовами к директору школы, неприятностями на работе у жены и друзей, текущими потолками, трескающимися обоями, насущной необходимостью купить то, се, пятое и десятое — а в условиях относительного и абсолютного обнищания большинство этих заботишек и проблемок преобразуется в Заботы и ПРОБЛЕМЫ, голова оказывается забита чепухой, и когда приходит время работы, оказывается необходимым тратить день, два, три (из пятнадцати, черт побери, всего лишь из пятнадцати, на большее не хватает дыхания!) на раскачку, очищение духа и идейное просветление. Я не говорю уже о спорадически возникающих неприятностях в издательствах, когда оказывается, что „это нам, знаете ли, не подойдёт… да, конечно, договор… но вы нам что-нибудь другое напишите, что вам стоит, а?“. И уж я совсем не говорю о пароксизмах идеологической лихорадки, когда со страхом раскрываешь газету, со страхом берёшь телефонную трубку и вообще хочется залезть в унитаз и спустить за собой воду».

Подробности жизни Аркадия С.

(лирическое отступление о женщинах)

И хотя говорят, что женщины вдохновляют нас на великие дела, но никогда не дают их создать, к моей жене это не относится…

Из интервью А. Стругацкого, ноябрь 1974 г.

Изучив биографию моих героев, я убедился со всей очевидностью, что личная жизнь, конечно же, влияла на их творчество и порою куда сильнее, чем события общественно-политические, — да простит меня БН! — вот я и счёл необходимым тактично и кратко подвести черту под этой темой.

Итак. Вне всяких сомнений, БН принадлежит в этом вопросе к категории однолюбов, АН — типичный ловелас. И поскольку про однолюбов разговор короткий (строго по Льву Толстому: «Все счастливые семьи счастливы одинаково…»), то весь наш дальнейший рассказ пойдёт только об АНе (кстати, ещё и по другой, вполне понятной причине).

Я ни в коей мере не считал своей целью составление донжуанского списка АНа, а здесь, на страницах книги, и вовсе не намерен называть конкретных имён, тем более что большинство этих женщин, слава богу, живы и упоминание их было бы не вполне этично. Исключение составляют те двое, которые сами пожелали о себе рассказать: Надежда Липанс из Душанбе и некая Рита из Москвы, носящая сегодня фамилию Миллер и опубликовавшая в эмигрантской газете Сан-Франциско свои воспоминания об АНе. Воспоминания очень тактичные, уважительные, проникнутые ностальгией по давно ушедшим временам и глубоким пониманием трудной судьбы писателя в СССР. Нет в них никакой «желтизны», никакого самолюбования и попытки переоценить свою роль в жизни АНа. Но с другой стороны, они и не добавляют ничего существенного к биографии нашего героя. А то, что Рита — не самозванка, подтвердил Мариан Ткачёв, который узнал её на фотографии в газете. Он много раз видел их вдвоём с Аркадием и отмечал, что Рита была женщиной не только интересной внешне, но и талантливой переводчицей с испанского, и взгляды её тогда, в середине 60-х, были весьма близки взглядам АБС, а это было немаловажно для Аркадия.

Лично я полагаю крайне неправильным ханжеское вычёркивание из биографии писателя огромного и очень важного пласта его жизни. Мне представляется просто необходимым сказать о том, что увлечения женщинами повлияли на характер, поведение, взгляды, здоровье и, в конечном счёте, на творчество, в том числе и на женские образы в прозе АБС. И повлияли немало, как бы ни пытались лукавить авторы, отвечая на прямо поставленные вопросы.

Есть сильное преувеличение в этой уже дежурной фразе, мол,

в книгах АБС практически отсутствуют женщины, любовь и секс. В некоторых — да, отсутствуют. В «Попытке к бегству», например, но это повести совершенно не мешает. Таков закон жанра. Однако разве все книги одинаковы в этом смысле? «Трудно быть богом» (Кира, дона Окана), «Гадкие лебеди» (Диана, Ирма, Лола), «Улитка на склоне» (Нава, Алевтина), «Обитаемый остров» (Рада), «Малыш» (Майка)… Помилуйте, сколько вам ещё женщин надо? И чем не полюбились эти образы? А если брать творчество в целом, то секса в нём ровно столько, сколько и во всей советской литературе в среднем. Отдельные сцены у Аксёнова или, скажем, у Трифонова — это скорее редкие исключения, чем что-то типическое. А если мы будем сравнивать только с фантастикой, пожалуй, АБС у нас вообще станут рекордсменами по эротике. Так что не соглашусь я с корреспондентом «Плейбоя», назвавшим героев Стругацких «вполне бесполыми существами». И ещё заметьте: в последних вещах АБС (когда уже стало можно) этой теме уделено существенно больше места.

Вот, например, с какой предельной откровенностью рассказал АН в повести «Хромая судьба» (написанной вместе с братом!) о своей первой женщине:

> «…Надо сказать, что Ф. Сорокина она полюбила уже женщиной. С кем у неё это произошло в первый раз, она не сказала, а ему вопрос об этом никогда не приходил в голову.
>
> В один жаркий день в начале сентября Ф. Сорокин вернулся из школы и зашёл за ключом в квартиру № 19 к Анастасии Андреевне. Анастасии Андреевны он не застал, а нашел записку, что ключ оставлен у соседки, у Кати. В полутемном коридоре, загроможденном всяким хламом, он нашел Катину дверь и постучал. И дверь в ту же секунду распахнулась. И он увидел её. И испытал потрясение.
>
> В конце концов, цель оправдывает средства. А в любви, говорят, все средства хороши. Конечно, она его ждала и приготовилась. Да он-то совершенно не был готов. Потом он понял, что ещё немного (немного чего?), и он либо бросился бы бежать сломя голову, либо свалился бы в обмороке… <…>
>
> …Катя была тощенькая, узкоплечая и узкобедрая, с круглыми торчащими грудями. На ней был мешковатый серый халат приютского типа, она молча взяла Ф. Сорокина за руку и ввела в свою комнатушку, потом

вернулась к двери и тихонько, но плотно затворила её и щелкнула задвижкой, а потом повернулась к Ф. Сорокину и стала глядеть на него, опустив руки. Халат на ней был распахнут, а под халатом у неё была голая кожа, но Ф. Сорокин увидел сначала, что она красная ото лба до груди, и потом уже всё остальное. Ну и зрелище для половозрелого сопляка, который до того видел голых женщин только на репродукциях Рубенса! Впрочем, ещё на порнографических карточках, их ему показывал Борька Кутузов. <…>

История была действительно невероятно насыщенной — для Ф. Сорокина несомненно, однако, наверное, и для Кати тоже. Спускаясь по лестнице из квартиры № 19, Ф. Сорокин уже начинал тосковать. Через день-другой тоска сменялась напряженным нетерпением. Наступало назначенное время, и всё у него внутри тряслось от лихорадочной радости и от растущего страха, что встреча вдруг не состоится (бывали такие случаи). И вот встреча, — а затем снова тоска, нетерпение, радость и страх и снова встреча. И так неделя за неделей, осень, зима, весна и, наконец, проклятое лето сорок первого. И ни разу Ф. Сорокин не ощутил усталости от Кати, ни разу не захотелось ему перед встречей, чтобы встречи этой не было. По всей видимости, то же самое было и с нею. <…>

Ф. Сорокин активно жил в учёбе, науке, общественных и личных связях и ни разу, ни при каких обстоятельствах, нигде и никому ни словом, ни намеком не обмолвился о Кате.

Вряд ли их связывала просто половая страсть, хотя бы и самая что ни на есть неистовая: такое не могло бы тянуться столь долго и при этом сопровождаться беспрестанно приступами тоски, радости и страха. Вряд ли было это и любовью романтического толка, о которой писали великие. Было там и от того, и от другого, была там, вероятно, мальчишеская гордость обладания настоящей женщиной и благодарная нежность девочки к мужчине, который не обижает и не выпендривается, а ещё было, наверное, предчувствие. <…>

В конце июля в домоуправление сообщили, что Катя убита при бомбежке».

Этот непомерно длинный даже после сокращений отрывок

стоит того, чтобы привести его здесь, так как, во-первых, «Ф. Сорокин» по всему тексту можно смело заменять на «А. Стругацкий», а во-вторых, строго по Фрейду и Форелю именно первая женщина главным образом и формирует отношение мужчины ко всем его последующим партнершам.

Эту историю задолго до написания «Хромой судьбы» АН, что характерно, несколько раз рассказывал в разных компаниях, как правило, женщинам, тактично не называя настоящего имени своей любимой.

А та довоенная условная Катя подарила Аркадию на всю жизнь, с одной стороны, смелость, уверенность в себе, переходящую в гусарство и даже наглость, а с другой — чувство благодарности, уважение, даже преклонение и неизменную нежность. Именно так: наглость была, а грубости никогда не было. Было поразительное умение, как написал Визбор, «уходя, оставить свет в тех, с кем выпало прощаться». И ещё — предельная порядочность. Не рассказывать никогда, никому, ни слова о своей интимной жизни! По крайней мере, до тех пор, пока это возможно. (При том, что потрепаться о бабах, особенно в молодости, он любил, но именно о бабах, а не о любимых девушках.)

Ну а вторым фактором, повлиявшим на его отношения с противоположным полом, стало его уникальное врождённое здоровье и его фантастическая гиперсексуальность: сначала — свойственная всем в юности, а затем (без перехода) — свойственная большинству ярких творческих личностей. Не последнюю роль играла и его собственная потрясающая сексапильность, сохранявшаяся до последних лет жизни. Слова такого женщины той эпохи не знали, но влюблялись в Аркадия безоглядно и безнадёжно.

И вот ещё кусочек их прозы:

> «Впрочем, главным стержнем его жизни всегда были женщины. Они липли к нему как мухи. А когда они к нему почему-то переставали липнуть, он начинал к ним липнуть сам. Он уже был однажды женат, вынес из этого брака самые неприятные воспоминания и многочисленные уроки и с тех пор соблюдает в этом вопросе чрезвычайную осторожность. Короче говоря, бабник он был фантастический. <…> Но при всем том он никак не был грязным типом. К женщинам своим он относился с уважением и даже с восхищением и, по всей видимости, рассматривал себя всего лишь как скромный

> источник удовольствия для них. Никогда он не заводил двух возлюбленных одновременно, никогда не впутывался ни в склоки, ни в скандалы, никогда, по-видимому, никого из женщин не обижал. Так что в этой области у него со времён неудачной женитьбы всё обстояло благополучно. До самого последнего времени».

Это про Захара Губаря из «Миллиарда». Степень автобиографичности ниже, но личный опыт АНа ощущается, безусловно. Хотя БН утверждает, что и образ, и вся ситуация списаны с его друга Саши Копылова.

Так вот, то, что совершенно не предосудительно в период юношеских увлечений, начинает входить в конфликт с общепринятой моралью, когда человек делается женатым.

С первым браком АН явно поторопился, вследствие чего супружество это и было столь непродолжительным, тем более что Инна тоже, по-видимому, оказалась девушкой не слишком строгих правил. Зато со второй женой, с Еленой Ильиничной ему повезло уникально. Да, по свидетельству многих (без конкретных примеров и доказательств) она тоже была не ангел. Обладая выигрышной внешностью, сексапильностью, обаянием, недюжинным интеллектом и небывалой по тем временам раскованностью, она тоже могла себе позволить увлечения на стороне, по крайней мере, в отместку за измены мужа, о которых, если и не знала, то догадывалась — женское чутьё не обманешь. Но при всём при этом отношения супругов делались только крепче, серьёзнее, глубже. Это была настоящая любовь, редчайшая и ценная, как крупный алмаз. Это была преданность и нежность, это было умение прощать и взаимопонимание на уровне телепатии. Мы уже вспоминали однажды Ремарка с его прекрасно найденным в «Чёрном обелиске» образом: любовь небесная и любовь земная. В отношениях между Аркадием и Леной присутствовала именно эта небесная любовь, и потому никакие земные страсти не могли ей помешать. То есть не совсем так — мешали, конечно, ещё как мешали! — но с любовью небесной они просто не пересекались и потому заведомо не могли убить её.

Первые лет десять их совместной жизни можно считать сплошным медовым месяцем при всех бытовых сложностях, при всех материальных и творческих проблемах, при всех мимолётных увлечениях на стороне. Потом всё стало сложнее: возраст, здоровье, общее ухудшение ситуации. К концу шестидесятых им всё чаще хочется не столько отдыхать вместе,

сколько отдыхать друг от друга.

Но совершенно замечательно в этом контексте признание Елены Ильиничны, сделанное в разговоре с Людмилой Владимировной Абрамовой в 1968 году.

Вспоминает Людмила Абрамова

«Одно время мы с Леночкой часто встречались, детей проводим в школу, и я приезжала к ней попить кофе, поговорить. Ещё не было хороших кофейников — кастрюльки какие-то, в чём попало заваривали, но было вкусно и хорошо. Помню, это был конец лета 68-го, и она видела, как я уже предчувствую наш с Володей разрыв, она пыталась меня утешать и говорила:

— Ты пойми, Люся, есть такие мужчины — они уже как общественное достояние, они не могут принадлежать одной женщине, одной семье, ты поверь, я так живу всю жизнь, это неизбежность, ты смирись.

Так она меня утешала. Но нисколько не утешила, скорее наоборот, я только всё сильнее чувствовала, как разверзается эта бездна».

Конечно, она и сама тоже в итоге не смирилась. И строго по Гегелю количество, наконец, перешло в качество, и был 1978 год, который в 1979-м мог закончиться разводом, но закончился сердечным приступом АНа и полным, окончательным пониманием того, что им нельзя друг без друга.

Думаю, чтобы лучше и тоньше разобраться, каким он был в личной жизни, что чувствовал, как относился к женщинам, самое правильное — это послушать именно женщин. Дадим им слово.

Вспоминает Бела Клюева:

«Аркадий был очень влюблён в Лену, по-моему. Изменял ли он ей — не знаю. Ленка могла ему изменить. А вообще до меня всё доходило в последнюю очередь. Не то чтобы я его идеализировала… По отношению ко мне он был всегда идеально хорош, мы были друзья, мне было очень легко с ним работать. И отдыхать было здорово. Мы дружили семьями. Несколько раз в начале 60-х вместе катались на лыжах у нас на даче, в Опалихе. Потом домашние пельмени лопали под водочку. Мой Юра очень любил поговорить с ним. Они часами могли спорить о политике. Юрий Владимирович (фамилия его была не Клюев, а Кривцов) работал в ГРУ техническим сотрудником, он объездил полмира, устанавливая на разных крышах советских резидентур свои хитрые антенны. Он многое видел, многое знал и более трезво оценивал ситуацию, Аркашка же всё время пытался доказывать ему преимущества социализма.

…Но книги у них были совершенно гениальные. И я от каждой рукописи ждала шедевра. Такая изначальная доброжелательность иногда приводила и к разочарованиям.

И женщин они всё-таки не понимали. Мало писали о них. Но я думаю, это от деликатности. Вот не надо близко: притронешься и разрушишь. У них все женщины в книгах очень хрупкие. Так мне кажется.

А Лена была, на мой взгляд, таким человеком, который не очень пускает в свою душу, но она любила его, безусловно, и в последние годы сама говорила мне, что живёт только для Аркадия. И повсюду была с ним. Эти последние годы были очень тяжёлые. Они уже никуда не ходили, и настроение у обоих было жуткое совершенно…»

Размышляет Мира Салганик:

«Да, женские образы у них проходные. Но мне кажется, что Аркадий не был „кобелём“. Есть такие, что видят красавицу и теряют голову. Это не про него. Он не был бабником в смысле зависимости. Точно так же и с алкоголем. К тому и другому относился играючи. А серьёзными были литература и семья. Семья была цитаделью. Да, ему нравились красивые женщины. Нравилось быть мужчиной рядом с ними. В нём было что-то рыцарственное и гусарское — вот доминанта. И дело не в том, знала я кого-то или нет, но этого же не скрыть! Может быть, потому так туманно обрисованы у них женские образы, а мужские — очень сильные, герои, которые натерпелись, но не сдадутся и не сдадут. А женщины при них — так, декоративный фон.

И вы ещё обязательно учитывайте чудовищное пуританство эпохи.

А в жизни? Была ли Лена только дополнением? Не знаю. Он был к ней очень привязан. Уважение было, даже пиетет. Дополнение, да… но такое, без которого невозможно».

Вспоминает Римма Казакова

«Я была очарована их книгами, фантастику многие у нас не читали, но *это* была настоящая литература. Я была настолько ими очарована, что где-то в 70-е решила сама писать фантастику, и меня стали приглашать на секцию фантастики в ЦДЛ. Любимые вещи — „Попытка к бегству“ и „Трудно быть богом“. С Аркашей познакомила меня Мира Салганик. Их произведения и его личность слились и не противоречили друг другу. Наш дом был хлебосольным, он появлялся у меня. Мы нравились друг другу, даже целовались как-то, наши отношения могли бы быть более серьёзными и глубокими, если бы я сама была к этому готова.

Но… „А мне чужих стихов не надо. Мне со своими тяжело“. Поэт слишком занят собой, чтобы растрачиваться ещё и на дружбу.

Я всегда чувствовала какое-то его духовное одиночество, непрерывный поиск чего-то, а я тогда многого не понимала. Он дарил мне книжки, производил сильное впечатление как личность и как мужчина, я была слегка влюблена в него. Но я вообще, как всякий поэт, увлекаюсь всеми, кто этого заслуживает. Помню, я тогда уехала в Севастополь и носила в сердце его образ и очень много думала о нём. Но сближения не получилось. Ещё и потому, что у него были другие взгляды на вещи. Он считал, что в отношениях мужчины и женщины период взаимоознакомления затягивать не стоит — одних это шокировало, другим нравилось, но это было не по мне. Всё оборвалось. Но осталось тёплое чувство.

Мы потом звонили друг другу. Встречались на каких-то заседаниях, я защищала их, где могла, от всяких нелепых нападок.

Сейчас я понимаю, что могла бы быть ближе к нему и лучше его понять».

А буквально лет пять назад Римма Фёдоровна написала стихотворение. Оно называется **«Попытка к бегству»** и посвящается Аркадию Стругацкому:

На стене висит картина.
Там — девчонка и детина.
Это предки моего отца.
Но они пока что — дети,
и отца-то нет на свете,
и у сказки не видать конца.

Я хочу попасть в картину,
деревенскому кретину
улыбнусь и рублик подарю.
Вечер там и нет народа.
Но, как и у нас погода:
хрусткий снег, присущий январю.

Я хочу попасть в картину,
позабыть свою рутину,
от неразрешимого умчать.
Я, должно быть, просто трушу
и замученную душу
обреку по новой всё начать.

Только невозможно бегство.
На меня чужое детство
пялит глазки, словно из стекла.
И приходит отрезвленье
и соединяет звенья
радостей, обид, добра и зла.

Надо мной висит картина…
Там ли, тут ли — всё едино!
Если так, судьба мне всё же тут.
По картине день стекает.
Ночь идёт, потом светает.
И потоки света всё сметут.

Рассказывает Елена Ванслова

«Это был гренадёр, красавец, хоть с усами, хоть без усов, выправка и чарующие рассказы о чём угодно. Женщины действительно сами на него вешались. И он всегда знал, за кем приударить. Я, например, не его женщина — пресновата, он это безошибочно определял, и мы просто дружили. А вообще, у нас же нравы были тогда совсем другие: понравилась, значит, сразу в постель — мы так не считали. Аркадий — считал, и Лена так считала — они нашли друг друга в этом плане. Ноя убеждена, что вот такие вещи делают человека более несчастным. Гиперсексуальность может быть от рождения, но как образ жизни — это от плохого воспитания. Мужского, отцовского воспитания не хватало ему. И разницы между культурой и образованием он тогда в молодости совсем не видел. У них с Леной тормозов не было, страсть была мощная, красивая, необыкновенная. Но десятилетиями такое длиться не может. Он мне не плакался в жилетку, но я чувствовала уже, что в семье не всё в порядке, и принимала скорее сторону Аркадия. С другими женщинами я его не встречала. Но слышала об этом, конечно».

Вспоминает Людмила Абрамова

«Он умел вести себя с женщинами. Он был красавец, но он был исключительно воспитан, во всяком случае, на фоне среднего советского человека. Это не без влияния ВИИЯКА. Они даже были похожи чем-то с Мишей Анчаровым, при всей ревности друг к другу, похожи в чем-то лучшем, их соперничество было, полагаю,

на женской почве — не конкретную женщину не поделили, конкретная, думаю, разорвала бы себя, чтобы успеть и туда и сюда. Просто они оба имели одинаково сокрушительный успех, а потому друг друга и ревновали. Он был добрый Дон Жуан. Дон Жуан вообще добрый по определению. Но он был очень добрый. Он хотел любить всех. Я знаю многое о нём, но далеко не всё считаю нужным рассказывать».

И на закуску — мнение мужчины.

Рассуждает Виктор Санович:

«Пусть меня лучше застрелят, чем я буду писать мемуары о нём. Это нельзя. Потому что одно дело, когда люди впускают к себе и это знает вся Москва, и совсем другое — писать об Аркадии Стругацком. Он был очень целомудренный мужчина, очень стыдливый. Понимаете, это как персонажи Бориса Балтера, которых он описывал в романе „До свидания, мальчики“. Стругацкий ведь был мужчина со всеми онёрами, и чтобы женщина играла в его жизни какую-то абсолютную роль — так не было, ни с кем, но рыцарственность и чувство чести — вот это было. Несмотря на все мужские игры. Целомудрие было непреложное, свойственное целому поколению — вот это надо понимать».

А вот что говорил на эту тему БН, давая большое интервью «Плейбою» для ноябрьского номера 1995 года. Журнал только-только начал издаваться тогда на русском языке.

> «В восприятии литературы мы — аскеты, даже в каком-то смысле пуритане. Хотя в жизни никогда пуританами не были, особенно Аркадий — красавец, жизнелюб, жуир и большой ценитель женщин. И, тем не менее, когда мы играли в карты, пили водяру или травили анекдоты, у нас не было принято обсуждать вопросы секса. Можно было рассказывать сколь угодно неприличные анекдоты, но никогда не. обсуждались подробности чьих-то любовных похождений. Просто никому не приходило в голову говорить о столь интимных вещах. Как, скажем, вряд ли кому-нибудь в здравом уме захочется рассуждать об особенностях своих естественных выделений. И этот внутренний запрет играл большую роль, когда мы работали. Если кому-нибудь из нас приходило в голову вставить сексуальную

сцену, то второй морщился, говорил: да ну её на фиг, обойдёмся и без неё. У нас есть пара сексуальных сцен, но они носят, так сказать, формальный характер.

…Нам было малоинтересно об этом писать. Мы ставили перед собой несколько более возвышенные задачи, типа проблемы разума во Вселенной, что, согласитесь, мало стыкуется с проблемами гениталий. Хотя, при желании, и здесь можно узреть связь».

Мы тоже ставим более возвышенные задачи.
Вперёд и вверх, читатель!

Глава двадцатая
СУДЬБА С ТВЁРДОЙ ПОХОДКОЙ

Обычно с тобой по дороге твоей
Несколько спутников вместе идут,
Но порой пускаешься в путь и один.

Радостно и одному идти,
Но если товарищи есть у тебя,
На сердце становится веселей.

Ты сам избираешь свой собственный путь.
По кручам ли кружит иль прямо ведёт,
Он всё равно твой избранный путь.

Ёсано Акико

Странное наступило время. Глухое, беспросветное, душное. Ушла в далёкое прошлое эйфория 60-х, быстро забывалась отчаянная борьба 70-х за право на собственную свободу. АБС одержали важную, нелокальную, тактическую победу. А стратегические задачи представлялись теперь всё более нерешаемыми. Наступила пора чёткого разделения на то, что можно говорить, и то, чего нельзя говорить ни в коем случае, на то, что пишешь для публикации, и то, что пишешь исключительно в стол, для души. И для будущих поколений. Бороться за себя уже не хотелось — хотелось бороться именно за эти будущие поколения.

Начало 80-х. Эпоха унылая до тошноты.

Унося тысячи жизней, шла ставшая уже привычной война в Афганистане. На самом деле это была не единственная война.

Советский Союз вел много войн, точнее одну большую войну по всему миру, претендующую на то, чтобы называться второй столетней. А сама советская власть представлялась теперь тысячелетним рейхом. Не видно было не единой трещинки, куда удалось бы вогнать хоть какой-то клинышек, чтобы расколоть, развалить этот незыблемый монолит. Так видели ситуацию мы, совсем юные тогда граждане СССР. И практически так же воспринимали это АБС и их ровесники.

Были и те, кто воспринимал иначе, но они либо уезжали, либо сидели. Такие варианты были у каждого. Но АБС уже сделали свой выбор.

В те времена АН частенько сиживал в ЦДЛ за одним столиком с Аркадием Аркановым.

«Пил он много, но никогда не пьянел, — вспоминает Аркадий Михайлович. — Это Марик иногда уставал и сдувался. Аркадий Натанович никогда. В нём было удивительное, высокое благородство. Отсюда и эта наша игра в дворянство, это подчёркнутое обращение на „вы“:

— Аркадий Михайлович, сегодня, вы, как и обычно, предпочитаете стейк? О, я понимаю ваш тонкий вкус! А я уж по-простому…

И заказывал тот же стейк. Вообще, мы ели вполне обычную еду. Гурманства никакого не было. Главное — общение. И, кстати, о здоровье — никаких разговоров, хотя я прекрасно понимал, что он старше меня, а Аркадий прекрасно знал, что я — по первой профессии врач. Но он никогда не думал о своём здоровье. И соответственно, мне в голову не могло прийти, что ему уже так не долго осталось жить на этом свете.

А какое дивно ироническое отношение было у него ко всей нашей структуре Союза писателей — к этим секретарям, к этим лизоблюдам! Мы могли часами сидеть с ним и обсуждать это с удовольствием.

Кстати, очень важная особенность их книг — изумительный юмор. Именно такой, какой надо: естественный, не натужный. Не репризный. Ведь юмор — это витамин, а не пища. Нельзя питаться одними витаминами. И у Стругацких он всегда был правильно дозирован. Не было специального желания вызвать смех. Даже в „Понедельнике“. Прекрасное, кстати, название. Я, вообще, обожаю такие вещи, такие „воспоминания о будущем“. „Оглянись вперёд“ — была у меня такая программа, я с ней много выступал. Или „Это случилось завтра“…

Нас очень многое объединяло. Оба невыездные, оба почти диссиденты. Общие враги объединяли. И конечно, общая любовь к литературе и общее понимание того, какой она должна быть».

Кстати об общих врагах. Совсем незадолго до моего разговора с Аркановым в 2006 году он повстречался в студии «Эха Москвы» с Александром Прохановым, и они оба как интеллигентные люди, не касаясь скользких тем, предались воспоминаниям о ЦДЛ, где впервые и познакомились. Удивительно приятные получились ностальгические воспоминания. Ведь Дом литераторов служил тогда своего рода уникальным островком свободы и для будущих либералов, и для будущих национал-патриотов. И те, и другие понимали, что кругом стукачи, но всё равно только там могли найти себе единомышленников и поговорить о сокровенном. Всех объединяло одно — общий враг — советское государство, система подавления. Аркадий Михайлович даже вспомнил анекдот. Встречаются двое на маленьком острове в океане: «Скажите, эта тропинка ведёт к морю?» «Здесь все тропинки ведут к морю. Проклятый остров!»

АБС несколько иначе ощущали себя на проклятом острове. Сидя за столиком с Аркановым и вежливо раскланиваясь с прохановыми и куняевыми, АН после десяти лет сражений уже не мог считать, что у него с НИМИ общий враг. Скорее наоборот, именно в то время, в начале 80-х, АН и его друзья учатся использовать общего врага в борьбе с националистами из «МГ» или Госкомиздата. Было куда правильнее вступать в союз с этим общим врагом.

Например, у родителей Миши Ковальчука (папа — в «Вопросах философии», мама — на философском факультете МГУ) было много хороших знакомых — коллег по работе и даже однокурсников — в ЦК КПСС. Именно Ковальчук познакомил АНа с Александром Бовиным. И однажды, когда Миша принёс в ЦК очередную бумагу, направленную против редакции фантастики «МГ», Александр Евгеньевич сказал: «Хорошо, присовокупим к делу вот этот документ… назовем его „донос“».

Аля гер ком а ля гер. Цинизм того времени позволял называть веши своими именами. И это было правильно.

У верблюда два горба,
Потому что жизнь — борьба.

Кто это написал — неизвестно, но во всеобщий обиход стишок был вброшен Рязановым в «Гараже» — одном из лучших фильмов той самой эпохи. У Стругацких, наверно, у каждого было уже по четыре горба после всех баталий, через которые довелось пройти. Некоторые из этих новых баталий хорошо прослеживаются по дневнику Е.Л. Войскунского 1982 года (и уж

простите Евгению Львовичу непарламентские выражения — поверьте, это не от хорошей жизни):

17 марта

«Был я вчера у Аркадия Стругацкого. Аркашу ведь тоже этот подонок Казанцев в своей вонючей рецензии задевает — намекает, указывает на зарубежную публикацию „Гадких лебедей“… Аркаша хочет написать открытое письмо в „ЛГ“. Ясно, что не напечатают, но — разойдётся. А мне он кричит, чтоб я действовал по партийной линии — написал в КПК *(Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. — А.С.)*… „Ты член партии с огромным стажем, фронтовик! Ты наступать должен, а не обороняться!“ И т. п.

Ох, надоело… Товарищи потомки, сможете ли вы понять, как трудно нам было? Какая мразь нас окружала, в какие скверные игры нам приходилось играть? Время, конечно, расставит всё по местам. Сгинут, уйдут в небытие казанцевы, а книги Стругацких будут жить. Думаю, что и мои книги не будут забыты».

22 марта

«Ну вот, вчера в „ЛГ“ опубликован список лауреатов лит. премий-84, в том числе и я — премия им. К. Симонова за роман „Кронштадт“. Сподобился старик Войскунский на 62-м году жизни.

С интересом читаю рукопись Стругацких — новую повесть „Хромая судьба“, выданную мне Аркадием. Сильная, неординарная проза. Молодцы! *(Войскунский немногим давал такие оценки. — А.С.)*

А моя новая повесть — военная, о Ханко, — идёт туго. Всё ещё обдумываю. Поворачиваю так и этак сюжет, характеры… новые действующие лица вдруг возникают и требуют к себе внимания…

Опять звонил режиссёр Борецкий, просил всё же написать либретто на „Экипаж „Меконга““. Кажется, придётся сделать». *(Кого только ни собирался экранизировать Юрий Борецкий! — А.С.)*

26 марта

«Главный погромщик в литературе — Госкомиздат, на этот раз всесоюзный („стукалинский“) учинил новый разгром фантастики. На днях на большом совещании редакторов издательств, издающих НФ („Мир“, „Мол. гвардия“, Детгиз, „Знание“), сделал доклад некто Сахаров, гл. редактор управления художественной литературы — как говорят, мрачный тип, антисемит, делающий себе карьеру поисками крамолы. Привёл в качестве образца четыре „произведения“: „Фантастику-80“ (на редкость серый сборник), „Вечное солнце“ (сборник дореволюционной вроде-бы-фантастики), „Здравствуй, галактика“ Рыбина (вздор, по поводу которого была реплика в „ЛГ“) и книгу В. Щербакова, забыл название, — всё это, конечно, издано в „Мол. гвардии“, где оный Щербаков состоит завотделом фантастики. Затем Сахаров подверг критике выпуски „НФ“ издательства „Знание“ — против них-то и был направлен главный удар, а точнее — против нас, писателей, сотрудничающих со „Знанием“. Им, этим подонкам, друзьям Ю. Медведева… прямо-таки глаза колет состав редколлегии „НФ“ в „Знании“.

Критика была, естественно, высосана из пальца: якобы неопределённость идейных позиций в повести Ларионовой, в рассказе Биленкина „Париж стоит мессы“, в очерке Гакова о роботах в фантастике. Поскольку две последних вещи были в моём, 23-м выпуске, был упомянут и я как составитель. Подвергся дурацким нападкам „Пикник на обочине“ Стругацких, напечатанный в книге „Неназначенные встречи“, вышедшей в „Мол. гвардии“ вопреки воле издателей (Аркадий не раз обращался в ЦК): дескать, неолуддизм, осмеяние НТР и т. п. глупости. Выводы сделаны далеко идущие: сосредоточить издание НФ в „Молодой гвардии“, а в других издательствах („Мир“, „Знание“, Детгиз) — прекратить. Так-то. Не припомню подобных разгромов фантастики. И даже удивляюсь: как „стукалинцы“ на такое решились.

Ну, Биленкин с Ковальчуком составили письмо Зимянину, вчера я его прочёл и подписал. Кроме нас троих подписал и Аркадий…

…Скучно всё это, джентльмены. В сущности, дрянная и пошлая игра».

11 апреля

«…В „Технике — молодежи“ изрядный скандал. Захарченко во № 2 журнала начал печатать новый роман А. Кларка „Космическая одиссея — 2001“. И вдруг обнаружили: все советские члены смешанного советско-американского экипажа звездолёта носят имена и фамилии видных диссидентов. Болван Захарченко не рюхнулся. № 3 журнала, где шло продолжение, весь пошёл под нож. А Захарченко — снят решением секретариата ЦК — не комсомола, а КПСС! Снят и зав. отделом литературы „ТМ“ Пухов. Так Кларк подложил свинью Базилю. Это очень хорошо, что слетел краснобай Захарченко…»

В те годы начинает активно и регулярно (каждый месяц за исключением летних) собираться московский семинар фантастов. АН не ведёт его, но он периодически там присутствует, сначала в ЦДЛ, в зале над рестораном, где обычно проводились заседания комиссии по фантастике, потом — в «подвале у Романа», то есть в редакции журнала «Знание — сила», в переулочке за Театром кукол.

Точную дату первого заседания, как и вообще всё о московском семинаре молодых фантастов, безусловно, лучше других знает Виталий Бабенко, наш бессменный староста на протяжении всех одиннадцати лет. Надеюсь, когда-нибудь он опубликует эти интереснейшие архивы, а пока мы располагаем только воспоминаниями Алана Кубатиева (именно его обсуждали на первом семинаре в июне 1979-го):

«Аркадий Натаныч прокашлялся теперь академически и смолк. Выдержав красивую паузу, он спросил — меня:

— Какой это у вас рассказ? По счёту, я хочу сказать?

Речь шла о „Книгопродавце“. Это был мой третий рассказ. Не знаю почему, но я соврал.

— Пятый, — сказал я, вспотев.

Аркадий Натаныч опять удержал паузу. Какая у него была чудесно неправильная фонетика! „С“ он говорил, почти как английское „th“.

— Ethли б мы th братом написали не пятый, а пятьдесят пятый такой pathказ, мы могли бы гордиться, — величаво сказал он.

<…> Конечно, я понимал, что это говорит очень

добрый, очень пылкий и увлекающийся человек, и я ещё не знал, сколько людей будут меня потом ненавидеть только за эту фразу. Но, Боже мой!.. Как мне хотелось, чтобы это было правдой…»

Полагаю, что это и было правдой, хотя о доброжелательности АНа к начинающим ходили легенды. В данном случае смею утверждать, что, во-первых, Кубатиев очень талантлив, а во-вторых, уже тогда он, аспирант филфака МГУ, писал действительно профессиональнее ранних Стругацких. АН ещё не раз подчеркнет это в самых разных своих интервью 80-х годов. Время было такое — молодым прорываться было намного труднее, чем в оттепель. И получалось примерно, как с евреями в черте оседлости: чтобы выйти в большой мир, требовались и ум, и талант, и упорство, и конечно, навыки, ремесло. Они все тогда были такими юными профессионалами — эти первые «семинаристы», считавшие своими учителями АБС.

В письме брату АН пишет о девяти молодых участниках на первом заседании в ЦДЛ. Могу с уверенностью назвать семь фамилий: Бабенко, Гопман, Ковальчук, Покровский, Руденко, Кубатиев, Силецкий. Если кто-то подскажет двух оставшихся, буду признателен.

Второе, дошедшее до нас письменное свидетельство московской семинарской жизни — это не однажды опубликованная расшифровка исторического заседания 17 марта 1982 года, точнее специальной встречи с классиком — коллективного интервью, как назвал его Виталий Бабенко. Конечно, там было много вопросов: и по секретам мастерства, и по биографии АНа, и просто по мучившим кого-то загадкам, связанным с отдельными произведениями АБС, но главное, сам того не желая, АН сформулировал для молодых по существу программу лет на десять вперёд. Если бы кто-то ещё мог знать, какими будут эти десять лет…

Когда читаешь это интервью сегодня, невольно обращаешь внимание на упорство, с которым Борис Руденко дважды под разным соусом пытается вытянуть из АНа, а не писал ли он вместе с БНом какую-нибудь вещь, абсолютно не проходимую. И классик на голубом глазу дважды поклянётся, что не было такого. И это при том, что помимо «Града обреченного» уже написана в стол и «Хромая судьба». Говорю я об этом лишь для того, чтобы ещё раз напомнить, какое было время, какая допускалась степень откровенности. Из присутствующих на той встрече о «Граде» знали Войскунский, Гуревич, Биленкин, Подольный, из молодых

— только Ковальчук и Бабенко. О «Хромой судьбе» — наверно, и того меньше.

Примерно тогда же АН давал интервью знаменитому ныне Виталию Третьякову, долгие годы возглавлявшему «Независимую газету», а тогда корреспонденту «Московских новостей». Он был талантливым журналистом и вопросики задавал, скажем прямо, провокационные для брежневских времен. Но АН — тертый калач, — держался молодцом, и вот вам ещё один уровень откровенности, сниженный уже до минимальной отметки:

«— В Советском Союзе сейчас работают около двухсот фантастов третьего поколения, если считать от Ивана Ефремова, пишущих на хорошем литературном уровне. Во всяком случае гораздо лучше, чем мы с братом, когда начинали. А ведь первая наша рукопись была опубликована сразу. Конечно, не все пишут одинаково хорошо. Но есть десятки имен, которые украсили бы собой любую литературу. Назову хотя бы И. Варшавского и А. Громову (ныне покойных), В. Савченко и К. Булычёва, Г. Прашкевича и Г. Альтова, Е. Войскунского… Кстати, на Западе не так уж много фантастов очень высокого класса. Я бы мог назвать лишь несколько имен писателей действительно замечательных: Урсула Ле Гуин, Курт Воннегут, Рэй Брэдбери, Кобо Абэ, Теодор Старджон, ну ещё двоих-троих.

— Но ведь там выхолит огромный поток фантастической литературы…

— О космических войнах и всяких чудовищах?.. Это не фантастика. Это аттракцион, перенесение в космос или будущее современных ужасов, войн — что наиболее печально — и прочей ерунды. Фантастика, как и любое иное явление культуры, должна отражать стремление человечества к миру, счастью, совершенству. Поэтому я и не люблю западной фантастики в её массе.

— Значит, не считая себя специалистом по будущему, вы именно в понимании будущего расходитесь с большинством западных фантастов?

— Это естественно. Я сын своего отца, своего времени, своего народа. Никогда не сомневался в правильности коммунистических идей, хотя я и не член партии. Я впитал их с детства. Позднее, во время учёбы и самостоятельно, я познакомился с другими

философскими системами. Ни одна из них не удовлетворяет меня так, как коммунизм. Ну и, кроме того, я основываюсь на собственном восприятии жизни. В нашем обществе, несмотря на некоторые недостатки, я вижу то здоровое, святое, если хотите, что делает человека человеком. У нас считается неприличным не работать. А ведь коммунизм — это занятие для всех голов и для всех рук. Коммунизм не представляется мне розовым бытом и самоуспокоенностью. Его будут сотрясать проблемы, которые человек будет решать.

— *Вы имеете возможность писать обо всем, что хотите?*

— Я понимаю, чем вызван этот вопрос. Так вот, если говорят, что советские писатели пишут то, что им приказывают или заказывают, — это чепуха. Мы с братом по крайней мере пишем то, о чем хотим.

— Тем не *менее литературные критики частенько высказываются отрицательно о произведениях Стругацких…*

— Нас с братом чаще всего ругают за стиль, усложненность наших повестей. Я, в отличие от иных критиков, люблю многих писателей, противоположных мне по стилю, пишущих в реалистической манере. Люблю, ценю, глубоко уважаю Даниила Гранина, Фёдора Абрамова, Булата Окуджаву… Но лично для меня точка зрения домового (хотя домовых и не существует) на мир интереснее, чем точка зрения обычного жильца дома. А раз мне так интереснее, я так и пишу».

В этих ответах добрая половина неправды. Или как раз лучше сказать, что это половина — злая?

Итак, на семинарах, коих состоялось в Москве около сотни, АН был всего-то раз пять или шесть — не больше. Зато он частенько встречается с молодыми фантастами у себя дома или у них, в неформальной обстановке. Ковальчук становится при «генерале» Стругацком этаким адъютантом. Что любопытно, Миша был одним из немногих в своём поколении, кто называл АНа на «ты». А соавтор Ковальчука Володя Гопман удостоился чести принимать классика у себя на дне рождения 31 мая 1981 года.

Праздник вышел славный, удовольствие от общения получилось, вне всяких сомнений, взаимным. Не только молодые

писатели — Боря Руденко, Володя Покровский, Виталий Бабенко чувствовали себя просто счастливыми. (АН — это был настоящий водопад шуток, воспоминаний, литературных анекдотов, эпизодов из армейского прошлого, реминисценций из японской литературы…) Но и сам мэтр не считал для себя вечер потерянным. Он искренне симпатизировал молодым. И был у него такой грех — любил он чувствовать себя знаменитым, почитаемым, обожаемым. Тем более что в прежние годы совсем не был избалован этим.

Интересный вышел разговор о переезде в Ленинград, запомнившийся всем, потому что ребята встревожились: как же так? Неужели осиротеем?

А решение было принято в апреле на семейном совете у АНа.

Ещё за месяц до этого АН писал в грустном письме Гене Прашкевичу в марте 1981-го:

> «Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, ещё месяц — и, возможно, начнём снова встречаться для работы. Хотя где встречаться… Живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это. Но Бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи, в Доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчёт возможных приступов и т. д.».

И вот семья признала, что нет для них ничего важнее совместной работы АБС, а возраст и здоровье делают регулярные поездки всё более утомительными. Честолюбивых замыслов, связанных с какой-то общественной карьерой, у АНа не было, а сентиментальные соображения тем более не мешали — Москва так и не стала для него родной за все эти годы.

Тогда же, в апреле, был найден и конкретный вариант квартиры — понятно, попросторнее московской — и Маша ездила в Ленинград квартиру эту смотреть и с тетей Адой советоваться.

Так что по состоянию дел на конец мая переезд был более чем реальным. Но, забегая чуть вперед, сообщим, что не впервые обсуждавшиеся планы переезда рухнули в очередной и, наверно, уже в последний раз довольно скоро.

15 июня БН пишет брату ещё с надеждой:

> «Тут при слухе о твоем переезде все страшно

оживились и начали строить планы. Я имею в виду собратьев по секции во главе с Евгением Павловичем. Я, правда, все их восторги сразу же охладил, сказавши, что всё это вилами по воде… Разумеется, мне не поверили. Представляю, какое разочарованное „У-у-у!“ сейчас раздастся!

А может, ты всё-таки потом соберешься с духом и займешься этим делом снова — не спеша, спокойненько, хладнокровно… Как врач советовал моему соседу по палате: „Половой акт? Да, можно… Но, знаете ли, так — спокойно, без эмоций…“ Съехаться бы надо. Это, понимаешь ли, объективная необходимость».

А через неделю, 22-го, АН, по существу, уже хоронит эту идею:

«Насчёт нашего переезда в Ленинград. Объективная-то она необходимость есть, да мне её не одолеть. Здоровье, братец, не то. А я понюхал здесь, чем это пахнет — контейнеры, упаковки, да там ещё ремонт, да здесь ещё бумаги грязные всякие, и жаждущие хари… Нет, не судьба».

И, заметьте, последний, но явно решающий аргумент — «жаждущие хари». Уехать — означало бы сдаться, уступить врагам и бросить на произвол судьбы талантливых молодых ребят, ну вот хотя бы этих, собравшихся на дне рождения у Володи Гопмана…

О чем ещё говорили в тот день? Ну, конечно, о закончившейся месяц назад «Аэлите». Это было значительное событие.

24 апреля АН улетел в Свердловск — принять участие в первом советском «коне» (конвенте). Собственно, тогда его ещё не называли коном — эта американская терминология появилась позже. А тогда просто СП РСФСР, Совет по фантастике и журнал «Уральский следопыт» учредили первую в стране литературную премию по фантастике и дали ей имя, позаимствованное у столь любимого Стругацкими Алексея Толстого — «Аэлита». О том, кому и как была вручена премия, хочется рассказать подробно, изложив исторические события со слов не только очевидца, но и главного организатора первой «Аэлиты» — Станислава Мешавкина.

Идея «Аэлиты» пробивалась долго и мучительно. Просто

удивительно, что в те глухие годы её вообще разрешили провести. Ещё удивительнее, что удалось сделать премию и праздник фантастики ежегодными. В Москве этим занимался энергичный председатель Совета по фантастике Сергей Абрамов, в Свердловске — ещё более энергичный главный редактор журнала «Уральский следопыт» Станислав Мешавкин. Наконец, всё определилось: статус «Аэлиты», её первые лауреаты — Казанцев и братья Стругацкие. К сожалению, БН не смог приехать после инфаркта. Был только АН.

Гости съехались 24-го, поздно вечером. На другой день Мешавкин отправился в гостиницу с визитом вежливости. С обоими лауреатами до этого он не был лично знаком, хотя, естественно, знал, что их отношения трудно назвать дружескими. Ему предстояла нелёгкая роль. Беседа с Александром Петровичем носила преимущественно светский характер. Когда речь зашла о ресторане, он тактично намекнул, что даёт обед как лауреат, и, вынув бумажник, отсчитал купюры. Мешавкин, внутренне стыдясь, порадовался: у организаторов каждый рубль был на счету.

Поднялся этажом выше, к Стругацкому, сообщил о предложении Казанцева. АН отреагировал мгновенно:

— А когда я смогу дать обед? Ведь мы с Борисом тоже лауреаты?

Был такой нюанс: вручались две «Аэлиты» равного достоинства — так задумали. Но два званых обеда в программу, согласованную с обкомом, никак не вписывались. АН нахмурился:

— Так дело не пойдёт! Вы ставите меня в крайне нелепую ситуацию: Казанцев кормит меня обедом, а я его — нет!

Но тут же сам и нашёл выход:

— Значит, так. Прошу вас передать Александру Петровичу, что сегодняшний обед дают лауреатЫ, подчеркиваю, не один, а все трое. Сколько с меня причитается?

Делать нечего — Мешавкин опять поплёлся к Казанцеву. Тот не порадовался, конечно, но вынужден был признать справедливость доводов и сказал:

— Я только очень прошу вас быть хозяином стола и первым произнести тост. Вы же знаете экспансивность натуры Аркадия Натановича.

Мешавкин, если честно, тогда ещё не знал. Но уже догадывался, что обед предстоит веселый, если два писателя-москвича общаются только через посредника. А так хотелось праздника, ради которого потратили столько сил и времени. Неужели всё будет испорчено из-за борьбы самолюбий двух мэтров?

И вот, все в сборе, Мешавкин на председательском месте нервно повторяет про себя первые слова столь ответственного тоста, малейшая ошибка — и всё, конфликт, скандал! И не успевает Станислав даже привстать со стула, как поднимается рывком Стругацкий с рюмкой коньяка в руке, решительный и непоколебимый, как скала.

— Вы позволите?

В глазах Казанцева собачья тоска и укоризна: «Ну, что же вы? А я предупреждал…» Мешавкин готов был провалиться, но вместо этого просто кивнул. Воцарилась нереальная тишина.

— Я был тогда пацаном, — начал АН бархатным голосом, — но до сих пор помню, с каким нетерпением ждал звонка, а нередко и убегал с последнего урока, потому что в обед домой приносили с почтой «Пионерскую правду», а в ней — «Пылающий остров» с продолжением. Понимаете? Меня снедало нетерпение: что дальше, что дальше?

Тут АН блеснул своей памятью — приводил мельчайшие детали, а если вдруг забывал, поворачивался к Казанцеву, и тот растерянно и тихо подсказывал ему. Тоска во взоре Александра Петровича медленно сменялась почти детской радостью, и воздух над столом, казалось затвердевший от напряжения, вновь шелестел и позвякивал естественными звуками.

В эту самую минуту Мешавкин и понял до конца, кто такой Стругацкий. Все его с братом книги он давно знал почти наизусть. Теперь он узнал Стругацкого-человека. И они быстро стали друзьями. Перешли на «ты», и это была не фамильярность, а дружеская норма общения.

Если бы Мешавкин ещё знал тогда, на какие подлости способен Казанцев, сколько здоровья, сколько лет жизни украл он в самом буквальном смысле у АБС — наверное, он бы ещё выше оценил уникальное благородство АНа. А может, догадывался всё-таки? Да нет, судя по тону, воспоминаний даже одиннадцать лет спустя… Какая-то всеобщая радость примирения, какая-то «борьба самолюбий» — это ж надо было такое сказануть! У них была борьба за выживание, причём, с одной стороны, жертвы режима, а с другой — его исполнительные слуги, самодовольные безжалостные палачи (не говоря уже об очевидной разнице дарований). Нет, конечно, времена были тяжёлые, застойные. Страшненькие были времена. Всем и всё диктовал обком, а тому ЦК, но вряд ли именно ЦК потребовал поставить их рядом, на одну ступеньку — Казанцева и АБС — мелко это даже для обкома. Допускаю, что какая-нибудь местная или московская писательская сволочь из особо натасканных не позволила дать премию сомнительным АБС за полуантисоветскую повесть «Жук в

муравейнике», не уравновесив эту премию такой же, выданной за вклад правоверному Казанцеву. Допускаю. Но вместе с тем чувствую и даже знаю, что и сам Мешавкин, и молодые фантасты, и тем более фэны не ведали, что творят… Но вернёмся в апрельский Свердловск 1981-го. В заключение своего тоста АН поднял рюмку за патриарха советской фантастики, а Казанцев в ответной речи поднатужился и сумел найти хвалебные слова о книгах АБС. Конечно, он следил за их творчеством — а как же иначе! — он эти книги всегда с лупой читал. Просто до этого либо отмалчивался, либо ядовитой слюной плевался, либо доносы строчил, а тут жизнь заставила — и выдал вполне вразумительные комплименты. Не моргнув глазом, заявил, что всегда приветствовал новую волну советской фантастики, и даже сына приплёл — морского офицера и поклонника Стругацких, давно мечтавшего о книге с автографом. И тогда АН вспомнил свою встречу с «патриархом» двадцать лет назад, на следующий день после полёта Гагарина, и решил не поскупиться на «что-нибудь из своего барахла» и подписал старику для сына какой-то сборник АБС. Никто не запомнил, какой именно.

На пресс-конференции оба лауреата были в ударе — коньяк и первая в СССР премия по фантастике сделали своё дело. Всё-таки приятно получить заслуженную награду и видеть сотни сверкающих восхищённых глаз. Это дорогого стоит, даже на пару с Казанцевым. Да чёрт с ним, в конце концов. Будем же выше этого! АБС умели быть выше всего.

Вот что написал Мешавкин в заключение своих воспоминаний (заметьте, в 1992 году, без всякой оглядки на обком, которого уже не было):

> «Произошла на радость почитателям НФ стыковка поколений, двух крупных писателей, каждый из которых, в меру таланта, вписал своё имя в историю советской фантастики. Воспроизводимый журналом снимок документально свидетельствует: лауреаты не позируют, сидя рядком да ладком, им уютно вместе, они улыбаются».

А вот что можно прочесть в письме АНа, отправленном брату в Ленинград ещё за неделю до отлёта:

> «Насчёт премии сообщил мне лично Сергей Абрамов, и уж извивался он, как поганая ужака под вилами, и я

всё не понимал, в чём дело, пока не открылось с его слов, что есть и ещё одна премия, и её получил А.П. Казанцев „за заслуги перед советской фантастикой“. Я-то по малоумию сказал было, что мне-то де какое дело, но потом сообразил, что придётся при получении стоять с ним рядом и ухмыляться и ещё жать ему руку… тьфу. Ну, ничего не попишешь».

Ну и для полной ясности освежим в памяти известные страницы из повести «Хромая судьба», к 1992 году переизданной уже не раз и не два:

«По правой стене коридорчика поставлено было несколько стульев, и на одном из них, скрючившись в три погибели и опираясь ладонями на роскошный, хоть и потёртый бювар, торчком поставленный на острые коленки, сидел сам Гнойный Прыщ собственной персоной.

При виде его у меня, как всегда, холодок зашевелился под ключицами, и, как всегда, я подумал: „Это надо же, жив! Опять жив!“

<…>…Все эти мрачные и отвратительные герои жутких слухов, чёрных эпиграмм и кровавых легенд обитают не в каком-то абстрактном пространстве анекдотов, чёрта с два! Вон один сидит за соседним столиком, порядочно уже захорошевший, — добродушно бранясь, вылавливает из солянки маслину. А тот, прихрамывая на поражённую артритом ногу, спускается навстречу по беломраморной лестнице. А этот вот кругленький, вечно потный, азартно мотается по коридорам Моссовета, размахивая списком писателей, нуждающихся в жилплощади…

<…> Как относиться к этим людям, которые по всем принятым мною нравственным и моральным правилам являются преступниками; хуже того — палачами; хуже того — предателями! <…>

Они ходили среди нас с руками по локоть в крови, с памятью, гноящейся невообразимыми подробностями, с придушенной или даже насмерть задавленной совестью, — наследники вымороченных квартир, вымороченных рукописей, вымороченных постов. И мы не знали, как с ними поступать. <…>…Казалось, пройдёт год-другой, и они окончательно исчезнут в

пучине истории и сам собою отпадёт вопрос, подавать им руку при встрече или демонстративно отворачиваться…

Но прошёл год и прошёл другой, и как-то неуловимо всё переменилось. Действительно, кое-кто из них ушёл в тень, но в большинстве своём они и не думали исчезать в каких-то там пучинах. Как ни в чём не бывало, они, добродушно бранясь, вылавливали из солянки маслины, спешили, прихрамывая, по мраморным лестницам на заседания, азартно мотались по коридорам высоких инстанций, размахивая списками, ими же составленными и ими же утверждёнными. В пучине истории пошли исчезать чёрные эпиграммы и кровавые легенды, а герои их, утратив при рассмотрении в упор какой бы то ни было хрестоматийный антиглянец, вновь неотличимо смешались с прочими элементами окружающей среды, отличаясь от нас разве что возрастом, связями и чётким пониманием того, что сейчас своевременно, а что несвоевременно.

И пошли мы выбивать из них путёвки, единовременные ссуды, жаловаться им на издательский произвол, писать на них снисходительные рецензии, заручаться их поддержкой на всевозможных комиссиях, и диким показался бы уже вопрос, надо ли при встрече подать руку товарищу имяреку. Ах, он в таком-то году обрёк на безвестную гибель Иванова, Петрова и двух Рабиновичей? Слушайте, бросьте, о ком этого не говорят? Половина нашего старичья обвиняет в такого рода грешках другую половину, и, скорее всего, обе половины правы. Надоело. Нынешние, что ли, лучше? <…>

Этот мерзкий старик, что сидел через два стула от меня, мог сделать со мной всё. Написать. Намекнуть. Выразить недоумение. Или уверенность. Эта тварь представлялась мне рудиментом совсем другой эпохи. Или совсем других условий существования. Ты перешёл улицу на красный свет — и тварь откусывает тебе ноги. Ты вставил в рукопись неуместное слово — и тварь откусывает тебе руки. Ты выиграл по облигации — и тварь откусывает тебе голову. Ты абсолютно беззащитен перед нею, потому что не знаешь и никогда не узнаешь законов её охоты и целей её существования…»

Да, конечно, образ, как всегда, собирательный. Есть в нём что-то и от Немцова, и от Сытина, и от Тушкана… Или от кого там ещё? Сегодня этих имён всё равно никто не помнит. А вот Казанцева в Гнойном Прыще узнали тогда многие, и не о чем тут дискутировать. Цитата, конечно, длинная получилась при всех сокращениях, но без неё — никак: лучше АБС всё равно не скажешь об этом. А сказать надо было, ох, как надо! Особенно сейчас, когда молодые в истории ельцинских 90-х путаются, какой уж там сталинизм! «Отец народов» у них размещается где-то между Иваном Грозным и Петром Великим.

Стругацких надо чаще перечитывать, чтобы порядок в голове наводить.

А история отношений АБС и Казанцева была богатой, но, в общем, однообразной. Обо всех конфликтах вспоминать точно не стоит. Расскажем о наиболее ярких моментах.

Взаимное неприятие автора и редактора, возникшее при первом знакомстве, быстро переросло в откровенное противостояние поколений и мировоззрений.

Взять хотя бы знаменитое расширенное совещание секции фантастики в ЦДЛ в конце марта далёкого 1963 года, когда на волне хрущёвских нападок на творческую интеллигенцию, оживились все сталинские недобитки. Это именно тогда Казанцев ухитрился назвать еврея Альтова «фашистом» за его некорректное отношение к постулатам Эйнштейна. АН не выдержал и, преодолевая страх, кинулся в бой. И бой был выигран. Только Казанцев не успокоился и в том же году рвался написать разгромную статью про Альтова и Журавлёву, предлагал, как всегда, Ефремову поучаствовать, а тот, как всегда, отказался.

А дальше в письмах АНа (одно письмо БНа — помечено отдельно) открывается нашему взору такая мозаика мелких и крупных пакостей:

> «8.12.64 — Были в гостях у Ивана Антоновича. Он посещал Казанцева, Казанцев тяжело болеет и точит на нас чудовищный клык — обвинение в издевательстве над священными фольклорными реликвиями русского народа, хотел писать статью, но Ефремов его отговорил, намекнув, что он станет посмешищем на весь Союз».
>
> «05.07.65 — Казанцев прислал в „Известия“ письмо „О странной позиции изд-ва „Молодая гвардия““, в каковом письме обвиняет изд-во в уклонении от курса советской фантастики и в сплачивании вокруг себя молодых литераторов, пишущих в подражание худшим

западным образцам и в большинстве нерусской национальности».

«14.01.66 — …*Ким (Роман Николаевич. — А.С.)* говорил, что Казанцева предупредили на партбюро за страсть к доносам. Но это ещё не проверено. Нравится мне наша московская организация».

«16.05.66 — От Казанцева ничего не слышно, если не считать нового доноса относительно зарубежной фантастики в Б-ке мировой фантастики. Уже опять мылили холку издательству. Но вряд ли Казанцев на этом успокоится. Он где-то за кулисами готовит новую пакость».

«05.06.66 — Позавчера состоялось отчётно-перевыборное собрание творческого объединения прозы Московского отделения Союза писателей, и меня выдвинули кандидатом, а затем избрали членом этого бюро 252 голосами против 50. Вот так. Прочувствовал? Если да, то продолжаю…»

Казанцев при этом орал не своим голосом, что он решительно протестует, что Стругацкий скомпрометировал себя идеологически порочными книгами, что о Стругацких, наконец, есть специальное постановление ЦК ВЛКСМ!

В тот раз он проиграл, хотя постановление и в самом деле было.

«9.01.71 (пишет БН) — Мееров был в декабре у Казанцева. Казанцев помнит Ал. Ал-ча ещё по „Защите-240“, а потому считает своим. Много было разговоров о том, что „вот мы с вами понимаем фантастику, а эти, новые, братья всякие, только всё изгадили…“».

И, наконец:

«19.06.76 — Стало известно, что Казанцев и Колпаков написали чудовищно мракобесные доносы в „Правду“ самому Зимянину *(в то время — главный* редактор *первой газеты страны и без пяти минут секретарь большого ЦК. — А.С.)*. Суть — сионисты в фантастике заедают православных, с одной стороны, а с

другой — интеллектуалы отлучают от издательств партийных. Бред, но отвратно».

По-моему, достаточно. Казанцев шёл в ногу со временем: статьи и выступления на собраниях всё чаще заменялись телефонными звонками наверх и письменными доносами. В общем, к моменту трогательного «братания» в апреле 1981-го отношения его с АБС были уже именно такими, как описано в «Хромой судьбе». Кстати, до плотной работы над ней оставалось тогда меньше года.

Эту повесть не принято зачислять не только в первую тройку, но даже в первую десятку книг АБС. Понятно. Она — первая, да по существу, и единственная их нефантастическая книга. Повесть о фантасте. Фантастические сюжеты только разбросаны по ней в изобилии — не реализован ни один. Но я люблю эту повесть как-то особенно нежно именно за этот её «сугубый реализм» и прозу жизни — Прозу с большой буквы. И ценю её саму по себе безо всяких вложений. Мне даже фрагменты из «Града обреченного» (по журнальному варианту) были там не нужны. Вполне самодостаточная вещь. А уж «Гадких лебедей», тем паче, не могу и не хочу смешивать с печальной историей Феликса Сорокина. «Хромая судьба» — это уникальная и, безусловно, удачная попытка АБС написать автобиографическую повесть. Правда, суженная до биографии одного АНа и потому единственная у них, где хоть краем глаза читатель видит Москву. Подметил это Михаил Шавшин из группы «Людены», а я прочёл и не поверил ему. Да что я — сам БН удивился, но теперь уже многие разобрались: Москвы больше нет нигде, только упоминания топонима, а так — ни описаний, ни воспоминаний, ни тем более сюжетов, развернувшихся на улицах столицы. Вот какая уникальная повесть. И сочинялась она долго-долго.

Идея — сначала в виде пьесы про заимствованную у Акутагавы Мензуру Зоили, она же Изпитал (измеритель писательского таланта) — впервые мелькнула ещё в ноябре 1971-го в Комарове, когда заканчивали «Пикник». Потом подвёрстывались к этому замыслу и война с «МГ» в реальных фактах и документах, и желание сделать вещь очередным продолжением «Понедельника», и «Охота на василиска» — погоня за человеком, которого было опасно обижать, и сюжет об эликсире бессмертия, так и застрявший в повести изящным осколочком… Примерно к концу 1980 года все эти раздумья и метания перерастают в решимость писать и опять, как «Град», без всякой надежды на публикацию. Что ж, не привыкать! Но…

неласковый 1981-й спутает все планы. Только в октябре БН доедет до Москвы, где познакомится с доктором Черняковым, и доктор поставит ему полушутливый диагноз: «С сердцем всё в порядке — перед нами обыкновенный обожравшийся большой советский писатель». В этот приезд они ничего не напишут. Будут только обсуждать «Хромую судьбу», всё ещё называемую «Мензурой Зоили», а потом — закинутую Вайнерами идею сотворить в соавторстве (вчетвером!) фантастический детектив. Однако уже в январе 1982-го опять в Москве появляется новое рабочее название — «Торговцы псиной» — и начинается работа всерьёз.

Второй раунд состоится в феврале, третий — в марте, на апрель они сделают перерыв. А в мае уже будет закончен черновик. И всё это в Москве. Что ж, для данной вещи вполне логично, хотя на самом деле логика тут совсем другая — логика Елены Ильиничны. Вообще, со здоровьем у АНа всё более-менее сносно, за лето он дважды съездит пообщаться с читателями. В июне — в Горький, где ещё и запишется на местном телевидении для научно-популярного фильма «Тайна всех тайн» — о контакте с внеземным разумом, и в очередной раз нелицеприятно выскажется о вмешательстве инопланетян в наши проблемы. Кстати, примерно в это же время сочинялся и сценарий мультфильма о пришельцах. А в августе он по приглашению Общества любителей книги побывает в Саратове и в Энгельсе. Выступления пройдут при полном аншлаге, и вообще ему очень понравится тамошняя публика.

В начале осени АН вдруг расщедрится на редкую по длине запись в тетради дневника. И там так много интересных набросков и просто неординарных мыслей — грех сокращать хоть что-то!

> «4.09.82 <…> Для ТП *(„Торговцы псиной“. — А.С.)*
>
> 1. Реминисценции
>
> а. История первой любви
>
> б. Эпизод с агрессивной глупостью (сортир и полковник Снегирёв) *(очевидно, случай с дрожжами в канском сортире — в повесть эпизод, к сожалению, не вошёл. — А.С.)*
>
> в. Эпизод под Кингисеппом — убийство немца
>
> г. Эпизод на Камчатке: увязшие в болоте танки, и танкисты уныло поют „А первой болванкой…“
>
> 2. Текущее чтение: Джеймс Клейвелл „Сегун“. <…> Книга неуклюжая, но интересная, множество ошибок,

хотя автор и выразил благодарность ориенталистам.

3. Рассуждение о критике.

Ни как писателю, ни как читателю критика никогда и ничего мне не давала. Точнее, как писателю много вреда. По поводу „Новых сказок“: Желтобрыжейкин — „Сорокин-Воровкин настрекотал книжечку, редактор издал, вот и получилось обоим детишкам на молочишко…“ И Поросятников подхватил: „Чему учит Сорокин нашего молодого читателя?..“

Фонетически отвратные фамилии.

Маяковский: „Между писателем и читателем есть посредники, и вкус у этих посредников очень средненький“. Впрочем, это он, кажется, не о критиках, а об издателях. Всё равно верно.

4. О Рите надо упомянуть раньше. Однажды в порыве нежности и отчаяния: „Не надо писать книг, не надо рожать детей“.

5. Чачуа в подпитии, бряцая на гитаре и значительно поглядывая на захмелевшую Риту, поет: „Горела, падая, ракета, а от неё бежал расчёт…“ и „Скатертью, скатертью хлорциан стелется и забирается под противогаз…“

6. В связи с руководителем писательской организации: за всю жизнь не встречал ни одного начальника, к которому питал бы искреннее уважение. Разве что в училище зимой 43-го лейтенант, командир взвода, на лютом морозе с поднятыми ушами, ладный, лёгкий, зловещий. „Что вы ко мне как к спекулянту подходите? Что вы щуритесь, как коровья задница после случки?“ Он был из Бреста, один из немногих. Это о нашем председателе: принял делегацию писателей из Уругвая за делегацию писателей из Парагвая.

7. А вот создать бы такой аппарат — скажем, установить его в Бейруте под бомбами и снарядами, чтобы он транслировал на весь мир ужас, боль и отчаяние гибнущих, на стадионы, где вопят болельщики, на склады, где воруют кладовщики, в кабинеты к большим и малым бюрократам, — то-то все кинулись бы к посольствам, забросали бы окна камнями, забили бы бревнами в двери…

8. Мысли в метро: наверху началась война, термоядерные взрывы над Москвой, тьма, паника…

9. Кто правит судьбами мира: третьеразрядные актёры, недоучившиеся художники, несостоявшиеся поэты…

10. Меня ничто не удивит, я ожидаю всего, готов ко всему. То есть готов в том смысле, что приму с покорностью. Что угодно. Атомная война и убийство хулиганами дочери. Высадка марсиан и высылка из Москвы. Я только притворяюсь удивлённым, заинтересованным, испуганным или рассерженным. Таков ритуал, этого от меня ждут.

Гулял в дождь. Смотрел „Ураган“ (США). Выпивали с А. Черкасским и его женой Нелей».

На следующий день умер Илья Михайлович Ошанин. АН искренне считал тестя одним из лучших людей в своей жизни. У постели умирающего дедушки всю ночь просидела Маша.

К октябрю что-то изменилось в окружающем его пространстве, что-то смягчалось, безнадёга отступала.

8 октября он уезжает в Ленинград один, без Лены — работать над «Торговцами», которые уже через четыре дня станут «Хромой судьбой», обретут чудесный эпиграф из позднесредневекового Райдзана, найденный БНом в том же любимом красном томике японской поэзии, и, наконец, обработка черновика будет закончена.

В тот же приезд делаются наброски под названием «Встреча со Странниками». Понятно: это уже «Волны гасят ветер».

17-го АН уезжает. Вскоре приезжает вновь, и 24 ноября повесть будет закончена в чистовике, насколько вообще может быть закончена повесть, написанная в стол, тем более такая — о времени, о себе, о самых последних событиях.

Есть одна загадка в повести, которая для многих так и осталась неразрешенной, хотя авторы не раз давали по этому поводу объяснения — почему именно Булгаков стал для них символом верховного судьи в литературе, почему именно он держит в руках пресловутую «мензуру». Виталий Бабенко как-то даже спорил с АНом, доказывая ему, что этот пиетет неуместен: «Аркадий Натанович, да вы же вровень с ним, с Михаилом Афанасьевичем! Зачем же голову задирать?» А Стругацкий пыхтел в усы и говорил: «Ты ничего не понимаешь, Виталька, ничего ты не понимаешь…»

Задал и я свой вопрос об этом, уже БНу. Вот что он ответил:

«Впервые мне дали почитать Булгакова ещё в университете. Ни „Роковые яйца“, ни „Дьяволиада“ на меня, помнится, впечатления не произвели, хотя считались в те времена почти запретными. А может быть,

именно поэтому — ведь я был правоверным комсомольцем. „Собачье сердце“ я прочитал уже в середине 60-х, в самиздате, и теперь оказался способен оценить Михаила Афанасьевича по достоинству, но настоящее обожание пришло, естественно, после „Мастера и Маргариты“ и, в особенности, после „Театрального романа“. Наша с АНом оценка Булгакова совпадала на сто процентов, разве что он больше, чем я, ценил „Белую гвардию“, но ведь и я её любил тоже, только поменьше — многое в ней мне казалось лишним (да и сейчас кажется — только что перечитал). Булгаков для нас был не просто великолепным писателем, носителем и источником лучшего в современной России языка (вместе с А. Толстым), — он был ещё и символом, кумиром, этическим образцом целой эпохи (чего никак нельзя было сказать об А. Толстом). Пушкин велик и любим, но — слишком далёк. Он — всё-таки Прошлое. Вечное, но Прошлое. Михаил же Афанасьевич — Настоящее. И даже в каком-то смысле Будущее. Он — существенная часть реальной жизни… Впрочем, всё это лишь слова, плохо передающие суть. А суть в том, что представить свою жизнь совсем без Булгакова я, разумеется, могу, но это будет — ущербная жизнь».

Закончив «Хромую судьбу», наверно, они оба догадывались, что к тексту ещё не раз и не два придётся вернуться — так, ради собственного удовольствия. Вряд ли могли они предположить, что уже через три года станут готовить рукопись к публикации.

Впрочем, учитывая, какую они написали следующую вещь, не удивлюсь, что и догадывались. Именно — догадывались, чувствовали, интуитивно, не логически. А предсказать, просчитать, спланировать перестройку не удалось никому.

Очень странное было время — начало 80-х. Рассказывая о нём, непрерывно сбиваешься с хронологии, словно и не было у него никакой хронологии. Всё монотонно, одинаково, тоскливо. А если и происходили какие-то события, их было очень трудно привязывать к этому рыхлому времени, и сегодня, спустя годы, нелегко вспоминать, что случилось раньше, что позже.

Вернёмся назад, в 1981 год. Там была не только «Аэлита».

АНу мечталось вновь и вновь возвращаться на Дальний Восток к навсегда полюбившимся местам. Однако преодолеть десять тысяч километров — не совсем простая задача. И времени,

и денег, и сил хватало для этого далеко не всякий раз. Приморье — не Ленинград и даже не Крым, чтобы каждое лето туда ездить. Вот и не сложилось в 1978-м, когда планировал. Потом совсем не до того стало. И вот в 1981-м — повезло, и сразу с двух сторон. В Находке проводился Тихоокеанский международный семинар, одним из организаторов которого был Владимир Петрович Лукин. Он и предложил оплатить АНу дорогу туда. Кто оплачивал в итоге, сейчас уже трудно установить, потому что одновременно с этим АН договорился с обществом «Знание», и они вдвоём с Мирером поехали читать лекции по вполне официальной путёвке от Бюро пропаганды. Взяли и жён с собою. А заодно повидали дочку Мирером Варю — она там практику проходила. Ну и конечно, встретили Лукина, и опять Городницкого, который прибыл по приглашению Лукина. В общем, весёлая получилась поездка с массой счастливых совпадений. И отдохнули хорошо, как в молодости — будто второе дыхание открылось.

Прилетели во Владивосток 16 августа, вечером по местному времени и разместились для начала в одноимённой гостинице, ну а потом сразу началось путешествие — длиною больше чем в месяц (20 сентября — в Москву). Мелькают в путевом блокнотике АНа всякие имена и названия: база «Восток», биостанция «Витязь», остров Попова, корабли «Витязь» и «Гидронавт», какая-то Радуга без комментариев (уж не планета ли?)… Сутки им дали на акклиматизацию, а потом писатели начали выступать: у геологов, океанологов, гидрологов, биологов и прочих местных учёных. Варя Мирер, например, работала лаборантом на биостанции «Витязь», изучала эмбриологию морских ежей, а конкретно занималась их оплодотворением — романтическое занятие, которое привело в восторг Стругацкого: «Мартышка! (так он её звал и маленькую, и взрослую) Ты, стало быть, работаешь самцом морского ежа?»

У АНа всю жизнь был огромный интерес ко всяким морским тварям, особенно к гигантским головоногим. Он всё допытывался у научного сотрудника Кирилла Несиса: «Неужели так-таки и не осталось ни одного гигантского древнего кальмара? Ну, может быть, всё же где-нибудь есть хоть один?» И был очень разочарован уверенно отрицательным ответом.

На побережье они жили в специальном уютном домике — своего рода элитной гостинице для важных персон — с большими комнатами, с камином. Подружились с водолазами из Владика, с увлечением слушали их подводные истории и анекдоты. Много купались — там были чудесные пустынные пляжи: белый песок, прозрачная вода, а вокруг скалы, сосны…

На их лекции-выступления народу приходило невероятно

много. То есть практически все, кто там жил, и приходили: по триста — по четыреста человек, залы набивались битком. Это называется «окраинный эффект»: пруд пруди поклонников, истосковавшихся по общению и событиям (заметим в скобках, что у Стругацких и в Питере, и в Москве полупустых залов не было никогда). Но, конечно, окраинная публика — совершенно особенная. Там была одна девочка, переписавшая всё собрание АБС от руки и принёсшая АНу на автограф всю эту гору тетрадок. А другой их поклонник, совсем уже дедушка, наоборот, книжек у себя дома не держал: что прочтёт — с удовольствием, сразу передавал другому, но читал страшно много, и АБС тоже знал почти наизусть.

Лукина встретили, будучи на одном из островов. Владимир Петрович находился на катере, проплывавшем мимо и вычислил место пребывания классика. Рассмотрев в бинокль его массивную фигуру, Лукин очень гордился, что правильно указал капитану маршрут. АН стоял на берегу величественный и красивый, как Робинзон Крузо или капитан Грант. Катер не мог подойти ближе из-за мели, и тогда Владимир Петрович прыгнул и поплыл навстречу. Это было чертовски эффектно, они там поснимались на память. Жаль, что пока так и не удалось найти ни одной фотографии, хотя их многие помнят.

Забавным заключительным аккордом стало происшествие в день отлёта. Кто-то подарил АНу отличный охотничий нож, да уж больно длинное было лезвие, и погранцы в аэропорту сразу сказали: это, мол, боевой клинок, на борт нельзя с таким, положено конфисковать. И тогда АН прочёл им целую лекцию о холодном оружии: современном и старинном, европейском, русском и японском, и так заболтал товарищей в форме, что те сломались в итоге и шепнули: «Бог с вами. Проходите, писатели!»

А ещё в 1981 — м выходит довольно любопытная книжица — «Трудно быть богом» и «Хищные веши века» (по тексту издания в «МГ», но с новым оформлением) в бакинском издательстве «Азернешр». Войскунский помог в минуту жизни трудную, связал с полезными людьми ещё в конце 70-х, и дело тянулось, как водится. Год на книге стоит 1980-й, но экземпляры авторские добрались до АНа только уже в январе. Один такой он и подарил Алексею Вольдемаровичу с супругой. Необычна надпись на титуле:

> «Любимым Шилейкам сию книгу скорби, скорбя душою, повергаю к стопам».

Книжечка страшноватая, конечно — на «газетке», с отвратительным качеством печати, в дрянном картонном переплёте и картинки соответствующие. Но разве это повод для скорби? Поводом для скорби было другое. Бакинские ребята, как, впрочем, и многие жители кавказских и закавказских республик, при любых властях сохраняли рыночную экономику, поэтому главным было для них — денег заработать. Вот и экономили на всём. К сожалению, чуточку перестарались — решили сэкономить даже на авторском гонораре. Заплатили меньше, чем написано в договоре, потом шарахнули второй тираж и за него решили не платить вообще (вот когда появлялись первые контрафактные тиражи!). Но не на таковских нарвались! Закалённые в боях с чиновниками АБС вступили в сражение-переписку и, кажется, выцарапали из азербайджанских издателей почти всё, что им полагалось.

Но какой был реальный тиражу этой полукустарно изданной книги, теперь уже не узнает никто. Я только помню, что как раз тогда активно заработал чёрный книжный рынок на Кузнецком мосту в Москве, и я туда регулярно захаживал. Добрых полгода я раз в неделю, не реже, встречался там с одним и тем же человеком, приносившим полный портфель экземпляров этого азербайджанского шедевра. Я покупал (по 10 рублей за экземпляр при номинале 1 рубль 40 копеек) кривоватые блёклые книжки на все деньги, какие у меня были, вначале обеспечил ими всех друзей, а потом создавал обменный фонд, за счёт которого заметно приблизился к цели — полному собранию АБС. Перечитывать любимые повести по этому изданию сегодня немыслимо, но, всякий раз беря его в руки, я с теплотой вспоминаю бакинских аферистов, подаривших радость стольким людям в те годы.

Очень странное время.

10 ноября 1982 года умер Брежнев. Помню ощущение тревоги и вместе с тем надежды. У нас ведь со сменой лидера всегда менялись и эпохи. Хуже уже некуда — значит, будет лучше. Не угадали. Получилось, как в анекдоте. Пессимист: «Хуже уже не будет…» — Оптимист: «Будет! Будет!» Видимо, как раз тогда и придумали. До рассвета было ещё два с половиной года. Но странным образом для АБС это были далеко не худшие времена.

Прямо тогда же, в 1982-м появилось и первое книжное издание «Жука в муравейнике» в лениздатовском сборнике «Белый камень Эрдени». И «Отель „У погибшего альпиниста“», наконец, удостоился книжного формата у себя на родине (после доброго десятка изданий за рубежом) — вышел в «Знании» симпатичным таким, очень западным на вид покетом и

нормальным тиражом в сто тысяч.

«Жук», взбаламутивший всех ещё в журнальном варианте, вызвал теперь новую волну критики и дискуссий в КЛФ.

Наверно, ни о какой другой их книге не спорили так много, как об этой. Да и по сей день продолжают спорить. Многие друзья АБС обижались на беспросветный мрак (хоть и понимали, с чем он связан) и доказывали братьям, что нельзя так плохо относиться к собственноручно и собственноголовно созданному миру. Критики обрушились, понятное дело и на пессимизм, и на отход от канонов марксизма, соцреализма и всех прочих правильных измов в сторону измов неправильных. А что касается фэнов, которых было уже много по всей стране, и члены КЛФ уже называли себя фэнами — так эти спорили не о литературе — они, как правило, устраивали диспуты этические, по самой сути проблемы. Они пытались решить вопрос, прав или не прав Рудольф Сикорски, убивший Льва Абалкина, как будто от этого зависела их личная судьба, а то и судьба страны. И сегодня вдруг понимаешь, что в каком-то смысле так оно и было: судьба Советского Союза, судьба России зависела и зависит от того, как мы все сделаем этот выбор между интересами личности и интересами общества. И, что любопытно, при ответе на вопрос возникает не два, а три полюса: на двух крайних те, кто не видит, о чем тут спорить. Одни — потому что убеждены в приоритете интересов общества (тут и коммунисты, и монархисты, и фашисты, и технократы), другие — потому что не менее свято верят в приоритет личности (либералы, искренне верующие христиане, буддисты, романтики, поэты, идеалисты всякого рода). Но есть ещё третьи. Их много. Они ни в чём не убеждены и ни во что не верят, они только знают, что проблема безумно сложна, почти не разрешима. Но решать её надо, и они готовы этим заниматься.

Мне кажется, что сами АБС относятся именно к третьей категории. Именно поэтому (вкупе с высочайшим художественным уровнем повести) «Жук в муравейнике» и производит на всех до сих пор такое ошеломляющее впечатление.

Даже не знаю, с чем сравнивать финал «Жука» по силе его воздействия на читателя. Идеально выстроена вся последняя глава, а последний эпизод и, конечно, последняя фраза: «И тогда Майя Тойвовна Глумова закричала» — это стопроцентный нокаут.

Я очень хорошо помню своё ощущение после того, как дочитал последний абзац и отложил журнал в сторону. К этому моменту лишь одно чувство, пожалуй, владело мною почти безраздельно — огромное, безграничное сожаление о том, что я всё это узнал и вынужден теперь принимать в этом участие.

Я высказал именно такую мысль вслух, и мой умный, мой ироничный друг Лёша Денисов, прочитавший повесть раньше меня — он любую книгу брал первым, потому что читал быстрее — ядовито подколол:

— Ни в чём ты не будешь принимать участия, забудешь всё через день.

Наши отношения с Лёшей всю жизнь чем-то напоминают мне отношения Стаса Красногорова с Виконтом («Поиск предназначения»).

Но он оказался не прав. Ведь я-то, к сожалению, не был нормальным человеком. И я понимал, что с этой тайной на плечах мне ходить теперь до конца жизни. Что, прочитав повесть, я принял на себя ответственность, о которой не просил и в которой, право же, не нуждался. Что отныне я обязан принимать какие-то решения, а значит — должен теперь досконально понять хотя бы то, что уже понято до меня, а желательно и ещё больше. А значит — увязнуть в этой отвратительной тайне… И какую-то совсем детскую благодарность ощущал я к Стругацким, которые до последней своей книги старались удержать меня на краю этой тайны. И какое-то ещё более детское, почти капризное раздражение против них — за то, что всё-таки не удержали…

Я ни о чём не забыл через день. И через год не забыл. Я и сегодня помню это ни с чем не сравнимое ощущение от могучего вторжения придуманного Стругацкими мира в реальную жизнь. Я перечитывал «Жука в муравейнике» много раз. Я не нашёл ответа на вопрос.

А потом через пять долгих лет было продолжение — в тех же любимых журналах огромного формата. И «Волны» ужасно разочаровали меня. И ещё многих — таких же, как я. Мы-то, дураки, ждали конкретного сиквела с объяснением всех чудес и загадок, с продолжением жизненных линий старых знакомых персонажей, с ответами на так давно висящие вопросы. А это была просто ещё одна повесть о мире Полудня, сюжетно не имевшая никакого отношения к «Жуку», да ещё и написанная как-то уж слишком экспериментально — сплошные документы! А где проза-то, ёлы-палы?! Сама идея о том, что Странники — это не пришельцы, а людены, то есть люди на новом витке эволюции, мне скорее понравилась. Но, если честно, я бы, конечно, предпочел остановиться на гипотезе, что Странники на Земле — прогрессоры, она была бы конструктивнее для будущих продолжений. Не мог я тогда понять, что продолжений уже не будет! Понять не мог, но чувствовал, что выбранный авторами вариант финала подводил жирную и окончательную черту под миром Полудня. Это было слишком грустно, вот и раздражало,

вот и разочаровывало. И уж тем более не мог я увидеть второго смысла, глубокого подтекста «Волн». Да и где мне было его увидеть, если не сумели даже ушлые редакторы и цензоры! Больше скажу: не разглядели тогда собственного подтекста и авторы. Впрочем, такое с ними и раньше случалось.

Начнём, однако, с редакторов и партийного начальства.

Вспоминает Г. Зеленко из журнала «Знание — сила»:

«— Немедленно прекратите печатание Стругацких! Немедленно! Со следующего номера! — сказало высокое начальствующее лицо, и другие начальники, присутствовавшие в его кабинете в обществе „Знание“, дружно закивали головами. (Журнал был тогда изданием общества.) — Но это ещё не всё. В следующем же номере вы должны перепечатать очень глубокую аналитическую статью из последнего номера журнала „Молодая гвардия“, где полному разгрому подвергнуто всё творчество Стругацких, в том числе и эта повесть *(как они могут громить неопубликованную повесть, подумалось мне. — Г.З.), а* также вы должны подготовить 2–3 письма читателей с гневным осуждением этой повести *(речь шла о последнем совместном произведении Стругацких — „Волны гасят ветер“. — Г.З.).* А ещё вы должны в том же номере опубликовать редакционную статью с признанием своих ошибок и объяснением, почему вы порываете со Стругацкими… Вы готовы принять решение немедленно? Здесь, у меня, чтобы я мог тут же доложить наверх?

Ох. Положение моё было незавидным, вокруг меня сидели четыре моих начальника из Общества. Но я сильно разозлился: давно уже не было таких хамских, бесцеремонных наездов на журнал. К тому же у меня был один козырь, слабый, но был. Однако начал я не с него.

— Со следующим номером ничего не выйдет. Почему? Потому что он давно подписан в печать, сделаны формы, и я не исключаю, что печать уже началась.

Главный начальник тут же снял трубку, доложил, узнал, что наверху всё это известно, и приказал перенести акцию на один номер вперед.

Тут мне пришлось выложить свой козырь.

— Такое решение я принять не могу. Повесть Стругацких принимал главный редактор (тогда им была

Нина Сергеевна Филиппова), и отменять её решение я не вправе. А она сейчас — в отпуске.

Не буду описывать реакцию присутствующих. Мнения были разные, но сходились в одном: надо снимать.

То был конец июля 1985 года. Прошел месяц после назначения Александра Николаевича Яковлева секретарем ЦК КПСС. И мне было ясно, что интрига затеяна его недругами против него и против Горбачёва, который вернул его из далёкой Канады в верхушку партии. В моём сознании смысл этой затеи отлился в чёткий, бронзовеющий девиз: „Вот вы, интеллигенция, обрадовались приходу Горбачёва и Яковлева — так посмотрите, с чего они начали? С разгрома ваших любимых Стругацких и журнала „Знание — сила““.

Кроме того, интрига совершалась с нарушением неписаных правил этикета: всё-таки журналом в первую очередь руководил сектор журналов отдела пропаганды ЦК. Я тут же позвонил заведующему этим сектором А.А. Козловскому, который, не скрою, был удивлен действиями руководства „Знания“. А ещё я немедля через Н.Б. Биккенина, благородного человека и соратника Александра Николаевича, довел до сведения Яковлева сообщение о развертываемой вокруг него интриги.

Через три дня я по обоим каналам получил известие о том, что дело прекращено, и журнал может без проблем печатать повесть Стругацких».

То есть страсти разгорелись тогда нешуточные, но вокруг самого имени АБС, а о чём, собственно, повесть — такое у меня ощущение, — никого даже и не волновало.

Меж тем это повесть о будущей перестройке и о Большом Откровении — о нашей бархатной революции 1991 года. Вся книга от первой до последней страницы написана на излёте застоя, в глухом 1983-м, когда дряхлеющий сатрап опускал цены на водку, мёл железной метлой по баням и кинотеатрам в рабочее время, с трудом удерживая эту метлу в трясущихся руках, и теми же трясущимися руками ронял в океан южнокорейский «боинг». И гласность существовала только для Генштаба, а ускорение только для «движения самолёта в сторону моря»… Признаюсь честно, я не перечитывал «Волны…» с тех самых пор, записав в разряд нелюбимых и не самых удачных повестей, тем более что многие

мои авторитетные друзья подтверждали такое же мнение. Перечитал лишь год назад, уже работая над этой книгой. И у меня точно пелена с глаз упала. Ребята, да тут ведь даже спорить не о чем! Горбовский, Бадер, Сикорски, а также Сидоров, Комов и даже Каммерер — это же наше одряхлевшее Политбюро, весь наш ЦК и КГБ, организации, отжившие своё и уже не способные контролировать происходящее на планете. А новообращенные людены — это наши младореформаторы. Странники — их зарубежные друзья и консультанты. Так всё и случилось, и на первый взгляд удивительно, как АБС это всё угадали, даже не пытаясь вкладывать в свои образы и сюжеты вот такой политический смысл. А если вдуматься — ничего удивительного. Наоборот, абсолютно логично.

Мир Полудня создан был самой Оттепелью. Ощущение молодой силы и радости, царившее тогда среди значительной части советских людей, АБС сумели перелить в свои книги и сохранить его там навсегда. Однако уже в 60-х («Трудно быть богом», «Обитаемый остров») идеальный Полдень начинает сталкиваться с реальным сегодняшним жестоким миром. В 70-е Полдень впадает в спячку и просыпается только дважды: один раз его расталкивает Малыш, чтобы впервые поставить перед всесильными и добрыми дядями заведомо неразрешимую проблему и тем самым впервые внести минорную ноту в тотальный полуденный мажор; другой раз в этот мир грубо вторгается диковатый парень из преисподней, и снова — ничего хорошего: они так и останутся друг другу чужими. Полдень не дал ему умереть, но помочь жить — не способен. И, наконец, в весёлый муравейник Полдня вползает «Жук» со всей беспардонностью тупой и равнодушной машины…

Книги АБС всегда были зеркалом и общеполитических процессов — с одной стороны, и всевозможных личных коллизий авторов — с другой. Так что «Волны гасят ветер» — это грустная книга не о конце детства, как у Кларка, а о конце Полдня, о наступлении Вечера. Однако те, кто приходит на смену людям Полдня, уже прекрасно знают, как пережить и вечер, и ночь. Они — не люди Вечера, они — люди Утра.

И просто поразительно то, что вот с этой трактовкой повести мне ни разу не довелось столкнуться. Нигде. Конечно, я читал не всю критику на АБС и не все исследования их творчества, поэтому не претендую на первооткрывательство. Скорее, я грущу, что подобный взгляд не стал общим местом. И я даже догадываюсь почему. Слишком многие сегодня разочаровались в западном либерализме и, ничего не придумав лучше, тащат нас, близоруко спотыкаясь, падая и шипя от боли — обратно в сталинизм, в

средневековье, лишь бы не видеть этих людено́в — таких высокомерно спокойных, холодных, правильных и чужих.

В истории создания последней повести полуденного цикла была ещё одна очень оригинальная страница. Фукамизацию (в деталях) придумал по просьбе АБС Черняков. Саму же инструкцию, от которой обычно рябит в глазах у среднего читателя, даже уже слегка натасканного документальным стилем повести, — инструкцию эту от первого до последнего слова написал Юрий Иосифович. Бытует легенда, что была какая-то настоящая инструкция, переписанная под слово «фукамизация», и якобы именно она сохранилась в архивах и опубликована в четвертом томе «Неизвестных Стругацких». Но послушайте все, кому не лень, обратите внимание: там, в письме Чернякова, указан роддом имени Кола Бельды, а для родившихся сильно позже поясняю — это знаменитый эстрадный исполнитель советских времён, на тот момент ещё живой. Дело было так.

Вспоминает Юрий Черняков:

> «В какой-то момент своих размышлений над поставленной мне задачей я сел за машинку и настукал полторы странички текста, стилизованного под наши мединструкции. Запечатал в конверт и послал, как настоящую, Аркадию Натановичу. Вот, мол, увидел под стеклом. Это была игра от начала до конца, ведь я у него бывал по три раза в неделю — почта с такой скоростью не работает. Наконец, звонок:
>
> — Что ты мне прислал?
>
> — Настоящую инструкцию по проведению квестрации.
>
> — Отлично. Я её забираю. — И после паузы: — Единственное, Юрочка, твоей фамилии в соавторах не будет.
>
> А при встрече сказал ещё конкретнее, наливая в стакан коньяку:
>
> — Вот тебе твой гонорар.
>
> Мы посмеялись дружно. Переводчику книг АБС на японский — господину Фуками повезло больше.
>
> Зато я ещё не раз консультировал их по всем медицинским вопросам, не говоря уже о более серьёзном участии в „Дьяволе среди людей“. Помню, как они оба из меня буквально кишки вынули. Что такое гипоталамус? Какова вообще роль среднего мозга? Что такое физиологическая адаптация? А структура ствола мозга?..

> Борис сидел на диване, Аркадий сидел за столом, а я сидел на велотренажере, который сам же и припёр для него. Но он, по-моему, так ни разу им и не воспользовался».

Уже в первой половине 80-х, не дожидаясь перестройки, Стругацких начали переиздавать в своей стране, действительно начали, как только они пробили брешь, как только вышли «Неназначенные встречи», словно там, в «МГ», было какое-то заколдованное место, какая-то особая точка — один точный удар в неё — и дальше всё само собою посыпалось, как горный обвал. А уж зарубежных изданий сделалось по-настоящему много, и даже с учетом государственного разбоя (около семидесяти пяти — восьмидесяти процентов государство забирало себе) денежки получались ощутимые, а к тому же они были не просто денежки, а чеки Внешпосылторга, на них можно было приобретать всякий дефицит. В том числе и очередной автомобиль БН покупает именно на эту «псевдовалюту». По существу, это была единственная возможность приобрести «Жигули» без очереди, хотя и совершенно невыгодная возможность. Люди деловые, оборотистые реализовывали чеки по рыночному «курсу», а потом с переплатой, но со значительной выгодой для себя доставали всё что надо. Вот такая кривая социалистическая экономика. БН был не по этой части. АН — тем более. Ему даже видеомагнитофон — а в середине 80-х это небывалая редкость, — где-то доставал за его чеки знакомый Костя Колтухчан.

Вернёмся к зарубежным гонорарам. Бела Клюева, которая уже несколько лет работает в ВААПе, находит прекрасный способ увеличить заработок АБС. Это случается ещё в 1978-м. Жаль, что так поздно, но лучше поздно, чем никогда. Вот что можно прочесть в письме БНа от 12 февраля:

> «…Белочка меня сильно обнадежила насчёт поставки рукописей за бугор. Пусть даже никто у нас и не возьмет, скажем, СЗоД, но можно будет дать почитать Брандису, Дмитревскому и т. д., бюро выдаст бумагу с рекомендацией, и — в ВААП. Глядишь, какая-нибудь Аргентина и купит!»

Поясняю для тех, кто не понял — непосредственно со слов Белы Григорьевны. В это трудно поверить, но в советском законодательстве был такой пункт: если автор передавал за рубеж

свою рукопись, прошедшую Главлит, но ещё не изданную здесь, с него удерживали не 75 процентов гонорара, а всего, кажется, 20 или вообще 15. (А цифры такие неточные, потому что налог с этих зарубежных изданий был прогрессивный и сильно зависел от суммы гонорара.) Поразительно, что об этом пункте почти никто не знал, и люди не пользовались этим. Точно так же, как, например, по сей день большинство не в курсе, что с автора (с любого и в любой ситуации!) полагается удерживать подоходный налог не 13 процентов, а 10,4 процента в силу профессиональных налоговых вычетов, которые с 30-х годов никто у нас не отменял. Но при советской власти подобная информация до конечного потребителя сознательно не доводилась, а после — все деньги стали платить вчёрную и о налогах знали и помнили только бухгалтеры. Но, вообще, очень полезно иногда изучать законы своей страны.

Бела Григорьевна успела лишь дважды помочь АБС по этой схеме. «Жук» был продан по полной стоимости, и не в Аргентину, а в США, и потом такой же контракт заключили они на «Волны». Дальше начались уже прямые договора, без всякого ВААПа, да и внутри страны стали печатать так много, что только успевай поворачиваться, чтобы не обманули где-нибудь. Какие уж там переводы за рубежом! За ними и следить стало некогда. Платят — и хорошо, если платят.

А теперь, как обычно, краткий обзор событий в жизни АБС за 1983–1985 годы.

В январе, встретившись в Москве, они ещё думали о реальном продолжении полуденного цикла, планировали написать тот самый роман «Белый ферзь» или «Операция „Вирус“», идея которого не покинет их до самой смерти АНа, и даже потом БН ещё пару раз взвесит возможность реализовать этот замысел. Сегодня есть версия, что сиквел по разработкам АБС пишет некий другой человек. Я не верю в перспективу такой работы. То есть роман под одним из этих названий может написать кто угодно. Андрей Измайлов уже написал. Но к Полдню это не имеет и не будет иметь никакого отношения. Полдень, как мир созданный АБС, уже не может продолжиться в литературе. Цикл полностью завершен. Да, было «Время учеников». Очень интересный проект. Я и сам не отказался поиграть в эту игру. Но все написанные учениками сиквелы — в лучшем случае, полемика с АБС, в худшем — их бледная тень. Продолжение как таковое невозможно.

Оно возможно и оно должно состояться в других форматах: кино, телевидение, Интернет и… далее везде. Наверняка будет

что-то ещё, чему сегодня мы даже не сумеем дать названия.

В феврале 1983-го АН в Ленинграде, и принято решение писать не о приключениях Максима на Саракше, а заключительную повесть цикла — о Странниках. Разработан план. В конце марта — начале апреля в Москве пишутся первые страницы черновика.

15-го БНу ровно пятьдесят. Расскажем об этом его словами:

> «Никаких торжеств не было (я сам не захотел). Но было поздравление от СП, и даже медаль дали — „За трудовую доблесть“. Вручали в Ленсовете, воспоминания — самые убогие. Помню только, что (к моему удивлению) присутствующие хлопали мне ну никак не меньше, чем Алисе Фрейндлих (которой тогда же и там же вручался какой-то орден)».

В конце апреля проходит семинар по кинофантастике в Репине. Начиная с 1982-го АБС посещают это мероприятие ежегодно. После семинара, уже в Ленинграде продолжается работа над «Волнами».

Весь год в рабочий дневник выписываются мрачноватые афоризмы — свои и чужие:

> «Познание не обязательно будет обещанием успеха или выживания, оно может вести также и к уверенности в нашем конце». (Р. Том, «Теория катастроф»)
>
> «Человек может научить медведя ездить на мотоцикле, но это умение вряд ли когда-нибудь понадобится медведю».
>
> «„Муки совести переносимы“ — одно из маленьких открытий, которое делаешь с возрастом».
>
> «Природа отняла у нас бессмертие, но взамен подарила нам любовь (Шмальгаузен, приблизительно). Отсюда: бессмертный теряет любовь».

Они работают и в июне, перерыв — только на июль и август. В сентябре возвращаются к повести и, наконец, 1 ноября черновик закончен. Достаточно продуктивно в целом, но подходов много, как никогда, и каждая встреча не дольше десяти дней — это очень характерно для периода 80-х. Причём БН гораздо чаще приезжает в Москву, чем АН в Ленинград. Разница в возрасте и в

состоянии здоровья начинает сказываться.

«Отель „У погибшего альпиниста“» переиздаёт теперь ещё и «Детская литература». Не забыли любимых авторов насовсем, правда покалечили книгу сильно, якобы в угоду детям.

В кишинёвском издательстве «Лумина» выходит толстенный, почти шестисотстраничный том с четырьмя повестями под названием «Жук в муравейнике». Выходит, конечно, не без помощи Василия Загорского. Вот так общительность АНа и его многочисленные поездки по стране начинают реально помогать братьям в делах издательских. Собственно, они и раньше всегда помогали. Региональные издательства, журналы, газеты не упускали своих возможностей — одно перечисление их заняло бы несколько страниц. И это не только благотворительность — это взаимовыгодные акции. Главное пробить вопрос у начальства, а дальше… можно себе представить, насколько поднималась популярность любого издания после публикации АБС.

В 1984-м многие по понятным причинам вспомнили об Оруэлле. И Стругацкие, конечно, тоже, но ничего страшного, вопреки ожиданиям, не произошло. Ни на одном из фронтов.

Последняя переделка и доработка «Волн» завершена в конце мая. Наконец-то (через десять лет!) выходит в книжном варианте «Миллиард» — и всё-таки в «Советском писателе» в Москве, что весьма почетно, ведь там отродясь не издавали фантастики, значит, признали за писателей, значит, наконец, оценили по достоинству «квантовую энергию отраженного луча»!

В тот же год выходит в «Худлите» самая крупная, самая значительная работа Стругацкого-переводчика «Сказание о Ёсицунэ» — высоко оцененная специалистами и тогда, и позже, но выходит не без скандала. АН написал к средневековому роману не только комментарии, но и достаточно обширное предисловие, названное им «Инструкцией к чтению» и разъясняющее читателю, чем особенно ценна эта книга, как её следует читать и что это вообще за страна была такая — Япония двенадцатого века. Предисловие с литературной точки зрения написанное блестяще, полюбившееся впоследствии многим и теперь уже вошедшее в собрание сочинений АБС как оригинальное и весьма достойное произведение. Но тогда его не включили в книгу, как ни дрался за это включение АН. Многие друзья-литераторы (Ткачёв, Мирер, Ревич) были всерьёз обижены за него, сам Аркадий перессорился из-за этого со многими бывшими друзьями и просто знакомыми японистами — с Томой Редько, например. Но как объяснил мне уже сегодня Виктор Соломонович Санович, которому тогда выпала неблагодарная миссия сообщать АНу о зарубленном предисловии, не было в

этом никакой политики и никаких личных счётов. Предисловие действительно *туда* не годилось. Мы-то все, дилетанты, читали его в отрыве от контекста, и нам страшно понравилось. А Вера Николаевна Маркова прочла и сказала: «Ужас! Аркаша — большой талант, но это же сплошная фантастика. Это нельзя печатать». Именно она поставила последнюю точку в этой дискуссий, только очень не хотела, чтобы АН узнал об этом, и переложила всю ответственность на Сановича — он молодой, ему легче.

Предисловие АНа опубликовал Виталий Бабенко в пятом выпуске альманаха «Завтра» издательства «Текст» — там я его и прочел в 1993 году. Строго говоря, первая публикация была в Тюмени годом раньше.

В двух летних номерах журнала «Знание — сила» печатается рассказ «Подробности жизни Никиты Воронцова». Вещь сильная, мрачная, многослойная. Впечатляющая вещь. Единственный у АБС серьёзный подход к теме путешествий во времени, и мне искренне жаль (в отличие от душанбинской сказки), что под рассказом стоит подпись — С. Ярославцев. Но так уж вышло, и вряд ли стоит рассказывать подробно, почему… А сказка, кстати, как раз в эти годы имела московское продолжение — её дополнительная часть датирована на последней странице 21.06.83 (для полного книжного издания 1988 года). Отдельно она была опубликована в «Уральском следопыте» тоже в двух летних номерах. Какое трогательное совпадение: и там и там у С. Ярославцева № 6 и № 7 за 1984 год. Было много споров, улучшило ли это дополнение «Экспедицию в преисподнюю» или нет. Ну, что сказать? Третья часть озаглавлена автором «Иван, сын Портоса» и написана специально для внука Ваньки — в этом её единственное отличие, а в остальном, на мой взгляд, все части одного достоинства и в контексте данной книги большого интереса не представляют.

По поводу псевдонима существует много гипотез. Сам АН серьёзного ответа не давал, отшучивался. Так, например, однажды сказал кому-то, уезжая в Питер с Ленинградского вокзала: «Видишь, вот Ярославский вокзал. Напротив — Казанский. Так и Ярославцев напротив Казанцева». Есть два скучных, однако наиболее реальных предположения. Тесть АНа был родом из Ярославля. А в молодости АН дружил с Геннадием Ярославцевым — хорошим поэтом и китаистом.

В январе 1985-го идёт работа в Москве над соединением «Хромой судьбы» и «Гадких лебедей» — разумеется, для души. А для реальной издательской перспективы они вновь обмозговывают «Белого ферзя». Выписывают интересную цитату

из Апдайка:

> «Если у тебя хватит пороху быть самим собой, то расплачиваться за тебя будут другие».

Любой творческий человек, а особенно в Советском Союзе, хорошо понимает, как это актуально звучит.

В феврале для «Операции „Вирус“» (такое название кажется им предпочтительнее) набрасывается некий план, в конце которого появляются две жутковатых формулировочки:

> «Основа и отец нашей цивилизации — страх.
> Совесть иногда тоже базируется на страхе».

Именно в этот момент у АБС забрезжит замысел «ОЗ», вначале — как очередное продолжение «Понедельника». С «Хромой судьбой» этот номер не прошёл, но уж очень им хочется вернуться в такой любимый в такой веселый и родной мир. Не выйдет и на этот раз. Грянет перестройка, и мир «Понедельника» станет окончательно несовместим со всем происходящим.

В марте Елена Ильинична попадает в больницу, ей делают полостную операцию, к счастью, всё благополучно, в начале апреля она уже дома — веселая и счастливая, как пишет АН в дневнике.

А летом они снова приглашены в гостеприимный Саратов, где будет выступление в ДК «Россия» и ещё много всяких приятных выступлений и встреч, и бесед с журналистами, и безумных идей по экранизации и инсценировке в театре. Кстати, в эту поездку с АНом будет не только жена, но и Маша с маленьким, шестилетним Ваней.

Примерно тогда же побывают они в Таллинне, во всяком случае, к 60-летию на эстонском ТВ будет записан монолог о фантастике Аркадия Стругацкого.

25 августа Мария Аркадьевна Стругацкая и Егор Тимурович Гайдар примут решение больше не расставаться, и все дети у них теперь будут общими (Петя и Маша-младшая — у Егора, Ваня — у Маши, в 1990-м родится ещё и Паша).

Ну а Аркадий Натанович, как всегда, на оба этих события «облокотится». Свой день рождения он частенько отмечал не дома. Вот и на юбилей решил уехать куда подальше. По приглашению своих армянских друзей вчетвером с Мирерами они

улетают 22 августа в Ереван. Там поживут пять дней, а после до 15 сентября проведут время в Дилижанс, в Доме творчества композиторов. Красивейшие там места!..

Однако, вернувшись и узнав последние новости, АН всё-таки запишет в дневнике:

> «Награжден к 60-летию Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР».

Нейтрально запишет, без комментариев. О чувствах можно догадываться. Шестьдесят лет всё-таки, а ни медальки, ни орденочка, ни даже грамоты от ВС СССР. И «Литературка» поздравила АНа с 60-летием только через три месяца. Тот ещё получился юбилейчик!

И тогда же примерно, в сентябре, было действительно приятное событие — отправятся АН с Еленой Ильиничной на улицу Кирова (ныне Мясницкую), куда переедет чуть позже Маша с Ваней. Придут знакомиться с родителями Егора Ариадной Павловной и Тимуром Аркадьевичем — замечательной литературной семьёй. Она — дочь Павла Бажова, он — сын Аркадия Гайдара. К сожалению, им не слишком много довелось пообщаться, меньше шести лет, но все эти годы между ними были прекрасные отношения, отличное взаимопонимание. А к Егору, несмотря на его молодость, АН всегда относился с большим уважением, любил поговорить с ним о политике и особенно об экономике, в которой сам не понимал ничего (не научили за всю жизнь, а интерес был, тем более в перестройку). АН не уставал повторять и домашним, и друзьям: «Это вы у Егора спросите. Егор знает». Или: «Слушайте Егора. Он дело говорит».

В октябре — ноябре АБС в Репине на киносеминаре. Традиционно весеннее мероприятие вдруг смещено на осень. Потом, почти сразу, БН приезжает в Москву, и они готовят «Хромую судьбу» — пока без «Гадких лебедей», но для публикации (!) в «Неве». Горбачёв у власти всего полгода, чуть больше, но те, кому надо, уже почувствовали ветер перемен и дали Стругацким отмашку. Так начиналась их перестройка. Издержки тоже были, конечно — а как же без них? Из-за горбачёвской антиалкогольной политики (это перестроечное веяние ощутил на себе каждый советский человек уже летом того года) приходится и Стругацким пройти по тексту повести, убирая оттуда, по возможности, все упоминания алкогольных напитков. Но это уже не столько раздражает, сколько веселит — после всего-то, что было раньше!

В декабре в рабочем дневнике впервые появится название нового романа — «Отягощённые злом».

А журнал «Знание — сила» несмотря ни на что публикует повесть «Волны гасят ветер», закончит он это дело уже в третьем номере за 1986 год — при совсем других ветрах на улице.

Какой была жизнь в эти годы? Разной она была, слишком разной. Сложной. Путаной. Полосатой. И закончить хочется одной чудной лирической цитатой всё из той же «Хромой судьбы»:

> «И как бы много горестей ни наваливалось на человека единовременно, всегда у него в запасе остаётся что-нибудь для согрева души. Внуки у него остаются, близнецы, драчуны-бандиты чумазые, Петька и Сашка, и ни с чем не сравнимое умилительное удовольствие доставлять им радость. Дочь у него остаётся, Катька-неудачница, перед которой постоянно чувствуешь вину, а за что — непонятно: наверное, за то, что она твоя, плоть от плоти, в тебя пошла и характером, и судьбой. И водочка под соленые грузди в Клубе… Банально, я понимаю, — водочка; так ведь и все радости банальны! А безответственный, вполпьяна, треп в Клубе, это что, не банально? А беспричинный восторг, когда летом выйдешь в одних трусах спозаранку в лоджию, и синее небо, и пустынное ещё шоссе, и розовые стены домов напротив, и уже длинные синеватые тени тянутся через пустырь, и воробьи галдят в пышно-зеленых зарослях на пустыре? Тоже банально, однако никогда не надоедает…»

Нет, это не Владлен Глухое из «Миллиарда», который сломался, и ничего, кроме этих тихих радостей, у него в жизни не осталось. Скорее уж это Горбовский из «Далёкой Радуги» с его отчаянным торжествующим купринским оптимизмом: «Жизнь прекрасна!»

Глава двадцать первая
ОТЯГОЩЁННЫЕ СЛАВОЙ

«Что за странная мысль — считать нас с братом архитекторами? Мы совсем не способны проектировать будущее. В лучшем случае, мы можем лишь указывать дороги, которые ведут в тупик. Если вы построите дом таким вот образом, говорим мы, то у вас канализация будет соединена с водопроводом. Вот и вся наша работа. Положение осложняется ещё и тем, что строители, как правило, не обращают на нас внимания, а если и обращают, то делают очень странные выводы, например, отказываются от водопровода вообще».

Из письма БНа Ю. Ковальчуку, 1969 г.

Конец 80-х годов — это было удивительное, потрясающее время в жизни Советского Союза, время, перевернувшее взгляды миллионов людей. Поэтому на переднем крае истории оказались интеллектуалы, и ответственность в первую очередь легда на них, а не на политиков и учёных. Политики вступили несколько позже, учёные всё подготовили раньше, а в тот период ведущая роль досталась людям искусства и конечно, в наибольшей степени писателям и журналистам — мастерам слова. От написанного и произнесённого ими реально зависела судьба страны. Редчайший случай! В те годы едва ли не каждый день удивлял новыми событиями, да такими, о которых совсем недавно и фантасты мечтать не могли.

У фантастов, понятно, происходили свои бурные перемены. Борьба нового и старого из подковёрной стадии, когда главными средствами были жалобы и доносы, переходила в стадию открытую — в полном соответствии с духом времени всё активнее выплескивалась на страницы прессы. Вот почему, наверно, за весь

тот замечательный период было создано совсем немного значительных, заметных, глубоких произведений — вообще в литературе и в фантастике в частности.

Растерянность, недоумение, непонимание происходящего пополам с надеждами и преувеличенной иногда эйфорией — всё это не давало писателям работать над большой прозой, над прозой вообще, как таковой. Это было время вовлечённости всех и вся в политику, время самозабвенных споров, время прекрасной, яростной публицистики. И одновременно это была славная эпоха всеобщих открытий, говоря словами Солженицына, эпоха литературы из-под глыб. Извлечённые на свет божий произведения и сами были такими глыбами, что они подавляли, особенно людей, более полувека лишённых даже права на свободную мысль, и конкурировать с этими произведениями было почти невозможно.

Даже Стругацким это оказалось не под силу. Им оказалось нелегко соревноваться в том числе и с собственными давно написанными книгами. У них была своя литература из-под глыб. И право же, в конце 80-х «Град обреченный» и «Гадкие лебеди», «Сказка о Тройке» и «Улитка на склоне» в полной авторской редакции прозвучали сильнее, чем их новые вещи. Они сумели создать за этот период только два произведения: роман «Отягощённые злом» и пьесу «Жиды города Питера». Конечно, они внесли свою — немалую и весьма достойную — лепту в литературу перестройки, но сегодня это представляется до обидного малым…

Вот как написал о том периоде сам БН уже совсем недавно, в своих «Комментариях к пройденному»:

> «Новые времена внезапно наступили, и новый читатель возник — образовался почти мгновенно, словно выпал в кристаллы перенасыщенный раствор, — и возникла потребность в новой литературе, литературе свободы и пренебрежения, которая должна была прийти на смену литературе-из-под-глыб, да так и не пришла, пожалуй, даже и по сей день».

Стал ли последний роман Стругацких по-настоящему новой литературой? И да и нет. С одной стороны, работая над ним, АБС полностью, решительно и навсегда отключили внутреннего цензора, смело бросились на поиск новых форм и экспериментировали больше, чем в десяти предыдущих произведениях, вместе взятых. С другой стороны, они остались

верны себе (а как иначе?) — своей манере, своим традициям, своим принципам, а значит, и своему времени. И в полном смысле новой литературы не получилось. Не могло получиться.

Я согласен с БНом: ни у кого не получилось. Ни у кого. До сих пор. Однако сегодня никто уже и не пытается прыгнуть выше головы или потявкать, как он не умеет. А тогда пытались — отчаянно, яростно, в чём-то наивно, бесстрашно. И Стругацкие попытались, но, отягощённые грузом собственных достижений, так и не вырвались за рамки, ими же установленные когда-то…

Замысел будущего романа, ещё под рабочим названием «Ловец душ», родился давно, в 1981-м, в процессе сочинения вместе с братьями Вайнерами мистико-фантастического детектива, мы уже говорили об этом вскользь. В январе 1985-го появляется новое название — «ОЗ». Но только в конце года замысел понемногу облекает форму той вещи, которая придет к читателю в 1988-м. Сознательная работа именно над «ОЗ» начнется в 1986-м, а плотная, результативная — и вовсе лишь в 1987-м, то есть через два года от начала (точнее от объявления) перестройки, когда уже станет ясно, что реформы Горбачёва — не трепотня, а новая генеральная линия партии, что демократизация и гласность — это всерьёз и надолго.

Однако начнём с года 1986-го.

В январе БНу звонил Даниил Гранин, делился впечатлениями от «Хромой судьбы». Пожурил за тягучее начало и за историю с Кудиновым, которая оставляет явную неудовлетворенность. Но в целом оценка положительная. «Ослепительный конец!» — так он сказал.

25 января приехал АН, и сразу начали работать над «ОЗ», однако всего дней пять, а продолжить удалось только уже в апреле — с 9-го по 15-е в Репине. Потом прервались на день рождения БНа, потом ещё на что-то, началась всяческая суета, перешедшая в традиционно нерабочее лето, и съехались они вновь уже в октябре опять в Репине, где теперь предпочитают работать, вместо привычного ранее Комарова, но вообще это всё рядом.

С 21 октября приходится писать сценарий для Лопушанского. Работа идёт как-то лениво. 23-го отмечали день рождения Аделаиды Андреевны. Понятно, работа побоку. 26-го встретились с Эдуардом Успенским, весь вечер проболтали. 28-го АН подцепил какую-то простуду, и несколько дней работа совсем не шла. Вторую попытку совершили в ноябре — снова Репино, теперь заодно и семинар по кинофантастике. Закончили первый вариант сценария «Тучи», Лопушанскому он не понравился, и приняли решение взять за основу «Гадких лебедей» в чистом

виде. Смело, но решение это никак реализовано не было, а вот сценарий в итоге опубликован в журнале «Химия и жизнь» с 8-го по 10-й номер 1987 года — ну, хоть что-то… В декабре эпопея с Лопушанским завершается извинениями молодого режиссёра и признанием его в собственной неготовности. Жаль, конечно, всем троим жаль.

Ведь в том же году вышел на экраны фильм «Письма мёртвого человека» — событие! Даже официально картина была оценена по достоинству — Государственной премией в начале 1987-го. А в сентябре 1986 года в «Советском экране» печатается статья-рецензия АНа на этот фильм, где он лаконично и весомо напишет: «Успех. Несомненный успех». И проанализирует слагаемые этого успеха. АБС очень хотелось подчеркнуть, что этот прекрасный фильм сделали Костя Лопушанский и Слава Рыбаков — сами, без реального соавторства. Сколько раз приходилось объяснять, что роль БНа сводилась там практически к тому, что сегодня назвали бы пиаром! В фильм вошла лишь одна сцена (медосмотр в самом начале), реально написанная мэтром. Костя даже придумал дежурный ответ для прессы: «Участие Бориса Стругацкого заключалось в его участии».

Что ещё было в 1986-м, помимо всяческой суеты?

Было 21 апреля — пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления СП СССР на тему: «Роль научно-фантастической литературы в ускорении социального и научно-технического прогресса в свете решений XXVII съезда КПСС». О, как завернули! Но дело не в этом. Дали выступить АНу, и он прочитал по существу программный доклад «О положении в литературной фантастике», где поимённо назвал всех, кто ускоряет прогресс, а кто его тормозит. Собственно, он поведал собравшимся печальную историю о редакции фантастики в «Молодой гвардии», про лучшие её годы, про разгром, учинённый Медведевым, и про Владимира Щербакова, который, возглавив редакцию, наладил лишь количественный выпуск фантастики, а что касается качества, так новый завред не допускал ничего, превышающего уровень его собственных творений, самоизданных уже не однажды (романы эти не только с книгами АБС, но и с рукописями их учеников сравнивать как-то неловко). Учеников своих, чтобы не быть голословным, АН назвал десятка три — по-настоящему талантливых молодых фантастов, участников постоянно действующих ленинградского и московского семинаров, а также ежегодных малеевских. Никого из них «МГ» категорически не печатает и вообще замечать не хочет. Или замечает, но только с одной целью: вывести из игры убийственными рецензиями.

Далее был назван ещё один враг новой фантастики в СССР — Госкомиздат, занимающийся почему-то этим самым рецензированием и замеченный в родственных связях всё с тем же бывшим руководством «МГ». Упомянул АН и восьмилетнюю эпопею с их собственным сборником «Неназначенные встречи», издать который помогло лишь «прямое вмешательство ЦК». Это было лёгким преувеличением, как мы знаем, но здесь хочется подчеркнуть: год-то на дворе 1986-й, партии осталось добрых четыре года уверенно рулить страной, а потом ещё год — уже неуверенно. Ни АНу, ни даже самым продвинутым диссидентам в голову не приходит сомневаться в руководящей и направляющей роли пусть и давно ненавидимой КПСС. Весь пафос выступления АНа сводится к тому, что «МГ» и Роскомиздат — плохие, а наш ленинский ЦК и, наверно, Госкомиздат — хорошие. По-другому нельзя было говорить. И не надо обращать внимания на «совковую» лексику, надо прочесть финальный абзац этого доклада. Там последняя фраза важна и даже последнее слово:

> «Если мы хотим, чтобы фантастика занимала в советской литературе и мировой культуре место, принадлежащее ей по праву, место действенного пропагандиста самых передовых идей, была бы на деле могучим средством воспитания молодого поколения и действительно острым оружием в идейной схватке двух миров, если мы хотим, чтобы наша фантастика развивалась и совершенствовалась качественно, мы должны обеспечить ровный, систематический поток её публикаций. Другого пути просто не существует. У нас есть массовый читатель, умный и благодарный, ждущий этого потока с нетерпением. Но высятся ещё на пути этого потока завалы равнодушия, безответственности, дурных предрассудков, незрелых и злобных мнений. Именно они, эти завалы, лишают нас того, что так остро, до душевной боли нам сейчас необходимо — лишают нас **издателя».**

АБС и раньше были против монополии на издание фантастики и всюду, где могли, говорили об этом. Теперь же они окончательно понимают, что необходимо создать независимое, частное, свободное от цензуры издательство. А ещё — это чуть раньше тоже прозвучало открытым текстом — нужен свой толстый журнал. Вот так: всё, о чём раньше и подумать было страшно (крамола!), теперь представляется почти реальным.

В августе и сентябре была «Хромая судьба» в «Неве». Примерно тогда же в Москву приезжает из Риги Владимир Михайлов и предлагает опубликовать в своём журнале «Даугава» «Гадких лебедей». Вот это да! Правда, Владимир Дмитриевич предлагает на всякий случай дать повесть под замаскированным названием «Время дождя». Чтобы не дразнить гусей (дразнить гусей лебедями — хм, это сильно!), АБС, конечно, соглашаются. Повесть начнет печататься прямо с первого номера и заканчивается в июльском. А настоящей первой ласточкой перестройки становится публикация отрывка из «Лебедей» под названием «Прекрасный утёнок» в «Изобретателе и рационализаторе» № 9 за 1986-й с предисловием Всеволода Юревича.

Процесс пошёл, как любил говаривать тогда Михаил Сергеевич Горбачёв.

Но, конечно, главным событием года 1986-го стал Чернобыль, 26 апреля. Другие катастрофы — даже затонувший 31 августа в Цемесской бухте пассажирский лайнер «Адмирал Нахимов» (больше четырехсот жертв), — рядом с этой поблекли.

8 мая БН приехал в Москву, и в основном о Чернобыле они и говорили. Были и другие темы, но все скучные, организационно-финансовые. Ну и ещё в очередной раз обсуждался «Роман в письмах» (про борьбу с «МГ»). Перестройка всё-таки, вроде теперь можно… Увлеклись настолько, что АН даже не пошёл на съезд кинематографистов, хотя уже давно являлся членом СК. А съезд-то был примечательный, пятый по счёту, вошедший в историю под печальным названием «Съезд побеждённых». Это тогда вместо смещенного Льва Кулиджанова (хорошего, кстати, режиссёра) председателем был избран Элем Климов (тоже хороший режиссёр), сменилось в одночасье всё руководство Союза, сменилась идеология, сменились подходы… Не все последствия этого слишком стремительного переворота были положительными, но тогда случившееся было неизбежным и радостным. Кинематографисты бежали немножко впереди паровоза — другие творческие союзы, да и сама команда Горбачёва ещё не успели так лихо перестроиться. Но почему бы и не начать с кино? Зря, что ли, называлось оно важнейшим из искусств? А к тому же у киношников процесс долгий, и чтобы, скажем, «Асса» Соловьёва или «Холодное лето пятьдесят третьего» Прошкина вышли в 1987-м вместе с «Покаянием» Абуладзе, снимать их надо было уже теперь.

Фантасты пока отставали. Писатели в целом — ещё сильнее. И вообще за реальной действительностью не успевал никто. Жизнь во всём её многообразии — и позитивные сдвиги и

страшные беды — как обычно, опережала самые смелые фантазии.

К чернобыльской катастрофе у Стругацких будет особое отношение. Ведь многие станут говорить, что в «Пикнике» они якобы предсказали, предвидели Чернобыль. Это, конечно, неправда. «Пикник» и по сюжету, и по теме, и по сути — повесть совсем о другом. Скорее уж предсказанием Чернобыля является их ранний рассказ «Забытый эксперимент» — там действительно люди сами себе устроили жуткую Зону на Земле. Но дело в другом: среди чернобыльских ликвидаторов «Пикник на обочине» — хотели этого авторы или нет, — становится культовой книгой, и эти специалисты начинают друг друга именовать сталкерами. Вот чем АБС могли и могут по праву гордиться. Они ничего не предсказывали, они просто как всякие большие писатели точно изобразили переживания и поступки человека, поставленного в чрезвычайные обстоятельства. И ещё — особым чутьем художника они элементарно угадали некоторые мелочи, иногда чисто внешние, что, как известно, поражает особенно сильно. И эта невидимая угроза, притаившаяся где-то за вполне обычными с вида предметами, и дети-мутанты, и болезненная привязанность к Зоне, и наш отечественный бардак в системе оцепления с традиционными дырками в заборе, и санобработка, и спецтехника, и даже загадочное мочало на антеннах в Чумном квартале, описанное в первой главе «Пикника»… Ликвидаторы рассказывали, что они своими глазами видели в Припяти точно такое же «мочало» на электропроводах и на телевизионных антеннах — да-да, на антеннах тоже! Лезть наверх и трогать его руками никому и в голову не пришло, а как в итоге объяснила это явление современная наука, мне, по всяком случае, неизвестно. Я только знаю, что химические и физические процессы, идущие под саркофагом в недрах разрушенного четвёртого блока станции, современная наука по сей день внятно описать не способна.

Так вот, среди друзей АНа, причём друзей весьма близких как раз в последние годы, был один чернобыльский ликвидатор, при том не просто офицер химвойск, призванный туда на месяц-другой военкоматом (таких полно было среди моих знакомых в силу нашего общего химического образования), а серьёзный специалист, окончивший мехмат МГУ, потом работавший в разных местах и ставший ветераном подразделения особого риска — как участник испытаний ядерного оружия на Новой Земле. Зовут его Юрий Зиновьевич Соминский. К АНу еще году в 1978-м его привел Шура Мирер. А Юрий (примерно так же, как его тезка Манин) — не только математик и специалист по всяким радиационным ужасам — он ещё и большой любитель, а потому

знаток литературы, живописи, вообще искусства. Среди его друзей, например, художник Михаил Шемякин и сестра Андрея Тарковского Марина. Так что он хорошо знал и Владимира Семёновича, и Андрея Арсеньевича. В общем, мир, как всегда, оказался тесен. И, несмотря на большую разницу в возрасте (восемнадцать лет) АН и Соминский, которого тот звал как-то на еврейский манер — Сомскин, — быстро нашли общий язык и часто встречались. Даже когда Юра жил ещё на Коровинском шоссе, а уж когда переехал почти в соседний дом на улице Двадцати шести Бакинских комиссаров, он просто вошёл в число самых близких друзей. В 1991-м Юрий Зиновьевич стал одним из шести человек, участвовавших в церемонии развеивания праха Аркадия Натановича.

Показателем их отношений, причём в динамике, являются два таких факта: с 79-го и, наверно, до 1981-го Соминский выпрашивал у АНа «Град обреченный», а тот держался как Зоя Космодемьянская, мол, книги такой нет вообще; а первый вариант «Хромой судьбы» был выдан Мирeру с обещанием не давать никому, даже Соминскому. Почувствуйте разницу.

Литературные вкусы у них различались, АН, например, страшно любил Пикуля и всегда обижался, если кто-то поносил его. Но в то же время, когда Юра принес ему Льва Гумилёва — «Поиски вымышленного царства», АН был в восторге: «Я так много узнал нового, а ведь вроде востоковед!»

Ну а Чернобыль — это была одна из любимых тем в их разговорах. АН мог задать какой-нибудь один вопрос и получал в ответ длинный рассказ с уникальными подробностями.

Например, спросил однажды:

— А у вас там многие сходили с ума?

— Никто не сходил, — честно ответил Юра. — С чего бы вдруг? Солнышко светит. Листики шелестят. Птички, правда, не поют. Это одна из чернобыльских странностей. Птицы оттуда улетели все. Вообще, когда попадаешь в Зону, сразу чувствуешь какую-то необычность, но не сразу понимаешь, в чем она. Город как город, деревня как деревня. Только потом, постепенно начинаешь замечать: отсутствие птиц, отсутствие детей, женщин маловато, военных многовато, и все (почти все) с марлевыми повязками или в респираторах. Это, кстати, самое главное. Пострадали в основном молодые дураки, пацаны, им невозможно было объяснить, что такое инструкция, а мы, получившие хорошую школу, ни на грамм, ни на йоту лишней опасности на себя не брали. Мы намордники надевали всегда сразу и не снимали до упора, и меняли регулярно, два раза в день минимум, потому что пыль — это самое страшное. То, что съешь, — выйдет,

а в лёгкие — это навсегда.

Забавный был у нас паренек. Он очень любил клубнику и собирал сё там по заброшенным огородам. А клубника в то лето созрела размером с хорошее яблоко. Так вот, паренёк грамотный был, он с этой клубники кожицу аккуратно срезал — вся дрянь концентрируется именно во внешнем слое любого фрукта или ягоды. Потом сваливал её в тазик, заливал теплой водой, кажется, даже с добавлением альгината натрия — дезактиватора, выдерживал сколько-то часов, сливал, и так раза три. В общем, получался в итоге целый таз этой бледно-розовой отвратительной на вид массы, а он брал столовую ложку и, с наслаждением чавкая, ел. Обычно все говорили: «Иди отсюда, смотреть противно». Ну и водку, конечно, пили, потому что… как там у Галича: «Истопник сказал, что „Столичная“ очень помогает от стронция». Истопник прав: помогает. Перистальтику усиливает, все выделительные процессы ускоряет, и стронций-90 быстрее выводится из организма. Но то, что выдавали всем по сто граммов ежедневно, — это фуфло. Сами доставали всеми правдами и неправдами водку или спирт. А вообще-то был сухой закон: армейский режим плюс горбачёвская борьба с алкоголизмом. Вот такая жизнь. Но с ума никто не сходил.

Так что своего сумасшедшего в «Дьяволе среди людей», который песню поёт на крыше, АН придумал сам, но всё остальное там очень точно записано по рассказам именно Соминского. Юра, кстати, бывал и в Припяти, но там долго задерживаться было нельзя, слишком высокий уровень заражения, и жили все ликвидаторы летом 1986-го в Чернобыле.

Спрашивал АН и о здоровье Соминского, мол, не повлияла ли как-то такая работа. Юра в ответ улыбался: «Вскрытие покажет».

Прошло больше двадцати лет, и пока — тьфу-тьфу! — всё нормально. Дай ему Бог долгих лет, Юрию Зиновьевичу.

И раз уж мы рассказываем о 1986-м, грех не процитировать одной надписи на книге, сделанной АНом Соминскому, правда, ещё до Чернобыля. Подарен был замечательный том — «Стажёры», переиздание 1985 года в «рамочке» («Библиотека приключений» «Детлита»), туда вошли ещё «Путь на Амальтею», «Малыш» и «Парень». А надпись такая:

> «Дорогому Юре Соминскому с наилучшими пожеланиями в Новом 86-м г.
>
> …Ёлки-палки, мы-то считали, что в этом примерно году Быков полетит по Солнечной системе, ан нет!..
>
> Тебя же попрошу и впредь не оставлять меня своей

дружбой и расположением».

Из первой же поездки в Чернобыль Юра привез АНу сувенир — флакон шампуня-дезактиватора, на котором было написано: «Средство для дезактивации рук. Аркадию Натановичу Стругацкому від сталкирів, такого-то серпня 1986 року». Не поленились даже сходить в райисполком, где выдавали командировочные, и там поставили печать. АН был ужасно польщен и сразу поставил флакон на книжную полку, присовокупив его к прочим своим наградам.

Уже в январе 1987-го стало ясно: теперь напечатают всё, что было ими написано, и всё, что они ещё успеют написать. Пока перестройка не кончилась. Работать хотелось отчаянно, но и отвлекающих моментов становилось всё больше.

16 января съехались в Репино работать над «ГО», быстро пришли к выводу, что надо не перепечатывать, а просто редактировать. Нечего за издателей их работу выполнять — время АБС теперь особенно дорого.

Давно ли шутил АН о книгах, написанных в стол: «Мой стол — моя крепость. А крепость — сорок градусов. Без стоимости посуды». И вот свершилось: издатели сами звонят и просят хоть что-нибудь, и можно ВЫБИРАТЬ, кому отдать рукопись!

«Град обреченный» был напечатан в «Неве» в сентябре — октябре 1988-го (отрывки публиковались в таллиннской «Радуге», в газете «Ленинградский рабочий» и в журнале «Знание — сила» ещё в 1987-м), а потом, в 1989-м, роман вышел отдельной книгой в ленинградском отделении «Худлита» и во втором томе «Избранного» в «Московском рабочем» не без участия зав. редакцией Софьи Александровны Митрохиной — четверть века назад совсем юной девочкой работала Соня у Жемайтиса, там и познакомилась с АБС. Допечатан был и ещё один тираж — в СП «Вся Москва» — совместном предприятии, созданном при издательстве, и всё равно книжки до магазинов не доходили. Популярность была всё такая же бешеная. А кстати, следует объяснить, что двухтомник — это была ещё одна важная ступенька в советской писательской иерархии на пути официального признания. По инерции это по-прежнему казалось важным, на самом деле — не имело уже никакого значения. Тем более для Стругацких.

Я познакомился с «Градом», как и большинство советских людей, именно тогда. И, каюсь, недооценил его, был откровенно разочарован. Нет, конечно, это были настоящие Стругацкие, но… так восхищавший раньше эзопов язык, и это показавшееся

неоправданно робким желание рассказать правду о нашей истории, и эта их традиционная недоговоренность — ничто не радовало теперь, на фоне только что прочитанных Оруэлла, Замятина, Солженицына, Анатолия Рыбакова, Венечки Ерофеева и прочих, и прочих… Я перечитал «Град» недавно. Сильный роман. Прекрасный роман. Добротный роман зрелых АБС. Я многое в нём увидел и прочувствовал по-новому. Но горький след первого разочарования уже ничем, к сожалению, не вытравить. И боюсь, эта книга никогда не попадет в разряд моих самых любимых. Поэтому я завидую всем, кто впервые читает роман сегодня, ни с чем не сравнивая его. И ещё больше завидую тем, другим, кто имел счастье прочесть его в 70-е годы. Ибо каждая книга должна читаться тогда, когда её написали. Это — истина, справедливая почти для всех. АБС и сами признавали её.

Уже в феврале 1987-го в Комарове они вплотную приступают к работе над «ОЗ». Пишут не в том порядке, как это увидит читатель, а по частям — сначала именно «рукопись ОЗ», и главы исторические, а уж потом — как отдельную повесть о нашем недалёком будущем, — «Сорок лет спустя».

Очень любопытно читать в рабочем дневнике отдельные выписанные туда фразы, очевидно, самые важные для авторов — своего рода центры кристаллизации всего текста. Я с удивлением отмечал, что почти двадцать лет назад выделил для себя как читатель и запомнил на всю жизнь те же самые мысли:

> «Иуда все эти 2 тыс. лет занимался самооправданием. „Если бы не я, вообще бы не было христианства. И вообще, Иисус сам попросил, чтобы я его предал“» *(февраль)*
>
> «— А как же проповедь?
>
> — Во-первых, почти не было народу. А во-вторых, ему было очень больно!» *(апрель)*

Они встречаются каждый месяц. Март — Репино. «Сорок лет спустя». Апрель — опять Репино. Продолжают, но прерываются на сценарий «Жука в муравейнике» и прочую мишуру: статьи, рецензии, письма — ну, никак без этого!

Май — Репино, «ОЗ».

И 23 мая 1987 года подводятся итоги сезона — ну, прямо как в театре — не на конец года, а перед летом:

Итоги сезона. Встречались 8 раз (80 дней)

Сделано

1). Туча-с	58 стр.
2). Отредактировали ГО	
3). ОЗ	41 стр.
4). 40ЛС	36 стр.
5). План ЖВМ-с	
6). Статья для ВМК	5 стр .

Результат для этих лет совсем неплохой. Они работают на подъёме, они торопятся написать этот роман для сегодняшнего читателя. Во-первых, всё слишком быстро меняется. Во-вторых, кто его знает…

Хочу ли я сказать, что «Отягощённые злом» в итоге получатся торопливо написанной книгой? Нет, конечно. В смысле работы над языком, в смысле продуманности сюжета и выстроенности композиции — это, безусловно, одна из вершин творчества АБС. Но на уровне философии, на уровне идеологии, на уровне общей концепции вещь получилась слишком сложной, переусложнённой, что называется, не для средних умов и, на мой взгляд, даже внутренне противоречивой. Чего никогда раньше не было в книгах АБС. У каждой их повести, начиная с «Попытки к бегству», а в каком-то смысле даже со «Стажёров», был подтекст, были второй и третий слой, была возможность индивидуального восприятия и различного истолкования в зависимости от возраста, взглядов, уровня эрудиции и уровня интеллекта. Но первое прочтение было простым и увлекательным для каждого. Этим они и были сильны — умением говорить просто о сложном. В «ОЗ» они заговорили о сложном сложно. И думается мне, не потому, что разлюбили вдруг своего читателя, зазнались, забронзовели и пустились во все тяжкие. Нет. Думается мне, всё было проще и в то же время печальнее. АБС сами не успели разобраться в происходящем, в том числе и в собственном романе, ставшем естественным отражением этого бурного и неоднозначного времени. Роман получился — как бы это помягче? — несбалансированным: одни фрагменты совершенно блестящие, другие — рангом ниже, в одних спокойная уравновешенность, отстраненность, почти эпичность, в других — горячность, нервозность, публицистичность, несовместимая с

эпичностью… И всё по отдельности здорово, а в целом — ну, не срастается в голове. Поразительно, что и сегодня при перечитывании не срослось.

Конечно, это моё личное мнение, но ещё не хватает мне в «ОЗ» привычной иронии и самоиронии, не хватает взгляда на себя со стороны, не вижу я этого мира, не вижу. Ясно, что через сорок лет (а теперь уже через двадцать) мы шагнём совсем не в сторону Полдня, ясно, что опять многое угадано, в частности, этот трагически точный намёк на новую однопартийную систему, но ведь это скорее случайное совпадение, чем политический прогноз, да и вообще не совпадение, а промах на два десятилетия… В «Хищных вещах века» уже был альтернативный Полдню мир, и он куда более осязаемый и куда сильнее напоминает сегодняшнюю Россию. Мир «Сорока лет спустя» остался для меня абстракцией, если не сказать декорацией, выстроенной для одного единственного актёра — учителя Носова. Но может быть, так и было задумано? Учитель — всё-таки главный в романе. Или нет?..

Вернёмся к истории написания «ОЗ». Следующие этапы (после весны) были такие: в конце октября в Репине закончен черновик второй части — как раз «Сорок лет спустя», в конце ноября там же — черновик всей вещи целиком. В декабре они встретились, чтобы писать чистовик. Хорошо потрудились, но прервались 26-го. Устали. Скоро Новый год. А не доделали-то, как выяснилось, совсем чуть-чуть: встретившись 15 января всё в том же Репине, уже 18-го поставили последнюю точку в рукописи романа. И с чистой совестью взялись за сценарий «Жука», за рецензию на Славу Рыбакова (теперь и не вспомнить, на что конкретно) и за прочие не самые главные, но тоже обязательные дела. А настроение скверное: во-первых, заболела Елена Ильинична, а во-вторых, с Калямом совсем беда: ясно уже, что любимый зверь долго не протянет. Что поделать — кошачий век короче человеческого! Об этом прекрасно знают все любители домашних животных, но как-то забывают до срока.

И ощущение возникает, будто закончилась целая эпоха. Время было такое — каждый год, как эпоха. 1987-й, например, отмечен многими судьбоносными событиями. Это не слишком благозвучное словечко, с подачи Горбачёва, вдруг становится модным.

Законодательно разрешено частное предпринимательство. Начинается эра кооперативов.

Иосиф Бродский получает Нобелевскую премию, его стихи возвращаются на родину.

Но, безусловно, аттестатом зрелости, выданным нашей

перестройке, стали фильм «Покаяние» и параллельно в литературе — «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова в «Дружбе народов». Читали все, передавая из рук в руки, а через год или два переведённый на английский роман вошёл, если не ошибаюсь, в двадцатку бестселлеров США — неслыханный результат. И, наконец, в своём докладе к 60-летию Великого Октября Михаил Сергеевич подвёл черту, выдав столь суровую оценку сталинизму, на какую не решался даже Хрущёв четверть века назад. Пожалуй, именно в этот момент перестройка и сделалась необратимой.

И у Стругацких год получился насыщенным. Из публикаций отметим ещё «Сказку о Тройке», напечатанную впервые в изначальном полном авторском варианте — в журнале «Смена» сумасшедшим тиражом в 1 миллион 300 тысяч экземпляров.

И очень много было всяких собраний, заседаний и совещаний. Про интервью и встречи с читателями уж и не говорим.

В начале марта в ЦДЛ состоялся очередной пленум Совета по фантастике на тему «Роль приключенческой и научно-фантастической литературы в борьбе против реакционной пропаганды». Сильная тема. Заседание открывает не Алим там какой-нибудь Пшемахович Кешоков, а сам великий и могучий утёс с рукой в ЦК и ногой в КГБ Юрий Николаевич Верченко. Зато в прениях разрешают выступить уже не только АНу, но и молодым — Владимиру Гопману и Виталию Бабенко. Гопман в силу темперамента выскочит первым, за что получит после нагоняй от опытного политика Еремея Парнова. Но всё равно здорово: они все не преминут воспользоваться случаем, чтобы лягнуть по делу и закосневшую «Молодую гвардию», и роскомиздатовское карательное рецензирование. Борьба на этом фронте становится всё более острой и непримиримой — в полном соответствии с накалом страстей по стране в целом.

14 мая происходит весьма примечательное событие. Академия наук СССР приглашает АНа в один из главных залов страны — Колонный зал Дома союзов на проспекте Маркса (ныне Охотный ряд), — для торжественного вручения почетного свидетельства о присвоении имени Strugatskia (в честь братьев Стругацких) малой планете № 3054 в главном поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, открытой 11 сентября 1977 года. Почётно, радостно. Приятно осознавать, что ценят, что не забыли, и можно ностальгически вспомнить о далёких теперь уже временах увлечения астрономией и космической фантастикой. АН бодр, улыбается камерам, шутит, прекрасно выглядит на сцене в своём простеньком вельветовом костюме и белой

рубашке, но, конечно, без галстука.

В этот же вечер он уедет к брату в Питер, значит, энергии ещё много, и они славно (или, как любил говорить АН, смачно) поработают над «ОЗ».

А вот когда закроют сезон, подведут итоги и сделают перерыв на лето, он словно сдуется вдруг и, вернувшись в Москву, будет чувствовать себя отвратительно. К сожалению, это уже обычное состояние после завершения очередного этапа работы. А тут опять всякие мероприятия, и не пойти на них ну никак нельзя.

29 мая в ЦДЛ чествовали Георгия Иосифовича Гуревича. Семьдесят ему исполнилось 11 апреля, но в Союзе писателей только теперь очередь дошла до юбиляра. На торжественную часть все собрались в помещении парткома — в красивой просторной гостиной с высоченными потолками, там, бывало и семинары проходили, если другие залы случались заняты. Народу набилось много, потому что по новым демократическим правилам и молодёжь пускают. Вот это и был тот единственный случай, когда ваш покорный слуга лично «виделся» с Аркадием Стругацким. Помню его угрюмое лицо — за вечер всего-то два или три раза улыбнулся (одна улыбка точно была адресована Гопману, Володя хорошо помнит, как выступал среди первых, и сразу внёс оживление в публику); помню, *как тяжело сидел* АН, словно всей позой своей вопрошая: «Можно я лягу?»; помню, рядом с ним невероятно длинного сухощавого Мирера, бдительно охранявшего покой классика. Они карикатурно напоминали Дона Кихота и Санчо Пансу, поменявшихся ролями. А вставший во весь рост АН оказался не сильно ниже своего «оруженосца». Там, на публике, он так и не сказал ни слова. Полагаю, то есть даже знаю, что Гуревич нисколько не обиделся — он уже слишком много лет знал Аркашку, да и потом они все пошли ещё в ресторан. Возможно, там классик взбодрился — не знаю, меня там не было. Зато знаю, что через два дня ему пришлось выступать перед огромным залом в гостинице «Космос», где проходил VII Международный конгресс «Врачи мира против ядерной войны» и в рамках конгресса впервые — специальный коллоквиум «Научная фантастика и ядерная реальность». Ведущим назначили уже небезызвестного нам Михаила Ковальчука, вот он и уболтал АНа. Классик наш был категорически не в форме и рядом с весьма говорливыми фантастами чехом Йозефом Несвадбой, шведом Пером Кристансом Йершилдом, американцем Полом Брайансом выглядел совсем бледно. Сказал Стругацкий буквально следующее: «Тут, видите, какое дело — рассуждать о ядерной войне в сущности бессмысленно. А к угрозе ее следует относиться философски. Если ядерная война случится, мы все

погибнем, и будет уже некому о ней рассуждать. А если не случится, тогда тем более — о чём говорить, товарищи?» Тишина в зале. «Собственно, у меня всё». И тогда — аплодисменты, вначале робкие, но всё нарастающие и под его уход за кулисы уже достаточно бурные. От него ждали чуда. Это же сам Стругацкий! У них и книги такие: сразу всего не поймёшь. Перечитывать надо. И потому, я думаю, не случайно в ближайшем номере знаменитого американского журнала, посвящённого фантастике, «Локус» появился такой абзац в новостях:

> «Самым ярким событием дискуссии оказалось выступление Аркадия Стругацкого. Оно было коротким, афористичным, парадоксальным, в лучшем смысле этого слова провокационным и глубоко философским. Аркадий Стругацкий произвёл неизгладимое впечатление на публику».

Если им не важно, что ты говоришь — это уже настоящая слава.

Между прочим, в день открытия того конгресса (не совсем случайное совпадение) по советскому телевидению показали американский фильм «День после» (The Day After) — о той самой ядерной войне. Вся страна прилипла к экранам. Сохранилась запись в моём дневнике: «Фильм интересен, безусловно, и ярок, особенно в первой части, но в целом разочаровал. „Письма мёртвого человека“ намного сильнее сделаны». Я и сегодня так считаю. А к ядерной войне отношусь строго по Стругацкому: чего о ней рассуждать?

Не менее шокирующим было и другое выступление АНа — на этот раз в эфире, на всю страну — 3 октября 1987 года его пригласили на телемост СССР — США «Вместе к Марсу». И не поддержав мальчишеского задора солидного американского астрофизика Карла Сагана, АН прямо заявил, что нечего нам делать на Марсе, пока земные проблемы не решены.

Много потом нашлось дураков, укорявших советского фантаста в отсутствии фантазии и романтики, чуть ли не опозорившего нашу космическую державу. Но, видно, эти люди и не читали никогда книг АБС, ведь братья с 1962 года только об этом и пишут: «Главное — на Земле».

Любопытно, что в тот же день утром была ещё передача о совещании писателей-фантастов. Цитирую по дневнику, и, о чём конкретно речь, восстановить ныне непросто. Но замечателен сам факт такой высокой концентрации фантастов на телевидении.

Горбачёвская перестройка была временем не менее удивительным и приятным, чем хрущёвская оттепель.

Было ещё одно событие в том году. Печальное. 28 июля скоропостижно умер Дмитрий Биленкин — было ему всего-то пятьдесят четыре года. На похороны АН, понятно, не приехал, смерть друга и без того произвела на него тяжелейшее впечатление. Татьяна Юрьевна (вдова Биленкина) вспоминает, как Елена Ильинична ей сказала: «Не надо звонить. Не надо ни о чём разговаривать, Алечка очень нервничает, когда всплывает это воспоминание». Не известно, была ли это правда, но разговор был, и общаться они действительно перестали.

И, наконец, пришло время рассказать о самом невероятном событии в жизни АБС. Летом 1987-го пришло им на адрес СП СССР приглашение в Брайтон (Великобритания), где проводился очередной, 45-й (задумайтесь на секундочку!) Всемирный конвент фантастов Worldcon-87. В самом приглашении ничего невероятного не было — их уже добрую четверть века присылали Стругацким по нескольку штук за год. И начальство писательское по старой привычке сунуло бумажку под сукно. Но времена-то переменились. Железный занавес, если ещё и не рухнул, то сильно проржавел, и через зияющие в нем дыры информация просачивалась уже неплохо. Трудно сказать, кто первый в окружении АНа услышал об этом приглашении, но Михаил Ковальчук переписывался в то время с Чарли Брауном — главным редактором «Локуса» и одним из организаторов Worldcon'a. Поняв, что происходит, Миша попросил Чарли выслать повторное приглашение и акцентировать внимание советской стороны на том, что Стругацкие приглашаются в качестве почётных гостей праздника, то есть их принимают на полный кошт. Браун так и сделал, и был создан прецедент. Как-то реагировать надо. Да и смешно уже было говорить о «невыездных» Стругацких в обстановке демократизации и гласности. Гласность у этой истории получилась и впрямь широкая.

Тогда АНу позвонили вполне официально из секретариата СП, и вот тут уже началась вторая серия — для Ковальчука и всех прочих друзей. АН сказал: «Не поеду никуда, ну их всех к чёрту, чего я в этой Англии не видел, говна-пирога! Когда хотелось, не пускали. А теперь я не хочу». Миша стоял насмерть и убеждал АНа, что это абсолютно необходимо нашей советской фантастике. Мариан Ткачёв грозил всеми карами небесными за отказ от такого шанса и уверял слёзно: «Натаныч, дуралей, ты себе сам потом не простишь!» Решающим аргументом стала мысль: «Борька, наверно, хочет поехать. Как же он без меня?..»

И они поехали. Об этом не пожалел никто.

Юрий Иосифович Черняков, отвозивший их на своей машине в Шереметьсво-2, вспоминает, как братья стояли в зале отлёта с сумками через плечо, оба в одинаковых серо-голубых серебристых костюмах — два красивых, сильных мужика, победивших время, и отсветы закатного солнца ложились на чёрный мрамор пола и стен…

Для рассказа об этой поездке мы располагаем путевым блокнотиком БНа и «отчётом» АНа, сделанным для журнала «Уральский следопыт». АН тоже черкал что-то в своём блокноте, но эти записи, к сожалению, пока не найдены.

Итак, БН:

> «24 августа — Шереметьево-2. Обычный бардак. Очередь к таможеннику, очередь к пограничнику, очередь за кофе, длинная очередь на посадку (транзит, пластик кардс, на Лондон — одни японцы!). Но — великолепный сортир!!! *(Шервметьево-2 в 1987-м — это уже кусочек Европы. И как же мало нужно, чтобы* порадовать *советского человека! Это не смешно, это грустно. — А.С.).*
>
> В самолёте полно японцев и англичан. Русских за ними не видно вовсе. Взлетели в 19.02. По расписанию полёт длится 3.30, расстояние 2700 км. Курить можно. Две девушки с тележкой. Арк оживился чрезвычайно: „Коньяк! Пиво!“ Оказалось — фигу. Только за валюту. Икра, крабы, шоколад, „Кент“. Вокруг иностранцы пьют пиво из банок. *(Банки — это была тогда экзотика для нас. — А.С.)* Унизительно всё-таки. Но ведь у Парнова есть 50 фунтов. Так ведь жалко! Скупость заедает.
>
> Ужин: рис, горошек, ложка чёрной икры, пол-яйца. Соль, перец, сахар — в очаровательных пакетиках, кура (из-за которой линии Аэрофлота называют blue chickens lines), вино, чай (или кофе). Спецсалфетки. Билет (туда обратно) 1114 р.».

Ирония в адрес «Аэрофлота» — «авиалинии синих кур», — несколько меняет тон записи, но вообще я специально цитирую всё это полностью. Во-первых, просто поразительна свежесть восприятия всего 54-летним писателем, впервые летящим в капстрану. Во-вторых, здесь и далее большая часть записей посвящена еде. И это не только потому, что БН всю жизнь весьма неравнодушен именно к этой простой человеческой радости, но

ещё и потому, что мы всегда жили в полуголодной стране: блокада, карточки, талоны, очереди, продуктовые наборы, пустые полки магазинов и вечная нехватка денег. Практически каждый советский человек именно так воспринимал заграницу: первое — всюду невероятно чисто, второе — очень много разной еды. Потом — всё остальное, в зависимости от.

Уже там, в Лондоне, БН восхитится ярко освещённым вокзалом в час ночи, мягкими креслами в электричке, замечательным душем в отеле и тем, что чай, который на завтрак разносят в чайниках в ресторане, очень хороший.

> «25 августа — <…> Идём пить пиво. Толпа любителей фантастики, поют песни, горланят, почти все молодые и веселые. Я почти ничего не понимаю. Арк треплется очень бодро. Кружка пива — 1.10 фунта. *(Цены он все записывает, потому что обещал рассказать друзьям. — А.С.)* Дают блюдо с бутербродами, сыр, ветчина. Странные булки, очень белые, сыроватые. Не столько вкусно, сколько ново и странно.
>
> Телевизор. 4 канала или кино по внутриотельной связи (3 ф. за ночь) <…> Получили по чеку деньги — около 30 ф на рыло. Хотели погулять. Дождь. По ТВ 4 канала. Новости идут в виде газеты. Teletext».

С погодой им очень сильно не повезло. Проклятый дождь шёл несколько дней подряд. Зато во время ленча делается открытие: можно сколько угодно выпивать и закусывать за счёт заведения.

> «Сэм Люндваль кормил нас обедом в итальянском ресторане.(Гарри Гаррисон с супругой, Брайан Олдисс и мы). Обед 120 фунтов. Фрю-де-мер *(салат из сырых морепродуктов. — А.С.)*. Вкус странный. Stake — вкусно, но ничего особенного. Попытались нас поселить в номере получше — мы отказались (неохота тащить одежду)».

АН:

> «На Конвент приглашаются несколько почетных гостей, которые пребывают там на полном иждивении Конвента. На нынешний, 45-й Конвент такими гостями

были приглашены: Дорис Лессинг — почти неизвестная у нас, но чрезвычайно популярная в Англии писательница; Альфред Бестер — писатель-фантаст, довольно хорошо известный нашим любителям (он в Брайтоне не присутствовал по болезни); Аркадий и Борис Стругацкие — очевидно, известные не только читателям „Уральского следопыта“, от кино — режиссёр Рэй Харрихаузен и артист Джим Бернс; от фэнов — супруги Джойс и Кен Слейтеры, Дэйв Лэнгфорд. Представительствовал от всех почетных гостей известный писатель Брайан Олдисс.

Очень смешно (как нам показалось), что „прозвищем“ 45-го Конвента было объявлено выражение: „Конспирэси-87“. Понятно, почему 87, но почему „Конспирэси“, что по-русски означает „заговор“? Оказывается, шутка. Взят первый слог от слова „Конвент“, и образовано от него „ударное“ слово. Я задал вопрос нашему хозяину, руководителю известного издательства „Голланц“ Малкольму Эдвардсу:

— А не привлечёт ли такое вызывающее название внимание Интеллидженс сервис?

Малкольм небрежно махнул рукой и ответил:

— А! Они уже привыкли. И без нас хлопот полон рот».

БН:

«26 августа — Проливной дождь. <…> Подсчитал точно: 30 видов закусок, 10 горячих блюд, 8 разных десертов, около 30 видов сладостей и булочек, сэндвичей 15 видов. *(Сегодня-то мы понимаем, что это ассортимент скромного трёх-, ну, четырёхзвёздочного отеля. — А.С.)* <…> Книжный магазин неописуем. <…> Предложили ещё более шикарный номер. Отказались, но фрукты упёрли». *(А вот это по-нашему! — А.С.)*

АН:

«Для нас с Борисом Натановичем „гвоздём“ всего Конвента была гигантская выставка-распродажа НФ литературы. Представьте себе несколько залов, каждый из которых не уступает по величине большому залу свердловского ДК автомобилистов (хорошо знакомому участникам ежегодного праздника — вручения приза

„Аэлита“), в которых расположились бесчисленные прилавки и полки, битком забитые сотнями тысяч, а может, и миллионами книг (все на английском языке). И не только книг. Здесь журналы, сборники комиксов, настольные игры с НФ тематикой…

Насколько можно было судить, всё это издательское богатство — и новенькое с иголочки, и букинистическое — представляло едва ли не всю историю изданий англоязычной фантастики (точнее, фантастики на английском языке) от первых, ещё конца прошлого века изданий Уэллса и до завтрашнего дня. Я не оговариваюсь — на распродаже были представлены книги и журналы, ещё не поступившие в розничную продажу в США и Англии».

БН:

«27 августа — <…> На скамье спит пьяный. Рядом НЕ ПУСТЫЕ бутылки.

Церемония открытия: дымы, музыка, лазерные лучи. Всё в гигантском зале, 3500 чел. <…> Все ходят поддатые. Непрерывные джин-тоники».

Для справки: общее число участников конвента — около пяти тысяч человек.

АН:

«По сути дела весь Конвент представлял собой непривычно (для нас) огромное, шумное и несколько безалаберное шоу. Все друг с другом встречались, все друг с другом разговаривали (язык Конвента был английским), и что самое поразительное — все чувствовали себя как дома. Ещё более поразительно — все, как нам показалось, понимали друг друга с полуслова. Кроме англичан и американцев, съехались в Брайтоне фэны из Японии, ФРГ, Польши, Чехословакии, Югославии. Был даже тамилец с Цейлона, арабы, негры, мулаты, метисы. Тамилец с тревогой меня спросил, не собирается ли Советский Союз угнетать другие народы. Я сказал, что нет, а к тамильцам мы особенно доброжелательны. Он вскочил и бросился меня лобзать… Поражала и бодряще действовала простота в

обращении, простота в одежде, удивительная неприхотливость в бытовых условиях. И ещё жадный, неподдельный интерес к происходящему, а также неутомимое, чистосердечное стремление не только принять участие в как можно большем числе мероприятий, но и оказывать посильную помощь устроителям Конвента».

И начинаются бесконечные интервью (газеты, радио, ТВ — местные, а так же: Италия, Польша, Финляндия, Швеция, Швейцария, Югославия…); выступления перед фэнами и вечеринки (party), на которые их не то что охотно, а просто наперебой приглашают издатели, писатели, журналисты и даже официальные лица. Так что карманные деньги были не очень-то и нужны. Печалило другое: в их возрасте и в их положении как-то некрасиво чувствовать себя всё время халявщиками, но тут уж ничего не поделаешь — даже на один званый ужин родная страна им денег не выделила.

Что ещё можно отметить отдельно? В качестве переводчика сопровождал АБС, как правило, Виктор Букато из Польши.

29 августа БН прошёлся с экскурсией по магазинам, в шутку назвав это шопингом. С удивлением обнаружил советские бинокли с восьмикратным увеличением по 26 фунтов. Не купил ничего. Те крохи, которые у них были, опытные люди, посоветовали истратить в аэропорту, в *Duty Free.*

29-го в течение часа они подписывали книги — около трехсот подписей сделали. А продано было всего-то полсотни штук «Обитаемого острова» на английском, изданного «Пингвин-букс». Выходит, большинство читателей со своими книгами приходили!

30-го вручали премию Хьюго, тоже красивая церемония с яркими и шумными фейерверками.

31-го — выступление в «Брайтон-центре» с обязательной для почетных гостей речью и ответами на вопросы.

АН:

«Должен сказать, что принимали нас очень радушно. Борис Натанович как человек скептический и осторожный склонен относить это радушие за счёт некоторой экзотичности для участников Конвента наших фигур. А мне кажется, что радушие это объясняется и неподдельным интересом к тому, что происходит в Советском Союзе вообще и в советской фантастике в частности. Соответственно были и вопросы, которыми

нас засыпали: о перестройке, об Афганистане, о видах на отношения СССР и США. Естественно, о перспективах совместных космических исследований. И всё же большая половина вопросов (Конвент-то — мировой научной фантастики!) касалась наших издательских дел в области НФ литературы, интереса к фантастике у советской читающей публики, положения наших любителей фантастики. Не скрою, мы были откровенны. И когда Борис Натанович рассказал о том, что потребность советских читателей фантастики удовлетворяется не более чем на 10 %, в зале пронесся рев мистического ужаса, после него наступила минутная тишина, немедленно напомнившая мне печальную минуту молчания…»

БН:

«1 сентября — Прощай, лето! Прощай, Брайтон! Сутки в отеле в Лондоне. Выступали в посольстве».

«2 сентября — Летим обратно. Оборваны все ремни на сумках».

Это они во «фри-шопе» отоварились. Правильно товарищи подсказали: на полсотни фунтов там можно было немало гостинцев набрать для всех домашних. А до этого АБС ещё книг понадарили кучу и журналов. Вот сумки и не выдержали.

АН:

«Конечно, Конвент — это не самый здоровый способ времяпрепровождения для пожилых людей. Очень всё это было утомительно. Спали по 5–6 часов в сутки, не больше. Выматывались до изнеможения. Но я всё же испытываю огромную благодарность организаторам Конвента за их любезное приглашение, за их несравненное гостеприимство, за то, что они дали нам возможность своими глазами увидеть, кто он такой — молодой любитель фантастики на Западе. Очень, очень хорошая фигура.

И ещё. На 45-м Конвенте нам с Борисом Натановичем вручили приз Всемирной организации научной фантастики с девизом: „За независимость мысли“».

Пожалуй, это была самая дорогая награда из всех, какие получали АБС. Независимость мысли — это именно то, чем они были щедро наделены от природы, и это главное, чему они учили своих читателей всю жизнь.

А закончить хочется вот какой записью БНа от 28 августа:

> «Концерт рок-фант-музыки. Потрясающая музыка, требует огромных теней и мощного света. Впервые захотел быть молодым, чтобы впитать это в себя полностью.
>
> Какие суки смели лишить нашу молодежь этих впечатлений?!!»

Давайте спросим: а какие суки лишили Стругацких вот этих впечатлений от всех предыдущих «Евроконов» и «Ворлдконов», от общения с фантастами и читателями других стран? В общем-то, мы знаем какие. Но поскольку многие из них ещё живы, во избежание судебных исков не станем называть никого поимённо.

Соответствующий номер журнала «Локус» был целиком посвящён завершившемуся в Брайтоне конвенту. Там было немало о Стругацких. Но вот что написал о них сам Чарли Браун:

> «Братья Стругацкие были великолепными почётными гостями, общались, выпивали и умудрялись изъясняться по-английски либо напрямую, либо с помощью польского фэна и автора Виктора Букато, выступавшего в роли их переводчика на протяжении всего конвента.
>
> В один из вечеров мы обедали со Стругацкими, и беседа приняла удивительный и восхитительный оборот. Они очень интересовались экономикой издательского дела — в особенности экономикой издания журналов и листков новостей *(newsletters* — сегодня это так и называют — ньюслеттеры. — *А.С.)*.
>
> Новая, ставшая более свободной советская политическая обстановка делает впервые за всё время возможным появление советского журнала фантастики. Стругацкие боролись за него в течение многих лет и считают, что он очень важен для развития советской научной фантастики.
>
> Они тщательно записывали (и пили много джина с

тоником), пока я читал им лекцию о производстве и ценовой политике! Позже мы вернулись ко мне в комнату, и я расспрашивал их, по большей части, о философии научной фантастики. Запись получилась не самой чистой — русский слышен куда лучше, чем перевод Виктора Букато — но я надеюсь сохранить достаточно для будущего интервью. Одно я понял наверняка: сколько не заготавливай Стругацким джина с тоником, его всё равно будет мало».

Согласитесь, ну просто навязчивый мотив — журнал фантастики, издательство, экономические проблемы… Всё не случайно. Ещё в 1986-м на пленуме в ЦДЛ АН свёл своё выступление именно к этой теме.

Так вот, в новом, 1988-м году именно создание нового издательства и стало по существу главным событием в жизни АБС, наряду с публикацией в «Юности» их нового романа «ОЗ» и публикацией в «Смене» полного варианта «Улитки на склоне».

Что же это за издательство такое? Рассказываем вкратце: не первый, но один из первых редакционно-производственный кооператив «Текст», зарегистрированный весной 1988-го, выпустивший свою первую книжку — «Глубокоуважаемый микроб» Кира Булычёва в самом конце того же года и выпустивший первую книгу АБС летом 1989-го. Ну и чтобы сразу объяснить, кто есть кто, добавим, что в 1990-м именно «Текст» начал работу над первым собранием сочинений АБС в десяти (а в итоге в четырнадцати) томах.

У истоков «Текста» стояли уже знакомые нам Виталий Бабенко, Владимир Гопман, другие члены семинара — Валерий Генкин, Александр Кацура, Владимир Покровский, Борис Руденко, а также сотрудники журнала «Химия и жизнь» Ольгерт Либкин, Михаил Гуревич, Владимир Любаров. Нельзя не упомянуть и ещё двоих — Давида Фельдмана и Андрея Гаврилова, — а вообще в первом списке учредителей значилось восемнадцать физических лиц. Но в дальнейшем состав участников менялся сильно и часто. Дело-то новое, непростое и многим оказалось не по зубам. Впрочем, об истории этого весьма неординарного издательства, надеюсь, ещё напишет когда-нибудь сам Виталий Бабенко — безусловный его отец-основатель и первое лицо в течение многих лет. Мы же в контексте данной книги подчеркнем лишь то, что в члены кооператива изначально были приняты как АН, так и БН — не для работы, конечно, а для придания весу, ну и ещё потому, что идея частного независимого

издательства рождалась и крепла у Виталия именно в ходе общения со Стругацкими.

В общем, мечта о своём издательстве у АБС сбылась. А вот с журналом всё получилось гораздо сложнее и печальней.

«Текст» сумел только в 1991 году наладить выпуск и то не журнала, а не очень-то периодического альманаха, к первому номеру которого АН написал выдающееся предисловие, именуемое сегодня его духовным завещанием. Однако само издание, будучи слишком интеллектуальным и эстетским, угодило в не лучшие времена — Бабенко с ним то ли опоздал, то ли поторопился, но так или иначе альманах с красивым и многомысленным названием «Завтра» выдержал всего пять выпусков и почил в бозе, а его имя — о, жестокая ирония судьбы! — было узурпировано позднее небезызвестной газетой более чем сомнительной репутации.

А первый настоящий журнал фантастики возник на постсоветском пространстве только уже в середине девяностых (если не считать нескольких смелых, но не совсем удачных попыток в Белоруссии и Украине). Но это действительно совсем другая история. Мы к ней ещё вернемся чуть-чуть в последней главе.

А сейчас вынуждены будем сообщить читателю, что не только Виталий Бабенко и его друзья думали о создании собственного издательства — их враги тоже не дремали.

При ИПО (издательско-полиграфическом объединении) «Молодая гвардия» создана была новая структура с длинноватым и кривоватым названием — Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ). Если полностью, то вообще чёртова гибель прописных букв получается: ВТО МПФ при ИПО МГ ЦК ВЛКСМ (!). Структура была большая и перспективная, коммерческая, между прочим, потому как шёл уже четвёртый год горбачёвской эры, и первая модель хозрасчёта работала вовсю. А там и вторая появилась. Деньги через это ВТО МПФ потекли колоссальные — от массовых тиражей быстро состряпанной фантастики на плохой бумаге и в дрянных обложках. Сама фантастика была разной — и плохой и хорошей, без разбору — а хватали её жадно, в любом виде, потому что за годы малокнижья, за годы казанцевщины и медведевщины народ по фантастике изголодался. Вот тут бы старикам-коммунистам с националистическими замашками и развернуться — миллионерами стать, будущими олигархами, а попутно учениками обзавестись, идеологию свою двигать, а там и во власть шагнуть… Но нет, одним из четырёх фюреров во главе этой структуры стал наш старый знакомый Ю. Медведев, похоже,

он даже претендовал на лидерство и диктовал остальным (В. Щербакову, Е. Гуляковскому и С. Павлову). Но лидер оказался мелок во всем и маниакально предан одной единственной цели — нагадить АБС. Потому весь свой административный ресурс на новом месте употребил на выпуск сборника с удивительно скромным для того времени тиражом в 75 000 (то ли накладка какая-то вышла, то ли просто комсомольцы-добровольцы деньги отмывали, нарисовав липовую цифру) и с символическим названием — «Простая тайна». Тайна оказалась и впрямь простая.

Центральным произведением сборника являлась фантастически бездарная, написанная ни о чём повесть «Протей», а центральным абзацем этой повести стал некий пассаж, в коем, ни много ни мало, братья Стругацкие обвинялись в доносительстве на Ивана Антоновича Ефремова.

Тут следует коротко пояснить для непосвящённых, что осенью 1972 года через месяц после смерти Ефремова к нему на квартиру явилась с обыском большая бригада из КГБ. И до сих пор нет однозначного ответа, почему, зачем и что искали в течение полусуток и с применением сложной техники. А уж тогда, в эпоху только зарождавшейся демократии и самых первых разоблачений коммунистического режима, врать можно было беззастенчиво о чём угодно.

Но трудно было придумать что-то более мерзкое, лживое и подлое. Расчёт был на то, что времена ещё почти советские, что многие по инерции печатному слову продолжают верить, да и вообще, столько всяких слухов, сплетен, разговоров поползёт — уже само по себе приятно, независимо от результата. Однако кляузник и наветчик сильно просчитался. Широкая публика как была, так и осталась далека от проблем фантастики. На телевидение, например, подобные дебаты выплеснуться не могли по определению. Так что, в высоких инстанциях эту гадость разбирать? Бог мой! До того ли им было за три года до полного развала? Ну а широкую известность в узких кругах Ю. Медведев получил в полном объёме. Если раньше его как автора знали лишь отдельные уж очень задвинутые фэны, читающие всё подряд, то теперь он стал известен буквально каждому любителю фантастики — как подонок, посягнувший на АБС. А какие ещё слова умел он раньше складывать из букв, не интересовало теперь никого. Раз и навсегда. Фэны оказались страсть какими бедовыми ребятами! Они очень точно поняли всю ситуацию и с морально-этической и с формально-юридической точки зрения. Они написали (от имени своих клубов из многих городов СССР) открытые письма и Ю. Медведеву, и руководству ВТО МПФ, и в «МГ» и, кажется, в ЦК ВЛКСМ. И ни один — ну, ни один! — из

сотен тысяч фэнов не усомнился в честности АБС, которые, кстати, тоже написали своё письмо, слишком эмоциональное и поспешное. Потом многие говорили, что ИМ не надо было вообще писать. Мол, дело того не стоило. Но уж больно руки чесались, и, в конце концов, ребятушки, кому от этого хуже?

Блестящей иллюстрацией единодушного отношения к случившемуся стала «Аэлита-89», где все без исключения любители фантастики, приехавшие в Свердловск, носили значки с олимпийским мишкой, перевернутым мордой вниз — в знак презрения к Ю. Медведеву. А ещё через год была проведена другая, не менее эффектная акция. На III Ефремовских чтениях весной 1990 года, проходивших в Ленинграде, Ю. Медведев поднялся было на трибуну для выступления, но тогда Володя Гопман встал со своего места и быстро-быстро пошел к сцене, при этом весьма зычно прося у председательствующего Анатолия Фёдоровича Бритикова предоставить ему — Гопману — слово. Ошарашенный Бритиков согласился, после чего Гопман, дойдя до сцены, повернулся к залу и кратенько, но внятно изложил историю с «Протеем», знакомую, как выяснилось, далеко не всем из присутствующих. Фактически он высказал Ю. Медведеву то, что думали о нём в подавляющем большинстве и советские фантасты, и весь отечественный фэндом. Тут же фэны и молодые фантасты устроили Медведеву форменную обструкцию, топоча ногами, выкрикивая «Долой!», «Позор!» и тому подобное. Выступление было сорвано.

Так Медведев похоронил себя как писателя-фантаста. Но помимо фэновской реакции, были и другие последствия приснопамятного «Протея». Многие молодые авторы, только вступившие в ВТО МПФ или ещё размышляющие о вступлении, предпочли вообще не связываться с подозрительной конторой, просто побрезговали печататься рядом с такими нечистоплотными деятелями…

Не скажу, что таких было много. Но лично я прошёл именно этот путь. Каюсь, будучи членом московского семинара, но не зная почти ничего о бурных страстях внутри фантастического сообщества, я, конечно, польстился на предложение печататься в коллективных сборниках ВТО МПФ, да ещё за двойной по сравнению с общепринятым гонорар. Печататься тогда вообще было негде, только в журналах, и на момент возникновения ВТО у автора этих строк было три или четыре опубликованных рассказа. Друзья по семинару намекали мне, что не стоит путаться с «МГ», и я чувствовал, что не стоит, но хотелось славы, и денег хотелось. В общем, спасибо АБС! Как только грянул скандал с «Протеем», ВТО перестало для меня существовать. Я даже сам в феврале 89-

го разразился открытым письмом руководству издательства и фэндому. Из-за этого письма я со многими поругался, но со многими и сблизился. Собственно, уже через год я стал сотрудником «Текста». А первая книга рассказов вышла у меня ещё раньше, без всякой, помощи «Текста» и семинара. Любопытно, что этот сборник в ряду авторских книг фантастов так называемой «четвёртой волны» — то есть учеников Стругацких, стал именно четвёртым. Обогнали меня только трое: Борис Штерн, Михаил Веллер и Виталий Бабенко, даже у Вячеслава Рыбакова книга вышла после Скаландиса…

Вот так и знал, начиная писать о годах перестройки, что не избегу соблазна и начну рассказывать о себе. Но просто вдруг показалось, что никак не выдернуть этих фактиков из контекста эпохи. А вот и ещё один факт, который непременно надо упомянуть.

Были фэны, были молодые авторы, а были ещё ученики АБС, которые считали себя журналистами. Например, Андрей Измайлов в ленинградском семинаре БНа. И он понял, что как честный журналист обязан сделать то, к чему его призывают *Учители.* Ведь АБС в своём письме потребовали тщательного расследования обстоятельств смерти и посмертного обыска у Ивана Антоновича — вплоть до запроса в КГБ. Ну, Андрей и занялся этим. Испросив согласия БНа, двинулся в Москву, взял большое интервью у старшего брата, пообщался со вдовой Ефремова, даже с главным мерзавцем, заварившим всю эту кашу встретился и, наконец — вот вершина журналистского расследования! — сумел найти следователя КГБ, проводившего тогда обыск — товарища Хабибуллина Ришата Рахмановича. И товарищ Хабибуллин конкретно заявил: не было доноса. Обыскивали не по доносу. То есть доноса не было в явном виде. Ещё раз: такого доноса, о котором пишет Ю. Медведев, не было вообще. Что и требовалось доказать. Всё? Да нет, не всё… Потому что уже заело: а что же там было? Измайлов продолжил своё расследование. Окончательного ответа не нашёл, но вопросы задал очень правильные. Что такое донос в неявном виде? Ну, создание ситуации, при которой у КГБ возникает необходимость совершить обыск именно в этой квартире, именно в это время и т. д., и т. п. Кому это могло быть выгодно? Ну, наверно, тому, кто рано или поздно эту тему озвучит в удобное время и станет муссировать для создания собственного имиджа…

А впрочем, ну их всех!.. Гораздо интереснее мнение, высказанное АНом в разговоре с Измайловым. Более парадоксальной, но и более убедительной гипотезы, объясняющей всё случившееся, никому другому дать не удалось:

«Все терялись в догадках о причинах обыска. Почему он был ПОСЛЕ смерти писателя? Если Иван Антонович в чем-то провинился перед государством, почему никаких обвинений ему при жизни никто не предъявил? Если речь идёт о каких-то крамольных рукописях, то это чушь! Он был чрезвычайно лояльным человеком и хотя ругательски ругался по поводу разных глупостей, которые совершало правительство, но, что называется, глобальных обобщений не делал. И потом — даже если надо было найти одну рукопись, ну две, ну три, то зачем устраивать такой тарарам с рентгеном и металлоискателем?!

Вот, сочетав всё, я, конечно, как писатель-фантаст, построил версию, которая и объясняла всё! Дело в том, что как раз в те времена, конце 60-х и начале 70-х годов, по крайней мере в двух организациях США — Си-Ай-Си и Армии *(аббревиатура С.І.С. встречается в различных источниках для обозначения военной контрразведки США, но что имелось в виду под словом „Армия“, понять трудно. — А.С.)* были созданы учреждения, которые серьёзно занимались разработками по летающим тарелкам, по возможностям проникновения на Землю инопланетян. У наших могла появиться аналогичная идея. И тогда же у фэнов, то есть любителей фантастики, родилась и укрепилась прямо идея-фикс какая-то: мол, ведущие писатели-фантасты являются агентами внеземных цивилизаций. Мы с Борисом Натановичем получили не одно письмо на эту тему. Нам предлагалась помощь, раз уж мы застряли в этом времени на Земле, приносились извинения, что современная технология не так развита, чтобы отремонтировать наш корабль. И в том же духе.

Иван Антонович Ефремов безусловно был ведущим писателем-фантастом. Можно себе представить, что вновь созданный отдел компетентных органов возглавил чрезвычайно романтически настроенный офицер, который поверил в абсурд „фантасты суть агенты“. И за Ефремовым стали наблюдать. Но одно дело — просто следить, а другое дело — нагрянуть с обыском и, не дай бог, попытаться взять его самого: а вдруг он шарахнет чем-нибудь таким инопланетным! Именно поэтому как только до сотрудников того отдела дошла весть о

кончине Ивана Антоновича, они поспешили посмотреть. А что смотреть? Я ставлю себя на место гипотетического романтического офицера и рассуждаю здраво: если Ефремов — агент внеземной цивилизации, то должно быть какое-то средство связи. Но как выглядит средство связи у цивилизации, обогнавшей нас лет на триста-четыреста, да ещё и хорошенько замаскировавшей это средство?! Поэтому брали первое, что попалось. Потом, удовлетворенные тем, что взятое не есть искомое, всё вернули».

Комментарии, по-моему, излишни.

А теперь вернёмся к хронологии событий.

Начало марта 1988-го. Страна постепенно приходит в себя после шока от армянских погромов в Сумгаите 27 и 28 февраля. Кто-то уже витийствует — мол, вот она расплата за свободу! А 13 марта в газете «Советская Россия» появляется знаменитое письмо преподавательницы Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», названное впоследствии антиперестроечным манифестом. Понятно, что подобные письма готовят не в технологических институтах, а на Старой площади в Москве. Всем делается тревожно.

А теперь внимание!

26 февраля 1988-го (то есть раньше всех вышеназванных событий) появляется интересная запись в рабочем дневнике АБС:

«Составляем планы изданий и вообще подбиваем всякие бабки.

1. Человек, который мог всё.
2. Антиутопия. Конец перестройки».

Понятно, что это первое упоминание замысла будущей пьесы «Жиды города Питера, или Невесёлые беседы при свечах». Но какова сила предчувствия!

Сразу вспоминается один разговор на Всесоюзном семинаре фантастов в Дубултах в декабре 1987-го, где как-то за обедом Боря Руденко поведал к слову:

— Перестройка закончится летом.

— Ближайшим? — быстро спросил я.

— Да нет. Попозже. Но обязательно летом, когда все в отпусках и всем не до того…

А вы говорите, фантасты предсказывать не умеют. Ещё как умеют!

В «Жидах города Питера» Стругацким удалось самое точное, самое грустное, самое пронзительное предсказание именно социальных процессов вопреки всем заверениям футуролога Бестужева-Лады.

В «Жидах города Питера» Стругацким вообще всё удалось. Они создали свой последний маленький шедевр.

Давайте посмотрим, как они это делали.

С 1988-го по 1990-и в рабочем дневнике есть немало и других весьма любопытных записей. Быть может, они и не вели впрямую к написанию пьесы, но, безусловно, помогали думать в нужном направлении, Замыслов было много. Реализованы, мягко говоря, не все. Но ведь и раньше бывало так же…

> «Хорошо бы написать статью „Поговорим о будущем“ (см. мой дневник)».
>
> «Откуда преклонение, жажда преклонения перед Сталиным?»
>
> «Доброволец по испытанию каких-то военных средств. Что-то с ним случилось в результате, и начинается на него охота. И всесилье мафии».
>
> «Тройке поручено решать межнациональные отношения методом моделирования в НИИЧАВО».
>
> «В мир ПХХIIВ вторгаются уэллсовские марсиане. Что делать?»
>
> «Страшный Суд — Ад — Рай. Ад и Рай — это одно и тоже. Мученики в Аду, а мучители — в Раю».

1 декабря 1988-го появляется название: «Весёленькие беседы при свечах».

2 декабря возникает план пьесы и отдельные наброски.

27 февраля 1989-го БН приезжает на очередной Пленум Совета по фантастике, но, конечно, они обсуждают и пьесу тоже.

1 сентября АН пишет короткое письмо Ревичу-младшему по поводу его заметок о статьях Сербиненко («Новый мир») и Васюченко («Знамя»). Теперь уже не только отец, но и Юра, что особо ценно, встаёт на защиту АБС от идиотских нападок дружественных, казалось бы, журналов. Критики вообще становится больше, чем надо. Не было ни гроша — и вдруг алтын. Но это алтын фальшивый: некоторым хочется быть святее папы, и вот уже они обвиняют Стругацких в замшелой идеологии. Вроде как АБС со своим Полднем воспевают коммунизм и тормозят тем

самым демократические реформы. Это тоже противно, но с такими всё-таки можно дискутировать, в отличие от зоологических антисемитов, с которыми спорить не о чём — там не дискуссия нужна, а дезинфекция.

6 октября появляется название «Ночь страха» и рядом — наброски, наброски, планы… Тут же мелькает и другой вариант заголовка — «Жиды города Москвы».

Любопытная есть запись 7 октября:

«Трепались. Смотрели видео. Про титьки».

Эротика — не их любимый жанр. Но приобщиться к новым (для советского человека) направлениям в киноискусстве — тоже не лишнее, особенно когда размышляешь над проблемами молодого поколения.

В двадцатых числах ноября — традиционное общение по ходу киносеминара в Репине. И чего-то они там важного напридумывали, потому что 7 декабря БН приезжает в Москву прицельно — писать «ЖГП» — уже и название окончательное. Они распишут действующих лиц и за четыре дня сделают 26 страниц. Это и по прежним временам было нормально, а для конца 1989-го просто ударные темпы. Ну, прямо вдохновение накатило.

И, наконец:

«12.12 — Б. уезжает весь в соплях».

А это уже гомеостатическое мироздание вдруг вспомнило, что давно сидит, сачкует и решило на прощание угостить БНа насморком. АНу и без того хватает — он просто как выжатый лимон.

Восстановление сил затянется до конца февраля, потому что вмешаются очень серьёзные обстоятельства — о них позже. А пока — снова рабочий дневник:

> «25.02.90 — Вчера Б приехал (с Адочкой и с прострелом) писать ЖГП.
>
> Разбирали дела.
>
> Идея: в конце — драка. Молодые жестоко избивают посланца (потом остаётся только плащ — a la Пристли?)

26.02 <…> Палачи (?) наносят удары, раздвигаясь и складываясь, как огромные циркули.

27.02…И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК на 39 стр.

28.02 Трепались про будущее».

3 апреля БН приедет в Москву и 7-го будет закончен чистовик (на десять страниц длиннее черновика), называемый первым вариантом. Не совсем понятно, когда, кем и как делался второй вариант, если учесть, что пьесу опубликовала «Нева» в сентябрьском номере, значит, скорее всего, в июне рукопись была сдана в редакцию. Очевидно, туда и пошёл этот первый, он же последний вариант. Больше никаких записей о пьесе в рабочем дневнике нет, а писем, как известно, братья друг другу уже давно не пишут.

Подведём итог. Чтобы создать сорок девять машинописных страниц довольно реденького (диалоги же сплошные!) текста, они работают два года, месяц и ещё десять дней. Много? Изрядно. Встречаются за это время двенадцать раз. Дни посчитать труднее, потому что непосредственного писания было всего-то неделя, а вот обсуждений и размышлений… Но ведь именно это и есть главная работа. Последний шедевр АБС рождался действительно долго, но вспоминается невольно в связи с этим старый еврейский анекдот. Известному портному заказывают брюки. И он их шьёт месяца полтора. Наконец, возмущённый клиент пришел на примерку — всё нормально, то есть просто идеально, лучше не бывает, но он продолжает ворчать. «У вас какие претензии к бр**у**кам?» — спрашивает портной. «Претензий никаких, но послушайте, Господь мир сотворил за семь дней, а вы сколько провозились?!» «О да! — соглашается портной. — Но вы посмотрите на этот мир и посмотрите на эти бр**у**ки!»

А вы, читатель, посмотрите эту пьесу. Не знаю, как в других городах, а в Москве она по-прежнему идёт в театре на Малой Бронной и даёт стабильно высокие сборы.

Борьба между новым и старым становилась с каждым годом всё более ожесточённой. И году к 1988-му стало отчётливо видно, кто берёт верх. Перестройка, гласность, новое мышление наступало на всех фронтах: и в политике — всё смелее, всё решительней становятся заявления с трибун всех уровней, от советов трудовых коллективов до ЦК КПСС; и в экономике — не только бурно развивается частный сектор, но и госпредприятия начинают вести себя гибко, дают людям возможность по-настоящему заработать; наконец, идеология — в условиях

«разгула свободы» «Огонёк» и «Новый мир» уверенно берут верх по тиражам над «Молодой гвардией» и «Нашим современником».

А интеллектуальное превосходство одной стороны над другой очень хорошо иллюстрирует, например, ответ АНа авторам «Нашего современника». Искренне жаль, что мы не можем привести всё письмо целиком, но вот его яркий финал:

> «О. Казанцева упрекает Тихомирова в том, что он предоставил слово Окуджаве и Стругацкому, а не РУССКИМ писателям или, на худой конец, писателям народов ханты, манси и ненецким.
>
> Упрёк опять несостоятелен. Я, например, именно РУССКИЙ писатель. Мои предки жили в России. Я думаю и пишу именно на русском языке, а не на английском и не на японском. И, если я правильно понял Ваш любезный намек, О. Казанцева, не на еврейском, из которого знаю всего одно предложение: „Киш мир ин тохес унд зай гезунд“, что означает, кажется, „поцелуй меня в… и будь здоров (здорова)“. Это предложение я выучил недавно со слов одного моего приятеля-украинца.
>
> О. Казанцевой вторит З. Тоболкин: „…я не понял, это наша газета или чья? Почему мне, русскому литератору, приводят сплошь нерусских божеств?“ (Бог знает что. Где З. Тоболкин учился русскому языку? В Одессе на Привозе? Или это такой юмор?)
>
> Оно, пожалуй, и лестно, когда тебя публично обзывают божеством. Но опять-таки, зачем же нерусским? Нет уж, лучше я не буду божеством, а останусь, как и был, простым русским литератором. И что означает слово „сплошь“ в применении к двум индивидуумам? „Иванов и Петров были сплошь членами кооператива“? <…>
>
> Как ни посмотри, нелепая получилась статья. И я повторяю: мне приятно, что авторы её меня не любят. Должен признаться, мне они тоже не нравятся. Истеричные они какие-то. И с большими претензиями при ограниченных данных. Если все литераторы, выступающие за „Наш современник“, на таком уровне… Но этого, конечно, быть не может. К счастью для „Нашего современника“.
>
> На этом и заканчиваю.
>
> Спасибо за внимание.

г. Москва 31.08.88».

Это лишь одно из публицистических выступлений АБС того времени. Как никогда много дают они в этот период интервью, как никогда много пишут статей, не жалеют времени на выступления перед публикой, соглашаются возглавлять всевозможные организации, участвовать во всяких советах, комиссиях, редколлегиях, иногда — свадебными генералами, а иногда и реальными работниками, потому что знают: сегодня это действительно важно; как никогда много жарких споров и на семинаре БНа в Ленинграде, и на московском семинаре фантастов. Что-то происходит с этими семинарами: если раньше люди приходили просто общаться, учиться чему-то, приходили с целью повзрослеть и поумнеть, то теперь уже брезжат иные цели: напечататься, достичь чего-то, стать кем-то… Это не хорошо и не плохо, это — просто тенденция нового времени. Но учителям тяжело.

АНу особенно тяжело, хоть он и не учитель в полном смысле. Он уже серьёзно болен, ему в Питер-то нелегко ездить, по Москве мотаться тяжко, но он заставляет себя выбираться и в другие города — ради молодых, ради того чтобы поддержать их, сказать свое веское слово, напутствовать. Конечно, здесь не только альтруизм, он и сам получает массу удовольствия. Вот как сказано об этом в «Хромой судьбе»:

> «Это может показаться странным, но я, пожилой, замкнутый, в общем-то, избегающий новых знакомств человек, консерватор и сидун, — я люблю публичные выступления.
>
> Мне нравится стоять перед набитым залом, видеть разом тысячу физиономий, объединенных выражением интереса, интереса жадного, интереса скептического, интереса насмешливого, интереса изумленного, но всегда интереса. Мне нравится шокировать их нашими цеховыми тайнами, раскрывать им секреты редакционно-издательской кухни, безжалостно разрушать иллюзии по поводу таких засаленных стереотипов, как вдохновение, озарение, божьи искры.
>
> Мне нравится отвечать на записки, высмеивать дураков — тонко, чтобы никакая сука, буде она окажется в зале, не могла бы придраться; нравится ходить по лезвию бритвы, лавируя между тем, что я на самом деле думаю, и тем, что мне думать, по общему мнению,

полагается…

А потом, когда выступление уже позади, нравится мне стоять внизу, в зале, в окружении истинных поклонников и ценителей, надписывать зачитанные до дряхлости книжки „Современных сказок“ и вести разговор уже на равных, без дураков, крепко, до ожесточения спорить, всё время испытывая восхитительное чувство защищенности от грубого выпада и от бестактной резкости, когда не страшно совершить ложный шаг, когда даже явная глупость, произнесенная тобой, вежливо пропускается мимо ушей…

Но особенно я люблю всё это не в Москве и не в других столицах, административных, научных и промышленных, а в местах отдаленных, где-нибудь на границе цивилизации, где все эти инженеры, техники, операторы, все эти вчерашние студенты изголодались по культуре, по Европе, просто по интеллигентному разговору».

И он ездил, не взирая на все свои хвори. В марте 1988-го — на Всесоюзную конференцию КЛФ в Киев. И согласился потом стать председателем Всесоюзного Совета КЛФ. В мае 1988-го — в любимый уже Свердловск на праздник «Уральского следопыта» и очередную «Аэлиту». В сентябре 1989-го — в Коблево Николаевской области на берегу Чёрного моря, на первый и последний в истории уникальный международный слёт фантастов социалистических стран «Соцкон-89». Правда, «международность» этого мероприятия была весьма условной: приехали фэны из Болгарии, Польши, Румынии общим числом чуть более десятка. Понятно: всем остальным было как-то не до того, да и не причисляли они уже свои страны к социалистическим, в конце концов, до разрушения Берлинской стены оставалось всего два месяца. Но праздник фантастики получился хорошим, несмотря на все происки стихий — были и буря на море, и какая-то крупная авария, в результате которой в пансионате отключили не только электричество, но и воду. Сам АН ходил с ведром за водой на какой-то родник, и говорят, даже была такая фотография. А Гена Прашкевич пошутил тогда, что он шёл с этим ведром задумчивый, как жук в муравейнике.

«Жук» выступил перед «коблевским» муравейником дважды — на открытии и на специальном вечере вопросов и ответов. Беседа была снята на любительскую видеокамеру (дорогая

экзотическая игрушка по тем временам), и расшифровка через пять лет опубликована в газете «Книжное обозрение». Много было дежурных вопросов и дежурных ответов на них, были и неожиданности, вспоминается почему-то один — самый необычный — вопрос:

— Аркадий Натанович, вот вы столько лет пишете в соавторстве со своим братом. А не думали написать с кем-нибудь ещё в соавторстве, например, с Прашкевичем или Гопманом?

И совершенно не важно, что ответил классик. Ведь мы прекрасно знаем, что планов таких не было. Гена Прашкевич — просто один из любимых учеников, который в последние годы частенько бывает у АНа дома, ему даже благоволит Елена Ильинична (а это, поверьте, очень узкий круг людей); а вот в соавторстве с Гопманом АН действительно кое-что пишет — судьбоносные письма в высокие инстанции. Нет, конечно, не в четыре руки — пишет сам Гопман, но согласуется это всё с АНом непременно. Или вот ещё пример. Собрался Володя в июне 1990-го сделать интервью для «Советской библиографии», взял с собой небольшой магнитофончик «Санио» и поехал к АНу. Классик встретил его, хмыкнул, покрутил машинку в руках и проговорил задумчиво:

— Хорошая фирма. И ты будешь эту хреновину включать? Не стоит. Всё равно ничего не получится. Напиши сам. Ты же лучше меня знаешь, что я отвечу. А собирался ко мне на сколько? На часик. Ну вот, как раз хватит.

И он достал початую бутылку коньяка.

Когда Гопман приехал с текстом, они ещё раз выпили. АН прочёл, подписался и сказал:

— Нормально, пусть так и будет. Ты и в интонацию попал, и в стиль попал. Молодец.

Что ж, это тоже своего рода соавторство.

А война с идеологическим противником продолжается не на шутку. Конечно, к 90-му году всё уже было иначе, а вот в декабре 86-го «Молодая гвардия» подставилась. Кто-то из них выступил в «Комсомолке», дескать, с удовольствием услышим мнение читателей о нашей фантастике. Ну, кандидат филологических наук В.Л. Гопман и высказал всё что думал. «Комсомолка» ему своих площадей не предоставила, поэтому он напрямую в издательство написал — вполне официальное письмо, на которое входящий номер ставят. Получил ответ главного редактора, скорее отписку, чем ответ. Написал выше — в Госкомиздат — товарищу Ненашеву. Вообще ничего не получил в ответ и написал ещё выше — товарищу Яковлеву А.Н. Вот теперь уже Госкомиздат вынужден был реагировать, таким образом Александр

Николаевич второй раз в своей биографии оказался причастен к судьбам отечественной фантастики, правда теперь уже в положительном ключе.

На первый взгляд, вся эта переписка, завершившаяся весной 87-го, мало повлияла на дальнейшие события. Однако в мае 87-го Гопман получил ответ из ЦК КПСС, где говорилось, что письмо расписано на Госкомиздат и ЦК ВЛКСМ. Из Госкомиздата был ответ, и даже вполне разумный, мол, всё так и есть, будем работать над ошибками. Из цекамола ответа не было, но осенью 87-го была сходка фэнов в Ново-Михайловском (Краснодарский край), наделавшая шуму (вплоть до письма Горбачёву), в январе 88-го в ЦК ВЛКСМ собрали инициативную группу фэнов и к весне был образован Всесоюзный совет Клубов любителей фантастики (ВС КЛФ). А уже только в мае 88-го появилось ВТО. Так что бороться стоило. Это особенно хорошо понимаешь, если читаешь все письма целиком, а они были опубликованы ещё в 91-м и сегодня доступны в Интернете под названием «Zoo, или Письма не о любви», позаимствованным Володей у Виктора Шкловского.

Нельзя было молчать ещё и потому, что «МГ» продолжала огрызаться. В 1989 году массовым тиражом в сто тысяч экземпляров выпустили они сугубо специальный сборник литературно-критических статей и очерков «В мире фантастики». С трудом представляю себе такую армию интересующихся этим междусобойчиком. Полагаю, что многие (а дефицит на книги ещё сохранялся) просто клюнули на название и фантастическую обложку — вот и купили сдуру сборник, как беллетристику. Представляю, как они потом материли издателей. Но одного «благодарного» читателя этого сборника я знаю наверняка. Володя Гопман с большим интересом изучил всю книгу, а особенно последний её раздел «Беспокойство о завтрашнем дне», где были собраны не только статьи, но и письма читателей, скорее всего, написанные авторами тех же статей. И получалось, что «МГ» издает превосходную фантастику, за ней — будущее, но вот беда, читателей всё время сбивают с панталыку враги издательства и всего прогрессивного человечества: Стругацкие, Булычёв, Ревич и Гопман. Приятно оказаться в такой компании!

В 80-е годы Стругацкие познали настоящую славу — такую, которая уже превращается в груз, с которой нелегко жить. Каждый решает по-своему как поступить с такой славой, как ее использовать.

Есть люди от природы тщеславные. Они получают колоссальное удовольствие от известности, купаются в лучах славы. Слава — для них самоцель. И в общем-то, нет в этом ничего плохого, если слава заслуженная, но это не Стругацкие.

Если люди практические, которые славу превращают в деньги — грамотно, высокопрофессионально, требуя максимальных расценок за всё. Тоже не плохо. Я очень уважаю таких людей. Но и это не Стругацкие.

Есть люди, умеющие превратить славу во власть. Вот тут уже я поостерегусь говорить об уважении, замечу лишь, что это тем более не Стругацкие.

На что же они, АБС употребили свою славу? Понятно, было всякого понемножку, да и нельзя говорить о двух разных людях, как об одном. Но общим было вот что: слава для АБС — это прежде всего ответственность. Они поняли, как многое теперь зависит от них, от каждого их слова, вот и не торопились поэтому произносить слова или тем более записывать. Теперь требовалось думать с каждым днём всё больше и больше.

Но в некоторых случаях надо было не только думать, но и действовать. Например выступать с протестом или наоборот в поддержку чего-то и кого-то. Времена-то бурные наступали, революционные. На том же Соцконе задали АНу ещё один любопытный вопрос: «Как вы относитесь к партии „Демократический союз“? Вы же подписали письмо против их ареста». Особенно любопытен ответ: «Мы просто не любим, когда арестовывают по политическим причинам».

А партия «ДС» к Стругацким относилась очень хорошо. Я всегда знал, что Новодворская тоже воспитывалась на их книгах. И недавно позвонил Валерии Ильиничне. Вот какой текст она охотно продиктовала мне, практически не задумываясь:

> «Братья Стругацкие меньше всего интересовались техникой и звёздами. Собственно, они с самого начала писали о людях и о Земле. Скованные цепями соцреализма, рискующие всякий раз вообще не попасть в тираж, а скорее попасть в крупный переплет, они изобрели замечательную модель: в ближнем или дальнем космосе на неведомых мирах разворачивались вполне узнаваемые советские события, только с инопланетными фигурантами, и власть из-за этой ширмы иносказания получала сокрушительный удар. „Обитаемый остров“ — удар по советской пропаганде. „Сказка о Тройке“ — удар по советскому бюрократизму. „Трудно быть богом“ — удар по советской диктатуре в целом… Какое дивное сравнение реального арканарского тоталитаризма и мифического идеального мироустройства на земле! Да, этот желаемый

фантастический коммунизм с человеческим лицом становился у Стругацких прекрасной площадкой для социологических экспериментов, он предвосхитил и Пражскую весну, и нашу перестройку. Но даже если вынести за скобки все эти иносказания и прозрения, братья Стругацкие останутся единственными советскими фантастами, которые по достоинству занимают место на книжных полках рядом с Брэдбери, Лемом, Воннегутом, Саймаком, Шекли — равные им по мастерству и свободе мысли».

Заметьте, как изящно эта оценка перекликается с названием того приза, что получили АБС в Брайтоне — «За независимость мысли». Теперь это становилось особенно актуально — мыслить независимо и помнить, что думать — не развлечение, а обязанность.

И они думали, они ни на минуту не давали себе расслабиться. Время было радостное, но непростое, трудное время.

Декабрь 1988-го — землетрясение в Армении. Только этого еще и не хватало в придачу к проблеме Нагорного Карабаха!

Апрель 1989-го — кровавый разгон демонстрации в Тбилиси.

Май — июнь 1989-го — Первый съезд народных депутатов. Горбачёв, кричащий на Сахарова.

Ноябрь 1989-го — ломают Берлинскую стену и вообще бархатные революции по всей Восточной Европе.

Январь 1990-го — армянские погромы в Баку.

Март 1990-го — отменена 6-я статья Конституции о руководящей и направляющей роли КПСС.

Лето 1990-го — декларации о суверенитетах республик СССР («парад суверенитетов»).

Январь 1991-го — танки в Баку, кровь в Вильнюсе, стрельба в Риге, война в Ираке…

Апрель 1991-го — референдум о сохранении СССР.

Август 1991-го — путч ГКЧП.

Всё это не могло не повлиять на взгляды Стругацких, на пересмотр многих привычных представлений о мире. Особенно резко всё менялось именно в последние два-три года перестройки. Конечно, какие-то базовые вещи они понимали уже давно и просто теперь получили возможность их озвучить:

«Красный свет старому мерзкому лозунгу: государство превыше всего. Мы уже знаем, к чему это

приводит. Нет, нашим нынешним лозунгом должно быть: личность превыше всего!» *(Из интервью АНа газете «Советская молодежь», Рига, 9.9.88)*

Но вот ещё один кусочек из того же интервью:

«— Как вы думаете, может ли у нас в стране быть несколько марксистско-ленинских партий? Если вспомнить историю, при едином методологическом подходе, единой стратегии лидеры большевиков существенно различались во взглядах на тактику революции и Советской власти…

— Нет. Давайте не будем заниматься маниловщиной. В реальных конкретных условиях, с нашим историческим багажом и нашими демократическими рефлексами этого, на мой взгляд, быть не может. Изобретать велосипед не возбраняется, но лучше отремонтировать старый. Моё мнение: сегодня и далее должна быть руководящая роль истинно коммунистической партии — сосредоточенной главным образом на вопросах воспитания, образования, науки и здравоохранения. Плюс — хозрасчётная, основанная на сметке и предприимчивости экономика, плюс классическая, веками испытанная (жаль, не у нас) демократия, плюс широчайший спектр мнений и взглядов…

Как видите, путь вперёд на уровне программных лозунгов мы все выучили. Весь вопрос в том, когда и как это случится? А тогда, когда под демократией мы научимся понимать не сумму голосов, а неисчерпаемую по богатству совокупность личностей. Без учёта мнений даже одной из них наш общий взгляд на мир станет беднее. Есть у одного прибалтийского поэта прекрасная мысль: „Чем талантливей мы порознь — тем гениальней сообща“».

Последний абзац прекрасен, но о марксистско-ленинских партиях… Как странно читать это сегодня! Что это было: привычка, инерция, нежелание фантазировать на политическую тему или всё-таки подсознательный страх?

И вот за каких-нибудь два года, за несколько десятков статей и интервью они пройдут колоссальный путь и в своей

программной статье «Куда ж нам плыть?», опубликованной в «Независимой газете» 3 января 1991 года, сформулируют чётко и ярко уже абсолютно сложившееся либеральное мировоззрение. Я хочу процитировать оттуда достаточно большой фрагмент уже хотя бы для того, чтоб развеять один из весьма распространённых мифов: дескать, с БНом всё понятно — диссидент со стажем, «конченый» демократ и оголтелый либерал, а вот АН, он не такой, он хороший был, вполне советский человек и до самых последних дней верил в социализм с человеческим лицом. Как же это несправедливо по отношению к нему! Ведь к 1991 году верить в социализм с человеческим лицом могли только очень неумные люди. Вот что говорит по этому поводу Егор Гайдар:

> «Вообще, мы всегда были принципиальными политическими единомышленниками. И не надо спекулировать на их „коммунизме“ времён оттепели. К 85-му году от умиления социализмом не осталось у них уже ни капли. Впрочем, не скажу, чтоб Аркадий Натанович хорошо представлял себе установление у нас капитализма. И потому был у нас один спор, когда прав оказался я. Именно в 85-м я сказал ему, если меня не подводит моё рациональное видение мира, то лет через пять все их книги, написанные в стол, будут напечатаны. А он сказал, что этого не может быть.
>
> Мы с Аркадием Натановичем прекрасно друг друга понимали, хотя у него был очень своеобразный стиль мышления. Он не был рационалистом. Это я привык структурировать проблему, учитывать все факторы, разрабатывать альтернативную стратегию, а он ничего подобного не делал — чисто интуитивно высказывал гипотезу, и она подтверждалась. Вот так они написали „Жидов города Питера“. 19 августа утром это было первое, о чём мы с Машей вспомнили. И я ещё сказал тогда: „Вот только хэппи энда в жизни не будет“. А он был — через три дня!
>
> Они не были диссидентами, но сделали для подрыва этой системы больше, чем все диссиденты, вместе взятые».

Сходные мысли, но только очень по-своему высказывает и Владимир Лукин:

«Стругацкие не политики и не философы — они писатели. И говорить, например, о том, что они сторонники социализма с человеческим лицом, могут только люди очень недалекие или находящиеся вне исторического контекста. Это всё равно что о Свифте сказать, будто он, вообще-то, был монархистом. Да нет же! Он писал утопии, картины будущего, он гениальный творец, выразивший исторические закономерности своего времени.

Вот так же и Стругацкие. Они отразили очень существенные черты как временного, так и всеобщего, и в этом их великая сила. А во что мы верили… Так это была примерно одна у всех эволюция. Я допускаю, что эволюция эта была медленнее и тяжелее у Аркадия, нежели чем у Бориса, просто потому что он старше, а чем старше человек, тем труднее ему ломать какие-то клише, с которыми сросся в детстве. Общее же направление одно и то же у всех — это освобождающиеся люди.

Они выразили с огромным талантом, с огромной силой сам процесс освобождения сознания от схематических, догматических, тоталитарных пут — освобождение и взлёт к свободе. Как они двигались, какими этапами, с какой скоростью, где застал их конец жизни — это лишь конкретные обстоятельства. Главное, они шли вот этим путём — путём освобождения. Их книги, как скульптуры Эрнста Неизвестного — это символы освобождения, отчаянного рывка из рабства в свободу. Вот это самое существенное в их творчестве, в их жизни, и одно переходило в другое, как это бывает у талантливых людей. А какие формы оно обретало, как Стругацкие относились к тому, кто лучше Дубчек или Гавел в Чехословакии — это вторичное дело».

А теперь читайте самих АБС и делайте выводы. Статья, между прочим, ничуть не устарела и сегодня.

«Тридцать лет назад всем и всё было ясно. Впереди (причём сравнительно недалеко) нас ждал коммунизм. Каждый понимал его в меру своих возможностей и способностей (один наш знакомый маркер говаривал: „При коммунизме лузы будут — во!“ и показывал двумя руками, какие замечательно огромные будут при

коммунизме лузы). Однако всем и каждому было совершенно ясно, что коммунизм неизбежен — это было светлое будущее всего человечества, мы должны были прибыть туда (как на поезде — из пункта А в пункт В) первыми, а за нами уже и весь прочий (полусгнивший) западный мир. Как сказал бы герой Фейхтвангера, бог был в Москве.

Пятнадцать лет назад каждому (мыслящему) индивидууму сделалось очевидно, что никакого светлого будущего — по крайней мере в сколько-нибудь обозримые сроки — не предвидится. Весь мир сидит в гниющей зловонной яме. Ничего человечеству не светит — ни у них, ни у нас. Единственная существующая теория перехода к Обществу Справедливости оказалась никуда не годной, а никакой другой теории на социологических горизонтах не усматривается. Бог в Москве умер, а там, „у них“, его никогда и не было…

И вот сегодня мы, испытывая некоторую даже оторопь, обнаруживаем, что живем в глухой провинции. Оказывается, бог таки есть, но не в Москве, а, скажем, в Стокгольме или, скажем, в Лос-Анджелесе — румяный, крепкий, спортивный, энергичный, несколько простоватый на наш вкус, несколько „моветон“, но без всякого сомнения динамичный, без каких-либо следов декаданса и, тем более, загнивания, вполне перспективный бог, а мы, оказывается, — провинция, бедные родственники, и будущее, оказывается, есть как раз „у них“, не совсем понятно, какое, загадочное, туманное, даже неопределённое, но именно у них, а у нас — в лучшем случае — в будущем только они — румяные, спортивные, несколько простоватые, но вполне динамичные и перспективные…

Семьдесят лет мы беззаветно вели сражение за будущее и — проиграли его. Поэт сказал по этому поводу:

Мы в очереди первые стояли,
А те, кто после нас, — уже едят…

Идея коммунизма не только претерпевает кризис, она попросту рухнула в общественном сознании. Само слово сделалось срамным — не только за рубежом, там это произошло уже давно, но и внутри страны, оно

уходит из научных трудов, оно исчезает из политических программ, оно переселилось в анекдоты.

Однако же коммунизм — это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех, когда каждый волен заниматься любимым делом, существовать безбедно, занимаясь любимым и любым делом при единственном ограничении — не причинять своей деятельностью вреда кому бы то ни было.

Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный, чем этот? Можно ли представить себе цель более благородную, достойную, благодарную? Не знаю. Мы — не можем.

<…> Три вопроса занимают и мучают последнее время, и с ними мы пристаём ко всем встречным и поперечным.

Почему началась Перестройка? Как случилось, что в ситуации абсолютного равновесия, когда верхи могли бы изменить ход истории, но совершенно не нуждались в этом, а низы — нуждались, но не могли, как случилось, что в этой ситуации верхи решились сдвинуть камень, положивший начало лавине?

Почему всё-таки невозможно общество, лишённое свободы слова, с одной стороны, но вполне материально изобильное — с другой? Почему всё-таки „свобода и демократия рано или поздно превращаются в колбасу“, а тоталитаризм — в нищету и материальное убожество?

И, наконец — куда ж нам плыть?..

Все три эти вопроса теснейшим образом переплетены и представляются нам актуальнейшими. Ответов мы не знаем. Во всяком случае, мы не знаем ответов, которые удовлетворили бы нас самих…»

Глава двадцать вторая
МНОГО ВСЕГО И ТОСКА

Всё приходит слишком поздно,
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно.
Временем охлаждено.

Слишком поздно
Даже слава, даже деньги на счету,
Ибо сердце бьётся слабо,
Чуя бренность и тщету…

Александр Межиров

— К счастью или к несчастью, потребности мои убывают катастрофически. По сути, потребностей у меня уже нет как таковых.

— И даже читать не хочется? А писать?

— Даже и того хочется всё меньше и меньше. Это физиологическое явление. Возраст. А бытовых потребностей у меня никогда не было. Ну, в смысле, всего этого — машина, дача, уют.

Из интервью Аркадия Стругацкого,

«Комсомольская правда», 25.03.90

Знаменитую статью «Куда ж нам плыть?» написал целиком БН ещё летом 1990 года. Тезисы её и пресловутые три вопроса без

ответов, конечно же, придумывались и обсуждались вдвоём. Но записал всё целиком БН, в одиночку. АН только прочёл, одобрил и отнёс Виталию Третьякову. В 1990 году уже действительно ни над чем не хотелось работать. И не думаю, что это было всё то же растерянное «не представляю, о чём сейчас можно писать», высказанное в каких-то интервью и в личных разговорах двумя годами раньше и не один раз. Но тогда это было как лёгкое кокетство — они как раз написали «ОЗ» и придумали «Жидов». Теперь это была элементарная усталость.

Незаметно подступали со всей неизбежностью те времена, когда их жизненные линии вновь разбегались так же далеко, как это было на стартовом этапе. Например, когда БН был первоклашкой, а старший брат творил вместе с Игорем Ашмариным свои первые опусы. Или — более точная аналогия, — когда АН писал на Дальнем Востоке свои первые рассказы, а БН был студентом и сочинял что-то в Ленинграде. То есть оба уже писали, во всяком случае, могли писать, но соединить это было ещё невозможно.

Соединять то, что они придумывали и писали теперь, стало окончательно невозможно в январе 1991-го.

Мы начали эту главу ровно с того, чем закончили предыдущую. Мы ничего подобного ещё ни разу не делали, следуя принципу дискретности повествования (назовём его так), открытому самими же Стругацкими. Но именно в этой последней главе из жизни писателя Братья Стругацкие хотелось напомнить о непрерывности жизни, именно в этой, чтобы она не получилась в чистом виде некрологом.

Мне и так очень непросто, тяжело и больно писать эту главу.

Друзья и особенно женщины частенько выговаривали АНу за его безобразное отношение к самому себе (я собрал этот диалог по кусочкам из разных воспоминаний, получилось вроде складно):

— Аркаша, ты всё делаешь неправильно, ты живёшь как-то без остановки.

— Это неправда, я очень даже умею отдыхать.

— Я сказала, не без отдыха, а именно без остановки. Понимаешь разницу? Ты отдыхаешь так, что изматываешь себя ещё сильнее, чем работой.

— Ну, ты и сказанула! А, впрочем… да, так примерно и выходит.

— Аркаша, ты сжигаешь себя. Сознательно, целенаправленно сжигаешь себя…

— Зато горю ярко. И всем светло.

— Тоже мне Данко нашёлся! А ты у них спрашивал? Может,

они хотят пожить немножко в темноте. И ты передохнёшь заодно… Почему ты не жалеешь себя?

— Не знаю, мне это неинтересно.

Ему было неинтересно жалеть себя. Он никогда не думал специально о своём здоровье. Убедить его принять лекарство или пойти к врачу умели считаные люди за всю его долгую жизнь. В последние двенадцать лет первым среди таких людей стал Юрий Иосифович Черняков. Ему и предоставим слово прямо в начале этой главы.

Вспоминает Юрий Черняков

«Как начинались наши отношения? Ну, про больницу вы знаете, а потом… Мы жили ещё на Новослободской. Мне позвонил утром АН: „Уезжаю в Ленинград, мама умерла“. Что заставило его позвонить? Не такие были близкие отношения, он ничего не просил, ни о чём не спрашивал. Машины у меня тогда не было. Не мог ни проводить, ни встретить, у нас даже не было намечено ещё той первой масштабной выпивки. Вот надо было ему поделиться с кем-то, и он выбрал меня. Не помню, что я там промямлил в ответ. И до сих пор не понимаю, почему он позвонил. *(А я, мне кажется, понимаю. Могучая была интуиция у АНа. Он всегда чувствовал близких ему по духу людей, почти с первой встречи. А к концу жизни это умение отличать своих от чужих сделалось особенно острым. — А.С.)*

В доме ко мне очень и очень присматривались, особенно Елена Ильинична боялась, что я „приставлен“. АН, как правило, знал или мгновенно вычислял своих стукачей, он понимал, что окружен ими, но чутье обычно не подводило его. *(Вот! Я же говорю: могучая интуиция. — А.С.)*

Как проводили время? В основном в разговорах. А ещё в 1985-м увидев у кого-то в Армении видак, он загорелся и купил себе, как сейчас помню, „JVC“ на сертификаты. Смотреть он любил боевики, фантастику и ужасы. Не только для отдыха, но и в работе это помогало. Насчёт ужастиков многие удивлялись, дескать, какая гадость! Но, во-первых, это тоже своего рода фантастика, а во-вторых, была у него и особая причина. Тогда они с Борисом уже мечтали написать сценарий компьютерной игры, а к тому же во время работы над „ОЗ“ проснулся интерес к эсхатологии и

психологическим аспектам страха, омерзения. Он у меня допытывался: „А что, действительно все с таким интересом рвутся на вскрытие?“ „Да, ещё как! Предупреждаешь: вырвет, голова закружится. Нет, всё равно рвутся. Почему?..“ Ему очень хотелось это понять. Свои любимые фильмы он смотрел увлечённо и по несколько раз: „Воспламеняющую взглядом“ (Firestarter) по роману Кинга, „Диких гусей“, особенно первых, ещё с Ричардом Бёртоном, „Рэмбо“, тоже особенно первого… *(Гена Прашкевич рассказывал мне, как они, всякий раз встречаясь с АНом, смотрели вместе именно „Рэмбо“, даже не целиком, а прокручивая до любимых эпизодов и, в нужном месте, приготовившись, дружно кричали, подражая манере популярных переводчиков Андрея Гаврилова или Леонида Володарского: „Не делай этого, Рэмбо!..“ Ну, прямо как дети в театре на утреннем спектакле. И это было здорово. — А.С.)*

С другой стороны — сколько раз помню: прихожу, он мне ставит кассету, я смотрю, а сам сидит у меня за спиной, вполоборота к экрану, попивает коньячок и параллельно с фильмом читает что-то, пишет… Эротику смотрел редко — так, несколько раз из любопытства. Отношение к ней было у него скорее женское, без вуайеризма. Он был всю жизнь не наблюдатель, а действователь.

Семейная кличка у АНа была „мэтр“, но это до 1984-го, до выхода в свет „Ёсицунэ“, а после я стал называть его сэнсеем, ему понравилось, так и повелось впредь.

А свою роль в их семье я потом определил для себя довольно точно. Оценка Елены Ильиничны и оценка самого сэнсея совпали. Я оказывал на них транквилизирующее, успокаивающее действие. Наши встречи с АНом потому и сделались регулярными и всё более частыми. Есть ли тут какое-то особое биополе, или это просто сумма многих обычных и всем известных факторов, редкое совпадение — не знаю. Но могу сказать вам как врач: явление такое существует. Хоть и встречается не часто.

(Это даже Маша признает сегодня. И признавала тогда. Юрий Иосифович не просто обследовал и лечил её папу, он благотворно влиял на него и реально продлил ему жизнь. — А.С.)

Я наблюдал его все эти двенадцать лет на фоне приёма нитратов в пролонгированной форме — он

принимал сустак для расширения коронарных сосудов. И я могу поклясться, что до самой смерти у него не было ухудшения в плане кардиологии.

Я относился к нему с восторгом и преклонением как к писателю, он ко мне — с уважением и покорностью — как к врачу. Мне кажется, ему очень не хватало вот такого, именно мужского взгляда снизу вверх. Я часто приезжал к нему просто за моральной поддержкой — поговорить, посоветоваться, припасть к источнику мудрости, а когда проводил очередной „чек-ап“ (он любил называть эти краткие осмотры по-английски), мы как бы менялись ролями.

И вот когда у нас сложились эти отношения, и даже Елена Ильинична убедилась, что здесь всё по-дружески, и полюбила меня, тогда он и сказал:

— Я полностью отдаюсь в твои руки, мне не надо больше врачей, и ни в какую больницу я никогда не поеду.

— Аркадий Натанович, а если…

— Ну, исхитряйся.

Вот я и исхитрялся. Эпизоды были. Серьезные эпизоды…

Например, в сентябре 1990-го, когда Елена Ильинична сорвалась вместе с Машей и новорожденным Пашкой на дачу, и мне пришлось жить у него почти целый месяц. В 90-м уже нельзя было оставлять АНа одного надолго».

Эра 1990-х начиналась для АНа с тяжелых проблем, свалившихся, как всегда, некстати. У старшей дочери Натальи, которой не исполнилось ещё и сорока, вдруг возникли серьёзные проблемы с сердцем. Врачи, включая Черникова, подтвердили: нужна операция, причём такая, какую у нас не делают и вдобавок, разумеется, безумно дорогая. Эдик уже планировал свой отъезд в Штаты, но это дело долгое, а оперироваться надо было в ближайшее время. Вот тут и возник, как Санта-Клаус, как волшебный избавитель, Петер Фляйшман со своим настоятельным предложением к братьям Стругацким поучаствовать в презентации и вообще в продвижении фильма в Германии. И трогательно совпали цифры гонорара за это участие с объявленной стоимостью операции на сердце. Никто не назвал мне точных цифр, но порядок величины известен — двадцать тысяч то ли марок, то ли долларов, но учтите, что даже

покупательная способность тогдашней марки явно превосходила покупательную способность сегодняшнего евро. Нечего и говорить, что ради себя АН не поехал бы в этот Мюнхен ни за какие деньги, но ради дочери… Он даже БНа убалтывал. И БН уж было задумался. Вообще, всё страшно долго тянулось: обговаривание нюансов, подписание контрактов, оформление паспортов, виз, обмен валюты — скучно, утомительно, тяжко.

22 января они втроём с Еленой Ильиничной и Наташей вылетели в Германию из Шереметьево-2. Уверен, что почти двадцать дней в Баварии произвели на АНа куда более сильное впечатление, чем суматошная неделя в дождливом курортном Брайтоне и торопливое знакомство с огромным Лондоном, который не то что за день, за год толком не посмотришь. А Мюнхен — это удивительный город, где даже в воздухе разлито ощущение богатства и респектабельности. Что мог увидеть и запомнить в Баварии АН? Потрясающе органичное сочетание седой старины и дней сегодняшних (а для советского человека — так, безусловно, завтрашних). Средневековые узкие улочки, мрачноватые готические кирхи, Английский сад, две ратуши на Мариенплатц, роскошный замок Нимфенбург, знаменитую картинную галерею — Старую Пинакотеку — это всё с одной стороны; а с другой — совершенно фантастического вида музей «БМВ» — дом, символизирующий автомобильный двигатель, ещё более невероятный «Хипо-хаус», офис банка — единственный мюнхенский небоскрёб, прочие ультрасовременные здания, и конечно, шикарные машины, и вообще, новейшую технику высочайшего класса повсюду, и рекламу, и всё блестит, сверкает, крутится, светится… Видел он всё это? Запомнил? Скорее всего. Ну, и вообще — это же Германия с её немыслимой чистотой улиц, с её горожанами, стоящими перед красным светофором на абсолютно пустой улице, с её пунктуальностью в раскладывании мусора по разноцветным контейнерам специального назначения каждый… И, наконец, если в Брайтоне братьям Стругацким попадались солидные люди и солидные рестораны, но в целом там были толпы местных маргиналов и полунищих иностранцев, то здесь супруги Стругацкие весь срок общались только в самых настоящих великосветских кругах. Ну и сама премьера фильма 25 января не могла не запомниться — ничего подобного у нас тогда ещё и близко не было. Запомнилась наверняка. Только он никому не рассказал о ней. В Москву вернулся усталый и злой.

В дневнике осталась только одна коротенькая запись, от которой сводит скулы и хочется волком выть:

«22.01–11.02. Мы с Крысой в Мюнхене. И с Наташкой. Много всего и тоска. Большие деньги. Советские и марки. Очень подружился с Флейшманом, с Витей».

Добавляет «радости» и БН. Он комментирует мне:

«Кто такой Витя, неясно. Замечательно, что я ничего об этой поездке не помню. А ведь судя по дневнику АНа, он очень уговаривал меня поехать, но я, поколебавшись, в конце концов, отказался. Ничего не помню!»

Ещё несколько записей 1990 года:

«17.06.90 — <…> Вчера были Дарко Сьювин и Володя Гопман. Присутствовал ещё Станислав Агрэ. Болтали, выпивали. Подарил Дарко двухтомник и ленинградский ВГВ».

«9.08.90 — Машка родила парня. Павел его имя. Дай Бог ему счастья».

«25.08.90 — Приезжали ребята из Ленинграда, привезли первые номера „Измерения-Ф“».

Речь идёт о специальном выпуске (№ 3) питерского фэнзина, посвящённого целиком 65-летию АНа. А 26 августа записи нет, но именно в этот день к АНу приезжали пятеро ребят и одна девушка: Игорь Евсеев, Вадим Казаков, Сергей Лифанов, Юрий Флейшман, Михаил Шавшин и Светлана Бондаренко — шестеро из совсем недавно образовавшейся группы «Людены». Это была их первая и последняя, но очень важная встреча с АНом. Фрагменты того коллективного интервью я уже не раз цитировал в данной книге. Прекрасно, что сохранилась и фонозапись, их вообще очень немного. И хотя в некоторых ответах АНа, как выяснилось, есть неточности, в целом этот материал представляет уникальную ценность. Ну и конечно, надо пояснить, что в тот же вечер Флейшман и Шавшин увезли по просьбе БНа в Питер значительную часть московского архива АБС. Жаль, что ребята не смогли забрать всё. Думается, многое пропало потом безвозвратно, хотя надежда ещё теплится…

Особого комментария требует июньская запись. Дарко Сьювин (чаще у нас писали Сувин) — канадец сербского происхождения, профессор из монреальского университета Мак-Гил, оказался в Москве пролетом из Японии, где пару лет преподавал по контракту в Токийском университете.

Литературовед, интересующийся театром и фантастикой, он знал русский, писал о русской литературе и всю жизнь мечтал увидеть Стругацких, ну, хоть одного Стругацкого.

Вспоминает Владимир Гопман

«Дарко попросил меня организовать встречу. Я набрал номер, было часа два пополудни.

— Аркадий Натанович, можно приехать с Дарко Сувином? Он писал предисловие к „Улитке“.

— Давай привози. Сейчас нормально.

Приехали. АН сидел вдвоём с неким человеком, чуть постарше меня — под пятьдесят где-то. В очочках. Небольшого росточка. Назвал его АН тем самым святым Микой, до того как он стал святым, а напротив когда был сквернословом, богохульником, женолюбом и пьяницей. Фамилию тоже назвал, но я её не запомнил. *(Странно, что не запомнил, такие фамилии обычно запоминают, и вторая странность: „святой Мика“ — мы расскажем о нём чуть позже, — на три года моложе Гопмана. — А.С.)* Стояло там две бутылки коньяка (одна уже пустая на полу) и пепельница с окурками — больше ничего. Дарко сразу было налито полстакана. А это было всё равно что налить язвеннику или тибетскому монаху. Он стал отбрыкиваться, объясняться, но АН настоял. Выпил он, конечно, не целиком, но разговор начался. По-русски. Наверно, АН не хотел в том состоянии говорить на английском. Мы посидели, думаю, часа полтора разговор был о том, почему Дарко начал читать, переводить, писать, какое влияние оказала Япония, о гонорарах, в общем, поверхностный такой разговор. Но бедняга Дарко всё-таки допил потихонечку свои полстакана и попросил жалобно: „Слушай, Владимир, мне лучше идти“. АН достал третью бутылку. Мы поднялись и пошли к двери. Лена чем-то гремела на кухне, и она понимала, конечно, что мы там не хокку в оригинале читаем и не в шахматы играем. АН вышел нас провожать, уже прилично пошатываясь, но это был ещё не конец. Для него. На улице я поймал машину, и Дарко говорил всю дорогу:

— Я потрясён! Такая фигура! Такая мощь — человек ренессанса! Я бы хотел ещё с ним поговорить, встретиться.

— А тебя не пугает, Дарко? Он опять будет с другом и опять будет коньяк.

— О, я готов пожертвовать собой, чтобы только посидеть с ним рядом!

Вот так. У АНа был потрясающий магнетизм.

Однако наутро звоню я Дарко:

— Ну как, пойдем?

— Извини, но сил у меня больше нет. Плохо мне что-то…»

Хилые они, эти канадцы сербского происхождения!

После завершения работы над пьесой записей в рабочем дневнике АБС становится совсем мало, и хочется цитировать их практически все подряд:

«17.05.90 — Вчера Б. приехал думать о будущем.

19.05.90 — Обсуждали „несчастного мстителя“.

20.05.90 — Философия как НФ.

Нужна биография НМ, с родословной, подробная. История, как человек обнаружил в себе дьявола.

21.05.90 — Вчера приехала Адка. Ездили с Адоней в валютный.

22.05.90 — Ким Волошин. Делает окружающих несчастными:

1. Убивает.

2. Калечит.

3. „Просветляет“, и они гибнут в этом мире».

Что ж, «Дьявол среди людей» задуман очень близко к окончательному тексту. Однако в следующий, октябрьский приезд БНа в Москву появятся несколько иные записи:

«24.10.90 Б. приехал в Мск обсуждать ситуацию.

1. Чем кончил?

2. Этапы проявления силы.

3. Эпизоды? Война, блокада, эвакуация, детдом… диссидентство *<вставлено сверху>*, лагерь? Чернобыль.

3. *<это описка: должно быть 4>* Эволюция: непонимание — удовольствие — ужас».

Прелюбопытнейший план из четырех пунктов. Какой повести? Про Кима Волошина — «Дьявол среди людей»? Не

торопитесь с ответом. Потому что это и про Стаса Красногорова тоже — «Поиск предназначения». Иначе откуда там блокада? Да и диссидентство у Кима эпизодическое… А всё остальное (не считая Чернобыля) — оказалось общим для обеих вещей.

Но на этом этапе замысел был один, и повесть предполагалась одна. Получилось в итоге две, и очень разных.

«Дьявол среди людей» — самая угрюмая, самая мрачная, самая беспросветная вещь в творчестве АБС. У главного героя нет светлых страниц в биографии, с самого детства череда кошмаров. И у жуткого мира, в котором довелось родиться герою, нет никаких шансов на спасение. Человек здесь нужен только спецслужбам, и только для того, чтобы взять его под контроль или уничтожить. А всякая перестройка оборачивается исключительно Чернобылем (Полынь-городом) или другой масштабной катастрофой. Шокирующие эпиграфы к каждой главе ещё усиливают ощущение безнадёжности. И смелая философская попытка автора персонифицировать мировое зло заканчивается признанием его непобедимости. А три варианта шуточных эпилогов — это совсем не катарсис и вызывают они только грустную мысль о явной неоконченности этой повести. Время у АНа ещё было — от апреля до октября, целых полгода, — но желания что-то переделывать уже не было, и он в конце июля передал рукопись в «Текст», поняв, что не будет больше над ней работать.

Особого внимания заслуживает образ второго главного героя — рассказчика в повести, — целиком списанный с Юры Чернякова. Включены в текст и его медицинские знания, и манера говорить, и какие-то чёрточки характера. И образ пожилого еврея-патологоанатома тоже он АНу подсказал. Так что я, наверное, не ошибся, когда предложил Юрию Иосифовичу прочесть эту повесть для современного аудиокнижного издания в рамках полного собрания АБС. По-моему, здорово получилось. Опыт дикторского чтения у Чернякова есть, а актёрское чтение — это вообще не обязательно. Куда важнее — понимание текста. А более глубокого понимания этой вещи, чем у Юрия Иосифовича, ни у кого нет и просто быть не может.

Вторая «инкарнация» этой последней повести АБС (рабочее название было замятинским — «Бич Божий») явилась миру как роман с длинным названием «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» и шла к читателю намного медленнее. На то были свои причины. БН не помнит сегодня, когда им написаны первые страницы будущего романа, потому что это уже не страницы, а файлы в компьютере, а компьютеры как раз в те годы совершенствовались стремительно и менялись

часто. Так что файлы черновиков сохранились (и то не все), но даты их создания невосстановимы — типичное горе от ума. Однако ясно, что уж никак не позже 1990 года появились какие-то наброски, сцены, персонажи. Летом 1991-го идёт уже вполне серьёзная работа над текстом. БН догадывается, что от АНа теперь, в лучшем случае, сможет получить полезные советы, о традиционной работе вдвоём речь уже не идёт.

Смерть брата надолго выбивает БНа из колеи, но он берёт себя в руки, понимает, что это дело чести, что это его долг — не важно кому, не важно почему — просто он ДОЛЖЕН написать эту книгу — и всё! И он её заканчивает к 1995 году. На мой взгляд, роман совершенно блестящий, на уровне лучших вещей АБС, и выгодно отличающийся от «Дьявола» продуманностью, завершённостью и светом в конце туннеля. Да, там тоже много «мракухи» и финал очень тяжёлый. Но у героя есть счастливое детство — несмотря на блокаду, есть счастливая юность и молодость — несмотря на страшную советскую мясорубку, и даже счастливая зрелость — несмотря ни на что. Стас Красногоров, даже становясь убийцей для кого-то, продолжает верить в свою благородную миссию. И потому, закрыв книгу, тоже веришь, что всё, всё, даже смерть, было не зря, а главное, хочется не выть от тоски, а думать, думать и думать — как всегда после книг АБС.

Что же касается языка этих двух вещей, да простят меня литературоведы и слишком рьяные московские и питерские фанаты, отстаивающие приоритет одного из братьев, я абсолютно убеждён, что обе они написаны одним автором — АБС. И АНу некуда было деваться от принципов, давно ставших привычными и единственно возможными. И БНу ничего не оставалось, как только следовать общим традициям, устоявшимся за десятилетия. Такое не растеряешь ни за три года, ни за тридцать три. Это уже на всю жизнь. Так что правы в итоге сегодняшние издатели, загнавшие все произведения — и АБС, и Ярославцева, и Витицкого под единые обложки с единым брендом. И это не только коммерческий подход. Это — принципиально верно.

* * *

Вернёмся теперь в октябрь 1990-го, в ту драматическую точку на шкале времени, когда единый замысел раскололся надвое. Когда рухнула последняя иллюзия, последняя мечта о совместной работе. Ну, если строго, предпоследняя. Были ещё разговоры об «Операции „Вирус“» в январе 1991-го, но именно, что разговоры,

плана никакого нового не возникло — ни единой фразы. И думается мне, именно в тот последний приезд БН и понял, что никогда уже не напишут они четвертую книгу о Максиме Каммерере. АН понял это намного раньше.

Но их октябрьская встреча в Москве ещё вполне позитивна и конструктивна. Помимо будущей повести обсуждается работа с архивами — старая, выстраданная уже идея написать и издать историю своих баталий с издателями и чиновниками. Аркадий неожиданно заявляет, что изрядная часть той знаменитой переписки с начальством вообще не сохранилась, вроде как он выбрасывал однажды лишние бумаги, ну и… БН не слишком расстроен: в конце концов, велика ли важность — точно цитировать бесконечные унылые тексты, написанные канцеляритом, а общий порядок событий ещё отлично помнится. В итоге из этого разговора получается план предисловия под названием «Авторский комментарий» к готовящемуся в «Тексте» десятитомнику. И этот план, между нами говоря, очень напоминает будущие «Комментарии к пройденному». Наверно, что-то и было написано БНом тогда, а предисловие к собранию сочинений не понадобилось. Его, как известно, написал Мирер. Отлично написал. Это был первый, краткий, но очень выразительный опыт творческой биографии АБС.

А в Репине с 1 декабря проходит не просто очередной, а последний в истории Всесоюзный семинар по кинофантастике. Еще через год уже не будет Советского Союза.

И это был последний приезд АНа не только в Репино, но и вообще в родной город на Неве. Собственно, это будет его последняя в жизни поездка вообще.

Именно тогда, 5 декабря, АБС подпишут грандиозный исторический договор с «Текстом» — на собрание сочинений, пока в десяти томах. Точные цифры гонораров БН сегодня уже не помнит, а Бабенко не считает нужным сообщать. Может быть, он и прав. А то ещё пришлось бы долго и нудно пересчитывать тогдашние «деревянные» или тогдашние доллары (один из вариантов договора составлялся в валюте) в сегодняшние евро. Никто бы всё равно ничего не понял. Но поверьте, сумма договора была впечатляющей. Любая сумма, умноженная на десять, впечатляет. А тут ещё надо учесть, что «Текст», руководство которого состояло на добрую половину из писателей-фантастов, авторов тогда не обижал, а уж АБС — тем более. Ну а тираж (стартовый!) — 225 000 экземпляров. У кого такие сегодня? Вообще ни у кого. Есть любопытный документ — письмо, опубликованное в «Книжном обозрении» 21.06.1991:

«НЕ ДОВОДИТЕ ДО СУДА

В последнее время в различных периодических изданиях появились рекламные объявления о якобы подготавливаемых собраниях сочинений Аркадия и Бориса Стругацких — в шести, десяти и прочих томах. Настоящим Аркадий и Борис Стругацкие официально заявляют, что существует только одно действительно готовящееся к изданию собрание наших сочинений в 10 томах. Это издание осуществляет РПК „Текст“, коему и переданы исключительные права.

Все прочие объявления являются либо недоразумением, либо фальшивкой. Мы оставляем за собой право возбудить судебное преследование лиц и организаций, использующих наше имя без нашего на то разрешения.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,

Борис СТРУГАЦКИЙ»

Понятно, что за эксклюзив получают Стругацкие и аванс. Они вообще в этот период получают много всяких и зачастую весьма крупных гонораров. Впервые у них нет проблемы, где взять деньги — есть проблема, куда их потратить. Это не шутка и не воспоминание об Остапе Бендере с его миллионом в «Золотом телёнке». Это всё так и было. Вокруг не просто советская страна, плохо приспособленная для жизни обеспеченных людей, — вокруг стремительно разваливающаяся советская страна. Чем больше становится денег у граждан на счетах и в карманах, тем меньше доступных товаров и услуг. Всюду очереди, всё по записи и бешеная переплата, если не хочешь ждать, но люди и, в частности, АБС ещё психологически не готовы жить по новым рыночным правилам. Например, раньше АН легко покупал ночью у таксиста за червонец или полтора бутылку водки с ценником 3 руб. 62 коп. Но теперь, в 1990-м ему не приходит в голову взять в коммерческом ларьке бутылку французского коньяка за 400 рублей, когда простой советский стоит в магазине (если его туда завезут) 15 рублей. Да ведь ещё больше одной бутылки в руки не дадут, и талон на алкоголь потребуют, и пустую бутылку на обмен… И всё равно это проще, чем пойти в коммерческий ларёк. Хотя деньги были. Психология! Тонкая наука.

Конечно, сам АН в очередях за коньяком не стоял.

Весь алкоголь из «правдинских» заказов Егора Тимуровича (а он работал сначала в «Коммунисте», потом в «Правде» —

редактором отдела и, наконец, заведующим отделом экономики); весь алкоголь из особых «чернобыльских» заказов Соминского; все шикарные бутылки, подаренные пациентами Чернякову, наконец, всё, что удавалось раздобыть коммерческому директору «Текста» Валере Генкину, перекочёвывало на квартиру АНа. Продукты тоже попутно завозились и, поскольку не расходовались с такой скоростью, начинали накапливаться: все полки в коридоре прямо при входе в квартиру были забиты крупами, консервами, сахаром, макаронами, даже солью и спичками, ну и конечно блоками сигарет, которыми на свои талоны одаривали АНа все некурящие друзья. Отсутствие табака в свободной продаже было серьёзной бедой для многих, а в коммерческих ларьках цена на пачку «Мальборо» могла доходить до 40 рублей при цене пачки «Явы» по талонам — 40 копеек. Я лично помню, как покупал «Салем» за 25 рублей. А ещё я лично помню, как отдавались распоряжения водителям «Текста» Ване Толкунову или Володе Никитенко:

— Вот эту коробку — Стругацкому, загрузишь по списку и обязательно получишь у завмага…

— Любимый напиток! — уже прекрасно знали водители.

АН сам прозвал так коньячок. Сам-то он в последние два года уже почти никуда не выходил и всех благодетелей своих непременно спрашивал:

— А любимый напиток?

В сберкассу он ходил сам. Вынужден был ходить, не оформлять же доверенность у нотариуса — такая морока! Но начали болеть ноги. И он уже ходил иногда с палочкой. Когда главный редактор «Текста» Михаил Гуревич вежливо пригласил его в Ялту в мае 1991-го на политически важное мероприятие, совмещённое с отдыхом, АН только грустно усмехнулся:

— Ты шутишь, Миша? Куда я поеду? Ноги почти не ходят…

А денег было теперь больше чем надо. Смешно, глупо, но получалось именно так. Когда АН умер, у него на сберкнижке оставалось примерно 150 тысяч рублей. Ещё года два-три назад это была фантастическая сумма. Три шикарных квартиры, или пятнадцать автомобилей, или двадцать лет безбедной жизни среднего человека… На начало 1992 года, когда зять АНа приступил к своей «шоковой терапии», сумма превратилась в тысячу долларов. Но даже этого нельзя было снять, потому что Елена Ильинична не могла вступить в права наследования до апреля месяца.

Ирония судьбы? В каком-то смысле да. И читатель, конечно, спросит, почему Егор не предупредил, не объяснил, не спас эти деньги, ведь он же обо всём знал… Ну, во-первых, не обо всём, во-вторых, всем было не до того — решалась судьба страны.

Никакого излишнего пафоса в этой фразе нет. Судьба СССР и будущей России именно в те дни решалась серьёзно, реально, буднично. И Егор был одним из тех, от кого очень многое зависело. И рядом с этим подобные денежные суммы не могли считаться существенными. Не играли они никакой роли для будущего. Тратить время на их спасение было элементарно нерентабельно. И, наконец, в-третьих, какая-то часть, разумеется, была спасена раньше тем или иным способом, но уговорить АНа снять деньги со счёта с сберкассе и, скажем, ещё в 1990-м перевести в наличную валюту — это было дело не менее безнадёжное, чем уговаривать его на систематическое лечение. Упрямый он был. Сберкнижка — это понятно, а всё остальное — от лукавого. Купить же новую квартиру, дачу или машину — этим надо было заниматься, и не как сегодня, а месяцами, бросив всё. Для такого дела подходящих персонажей в семье не было. А несколько тысяч в тумбочке теперь лежало всегда — ну и ладно. Больше-то зачем?

Издательство «Текст» приступило к переизданиям АБС ещё в 1988-м, и, разумеется, с текстами пришлось много работать, ну, хотя бы с тем же изувеченным «Пикником». Хотелось же сделать хорошо. И главный редактор в общении с АНом выступал в роли самого обыкновенного литературного редактора.

Вспоминает Михаил Гуревич

> «Что было особенно интересно в нашей работе. Мы делали редактуру сорок пять минут, академический час, строго по часам, потом он говорил: „Миша, отдыхаем! Добро?“ Я послушно откладывал рукопись, он снимал с полки бутылку очень скверного коньяка, самого дешевого (Булычёв называл такой „66-м“ — по марке самого дрянного бензина, теперь такого не бывает — бензина, коньяк-то как раз бывает), и наливал по полстакана (больших, гранёных). После трёх-четырёх перерывов я чувствовал, что работается уже как-то не так, и, наконец, Стругацкий говорил: „Миша, может быть, на сегодня хватит?“ И я уходил, едва не держась за дома, а у себя сразу ложился спать. Мог ли я не пить? Ну, во-первых, я и сам был любитель этого дела, но тогда частенько лишал себя этой радости, потому что был за рулём, а тут ехать не надо — пешком; во-вторых, я почитал за честь выпить с самим Стругацким; наконец, я просто не мог отказать ему как обаятельнейшему человеку.

> Месяца два мы так работали, только над первой книгой (потом были другие). И вот он обратился ко мне с просьбой. Купите мне полдюжины коньяка, но только вот именно этого. Сейчас уже не помню, грузинский он был или дагестанский, в общем, три звёздочки. И я догадался: это было как у заядлого курильщика, который не может переходить на другой сорт сигарет. Даже если они будут намного лучше. Правда, была и вторая причина: деньги у него уже были в тот момент, но была и въевшаяся навсегда привычка экономить их. Он так и сказал: „Миша, мне нужен дешёвый коньяк“. Поручение я выполнил. Но потом как-то раз приносил ему армянского марочного. По-моему, он не заметил разницы».

(Что совсем не удивительно. Если разбавлять коньяк вполовину сливовым соком или спитым чаем, боюсь, трудновато будет отличать даже коллекционный французский от нашего «66-го».)

Круг общения АНа начал сужаться ещё в 1979-м, после больницы. А в последние два года он сузился просто до предела. Журналистов АН пускал крайне неохотно: либо хорошо знакомых, либо приехавших совсем уж издалека. Молодых писателей — тем более гнал. Исключение делал для тех, кто из семинаров (московского, питерского, малеевского), но тоже нечасто. Особыми правами пользовались сотрудники издательства «Текст» (Виталий Бабенко, Володя Гопман, Миша Гуревич, Валера Генкин). Родственники навещали, конечно: Маша с Егором — регулярно, Наташа с Эдиком — вплоть до своего отъезда в США в начале 1991-го. А кроме них: Марик Ткачёв (теперь уже редко), Гена Прашкевич (когда бывал в Москве), Бела Клюева (приезжала иногда, один раз уже в 1991-м с бутылкой коньяка по старой традиции и пришла в большое уныние от того, как выглядел Аркадий), Евгений Войскунский — тоже иногда. А часто бывали только четверо: Мирер, Соминский, Черняков и Станислав Агрэ.

Настало время представить нового персонажа.

Станислав Агрэ, родившийся в 1950 году, прочёл «Хищные вещи века» в пятнадцать лет, когда они вышли, и заболел Стругацкими на всю жизнь. Все их книги он читал и перечитывал по столько раз, что знал уже почти наизусть. Самой любимой повестью стала «Трудно быть богом». Однажды вместе с приятелем, почти таким же фанатом АБС Юрой Гусаровым (между прочим, племянником члена Политбюро, министра

иностранных дел А.А. Громыко), они придумали Орден Святого Мики и периодически провозглашали друг друга его президентом. (Громыко в этом контексте назван не для того, чтобы похвастаться, кто с какими людьми был знаком, а для того, чтобы подчеркнуть, сколь широк был социальный состав поклонников АБС.) Игра в Орден Святого Мики продолжалась многие годы (как это напоминает «Звёздную палату» АНа и Ткачёва!).

В 1980-м Стасу довелось в первый раз увидеть Стругацкого на выступлении в «Керосинке» — институте имени Губкина. И случилось первое чудо: АН выудил его записку с вопросом о Булгакове из целого сонмища других посланий. Ответ необычайно порадовал Стаса:

— Ну, знаете, Булгаков, это же… — АН развёл руками, показывая нечто необъятное. — Если бы мы могли читать его книги раньше, он бы ещё сильнее повлиял на нас.

А в начале апреля 1987-го Станислав столкнулся с АНом буквально нос к носу около магазина у метро «Юго-Западная». Подойти не решился, но сообразил, что писатель живёт где-то рядом. Позвонил в справочную службу, и случилось второе чудо — ему запросто дали номер классика. Вроде по закону и не должны были, но ведь бардак кругом, а Стругацкий — это вам не Громыко.

Потом был телефонный разговор:

— Я слушаю вас.

— Здравствуйте, попросите, пожалуйста, Аркадия Натановича.

— Это я.

— Здравствуйте, меня зовут Станислав, я очень люблю ваши книги, и я живу совсем рядом с вами, пожалуйста, приходите ко мне и гости.

— Ну, я понимаю вам это будет удовольствие, а что я с этого буду иметь? И, вообще, кто вы такой?

В этот момент Станислав сделался весь мокрый, но, собрав остаток сил, произнёс:

— Я — президент Ордена Святого Мики.

АН помолчал, слышно было, как он тяжело дышит в трубку, потом сказал:

— Ну, раз такое дело, придется уважить. Приготовьте-ка бутылочку коньяка, закусочку и встречайте меня у моего дома в субботу, четвёртого в девятнадцать нуль-нуль.

Он встретил АНа у подъезда. От дома до дома идти было минут семь. Сидели в комнате, пили коньяк, разбавляя его пополам минералкой — по инициативе АНа, конечно. И потом

всегда так было: с яблочным соком, с лимонадом, с компотом, с чаем — но всегда пополам. Говорили в основном о книгах Стругацких, но АН заставил и Стаса рассказать немного о себе. Но вообще, потрясённый самим фактом встречи поклонник почти ничего не запомнил. Под занавес был подписан седьмой том «Библиотеки современной фантастики». Надпись была такая: «Президенту Станиславу и вицше Лене с наилучшими пожеланиями». Вицша, то есть вице-президентша Лена — это подруга Стаса, подошедшая в конце вечера. Вообще, по наблюдениям многих, у АНа существовал стандарт первой надписи для незнакомых и малознакомых людей: «Такому-то — дружески». На свежего человека это действовало неотразимо. А те, с кем продолжалось общение, постепенно дорастали до ласкательных имён, конкретных пожеланий и афоризмов. В случае со Стасом уже первая надпись получилась не совсем ординарной — рождалась уникальная дружба с первого взгляда.

Потом он проводил классика до дома, а как вернулся, уже не помнил совсем — осталось только ощущение абсолютного счастья.

Дальнейший рассказ будет логичнее вести от первого лица.

Вспоминает Станислав Агрэ

Он бывал у меня ещё несколько раз. А я у него — намного чаще, пожалуй, чаще, чем раз в неделю. И так — три с лишним года до самого отъезда в Америку в декабре 1990-го.

Через некоторое время АН произвёл меня в магистры Ордена Святого Мики — сказал, что слово «президент» тут не подходит.

У меня установились необыкновенно тёплые отношения и с Еленой Ильиничной. Когда АН работал, мы, бывало, подолгу беседовали с ней на кухне, как правило, о проблемах чисто практических или, как говорится, «за жизнь». Я понимал, как нелегко быть женою великого человека, всю жизнь быть в его тени, поэтому я всегда старался быть с ней как-то помягче, понежней, и она чувствовала это и платила тем же. АН сам говорил мне о том, как она меня любит. Когда стало совсем плохо с продуктами и в магазинах уже не было ровным счётом ни черта, а на рынках очень дорого, я познакомился с мясниками, и за небольшую доплату брал у них прекрасные куски не столько для себя, сколько для АНа, и частенько сам разделывал это мясо на кухне под руководством Елены Ильиничны. Потом стал покупать и другие продукты. Я стал для них почти членом семьи.

(Вот тут я просто не могу удержаться от комментария. Такие отношения с Еленой Ильиничной были только ещё у одного человека — у Юры Чернякова. Но он-то всё-таки врач! В каком-то

смысле ещё Мирер заслуживал почти полного её доверия. Но он-то всё-таки самый старый и верный из друзей. А кто такой Стас? Все, познакомившиеся с АНом существенно раньше: Ковальчук, Гопман, Бабенко, Прашкевич, Соминский — уверяют в один голос, что человеческого контакта с Еленой Ильиничной не получалось. Она не участвовала не в выпивке, ни в разговорах. Иногда непонятно было, знает ли она, кто пришёл. Приходили-то многие. Раз звонят — это к нему. Посидели, поговорили, выпили. И никакого представления о том, что она вообще есть в квартире. Вот и ещё одно чудо в их отношениях! — А.С.)

Как-то АН спросил меня:

— Как твоё отчество?

— Ни за что в жизни не угадаете!

— Ну и?

— Аркадьевич.

Долго мы с ним смеялись. Нет, я не чувствовал себя его сыном, впрочем, допускаю, что он относился ко мне почти по-отцовски. Я же воспринимал его одновременно как небожителя, олимпийца и как старого, очень близкого друга.

Мы с ним сидели часами, попивали коньяк, я пел ему песни. Вообще, гитара ему не нравилась, но, помню, звонит однажды: «Бери гитару и беги ко мне». Прибегаю. «Мне, — говорит, — песня приснилась, подбери музыку». Однако мелодия, которую он пытался изобразить, его не устраивала — чувствовал: не то получается. А вот стихи я потом увидел в его книге «Дьявол среди людей»:

> «Странная была песня, и мотив странный — не то марш, не то тоска предсмертная.
>
> *Справа танки, ребята, справа танки, друзья!*
> *Приготовьте гранаты, удирать нам нельзя.*
> *Эй, Сережка с Павлушкой, мочи-сил не жалей,*
> *Накатите мне пушку на бруствер скорей!..»*

А иногда под хорошее настроение АН пел мне песни на японском языке. Про войну рассказывал, как они эвакуировались, как служил в армии переводчиком. Я почти ничего не помню конкретно, в душе остался его голос и сама атмосфера этих часов, проведённых с ним. Чтобы рассказывать об этом, надо быть очень крупным писателем, как Томас Вулф, например, или как АБС, а я — всего лишь читатель.

Однажды я получил ещё один, новый титул — Ируканских дел мастер. Это случилось так.

Мои хорошие друзья из Тбилиси попросили подписать у АНа несколько книг для одного из них — Важи — главного любителя АБС. Надписи были исполнены творчески, в лучшем виде, и, прилетев в Грузию, я вручил почитателю бесценный подарок. Важа — алаверды — в день моего отъезда принес три ящика коньяка «Варцихе» из спеццеха, поставлявшего напитки правительству СССР. Это был не коньяк — это был нектар. До поезда он меня проводил, и в Москве, на Курском, слава богу, друзья встретили, а вот короткое расстояние от своей квартиры до квартиры АНа мне пришлось преодолевать самому. Причём непременно хотелось принести сразу всё. Я взял три огромных сумки — две в руки и одну через плечо. Наверно, двигался с остановками. Но всё равно пришел весь мокрый и красный. Да ещё старался не бренчать на входе, чтобы интереснее был сюрприз. Короче, я впёрся прямо в кабинет, уже там отдышался и сказал: «Это Вам, Аркадий Натанович, спасибо из Тбилиси за книжку с автографом». И стал одну за другой доставать бутылки и ставить их аккуратненько, рядочками на его стол. Где-то после шестой или седьмой АН буквально заорал: «Лена! Иди скорей сюда!..» Вынимая последние ёмкости, уже не умещавшиеся на столе, я торжественно произнёс: «К полудню Том Сойер утопал в роскоши». Вот тогда АН достал какую-то книгу и надписал её: «Ируканских Дел Мастеру…» Никогда ещё ни одна книга не доставалась мне так тяжело. А называть коньяк ируканским я начал задолго до этого случая. АНу понравилось, и он с тех пор неизменно предлагал: «Ну-с, пора употребить ируканского».

Единственная моя встреча с БНом была в октябре 1990-го. И тогда мне был подарен уникальный экземпляр шуточной купюры «Два Стругацких», напечатанной фэнами к 65-летию АНа. Почему уникальный? Да потому что братья точно знали, что они расписались вдвоём только на этой единственной банкноте. Существует ещё несколько таких казначейских билетов, подписанных ими по одиночке.

Важным аспектом наших общих интересов был видеомагнитофон. Эту роскошь АН приобрёл ещё в те времена, когда многие и слыхом не слыхивали о подобных игрушках. Я — несколько позже, но всё-таки (глядя на него) довольно рано — в 89-м. Тогда ещё продолжали ходить в гости специально на видак. АН любил смотреть всякие серьёзные фильмы, но даже больше — фантастику, и я составлял ему компанию. Потом научился в одном месте доставать пустые кассеты, а в другом — мне на них записывали фильмы. Когда появился свой аппарат, мы уже могли

обходиться без посторонней помощи для копирования того, что понравилось.

А потом случилась вот какая история. Кто-то вычислил меня, как владельца завидной техники…

Поздний вечер. Звонок в дверь. Открываю. И получаю удар в висок. Очнулся — лежу на полу. На мне сидит здоровенный парень и прижимает к горлу огромный, почему-то очень грязный кинжал (понятно, что я увидел это позже, но лезвие, перепачканное неведомо чем, как-то особенно запомнилось), а кто-то шарит по ящикам и собирает вещи в большой мешок. Я лежу и думаю: «Сейчас всё заберут и горло перережут». Обидно было главным образом из-за двух вещей: из-за Америки (а я уже ждал разрешения на выезд) и… из-за Стругацкого (кто же теперь будет мясо ему покупать?). Тут они вроде как закончили. И вдруг заметили на стуле ещё видеокассеты. Я взмолился: «Это не мои! Это Аркадия Стругацкого! Оставьте, пожалуйста!» И — можете себе представить? — они не взяли! Вот такие благородные доны попались! Но унесли всё. что сочли ценным: видак, кассеты, триста пятьдесят рублей денег и, что особенно обидно, все мои магнитофонные записи КСП, то бишь бардов, собранные за многие годы.

Но главное — жив. Вспомнил, что обещал быть у АНа, и пошёл. Через силу. А он только глянул на меня и сразу налил ируканского — рассказывай, мол, что случилось. Я рассказал. Он долил стакан до полного. Потом вышел на пару минут, возвращается и даёт мне целую пачку денег. Там была ровно тысяча рублей — ещё не малые по тем временам деньги, некоторые за год зарабатывали около того. Я, конечно, отказываться стал, а он сурово так припечатал: «Не возьмешь — больше не приходи».

Ну, что ещё было?

В мой день рождения он сделал однажды очень странную надпись на книге «Понедельник начинается в субботу» *(сборник, включающий в себя ещё «Парня» и «Жука» и вышедший в издательстве «Мектеп», Фрунзе, в 1987году тиражом в 310 000 экземпляров. — А.С.):*

«В твой день рождения
(да будет день этот благословен)
Через амбассадорские помойки — вперёд,
К Новому свету.
Встретимся в Иерусалиме
в 2090 году

Lэхаэm! *(то есть лехаим — дежурный еврейский тост, в переводе „за жизнь.“ — А.С.)*

А. Стругацкий» (подпись)

От каких бы то ни было объяснений АН отказался. Разгадаем ли мы когда-нибудь эту загадку?

Ещё одно яркое впечатление: смотрели «Трудно быть богом» на премьере в Доме кино. Возил нас туда Юра Черняков. И фильм АНу понравился, вот это я точно помню, и он спросил, как мне, а я честно ответил, что слишком люблю эту книгу, и мне никакой фильм, снятый по ней, понравиться не мог. И ещё, АНа тогда совершенно потряс этот квадро-звук системы «долби-сёрраунд». Кстати, позже я смотрел его в каком-то обычном кинотеатре, уже дублированный и без этого звука, и фильм показался мне просто угробленным.

Кажется, именно тогда, уже после банкета по случаю зарубежной премьеры, решено было выпить и напитка зарубежного. Правда, не немецкого шнапса, а английского джина. Помимо коньячных «лонгдринков», АН ещё очень любил джин-тоник, после Брайтона, наверно, а эту экзотику можно было купить только в «валютке». И вот иногда он выдавал мне какие-то доллары или марки — но исключительно на джин и тоник, не на еду.

Запомнилась шутка. Из действующей церковки напротив его дома в страшную рань по утрам доносился колокольный звон.

— Аркадий Натанович, не мешают вам православные спать по выходным?

— Я — птичка ранняя, — улыбнулся он, — а колокол всяко лучше, чем гимн СССР по радио.

И вот 29 декабря 1990-го. Я зашёл к нему прощаться. Умолял сфотографироваться на память, «поляроид» с собой принёс, чтобы сразу показать, что получится, — ни в какую! В прихожей сначала Елена Ильинична обняла и поцеловала. Потом АН обнял и поцеловал. Но слов не запомнил я никаких. Вышел за дверь. Постоял немного и сфотографировал её. Номер у квартиры был выдающийся — 273. «„Абсолютный нуль“, — любил говорить АН, когда объяснял адрес».

А вот что записал об этом дне сам АН:

«Заходил попрощаться Стас Агрэ. Сегодня вечером уезжает с мамой и братом в Шереметьево, завтра в 1.30 (дня) вылетает в Чикаго. Принес посуду, стул.

Попрощались. Что ж, вероятно, больше не увидимся на этом свете. Хороший был друг».

А это уже из «Бессильных мира сего»:

«Его зовут Стэн Аркадьевич Агрэ. Имя, казалось бы, необычное, но только для нашего нынешнего деидеологизированного безвременья. На самом деле Стэн — это „СТалин-ЭНгельс“. У него, между прочим, был когда-то ещё и старший брат, которого звали Марлен: Маркс плюс Ленин. А вот откуда взялась у него, совершенно русского человека, такая экзотическая фамилия, мне выяснить пока не удалось. Знающие люди объясняют, что „агрэ“ на санскрите значит „первый“ или даже „наивысший“, по-грузински это — „вот“ („Вот какой рассеянный…“), а на иврите „агра“ (ударение на последнем слоге) означает „налоги“».

Разумеется, наткнувшись на имя Агрэ в дневнике АНа, я сразу стал выяснять у БНа, какая тут связь, и получил ответ, что это добрый приятель АНа, уже много лет живущий в США. По образованию фармацевт, чем сейчас занимается, БН не знает, но поддерживает с ним постоянную связь как с литагентом АБС по киноделам в США. И как-то в очередном письме Стэн в шутку предложил, что за немалые заслуги перед АБС пора бы уж в их книгах увековечить его имя. Ну а БН решил всерьёз так и сделать.

Настоящий Агрэ — чистокровный еврей, и соответственно, этимология его фамилии интересна только с этой стороны, но следует заметить, что это не БН, а сам Станислав развлекался, выискивая переводы своей фамилии с других языков. Ну а Сталина с Энгельсом всё-таки БН выдумал, в реальной жизни — славянское имя Станислав американцы просто переделали в Стэна и даже в Стэнли.

Исторический 1991 год начинался бурно: на окраинах империи стрельба, в столицах бесконечные митинги. Да какие! Сто тысяч человек на улицах в мороз и в распутицу уже никого не удивляют. Появляется почти спортивный азарт: а вот покажем им, что мы можем все сразу выйти! И однажды установлен рекорд: на Манежную площадь в Москве (тогда ещё площадь 50-летия Октября) стекается толпа почти в полмиллиона человек. Самое удивительное, что нас никто туда не сгонял и ничегошеньки нам

за это не платили. Мы просто выходили на улицу, потому что не могли не выйти, когда власти душили свободу или убивали людей. Я помню это, я это пережил, и потому сегодня мне смешно слушать, как сталинисты в маразме объясняют туповатой юной «фашне», что демократы, мол, победили в перестройку по приказу сверху или — того веселее, — перестройка была экспортирована из США. А вот когда то же самое начинают рассказывать по главным каналам российского ТВ, становится уже не смешно… Но я сейчас не об этом. Я о 1991-м. Это был удивительный год, наполненный событиями и откровениями. Вот только всё это шло уже как-то мимо АНа. А если и проходило через него, то не задевая струн душевных, не увлекая за собой и не радуя. На входе — много всего, на выходе — сплошная тоска.

Прямо в январе и состоялась их последняя встреча с Борисом в Москве.

В марте — последняя поездка в ЦДЛ на последний пленум Совета по фантастике. На «текстовской» машине с одним из знакомых водителей и с директором издательства Бабенко, едущим туда же.

Вспоминает Виталий Бабенко

> «Мы говорили, как обычно, о литературе, и почему-то мне пришло в голову задать этот дурацкий чисто журналистский вопрос:
>
> — Какую вашу книгу вы считаете для себя самой главной?
>
> Он страшно помрачнел, страшно!
>
> — Виталька! Свою главную вещь, настоящую я ещё не написал.
>
> Так я получил банальный ответ на свой банальный вопрос. Неприятно кольнуло и то, что он сказал „я“, а не „мы“. Я же не знал тогда, что они уже пишут порознь. И вообще, мне стало немножко горько и даже страшно. В его ответе слышалось предчувствие смерти.
>
> Всё, что они написали, было уже историей».

С января и по апрель АН напишет «Дьявола среди людей». Писать будет упорно, подолгу, стараясь не отвлекаться, невзирая на усталость, на подступающую слабость и общий неуют.

И он уже не выберется 3 апреля на презентацию альманаха «Завтра» в Доме журналистов. Тем более что её проводят в 10 часов утра. Для прежнего АНа время вполне комфортное — он же всегда умел и любил рано вставать. Но теперь… Увольте!

Тащиться куда-то спозаранку, да ещё не дай бог выступать!.. Он ограничится тем, что напишет прекрасное предисловие к первому выпуску этого альманаха.

Примечательную надпись сделал АН Юре Соминскому в самом конце 90-го года на втором томе двухтомника:

> «Дорогому Сталкеру — Соминскому с искренней любовью и благодарностью.
>
> „Оптимизм — вот что остаётся побежденным взамен награбленного“.
>
> *А. Стругацкий*
>
> *с подачи А. Н. Толстого».*

Цитата, кстати, весьма любимая, произносившаяся не раз со сцены и в интервью. Неужели он считал себя побеждённым? Выходит, что так… А некий журналист как-то услышал «наград» вместо «награбленного» и вынес эту красивую фразу в заголовок. Смешно. Но горький привкус и в этом случае никуда не исчезает. Надпись на книге, разговор в машине — всё очень созвучно. Перед нами бесконечно уставший человек, разучившийся верить во что бы то ни было. Разумеется, я не вкладываю в слово «верить» ни толики религиозного смысла. Я говорю лишь о ломающихся в очередной раз убеждениях, об утраченных идеалах. В определенном возрасте это уже невосполнимо. АН застал крушение мира, в строительстве которого невольно принимал посильное участие, но он уже не успел не только поучаствовать в новом строительстве, но даже и понять, принять его, хоть краешком глаза увидеть это строительство. Бол-Кунац, Ирма и Валерьянс тогда, в 1991-м, уже ушли из города, но ещё не вернулись за ним, за Баневым. И он ушёл в другую сторону, назад, как и планировал, но только ушёл по-английски, не попрощавшись с ними…

Дневник АНа за 1991-й, наверно, будет когда-нибудь опубликован. Но сегодня читать его ещё очень тяжело и больно. И цитировать, честно говоря, не хочется. Из всех этих записей позволю себе процитировать четыре, привязанные к поворотным событиям в нашей истории, и ещё одну — просто самую последнюю.

> «18.03.91 — <…> Вчера был референдум. ТВ дико

блажило, люди изрекали глупости и пошлости. Мы не пошли. Коньяк пили».

«19.08.91 — Вчера был приступ. <…> А сегодня рано утром позвонил Сомскин и сообщил: ПУТЧ. *(Слово вписано коричневым фломастером. — А.С.)*

Ещё звонила какая-то полоумная, косноязычная. Ничего не понял, что она трещала.

В 9.15 по Вернадского пошли танки. Штук сорок тяжёлых, штук двадцать десантных. Четыре остановились у заправочной станции напротив Пентагона, стоят. Сейчас 10.15 все прошли, кроме этих четырех. 10.30 прошла ещё колонна тяжёлых танков, штук 30. А лёгкие танки пришли назад — видно, не туда ездили. 10.45 прошла ещё небольшая колонна тяжёлых. От заправочной станции ушли четыре и с ними в хвост то ли бензозаправщик, то ли ремонтник. Сейчас там пусто.

14.40 танки идут и идут, тяжёлые и лёгкие, некоторые хоботами назад. Одни в маскировочной пятнистой окраске, другие темно-зеленые.

19.00 звонил Сомскин. Он был в городе. Белый дом забаррикадирован бетонными плитами. Рядом танки и БТ. Вокруг них толпа. Солдаты драться не хотят. Говорят, стрелять не будут. Кутузовский перегорожен баррикадой из грузовиков, троллейбусов, автобусов. Силаев объявил ГКЧП вне закона. Армия на территории РСФСР подчиняется правительству России.

20.08.91 — Закрыты все газеты вчера. Ночью звонили из „Независимой“, 4.30, но я не встал, а Крыса не подошла. (Очевидно, *перезванивали днём и объяснили, что это был их ночной звонок. Потому что определителей на телефонах в то время ещё не было. — А.С.)* Утром звонили из Свердловска, осведомлялись, что происходит. А у самих нет электричества.

21.08.91 — Много волнений вчера по поводу Егора и Тимура. Они были в бригаде самообороны у Белого дома. Тимур вернулся к вечеру, Егор к 7 утра. <…> Крыса спокойно купила молока, яйца, соль, спичек. По словам ЮЧ в его части города *(Измайлово. — А.С.)* огромные очереди. Первый инцидент: застрелили танкиста, танк поперся задом и задавил пятерых. *(Как быстро распространялись слухи! Не пятерых на самом деле, а троих, и танкиста никто не убивал, и вообще не так всё это было… — А.С.)*

14.30 восвояси ушла длиннейшая часть техобслуживания и цистерн, малыми подразделениями (по роте) уходят танки.

16.30 звонили ЮЧ и Сомскин. Хунта то ли арестована, то ли бежала („Рейтер“ и „Эхо Москвы“). Войскам велено вернуться к местам дислокации. За Горбачёвым полетели в Крым, он возвратился в Москву.

Finita (а навоняли на весь мир)».

Между прочим, в эти дни АН не пьёт ни грамма: сердечко шалило, ещё в начале месяца, и Юра запретил. АН обещал ему держаться до своего дня рождения и держался. Даже когда приезжал поэт Наум Коржавин. Посидели, чайку попили.

И вот и самая последняя запись:

«15.09.91 — Вчера: рвались из Новосибирского ТВ на предмет интервью. Отказано. Рвался Хайес, требовал рукопись. Едет на месяц в Израиль. Отказано.

Назавтра с Крысой в сберкассу. Деньги по *<японские иероглифы>*. Заказали выдачу». *(Слова и даже цифры — неразборчиво. Да и стоит ли переводить и расшифровывать? — А.С.)*

Вернёмся чуть-чуть к предыстории вопроса.

Вспоминает Мира Салганик

«Он далеко не всегда выпивал. Хорошо помню его рассказы: когда работали с Борисом — сухой закон. Строгий режим. Потом приезжал в Москву и говорил: вот теперь мне надо. И это могло быть два, три, четыре дня загула. Кличка у него была Центнер интеллекта. Так что надраться ему было довольно трудно. И я его напившимся не видела тогда. Только уже много позднее.

Я видела другое: он мог прийти в плохом настроении, в совсем чёрном настроении, выпить две-три рюмки, стать весёлым, разговорчивым, смешливым. Всякую чушь ему говорили, и всё было смешно. Но дальше этого не шло. Мог просидеть битых три часа, потом встать и уйти. Я же знала многих, кто, если садился к столу, то уходил уже только на карачках. С ним этого не было. Да, здоровье было фантастическим,

но это ещё и характер».

Это — семидесятые.

А вот уже восьмидесятые — очень точная формулировка Юрия Соминского: «Выпивка входила в джентльменский набор его комфортного душевного существования — и никакого надрыва!»

Или Геннадий Прашкевич вспоминал, как, выпив на кухне в присутствии Елены Ильиничны, а то и вместе с ней — если по случаю какого-нибудь праздника, они потом уходили с АНом в его кабинет и там он, заговорщицки подмигнув, снимал с полки англо-японский словарь. Книга была издана в очень нестандартном формате — толстая, но узкая, и если выровнять её по другим корешкам, в глубине полки как раз оставалось место для бутылки. Коньяк из этого тайника был особенно сладок.

Но это определённо начало 80-х, когда Елена Ильинична ещё пыталась как-то бороться с вредной привычкой мужа. В последние лет пять она уже устала, смирилась и пила вместе с ним, но только вдвоём. В компаниях, с друзьями — практически никогда. Вообще АН не любил и по большому счёту не умел пить в одиночку. А ведь это один из самых главных признаков алкоголизма.

И, наконец, впечатления врача.

Вспоминает Юрий Черняков:

> «Удивительная особенность его творчества. Вот заканчивается у них с братом работа, рукопись готова, отлежалась, и возникает жуткая депрессия. В эти моменты АН был совершенно неуправляем… Месяц-полтора — совсем глухое, депрессивное состояние, всё плохо, и тут болит и там болит, и глухое совершенно пьянство… В эти моменты мы с ним ругались, вот он сидит в этом своём кресле, а я хожу и долблю его: „Ну, что за хреновину вы порете!“ И он всё это терпит, всё это глотает. В очередной раз я прихожу, начинаю свою проповедь, и вдруг он рявкает. Значит, это появилась новая идея, или письмо от БНа, звонок от него или ещё что-то…
>
> И так было каждый раз, кроме „Жидов города Питера“. После них уже не было отката, вся обстановка стала постоянно депрессивной.
>
> А году примерно в 1988-м я предложил ему перейти на фармакологические антидепрессанты. Привёз

лекарства. Он даже попробовал. Но эксперимент оказался недолгим. Через несколько дней, встретив меня, он разлил коньяк по стаканам, разбавил, как всегда, чем-то и сказал:

— Знаешь что? Лучше я буду вот так лечиться».

Теперь попробуем подытожить.

В конце семидесятых он ещё сам, по собственной инициативе иногда пытается отказаться от алкоголя на длительное время. Доказывает себе, что может, или хочет больше работать, или просто пугается ухудшения самочувствия и приступов депрессии.

Вот строчки из письма БНа сразу после встречи нового 1978-го года:

«То, что ты не пьёшь — это титанизмус и гигантизмус. А насчёт курения — когда приедешь, даю клятву, что буду курить не больше тебя! Пусть это будет мой вклад в эпопею воздержания».

Не пить на Новый год — это действительно подвиг, и раз уж удалось, дальше будет легче.

После приступа мерцательной аритмии в 1979-м он подробно выспросит у Юры Чернякова, чего и когда ему нельзя. Поймет, что в принципе пить можно, равно как и курить, и очень скоро вернётся к любимым занятиям. С этого момента Юра станет вторым для АНа человеком в жизни, который будет владеть искусством заставить его не пить. Он будет объяснять, для какого именно лечения это необходимо, на какой срок и что ожидается в качестве результата. АН терпеть не мог чувствовать себя болваном. «Ты мне объясни, — говорил он, — почему я, взрослый человек, должен ухудшать свою жизнь».

Сильная формулировка! Но Юра научился объяснять и это. И начал оберегать АНа даже эффективнее, чем его прежний «сторож» — брат. Всё-таки этим проще заниматься, когда живешь в одном городе.

Вообще первенство в вопросе моратория на питие, вне всяких сомнений, принадлежало БНу. И это был не его каприз и не попытка взять верх над старшим братом, воспользовавшись его слабостью. Нет — это была самая что ни на есть суровая профессиональная необходимость. Для работы вдвоём братьям всегда — с первых и до последних книг — требовалась полная адекватность восприятия мира и полная адекватность взаимного

понимания. «Что хочешь делай, но выходи из своей депрессии без водки, и только тогда у нас может получиться что-нибудь путное», — примерно так БН, если не говорил, то думал. И у них получалось. Блестяще получалось, правда, с каждым годом всё реже и реже…

Когда же АН писал один — не важно, что-то своё или совместное с братом, — он мог работать, приняв дозу алкоголя, а в последние годы уже просто НЕ мог работать, НЕ приняв её. К сожалению, так было.

Дальше всё развивалось по известной любому врачу схеме. Дурная привычка — устойчивая привязанность — алкогольная болезнь. И последняя стадия — алкоголизм. До неё АН не дошёл. Не успел дойти или принципиально не мог дойти в силу удивительных особенностей своего организма. Алкоголизм — это не только зависимость от алкоголя, это ещё интеллектуальная деградация, психотические сдвиги, разрушение личности. Ничего этого — не было. До последних часов АН сохранял ясность ума.

Но есть другая беда — влияние алкоголя на самые разные системы в организме: тут и ноги-руки (полиневрит), тут и сердце (одышка, аритмия, тахикардия), тут и осложнения желудочного характера (синдром Мэлори-Вэйса вплоть до кровотечений)… И ничто не проходит даром. Всё накапливается, всё суммируется.

И сил уже не хватает ни на что. Так приходит расплата за слишком интенсивную работу, за слишком активный отдых, за слишком яростную жизнь. И всё-таки лучше, наверно, тридцать лет пить живую кровь, чем триста лет питаться мертвечиной?

Тут мнения, конечно, разделяются. БН считает немножечко иначе. И беда в том, что расплачиваться за старшего приходится и ему тоже. Как бы он ни пытался уйти от этого. Они не просто родные братья. Они соавторы, две половинки одного писателя — как два полушария одного мозга. И когда что-то случалось с одним из них, больно бывало всегда обоим.

И вроде не мог он не понимать, например, в 90-м, что дело уже идёт к самому страшному. Но он гонит от себя эту мысль, настолько истово гонит, что даже через семь-восемь лет пишет в «Комментариях к пройденному», искренне пишет:

> «Мы обсуждали новый сюжет на протяжении всего 90-го года. Будь на то моя только воля, мы обсуждали бы его и дальше — **мне казалось, что времени впереди ещё навалом, куда спешить?..** *(Выделено мною. — А.С.)* АН думал иначе. Может быть, он что-то предчувствовал. Может быть, догадывался. Может быть, знал. Здоровье

его уже заметно пошатнулось тогда».

А теперь представьте себе, каково было Борису, когда Аркадий умер. И давайте помолчим немного.

Когда уходит из жизни большой человек, трудно не спросить: почему? Даже если этому человеку за девяносто, а уж когда ему всего шестьдесят шесть… Вопросами задаются все.

И для меня очень трудно даже сегодня отвечать на эти вопросы им, читателям. А себе… «Ах, оставьте ненужные споры! Я себе уже всё доказал…»

Да, есть медицинский диагноз, лаконичный и страшный, как все смертельные диагнозы: рак печени. И что из этого следует? Только какая-нибудь жуткая банальность, мол, смерть выбирает лучших, мол, от судьбы не уйдёшь, мол, природа не ведает сострадания… Ну и конечно, кто-нибудь скажет: где тонко, там и рвётся. И тоже верно, но вот не надо об этом, не стоит упрощать. Во-первых, медицинская статистика не так однозначна. Тарковский пил не меньше, а умер от рака легких. Кто-то пьёт лет до восьмидесяти и умирает в автокатастрофе. У нас полстраны не просыхает, а диагнозы у всех разные. А во-вторых… Есть такой замечательный рассказ не слишком у нас известного американского писателя XIX века Стивена Крейна «Голубой отель». Его очень любил Хемингуэй (тоже умер не совсем от этого). Там при достаточно случайных обстоятельствах в дурацкой драке убивают человека. И мы вдруг понимаем, что в смерти его виноват далеко не только тот, кто нанёс последний удар. Виноваты практически все, кто, так или иначе, был связан с этим человеком. Мудрый рассказ. У смерти не бывает единственной причины. Это только для врачей она одна.

Диагноз установили на вскрытии. Это — в порядке вещей. А вот то, что по одному из каналов ТВ дату смерти сместили на день позже… И тут у него получилось всё не как у людей!

Вспоминает Мария Стругацкая:

> «Чудо, как я попала на последний день его жизни. Я врача спросила: „Могу я уехать?“ Он сказал: „Поезжай“. А у Егора была такая тяжелая командировка. Оставили маленького Пашку. Ему год с небольшим. Мы уехали в Амстердам, Егор читал лекции, деньги зарабатывал. И тут раздаётся звонок: вдруг его вызвали в Москву срочно. Решение принято, приступай к работе. *(Именно тогда его ввели в состав правительства. Он работал в группе по*

подготовке выступления Ельцина по экономической политике на Пятом съезде народных депутатов РСФСР. А уже в ноябре Егор был назначен заместителем Председателя правительства РСФСР по вопросам экономической политики, министром экономики и финансов. — А.С.) Мы хватаем чемоданы. Трудно было с билетами, рейсов нет, ничего не меняют. Летели как-то через Скандинавию. И вот, прилетаем в Москву, а мама говорит: „Всё, Маша, это конец“. Она ночь с ним сидела. А потом уже не подходила к нему. Она его мёртвым и не видела — не захотела. Если б Егора не вызвали, я бы не попала в этот день. Мы прилетели 11-го. 12-го днём его не стало. Но он уснул. Он умер во сне. А мы с врачом всё время сидели с ним рядом…»

Как свидетельствует Юрий Черняков, в последние три дня он уже почти всё время лежал и очень мало говорил.

Умер АН без десяти два пополудни 12 октября 1991 года.

Прощание состоялось в среду 16 октября в крематории Донского кладбища. Я разыскал запись об этом в своём дневнике и перечитал её, как чужую:

«В половине 1-го был на Шаболовке. Встретил сначала Покровского, а потом много других людей. Всего было, думаю, человек 200, а может быть, и меньше. Всё как-то очень нелепо. Обыденно до нелепости, грустно до нелепости, долго до нелепости, холодно до нелепости и нелепо до боли… Какие-то разговоры всё время, даже деловые, и сигарета за сигаретой, потом гора цветов у него в ногах, и речи над гробом, и в последний момент перед тем, как опустили крышку — из-под савана два нелепых жёлтых ботика со стоптанными подошвами, и музыка, и чьи-то слёзы, и… всё.

Потом все как-то очень быстро и по-английски разошлись. Я только с Сашей Етоевым попрощался, а с Пашей Кузьменко мы безумно долго ждали трамвая. Наверно, правы были те, кто в этот день пошёл пить — несколько было таких компаний, а я ни к одной не примкнул — работать, мол, надо. Но за весь вечер сделал страниц 10, до нелепого мало *(речь идёт о редактуре, считаю я нужным пояснить сегодня),* совсем работа не шла… А ближе к ночи ужасно болела голова».

Конечно, через шестнадцать лет я не помнил подробностей, осталось в памяти только вот это ощущение жуткого холода (на кладбищах и в крематориях всегда холодно, даже летом) и нелепости: АН и похоронный обряд — нечто совершенно несовместимое. Там было очень много хорошо знакомых мне людей — из Москвы, из Питера, из других городов, но было много и совершенно незнакомых. Удивительно, но всё, что говорилось над гробом, не запомнилось абсолютно. Смутно всплывает в памяти образ Евгения Львовича Войскунского — он хорошо говорил, многие другие речи вызывали навязчивую ассоциацию с ремарковским Розенбаумом — специалистом по надгробным речам из романа «Тени в раю», ухитрившимся вещать даже над гробом Кана, человека, который больше всего не свете не хотел именно этого… «Когда на людей обрушивается нечто непостижимое, они пытаются постичь это с помощью молитв, звуков органа и надгробных речей, сдобренных сердобольной обывательской фальшью», — это как раз из того романа.

А в одном из похоронных говорунов Марик Ткачёв опознал профессионального цэдээловского стукача-вербовщика…

Премьера «Жидов города Питера» прошла в Театре на Малой Бронной 6 октября 1991 года, то есть ещё при жизни АНа.

Первый том первого собрания АБС пришёл из типографии тоже в октябре.

Ни того, ни другого он уже не увидел.

После 16 октября 1991 года — дня похорон АНа, — его младший брат ни разу не приезжал в Москву. У БНа никогда не было в столице своего круга общения, тем более близких друзей.

Елена Ильинична Стругацкая умерла 24 марта 1994 года. После смерти мужа она вообще не хотела жить, вплоть до того, что готова была выброситься с балкона. А всё-таки шестнадцатый этаж… Дочь Маша элементарно боялась оставлять её одну, забирала к себе, если могла. Менявшиеся должности Егора, до предела обострившаяся политическая борьба в стране, вылившаяся в кровавые события осени 1993-го — это было единственное, что ещё как-то удерживало её на этом свете, она понимала, что в такой тревожной обстановке обязана поддерживать дочь. А потом, к весне 1994-го, всё понемногу устаканилось, и как только Маша с Егором получили новую квартиру на Осенней улице и Елена Ильинична окончательно переехала к ним, тут она и поняла: «Ну, теперь всё, можно спокойно уйти». И умерла очень быстро — от обширного инсульта. Она ещё давно-давно говорила: «Да я детей своих не люблю так, как люблю Алечку!» Она не захотела жить без него.

Ни у Аркадия Натановича, ни у Елены Ильиничны нет могил. Они завещали развеять свой прах по воздуху. И в этом нет ничего от японских или китайских традиций. Просто они оба пренебрегали любыми условностями.

Вспоминает Юрий Черняков

«Прах его до самого развеивания лежал у меня, и там, в вертолёте, я держал эту урну своими руками. Потом, через два с половиной года, я так же хоронил и Елену Ильиничну, и тогда уже Егор был со мной рядом. А тот самый протокол от 6 декабря 1991-го, который теперь уже опубликован, — это тоже была моя идея. Я понимал, я чувствовал, что просто необходимо оставить какой-то документ. Протокол № 1 передали Борису, № 2 — Маше, остальные — участникам. Борис не приехал, неважно чувствовал себя, а холод был жуткий, морозы вдруг завернули, за городом особенно ощущалось, и событие такое… не согревает совсем. А когда я только ещё забрал урну с прахом из крематория, мы сидели на Вернадского, и Машка первая сказала о том, что именно завещал папа. Он хотел, чтоб его развеяли. Юра Соминский договорился про вертолёт в Мячково. А деньги давал „Текст“. Но сам Бабенко приболел, и вместо него был Миша Гуревич. Ещё с нами были, разумеется, Мирер и Ткачёв.

Когда мы поднялись на необходимую высоту, я снял крышку с урны. Отодвинул форточку, как в автобусе, и быстро высыпал весь прах в окно. Скорость была небольшой, но это был полёт, а не зависание. И я ещё, помнится, боялся, что прах полетит внутрь. А он и полетел. Конечно, чуть-чуть. И на губах остался солёный привкус.

Потом мы попросили точные координаты места, где были. Полчаса (!) лётчики лазили по карте, пытаясь их вычислить. Пилот был один (кстати, его фамилия Лепников, в книге была опечатка), но на земле этим увлечённо занимались человек шесть. Координаты и фамилии я вписал от руки.

Вот и всё. Несколько раз мы ездили туда с Соминским в день смерти или в день рождения. Один раз я даже возил туда Машу».

Юрий Иосифович объяснил мне, где это. Но я не поехал. И в

этой книге не стану рассказывать дорогу. Потому что считаю это неправильным. Для Чернякова, Соминского, Мирера и Ткачёва (двоих последних уже нет на свете) это было событием из их собственной жизни — жизни, плотно связанной с близким другом, учителем, сэнсеем. А для всех остальных… Географические координаты есть в той самой справке — она уже и без меня опубликована, — а дорогу не расскажу. Мне кажется, АН, презиравший любую обрядовость, смеявшийся над любыми религиозными догмами, не для того завещал развеять свой прах, чтоб теперь люди выдумывали себе конкретное место для поклонения ему как божеству. Вот этого — не надо.

Прах АНа развеян без остатка.

А частичка души АНа живёт в каждом из нас, в тех, кто любит и помнит их с братом книги.

Вот и всё. Этого более чем достаточно.

Глава двадцать третья
ДВУРУЧНОЙ ПИЛОЙ В ОДИНОЧКУ

Б. Вишневский. *Борис Натанович, не осталось ли каких-то замыслов, которые возникли еще с Аркадием Натановичем и которые вы планируете довести до конца?*

Б. Стругацкий. *Замыслы-то есть, конечно. Буду ли я их доводить до конца — другое дело. Сейчас мне об этом очень тяжело думать. Последние годы нам и вдвоём-то не очень хотелось писать. Интереснее было читать и писать публицистику. А художественную литературу — даже вдвоём — писать не очень хотелось. Сегодня, когда я остался один — совсем уж мало желания этим заниматься… Хотя замыслы, конечно, остались, они никуда не делись, более того — они, сукины дети, эти замыслы, по-прежнему появляются в голове! Но захочу ли я этим обстоятельством воспользоваться?.. Не знаю. Просто не знаю.*

Из разговора 5 марта 1992 г.

Ко мне всё время приставали (да и сейчас пристают время от времени) интервьюеры с вопросом, как мне пишется в одиночку. Ответы «трудно», «дьявольски трудно», «медленно и мучительно» вопрошающих не удовлетворяют. Я придумал несколько сравнений, вот самое точное из них: представьте, что много лет подряд вы с напарником пилите двуручной пилой

огромное бревно; теперь напарник ушел, вы остались в одиночестве, а бревно и пила никуда не делись, надо пилить дальше… Те, кому приходилось пилить толстые стволы двуручной пилой в одиночку, меня понимают.

Б. Стругацкий. «Комментарии к пройденному»

Первые год-два после октября 1991-го у журналистов, в общем, хватало такта не торопить БНа с его литературной работой. Потом начались вопросы. Не только ушлые интервьюеры, но и вообще все читатели догадывались: он пишет. Не может не писать. И терпеливо ждали. И были вознаграждены. Роман «Поиск предназначения», вышедший в 1994-м в журналах и через год книгой, стал очень важным дополнением к собранию сочинений АБС. Конечно, раздавались и разочарованные голоса, среди которых особенно громко звучали голоса тех, кто и читать-то романа не собирался, а изначально решил, что один брат — это не два, и значит, будет хуже. Но с этими даже спорить не хочется. Анализировать же это произведение по лексике и фразеологии, сравнивая его со всеми предыдущими, может быть, и любопытное занятие (наверно, даже весьма достойное), но явно не уместное в контексте данной книги.

Даже в их общих книгах биографические подробности БНа, пожалуй, встречались чаще, чем случаи из жизни АНа, и это вполне естественно: чем больше человек закрыт для окружающих в жизни, тем сильнее хочется ему излить душу на бумаге. Первый роман, написанный (я бы всё-таки сказал — законченный) БНом в одиночку, оказался потрясающе, уникально автобиографическим — хоть переиздавай его в качестве приложения к этой книге.

Кто-то даже остроумно подметил, что в отношениях Красногорова и Виконта многое напоминает отношения БНа и АНа. Однако, внимание, читатель: Виконт лишь условно старший — не по возрасту, а по характеру и вроде бы по сверхзадаче. То есть суть аналогии: предназначением БНа было обеспечивать жизнь АНа. Вот тут и ошибочка! В итоге-то Виконт пережил Красногорова. Получается, всё наоборот? И значит, кто есть кто?

Да ничего это не значит. Во-первых, нелепо искать прямые аналогии с жизнью в художественном произведении. А во-вторых, многозначность замысла говорит лишь о том, что у них обоих

предназначение было одно — дополнять друг друга, быть половинками уникального тандема. И любой, оставшийся в одиночестве, продолжал бы и продолжает представлять тандем в целом, продолжает быть неразрывной частью его.

Да, конечно, уже в первом сольном романе БНа ощущалась его индивидуальность, ранее не знакомая читателям АБС. И особенно проявилось это в третьей, последней части «Поиска предназначения», где описывалось не столько условное недалёкое будущее, сколько тогдашнее наше настоящее — романтично прекрасное и вместе с тем жутковатое начало девяностых с его тревогами, с его противоречиями, с его всепоглощающим бардаком и с этим трагически пронзительным образом постаревшего Стаса Красногорова, получившего в свои руки власть и с неизбежностью погибающего… Сегодня вдруг понимаешь, что роман БНа — ещё и об этом, о страшном парадоксе эпохи: интеллигенция у власти — о парадоксе, пережитом дважды в минувшем веке, как водится, один раз в виде трагедии — в 1917-м, — и второй раз в виде фарса — в начале 90-х. Но это со стороны выглядело фарсом. А для тех, кто внутри, была всё та же трагедия, со многими реальными смертями. Сколько их было, интеллектуалов, умников, теоретиков, абстрактных гуманистов, честных и благородных, вновь отчаянно бросившихся переделывать мир и надорвавшихся на этом совершенно не своём деле! Исходя из такой логики, Стас Красногоров должен погибнуть даже вне всякой связи с предыдущим сюжетом — не как носитель фантастических способностей, исполнивший предназначение, а как случайный, чужой человек во власти. Как, например, вице-спикер петербургского законодательного собрания Виктор Новосёлов, реально убитый 20 октября 1999 года. А осенью 1992-го, будучи ещё председателем совета народных депутатов Московского района, он как раз и познакомился с БН-ом.

Сначала, ещё в январе 92-го, в Доме писателей на улице Воинова появился депутат Московского райсовета, журналист и давний поклонник АБС Борис Вишневский, которого друзья познакомили с БНом. В марте он опубликовал своё первое интервью с любимым писателем, за ним последовали другие, — и всё мечтал затащить его как-нибудь к Новосёлову, — тоже большому любителю Стругацких. Но БН, по обыкновению, совсем не стремился расширять круг знакомых и от всяких приглашений в новые компании мягко отказывался. В конце апреля 93-го, сразу после 60-летия БНа, Борис нашёл вариант. БНу надо было получить удостоверение жителя блокадного Ленинграда, и Вишневский придумал, что для этого совершенно необходимо

лично явиться в райсовет. За БНом прислали машину, приняли как почётного гостя, вручение провели торжественно, а потом позвали в кабинет председателя, где уже был накрыт стол, и тут уж отказать радушным хозяевам было совсем неудобно. В общем, посидели хорошо, знакомство состоялось, и БН не пожалел об этом. Они потом с Новосёловым ещё неоднократно общались, в том числе и дома у БНа, и ясно теперь, откуда в третьей части романа «ПП» так много точных, ярких, живых деталей той сферы жизни, которая всегда была чужой и далёкой для самого автора.

Да, именно вот эти новые, абсолютно новые стороны нашей жизни, безусловно, и стали главным отличием двух романов БНа, написанных после 1991 года. Во втором — «Бессильные мира сего» («БМС»), — новизна антуража и тем проступает ещё серьёзнее, в нём ещё больше такого, о чём АН принципиально писать не мог: избирательная кампания в России, политтехнологии, коррупция, доморощенный современный бандитизм…

И совершенно не удивительно, что по поводу этого, последнего романа мнения ещё более резко разделились. Одни признали его едва ли не вершиной творчества писателя, окончательным прорывом из фантастики в мейнстрим, доказательством того, что Стругацкий (Стругацкие?) актуален по-прежнему (или даже актуален как никогда). Именно «БМС» не только был удостоен нескольких премий по фантастике (что понятно без комментариев), но и впервые номинировался на все самые серьёзные общелитературные премии в России (Букер, «Национальный бестселлер», премия Аполлона Григорьева). Меж тем другие посчитали роман провальным, назвали его окончательным отходом от традиций АБС, и даже были такие, кто вовсе отказался эту вещь комментировать и ставить в один ряд с предыдущими книгами. Полярность точек зрения всегда свидетельствует о настоящей литературной удаче. Главное — равнодушных нет. Это — во-первых. А во-вторых, моё особое мнение. Сколько бы лет ни прошло, БН остаётся и останется всё тем же писателем АБС, да, строго говоря, некой его частью, но не половиной, а гораздо большей, потому что за долгие годы слишком многое от старшего брата впитал, перенял, усвоил (как и старший от него). И в «Бессильных мира сего», завершённых через десять с лишним лет после той невосполнимой утраты, всё равно присутствует всё, свойственное АБС: и совместно придуманные детальки, фразы, идеи из давних наработок; и неповторимая, но, безусловно, узнаваемая языковая манера, и сюжетная усложнённость, композиционная дробность, извечная недоговорённость; и этот восхитительный фантастический

реализм, эта гоголевско-булгаковская золотая середина между фантастикой и реализмом. И, наконец, даже непохожесть «БМС» на все предыдущие книги — это же так по-стругацки! АБС никогда не писали двух одинаковых вещей. Непрерывный поиск нового был и остаётся их главным девизом, их идеалом в творчестве.

Так что читайте и перечитывайте последний роман БНа, и вы поймете, что это неразрывная часть творческого наследия АБС. Ну а то, что работа над ним шла так долго — тоже неудивительно. Между «Дьяволом среди людей» и «Поиском предназначения» минуло три года. Между «Поиском…» и «Бессильными…» — целых восемь. Это не то чтобы пила двуручная затупилась — нет, конечно, — это просто рука ослабела (а по-другому и быть не может). Но бревно, поверьте, всё то же, иного не дано, и распилено это бревно всё так же чисто, аккуратно, так же блестяще…

Вот и всё непосредственно о творчестве. А о чём ещё стоит рассказывать? Наверно, о том, что стало продолжением творчества, о том, что было и всегда будет связано с феноменом АБС. Ведь книга наша, конечно, биографическая, но не станем забывать, что это — биография писателя АБС, биография, строго говоря, завершившаяся в 1991-м, а шестнадцать с лишним лет индивидуальной (и продолжающейся) биографии БНа — это тема совсем другого произведения, которое, скорее всего, ещё будет написано. Мы же сегодня коснёмся этой темы коротко, штрих-пунктирно, в режиме эпилога.

О книгах АБС знают все. Действительно все. О жизни АБС — очень немногие. О жизни БНа — совсем немногие, точнее сказать единицы. Причина проста: БН — человек не публичный. Всегда таким был, а с годами, как известно, главные черты характера лишь усугубляются. БН — принципиальный противник выступлений по ТВ, на радио (даже в дни собственных юбилеев), принципиальный противник общения с жёлтой прессой и любых рассказов о своей личной жизни. И это никакое не позёрство, не стремление идти против или поперёк потока, как у некоторых, нарочно создающих себе имидж затворников, а по сути жаждущих славы. Я так понимаю, что у БНа это элементарное желание оставаться самим собою, делать то, что хочется, вести себя так, как привык. И согласитесь, он заслужил этого.

А теперь обратим внимание: БН — человек закрытый и непубличный в общепринятом понимании. Однако он весьма общителен в тех формах, которые удобны и приятны ему. И в этих ипостасях он более чем активен, можно сказать, завидно активен — для своего-то возраста!

И таких форм (основных) я бы назвал три.

Первая — публицистические выступления в прессе: сотни статей и интервью. Честно скажу, не уверен, что прочёл их все, недостаточное количество, чтобы получить представление о главном: БН сумел пронести через все эти безумно сложные годы (даже для нас, молодых, а уж для его поколения — тем паче) тот жёсткий, несгибаемый нравственный стержень, которым были сильны АБС со своих первых книг и до последних публичных выступлений.

Вот, например, сделанная Борисом Вишневским в книге «Двойная звезда» подборка интервью за десять лет, с 1992-го по 2002-й, производит колоссальное впечатление. Мало кому из нынешних деятелей искусства и уж тем более политиков удалось так последовательно отстаивать либеральные идеи, кстати интуитивно нащупанные АБС ещё тридцать, а то и сорок лет назад. И когда читаешь сегодня все эти беседы вот так, в ретроспективе, да еще возвращаясь мыслями к любимым книгам, вдруг понимаешь, что нет здесь никаких чудес, а просто очень умный и очень добрый человек взывает к элементарной логике здравого смысла — всё гениальное просто. И проникаешься иронией и жалостью ко всем тем, кто, не выдержав испытаний 90-х, не сумев пройти пресловутые огонь, воду и медные трубы (особенно — медные трубы, из которых ныне наштамповали медяков вместо традиционных сребреников), лихо поменял свои убеждения, да ещё и гордится этим. Проникаешься искренней жалостью к этим продавшимся, запутавшимся или запуганным. И хочется крикнуть им: «Ребята, опомнитесь! Ведь мы же все вместе читали Стругацких десять, двадцать, сорок лет назад. Перечитайте их сегодня. Только внимательно перечитайте. И нам будет не о чем спорить по политическим вопросам. Ребята, заблудившиеся в трёх соснах современных политтехнологий, выключите телевизор, отойдите от новостных порталов Интернета, перечитайте АБС, включая — обязательно включая! — публицистику БНа последних лет. Там всё сказано. Там всё кристально ясно».

Мало кому удавалось так просто и чётко дать определение современному фашизму, в том числе и русскому, как это сделал БН в своей статье «Фашизм — это очень просто. Эпидемиологическая памятка», впервые опубликованной в газете «Невское время» 8 апреля 1995 года. Вот несколько цитат из неё.

> «…Фашизм — это просто. Более того, фашизм — это очень просто! Фашизм есть диктатура националистов.

Соответственно, фашист — это человек, исповедующий (и проповедующий) превосходство одной нации над другими и при этом — активный поборник „железной руки“, „дисциплины-порядка“, „ежовых рукавиц“ и прочих прелестей тоталитаризма. <…>

…Фашизм — это задержавшийся в развитии феодализм, <…> фашизм — это феодализм сегодня. И завтра. Только, ради бога, не путайте национализм с патриотизмом! Патриотизм — это любовь к своему народу, а национализм — неприязнь к чужому. <…>

Важнейший признак фашистской идеологии — деление людей на „наших и ненаших“. Сталинский тоталитаризм основан на подобной идеологии, поэтому-то они так похожи, эти режимы — режимы-убийцы, режимы-разрушители культуры, режимы-милитаристы. Только фашисты людей делят на расы, а сталинисты — на классы.

Очень важный признак фашизма — ложь. Конечно, не всякий, кто лжет, фашист, но всякий фашист — обязательно лжец. Он просто вынужден лгать. Потому что диктатуру иногда еще как-то можно, худо-бедно, но всё-таки разумно, обосновать, национализм же обосновать можно только через посредство лжи — какими-нибудь фальшивыми „Протоколами“ или разглагольствованиями, что-де „евреи русский народ споили“, „все кавказцы — прирожденные бандиты“ и тому подобное. Поэтому фашисты — лгут. И всегда лгали. И никто точнее Эрнеста Хемингуэя не сказал о них: „Фашизм есть ложь, изрекаемая бандитами“».

Элементарные давно известные истины? Безусловно. Но именно в умении напомнить людям о вечных истинах простыми, понятными, современными словами и заключается сила настоящей публицистики.

К этому же пункту творческой активности БНа примыкают и многие подписанные им коллективные письма. Не станем перечислять. Он верен себе. Он ни разу не ошибся всерьёз, ни разу не поддержал того, кто не был этого достоин, и уж наверняка ни разу не выступил против хороших и правильных идей.

Короче, в общественной (и даже в политической) жизни БН участвует весьма активно. Кстати, и на выборы ходит всегда.

Вторая форма внешней активности БНа — его знаменитое офлайн-интервью на официальном сайте АБС. Этому

своеобразному разговору с читателями скоро исполнится десять лет, а общее число ответов на вопросы приближается к семи тысячам. Общий объём текста — на несколько увесистых томов хватило бы (и, кстати, наиболее интересные ответы, отобранные Светланой Бондаренко, скоро будут изданы книгой — тексты, безусловно, заслуживают того). Если внимательно почитать интервью в ретроспективе, нельзя не заметить, что помимо узко цеховых, литературно-фантастических проблем и вопросов, связанных с загадками отдельных произведений и героев АБС, год от года читателей всё больше интересуют темы глобальные: эстетические, этические, онтологические… А бывает и так, что от БНа просто ждут решения своей, личной проблемы. Как от врача, как от священника? Ну да, что-то вроде. Но всё-таки самый ближайший аналог — как от Льва Толстого, к которому приходили за сотни вёрст в Ясную Поляну. И это не излишний пафос — это так и получается. Сайт АБС — настоящая виртуальная очень современная Ясная Поляна. Заходите — не пожалеете.

К нашему второму разделу следует отнести и многочисленные письма, написанные за тот же примерно период — не бумажные, а электронные. Автор этих строк хорошо знает, что БН не скупится на слова в своём эпистолярном творчестве, он пишет письма охотно и зачастую весьма подробно. А ведь и это не что иное, как натуральная литературная работа.

И, наконец, третья ипостась, быть может, самая главная. Семинар. Регулярное, непосредственное, живое общение с учениками. И это он по-прежнему любит, как тридцать с лишним лет назад. О семинаре хочется рассказать подробнее. Уникальное явление, родившееся в 70-х и дожившее до наших дней, требует отдельного комментария, и пусть его лучше дадут двое из старейших членов семинара. Оба — мои друзья, но мы видимся не так часто — всё-таки живём в разных городах. А, работая над этой книгой, я специально встретился и со Славой Рыбаковым, и с Андреем Измайловым. И даже если нашим читателям не приходилось встречать раньше этих весьма известных в литературе имён, и тот, и другой уже были явлены им в предыдущих главах.

Вспоминает Вячеслав Рыбаков:

> «Я пришёл в семинар и познакомился с БНом лично в марте 1974-го, всего-то через девять лет после первого, ещё детского письма, на которое получил ответ *(эта история публиковалась не однажды. — А.С.)*. Семинар

тогда собирался два раза в месяц и был вполне официален — при секции Союза писателей. Само посещение особняка на улице Воинова было всегда праздником. Там присутствовала некая аура большой литературы. Секцией руководил Брандис, потом Шалимов. Но главное, конечно, „живой Стругацкий“! В 77-м обсуждалась моя повесть „Доверие“, из-за которой, кстати, таскали меня в КГБ. Повесть конфисковали, выясняли, сколько всего было экземпляров, естественно, предлагали „стучать“…

Когда я всё это рассказал БНу — а я страшно боялся подставить любимого писателя и любимого шефа, — он всё очень внимательно выслушал и спросил:

— Ну, хорошо, вы отказались. Кто не отказался? Вот вопрос.

У него уже мысли крутились о своём. Он думал не обо мне, и не о себе даже — о семинаре. Ведь наличие информатора — норма по тем временам. А стукач среди нас, скорее всего, и впрямь был, потому что они очень хорошо знали, что говорилось, когда говорилось, кем… Правда, информатор, судя по всему, подвернулся чересчур увлечённый, уж очень он сгущал все краски, причём не со зла, а, как мне кажется, от восторга: во как тут опять советской власти вломили! Но точки расставлял верно.

(Кто был стукачом, по сей день неизвестно, то есть кому-то наверняка известно, но, с нашей точки зрения, нет смысла выяснять это. Через семинар прошло много людей, очень разных: талантливых, очень талантливых, выдающихся интеллектуалов, просто умных, совсем не умных, не всегда пишущих, но всегда чем-то интересных, а графоманы и бездари подолгу не задерживались. И конечно, были конфликты: и ерундовые и серьёзные, очень глубокие. Всего не перечесть. История семинара — это отдельная тема, ещё более необъятная, чем история семинара московского, всё-таки он существует на свете уже почти в три раза дольше. Первым старостой был Андрей Балабуха, потом Феликс Суркис, после него — Виктор Жилин, безвременно ушедший очень талантливый фантаст, затем Наталья Никитайская, Александр Щёголев и, наконец, супружеская чета Первушиных — Елена и Антон. У семинара довольно сложная иерархия — не так-то просто стать его действительным членом, это звание надо ещё заслужить. А особо почётно именоваться

драбантом. БН позаимствовал это слово у Тынянова, а вообще-то оно с давних времен обозначало в некоторых европейских армиях личную охрану командующего или первого лица в государстве. Драбантов с давних времён было четверо — Вячеслав Рыбаков, Андрей Измайлов, Андрей Столяров и Святослав Логинов. Потом Столяров со всеми рассорился и удалился за пределы видимости. На сегодняшний день гордое звание драбанта носит ещё и Андрей Лазарчук, переехавший в Питер из Красноярска не так давно. Этим четверым даже доверяется вести семинар в отсутствие мэтра в случае его болезни. — А.С.)

БН — колоссальный умница. Даже если ты не согласен с ним, из его слов всегда можно почерпнуть что-то новое, умное и подняться над собой. И вот тридцать с лишним лет я хожу на этот семинар, к нему, чтобы стать умнее и неуязвимей. Я не знал другого человека, обладающего столь же мощным потенциалом, и потому для меня БН навсегда останется гуру, его невозможно перебить, ему невозможно сказать: „Вы порете хреновину“.

Пожалуй, самые близкие отношения были у нас в тот период, когда шла работа над фильмом „Письма мёртвого человека“. Помню, мы как-то целый день сидели у него дома, судили-рядили об атомной войне, оголодали, и он варил мне суп из пакетика. Но мы никогда не переходили на „ты“. И дело не в возрасте, это что-то вроде китайского „сяо“ — сыновней почтительности.

Проходили годы, и это уже не была учёба. Но насколько бы хорошо не знали мы, как точить ту или иную деталь, а всё равно интересно было послушать, как это делает он, потому что те же самые детали он точить взялся куда раньше нас, и результат говорил сам за себя. Даже если бы он и не умел объяснять секреты своей заточки. А он умел. И мы приходили в семинар слушать БНа.

У БНа есть очень редкий дар — помочь автору лучше написать то, что автор сам хотел написать. Это — настоящая педагогика, а не обычное умение поделиться жизненным опытом и показывать начинающему, как бы мэтр написал вместо него.

Конец 70-х — 80-е — страшное время, духота, по кинокомедиям и то ощущалось, уже ни над чем нельзя

было даже шутить. Но это были золотые времена в жизни семинара. Мысли сверкали. Молодая талантливая молодежь: Логинов, Жилин, Измайлов, тогда ещё Столяров, чуть позже Щёголев… Каждый семинар — этап, рубеж, после каждого семинара мы умнели, и БН это чувствовал.

Сегодня иногда уже непонятно, для чего приходят новые люди, хотя у некоторых и есть талант. Просто сегодня добавилось нечто другое: они поняли, что умных не печатают. Даже Лазарчук это понял. Как-то сказал мне: „Ты не книги пишешь, а трактаты“. Но мне интереснее трактаты, чем из романа в роман одних и тех же крыс одолевать одним и тем же огнемётом.

И вот приходят на некоторое время люди, которых печатают, и они думают: „А кто такой БН? Что он там лепит про какую-то литературу, когда у меня уже пять книжек?“ А это не то чтобы разные книжные полки — это просто разные виды искусства. Это как гончара с ювелиром сравнивать.

Семинар стал другим. Разница сделалась вопиющей после пожара в Писдоме на Воинова *(17 ноября 1993-го. — А.С.)*, после паузы в работе, вызванной отсутствием места для сбора. Однако процесс пошёл до того, даже ещё до 91-го, в перестройку. Все говорили: „О чем писать-то? Столько уже всего напечатано!“ Мы стали писать меньше количественно и хуже качественно. Стало несовременно пытаться поумнеть. Теперь все приходят уже умные. И любому, включая БНа, они готовы сказать: „Это — бред“. Они считают себя вправе. Просто потому, что не привыкли обрабатывать, осмыслять новую информацию. То, что не укладывается в узкий канон зарабатывания денег писанием, они отфильтровывают как несущественное. И в этой обстановке БН занимается настоящим подвижничеством. Тех, кто слышит его и слушает, становится всё меньше, но он готов говорить пусть хоть для одного человека. Да, наверно, ему и самому это необходимо…

В последние годы сама тематика семинаров стала зачастую настолько неинтересна, что и самому БНу сказать нечего, вместо „камо грядеши“ — сплошные драконы или обсуждение важной проблемы: в чём отличие фэнтези от сайенс фэнтези. Или спор о типах оружия, о возможности исследовать магнитным резонансом какую-то броню… БН, бывало, сидит целый

час и слова не вставит А зачем? Это же не имеет ни малейшего отношения к литературе. Сейчас время новых технологий, то есть конкретных рукомёсел: машины, программы, умение ими пользоваться — осмысление никого не интересует. Прагматизм в худшем виде. Отсюда в текстах — примитивнейшие подростковые реакции вместо психологии, стремление к достоверности в деталях и полная бессмыслица в целом. О людях вообще не говорит никто».

Вспоминает Андрей Измайлов

«Мой первый семинар был в 78-м. Обсуждали Рыбакова. Я ещё не знал, что он любимчик БНа, я всё раздолбал и, кажется, совершил какую-то бестактность. А вообще, когда решали, оставлять человека в семинаре или нет — об этом не говорили вслух — то обязательно пытались понять, не связан ли он с КГБ.

„Боря, — говорил БН Штерну, — что вы пишете какую-то странную прозу — написали бы вы производственный рассказ“. И он написал. В ГБ так не умеют.

Проверяли и меня. Я написал „Стеклянный рубль“ и тоже оказался не из ГБ.

С тех пор мы подружились с БНом. Конечно, как ученик с учителем.

БН — великий педагог. В семинаре было человек сорок, но графоманов не было. А сегодня… Это даже не графоманы. Они просто ходят посмотреть на БНа, чтобы потом было что рассказать друзьям и потомкам.

А в том, старом семинаре каждый — от мало-мальски способных до по-настоящему талантливых — искренне считал себя любимым учеником… БН умел создать такое ощущение у каждого — буквально одним словом, или вообще без слов — одним сопряжением глаз. И не потому, что он великий актёр, а потому что в каждую данную минуту он именно так и относился к каждому из нас.

А вот один случай — не про семинар — просто черточка к характеру БНа.

В 1989-м я был среди тех, кто создавал первый издательский кооператив в Питере — „Автограф“ при Ленсовписе. Я чувствовал, что меня оттуда выкинут в итоге, но пока была возможность, работал — и денег

срубить, и вообще — интересно. Четыре месяца продержался. И вот на втором месяце я понял: надо что-то придумать. Слова „пиар“ тогда не было, я сказал: „Нужна пропаганда“. Предложил провести акцию в Сосновом Бору с участием БНа. На него там клюнули. И вот прихожу с этим к мэтру, мол, надо выступить от кооператива „Автограф“. А ничего ещё нет — похвастаться совершенно нечем. БН спрашивает: „На чём поедем?“ „На электричке“ „Да я могу и на машине, — говорит, — только вы мне скажите зачем“. Я опять начинаю свою песню про замечательный кооператив. „У меня единственный вопрос, — перебивает БН, — это кому надо, лично вам?“ „Если честно, это нужно именно мне“. „Тогда поехали“.

Вообще БН — человек дистантный, он умеет вежливо, но твёрдо отказать. Вот, например, какой-то молодой принёс тяжеленную рукопись, а БН — технарь, он так не может: „Я не читал, но скажу“, и он прочёл, через две недели возвращает со словами: „Проделана большая работа“. Молодой и так, и так: „Ну а вот это? А вот то?..“ „Я же говорю: „Проделана большая работа““. И всё.

БН поначалу кажется более чёрствым, чем он есть, на самом деле он гораздо более ранимый человек. Очень ощущается, что он не гуманитарий, а точник — отсюда прагматизм. Но отсюда и мудрость, пришедшая, конечно, с возрастом. „Мудрость — это опыт, который нельзя передать словами“, — БН любит повторять эту древнюю восточную истину. А из неё следует: даже превзойдя в чём-то учителя, ты остаёшься его учеником. И навсегда остаётся пиетет.

Минуло три десятка лет, и уже всё, всё не то. БН не стал худшим педагогом, ученики стали другими, тогда нам хотелось учиться — сейчас люди приходят потусоваться. Когда семинар начинался, туда шли те, кто не мог молчать, потому что своими откровениями даже не с кем было поделиться. Грань пролегла через 91-й год — всё слишком резко изменилось. Но совсем учёбы не стало после 95-го. До этого была ещё инерция. А вот когда книги стали выходить быстрее, чем пишется нормальная рукопись…

„Ты пришел в семинар, как в храм, или просто из любопытства?“ — это был нормальный вопрос. Не институт, а именно храм. БН был садовником, который

не подстригал, а только поливал. Пусть расцветают все цветы. А сейчас один целлофан остался, поливай его не поливай — что там вырастет?

Он собрал генерацию талантливых людей и сумел их сплотить. Мы все вынужденно дружим, потому что он всё-таки собрал людей порядочных, непорядочные выпадали сами.

Он уже спрашивает иногда: „А нужен ли семинар?“ Ему всё труднее. „Как клуб — безусловно, нужен“, — говорю я. И потом, он же подпитывается от нас. Это нормально для любого учителя. И, соответственно, старожилы ему уже не так интересны. Мы созваниваемся и с ним, и между собой, мы варимся в этом соку, но БН уже всё знает про нас, хотя, быть может, он и ошибается.

Семинар не то чтобы умирает, он просто стал другим, ёлка хороша в Новый год, ну, в Старый Новый год, а теперь уже вишня расцвела…»

Кто-то, наверно, скажет, что Рыбаков и Измайлов повторяют одни и те же слова. Возможно. Но мне как раз и хотелось показать, как много общего в таких разных людях и таких разных писателях. Но общее (в контексте этой книги) намного важнее: они оба — ученики БНа. И заметьте, какую практически одинаковую оценку дают они, не сговариваясь, семинару — прежнему и сегодняшнему; и какая в этой оценке звучит высокая грусть и какая одновременно жизнеутверждающая сила! Семинар, который больше тридцати лет учил людей думать — это явление поистине уникальное. А пресловутый 91-й год, конечно, рассёк историю семинара (как и всей страны) надвое. И если для учеников — это, прежде всего, наша бархатная революция со всеми её онёрами, то для самого БНа — это, в первую очередь, уход его старшего брата. Понятно, что семинар стал другим.

Но, завершая эту тему, подчеркну: семинар и в первые семнадцать лет составлял значительную часть жизни БНа, весьма значительную, а во вторые полтора десятка, осмелюсь предположить, стал просто главным делом в жизни. Ведь так или иначе все прочие его дела тоже оказались связаны с учительством и учениками.

Расскажем под занавес и о них.

Ещё в самом начале 90-х одному из новых участников семинара, перебравшемуся в Питер из Севастополя, журналисту, редактору, а позднее издателю Андрею Черткову, приходит в голову идея собрать книгу из продолжений к повестям АБС,

написанных учениками. БН поначалу отнесётся к этой затее скептически, но многие, очень многие увлекутся замыслом, начнут писать без всякой надежды не то что на гонорар, вообще на издание. И вот в 1995-м появятся готовые тексты, и БН поменяет точку зрения, благословит издание, напишет к нему широко известное предисловие, и в июне 1996-го книга выйдет. Она будет иметь ошеломительный коммерческий успех. Она переиздаётся до сих пор.

Этот сборник — «Миры братьев Стругацких. Время учеников» — стал символом возрождения отечественной фантастики. Он вышел в свет в год так называемого «фантастического бума», когда стремительно и непредсказуемо увеличились тиражи и количество наименований нашей фантастики. Именно этот сборник потянул за собой массовые переиздания самих АБС, дал название новой концепции собрания сочинений Стругацких под редакцией Николая Ютанова, члена семинара — собрания, вместившего в итоге всё: и ещё два выпуска «Времени учеников», и двухтомную «Стругацкую энциклопедию» Владимира Борисова, и проект «Неизвестные Стругацкие» Светланы Бондаренко (черновики, варианты, письма, дневники…) — проект, не завершённый по сей день.

Так ученики помогли мэтру.

Я убеждён, что устойчивый спрос на книги АБС, который мы наблюдаем сегодня (и будем наблюдать ещё долго) сформировался бы в любом случае, но в середине 90-х для любой хорошей литературы времена были, мягко говоря, не лучшими. А всем известно, что дорога ложка к обеду, и проект Черткова «Миры братьев Стругацких», начатый с книги «Время учеников», оказался более чем кстати тогда.

Ну а дальше подключились все остальные «людены» — тоже, безусловно, ученики. И были изданы, наконец, полные и неискажённые, так называемые канонические тексты АБС, и это тоже была колоссальная работа, проведённая не только редакторами, составителями, издателями, но и самим БНом, работа, которая его по-настоящему увлекла. Однако и времени она отняла немало.

А ещё раньше, просто для очередного собрания сочинений БН решил сделать комментарии об истории создания всех произведений АБС. И эта работа тоже увлекла его, да так, что получились не просто блестящие, поистине художественные комментарии к каждому тому, но в итоге и отдельная, вполне самоценная книга — нечто среднее между литературоведческим очерком и автобиографической повестью. Она была в 1998–1999 годах опубликована в журнале «Если», а затем, в 2003-м вышла и

отдельной книгой в издательстве «Амфора». Однако полную авторскую версию «Комментариев к пройденному» читатель может найти только в «люденовском», почти академическом собрании сочинений в издательстве «Сталкер» или на сайте АБС.

Практически сразу после 1991 года БН со всей неизбежностью стал исполнять ещё одну важную роль. Его, как и прежде, разумеется, приглашали на все конвенты (форумы, слёты, фестивали) фантастов, а их становилось год от года больше. При своей нелюбви ко всякого рода дальним поездкам БН от участия в большинстве мероприятий отказывался, тем более что никогда не любил ощущать себя просто свадебным генералом. А вот на старейшем петербургском конвенте — «Интерпрессконе», учреждённом Александром Сидоровичем (членом семинара) ещё в 1990 году, — БН присутствовать согласился практически сразу: и ехать недалеко, и все вокруг свои — ученики. Участие его в этом празднике фантастики, проходящем, как правило, в одном из пансионатов под Петербургом, где-нибудь на Финском заливе, стало традиционным. Ну и конечно, БНа начали привлекать в жюри всевозможных премий по фантастике, и очень скоро учредили его личную премию — «Бронзовую улитку», премию уникальную, единственным членом жюри которой является он сам. И вот это уж, разумеется, не была роль свадебного генерала — это он взваливал на себя работу на годы вперёд: читать, оценивать, выбирать. А позднее, в 1994-м, там же, в Питере, по инициативе Ютанова появилась премия «Странник» — первая профессиональная премия писателей-фантастов, а еще позднее, в 1999-м, — «АБС-премия». И всюду надо было много читать. Конечна, он привык читать много — не только книги, но и рукописи своих учеников, он всегда делал это с удовольствием, но теперь и семинар никуда не делся, и премии добавились. Читать было нужно всё больше и больше, а время и силы откуда брать?

Это ещё одна реплика к вопросу о том, почему так долго создавался его последний роман.

Ну и наконец ещё одно дело учителя — тоже очень важное, очень дорогое, очень ответственное — не просто дело, а мечта всей жизни и БНа, и АНа, и вообще всех фантастов их поколения — настоящий толстый журнал фантастики.

«Всё приходит слишком поздно…» Но лучше поздно, чем никогда. Свой журнал БНу удалось сделать только в 2002 году, в мае. К очередному «Интерпрессконе» появился первый номер журнала «Полдень. XXI век» с подзаголовками «Журнал Бориса Стругацкого» и «Новый мир русской фантастики». С журналами такого рода у нас как было в стране тяжело, так и сегодня всё

очень непросто. Даже с именем Стругацкого на обложке продавался он совсем не так бойко. Ну что поделать, если в стране величайших фантастов не сформирована сама культура чтения журналов фантастики? Ну и конечно, БНу хотелось печатать в своём издании настоящую литературу, а не коммерческое чтиво, а это уже проблема из проблем. В любой стране и в любое время. Для такой идеи нужны спонсоры. И, к счастью, они нашлись. Те, кто начинал делать журнал, могли и не продержаться так долго, но не успевшее упасть знамя успели подхватить друзья из мощного издательства «Вокруг света». Человек, владеющий этим издательством, — Сергей Васильев, — оказался настоящим поклонником АБС. И вот журнал жив, реклама его идёт по ТВ, тираж достойный, и перспективы — далеко не худшие. И есть уже даже премия имени этого журнала, к которой, конечно, тоже имеет отношение БН…

Заметим тут же, что БН много лет был членом приёмной комиссии Союза писателей Петербурга, а в последние лет десять — даже её председателем, в разные годы входил в редколлегии всевозможных изданий, в некоторых состоит по сей день — с уверенностью можно назвать «Звезду» (Петербург), «День и ночь» (Красноярск), «Если» (Москва).

Ох, нелегка доля живого классика!

Я повторял не раз и буду повторять вновь вслед за самими АБС, что они — не просто фантасты, не только фантасты, и, к счастью, уже миллионы людей понимают, что книги АБС — это часть настоящей, большой литературы. И всё же они оба никогда не отказывались называть себя фантастами, и нам негоже забывать об этом. Мы не станем умалять их роли именно для фантастики.

Сегодня российский фэндом окончательно перестал быть чем-то подпольным, полузаконным (как в советские времена), чем-то маргинальным, далёким от общих интересов (как в перестройку и в начале 90-х). Вливается он полноправной частью в мировой фэндом. Уже состоялся «Еврокон-2006» на Украине, затем — «Еврокон-2008» в Москве, и я просто уверен, что очень скоро пройдёт у нас и «Worldcon». А с другой стороны, фэндом становится частью культурного пространства России, о фантастах уже чаще пишут и говорят, затеплились какие-то надежды на появление у нас не просто отдельных фильмов, а своей настоящей кинофантастики. А там — чем чёрт не шутит! — глядишь, и телевидение повернётся к фантастике лицом… Есть надежды. Потому что тенденция положительная наметилась.

И за всё за это — за появление советского фэндома и

нынешнее существование российского — мы должны говорить спасибо не кому-нибудь, а именно и только братьям Стругацким. Ну, примерно так же, как поляки говорят спасибо Станиславу Лему — за свой фэндом, за свою фантастику, за её признание и популярность в мире. У англичан и американцев сложнее — у них там много имён. А у нас, в точности как у поляков, есть одна недостижимая вершина — АБС — и рядом некого ставить. Ни в их поколении, ни тем более в нашем.

После 1991 года это стало особенно наглядно. Ушёл из жизни АН. Вроде и не был он в Москве реальным руководителем чего бы то ни было — ни семинара, ни клуба, ни секции никакой не было, возглавляемой им, но мы-то, фантасты всё равно ощущали, честное слово, почти физически ощущали, что живём с ним в одном городе, и это помогало работать, думать, дружить, объединяться, бороться за что-то… А вот не стало его, и как-то сама собою свернулась вся «фантастическая» жизнь в Москве. Центр отечественной фантастики автоматически переместился в Петербург. Там и семинар, и все конвенты главные, и премии, и лучшие авторы, и все надежды наши, потому что там — БН. Понятно, что это не могло продолжаться вечно, Москва борется за свои права, и постепенно ситуация начала изменяться, но мы сейчас не об этом. Мы о биографии БНа.

По-моему, даже из столь краткого рассказа всякому ясно, что работал БН в эти годы много и весьма эффективно. А написанное им в одиночку служит всё тем же высоким целям, которые однажды, давно-давно сформулировали для себя Стругацкие вдвоём.

И это пока всё о работе. А о чём еще стоит? Об отдыхе? Ну, отдыхал он почти всё время так же — с верными старыми друзьями, на природе, на автомобилях, только возраст внёс свои коррективы. Ездить далеко уже пропало желание, зато появилась возможность ездить за границу, в Финляндию, а это как раз совсем близко и максимально комфортно — на хутор какой-нибудь, например, близ Падасйоки — прекрасное место. Ну и машины стали немножко другими. У Стругацких теперь за рулём, как правило, Аделаида Андреевна (БН и к этому теперь равнодушен), а водит она, как мы уже упоминали, «тойоту-короллу».

О чём еще писать — о здоровье? Как-то не хочется. Понятно, что оно не улучшается с годами, да и в газетах сообщения невесёлые о здоровье БНа проскакивают — дай-то бог, чтобы поменьше у них было поводов для этого!

Писать о юбилеях? Так ведь БН не любитель пышных праздников, и все они поэтому отмечались скромно, разве что

книга Бориса Вишневского «Двойная звезда» выпущена была специально к 70-летнему юбилею, и с ней смешная история получилась. Тираж весь не успевал, поторопились отпечатать несколько экземпляров, сказали, что только один, и вручили юбиляру с указанием в выходных данных: «Тираж — 1 экз.». А смех в том, что типография забыла полосу заменить в печатных формах, и весь тираж так и выдала с этой строчкой. Коллекционное издание получилось: у каждого — единственный экземпляр.

Ну и пару слов стоит, наверно, сказать о премиях, не о тех, которые ежегодно вручает молодым БН, а о тех, которые он за эти годы наполучал. Премий было много, и это, разумеется, приятно — и самому лауреату, и всем нам, его ученикам, его поклонникам, его читателям. Но оттого что премий за пятнадцать лет больше, чем за предыдущие тридцать, когда они писали вдвоём свои лучшие книги, становится ещё и грустно. И наверно, поэтому совсем не хочется приводить здесь полные списки этих наград. Основные перечислены мною в отдельном приложении — в «Хронологии», — а здесь я отмечу, пожалуй, лишь одну — особенную, не совсем обычную, и, может быть, поэтому такую же дорогую, как та, со Всемирного конвента — «За независимость мысли».

24 января 2001 года АБС были удостоены премии имени Владимира Высоцкого «Своя Колея», учреждённой в 1997-м и присуждаемой накануне дня рождения актёра и поэта тем, кто не изменяет своим убеждениям, чья жизнь и творчество созвучны поэзии Высоцкого. А формулировка в дипломе была такая: «За высочайшую творческую самоотдачу, за выдающийся вклад в мировую фантастику и кинематограф, за горячую преданность делу служения гуманитарным идеалам человечества». Премия вручалась в Большом зале Политехнического музея, в историческом месте, особом для поколения шестидесятников. Здесь выступали и Владимир Семёнович (в 1966 году), и Аркадий Натанович (в 1981-м). Конечно, БН на церемонию не приехал. Он ведь даже за государственной, то бишь президентской премией на следующий год в Москву не собрался. Да разве в этом дело? На сцену поднимался Иван Стругацкий — внук АНа, — и было в этом что-то очень символическое и в целом правильное. Им, двадцатилетним, куда важнее выбрать свою колею и держаться её твёрдо. От них, двадцатилетних, зависеть будет, удастся ли сберечь и продолжить всё то, ради чего жили и творили АБС. А в зале сидели и Егор Гайдар с Машей Стругацкой, и, конечно, Людмила Владимировна Абрамова, и Юрий Зиновьевич Соминский, друг которого (и друг Высоцкого) художник Михаил

Шемякин как раз и возглавлял в тот год жюри премии. Вот как оно всё переплелось…

И напоследок крайне любопытная история, которую рассказал Борис Вишневский, ныне вице-президент Центра политических исследований и обозреватель «Новой газеты». Летом 1993 года (вот уж действительно самый лихой год из всех «лихих 90-х»!) у БНа из машины украли барсетку со всеми документами. Деньги там если и были, то небольшие, а вот документы — буквально все: и паспорт, и права, и удостоверение блокадника… БН сразу позвонил Вишневскому с просьбой о помощи — всё-таки тот был депутатом. Речь не шла о розыске пропавшей сумочки. Речь шла о скорейшем восстановлении документов, ведь эта такая морока, если делать всё по обычным каналам. Ну а Борис, конечно, сразу подключил всех знакомых, в том числе и в милиции. Звонок из райсовета в РУВД тогда ещё кое-что значил, и шансы поймать воров хоть и маленькие, но были, потому что воруют, как правило, специалисты, а про них оперативникам многое известно… Но ещё даже не все важные разговоры были закончены, когда БН перезвонил и сообщил Вишневскому радостным голосом:

— Боря, вы не поверите, но ко мне возвращается вера в человечество. Они подбросили мою барсетку назад, и в ней всё, абсолютно всё — цело. Они ничего не тронули. Вы можете себе представить?

А Боря мог себе представить. Он прекрасно понял, что произошло. И я понимаю. Воры оказались читателями Стругацких. Открыли первый попавшийся документ, увидели, на кого замахнулись, и… не поднялась рука. Стыдно стало. И ведь не бросили всё, где стояли, как это обычно делают, а вернулись с риском для себя на место преступления и подкинули обратно. Немыслимо! Вот она — волшебная сила искусства.

И я это совершенно без иронии. Не до смеху в наше-то время, когда грабят сколь угодно популярных людей, не взирая на лица, растиражированные телевидением. Но тут… Тут другое совсем: тут не лицо узнали — узнали имя, быть может, дорогое, как память о юности и детстве.

Дурацкая история? Конечно, дурацкая. Зато с счастливым концом. И, кстати, вспомним кассеты АНа, не взятые «благородными» ворами у Стэна Агрэ. И вывод из обоих случаев хочется сделать серьёзный: люди, читавшие АБС, пусть даже только в детстве, обязательно стали хоть чуточку лучше; а люди, читающие и перечитывающие их книги взрослыми, просто не смогут быть совсем плохими — совесть им не позволит.

Время раздавать пряники (послесловие к главе)

Ещё в начале 1989 года АН рассказывал в одном из интервью:

> «Мы посмотрели американский фильм „Зомби“. Идея в том, что ад переполнился грешниками и больше не принимает мёртвых. Безмозглые мертвецы пошли по земле с одной страстью — добраться до живых и сожрать. Это всё — полная ерунда. Но сама идея о переполненности ада грешниками… Вот такую повесть, такой сценарий нам было бы интересно написать!»

Прошло два года. Случился последний приезд БНа в Москву.

На последней странице рабочего дневника обозначены последние общие дела:

> «16.01.91 — Б. прибыл в Мск для обсуждения вопросов. Времена жуткие: Литва, Ирак.
>
> 17.01.91 — Ночью началась война в Ираке.
>
> 18.01.91 — Писали письма. Снова обсуждается „Операция ВИРУС“…
>
> 19.01.91 — Б. уезжает».

Но последняя запись в тетради, сделанная БНом, не датирована и отделена чертой от предыдущих:

> «Аггелы — исполнители воли бога на земле; каратели и наградители.
>
> Записки старого аггела — заряды растрачены. Запасы „пряников“ огромны и вручать некому. М.б. — вручать ВСЕМ, ибо все и праведники тоже?»

Этот набросок через десяток лет попадёт в роман «Бессильные мира сего», будет изящно отредактирован, но там не произведёт на меня такого ошеломляющего впечатления, как на этой последней странице рабочего дневника. Там его легко проскочить и не заметить, не вдуматься. Сравните:

> «Не помню точно кто, кажется, Мариша красиво говорила о горьком аггеле — исполнителе воли Бога на Земле. О раздавателе наказующих ударов и ласковых наград. Но мерзостей в мире много, а доброты — так мало. И вот все молнии давно уже растрачены, а наград — полный шкаф: раздавать их некому и не за что… Не раздавать ли теперь их всем подряд — ведь каждый грешник есть и праведник тоже? Нет ведь во всей Вселенной никого, кроме мечущегося, замученного, страдающего и побеждающего человека…»

Режьте меня, а вариант с пряниками лучше, пронзительней. Ласковые награды, да ещё в пыльном шкафу — это какая-то несимпатичная абстракция. Совсем другое дело — пряники. Мятные, например. И, кажется, я даже знаю, откуда они.

БН рассказал однажды, отвечая на чей-то вопрос, прилетевший из Интернета:

> «Самый замечательный подарок я получил на празднике Нового года 31 декабря 1941-го в каком-то ДПШ *(Доме пионеров и школьников. — А.С.):* два совершенно окаменевших мятных пряника. Никогда больше и ничего вкуснее (из лакомств) я не едал и до сих пор (удивляя друзей и родных) предпочитаю пряники именно этой каменной консистенции».

Время раздавать пряники.
И пусть никто не уйдёт обиженным.

Заключение
ФЕНОМЕН БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Братья Стругацкие.

Не просто фантасты, не просто писатели, даже не просто кумиры миллионов…

А хотелось сказать о них именно просто — как они сами умели говорить, точнее, писать: доступно и глубоко, изящно и незамысловато, остроумно и пронзительно. А главное — честно.

Кто они были для нас — Стругацкие? Кем или чем остаются по сей день? Кем или чем будут впредь? Частью жизни. И частью немалой. Стругацкие — это наше представление о будущем, о мире, о человеке, о том, что правильно и что неправильно, о смысле бытия и бессмысленности смерти. Они — наш камертон, наш путеводитель, наше оружие и наш факел в мрачном лабиринте истории — прошлой и будущей. Стругацкие — это наши вывернутые наизнанку души. И наша совесть.

Есть знаменитая фотография, сделанная в Свердловске в 1981 году: Аркадий Натанович на сцене за столом, а за спиной его, на занавесе — лозунг: верхней строчки не видно — её фотограф специально срезал, а ниже — хорошо всем известное: «…ум, честь и совесть нашей эпохи». Их было несколько, таких фотографов, трудно было не увидеть этого кадра. Настоящий символ того времени.

Кто-то любит их книги, кто-то не любит, одни поругивают, другие — похваливают; больше таких, которые восхищаются и боготворят, но есть и такие, кто люто ненавидит; некоторые знакомы лишь с отдельными вещами, а есть ещё многие, да уже многие, кто только слышал о Стругацких благодаря кино и Интернету, газетам и телевизору. Однако трудно, почти невозможно найти в нашей стране человека, вообще не знающего, кто они такие. Это правда. Профессиональные социологи занимались этим вопросом. Да и сам я спрашивал много-много раз за жизнь, а в последние два года, когда вплотную работал над этой книгой — особенно часто интересовался читателями Стругацких. И честное слово, ни разу не услышал вопроса: «Кто такие Стругацкие?» Их знают наравне с телезвёздами и ведущими политиками, хотя как раз по ТВ их и раньше не показывали, и сейчас увидеть практически нельзя. Но их знают, их помнят, их читают, и это сегодня, когда новое поколение планомерно забывает родную классику и отечественную историю, путает композиторов с художниками, а писателей с полководцами.

Нынешние дети могут Ленина назвать одним из русских царей XIX века (и слава богу, хотя правильней, конечно, путать его с Пугачёвым и Гришкой Отрепьевым). Так вот, а про Стругацких любой школьник вам точно скажет, что «это фантасты такие». И прекрасно! Пусть школьники знакомятся с ними как с фантастами. Они ещё успеют узнать, что Стругацкие — это уникальнейший общекультурный феномен минувшего столетия, феномен планетарного значения.

Как-то в Польше я говорил с одним весьма образованным человеком, преподавателем истории в университете, паном Вальдеком, фамилию не помню. Я попросил его навскидку перечислить десяток самых знаменитых русских. Никаких границ я не задавал, он мог бы начать и с Петра Великого. Но пан Вальдек начал с Пушкина. В итоге чуть-чуть сбился — фамилий получилось одиннадцать, но у меня рука не поднялась вычеркнуть хотя бы одну. Вот этот список: Пушкин, Достоевский, Чехов, Набоков, Пастернак, Солженицын, Сахаров, Стругацкие, Бродский, Тарковский, Высоцкий. Нет смысла обсуждать, насколько этот подбор субъективен, тенденциозен, а может быть, в чём-то и случаен, в контексте этой книги важно другое: в сознании европейского читателя Стругацкие попадают именно в этот ряд, а вовсе не в компанию других фантастов. Собственно, других наших фантастов на Западе (даже в Польше) толком и не знают…

Тот, кто прочитал хотя бы несколько повестей Стругацких, уже не сможет записать их просто в фантасты. Но и отделять их от фантастики, включать просто в общий поток, оценивать по традиционной шкале прозаиков — тоже не получается. Писателей, по-настоящему владеющих языком, во все века было мало, но это лишь одно из их достоинств. Писателей, которые одновременно могли увлечь всех сюжетами и темой, — таких уж совсем мало. А писателей, которые при всём при этом поднимались на уровень не только социальных обобщений, но и обобщений онтологических, общемировых, вселенских — таких, по-моему, просто не встречалось больше. Разве что Лем… Но Лема читать не так легко и приятно. Через Лема иногда продираться надо. А Стругацкие доступны каждому. Вчера, сегодня и завтра. В любой стране.

Стругацкими пестрит Интернет, включая молодёжные форумы и блоги. На русском языке уж точно у них один из самых высоких индексов цитируемости во всемирной сети.

Из всей огромной советской литературы уцелели до дня сегодняшнего единичные имена. А прошло-то всего двадцать лет новой эпохи. Подозреваю, что ещё через двадцать уцелеют только

Стругацкие. Почему? Да потому что ни у кого, кроме них, не было за эти двадцать лет таких стабильно высоких тиражей. На остальных — мода, а на Стругацких — неизменный спрос. И чтобы другим советским писателям не обидно было, поясню, что сегодня даже на Достоевского мода — в зависимости от выхода на экран сериалов. Стругацкие меньше других от этого зависят, впрочем, ни одного сериала по их книгам ещё не сняли. Всё впереди. Выйдут — посмотрим.

Ну и последнее: количество их переводов на языки мира сопоставимо только с переводами классики. Не пора ли сделать из этого правильный вывод?

Вот, наверно, и всё, что я хотел сказать о них. Не знаю, сумел ли объяснить, в чём причина, каковы истоки этого феномена? Сам для себя я пытался найти ответ, и желательно краткий, ещё очень давно, лет двадцать пять назад, когда запоем читал и перечитывал все их книги, новые и старые, и вместе с миллионами других поклонников нетерпеливо ждал самых новых. Я был наивен тогда. И вот я попробовал ответить на этот вопрос сейчас, когда уже можно подвести черту, оглянуться назад, задуматься, осмыслить масштаб пройденного пути. Я опять попробовал ответить коротко. Одной фразой не получилось. И тремя фразами тоже ограничиться не удалось. Я набросал тезисы. Десятка два-три. За ними потянулись абзацы цитат и страницы рассуждений. Каждый тезис превращался в главу. Вот так и получилась эта книга.

Стругацкие — это феномен, которым мы будем гордиться ещё долгие годы, пока само понятие «культура» не исчезнет или не трансформируется во что-то иное.

Более яркого, более необычного, более удивительного явления в отечественной словесности второй половины двадцатого столетия не было. Я готов ответить за каждое слово в этой фразе. Здесь нет преувеличения. Мне кажется, я попытался доказать это.

Книга, которую вы держите в руках, читатель, безусловно, о людях, о двух Человеках, которых зовут Аркадий Стругацкий и Борис Стругацкий, однако хотелось мне этого или нет, она всё равно получилась ещё и о феномене писателя, мыслителя, общественного деятеля по имени Братья Стругацкие. Да, именно о феномене. Это слово в меру научное и в меру доступное широкой публике. Сказать, цитируя самих авторов, «гигантская флюктуация» было бы слишком вычурно и потребовало бы комментариев. А сказать просто и по-русски «чудо» было бы неточно и, как это ни странно, снизило бы пафос, заузило бы

тему и увело бы нас не в ту степь. Феномен — он для всех феномен. А в чудо ещё надобно поверить. Далеко не каждый верит в чудеса.

Стругацкие не верили в чудеса. Они чудеса создавали и профессионально эксплуатировали их — и собственные, и созданные другими. Они блестяще сформулировали однажды своего рода «три источника и три составных части» настоящей фантастики: ***чудо — тайна — достоверность.***

По этому принципу они действительно строили все свои произведения. Как прост этот принцип на первый взгляд и как нелегко следовать ему на практике. Увидеть чудо, придумать чудо, убедить читателя в том, что это чудо. Затем обозначить тайну, увлечь читателя тайной, предложить ему сюжет разгадки. И, наконец, сделать это всё с предельной, максимальной, абсолютной достоверностью. Они умели это — сделать любое чудо реальным. Правдоподобным. Ощутимым. Их тайны раскрывались или не раскрывались, но каждый сюжет, каждый персонаж и каждая деталь были достоверными на сто процентов.

Вот такой они создали феномен — литературный, культурный, уникальный.

Писатели. Пророки. Человеки.

Братья Стругацкие.

Фотографии

Александра Ивановна Литвинчёва и Натан Залманович Стругацкий, 1924

Аркаша на руках у матери, Батум, март 1926-го

Будущему писателю полгода от роду, Батум, 1926

Аркаша с родителями в Ленинграде, вверху — 1930 г., внизу — 1932 г.

Школа на Выборгской улице, которую окончили оба брата

Фото Н. Романецкого

Школьник Аркадий и маленький Борис, под Ленинградом, лето 1938-го

Школьник Борис, Ленинград. 1945

Андрей Спицын и Аркадий Стругацкий, Москва, июль 1945-го

Стругацкий, Спицын и ещё двое однокурсников по ВИИЯКА, Москва, июль 1945-го

Младший лейтенант Аркадий Стругацкий во время практики, Казань, 1946

Лейтенант Аркадий Стругацкий с мамой и братом Борисом, Ленинград, 28 августа 1948

Аркадий Стругацкий, Москва, 1947

Борис и Аркадий, Ленинград, август 1949-го

Рисунок Аркадия Стругацкого, 1948

Инна Шершова, первая жена Аркадия, Москва, май 1950-го

Елена Ошанина со своим первым мужем Дмитрием Воскресенским, конец 40-х

Лена с отцом Ильёй Михайловичем Ошаниным, Москва, 1931

Аркадий с первой женой Инной в день свадьбы, на даче под Москвой, август 1949-го

Родственники на свадьбе Аркадия. Стоят: дядя Саша (Александр Иванович Литвинчёв), Инна, Аркадий, жена дяди Коли, дядя Коля (Николай Иванович Литвинчёв), дядя Фаня (Афанасий Иванович Литвинчёв), Григорий Тимофеевич Теселько (муж тёти Мани). Сидят: мать — Александра Ивановна Стругацкая, тётя Маня (Мария Ивановна Теселько), мать Инны (Мария Фёдоровна Шершова), |на даче под Москвой, август 1949-го

Бывшее здание матмеха ЛГУ, где с 1950 по 1955 гг. учились Борис Стругацкий и его будущая жена Ада Карпелюк.

Фото автора

Борис Стругацкий, Ленинград, 1951

Аркадий Стругацкий в разведотделе штаба округа, Петропавловск-Камчатский, 1953

Аркадий Стругацкий, Владимир Ольшанский, Виктор Строкулев, Камчатка, лето 1953-го

Аркадий Стругацкий, Камчатка, осень 1952-го

Елена Воскресенская (Ошанина) на отдыхе в Анапе, 1952

Аркадий и Лена с друзьями, Камчатка, весна 1954-го

Аркадий и Лена, Хабаровск, ноябрь 1954-го

Лена с грудной дочкой Машей, Москва, осень 1955-го

Аркадий с женой Леной, Москва, начало 1956-го

Москва, Бережковская набережная, дом 14, где Аркадий Стругацкий прожил с 1955 по 1971 гг.

Фото автора

Центральное здание Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулкове под Ленинградом — прототипа НИИЧАВО.

Фото автора

Борис Стругацкий с универсальным геодезическим инструментом («универсалом»). Пулково, 9 сентября 1958

Борис Стругацкий, его жена Аделаида и брат Аркадий, 1957

Борис с женою Адой и её подругами, 1958

Мать писателей Александра Ивановна, Ленинград, начало 60-х

В гостях у фантаста Анатолия Днепрова, слева направо: Виктор Пекелис — зав. отделом журнала «Техника —

молодежи», Евгений Вайсброт — переводчик, Юрий — сын Днепрова, Кшиштоф Борунь — польский фантаст, Аркадий Стругацкий, жена Днепрова, Елена Воскресенская (Стругацкая)

На даче у Белы Клюевой в Опалихе под Москвой, начало 60-х, слева направо: Юрий Кривцов (муж Белы), Бела Клюева, Елена Воскресенская, Аркадий Стругацкий

Аркадий Стругацкий в Актюбинске, банкет после выступления. Бела Клюева (крайняя слева), поэт Джим Паттерсон (третий слева), поэт Иван Лысцов (слева от Аркадия), Аркадий, сентябрь 1962-го

В редакции фантастики издательства «Молодая гвардия»: Сергей Жемайтис, Софья Митрохина, Бела Клюева, начало 60-х

Бела Григорьевна Клюева и Нина Матвеевна Беркова, 80-е годы

Дом, где с мая 1964-го и по настоящее время живёт Б. Н. Стругацкий.

Фото Н. Романецкого

Борис Стругацкий, Ленинград, 1966
Фото М. Лемхина

Страница из самого первого рабочего дневника братьев Стругацких, Гагра, март 1965-го. Иллюстрации к «Улитке на склоне»
16+
Сделаем Третью силу.
Кулак
Старик

Страница из самого первого рабочего дневника братьев Стругацких, Гагра, март 1965-го. Иллюстрации к «Улитке на склоне»

Близкие друзья Стругацких:

Юрий Иванович Манин, 2006

Всеволод Александрович Ревич, 70-е

Михаил Рувимович Хейфец, 90-е

Мариан Николаевич Ткачёв, 1972

Елена Ильинична с любимым пуделем Лелем, осень 1966-го

На Юге, октябрь 1967-го. Аркадий Стругацкий, Майя Брусиловская (редактор издательства «Детская литература»), второй справа — писатель Александр Насибов, крайняя справа — Елена Воскресенская

Мариан Ткачёв, Аркадий Арканов и Аркадий Стругацкий на даче у тётки Ткачёва в Одинцово под Москвой, лето 1972-го

Проспект Вернадского, 119 — дом, в котором с декабря 1971-го и до последних дней жил Аркадий Стругацкий.
Фото автора

Борис Стругацкий, Ленинград, 1967.
Фото М. Лемхина

На свадьбе Ткачёва, Москва, 23 сентября 1972, слева направо: Елена Воскресенская, Аркадий Стругацкий, физик Александр Исаевич Калина, Оксана Михайлова (невеста), мать Оксаны, Мариан Ткачёв

На свадьбе Ткачёва, Москва, 23 сентября 1972, слева направо: невеста Оксана Михайлова, Мариан Ткачёв, Аркадий Стругацкий Александр Калина, мать невесты

Душанбе, апрель 1974-го, слева направо: Надежда Липанс, Шамсия Медведева, Аркадий Стругацкий, Виктор Юрлов, Лола Довгалюк, Владимир Медведев

Агоп Мелконян, Елена Стругацкая, Аркадий Стругацкий, Болгария, сентябрь 1978-го

Вячеслав Рыбаков и Борис Стругацкий на семинаре, Дом писателей, Ленинград, середина 70-х

Аркадий Стругацкий, София, август 1978-го

Дома у Шилейко: Аркадий Стругацкий, Алексей Вольдемарович Шилейко, Тамара Ивановна Шилейко, Константин Андреевич Андреев (двоюродный брат А.В.Шилейко), его сын Георгий Андреев, Москва, 1983

Шуточная купюра, выпущенная к 65-летию Аркадия Стругацкого, 1990

Депутат райсовета Александр Смирнов, Борис Стругацкий Борис Вишневский

Борис Стругацкий и председатель райсовета Московского района Санкт-Петербурга Сергей Новосёлов, 28 апреля 1993.

Фото Б. Вишневского

Аркадий Стругацкий. Рисунок Дарьи Морозовой
(посмертный, по фотографии)

Борис Стругацкий у себя дома, 1998.
Фото Б. Вишневского

Хронология жизни и творчества Аркадия и Бориса Стругацких

1925

28 августа — г. Батум (Батуми), в семье Натана Залмановича Стругацкого, 1892 г.р., красного командира, и Александры Ивановны Литвинчёвой, 1901 г.р., дочери сельских торговцев из Середины-Буды, родился сын Аркадий (АН).

1926

Октябрь — переезд с семьёй в Ленинград на пр. Карла Маркса, д. 4.

1927

16 февраля — Шанхай, в семье Ильи Михайловича Ошанина, 1900 г.р., и Екатерины Евгеньевны Фортунатовой, 1907 г.р., родилась дочь Елена (ЕИ), будущая вторая жена АНа.

Июль — первая поездка АНа с мамой в Середину-Буду к дедушке с бабушкой.

1930

Лето АН проводит с матерью в Середине-Буде. Отец, закончив Высшие государственные курсы искусствоведов, уезжает снова в Батум. Возвращаясь оттуда в конце лета, заезжает за женой и сыном.

1931

1 февраля — Москва, родилась Инна Сергеевна Шершова (ИС), будущая первая жена АНа.

1932

1 сентября — АН пошёл в 1-й класс средней школы № 107 г. Ленинграда на Выборгской улице, д. 3.

23 октября — с. Бирзула (г. Котовск), в семье Андрея Иосифовича Карпелюка, кадрового офицера, и Антонины Николаевны, учительницы младших классов, родилась дочь Аделаида, будущая жена Бориса.

1933

15 апреля — Ленинград, родился Борис Стругацкий (БН). В тот же день Натан Залманович направлен начальником политотдела в западносибирский зерносовхоз.

1935

Перевод Н.З. Стругацкого в Сталинградский край, начальником политотдела Зеленовского зерносовхоза Фроловского р-на.

1936

Н.З. Стругацкий назначен начальником управления искусств Сталинградского крайисполкома.

1937

Октябрь — Н.З. Стругацкий исключён из партии, затем предупреждён об аресте и срочно возвращается из Сталинграда в Ленинград.

17 октября — зачислен в Государственную Публичную библиотеку главным библиотекарем отдела эстампов.

1940

2 сентября — БН идёт в 1-й класс школы № 107 г. Ленинграда.

1941

22 июня — начало Великой Отечественной войны.

Июль — август — АН вместе с отцом работает на строительстве оборонительных сооружений, фактически на линии фронта, участвует в бою.

31 августа — начало блокады Ленинграда. Октябрь — декабрь — АН работает в мастерских по производству ручных гранат.

1942

28 января — эвакуация АНа с отцом по Дороге жизни.

7 февраля — Вологда, смерть отца.

До 20 апреля — АН в больнице в Вологде.

12 мая — отъезд из Вологды.

5 июня — АН в г. Чкалове (Оренбурге).

Середина июня — в пос. Ташле Чкаловской обл.

3 августа — отъезд матери с БНом из Ленинграда.

Конец августа — прибытие их в Ташлу.

1943

28 января — АН призван в армию.

9 февраля — отъезд в г. Актюбинск, поступление во 2-е Бердичевское пехотное училище.

Май — призыв в Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯКА) на отделение японского языка.

Июнь — учёба АНа в Ставрополе-на-Волге (Тольятти).

10 августа — АН официально зачислен в ВИИЯКА.

Сентябрь — октябрь — переезд ВИИЯ в Москву по рекам на барже.

Ноябрь — переезд Матери с БНом в Москву к родственникам.

1944

Февраль — первая сессия АНа в ВИИЯ (2 экзамена).

Март — переезд ВИИЯ в новые корпуса в Лефортово.

Май — возвращение матери с БНом в Ленинград.

Июль — вторая сессия АНа (6 экзаменов).

Осень — первое знакомство с Леной Ошаниной (ЕИ).

1945

9 мая — День Победы над Германией.

2 сентября — победа над Японией.

17 октября — АНу присвоено первое офицерское звание — младший лейтенант.

1946

Январь — одногруппник Борис Петров направлен на практику в Японию, АН переезжает жить к его матери в Б. Черкасский переулок, д. 13.

С марта по июль — практика в Казани, в концлагере, участие в допросах японских военнопленных в качестве переводчика.

29 мая — этим днём датирован первый из сохранившихся рассказов АНа — «Как погиб Канг». 24-8146

1948

19 января — АНу присвоено звание лейтенанта.

Декабрь — знакомство с Инной Шершовой (ИС) на вечере в пединституте.

1949

Май — переезд к ИС в коммуналку на Волочаевской улице.

30 июля — окончание ВИИЯКА.

Август — свадьба ИС и АНа на даче в Удельной.

7 сентября — окончательное распределение АНа в г. Канск Красноярского края мл. преподавателем кафедры японского языка школы военных переводчиков (ШВП).

Ноябрь — прибытие АНа в Канск поездом (без жены).

1950

Июнь — БН оканчивает школу с серебряной медалью.

Июль — август — БН поступает в ЛГУ на матмех, отделение астрономии.

Июль — первый отпуск АНа в Москве и Ленинграде.

Сентябрь — знакомство БНа с Адой Карпелюк (АА). Ноябрь — АН назначен и.о. секретаря комсомольской организации ШВП.

1951

Январь — второй и последний отпуск АНа в Москве и Ленинграде вместе с ИС.

12 февраля — АНу присвоено звание старшего лейтенанта.

20 (по документам — 25-го) апреля — рождение дочери Наталии у ЕИ от первого мужа Д. Н. Воскресенского, Москва.

Июль — БН на практике в Алма-Атинской обсерватории, на обратной дороге, в августе задерживается в Москве у родственников.

Август — ЕИ приезжает к мужу на побывку, начало романа АНа с ЕИ.

Сентябрь — приезд ИС в Канск, разрыв семейных отношений.

1952

1 января — скандал в воинской части в новогоднюю ночь; АН и ЕИ всю жизнь отмечали именно эту дату как день своей фактической свадьбы.

17 января — исключение АНа из ВЛКСМ «за морально-бытовое разложение».

Июнь — отъезд из Канска.

30 июля — прибытие в Петропавловск-Камчатский, должность — офицер отдела разведки.

8 — 9 августа — восхождение АНа с друзьями на Авачинскую сопку.

Начало ноября — землетрясение и цунами, участие АНа в ликвидации последствий.

1953

5 марта — смерть Сталина.

Июнь — развод с ИС (заочно).

1954

Апрель — приезд ЕИ к АНу на Камчатку.

Май — «свадьба» в узком кругу друзей в ресторане «Восход» в районе АКО.

Июль — перевод АНа в Хабаровск военным переводчиком

центра «ОСНАЗ»; переезд морем вместе с ЕИ.

Лето — производственная практика БНа в Абастуманской обсерватории (Грузия).

Ноябрь — во время отпуска в Ленинграде рождается идея писать «Страну багровых туч» вместе с Борисом.

До конца года в Хабаровске Аркадием написан «Пепел Бикини» (по предложению Л.С. Петрова).

1955

Апрель — БН защищает диплом на матмехе ЛГУ.

30 апреля — рождение у ЕИ от АНа дочери Марии, Москва.

9 мая — приказ об увольнении в запас по сокращению штатов.

Июнь — АН проездом через Москву возвращается в Ленинград, живёт у мамы вместе с БНом.

Июнь — БН поступает в аспирантуру Пулковской обсерватории.

Июль — начало совместной работы над повестью «Страна багровых туч» («СБТ»).

Ноябрь — переезд в Москву к жене и дочкам.

Декабрь — начало работы АНа в Институте научной информации (ИНИ).

22 декабря — регистрация брака АНа и ЕИ, а также регистрация рождения дочери Маши.

1956

Январь — АН зачислен в штат редакции «Реферативного журнала» ВИНИТИ (бывшего ИНИ).

Март — XX съезд КПСС.

Весь год — плотная работа над повестью «СБТ» (в основном по переписке).

1957

Февраль — АН поступает редактором в Гослитиздат, в редакцию восточной литературы.

29 апреля — рукопись «СБТ» сдана в Детгиз.

Лето — БН — препаратор в археологической экспедиции в Пенджикенте (Таджикистан).

4 октября — запущен первый спутник.

19 ноября — зарегистрирован брак БНа с АА.

1958

Январь — первая публикация АБС — рассказ «Извне» в журнале «Техника — молодёжи».

Апрель — начало параллельной работы АНа редактором в Детгизе.

Май — выход книги «Пепел Бикини» (в соавторстве с Л.С. Петровым) в Детгизе (23 апреля — сигнальный экземпляр).

Август — первый рассказ в журнале «Знание — сила» — «Спонтанный рефлекс».

7 августа — Аркадий принят в Союз советских журналистов.

Осень — издание первых переводов Аркадия с японского языка.

Ноябрь — Борис переходит на работу инженером-эксплуатационником на счётную станцию ГАО в Пулкове.

В течение года — работа братьев над несколькими рассказами.

1959

Март — первые собрания (семинары) фантастов в редакции С. Жемайтиса в «Молодой гвардии» («МГ»).

18 июня — рождение сына Андрея у АА от БНа.

Июль — август — отдых АНа и ЕИ в Джубге (Краснодарский край).

Август — выход в свет первой книги АБС — «СБТ».

Октябрь — ноябрь — за один приезд Аркадия в Ленинград написаны четыре рассказа и повесть — «Путь на Амальтею».

Конец ноября — перевод на штатную работу в Детгиз.

1960

Июль — сентябрь — Борис участвует в экспедиции по поиску места для Большого телескопа (Северный Кавказ).

Октябрь — предложение с «Мосфильма» об экранизации «СБТ».

Выходят две новые авторские книги — «Путь на Амальтею» и «Шесть спичек», переиздана «СБТ».

1961

1 января — денежная реформа.

Начало января — поданы документы на приём в СП СССР.

12 апреля — Юрий Гагарин побывал в космосе.

21 апреля — расторжение договора с «Мосфильмом» на «СБТ».

Июнь — публикация глав из повести «Возвращение» под названием «Полдень, XXII век» в журнале «Урал» (Свердловск).

1962

Март — семинар писателей-фантастов при «МГ» начинает

работать регулярно как литобъединение.

16 февраля — 16 марта — Ленинград, написана повесть «Попытка к бегству»(«ПкБ»).

Апрель — получение БНом водительских прав.

27 июля — получен сигнал четвёртой книги АБС — «Возвращение» («Полдень, 22-й век»).

Август — получен сигнал повести «Стажёры», вышедшей отдельной книгой в «МГ».

18 — 28 августа — Москва, Международное совещание писателей-фантастов на тему «Человек и будущее», участвуют АН и БН.

С 25 августа по 10 сентября — АН и БН отдыхают в Крыму вдвоём.

22 — 30 сентября — поездка АНа в Казахстан (Актюбинск, Гурьев, Уральск) с редактором «МГ» Белой Клюевой и группой писателей. Выступления перед читателями.

3 — 5 октября — поездка АНа с ЕИ в Горький.

16 октября — заявление об увольнении из Детгиза и уход в творческий отпуск на три месяца.

Ноябрь — выходит в свет книга Акутагавы «В стране водяных» в переводе АНа.

16 ноября — 26 декабря — Ленинград, написана «Далёкая Радуга».

Декабрь — опубликована «ПкБ» в сборнике «Фантастика, 1962 год».

1963

Май — встреча с московскими фантастами в ЦК ВЛКСМ. Лен Карпинский.

27 — 28 мая — АН в Харькове от «МГ» с А. Днепровым и А. Громовой.

Июнь — Москва, написана в черновике повесть «Трудно быть богом» («ТББ»).

Июль — август — АН отдыхает в Латвии (остров Булли, под Ригой), БН — в Крыму (Малореченск под Алуштой).

Сентябрь — Ленинград, закончен чистовик «ТББ».

Декабрь — работали в Ленинграде над «Суетой вокруг дивана» и рассказами.

1964

Февраль — Ленинград, начало работы над повестью «Хищные вещи века» («ХВВ»).

Март — Москва, окончательный приём в ССП.

30 марта — Ленинград. Закончен черновик «ХВВ».

Начало апреля — увольнение АНа из Детгиза.

Май — Ленинград, закончен черновик «Понедельника…».

Май — переезд БНа в новую кооперативную квартиру на ул. Победы.

Лето — БН с друзьями на автомобилях путешествует по Прибалтике, АН — в Москве, переводит «Четвёртый ледниковый период» Кобо Абэ. 24 августа — завершает перевод.

Октябрь (до 20-го) — отдых в Алупке (АН, БН, друг БНа А. Копылов).

14 октября — отставка Н.С. Хрущёва.

1965

Январь — БН выступает в дискуссии о фантастике в ленинградском Доме детской книги.

Февраль — БН уволился из Пулкова («на вольные хлеба»).

3 марта — 2 апреля. Гагра, Дом творчества, первый черновик повести «Улитка на склоне» («УНС»).

Апрель — Ленинград, «УНС».

Май — Москва, «УНС».

Лето — АН работает над переводом романа Дж. Уиндема «День триффидов».

10 июля — начало августа — отдых АНа и ЕИ в Одессе.

28 августа — дома на 40-летии АНа Ревичи, Биленкины и Манины.

5 — 9 сентября — АН на симпозиуме, посвящённом К. Чапеку в Марианских Лазнях (Чехословакия).

Ноябрь — выход в свет «ХВВ», впервые через серьёзное сопротивление начальства.

Декабрь — Комарово, Дом творчества, «УНС». 18 декабря — закончили.

1966

5 марта — Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы (с критикой АБС).

Апрель — в доме АНа взяли королевского пуделя по кличке Лель.

15 апреля — Ленинград, написан черновик «Второго нашествия марсиан».

Август — знакомство АНа с Л. Абрамовой (женой Владимира Высоцкого).

28 августа — встреча АНа в редакции «Иностранной литературы» с Кобо Абэ.

Октябрь — знакомство с Владимиром Высоцким, «10 дней,

которые потрясли мир» на Таганке, песни под гитару дома у Манина.

22 ноября — Ленинград, работа над «Гадкими лебедями» («ГЛ»).

19 — 27 декабря — АН с Ю. Маниным в Новосибирском Академгородке. Знакомство с Владимиром Захаровым. Премия клуба «Под интегралом».

1967

Начало января — Новоселье у Н. Берковой.

14 января — закончен первый черновик «ГЛ».

25 января — день рождения Высоцкого (отмечали у Маниных, АН, ЕИ, Г. Епифанцев, В. Захаров).

6 — 25 марта — Дом творчества Голицыно (под Москвой). «ГЛ», «Сказка о Тройке» («СоТ»).

12 июня — подана заявка в Детгиз на «Обитаемый остров» («ОО»).

16 — 27 июля — Москва, «ОО».

22 сентября — АН и БН на Таганке и у Высоцкого («Жизнь Галилея»).

23 — 25 сентября — Москва, работали над «СоТ» для «Знания».

Октябрь — АН и ЕИ в Баку по приглашению Е. Войскунского, И. Лукодьянова, Г. Альтова.

15 ноября — 7 декабря — Комарово, «ОО». За это время: «ГЛ» — отклонены «МГ», «СоТ» отклонена «Знанием».

29 — 30 декабря — Ленинград, переделывали «СоТ» для Детгиза.

1968

16 — 27 января — Ленинград, закончили черновик «ОО». Март — Ленинград, «ОО».

21 апреля — закончили чистовик «ОО».

22 апреля — задуман «Град обреченный» («ГО»).

31 мая — Ленинград, закончили поправки к «ОО».

21 августа — ввод советских войск в Чехословакию.

Лето — осень — «Сказка о Тройке» опубликована в альманахе «Ангара» (Иркутск). В феврале 1969 главный редактор освобождён от работы с выговором. Журналы изымались из библиотек.

Октябрь — Ленинград, совместная работа над переводом романа Э. Нортон «Саргассы в космосе».

14 — 17 декабря — Ленинград, идеи, замыслы, планы.

1969

Январь — Комарово, «Отель „У погибшего альпиниста“» («ОуПА»).

Февраль — март — Комарово, «ОуПА». 4 марта — закончили черновик.

9 — 19 апреля — Ленинград, закончили чистовик «ОуПА».

12 — 22 сентября — БН с Алексеем Германом пишут сценарий «ОуПА».

4 — 9 октября — Ленинград, работа над переводом повести Х. Клемента «Огненный цикл».

Конец ноября — БН в Новосибирске, выступает в Академгородке.

10 — 13 декабря — АН в Ленинграде.

1970

Февраль — Комарово, «ГО».

Март — «Сказка о Тройке» опубликована в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне).

7 — 23 апреля — Комарово, «Малыш».

17 — 30 июня — Ленинград, «Малыш».

2 — 13 сентября — Комарово закончен черновик «Малыша».

26 октября — 8 ноября — Комарово, чистовик «Малыша».

6 ноября — старшая дочь ЕИ Наталия вышла замуж за Эдуарда Фошко.

15 — 28 декабря — Комарово, «ГО».

1971

18 — 27 января — Ленинград, первые наброски «Пикника на обочине» («ПнО»).

Февраль — АН в Кишинёве, заказная работа над сценарием.

19 февраля — 2 марта — Комарово, «ПнО».

30 марта — 8 апреля — закончили черновик «ПнО».

Август — вторая поездка АНа в Кишинёв.

7 — 20 сентября — Комарово, «ПнО».

28 октября — 3 ноября — Комарово, закончили чистовик «ПнО».

1 — 12 декабря — Комарово, «ГО».

Декабрь — переезд АНа с ЕИ в новую кооперативную квартиру на пр. Вернадского.

1972

Январь — Комарово, работа над сценарием «Понедельника…»

12 — 23 апреля — Комарово, «ГО».

21 — 27 мая — Закончен черновик «ГО».

Сентябрь — октябрь — БН в Польше по приглашению переводчицы И. Левандовской.

5 октября — умер И.А. Ефремов.

Октябрь — «Гадкие лебеди» в «Посеве» (Франкфурт-на-Майне).

1 — 24 декабря — АН и ЕИ в Доме творчества в Малеевке.

1973

26 января — Тарковский прочёл «ПнО» и сделал об этом запись в дневнике.

26 февраля — 3 марта — АН в Ленинграде.

Март — апрель — БН начинает вести семинар фантастов вместо заболевшего Ильи Варшавского.

23 — 26 апреля — Ленинград, план повести «За миллиард лет до конца света» («зМЛдКС»)

12 — 23 мая — Москва, начало работы над «зМЛдКС».

10 — 18 сентября — Москва, работа над сценарием «Мальчик из преисподней» («МиП»).

19 сентября — 2 октября — первая поездка АНа в Душанбе, заказная работа над сценарием фильма «Семейные дела Гаюровых».

20 сентября — 5 октября — БН в Польше.

Октябрь — Москва, «МиП».

10 декабря — второй отъезд АНа в Душанбе.

1974

30 января — возвращение АНа в Москву из Душанбе.

Февраль — Москва, переделка сценария «МиП» в повесть «Парень из преисподней».

18 апреля — конец мая — третья поездка АНа в Душанбе.

22 апреля — арест по политической статье Михаила Хейфеца, друга БНа.

Апрель — выход в свет тома Акутагавы в серии «БВЛ» с переводами и предисловием АНа.

24 — 27 июня — АН в Ленинграде.

25 июня — БНа вызывают в «Большой дом» (УКГБ по Ленинграду) в связи с делом М. Хейфеца.

15 — 25 июля — БН в Москве, «зМЛдКС».

4 — 17 сентября — Комарове, «зМЛдКС». 16 сентября — закончили черновик.

9 — 10 сентября — БН в суде по делу М. Хейфеца.

23 октября — 17 ноября — АН и ЕИ в Доме творчества в Дубулты.

25 ноября — 8 декабря — Комарово, «зМЛдКС». 5 декабря —

закончили чистовик.

Декабрь — первое знакомство АНа с врачом Ю.И. Черняковым.

1975

19 — 25 января — Комарово, размышления, наброски.

15 февраля — 8 марта — АН в санатории в Кисловодске.

Март — АН впервые в эфире ТВ вместе с космонавтом Георгием Гречко.

27 марта — первая встреча АНа и Андрея Тарковского (АТ) по поводу экранизации «ПнО».

С 6-го и до середины апреля — АН в Ленинграде.

16 апреля — космонавт Г. Гречко на семинаре у БНа.

14 — 17 мая — БН в Москве.

15 мая — первая встреча с АТ втроём.

Июль — август — БН помогает А. Герману со сценарием «20 дней без войны».

19 июля — 21 августа — поездка в Киев по поводу сценария док-фильма «Встреча миров», затем отдых в Пирнове на Десне.

6 — 11 сентября — Ленинград, план «Жука в муравейнике» («ЖвМ»).

29 октября — 1 ноября — АН в Ленинграде.

16 ноября — 9 декабря — «агитпоезд» по Дальнему Востоку. АН с М. Ткачёвым. Выступления в разных городах (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск). Встреча с А. Городницким.

15 — 21 декабря — БН в Москве.

19 декабря — встреча с АТ.

1976

6 — 8 января — Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе, ЦДЛ. Участвует только АН.

12 — 23 января — Комарово. Первый вариант сценария «ПнО» для АТ.

Март — запуск фильма АТ под названием «Машина желаний».

16 — 23 марта — закончили второй вариант сценария «ПнО».

3 — 10 мая — АН в Ленинграде. «ЖвМ».

Август — сын БНа Андрей поступал в институт — недобрал одного балла.

26 — 28 сентября — АН в Ленинграде. «ЖвМ».

19 октября — АН у АТ. Обсуждали очередной вариант сценария.

11 — 21 ноября — АН в Ленинграде. «ЖвМ».

15 ноября — 20 декабря — Москва, Всесоюзный семинар

писателей-фантастов в Литинституте. Знакомство АНа (в декабре) с Г. Прашкевичем, В. Бабенко, Б. Штерном, О.Ларионовой, А. Балабухой.

23 декабря — БН купил первый свой автомобиль — «Запорожец» ЗАЗ-968 («мыльница»).

15 — 25 декабря — Комарово, сценарий для АТ, «ЖвМ».

1977

29 января — 12 февраля — Ленинград, «ЖвМ».

Март — начало работы АНа над переводом «Сказания о Ёсицуне».

Конец марта — операция по удалению желчного пузыря у БНа.

6 — 13 мая — Ленинград. Работа над сценариями.

20 мая — первый съёмочный день «Сталкера».

6 — 12 июля — Ленинград. Работа над сценариями, «ЖвМ».

22 июля — АН с ЕИ выезжает в Таллинн на съёмки.

8 августа — возвращение в Москву с Андреем. Скандал с испорченной плёнкой.

Август — сын БНа Андрей поступил в Университет на географический факультет.

Конец августа — вариант сценария «Сталкера» с новой концепцией главного героя.

20 сентября — возобновление съёмочного процесса «Сталкера» с частично поменявшейся командой.

25 — 30 ноября — АН и ЕИ в Ленинграде. Не работали, разговоры о будущих повестях.

1978

Январь — февраль — работа над «Повестью о дружбе и недружбе» (порознь).

Февраль — БН работает над сценарием «ОуПА» для Г. Кроманова.

Лето — АН пишет сценарий мюзикла «Чародеи» для К. Бромберга.

27 сентября — 16 октября — поездка АНа и ЕИ в Болгарию по приглашению редактора и переводчика Агопа Мелконяна.

25 — 26 октября — БН в Москве.

7 — 17 ноября — Москва, «ЖвМ».

16 — 24 декабря — Москва, «ЖвМ».

1979

27 января — 3 февраля — Москва, «ЖвМ».

3 — 7 марта — Москва, закончили черновик «ЖвМ».

31 марта — 7 апреля — Москва, «ЖвМ».

26 — 30 апреля — Москва, закончили чистовик «ЖвМ».

30 мая — просмотр «Сталкера» на «Мосфильме». Родственники и друзья АНа.

Начало июня — ЦДЛ, первое заседание московского семинара молодых фантастов с участием АНа.

Июнь — первый выпуск передачи «Этот фантастический мир», ведущий — космонавт Феоктистов. (В дальнейшем — Гречко, и неоднократно участвовал АН).

21 июня — «столетие» АБС (никак не отмечалось).

26 июня — у Марии родился сын Иван — первый внук АНа.

8 — 20 августа — госпитализация АНа в больницу № 52, мерцательная аритмия. Лечащий врач — Ю.И. Черняков.

27 августа — премьера фильма «ОуПА».

18 сентября — смерть матери — А.И. Стругацкой.

Декабрь — начало войны в Афганистане.

1980

Март — исключение из ЛГУ Андрея Стругацкого (по политическим причинам).

10 апреля — расторжение договора АБС с Лениздатом (с возвратом авансов).

19 мая — АН выступает на премьере «Сталкера» в кинотеатре «Мир» (Москва).

25 июля — смерть Владимира Высоцкого.

Лето — продолжение работы АНа над сценарием мюзикла «Чародеи».

Октябрь — выход в свет сборника «Неназначенные встречи» (с «ПнО»), договор на который с «МГ» был заключён 8 лет назад.

1981

17 января — АН сделал первый вариант нового сценария для АТ («Ведьма»).

22 января — АН обсуждает с АТ сценарий «ЖвМ».

23 января — БН встречается с А. Сокуровым по поводу экранизации «зМЛдКС».

28 — 29 января — конференция по кинофантастике, участвовал АН.

6 февраля — БН госпитализирован с инфарктом. Бросил курить.

Февраль — март — работа АНа над «Ведьмой». 23 марта — закончен второй (из сохранившихся) вариант сценария.

Конец февраля — Сокуров в больнице у БНа по поводу сценария.

Март — БН выписан из больницы.

Апрель — июнь — переписка с БНом о переезде в Ленинград.

24 — 26 апреля — Свердловск, АН на первом советском конвенте «Аэлита», первая премия АБС — за «ЖвМ».

31 мая — АН на дне рождения у В. Гопмана. Разговоры о переезде в Ленинград.

16 августа — 20 сентября — поездка на Дальний восток с ЕИ и Мирерами от общества «Знание» с выступлениями, отдых на побережье. Встреча с В.П. Лукиным.

23 октября — БН приехал в Москву.

9 ноября — встреча АНа и БНа с братьями Вайнерами, план совместного романа.

12 ноября — умерла Ариадна Громова.

28-30 ноября — БН в Москве.

Декабрь — выступление АНа в Политехническом музее.

1982

Январь — Москва, работа над «Хромой судьбой» («ХС»).

2 — 18 февраля — Москва, «ХС».

1 марта — ЦДЛ, Пленум Совета по фантастике, участвует АН.

17 марта — коллективное интервью у АНа в редакции журнала «Знание — сила» на семинаре молодых фантастов.

24 — 30 марта — Москва, «ХС».

19 — 21 мая — Москва, закончили черновик «ХС».

22 мая — БН покупает «Жигули» в Москве.

25 мая — БН и АА уезжают на новой машине в Ленинград.

20 июня — съёмка АНа на ТВ для передачи «Тайна всех тайн» (Горький).

Июль — первое путешествие БНа с друзьями на трёх машинах по Прибалтике.

17 — 19 августа — поездка АНа в Саратов и Энгельс по приглашению Общества любителей книги.

5 сентября — умер Илья Михайлович Ошанин.

9 — 13 октября — Ленинград, «ХС».

17 октября — сделаны наброски новой повести «Волны гасят ветер» («ВГВ»).

10 — 24 ноября — первый Всесоюзный семинар молодых фантастов в Малеевке. Участвовал АН.

24 — 26 ноября — Ленинград, закончили чистовик «ХС».

1983

5 — 12 января — Москва, раздумья над трилогией о Максиме.

19 — 22 февраля — АН в Ленинграде.

26 марта — 1 апреля — Москва, «ВГВ».

Апрель — семинар по кинофантастике в Репино.

28 апреля — 3 мая — Ленинград, «ВГВ».

14 — 18 июня — Москва, «ВГВ».

20 — 27 сентября — Москва, «ВГВ».

27 октября — 2 ноября — Ленинград, «ВГВ».

1984

6 — 10 января — Ленинград, сценарий «Пять ложек эликсира» («5ЛЭ»).

27 января — 1 февраля — Москва, «5ЛЭ».

11 — 19 февраля — Ленинград, «5ЛЭ». 18 февраля — закончили сценарий.

7 — 14 марта — БН в Москве. Переговоры с Совинфильмом (о «ТББ»). Работа над «ВГВ».

7 — 13 апреля — Ленинград, «ВГВ».

24 — 27 апреля — Москва, доделка «5ЛЭ».

24 — 31 мая — Москва. 27 мая — закончили чистовик «ВГВ».

С 31 августа до середины сентября — АН с ЕИ и Ткачёвыми отдыхает в Пицунде.

Декабрь — выход в свет «Сказания о Ёсицунэ» в переводе АНа.

1985

11 — 16 января — Москва, готовили к печати «ХС + ГЛ».

15 — 16 февраля — БН в Москве.

Конец июля — АН в Саратове вместе с ЕИ, дочерью Марией и внуком Иваном, выступления перед читателями.

Начало августа — Таллинн. Выступление на эстонском ТВ.

22 августа — 15 сентября — поездка АН и ЕИ в Армению вместе с супругами Мирерами: Ереван, Дилижан, Дом творчества композиторов.

28 августа — награждён к 60-летию Почётной грамотой Верховного Совета РСФСР.

Сентябрь — знакомство АНа и ЕИ с А.П. Бажовой и Т.А. Гайдаром, родителями Егора, за которого выходит замуж Мария.

25 октября — 3 ноября — Репино, семинар по кинофантастике.

15 — 20 ноября — Москва, «ХС» для «Невы», письма.

15 — 21 декабря — Москва, статьи, письма, возник вариант названия новой повести — «Отягощённые злом» («03»).

1986

25 — 31 января — АН в Ленинграде.

9 — 16 апреля — Репино, «ОЗ».

21 апреля — ЦДЛ, Пленум Совета по фантастике, АН делает доклад.

26 апреля — катастрофа на Чернобыльской АЭС.

8 — 15 мая — БН в Москве, письма, встречи, обсуждения.

21 — 30 октября — Репино, сценарий для Лопушанского по «ГЛ» («Туча»).

11 — 15 ноября — Репино, киносеминар, «Туча».

10 — 14 декабря — Репино, «ОЗ».

29 декабря — умер Андрей Тарковский.

1987

16 — 25 января — Репино, готовили к изданию «Град обреченный».

24 января — приезд Александра Сокурова. АН и БН дали добро на изменение сценария «Дней затмения».

15 — 22 февраля — Комарово, «ОЗ».

13 — 22 марта — Репино, «ОЗ».

17 — 27 апреля — Репино, «ОЗ».

14 мая — вручение почётного диплома о присвоении малой планете № 3054 имени Strugatskia. Колонный зал Дома союзов. Присутствовал АН.

15 — 24 мая — Репино, «ОЗ».

28 июля — умер Дмитрий Биленкин.

27 августа — 1 сентября — АН и БН в Брайтоне, Великобритания (Worldcon-45).

3 октября — АН в прямом эфире: телемост СССР-США «Вместе к Марсу».

17 — 25 октября — Репино, «ОЗ».

20 — 29 ноября — Репино, «ОЗ». 22 ноября — закончили черновик.

18 — 27 декабря — Репино, «ОЗ».

1988

15 — 21 января — Репино. 18 января — закончили чистовик «ОЗ».

20 — 25 января — БН в Москве.

20 — 27 февраля — БН в Москве. Закончен сценарий «ЖвМ», родилась идея пьесы.

16 — 18 марта — АН с ЕИ в Киеве, Всесоюзная конференция КЛФ.

23 — 28 марта — БН в Москве. Подготовка переизданий.

13 — 15 мая — АН с ЕИ в Свердловске, «Аэлита» и праздник журнала «Уральский следопыт» (30 лет).

1 — 3 декабря — БН в Москве. План будущей пьесы «Жиды города Питера» («ЖГП»).

21 — 24 декабря — БН в Москве.

1989

25 — 28 февраля — БН в Москве.

27 февраля — ЦДЛ, Пленум Совета по фантастике СП СССР. Участвуют оба.

3 — 9 сентября — АН на «Соцконе», пос. Коблево Николаевской обл.

6 — 8 октября — БН в Москве.

10 — 19 ноября — АН и БН на киносеминаре в Репине.

7 — 12 декабря — Москва, «ЖГП».

1990

22 января — 11 февраля — поездка АНа с ЕИ и дочерью Наталией в Мюнхен.

25 января — премьера фильма «Трудно быть богом» в Мюнхене.

25 — 28 февраля — работа над пьесой в Москве.

3 — 8 апреля — БН в Москве. 7 апреля — закончена пьеса «ЖГП».

Апрель — премьера фильма «ТББ» в Москве, Дом кино. Присутствует АН.

17 — 25 мая — БН в Москве. Обсуждали новую повесть.

Июль — выпуск в Ленинграде юбилейного номера фэнзина «Измерение Ф» к 65-летию АНа.

9 августа — рождение внука АНа — Павла — сына Маши.

26 августа — группа «Людены» в гостях у АНа. Коллективное интервью.

8 сентября — умер Север Гансовский.

24 — 27 октября — БН в Москве. Обсуждали общие планы.

1 — 7 декабря — АН и БН на последнем семинаре по кинофантастике в Репине.

5 декабря — подписан договор с «Текстом» на издание 10-томника.

1991

16 — 19 января — последний приезд БНа в Москву к АНу.

Февраль — Сосновый Бор, «Интерпресскон», вручение премии Б.Н. Стругацкого (в дальнейшем — «Бронзовая улитка»).

Апрель — АН закончил работу над повестью «Дьявол среди людей».

12 октября, 13.50 — умер АН (рак).

16 октября — прощание в крематории Донского монастыря.

6 декабря — развеян прах в Подмосковье с вертолёта.

1992

Январь — знакомство с журналистом и политиком (партия «Яблоко») Борисом Вишневским.

Февраль — Репино, «Интерпресскон» (организатор — А. Сидорович), учреждена и впервые вручена премия «Бронзовая улитка», председателем и единственным членом жюри которой является БН.

Осень — знакомство с председателем Московского райсовета, позднее депутатом Санкт-Петербургского законодательного собрания от «Яблока» Виктором Новосёловым.

1993

Январь — выход в свет повести «Дьявол среди людей» в сборнике под псевдонимом С. Ярославцев с предисловием БНа, «Текст» (Москва).

Март — Репино, уже традиционное участие в «Интерпрессконе».

15 апреля — 60-летие БНа.

Лето — последнее путешествие с друзьями на трёх машинах по Прибалтике.

1994

24 марта — умерла Елена Ильинична Стругацкая (инсульт).

Май — Репино, «Интерпресскон». Учреждена премия «Странник». - в составе жюри.

Лето — закончен роман «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» («ПП»).

Октябрь — начало публикации «ПП» в журнале «Звезда» (СПб).

1995

Апрель — первое книжное издание «ПП» — «Текст» (Москва).

1996

Июнь — выход книги «Миры братьев Стругацких. Время учеников» — сборника сиквелов к произведениям АБС. Составитель — А. Чертков.

Октябрь — СПб., первый Конгресс фантастов России «Странник». Премии «Странник» за крупную форму удостоен роман С. Витицкого «ПП».

1998

Весна — выход второго тома проекта «Миры братьев Стругацких. Время учеников».

Ноябрь — начало публикации «Комментариев к пройденному» БНа в журнале «Если».

1999

Январь — выход двухтомника «Миры братьев Стругацких. Энциклопедия», составитель — В. Борисов.

Апрель — окончание публикации «Комментариев к пройденному» БНа в журнале «Если».

21 июня — первая церемония вручения «АБС-премии».

Алексей Герман возобновил работу над фильмом по повести «ТББ».

2000

Весна — выход третьего тома проекта «Миры братьев Стругацких. Время учеников».

Осень — выход первого тома 11-томного собрания сочинений АБС с «Комментариями к пройденному», «Сталкер» (Донецк), «Terra Fantastica» (СПб).

2001

25 января — вручение БНу премии «Своя колея» им. В. Высоцкого.

В течение года — издание 11-томного собрания сочинений АБС с «Комментариями к пройденному», «Сталкер» (Донецк), «Terra Fantastica» (СПб).

2002

Январь — присуждение БНу премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства 2001 года.

Май — выход первого номера журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век». Презентация на «Интерпрессконе».

3 октября — закончен роман «Бессильные мира сего» («БМС»).

2003

Февраль — первая публикация романа С. Витицкого «БМС» в журнале «Полдень, XXI век».

Апрель — выход в свет книги Б. Вишневского «Двойная звезда», посвящённой АБС.

Апрель — выход первого книжного издания романа «ВМС» — «Амфора», СПб.

15 апреля — 70-летний юбилей Бориса Стругацкого.

Октябрь — выход отдельным изданием книги Бориса Стругацкого «Комментарии к пройденному».

2004

Май — присуждение роману С. Витицкого «ВМС» премии «Интерпресскон» и премии «Русская фантастика».

Август — присуждение роману С. Витицкого «ВМС» премии «Филигрань».

2006

Апрель — Киев, АБС вручён специальный приз «Еврокона-2006» — «Гранд-мастер фантастики».

Лето — Алексей Герман завершил съёмки фильма по повести «ТББ».

19 октября — премьера фильма К. Лопушанского «Гадкие лебеди».

2007

Май — выпуск журнала (альманаха) «Полдень, XXI век» в новом формате, презентация на «Интерпрессконе».

Краткая библиография

Художественные произведения А. и Б. Стругацких

с указанием первых публикаций на русском языке и первых книжных изданий произведений крупной и средней формы, а также отдельных наиболее значимых переизданий

1. **Страна багровых туч**: повесть. М.: Детгиз, 1959. - 296 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантаст.). - 90 000 экз.

2. **Извне**: Повесть в трех рассказах, в сб. Шесть спичек: рассказы. — М.: Детгиз, 1960. - 208 с.: ил. — 200 000 экз.

3. **Путь на Амальтею**: повесть, в авт. сб. «Путь на Амальтею», повесть и рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1960. - 144 с.: ил. — (Фантастика. Приключения. Путешествия). - 315 000 экз.

4. **Полдень, XXII век**: Главы из повести «Возвращение», Урал (Свердловск). - 1961, № 6.

5. **Возвращение** (Полдень, XXII век): повесть. — М.: Детгиз, 1962. - 256 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантаст.). - 115 000 экз.

6. **Стажёры**: повесть. — М.: Молодая гвардия, 1962. - 256 с.: ил. — 115 000 экз.

7. **Попытка к бегству**: повесть, в сб. Фантастика, 1962 год. — М.: Молодая гвардия, 1962. - 115 000 экз.

8. **Далёкая Радуга**: повесть, в сб. Новая сигнальная, — М., Знание, 1963.

9. **Трудно быть богом**: повесть, в авт. сб. «Далёкая Радуга»: повести. — М.: Молодая гвардия, 1964. - 336 с.: ил. — (Фантастика. Приключения. Путешествия). - 100 000 экз.

10. **Понедельник начинается в субботу**: Сказка для науч. работников младшего возраста. — М.: Детская литература, 1965. - 224 с.: ил. — 100 000 экз.

11. **Хищные вещи века**: повесть, в авт. сб. «Хищные вещи века»: повести. — М.: Молодая гвардия, 1965. - 320 с.: ил. — (Фантастика. Приключения. Путешествия). - 100 000 экз.

12. **Трудно быть богом. Понедельник начинается в субботу**: повести. — М.: Молодая гвардия, 1966. - 432 с. — (Б-ка соврем, фантаст, в 25 т.т.) — Т. 7. - 215 000 экз.

13. **Улитка на склоне**: главы из повести («Лес»), в сб. «Эллинский секрет», — Л.: Лениздат, 1966. - (В мире фантастики и приключений).

14. **Полдень, XXII век**: (Возвращение): дополн. и перераб.

изд. — М.: Детская литература, 1967. - 320 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантаст.). - 75 000 экз.

15. **Второе нашествие марсиан**: Записки здравомыслящего: повесть, Байкал (Улан-Удэ). - 1967, № 1.

16. **Стажёры. Второе нашествие марсиан**: повести. — М.: Молодая гвардия, 1968. - 400с.: ил. — (Б-ка советской фантаст.). - 100 000 экз.

17. **Улитка на склоне**: главы из повести («Управление»), Байкал (Улан-Удэ). - 1968, № 1, 2.

18. **Сказка о Тройке**: повесть. — Ангара (Иркутск). - 1968, № 4, 5.

19. **Обитаемый остров**: повесть с сокр. — Нева (Л.). - 1969, № 3–5.

20. **Отель «У погибшего альпиниста»**: повесть. — Юность (М.). - 1970, № 9-11.

21. **Сказка о Тройке**. — Грани (Франкфурт-на-Майне). - 1970, № 78.

22. **Обитаемый остров**: повесть. — М.: Детская литература, 1971. - 320 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантаст.). - 100 000 экз.

23. **Малыш**: повесть. — Аврора (Л.), — 1971, № 8 — 11.

24. **Пикник на обочине**: повесть, Аврора (Л.), — 1972, № 7 — 10.

25. **Гадкие лебеди**. - Frankfurt am Main: Possev, 1972. - 267 с.

26. **Экспедиция в преисподнюю**: Современная сказка, под псевд. С. Ярославцев — Памир (Душанбе), — 1974, № 7 — 12.

27. **Парень из преисподней**: повесть. — Аврора. — 1974, № 11,12.

28. **Полдень, XXII век. Малыш**: повести. — Л.: Детская литература, — 1975. - 448 с.: ил. — 100 000 экз.

29. **За миллиард лет до конца света**: Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах: повесть. — «Знание — сила» (М.). - 1976, № 9-12; 1977, № 1.

30. **Парень из преисподней**: повесть, в авт. сб. Понедельник начинается в субботу. — М.: Детская литература, 1979. - 320 с.: ил. — 75 000 экз.

31. **Жук в муравейнике**: повесть. — «Знание — сила» (М.). - 1979, № 9-12; 1980, № 1–6.

32. **Жук в муравейнике**: повесть. — Фиджи: Ностальгия, 1980. - 165 с.

33. **Повесть о дружбе и недружбе**: Сказка, в сб. «Мир приключений». — М.: Детская литература, 1980.

34. **Пикник на обочине**: повесть, в авт. сб. «Неназначенные встречи»: повести (Извне. Пикник на обочине. Малыш). — М.:

Молодая гвардия, 1980. - 352 с.: ил. — (Б-ка сов. фантастики). - 100 000 экз.

35. **Жук в муравейнике**: повесть, в сб. «Белый камень Эрдени». — Л.: Лениздат, 1982.

36. **Отель «У погибшего альпиниста»**. — М.: Знание, 1982. - 256 с.: ил. — 100 000 экз.

37. **Подробности жизни Никиты Воронцова**: Рассказ, под псевд. С. Ярославцев. — Знание — сила. — 1984, № 6–7.

38. **За миллиард лет до конца света**: повесть, в авт. сб. «За миллиард лет до конца света»: повести. — М.: Совесткий писатель, 1984. - 416 с.: ил.-100 000 экз.

39. **Волны гасят ветер**: повесть. — Знание — сила (М.). - 1985, № 6-12; 1986, № 1–3.

40. **Пять ложек эликсира**: киносценарий, журн. вариант. — Изобретатель и рационализатор (М.). - 1985, № 7, 8.

41. **Хромая судьба**: повесть. — Нева (Л.). - 1986, № 8–9.

42. Время дождя (Гадкие лебеди): повесть. — Даугава (Рига). - 1987, № 1–7.

43. **Волны гасят ветер**: повесть, в сб. «НФ»: М., Знание, 1988. Вып. 32. - 100 000 экз. (тв. Переплет) + 400 000 экз. (обложка).

44. **Пять ложек эликсира**: повесть, в сб. «Современная фантастика». — М.: Книжная палата, 1988. - 200 000 экз.

45. **Отягощённые Злом, или Сорок лет спустя**: роман. — Юность (М.). - 1988, № 6–7.

46. **Град обреченный**: роман. — Нева (Л.). - 1988, № 9 — 10.

47. **Экспедиция в преисподнюю**: Современная сказка, под псевд. С. Ярославцев. — М.: Московский рабочий, 1988. - 255 с.: ил. — 100 000 экз.

48. **Град обреченный**: роман. — Л.: Художественная литература, 1989.-384 с. — 250 000 экз.

49. **Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах**: Комедия в двух действиях, Нева (Л.). - 1990, № 9.

50. **Дьявол среди людей**: повесть, под псевд. С. Ярославцев, в авт. сб. «Дьявол среди людей». — М.: Текст, 1993. - 282 с. — (Альфа-фантастика). - 100 000 экз.

51. **Поиск предназначения**, или Двадцать седьмая теорема этики: роман, под псевд. С. Витицкий. — Звезда (СПБ). - 1994, № 10,1995, № 3.

52. **Бессильные мира сего**: роман. — Полдень, XXI век (СПб.). - 2003, № 1.

53. **Бессильные мира сего**: роман. — СПб.: Амфора, 2003. - 351 с. — (Б-ка журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век»). - 8000 экз.

Переводы А. Стругацкого с японского

1. Кумуока И. Солидарность: стихи; Морита К. Горняки: стихи. — Журнал «Молодая гвардия». 1957, № 4.

2. Ватанабэ Д. Ненависть: стихи. — Журнал «Литературная Грузия», 1957, № 5.

3. Миямото Юрико. Блаженный Мияда: повесть. — В книге: Миямото Ю. Повести. — М.: Гослитиздат, 1958.

4. Ёсиэ Хотта. Шестерни: повесть. — Ташкент, Гослитиздат, 1958.

5. Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот, повесть. — Совм. с Л. Коршиковым (А. Стругацкий переводил главы 7 — 11). — М.: Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ), 1960.

6. Нома Хироси. Зона пустоты: роман, пер. совм. с А. Рябкиным. — М.: ГИХЛ, 1960.

7. Уэда Акинари. Луна в тумане: новеллы, пер. совм. с З. Рахимом. — М.: ГИХЛ, 1961.

8. Акутагава Рюноскэ. В стране водяных: повесть. — М.: ГИХЛ, 1962.

9. Абэ Кобо. Тоталоскоп: рассказ. — В книге: «НФ», альманах научной фантастики, выпуск 1. — М.: Знание, 1964.

10. Сантъютэй Энтё. Пионовый фонарь: повесть. — М.: ГИХЛ, 1964.

11. Абэ Кобо. Четвёртый ледниковый период: повесть. — В книге: Библиотека современной фантастики, том 2. М.: Молодая гвардия, 1965.

12. Абэ Кобо. Совсем как человек: повесть. — Журнал «Звезда Востока», 1968, № 11.

13. Акутагава Рюноскэ. Нос. Бататовая каша: новеллы. — В книге: Акутагава Р. Избранное. Том 1. М., Художественная литература, 1971.

14. Миёси Тору. Девушка для танцев: рассказ. — Журнал, «Азия и Африка сегодня», 1973, № 11.

15. Сайкаку Ихара. И барабан цел, и ответчик не в ответе. В женских покоях плотничать женщине. Подсчитали, прослезились бы, да некому: новеллы. — В книге: «Классическая проза Дальнего Востока». — М., Художественная литература 1975.

6. Сказание о Ёсицунэ: роман. — М, Художественная литература, 1984.

Переводы А. Стругацкого с английского

(* помечены переводы, выполненные А. и Б. Стругацкими совместно)

*1. Моррисон Уильям. Мешок: рассказ. — Журнал «Знание — сила» 1959, № 2.

2. Азимов Айзек. Как им было весело: рассказ. — В сборнике: Современная зарубежная фантастика. М.: Молодая гвардия, 1964.

3. Уиндэм Джон. День триффидов: роман. — В книге: Библиотека современной фантастики, том 8, М.: Молодая гвардия, 1966.

4. Эмис Кингсли. Хемингуэй в космосе: рассказ. — В книге: Библиотека современной фантастики, том 10, М.: Молодая гвардия, 1967.

*5. Нортон Эндрю. Саргассы в Космосе: повесть, М.: Мир, 1969 (Серия «Зарубежная фантастика»).

*6. Клемент Хол. Огненный цикл: повесть. — В сборнике фантастических произведений «Огненный цикл», М.: Мир, 1970 (Серия «Зарубежная фантастика»).

*7. Клемент Хол. Экспедиция «Тяготение»: повесть. — В сборнике: Клемент Х. Экспедиция «Тяготение», М., 1972 (Серия «Зарубежная фантастика»).

8. Джекобс Уильям. Старые капитаны: новеллы. — В сборнике: «Мир приключений», М.: «Детская литература», 1973.

9. Браун Фредерик. Этаоин Шрдлу: рассказ. — В сборнике: Браун Ф., Тенн У. «Звёздная карусель», М.: Мир, 1974 (Серия «Зарубежная фантастика»).

10. Биксби Джером. Мы живем *хорошо:* рассказ. — В сборнике «Те, кто уходят из Омеласа»: НФ-рассказы американских писателей (Серия — Библиотека журнала «Иностранная литература»). — М.: Известия, 1990.

Основные издания, использованные автором в работе над книгой

1. Стругацкий А, Стругацкий Б. Собрание сочинений в 11-ти тт. и дополнительный т. 12. — Донецк: Сталкер, СПб.: Terra Fantastica, М.: АСТ, 2000–2003.

2. Неизвестные Стругацкие. Черновики, рукописи, варианты. В 4-х тт., сост. С. Бондаренко. — Донецк: Сталкер, М.: АСТ, 2005–2007.

3. Неизвестные Стругацкие. Т. 5. Рабочие дневники, письма: 1942–1962 (в рукописи).

4. Б. Стругацкий «Комментарии к пройденному», по тексту Собрания сочинений в 12-ти тт. (см. п. 1).

5. Войцех Кайтох. Братья Стругацкие, очерк творчества. —

Краков: Университет, 1993, перевод с польского В. Борисова, по тексту т. 12 Собрания сочинений (см. п. 1).

6. Марк Амусин. Братья Стругацкие, очерк творчества. — Иерусалим, Beseder Ltd, 1996.

7. Борис Вишневский. Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная звезда. — СПб.: Terra Fantastica, 2003.

8. Всеволод Ревич. Перекрёсток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. — М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

9. А.Ф. Бритиков. Русский советский научно-фантастический роман. — Д.: Наука (Лен. отделение), 1970.

10. Г.И. Гуревич. Карта страны фантазий. — М.: Искусство, 1967.

11. Интервью с Б. Стругацким и другие материалы официального сайта А. и Б. Стругацких http://www.rusf.ru/abs/

Фильмография *(практически полная)*

1. СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА ГАЮРОВЫХ

«Таджикфильм» по заказу Гостелерадио, 1975 г., 2 серии.

Авторы оригинального сценария — Аркадий Стругацкий, Фатех Ниязи.

Режиссёр — Валерий Ахадов.

Оператор — Довлат Худойназаров.

Композитор — Фируз Бахор.

В ролях: Назаршо Гульмамадов, Ато Мухамеджанов, Хушназар Майбалиев, Светлана Тома, Михаил Кузнецов, Людмила Терзиева, Парвиз Назаров, Евгения Аргуновская.

2. ОТЕЛЬ У «ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА»

По одноимённой книге.

«Таллинфильм», 1979, 84 минуты.

Режиссер — Григорий Кроманов.

Авторы сценария — Аркадий и Борис Стругацкие.

Оператор — Юри Силларт.

Композитор — Свен Грюнберг.

В ролях: Улдис Пуцитис, Юри Ярвет, Карл Себрис, Ирена Кряузайте, Лембит Петерсон, Микк Микивер, Сулев Луйк, Нийоле Ожелите, Карин Райд, Тийт Хярм.

3. СТАЛКЕР

По книге «Пикник на обочине».

«Мосфильм», 1979, 2 серии, 163 минуты.

Режиссёр — Андрей Тарковский.

Авторы сценария — Аркадий и Борис Стругацкие.

Оператор — Александр Княжинский.

Художник — Андрей Тарковский.

Композитор — Эдуард Артемьев.

В ролях: Александр Кайдановский, Алиса Фрейндлих, Анатолий Солоницын, Николай Гринько, Наташа Абрамова, Ф. Юрна, Е. Костин, Р. Рэнди.

4. КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ (Часть первая)

Мультфильм, Творческое объединение «Экран» Гостелерадио, 1981,

16 минут.

Режиссёр — Алексей Соловьёв.

Авторы сценария — Аркадий Стругацкий, Мариан Ткачёв.

Художник — Ирина Воробьёва.

Композитор — Александр Журбин.

5. ЧАРОДЕИ

По книге «Понедельник начинается в субботу». Музыкальная комедия.

Одесская киностудия по заказу Гостелерадио, 1982, 2 серии, 147 минут

Режиссер — Константин Бромберг.

Авторы сценария — Аркадий и Борис Стругацкие.

Оператор — Константин Апрятин.

Композитор — Евгений Крылатов.

В ролях: Александра Яковлева, Александр Абдулов, Валентин Гафт, Екатерина Васильева, Валерий Золотухин, Эммануил Виторган, Михаил Светин, Роман Филиппов, Семён Фарада, Аня Анисимова, И. Бельгер, Леонид Харитонов, Николай Парфёнов, Елизавета Никищихина.

6. ПИСЬМА МЁРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

«Ленфильм», 1986, 88 минут.

Режиссёр — Константин Лопушанский.

Авторы сценария — Константин Лопушанский, Вячеслав Рыбаков, при участии Бориса Стругацкого.

Оператор — Николай Покопцев.

Композитор — Александр Журбин.

В ролях: Ролан Быков, Иосиф Рыклин, Виктор Михайлов, Александр Сабинин, Нора Грякалова, Вера Майорова, Вацлав Дворжецкий, Светлана Смирнова, Николай Алканов.

7. МАЛЫШ

По одноимённой книге.

Фильм-спектакль в постановке Государственного академического центрального детского театра, 1987 г., 2 серии. (Премьера в театре — 1984 г.)

Режиссер — Алексей Бородин.

Центральное телевидение, главная редакция программ для детей.

8. ДНИ ЗАТМЕНИЯ

По книге «За миллиард лет до конца света».

«Ленфильм», «Троицкий мост», 1988; 133 минуты.

Режиссер — Александр Сокуров.

Авторы сценария — Юрий Арабов при участии Аркадия и Бориса Стругацких, Петра Кадочникова.

Оператор — Сергей Юриздицкий.

Композитор — Юрий Ханин.

В ролях: Алексей Ананишнов, Эскендер Умаров, Ирина Соколова, Владимир Заманский, Кирилл Дудкин, Алексей Янковский.

9. ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ

По одноимённой книге.

Студия Довженко (Киев), «Совинфильм», «Hallelujah Film» (ФРГ), 1989; 135 минут.

Режиссер — Петер Фляйшман.

Авторы сценария — Жан Клод Карьер, Петер Фляйшман, Аркадий и Борис Стругацкие.

Оператор — Павел Лебешев.

Композитор — Юрген Фриц.

В ролях: Эдвард Зентара, Анн Готье, Хуго Кестер, Александр Филлипенко, Кристин Кауфман, Эль Гудша Бурдули, Бриджит Долл, Андрей Болтнев, Пьер Клементи, Вернер Херцог.

10. ИСКУШЕНИЕ Б.

По книге «Пять ложек эликсира».

Киностудия «Латерна Магика» (Москва), 1990, 84 минуты.

Режиссер — Аркадий Сиренко.

Авторы сценария — Аркадий и Борис Стругацкие.

Оператор — Евгений Гуслинский.

Композитор — Эдисон Денисов.

В ролях: Лембит Ульфсак, Олег Борисов, Наталья Гундарева, Владимир Зельдин, Станислав Садальский, Александр Пашутин, Анна Овсянникова, Анатолий Голик, Александр Котов, Валентин Брылеев.

11. NESMLUVEN SETKN

По книге «Малыш».

Cesk Televize (Чехия), 1994,100 минут.

Авторы сценария — Нелли Павласкова, Ирена Павласкова.

Режиссёр — Ирена Павласкова.

12. PRIN TO TELOS TOU KOSMOU

По книге «За миллиард лет до конца света».

Греция, 1996,

Автор сценария и режиссёр — Панайотис Марулис.

13. ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ

По одноимённой книге.

Кинокомпания «Praline-film» (СПб), студия COP (Франция),

2006, 105 минут.

Режиссёр — Константин Лопушанский.

Авторы сценария — Константин Лопушанский, Вячеслав Рыбаков.

Оператор — Владислав Гурчин.

Композитор — Андрей Сигле.

В ролях: Григорий Гладий, Лаура Питсхелаури, Алексей Кортнев, Леонид Мозговой, Сергей Барковский, Ольга Самошина, Александр Цибульский, Римма Саркисян, Дмитрий Исполатов, Константин Анисимов.

14. ЧТО СКАЗАЛ ТАБАЧНИК С ТАБАЧНОЙ УЛИЦЫ (название рабочее)

По книге «Трудно быть богом».

Съёмки закончены, выход на экраны ожидается в 2008 году.

Режиссёр — Алексей Герман.

Авторы сценария — Алексей Герман, Светлана Кармалита.

Операторы — Владимир Ильин, Юрий Клименко. В главных ролях: Леонид Ярмольник, Александр Ильин, Лаура Питсхелаури, Дмитрий Владимиров, Юрий Цурило, Петр Меркурьев, Олег Ботин, Евгений Герчаков, Александр Чутко.

15. ОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

По одноимённой книге. Съёмки продолжаются. Выход на экраны ожидается в 2009 году.

Режиссёр — Фёдор Бондарчук.

Авторы сценария — Марина и Сергей Дяченко.

Оператор — Максим Осадчий.

В ролях: Фёдор Бондарчук, Гоша Куценко, Анна Михалкова, Алексей Серебряков, Андрей Мерзликин, Сергей Гармаш, Сергей Барковский, Юлия Панкратова, Василий Степанов, Михаил Пореченков.

Содержание

Благодарности……

Предуведомление автора……..7

Пролог. Счастье для всех. Даром…….17

Глава первая. Предыстория…….21

Глава вторая. Все мы родом из детства……..38
Глава третья. Крутой поворот……56
Глава четвертая. Гарнизонное счастье……80
Глава пятая. Дорога на океан……110
Глава шестая. Счастливый мальчик……144
Глава седьмая. Страна багровых знамён……163
Глава восьмая. Первые люди на первом плоту……189
Глава девятая. Последние иллюзии……..209
Глава десятая. Июньский дождь……241
Глава одиннадцатая. Трудно быть человеком……..270
Глава двенадцатая. Улитка на мокрой гальке……..291
Глава тринадцатая. Конец эпохи……..324
Глава четырнадцатая. «Лечь бы на дно, как подводная лодка…»… 355
Глава пятнадцатая. Гомеопатическое мироздание……369
Глава шестнадцатая. История одного одержания……399
Глава семнадцатая. Отель «У погибшего сценариста»……444
Глава восемнадцатая. «Сталкер»……472
Глава девятнадцатая. Пикники на обочинах……..505
Глава двадцатая. Судьба с твёрдой походкой……..534
Глава двадцать первая. Отягощённые славой……..571
Глава двадцать вторая. Много всего и тоска……613
Глава двадцать третья. Двуручной пилой в одиночку……..646

Заключение. Феномен братьев Стругацких……667
Хронология жизни и творчества Аркадия и Бориса Стругацких…. 671
Краткая библиография…….692
Фильмография *(практически полная)* ……..698

Исключительные права на публикацию книги

на русском языке принадлежат издательству АСТ.

Любое использование материала данной книги,

полностью или частично, без разрешения

правообладателя запрещается.

Самые знаменитые в литературе братья-соавторы — Аркадий и Борис Стругацкие — не просто фантасты, не просто писатели, даже не просто кумиры миллионов. Кем они были для нас и останутся навсегда? Частью жизни. Стругацкие — это наше представление о будущем, о мире, о человеке, о том, что правильно и что неправильно, о смысле бытия и бессмысленности смерти. Они — наш камертон, наш путеводитель, наше оружие и наш факел в мрачном лабиринте истории — прошлой и будущей. Стругацкие — это наши вывернутые наизнанку души. И наша совесть.

Старший, Аркадий Натанович, ушел от нас в 1991 году, младшему исполнилось ныне 75 лет, и он продолжает работать.

Первую большую и подробную биографическую книгу о братьях Стругацких написал известный фантаст и публицист Ант Скаландис.

ISBN 978-5-17-052684-0
9 785170 526840

notes

Примечания

1

Песенка эта, весёлая и добрая, кстати, называется «Федот» и рассказывает о жутко некрасивом мальчике, которого из жалости — кто ж такого возьмёт? — решили усыновить сразу двести человек.

2

Это единственное письмо, в котором АН сообщает точно свой рост — 182 см. Странно. Главным основанием для недоверия может служить запись в Кисловодском санаторно-курортной книжке февраля 1975 года: рост — 185 см. Вряд ли за вторые четверть века он подрос на три сантиметра, скорее — наоборот, как говорят в народе, стоптался. Но пусть даже 185. И то и то близко к истине, подтверждают примерно такую цифру и фотографии, сделанные в различных компаниях. Однако почти все родственники и друзья называют рост сантиметров на пять, а то и на десять выше. Видно, таково уж было особое свойство его внешности, его натуры — всегда и всем представлялся он выше, сильнее, шире, больше. Всегда и для всех его было много.

3

Мой брат *(искаж. лат.)*. Должно быть *mi frater* (звательный падеж).

4

Здесь и далее перевод с английского Владимира Дьяконова. Переводчик замечает, что язык, безусловно, грамотный, но уж очень литературный, даже архаичный местами.

5

Kipling J.R. Stalky and Co. Collection of British Authors, Leipzig, Bernard Tauschnitz, 1899. На титуле — экслибрис: «Профессор, доктор медицинских наук Б.Н. Серафимов», внизу — автограф АНа, просто роспись. Куплена БНом в магазине иностранной книги на Литейном, хранится в библиотеке внука АНа, сына Маши — Ивана.

6

Вообще-то в результате активной деятельности группы «Людены» и «примкнувшего к ним» Скаландиса многие считавшиеся утраченными тексты были найдены именно за последний год. Не стал исключением и рассказ «К вопросу о циклотации». Этот сюрприз ждет читателя практически одновременно с моей книгой, я даже знаю где, но не скажу.

7

Здесь БН вспоминает авторское предисловие Гашека к «Швейку», из которого так хотелось процитировать в свое время в ответ на замечания «МГ»: *«Несколько лет назад я читал рецензию на одну повесть. Критик выходил из себя по поводу того, что автор написал: „Он высморкался и вытер нос“. Это, мол, идёт вразрез со всем тем эстетическим и возвышенным, что должна давать народу литература. Это только один, притом не самый яркий пример того, какие ослы рождаются под луной…»*

8

Поправка, принятая конгрессом США к закону о торговле, появилась в декабре 1974 года как ответ на советский государственный антисемитизм, а точнее, на препятствование свободному выезду евреев за границу. Названа по именам её авторов — сенатора-демократа Генри Джексона (его концепция противостояния СССР позже легла в основу внешней политики президента Рейгана) и конгрессмена-демократа Чарльза Вэника (выходца из Чехии, тоже выдающегося антикоммуниста).

9

Здесь и далее я закавычиваю цитаты из дневника Андрея Тарковского, хотя формально не имею права делать это, так как цитаты приводятся в лучшем случае по книгам третьих авторов, а в худшем и вовсе — в обратном переводе с английского. К сожалению, текст оригинала по-прежнему не доступен для опубликования и неизвестно даже, сохранился ли он до сей поры в полном виде.

Tarkovsky A. Time Within Time. The Diaries 1970–1986. Faber and Faber, London-Boston, 1994. Copyrigt Verlag Ullstein GmbH, Frankfurt am Mein/Berlin, 1989.